

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Калмыцкий государственный университет»

В.И. Рассадин

**СОВРЕМЕННЫЙ ТОФАЛАРСКИЙ ЯЗЫК
И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ**

Элиста 2014

ББК Ш163
УДК 811.512.15
Р 244

Рассадин, В.И.

Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков [Текст]
/ В.И. Рассадина. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – 218 с. – Библиогр.: с. 201-212. –
ISBN 978-5-91458-132-6.

ISBN 978-5-91458-132-6

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»*

В книге дается описание звукового строя лексической системы, систем словообразования и словоизменения современного языка тофаларов, до сих пор ведущих традиционный образ жизни таежных охотников и оленеводов. Эти структурные единицы тофаларского языка сопоставляются с таковыми из языка тувинцев и хакасов, этническое родство с которыми прослеживается у тофаларов. Сравнение прежде всего с этими языками, а также с языками других тюркских групп, в том числе и с языком древних уйгуров и огузов, убедительно показало самостоятельный характер тофаларского языка, его независимое происхождение от древнетюркского языка. Это позволило уточнить классификацию сибирских тюркских языков.

Книга предназначена для тюркологов, изучающих сибирские тюркские языки, для специалистов, интересующихся сравнительно-историческим изучением тюркских языков, а также для всех тех, кто занимается языками малочисленных народов.

Рецензент:

доктор филологических наук,
профессор ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет» С.М. Трофимова

ISBN 978-5-91458-132-6

© ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», 2014
© В.И. Рассадина, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Тофалары, обитающие ныне на северо-восточных склонах Саянского хребта, в Нижнеудинском районе Иркутской области Российской Федерации, - один из немногих тюркоязычных народов, занимающихся помимо промысловой охоты также разведением домашних северных оленей. Их оленеводство выючно-верхового направления вместе с оленеводством тоже тюркоязычных тувинцев-тоджинцев исследователи выделяют в самостоятельный саянский тип¹. Из литературы известно, что оленеводство подобного типа знают и в других районах, прилегающих к Саянам: на территории Монголии – цаатаны² и дархаты³, в состав которых вошли многие тюркоязычные этнические группы, родственные саяно-алтайским тюркам; в Окинском районе Бурятии – сойоты, тюркоязычный народ, родственный тофаларам и цаатанам Монголии, относительно недавно возродивший свой почти забытый тюркский язык, относящийся к саянской подгруппе. По мнению специалистов, данный тип оленеводства в некоторых чертах совпадает с оленеводством, представленным у самодийских народов⁴, и оба типа имеют реальные исторические связи⁵.

Уже только одна эта специфичность традиционного хозяйства тофаларов, весьма редкая для тюркоязычных народов, делает чрезвычайно интересным с общетюркской точки зрения исследование их языка, поскольку, согласно одной из основных функций языка – отражать окружающую человека реальную действительность, и в языке тофаларов следует ожидать проявления этой специфичности.

Как известно, Алтай и Саяны – территория, на которой с древнейших времен соприкасались тюркские, самодийские, кетские, тунгусо-маньчжурские и монгольские племена и их культуры. Поэтому изучение народов, обитающих на Саяно-Алтайском нагорье и сохраняющих своеобразные реликтовые формы хозяйства, такие, как оленеводство и т.п., которые исчезают в настоящее время под натиском современной цивилизации, представляет большой научный интерес. Вопросы и проблемы глоттогенеза наряду с этногенезом указанных выше народов можно решить, лишь комплексно используя данные археологических, исторических, этнографических, лингвистических, фольклористических и антропологических исследований. К сожалению, не все народы Саяно-Алтайского нагорья изучены во всех этих аспектах в одинаковой мере. Но все же наименее изученными являются тофалары.

В недавнем прошлом тофалары вели кочевой образ жизни. Их кочевья занимали обширные таежные пространства по северо-восточному склону Восточных Саян, в верховья рек Уды, Бирюсы, Гутары, Ии и отчасти по верховьям левых притоков реки Оки.

До революции они заходили дальше на запад – в верховья рек Агула и Тагула⁶. Территория расселения тофаларов входила в состав Нижнеудинского уезда Иркутской губернии, и они официально тогда назывались карагасами. Поэтому во всей дореволюционной русской литературе и во всех зарубежных изданиях этот народ известен под названием карагасы. В советской специальной литературе, видимо по традиции, довольно долго продолжалось употребление этого термина. И только в последнее время получило распространение название тофалары.

Самоназвание тофаларов – *тофа* ~ *тыфа* ~ *тона* ~ *тына*, зафиксированное, кстати, еще в XIX веке⁷, восходит к древнему племенному названию *дубо//туба*, которое встречается в китайских летописях Вэйской (V в.) и Танской (VII-X вв.) династий⁸ и относится к одному из поколений уйгуров-теле, подчиненных тюркам-тугю (огузам)⁹. Последние изыскания историков свидетельст-

¹ См.: Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение. – СЭ. 1951, № 1, с. 76-77; Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии: I. Саянский очаг происхождения оленеводства. – СЭ. 1970, № 6; его же. Проблема происхождения оленеводства в Евразии: II. Роль саянского очага в распространении оленеводства в Евразии. – СЭ, 1971, № 5.

² См.: Бадамхатан С. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын тойм. Улаанбаатар, 1965, с. 113-114.

³ См.: Бадамхатан С. Хөвсгөлийн дархат ястан. Улаанбаатар, 1965, с. 7-9.

⁴ Василевич Г.М., Левин М.Г. Указ. соч., с. 77.

⁵ См.: Василевич Г.М., М.Г. Левин. Указ. соч., с. 78.

⁶ См.: Васильев В.Н. Краткий очерк быта карагасов. – В кн.: Этнографическое обозрение, кн. 84-85, № 1-2. М., 1910, с. 2.

⁷ См.: Штубендорф Ю.П. О карагассах. – В кн.: Вестник ИРГО, ч. 12, отд. 2, 1854, с. 229.

⁸ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М.-Л., 1950, с. 348.

⁹ См.: Вайнштейн С.И. Происхождение саянских оленеводов: Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов. – В кн.: Этногенез народов Севера. М. Наука, 1980, с. 83-84.

вуют о бесспорной древности расселения тюркоязычных предков тофаларов в Саянах. Например, исследователь этнографии и этногенеза саянских тюрков С.И. Вайнштейн пишет по этому поводу: «Итак, историко-этнографический анализ письменных источников позволяет сделать вывод, что тюркоязычные туба; этнически близкие уйгурам, проникнув на территорию Саян еще в I тысячелетии н.э., оказались в чуждой им, главным образом самодийской и кетоязычной, этнической среде и постепенно приспособлявали свой быт и хозяйство к новым условиям»¹.

Этноним *дуба* встречается в форме тубас (монгольская форма множественного числа от туба) и в «Сокровенном сказании монголов» 1240 г. в рассказе о покорении сыном Чингисхана Джучием лесных народов Саяно-Алтайского нагорья в 1207 г. применительно к одному из этих народов². Данный этноним специалистами по этногенезу саянских тюрков отождествляется с лесными урянкатами, упомянутыми Рашид-ад-Дином в «Сборнике летописей», С.И. Вайнштейн: в частности, об этом пишет следующее: «Очевидно, лесными урянкатами персидский историк назвал этот народ из-за их этнической связи со степными урянкатами, которые, судя по его описанию, были тюркоязычны и этнически близки уйгурам»³.

В связи с этим весьма показателен тот факт, что соседние нижнеудинские буряты называют тофаларов термином *урянкам*, а окинские буряты – терминами *урянкай*, *уйгар*, а также *уйгар хэлтэн* (букв. «уйгуроязычные») наряду с *зугдэ*. Теми же терминами, кроме *зугдэ*, они называют и тувинцев. Название *зугдэ* связано с тофаларским этнонимом *чогды*, а уйгар и урянхай свидетельствуют о тех далеких временах, когда продвинувшиеся в Прибайкалье в X в. монголоязычные предки бурят столкнулись на Саянах с уйгуроязычными племенами, вошедшими позднее в состав тувинцев и тофаларов.

Этноним туба дожил до наших дней в виде самоназвания тофаларов – *тофа*, тувинцев – *тыва*, группы северных алтайцев – *тубалары* или *туба-кижи*, а также рода *туба//тума* в составе племенного объединения качинцев (в составе хакасов).

В настоящее время тофалары представляют собой малочисленную тюркоязычную группу, считающуюся 620 чел. (по данным переписи 1970 г.). Они являются потомками населения, входившего в XVII в. в пять административных улусов «Удинской земли» Красноярского уезда: Карагасский (род Сарыг-Каш), Кангатский (род Каш), Югдинский (род Кара-Чогду), Сильпигурский (род Ак-Чогду или просто Чогду) и Манчжурский (род Чептей), возникший на месте распавшегося Кубалитского улуса⁵. Это деление сохранялось у тофаларов до недавнего времени, так как за каждым родом при кочевой жизни был закреплен строго определенный район кочевания и охотничьих угодий. С переходом тофаларов в советское время на оседлость и образованием колхозов необходимость в родовом делении отпала.

Род, как удалось нам установить, состоял из патронимий, называвшихся по-тофаларски *аал*. Каждый *аал* представлял собой группу родственников одной фамилии, обитавших на определенной территории. Сам род назывался словом *нён*, но тот же род вместе с территорией, на которой он кочевал, носил название *аймак*. Каждый *аал* входил в состав определенного *аймака*. Тофы старшего и среднего поколения до сих пор помнят свой род и свою патронимию. Нам удалось у них зафиксировать следующие роды: *хааш*, *сары-хааш*, *чогды*, *ак-чогды*, *кара-чогды* (= *кара-йогды*), *чептэй*. Был еще род *кара-хааш*, но он прекратил свое существование незадолго до революции.

По свидетельству стариков-тофов, роды *чогды*, *ак-чогды* и *кара-чогды* составляли единую группировку, называвшуюся *буруңуу ааллар* (букв. «передние, иначе говоря, восточные⁶ аалы»), кочевавшую в бассейне р. Уды; роды *хааш*, *сары-хааш* и *кара-хааш* входили в группировку, называвшуюся *соңуу ааллар* (букв. «задние, т.е. западные аалы»), имевшую территорию кочевания в бассейне рр. Гутары и Бирюсы. Между ними локализовались группа аалов, входивших в род *чептэй*, называвшаяся *оъртаа ааллар* (букв. «срединные аалы»). Это деление на группировки нашло в какой-то мере отражение и при переходе тофаларов на оседлость в начале 1930-х годов. Так, представители родов *хааш* и *сары-хааш* поселились в с. Верхняя Гутара на р. Гутара; представители родов *чогды*, *ак-чогды* и *кара-чогды* осели в с. Алыгджер в месте слияния рр. Уды и

¹ Вайнштейн С.И. Указ. соч., с. 86.

² См.: Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань Чао би ши: Монгольский обыденный сборник. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941, с. 175.

³ Вайнштейн С.И. Указ. соч., с. 85.

⁴ Данные термины записаны нами во время диалектологических экспедиций к указанным группам бурят.

⁵ См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 252, 254.

⁶ У тофаларов бытует восточная ориентировка по странам света.

Кара-Бурени; представители рода *четтэй* селились в пос. Нерха в месте слияния рр. Уды и Нерхи. В настоящее время население этих населенных пунктов смешанное.

Как можно видеть из родового состава, тофалары, как народность, сложились в основном из двух этнических разнородных массивов: из этнического компонента, связанного с этнонимом *һааһи*, и этнического компонента, имеющего в своей основе этнос *чогды*. Сравнение показывает, что тофаларский этнос *һааһи* имеет прямую параллель с большой этнической группой *хаас*¹ (порусски качинцы) в составе хакасов, имеющей самодийское происхождение², а этнос *чогды* наверняка связан с одной из основных родо-племенных группировок тувинцев – *чооду*³, широко расселенной в Северо-Восточной Туве, в том числе и в Тодже по соседству с тофаларами. Этноним *четтэй* не имеет прямых параллелей. Но, как свидетельствуют предания, записанные у стариков-тофов из рода *четтэй*, происходят они от бурят. Это косвенно подтверждается и названием их улуса манчжурский, бытовавшее еще в XVII в. и которое можно сопоставить с названием рода *маньжирак*⁴ в составе нижеудинских бурят.

В этой связи небезынтересно отметить, что М.И. Боргояков, используя словарные материалы, собранные в XVII в. Г.Ф. Миллером, включающие слова из языка кангатов (ср. упомянутый выше Кангатский улус у тофаларов, представлявший род *һааһи*), убедительно показал, что язык кангатов был очень близок к языку качинцев (хаас), будучи в целом говором качинского диалекта хакасского языка⁵. На основании языкового анализа он делает вывод, «что в этнический состав современных тофаларов вошла группа хакасских качинцев (хаас) и, оторвавшись от своих сородичей, она постепенно ассимилировалась в среде других родовых групп, которые назывались общим именем «карагас» (ныне «тофа»)»⁶.

Относительно древности этнонима *чогды* и его тюркоязычности имеется следующее утверждение одного из специалистов по этногенезу саянских тюрков С.И. Вайнштейна: «Можно полагать, что в состав тофаларов роды Кара-Йогду и Чогду вошли, уже будучи отюреченными. Они, без сомнения, родственны родам тоджинцев Чогду и Кара-Чогду. Вполне возможно, что племя Чогду вошло в конфедерацию туба (дубо) в конце I тысячелетия н.э. и уже в то время было носителем, наряду с племенным этнонимом, и общего имени конфедерации Туба по названию господствующего в нем племени. Тем самым оно занесло этот этноним в среду тех этнических групп, которые позднее сложились в тофаларскую народность. Вероятно, именно с родами Чогду и Кара-Йогду была связана тюркизация остальных нетюркских групп, вошедших в состав тофаларов. Таким образом, анализ родо-племенного состава саянских оленеводов указывает на их сложное происхождение, в котором приняли участие тюркские, монгольские, самодийские и кетские группы»⁷.

Из приведенных выше фактов и свидетельств вытекает, следовательно, что по своему происхождению тофалары тесно связаны как с тувинцами, так и с хакасами, включив в свой состав самодийские, кетские и иные мелкие группы.

Язык тофаларов долгое время оставался почти неизученным и малоизвестным широкому кругу тюркологов. Неясен был и сам его статус: то ли это диалект какого-то языка, то ли это самостоятельный язык. Этому способствовали в немалой мере и противоречивые сведения об этом языке, имевшиеся в специальной литературе. Так, ученый XVII в. Иоган Георги писал: «Каракассы принадлежат к небольшим остаткам красноярских народов самоедского племени. Статья может, что они во время воинственных беспокойств собрались из беглецов... Язык их самоедское наречие и при этом не столько испорченное, как у многих других остатков самоедского племени»⁸. Другой исследователь, П.С. Паллас⁹, в доказательство самоедоязычности карагасского рода

¹ См.: Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов. – Учен. зап. КнУ, вып. 7, Абакан, 1959, с. 80.

² См. Кызласов Л.Р. Указ. соч., с. 80-81; Боргояков М.И. Хакасские этнонимы тюркского и нетюркского происхождения. – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969, с. 10.

³ См.: Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М. Наука, 1969, с. 61-63.

⁴ См.: Санжеев Г.Д. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. – Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР, вып. 8. Л.: Изд-во АН СССР, 1930, с. 10.

⁵ См.: Боргояков М.И. О кангатах и их языке. – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976, с. 53.

⁶ То же, с. 54.

⁷ Вайнштейн С.И. Указ. соч., с. 82-83.

⁸ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Часть третья – о народах самоедских, манчжурских и восточных сибирских... СПб., 1799, с. 19.

⁹ См.: Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III, СПб., 1788, с. 524-526.

да приводит сравнительный лексический материал по языкам «самоедским, койбальским, моторским и карагасским». Например, он дает такие карагасские слова: *kalé* «рыба», *charga* «мех», *sira* «снег», *merge* «ветер», *obtida* «волосы», *dimi-da* «зубы», *chy* «дерево», *gido* «два», *nagur* «три», *sumbyla* «пять», *muktut* «шесть» (ср. соответственно современные тофаларские слова: *балық* «рыба», *кеши* «мех», «шкурка», *қар* «снег», *қат* «ветер», *чеши* «волосы», *диш* «зубы», *неи* «дерево», *иъһи* «два», *уи* «три», *беи* «пять», *аълты* «шесть»).

А.М. Кастрен же в XIX в. застал карагасов тюркоязычными¹. Видимо, это послужило основанием историкам для утверждения, что как раз на рубеже XVII-XIX вв. самоедоязычные карагасы, предки тофаларов, утратили свой язык и восприняли тюркский язык от тувинцев².

Кроме того, в материалах Н.Ф. Катанова по карагасскому языку, собранных им в 1890 г., т.е. почти через 50 лет после М.А. Кастрена, и опубликованных В.В. Радловым³, этот язык представлен им совсем иначе, чем у Кастрена. Н.Ф. Катанов «отувинил» карагасский (тофаларский) язык, о чем нам уже приходилось писать⁴. Возможно, под впечатлением этих материалов Н.Ф. Катанова и Н.А. Баскаков, относя тофаларский язык вместе с тувинским языком к уйгуро-тукойской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркских языков⁵, пишет о нем следующее: «По своим фонетическим, грамматическим и лексическим признакам тофаларский (или карагасский) язык наиболее близок к тувинскому языку и, по существу, может считаться одним из его диалектов»⁶.

До недавнего времени было невозможно окончательно решить вопрос о статусе тофаларского языка и о его месте в системе тюркских языков вследствие противоречивости и скудости имеющегося тофаларского лингвистического материала. Чтобы яснее были понятны стоявшие перед тюркологами трудности в отношении тофаларского языка, охарактеризуем вкратце в хронологическом порядке имевшиеся материалы. Так, если этнография тофаларов в какой-то мере получила освещение как в дореволюционной, так и советской специальной литературе, о чем мы уже писали⁷, то лингвистическое изучение тофаларов не может, к сожалению, похвастать обилием литературы. В дореволюционных работах только у четырех авторов мы можем найти сведения о их языке: у Ю.П. Штубендорфа⁸, Н. Кострова⁹, М.А. Кастрена¹⁰ и Н.Ф. Катанова¹¹. Имеется в виду именно тюркский язык тофов, близкий к современному. То, что Паллас в XVII в. находил Карагасский род самодийским по языку¹², объясняется, видимо, тем, что тофы представляли собой гетерогенное племя, среди которого растворились более мелкие соседние самодийские племена, одно из которых и описывал Паллас.

Хронологически, пожалуй, самый ранний языковой материал по тофаларам-тюркам мы находим в указанной работе Ю.П. Штубендорфа, записанный им самим у представителей рода акчогду. Записи М.А. Кастрена, произведенные примерно в те же годы, были опубликованы три года спустя. Ю.П. Штубендорф приводит в своей статье всего около 200 лексических единиц, включая тофаларские названия месяцев, мер, созвездий, родов. При записи тофаларских слов он использовал буквы русского алфавита.

Статья Н. Кострова, как и работа Ю.П. Штубендорфа, носит этнографический характер. В ней

¹ См.: М. Alexander Castrèn's Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises, hrsg. von Anton Schiefner. St.-Pb., 1857.

² См. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 227.

³ См.: Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч.9. Наречия урянхайцев (сойотов) абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Тексты. СПб., 1907, с. 614-657.

⁴ См.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 13-14.

⁵ См.: Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Издание второе. М.: Высшая школа, 1969, с. 317.

⁶ Баскаков Н.А. Указ. соч., с. 323.

⁷ См.: Рассадин В.И. История этнографического и лингвистического изучения тофаларов. – В кн.: Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, 1978, с. 189-208.

⁸ См.: Штубендорф Ю.П. О карагасах. – «Вестник императорского русского географического общества», 1854, ч. XII, кн. VI, сс. 229-246.

⁹ См.: Костров Н. Карагасы. – «Иллюстрированная газета», 1871, № 43, сс. 685-686, № 44, сс. 698-699.

¹⁰ См.: Castrèn M.A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre... St.-Pb., 1857.

¹¹ См.: Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. – В кн.: «Приложение к XXIII тому записок Импер. акад. наук», № 6. СПб., 1893, изданы В.В. Радловым; Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903; Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. Ч. IX – Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Тексты. СПб., 1907.

¹² См.: Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям российского государства. Т. III, СПб., 1788, с. 524-526.

много нового, не данного Штубендорфом, материала о культуре и быте тофаларов, приводится описание одежды шамана, процесса камлания. Впервые вводятся тофаларские слова, поясняющие некоторые реалии, в связи с чем из этой статьи можно почерпнуть некоторый лексический материал.

Однако впервые довольно подробное и правильное с позиций современной науки, хотя и схематичное, описание морфологической структуры тофаларского языка было дано великим ученым XIX в., труды которого до сего времени не утратили своего научного значения, известным исследователем народов Сибири, лингвистом и этнологом М. Александром Кастреном. Предприняв свое знаменитое путешествие по Сибири с целью изучения языка местных народов и племен, он посещает в 1848 г. и тофаларов. В его письмах и отчетах о путешествии 1845-1849 гг., изданных академиком А. Шифнером¹, содержится немало сведений и о карагасах, которых он нашел тюркоязычными. Привлекая большой сравнительный материал, добытый им самим во время этого путешествия, М.А. Кастрен проводит анализ родовых названий тофаларов, находя в нем самодийские элементы. На основе сопоставления и анализа языкового материала Кастрен пришел к выводу, что карагасы вместе с койбалами и сойотами имеют общее происхождение, а их языки якобы происходят от качинского. К сожалению, Кастрен в этих своих заметках не приводит самого этого сравнительного материала, и мы должны ему верить на слово. Кроме того, он все внимание уделяет этнологии и совсем почти не дает описания материальной культуры виденных им карагасов.

Весь языковой материал, собранный Кастреном у тофаларов, был уже после его кончины обобщен и издан академиком А. Шифнером. При этом, следуя гипотезе Кастрена, что языки карагасов и койбалов имеют одно происхождение, описание этих языков дано в одной книге². Основное внимание уделено койбальскому языку, описание фонетики и морфологии которого подробнее и иллюстративнее, чем у карагасского языка. Материалы по грамматике карагасского языка даны более сжато и схематично. Объясняется это, видимо, меньшим количеством собранного материала по карагасскому языку. Образцы текстов ограничены лишь койбальским языком. Правда в тюркско-немецком и немецко-тюркском словариках, приложенных к данной работе, находим свыше 1000 карагасских слов, приведенных вместе с койбальскими, качинскими и сойотскими, что позволяет сравнить читателю самому лексику этих языков.

Грамматика койбальского и карагасского языков дана по стереотипной схеме, применяемой в работах Кастрена, посвященных описанию других языков народов Сибири: енисейских остяков (кетов – В.Р.), тунгусов (эвенков – В.Р.) и бурят. После обширного введения издателя (в данном случае акад. А. Шифнера) дается фонетика, описание гласных и согласных звуков, идентификация их произношения с произношением звуков известных европейских языков, чередование звуков, ударение. При описании морфологии койбальского и карагасского языков Кастрен придерживается схемы, применяемой при описании грамматик европейских языков и дает само описание, главным образом системы склонения и спряжения, частей речи, принятых выделять в европейских языках. Кроме того, приводится довольно большой список постпозитивов и наречий обоих языков. Хотя данные по грамматике карагасского языка, приведенные Кастреном, и схематичны, тем не менее, мы имеем довольно стройное и последовательное исследование, дающее в общем-то некоторое представление о морфологической системе тофаларского языка. Остается только сожалеть, что в этой работе не нашли отражения вопросы словообразования. Труд Кастрена по праву явился первой крупной вехой в истории изучения тофаларского языка.

Другим крупным исследователем тофаларского языка был Н.Ф. Катанов, совершивший в 1890 г. поездку к тофаларам. Он первый и единственный из дореволюционных ученых, кто записал на тофаларском языке и издал с переводом образцы различных жанров устного творчества тофов. Катанов записал 67 песен (536 стихов), 26 устных рассказов, 9 преданий о племени, 9 загадок, 29 сказок. Все они опубликованы в упоминавшихся выше его трудах. Хотя Н.Ф. Катанов и собрал большой текстовый и словарный материал по тофаларскому языку, он не создал ни грамматики, ни словаря этого языка. Весь материал он использовал наравне с материалами по многим другим тюркским языкам при написании своей знаменитой грамматики тувинского языка³. К сожалению,

¹ M. Alexander Castrèn's Reiseberichten und Briefe aus den Jahren 1845 – 1849, hrsg. von Anton Schiefner, St.-Pb., 1856, s. 383, 388-392.

² Castrèn M.A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre... St.-Pb., 1857.

³ См.: Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

нию, тофаларский материал приводится не для всех тувинских форм, а те примеры, которые даны, иллюстрируют лишь тувинские формы. Разумеется, что многие специфичные тофаларские формы, не имеющие параллелей в тувинском языке, здесь не учтены, поэтому приведенный в его работе тофаларский материал не может составить цельной и более или менее полной системы, отражающей грамматику тофаларского языка. Отдельные весьма интересные наблюдения и замечания о тофаларском языке, произношении некоторых звуков и употреблении и значении отдельных грамматических форм, а также выборка русских заимствованных слов находятся и в письмах к академику В.В. Радлову, отправленных Н.Ф. Катановым во время его путешествия в Сибирь и Восточный Туркестан¹.

Однако основным бесценным вкладом Н.Ф. Катанова в тюркологию являются его фольклорные тексты сибирских народов, в том числе и тофаларов. Почти все тофаларские тексты стали теперь уникальными. К сожалению, Н.Ф. Катанов несколько искажил звуковой состав тофаларского языка, о чем нами выше уже говорилось, дав совершенно иное произношение по сравнению со Штубендорфом, Кастреном и даже Костровым. Произношение, зафиксированное последними, намного ближе к действительности², хотя ни они, ни Катанов не уловили и не отметили фарингализации гласных – движущего механизма модификации согласных при изменении их фонетической позиции. Свои записи Н.Ф. Катанов производил в 1890 г. Нами же опрашивались тофы, которые родились еще до приезда к ним Катанова. Например, А.А. Саганов в с. Верхняя Гутара (1879 г. рожд.) и Е.М. Кангараева в с. Алыгджер (1870 г. рожд.). Тексты, приведенные у Катанова, эти тофы произносят иначе. Их произношение ближе к Кастрену. Материалы Н.Ф. Катанова в силу этих причин невозможно использовать для сравнительно-исторических фонетических исследований.

Следующими хронологически являются записи 1930-х годов, произведенные Н.П. Дыренковой в Институте народов Севера в Ленинграде, где она вела занятия с группой учащихся-тофов. Результаты ее работы с тофаларским языком получили отражение в статье, которая была по ряду причин опубликована лишь в 1963 г.³ В этой статье помимо общих сведений о тофах подробно освещена фонетическая сторона языка. Звуки даны в их оттенках. Но, к сожалению, и у нее осталась незамеченной фарингализация гласных, столь существенно влияющая на поведение последующих консонантов в потоке речи. Поэтому Н.П. Дыренкова вынуждена зачастую просто констатировать явление, не объясняя причин, почему в одних случаях оно наблюдается, а в других нет.

Н.П. Дыренкова дала также сжатый очерк морфологии тофаларского языка с незначительными элементами словообразования, причем охвачены почти все части речи. Эти материалы в какой-то мере дополняют грамматическую схему М.А. Кастрена, хотя и они из-за небольшого объема статьи (всего 8 страниц на морфологическую часть из 18 страниц всего объема) не могут, разумеется, дать полного представления о грамматическом строе тофаларского языка.

В ее статье произведен, кроме того, краткий общий анализ словарного состава и приложены два текста в фонетической записи с подстрочным переводом. Ее записи во многом совпадают с записями Кастрена и более реально представляют звучание тофаларской речи, нежели это дано у Н.Ф. Катанова. Проиллюстрируем этот вывод для наглядности рядом примеров:

Кастрен	Катанов	Дыренкова	Совр. тоф.	Значение
<i>ihī</i>	<i>īñi</i>	<i>ihī</i>	<i>и̣ñhi</i>	«два»
<i>üiś</i>	<i>ūui</i>	<i>üš</i>	<i>үш</i>	«три»
<i>beiś</i>	<i>nāui</i>	<i>bēš</i>	<i>беи</i>	«пять»
<i>sehes</i>	<i>cāgic</i>	<i>sehes</i>	<i>се̣̣hes</i>	«восемь»
<i>ham</i>	<i>кам</i>	<i>ham</i>	<i>хам</i>	«шаман»
<i>bahim</i>	<i>нажым</i>	<i>bahim</i>	<i>ба̣̣him</i>	«моя голова»
<i>kiśi</i>	<i>kījī</i>	<i>kiši</i>	<i>ки̣̣ши</i>	«человек»
<i>kōfei</i>	<i>kōvāi</i>	<i>kōbei</i>	<i>кө̣̣фей</i>	«много»

¹ См.: Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. – В кн.: Приложение к XXIII тому записок Импер. акад. наук, № 8, СПб., 1893. Изданы акад. В.В. Радловым.

² Подробнее об этом см.: Рассадин В.И. История этнографического и лингвистического изучения тофаларов.... с. 200-202.

³ См.: Дыренкова Н.П. Тофаларский язык. – В кн.: Тюркологические исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963, сс. 5-23.

Исследование тофаларского языка, охватывающее вопросы фонетики, морфологии и лексики, выполненное Карлом Менгесом¹, основано на материалах Кастрена и Катанова. При этом К. Менгес принимает тувинский и тофаларский языки за один язык туба и рассматривает их вместе.

Кроме того, в 1950-е годы тофаларами и их языком занималась преподаватель кафедры турецкой филологии Ленинградского университета имени А.А. Жданова А.И. Маркон, материалы которой, представляющие фольклорные записи и небольшие наброски грамматики тофаларского языка, не опубликованы и хранятся в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР².

Исследование фонетики тофаларского языка экспериментальными методами, как традиционными (кимографирование, палатографирование и др.), так и современными (с применением спектрографа, пневмоосциллографа, кинорентгена и др.), проводилось в 1960-е годы заведующим лабораторией экспериментальной фонетики ИИИФ СО АН СССР В.М. Наделяевым. К сожалению, результаты этих записей и исследований были опубликованы им лишь в кратких тезисах³ и не иллюстрированы материалом.

Вот собственно и все, содержащее сведения о тофаларском языке, что где-либо и когда-либо было опубликовано в научной литературе до наших исследований. Как видно из этого обзора, фактически только два лингвиста – М.А. Кастрен и Н.П. Дыренкова, дали описание тофаларской грамматики, да и то очень краткое и схематичное. Отсутствие письменности на тофаларском языке и относительная труднодоступность территории расселения тофов сдерживали до недавнего времени запись и изучение этого своеобразного языка. Отсутствие же словаря и полного монографического описания строя современного тофаларского языка, включая словообразования частей речи, не позволяло широко привлекать тофаларский материал для сравнительно-исторических и обобщающе-теоретических исследований по тюркологии.

С 1964 г. тофаларским языком начал заниматься автор данной работы. Первые экспедиционные записи тофаларского языка были произведены нами в 1965 г. в селах Алыгджер и Нерха, а в 1968 г. и в селе Верхняя Гутара. Записи полевого материала производились в местах расселения тофов практически ежегодно, начиная с 1964 по 1979 гг. включительно. Полученный материал, зафиксированный сплошь точной фонетической транскрипцией по системе акад. Л.В. Щербы, позволил установить истинный фонетический строй тофаларского языка, определить фактический состав его лексики, выявить системы слово- и формообразования и словоизменения, выделив все части речи. Удалось также установить локальные особенности говоров, которых в современном тофаларском языке оказалось два: алыгджерский и гутаринский, отличающиеся между собой в основном некоторыми расхождениями в фонетике и лексике.

Проведенные по ходу изучения тофаларского языка сравнительно-сопоставительные исследования с привлечением данных по другим тюркским языкам, как древним, так и современным, позволило установить в строе тофаларского языка общетюркский и регионалотюркский пласты, выделить архаичные элементы и черты специфически тофаларские, присущие только этому языку. Привлечение материалов по русскому и монгольским языкам, а также по некоторым другим языкам народов Сибири, соседствовавших в прошлом с тофаларами, помогло выявить в тофаларском языке черты субстрата и элементы, заимствованные позднее из монгольских и русского языков. Все это в конечном итоге позволило определить, какое место занимает тофаларский язык среди тюркских языков и несколько уточнить имеющуюся классификацию сибирских тюркских языков. Кроме того, нами разработана практическая транскрипция тофаларского языка, базирующаяся на русской графике и учитывающая алфавиты других тюркских народов СССР, на основе которой впоследствии в 1989 г. была создана и утверждена Иркутским обисполкомом письменность тофаларского языка, созданы тофаларский букварь и книги для чтения для первого и второго годов обучения, начато изучение тофаларского языка в школах Тофаларии.

Практическое выражение все это получило в следующих работах: кандидатской диссертации «Лексика современного тофаларского языка» (Новосибирск, 1966), монографиях «Фонетика и лексика тофаларского языка» (Улан-Удэ, Бурятское книжное изд-во, 1971), «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении» (М.: Наука, 1978), статьях «О тофаларской лексике»

¹ См.: Menges Karl H. Das Sojonische und Karagassische. – In: *Philologicae Turcicae Fundamenta*. T. I. Wiesbaden, 1956, s. 640-670; его же. Die türkischen Sprachen Süd-Sibiriens, III: Tuba (Sojon und Karagas). Zur Charakteristik einer einzelnen Sibirisch-türkischen Gruppe. – In: *Central Asiatic Journal*, 1959, vol. IV, 2, s. 90-129; vol.

² Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, фонд 140.

³ См.: Наделяев В.М. Особенности звуковой системы языка тофов. – В кн.: *Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии»*. Вып. I. Новосибирск, 1969, с. 235-236.

(В кн.: Исследования по языку и фольклору. Вып. I. Новосибирск, 1965), «Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке» (в кн.: Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ, 1968), «О развитии тофаларско-русского двуязычия» (В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972), «Некоторые особенности морфологии тофаларского языка» (В кн.: Туркология. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1976), «Антропонимы у тофаларов» (В кн.: Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976), «История этнографического и лингвистического изучения тофаларов» (В кн.: Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, 1978), «О фонетических системах тувинского и тофаларского языков», тезисах докладов «Этапы истории тофаларов по языковым данным» (В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Материалы межвузовской конференции. Томск, 1969), «Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка» (В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции. Томск, 1973), «К сопоставлению тофаларского и тувинского языков» (В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976), «Тофаларско-русский словарь» и «Русско-тофаларский словарь» (Иркутск, 1995), «Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор» (Иркутск, 1996).

Таким образом, степень изученности тофаларского языка, достигнутая на современном этапе, позволяет наконец приступить к обобщению всех полученных результатов на уровнях фонетики, морфологии и лексики.

Слабая изученность тофаларского языка до наших исследований предопределила актуальность темы данной работы. Разработка темы актуальна и весьма перспективна с чисто научной точки зрения, поскольку раскрывает строй доселе неизвестного языка, открывает новое направление в тюркологии – тофалароведение и вводит в науку новый материал, позволяющий вносить коррективы даже в общетюркологическом плане.

Данная работа ставит своей целью подытожить и обобщить результаты произведенных нами исследований и установить строй современного тофаларского языка, произвести сравнение элементов этого строя с таковыми других тюркских языков и, опираясь на полученные данные, определить как статус тофаларского языка, так и его место в системе тюркских языков. В связи с тем, что исследование по лексике уже защищено нами в качестве кандидатской диссертации, в данной работе выносятся на защиту исследования других аспектов строя тофаларского языка: системы фонем, системы формо- и словообразования и системы словоизменения.

Для достижения поставленной в работе цели при сравнительно-сопоставительных исследованиях привлекаются в первую очередь все тюркские языки Саяно-Алтайского нагорья, к которым территориально примыкает тофаларский язык, и прежде всего тувинский и хакасский языки, поскольку этнический состав тофаларов, как было показано выше, совпадает как с хакасским, так и с тувинским. Для выявления общетюркского пласта, корреспонденций с отдельными группами тюркских языков, а также сохранившихся древнетюркских элементов и развившихся собственных используется сравнительный материал из основных языков групп современных тюркских языков, а также из древних и средневековых тюркских языков. Учитывая связь племен туба – тоба с древними уйгурами, особое внимание обращается на древнеуйгурский язык. Чтобы выделить субстратные и заимствованные элементы, привлекаются сравнительные данные из самодийских, кетских, монгольских и русского языков.

Цели и задачи исследования предопределили структуру данной работы, в которой кроме введения и заключения представлены четыре главы. Причем первые три главы посвящены исследованию строя современного тофаларского языка, а в четвертой главе проводится сравнительное исследование этих строевых элементов, определяется статус тофаларского языка и его место в системе тюркских языков.

Глава I ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА

§ 1. ВОКАЛИЗМ

1. Общие особенности вокализма

В данной работе при классификации гласных фонем современного тофаларского языка за основу была принята физиологическая классификационная система акад. Л.В. Щербы. В истории языкознания известно несколько систем физиологической классификации гласных, предложенных фонетистами разных школ. Важнейшие из них можно подразделить на два вида. Одни из них дают систему строго фиксированных и четко разграниченных артикуляций. К ним, например, относится наиболее распространенная система английского фонетиста Бэлла. В свое время она применялась во всех основных работах по монгольским и тюркским языкам. «Основной недостаток классификации Бэлла заключается в том, что она проводит слишком резкие границы между отдельными типами гласных. В принципе она строится так же, как классификация согласных, хотя гласные, в отличие от согласных, не могут быть точно локализованы в речевом аппарате»¹.

Другие, наоборот, подчеркивают постепенный переход от одной артикуляции к другой. Этот вид классификации имеет большую давность и восходит к треугольнику Хеллвага, который «...базируется на признании гласных *i*, *a*, *u* основными типами, а всех прочих гласных – переходными»². «Преимущество этого рода классификации перед первым заключается в том, что между разными типами гласных в ней не проводится резких границ, недостатком является то, что она не учитывает всех возможных артикуляций»³.

Наиболее совершенной является классификационная система, выработанная акад. Л.В. Щербой. Он как бы синтезировал обе классификации, приняв за основу положение языка по степени подъема. Отличительной особенностью этой системы является четкое определение крайне верхнего и крайне нижнего положения языка, а также предельно переднего и предельно заднего положения языка. Все остальные его положения представляют собой гамму переходов, определить которые можно только по отношению к этим четко определенным положениям.

Л.В. Щерба установил шесть степеней подъема языка, не разделяя при этом абсолютных границ отдельных степеней подъема. Этим подчеркивается, что в общей фонетике невозможна абсолютная классификация гласных по степени подъема языка. В каждом отдельном языке, где число гласных является строго определенным, можно установить, сколько степеней подъема в нем различается, и соответствующим образом определить гласные⁴. В качестве основных типов были приняты гласные именно шести степеней подъема потому, что они представляют максимум достаточно четко различимых на слух гласных: «Гласные, образуемые при таких шести степенях подъема (так называемые кардинальные гласные), являются в известном смысле шаблонами, которые могут быть использованы для определения любого другого гласного»⁵. Абсолютное деление гласных по артикуляционным рядам также невозможно, поэтому Л.В. Щерба, кроме переднего и заднего рядов, дополнительно выделил еще два основных артикуляционных ряда – смешанный и центральный, противопоставляя их друг другу. Под центральным рядом он понимал гласные, артикулируемые путем подъема средней части спинки языка к средней части нёба, к границе между твердым и мягким нёбом⁶. Кроме того, он различал еще отодвинутые назад передние и продвинутые вперед задние гласные.

Классификация Л.В. Щербы, построенная на основе артикуляции языка, учитывает, «...кроме язычной артикуляции, только губную, так как в ней даны основные типы гласных. Каждый гласный может быть произнесен с дополнительной артикуляцией, которая придает тому или иному основному типу гласного определенный оттенок. Каждый из имеющихся основных типов гласных может быть назализован или фарингализован»⁷.

¹ Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Изд-во ЛГУ, 1960, с. 202.

² Зиндер Л.Р. Указ. соч., с. 202.

³ То же, с. 203.

⁴ См.: Зиндер Л.Р. Указ. соч., с. 204.

⁵ Зиндер Л.Р., Указ. соч., с. 205.

⁶ См.: Матусевич М.И. Л.В. Щерба как фонетик. – В кн.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Изд-во ЛГУ, 1951, с. 76.

⁷ Зиндер Л.Р. Указ. соч., с. 207.

Дальнейшее развитие и уточнение классификация Л.В. Щербы получила в трудах М.И. Матусевич¹, Л.Р. Зиндера², В.М. Надеяева³, Л.В. Бондарко⁴.

Во время сбора полевого лингвистического материала по языку тофаларов мы производили фонетическую запись тофаларских слов и словоформ, применяя фонетическую транскрипцию, выработанную Л.В. Щербой и уточненную этими учеными, привлекая лишь те знаки транскрипции, которые соответствовали элементам звуковой системы современного тофаларского языка. При издании данного труда мы использовали по техническим причинам вместо знаков фонетической транскрипции соответствующие буквы практического тофаларского алфавита, основанного на кириллице. Ниже в таблице 1 дана система фонем тофаларского языка так, как она представляется по системе Л.В. Щербы.

Таблица 1

Система кратких гласных фонем, представленных в современном тофаларском языке

Степень подъема языка	Передний ряд		Центральный ряд		Смешанный ряд		Задний ряд	
	неогубл.	огубл.	неогубл.	огубл.	неогубл.	огубл.	неогубл.	огубл.
5	<i>и</i>			<i>у</i>				<i>у</i>
4	<i>і</i>				<i>ы</i>			
3	<i>э(е)</i>			<i>ө</i>				<i>о</i>
2	<i>ə</i>							
1	<i>а</i>							

Как видно из таблицы 1, в тофаларском языке из четырех артикуляционных рядов гласных представлены все четыре – передний, центральный, смешанный и задний. Принадлежность к ряду и степени подъема языка была определена нами субъективно-слуховым методом по методике, принятой в общей фонетике.

Опираясь на учение Л.В. Щербы о фонеме⁵, а также учитывая дифференцирующие фонематические признаки, все гласные звуки, выявленные в тофаларском языке, удалось обобщить в следующих фонемах, которые здесь и далее для удобства будем обозначать знаками принятой тофаларской письменности⁶.

Таким образом, в современном тофаларском языке представлены 10 кратких гласных фонем:

а – э, ə

о – ө

у – у

ы – и, і

Об их фонематичности свидетельствуют противопоставления типа *ит* «унеси», *эт* «закрой дверь», *ат* «имя», *ыт* «отправь», *ут* «забуди», *үт* «отверстие», *от* «огонь», *өт* «желчь»; *иш* «дело, работа», *эш* «друг», *аш* «голодный», *ыш* «дым», *уш* «конец, острие»; *үш* «три, тройка», *өш* «месть» и т.п.

Хотя в современном тофаларском языке пока не удалось найти квазиомонимов с фонемами *[u]* и *[i]*, сомневаться в правильности выделения *і* в самостоятельную фонему не приходится, так как ее произношение довольно четко отличается от *[u]* и взаимозамена этих фонем недопустима. В этой связи совершенно справедливым кажется замечание Л.Р. Зиндера о том, что «... функция фо-

¹ См.: Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. М.: Учпедгиз, 1959; ее же. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976.

² Зиндер Л.Р. Указ. соч.

³ См.: Надеяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции /УУФТ/. М.-Л.: 1960.

⁴ См.: Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977.

⁵ См.: Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1957, с. 18; его же. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974, с. 156-158; Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980, с. 6-27, 41-99.

⁶ См.: Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, с. 8-11.

немы заключается не в том, чтобы различать слова или словоформы (хотя потенциально фонема такой способностью обладает), а в том, чтобы опознавать эти единицы»¹. Согласные перед [i] никогда не смягчаются. Ее следует рассматривать фактически как мягкорядный антипод фонемы [ы], что особенно ярко проявляется в аффиксах, ср., напр., пары типа *d̄īu* «зуб» - *ды̄u* «отдых»; *t̄im̄im* «смелый, храбрый» - *ты̄тым* «моя лиственница»; *а̄гды̄ры* «вверх» - *э̄гд̄ӣри* «гнет, сгинает»; *б̄ӣр* «один, некто» - *бы̄р* «копать», «сажа»; *барды̄ры* «идет» - *берд̄ӣри* «дает»; *анты̄г* «волшебный» - *э̄нт̄ӣг* «приятный, симпатичный». Фонема [u] в середине слова произносится обычно после палатализованных смычных согласных и аффрикат. Так, например, слово *бед̄ик* (*b'ed̄ik*) означает «высокий», а с палатализованным *д'* и фонемой [u] *бед̄ик* (*b'ed'ik*) является фонетическим вариантом лексемы *бечик* «колыбель».

Гласные фонемы в тофаларском языке четко противопоставляются друг другу по указанным выше четырем артикуляционным рядам. Так, например, переднерядные гласные в словах *ат* «имя», *эт* «закрой дверь», *иш* «дело, работа» противопоставляются центральнорядным гласным в словах *от* «желчь», *ут* «отверстие», *уш* «три, тройка», смешаннорядным в слове *ыш* «дым» и заднерядным в словах *ом* «огонь», *ым* «отправь», *ум* «забудь», *уш* «конец».

При наличии типов гласных всех пяти степеней подъема, правда, неравномерно распределенных по артикуляционным рядам, в тофаларском языке фонематическое значение имеют лишь пять степеней подъема. Различаются гласные:

1) широкие (1-я степень подъема) – фонемы [a], [ə] например: *хам* «шаман», *даг* «гора», *чэ̄һар* «разбрызгивать»;

2) полуширокие (3-я степень подъема) – фонемы [э (e)], [o], [ə], например: *һем* «река», *дэ̄г* «как, вроде, подобно», *чэ̄һер* «развязывать», *дэд̄им* «я сказал», *ом* «огонь», *от* «желчь», *чэ̄һе* «сколько», *тос* «береста», *һей* «зря»;

3) полуузкие (4-я степень подъема) – фонемы [ы], [i], например: *ым* «отправь», *ыш* «дым», *t̄im̄im* «храбрый», *чы̄т̄ӣ* «острый», *чед̄ӣ* «семь»;

4) узкие (5-я степень подъема) – фонемы [u], [y], [ʏ], например: *иш* «работа, дело», *ум* «забудь», *ут* «отверстие», *чы̄һе* «прямо», *чид̄ӣ* «съел», *һий* «грех», *тус* «соль».

Кроме противопоставления по артикуляционным рядам и степеням подъема, гласные фонемы тофаларского языка различаются по степени огубленности. Так, например, по этому признаку различаются слова *орық* «дорога, тропа» - *арық* «тощий, худой»; *шуруш* «щука» - *шырыш* «ольха»; *хам* «шаман» - *һом* «спинной жир изюбря, лося» - *һум* «песок»; *қар* «снег» - *қур* «пояс, кушак»; *мөңген* «тянул (воз)» - *мөңгүн* «серебро, деньги»; *шомар* «нырять» - *шомур* «почка, бутон»; *сан* «число» - *сын* «горный хребет» - *сун* «беги»; *аба* «мама» - *уба* «старшая сестра» и т.п. Огубленные гласные дифференцируются по степени участия губ в артикуляции на: а) гласные с относительно более напряженной губной артикуляцией – [y], [ʏ]; б) гласные с менее напряженной губной артикуляцией – [o], [ə].

Таким образом, по характеру одной из основных артикуляций – действию губ – гласные фонемы тофаларского языка подразделяются на:

1) неогубленные – [a], [э], [ə], [ы], [u], [i];

2) слабоогубленные – [o], [ə];

3) сильноогубленные – [y], [ʏ].

Рассмотрим теперь, как влияют на фонематичность гласных дополнительные артикуляции.

К одной из дополнительных артикуляций относится количественный признак. Количественная характеристика гласных звуков в современном тофаларском языке используется как фонематический признак, позволяющий различать гласные с относительно небольшой длительностью от соответствующих им качественно гласных с относительно большей длительностью. В тофаларском языке имеется противопоставление двух степеней длительности – долгих и кратких. Нами при этом учитывается, что признак длительности сам по себе явление относительное, так как в действительности нет определенных абсолютных границ между различными ее степенями. Долгота одних и тех же гласных меняется в зависимости от позиционно-комбинаторных условий, темпа речи и других причин.

¹ Зиндер Л.Р. О «минимальных парах». – В кн.: Язык и человек. М., 1970, с. 109.

В тофаларском языке фонематически выделяется зона длительности кратких гласных и зона длительности долгих гласных. Кратким гласным фонемам [a], [o], [y], [ы], [э], [ө], [ү], [и], [i], [ə] противопоставлены долгие фонемы:

aa – ээ
oo – өө
yy – үү
ыы – ии, ii
ээ

При произнесении слов в одном темпе долгие гласные резко отличаются по длительности от соответствующих кратких, значения слов при этом различны. Это дает право заключить о фонематичности долготы гласных в тофаларском языке. Так, например, лишь степенью долготы гласных различаются такие слова, как *ал* «возьми» и *аал* «селение, группа чумов», *қас* «гусь» и *қаас* «узор, орнамент»; *дэ* «скажи» и *дээ* «тот»; *ол* «тот» и *оол* «сын, мальчик, парень»; *һөл* «озеро» и *һөөл* «душа»; *көр* «смотри» и *көөр* «увидит»; *беді* «возвышайся» и *бедіи* «его сопка»; *кір* «войди» и *киир* «впусти»; *ұстү* «верх» и *ұстүү* «верхний»; *түн* «ночь» и *түүн* «вчера»; *сын* «горный хребет» и *сыын* «кизюбр, марал»; *уру* «нарост, желвак» и *уруу* «его ребенок»; *уқ* «шерстяные носки» и *ууқ* «разломанный, раскрошенный» и многие другие.

Следует отметить как характерную особенность тофаларского языка очень открытое произнесение долгого [ээ], особенно в непервых слогах, переходящего здесь в «ээ (ə)». Звук «ээ» по сути дела обязательный позиционный вариант фонемы [ээ]. Примеры: *элээр эдээр* «трезвый», *һүдээ* «зять», *бірээ* «один», *эрэдээр* «мучить» и т.п. В то же время в единичных примерах наблюдается противопоставление долгого ээ долговому ээ, например: форма будущего времени глагола *кел* «приходить» всегда звучит как *кээр* «придет», но та же форма *кез* «крошить» звучит как *кээр* «будет крошить».

Интересно, что длительность самих кратких гласных в тофаларском языке непостоянна и зависит от их качества. Так, все узкие и полуузкие гласные на слух короче широких и полушироких. При этом такое их различие явственно проявляется, когда широкие и полуширокие оказываются в позиции перед узкими и полуузкими, особенно в двусложных словах, где эти широкие и полуширокие имеют тенденцию несколько затягиваться, приближаясь к полудолгим. Например, в тофаларском языке произносятся *эліп* «камень», *элік* «косуля», *эби йоқ* «неудобно», *қазы* «его гусь», *қолу* «его рука», *һөлу* «его озеро» и т.п. В большей степени эта тенденция присуща, по нашим наблюдениям, гутаринскому говору.

Особенностью узких и полуузких тофаларских гласных является их тенденция к ослаблению до сверхкраткости (почти редукции) в позиции перед широкими и полуширокими. При этом, редукции могут подвергаться только *ы, і, у*, гласный же *и* не изменяется. Только влиянием этой тенденции можно объяснить сосуществование в тофаларском языке таких произносительных вариантов, как *біле* ~ *бле* «с», *бірээ* ~ *брээ* «один», *сілер* ~ *слер* «вы», *эьсірик* ~ *эьсрик* «пьяный», *аьсыра* ~ *аьсра* «выращивать, воспитывать», *қулаштап* ~ *қлаштап* «шагом, пешком», *қулаам* ~ *қлаам* «мои уши» и т.п.

Таким образом, зона длительности кратких гласных в тофаларском языке может колебаться от полудолгих до сверхкратких, при этом они сохраняют свое фонематическое качество кратких гласных, противопоставленных долгим.

Помимо противопоставления в плане основной артикуляции и фонематического различения по степени длительности, гласные тофаларского языка противопоставляются и по наличию еще одной дополнительной артикуляции – работы фаринкса. В современном тофаларском языке имеются следующие фарингализованные¹ гласные:

аь – эь (еь), әь
оь – өь
уь – үь
ыь – иь, іь

По длительности они всегда краткие и производят впечатление гласных, произнесенных отрывисто и как бы сдавленным голосом глубоко в горле, при этом в конце гласного, особенно в одно-

¹ В принятой здесь нами практической транскрипции фарингализация гласного обозначается твердым знаком.

сложных словах, бывает подобие придыхания. Например: *аь^хк* «теки», *оь^хк* «пуля», *баь^хк* «смотри», *соь^хк* «бей», *аь^хт* «конь», *оь^хт* «трава», *төь^хк* «пролейся».

О фонематичности признака фарингализации свидетельствует противопоставление фарингализованных гласных как чистым кратким, так и долгим. Например, только качеством гласных различаются такие лексические корреляты, как *ат* «имя» - *аат* «качай ребенка» - *аьт* «конь»; *өш* «месть, вражда» - *өөш* «пищевод» - *өьш* «погасни»; *эт* «закрой дверь» - *ээт* «излучина» - *эьт* «мясо»; *ыт* «отправь» - *ыьт* «звук» - *ыьт* «собака»; *уш* «конец, острие» - *уьш* «лети»; *сөөк* «кость» - *сөьк* «распори шов» и т.п.

Фарингализованные гласные имеют одну особенность: они употребляются лишь в 1-м слоге и произносятся только перед глухими сильными согласными фонемами [т], [к], [к], [н], [с], [ш], которые, попав в инлаут, претерпевают под влиянием фарингализации ряд модификаций, о чем сказано ниже. Забегая несколько вперед, можно отметить, что [т] и [с] в этом положении никогда не озвончаются, оставаясь всегда сильными глухими, а [к~к], [н] и [ш] переходят в проточные согласные совершенно иного качества. Проиллюстрируем это влияние фарингализации рядом примеров. Так, слова *баьш* «голова» и *баш* «болячка, язва» различаются в основном качеством гласного, поскольку разница в произношении сильного [ш] и слабого [ш] в этой позиции практически неуловима. Эти же гласные в данных словах определяют их различие и в других фонетических формах, например: *баьшим* «моя голова», но *бачым* «моя язва, моя болячка». Аналогично это проходит и по другим коррелятам с фарингализованными и нефарингализованными гласными. Например: *каьт* «слой, ряд, этаж» - *кат* «ягода»; *каьты* «его слой, его ряд, его этаж» - *кады* «его ягода»; *каьты* «вместе» и *кады* «сосна»; *аш* «голод» - *аьш* «открой» и *ачы* «его голод» - *аьһяр* «откроет»; *ақ* «белый; белок» - *аьқ* «теки» и *агы* «его белок» - *аьһар* «потечет»; *ас* «заблудись» - *аьс* «повесь» и *азар* «заблудится» - *аьсар* «повесит»; *қап* «мешок» - *қаьп* «схвати ртом» и *қабы* «его мешок» - *қаьпар* ~ *қаьфар* «схватит ртом».

В ряде случаев при одинаковых фонетических условиях лишь фарингализация гласного помогает различать слова. Например: *аштаар* «голодать» и *аьштаар* «чистить»; *қаьстаар* «закинуть поводья за луку седла стоящей лошади» и *қастаар* «охотиться на гусей»; *эттээр* «бить, избивать» и *эьттээр* «поехать за мясом»; *чоқтаар* «отсутствовать» и *чоьқтаар* «подниматься вверх по реке».

Фарингализованный гласный, как правило, произносится и перед сочетанием согласных *рт*. Например: *бөьрт* «шапка», *өьрт* «лесной пожар», *тыьрт* «тяни», *чуьрт* «остов чума», *эьрт* «пройди мимо», *беьрт* «добрый, работающий», *куьрт* «червь, жук», *коьрт* «бойся». Лишь в слове *дөрт* «четыре» по каким-то неясным пока причинам произносится чистый краткий гласный.

Кроме фарингализации, для тофаларских гласных характерна еще одна дополнительная артикуляция – работа нёбной занавески. У кратких чистых гласных назализация появляется крайне редко. Причиной ее служит обычно выпадение в беглой речи согласного *н*. Более же всего назализация присуща долгим гласным. Так, например, преимущественно с назализацией произносятся долгие гласные в словах *ай* «суть, толк», *аар* «тяжелый, дорогой», *аарыг* «болезнь», *аас* «рот», *оору* «вор», *ооруг* «зоб», *өөк* «пуговица», *сээк* «муха», *шээшпа* «овод», *ыьт* «голос», *сыы* «скребок для шкуры». Но степень назализации, по нашим наблюдениям, заметно варьирует в произношении одних и тех же лиц в одних и тех же словах. Иногда она довольно сильна, иногда же почти незаметна, а подчас и исчезает вовсе. Произнесение этих и им подобных слов без назализации смысла слов не меняет. Это говорит об оттенковости данного признака. Только в одном случае, по утверждению тофаларов, назализацией долгого гласного слово *ээрер* «лаять» отличается от *ээрер* «крутить, прясать». Других случаев не замечено. Появление назализованных долгих *аа*, *оо*, *уу*, *ыы*, *ээ*, *әә*, *үү*, *шш*, *иш* можно рассматривать, следовательно, как оттенковый признак, в какой-то мере вызванный к жизни особенностью артикуляционного настроя тофаларского языка, для которого характерна некоторая гнусавость.

Резюмируя все сказанное выше, следует отметить, что фонологическими признаками для гласных фонем современного тофаларского языка являются: в плане основной артикуляции – артикуляционный ряд, степень подъема языка и степень огубленности, в плане дополнительной артикуляции – длительность и фарингализация; назализация носит оттенковый признак. Отмечены следующие корреляты гласных фонем:

<i>а</i> – <i>аь</i> – <i>аа</i>	<i>э</i> – <i>эь</i> – <i>ээ</i> (<i>әә</i>)	<i>ы</i> – <i>ыь</i> – <i>ыы</i>
<i>о</i> – <i>оь</i> – <i>оо</i>	<i>ө</i> – <i>өь</i> – <i>өө</i>	<i>и</i> – <i>иь</i> – <i>иш</i>
<i>у</i> – <i>уь</i> – <i>уу</i>	<i>ү</i> – <i>үь</i> – <i>үү</i>	<i>і</i> – <i>іь</i> – <i>иш</i>

Как и в подавляющем большинстве тюркских языков, все гласные тофаларского языка в фонетическом аспекте делятся на два ряда: гласные твердого ряда и гласные мягкого ряда, четко противопоставляемые друг другу. При этом в состав слова входят гласные только одного из этих двух рядов. Например: *оңго* «скрадок на зверя» - *өңгө* «мездровая часть обработанной шкуры», *аң* «зверь» - *эң* «самый», *баар* «печень» - *бээр* «даст», *сыыр* «жри» - *сиир* «сухожилие», *таъһа* «подкова» - *тэъһе* «горный козел», *дааи* «звук» - *дээи* «чтобы», *ырық* «щель» - *ирик* «гнилой», *дуг* «плотина, ограда» - *дүг* «завяжи узел», *дыи* «отдых» - *диш* «зуб», *һом* «спинной жир изюбря» - *һөм* «зарой, закопай» и т.п.

Указанные ряды не совпадают точно с четырьмя артикуляционными рядами, но опираются на них и своеобразно переплетаются с ними, регулируя по определенным правилам сочетание звуков в слове. Это явление установлено давно и известно под названием «сингармонизм» или «гармония гласных». В системе вокализма современного тофаларского языка эти два ряда сингармонизма соотносятся с четырьмя артикуляционными рядами и пятью степенями подъема физиологической классификации следующим образом:

1) фонематическая группа гласных твердого ряда охватывает все существующие в тофаларском языке гласные звуки заднего и смешанного рядов и гласный *a* переднего ряда;

2) фонематическая группа гласных мягкого ряда охватывает все существующие в тофаларском языке гласные звуки центрального ряда и гласные переднего ряда, кроме *a*.

Таким образом, все гласные фонемы тофаларского языка по принципу принадлежности к сингармоническому ряду распределяются следующим образом:

1) твердый ряд – *[a], [aъ], [aa], [o], [oъ], [oo], [y], [yъ], [yy], [ы], [ыъ], [ыы]*;

2) мягкий ряд – *[э], [эъ], [ээ], [ə], [əъ], [ээ], [ө], [өъ], [өө], [ү], [үъ], [үү], [u], [uъ], [uu], [i], [iъ], [ii]*.

Обобщенно система гласных фонем современного тофаларского языка представлена в таблице 2.

Таблица 2

Система гласных фонем современного тофаларского языка

Гласные	Неогубленные						Огубленные					
	твердорядные			мягкорядные			твердорядные			мягкорядные		
	чист	фар	долг	чист	фар	долг	чист	фар	долг	чист	фар	долг
·	·	·	·	·	·	·	·	·	·	·	·	·
	крат.		крат.			крат.			крат.			
Широкие	<i>a</i>	<i>aъ</i>	<i>aa</i>	<i>ə</i>	<i>əъ</i>	<i>ээ</i>						
Полуширокие				<i>э</i>	<i>эъ</i>	<i>ээ</i>	<i>o</i>	<i>oъ</i>	<i>oo</i>	<i>ө</i>	<i>өъ</i>	<i>өө</i>
Полуузкие	<i>ы</i>	<i>ыъ</i>	<i>ыы</i>	<i>i</i>	<i>iъ</i>	<i>ii</i>						
Узкие				<i>u</i>	<i>uъ</i>	<i>uu</i>	<i>y</i>	<i>yъ</i>	<i>yy</i>	<i>ү</i>	<i>үъ</i>	<i>үү</i>

2. Описание гласных фонем

Описание гласных фонем тофаларского языка нами дается в плане двух сингармонических рядов: гласные твердого ряда и гласные мягкого ряда. Обычный порядок расположения материала в частных работах по различным языкам – гласные передние, задние и смешанные – не соответствует фонематической системе гласных звуков тофаларского языка, где оттенки одной и той же фонемы могут относиться к различным артикуляционным рядам и степеням подъема.

При описании гласных фонем указываются основные и дополнительные артикуляционные признаки, даются основные варианты фонем, характер употребления их в слове.

Гласные твердого ряда

[a] – твердорядная широкая неогубленная краткая чистая фонема. В окружении переднеязычных и среднеязычных согласных произносится переднеязычный звук самого низкого подъема, а в соседстве с увулярными и фарингальными согласными произносится самый низкий по подъему звук заднего ряда. Встречается данная фонема в любой позиции в слове. Примеры: *ат* «имя», *тар*

«узкий», *нят* «стыдись», *нян* «вернись», *даш* «камень», *аш* «голод, голодный», *қаған* «положил», *һаған* «замкнул», *даға* «на гору», *аьттарға* «коням», *турарда* «когда стоял». В положении между среднеязычными согласными или между среднеязычными и палатализованными согласными может произноситься как вариант фонемы [a] гласный звук переднего ряда «э», например: *чай* ~ *чэй* «лето», *чэйен* «летом», *чәш* «новорожденный».

[aʔ] – твердоядная широкая неогубленная краткая фарингализованная фонема. Как и предыдущая фонема, [aʔ] аналогично произносится либо как переднерядный, либо как заднерядный звуки. Встречается только в первом слоге в позиции перед сильными согласными. Примеры: *баьш* «голова», *аьшқан* «открыл», *қаьқ* «бей», *саьттырган* «заставил продавать», *қаьш* «сколько», *аьт* «конь», *баьсқаиш* «наступив, придавив», *қаьнар* «схватит ртом», *аьсарда* «когда вешает». В положении между среднеязычными согласными или между среднеязычным и палатализованным согласным произносится переднерядный гласный «э», например: *чәьш* «разбрызгай», *чәьһяр* «разбрызгает» (но ср. *чаьшқан* «разбрызгал»), *чәьйһяр* «махать рукой», *чәьйһяды* «махнул рукой».

[aa] – твердоядная широкая неогубленная долгая фонема. В зависимости от тех же комбинаторно-позиционных условий реализуется в двух вариантах: переднерядном и заднерядном. Факультативно может иметь назализацию разной степени. Встречается в слове в любой позиции. Примеры: *аар* «тяжелый», *аазадық* «разинутый», *аңнаарда* «когда охотится», *мындаа* «здешний», *аадар* «укачает ребенка».

[ы] – твердоядная полуузкая неогубленная чистая краткая фонема. Употребляется во всех позициях в слове, например: *ыр* «песня», *ырық* «щель», *қызыл* «красный», *ары* «оса», *алыр* «возьмет», *аьлтышқы* «шестой», *болырда* «когда становится». В безударном положении, особенно перед [a], фонема склонна к редукции.

[ыʔ] – твердоядная полуузкая неогубленная краткая фарингализованная фонема. Употребляется лишь в первом слоге слова перед сильными согласными. Примеры: *ыьт* «собака», *тыьнар* ~ *тыьфар* «найдет», *қыьсыл* «ущелье», *тыьртқаннар* «они тянули».

[ыы] – твердоядная полуузкая неогубленная долгая фонема. Факультативно может быть назализована. Употребляется в любой позиции в слове. Примеры: *ыыт* «звук, голос», *сыыр* «жри», *балыы* «его рыба», *аарыырда* «когда болеет».

[o] – твердоядная полуширокая слабоогубленная чистая краткая фонема. Употребляется в любой позиции в слове. Примеры: *ол* «тот», *бо* «этот», *тоьһос* «девять», *қоьрһоқ* «трусливый», *тоьһорго* «дятел», *мошоңго* «мешочек для пуль».

[oʔ] – твердоядная полуширокая слабоогубленная краткая фарингализованная фонема. Употребляется лишь в первом слоге слова перед сильными согласными. Примеры: *чоьқ* «приставать (о болезни)», *боьш* «пустой, свободный», *оьқ* «пуля», *тоьш* «лед», *оьттаар* «накормит скот (травой)», *оьқтады* «зарядил (ружье)».

[oo] – твердоядная полуширокая слабоогубленная долгая фонема. Факультативно может быть назализована. Употребляется в любой позиции в слове, но только в корневых основах, в аффиксах не встречается. Примеры: *оол* «сын, мальчик, парень», *боо* «ружье», *доос* «кончай», *оорһа* «спина», *ооры* «вор», *соомда* «позади меня», *солоопкай* «окно», *ностоол* «стол», *литоопка* «коса (для косьбы)».

[u] – твердоядная узкая сильноогубленная краткая чистая фонема. В позиции второго и последующих слогов после фонемы [o] может терять огубление и приближаться к «о» или даже к разгубленному «ы». Употребляется в любой позиции в слове. Примеры: *уйа* «гнездо», *уду* «спи», *буду* «его нога», *қудуруқ* «хвост», *шомур* ~ *шомыр* «почка, бутон», *оруқ* ~ *ороқ* ~ *орық* «дорога, тропа», *согур* ~ *согор* «слепой», *онушқу* ~ *онышқы* «десятый».

[уʔ] – твердоядная узкая сильноогубленная краткая фарингализованная фонема. Употребляется лишь в первом слоге слова перед сильными согласными. Примеры: *уьш* «лети», *уьштурар* «заставит лететь», *туьтқан* «схватил», *суьһарда* «когда выдергивает».

[уу] – твердоядная узкая сильноогубленная долгая фонема. Факультативно может быть назализована. Употребляется в любой позиции в слове. Примеры: *уун* «к, по направлению к», *уунақ* «мелкий», *ууйа* «вон тот (о чем-либо маленьком)», *оруу* «его тропа», *туйуу* «его копыто», *уьтуруу* «передний», *суу* «его вода», *қайнуун* «откуда?», *һойуурда* «когда густеет».

Гласные мягкого ряда

[э] – мягкорядная полуширокая неогубленная краткая чистая фонема. Даже в индивидуальном произношении она варьирует между переднерядным гласным «э» до гласного «а». Особенно это отчетливо заметно в ауслауте. Фонема употребляется в любой позиции в слове. Примеры: *беъртке* ~ *беъртка* «очень, сильно», *һүн үнэрдэ* ~ *һүн үнэрдә* «на восходе солнца», *эмес* «не», *эм* «лекарство», *шегер* «сани», *сүге* «топор», *өрге* «суслик», *бергеннэр* «они дали».

[эъ] – мягкорядная полуширокая неогубленная краткая фарингализованная фонема. Употребляется лишь в первом слоге слова перед сильными согласными. Примеры: *эъти* «его мясо», *эъһер* «будет грести», *тэък* «быстро», *чеът* «догони», *чеъш* «волосы», *кеъш* «шкура», *кеъсердэ* «когда режет».

[ээ] – мягкорядная полуширокая неогубленная долгая фонема. Имеет тенденцию расширяться до звука «аа», который обычно становится обязательным вариантом особенно в непервых слогах. Как правило, это происходит на стыке морфем. Например: *беэр* ~ *бээр* «даст», *бээрi* «сюда», *дээш* ~ *дээш* «чтобы», *һөөлээр* «начертит (углем)», *кечээ* «вечерний», *кишээ* «человеку», *ээээр* «зевнет». Факультативно фонема может быть назализована. Употребляется в слове в любой позиции.

[и] – мягкорядная узкая неогубленная краткая чистая фонема. Употребляется в любой позиции в слове, причем в инлауте соседствует с палатализованными и среднеязычными согласными. Предшествующий ему согласный всегда палатализован. Примеры: *иш* «дело, работа», *ибисi* «его домашний северный олень», *иъһи* «два», *бечик* «колыбель», *иши* «вертел, шомпур», *нинъци* «бусы», *билдiрген* «сообщил», *аъһилды* «открылся», *каъһиқ* «ложка», *қыъһин* «зимой», *дэъһилген* «лопнул (воздушный шарик)». Особенностью данной фонемы является ее употребление в твердорядных словах, где она произносится после палатализованных согласных вместо ожидаемого здесь этимологического *ы* (ср. в данном случае тат. *ачылды* «открылся», *кашык* «ложка», тув. *кыжсын* «зимой»).

[иъ] – мягкорядная узкая неогубленная краткая фарингализованная фонема. Употребляется лишь в первом слоге в анлауте или после палатализованного согласного перед сильными согласными. Примеры: *иътэр* «толкнет», *иъсiг* «горячий», *биъти* «расщепленный черемуховый прут для сшивания кусков бересты».

[иш] – мягкорядная узкая неогубленная долгая фонема. Факультативно может быть назализована. Употребляется в слове в любой позиции, причем в инлауте стоит после палатализованных и среднеязычных согласных. Особенностью ее является то, что она может встречаться в твердорядных словах, чередуясь, а часто и заменяя, со звуковым комплексом *ийы*. В мягкорядных словах чередуется со звуковым комплексом *иш*, часто являясь единственным его субститутотом в слове. Примеры: *сиш* «сухожилие», *миш* «мой», *сиш* «твой», *бичиш* «очень маленький», *боришқа* «глухарь», *билдiришишкiн* «сообщение», *һиш* ~ *һыйыр* «кривой, изогнутый», *иш* ~ *ишин* «боком, на боку», *мындаакиш* «здешний».

[i] – мягкорядная полуузкая неогубленная краткая чистая фонема. Употребляется лишь после несмягчающихся согласных. В мягкорядных вариантах аффиксов везде стоит вместо твердорядного *ы*. Как и фонема [ы], данная фонема склонна к редукции. Примеры: *бир* «один, некто», *бирээ* ~ *брээ* «один», *биле* ~ *бле* «с, вместе с», *силерниң* ~ *слерниң* «ваш», *титiм* «храбрый», *дэдиm* «я сказал», *һирлиг* «грязный», *билдиm* «я узнал», *ибисi* «его олень».

[iъ] – мягкорядная полуузкая неогубленная краткая фарингализованная фонема. Употребляется лишь в первом слоге после несмягчающихся согласных в позиции перед сильным согласным. Примеры: *диърт* «крепко натянутый», *диъсiрт* «твердая и сухая (о летней дороге)», *диъһиш* «шов», *сiълһиндiри* «заставляет отряхиваться», *сiъртиледiри* «колотится (сердце)».

[ii] – мягкорядная полуузкая неогубленная долгая фонема. Употребляется в середине и конце слов лишь после несмягчающихся согласных. Примеры: *диiң* «белка», *диiк* «говорят», *бедii* «его сопка», *эгиr* «задыхаться», *тиисинъчи* «тысяча».

[ø] – мягкорядная полуширокая слабоогубленная краткая чистая фонема. В тофаларском языке она в основном характерна для первого слога, но может встречаться и в других слогах, выступая в данном случае субститутотом аналогичного по ряду, но сильноогубленного [y] или переднерядного неогубленного [э]. Примеры: *øг* «дом, чум, юрта», *øштүглер* «враги», *мөндүр* «град», *һөнү* ~ *һөнө*

«прямой», *һөндүрү* ~ *һөндөрө* «прямо», *көргөнім* «я увидел», *чөлөгө* ~ *чөлөгө* «взрослый бык изюбра».

[*өъ*] – мягкорядная полуширокая слабоогубленная краткая фарингализованная фонема. Употребляется лишь в первом слоге перед сильными согласными. Примеры: *өърт* «лесной пожар», *өъткөрө* «насквозь», *бөърт* «шапка», *өъстүрер* «вырастит», *сөъһүлген* «обрушился», *өъшту* «погас», *көъфөй* ~ *көъфөй* «много».

[*өө*] – мягкорядная полуширокая слабоогубленная долгая фонема. Факультативно может иметь назализацию. Употребляется в слове в любой позиции. Примеры: *өө* «его дом», *өөр* «стая, табун», *өөш* «пищевод», *көөр* «увидит», *һөөлдэнир* «согласится», *нөрөө* «оспины», *дөйөө* «бестолочь», *Өцөөчүң* – женское имя.

[*у*] – мягкорядная узкая сильноогубленная краткая чистая фонема. Употребляется в слове в любой позиции. Примеры: *үрге* «надолго», *үт* «дыра», *үш* «три (число)», *үчүшүкү* «третий», *бөрү* «волк», *куъсүрүм* «слой опавшей хвои», *бүрү* «его листья», *мүлтүдү* «распряг». В позиции непоследних слогов после первослоговой фонемы [*ө*] может разгубляться, переходя либо в *ө*, либо даже в *и* ~ *і*. Например: *һөндүрү* ~ *һөндөрө* «прямо», *бөрү* ~ *бөри* «волк», *көрдүрү* ~ *көрдірі* «смотрит».

[*уъ*] – мягкорядная узкая сильноогубленная краткая фарингализованная фонема. Употребляется лишь в первом слоге перед сильными согласными. Примеры: *бүъткен* «задохнулся», *туъшкен* «упал сверху», *бүъкту* «свернул бересто углом».

[*үү*] – мягкорядная узкая сильноогубленная долгая фонема. Факультативно может быть назализована. Встречается в любой позиции в слове. Особенностью данной фонемы является ее употребление в твердорядных словах, причиной чего служит субституция его звукосочетания *уйу*. Примеры: *һүүкүрүп* «прихлебывая (чай)», *бөлүү* «его куча», *һүлүүпчи* «дверной замок», *уъстүү* «верхний», *көшүүрһе* «рычаг, вага», *күчүүрһээр* «кичиться силой», *үүдавас* ~ *уйудавас* «не будет скучать», *түү* ~ *туйу* «наглухо».

3. Дифтонги

В тофаларском языке дифтонгов как особых фонем не существует. Имеются лишь дифтонги комбинаторного характера. Распространены так называемые ложные дифтонги, появившиеся на стыке гласных фонем с согласным *й*, который в данной позиции произносится очень слабо, переходя в полугласный. Из ложных дифтонгов представлены:

ай: *бай* «богатый»; *ай* «луна, месяц», *сай* «кедровые орехи», *далай* «море», *тайды* «поскользнулся», *турай* «завтра», *баъһай* «плохой»;

эй: *шэй* «чай», *һей* «воздух», *дүлей* «глухой», *дэйдірі* «говорит», *төөрей* «круглый», *гелнэй* «иди-ка сюда». Характерной чертой этого дифтонга является его употребление в твердорядных словах, например: *барнэй* «уходи-ка», *шэйзак* «любитель чая», *һейралавас* «не пожалеет», *һейнды* «вскипел», *аңнавейндыры* «не охотится». Причиной его появления в данной позиции служит развитие звукосочетания *айы*, который дает либо опередненный дифтонг *эй*, либо даже мягкорядный монофтонг *ээ*, о чем будет сказано ниже:

ый: *ыйнаан* – усилительно-подтвердительная частица, *сыйгаиш* «мель», *нясый* «обжора», *сыгый* «мочевой пузырь», *таргый* «бекас», *мыйгақ* «самка изюбря, маралуха»;

ий: *ий* «ожный склон горы», *эмий* «грудь, вымя», *һий* «грех», *ийнэ* «швейная игла», *һээрий* «веревка из конских волос»;

ой: *ой* «ручей», *ойна* «играй», *той* «свадебный пир», *чойган* «пихта», *һой* «баран», *оймақ* «небольшая поляна», *мойны* «его шея»;

өй: *өй* «годный, впору (об обуви, одежде)», *шөй* «вытяни (руку)», *көъфөй* «много»;

уй: *һуймақ* «пепел», *суйбаар* «ощупывать»;

үй: *мөңгүй* «намордник для олененка», *дүйбег* «скандал».

В результате процесса полного ослабления *й* между гласными звукосочетания *айы* и *ойы* дают и настоящие дифтонги. Так, на месте *-айы-* возникает наряду с *эй*, о чем упоминалось выше, дифтонг *аэ*, например: **һайын* = (ср. *һайныр* «вскипит») «кипеть» → *һаэнды* ~ *һэйнды* «вскипел»; *айы* (ср. *ай* «луна») → *аэ* «его луна»; **һайычы* (ср. монг. *хайч*) → *һазчы* ~ *һэйчы* «ножницы», **чайын* (ср. тув. *чайын*) → *чаэн* «летом» < *чай* ~ *чэй* «лето». На месте *-ойы-* развивается опередненный дифтонг *өэ*, например: **мойын* (ср. тув. *моюн*) → *мөэн* «шея» (но ср. тоф. *мойны* «его шея»); *ойын* (ср. тув. *оюн*) → *өэн* «игра» (но ср. тоф. *ойны* «его игра»).

В то же время все эти дифтонги стремятся в быстром произношении перейти в соответствующие мягкорядные долгие монофтонги. Поэтому в речи сосуществуют, например, звуковые варианты типа *аэ* ~ *ээ* «его месяц», *һаэнды* ~ *һэйнды* ~ *һээнды* «вскипел», *аэтырыг* ~ *эйтырыг* ~ *ээтырыг* «вопрос», *мөөн* ~ *мөөн* «шея», *өөн* ~ *өөн* «игра» и т.п. Интересно, что указанные дифтонги встречаются лишь в твердорядных словах. Это опереднение твердорядных гласных можно объяснить ассимилирующим влиянием среднеязычного *й*, компонента исходных звуко сочетаний.

4. Причины развития долгих гласных

Долгие гласные в современном тофаларском языке все вторичного образования: они возникли в определенных комбинаторных условиях на месте как кратких гласных, так и различных звуко сочетаний. Так, в большинстве случаев долгие гласные образуются за счет выпадения некоторых согласных в положении между гласными и стяжения этих двух гласных в один долгий гласный. К таким согласным в тофаларском языке относятся лишь сверхслабые сонанты *й* ~ *и*, *э*, *н*, *ң*, *р*, *л*. Попав в интервокальное положение, они ослабевают настолько, что «растворяются», вокализуясь, среди этих гласных. При этом сонанты *й*, *э*, *ң* выпадают регулярно, а *н*, *р* и *л* sporadически. Выпадает и слабый *к*, стоящий в ауслaute многосложных слов и оказавшийся в определенных условиях между гласными. Происходит это в результате того, что слабый *к* в этом положении переходит в *э*, которое в данной позиции регулярно выпадает. Ситуация, когда сонанты *й*, *э*, *н*, *ң*, *р*, *л* оказываются в интервокальном положении, складывается главным образом на стыке морфем, когда либо основа слова оканчивается на один из этих согласных, а аффикс начинается на гласный, либо наоборот, основа оканчивается на гласный, а аффикс начинается на согласный. Это правило действует регулярно. Примеры: *бээ* «его начальник» < **беги* «его начальник» < *бег* «начальник», *даа* «его гора» < **дагы* «его гора» < *даг* «гора»; *қараа* «его глаза» < **қарагы* «его глаза» < *қарақ* «глаза»; *аңнааш* «охотившись» < *аңна* = «охотиться» + =*гаиш*; *кишиэ* «человеку» < *киши* «человек» + =*ге*; *аңшаа* «охотнику» < *аңшы* «охотник» + =*га*; *шырээм* «мое лицо» < *шырай* «лицо» + =*ым*; *доот* «заморозок» < *доң* = «мерзнуть, стынуть» + =*ут*; *мөөп* «тянув (воз)» < *мөң* = «тянуть (воз)» + =*уп*.

При присоединении аффиксов к основам с конечными *р*, *л* и *н* такой стабильности не наблюдается. Зафиксировано лишь несколько случаев: *баар* «он уйдет» < *бар* = «уходить» + =*ыр*; *киир* = «вводить внутрь, позволить (заставить) войти» < *кір* = «входить внутрь» + =*ир* (аффикс побудительного залога); *көөр* «увидит» < *көр* = «увидеть» + =*ур*; *кээр* ~ *келір* «придет» < *кел* = «приходить» + =*р*; *боор* ~ *болыр* «будет» < *бол* = «быть» + =*ыр*; *бишр* ~ *билир* «узнает» < *бил* = «знать» + =*ир*; *мишң* «мой» < **мениң* < *мен* «я» + =*иң*; *сишң* «твой» < **сениң* < *сен* «ты» + =*иң*.

В современном тофаларском языке имеется также ряд неразложимых ныне основ с долгими гласными. Только сравнение с другими тюркскими языками, и главным образом с древнетюркским, показывает, что и здесь эти долготы в тофаларском языке вторичного порядка, так называемые заместительные долготы гласных, возникшие тоже за счет выпадения интервокальных *й*, *э*, *ң*. Примеры: *аар* «тяжелый» (ср. др.-тюрк. *ауір* id.), *баар* «печень» (ср. др.-тюрк. *баур* id.), *аас* «рот» (ср. др.-тюрк. *ауіз* id.), *оол* «сын, мальчик» (ср. др.-тюрк. *оул* id.), *дишң* «белка» (ср. др.-тюрк. *тији* id.), *миш* «ленок» (ср. як. *бийыт*, тув. *мыйыт* id.), *өөш* «пищеvod» (ср. др.-тюрк. *өйүс* «трахея, дыхательное горло»), *няа* «новый» (ср. др.-тюрк. *јаңи* id.), *сөөк* «кость» (ср. др.-тюрк. *сөйүк* id.), *сээк* «муха» (ср. др.-тюрк. *сеңик* id.), *сишр* «сухожилие» (ср. др.-тюрк. *сијир* «жила»).

Долгие гласные регулярно образуются в тофаларском языке на стыке морфем также и за счет слияния конечного гласного основы с начальным гласным аффикса. Например: *аңнаар* «будет охотиться» < *аңна* = «охотиться» + =*ар*; *чоруур* «поедет» < *чору* = «ехать» + =*ур*; *чишр* «будет есть» < *чи* = «есть» + =*ир*; *һүнзээр* «будет дневать» < *һүнзе* = «дневать» + =*эр*.

Довольно часто долгий гласный представлен в различных звукоподражательных словах и производных от них. Например: *һүү* – подражание крику филина, *чээк* – подражание крику синицы, *сыы* – подражание визгу собаки, *сыыла* = «визжать», *мөө* – подражание мычанию коровы, *мөөкүр* = мычать.

Долгий гласный появляется и в некоторых морфологических показателях там, где в древнетюркском языке был представлен краткий гласный. Например, в показателе *-каары/-гаары*, *-кээри/-гээри*, вычленяющемся в ряде наречий и восходящем к др.-тюрк. *қару*: *тағышкаары* «наружу» (ср. др.-тюрк. *тағқару* id.), *иышкээри* «внутри» (ср. др.-тюрк. *іскәрі* id.), *буруңгаары* «вперед» (< *бурун* «пространство впереди»), *соңгаары* «назад» (< *соң* «пространство позади»), *даңгаары*

«затемно, перед рассветом» (< *даң* «утренняя заря»), *һүңгээри* «на юг, юг» (< *һүн* «солнце»). Видимо, аналогичного происхождения долготы и в словах *мынаары* «сюда» (ср. др.-тюрк. *тунар*, *тунуар* id.), *ынаары* «туда» (ср. др.-тюрк. *инаги* id.), *қайнаары* «куда» (ср. др.-тюрк. *қажу*, тоф. *қаз* «какой, который»).

Долгие гласные имеются и в словах, заимствованных из других языков. При этом в лексемах, взятых в относительно позднее время из бурятского языка, сохраняется характер долготы, представленных в оригинале. Например: *һазаар* «конская узда» < бур. *хазаар* id., *галзуура* = «сходить с ума» < бур. *галзуура* = id., *даалиң* «далемба» < бур. *даалин* id., *үрээ* «трехлетний конь» < бур. *үрээ* id. Если слово было взято из средневекового монгольского языка, в котором еще не развились вторичные долготы за счет выпадения интервокальных согласных, что произошло в монгольских языках позднее, то долготный комплекс развился в долгий гласный позднее уже в самом тофаларском языке по своим закономерностям, чем и объясняется несоответствие заместительных долгот в этих словах в тофаларском и современных монгольских языках¹. Например: *чыраа* «киноходец» < ср.-монг. *jiri 'ā*, ср. х.-монг., бур. *жороо*, калм. *жора* id.; *һирээ* «пила» < ср.-монг. *kirü 'ē*, ср. х.-монг. *хөрөө*, бур. *хюрөө*, калм. *көрэ* id.; *сершин* «прохлада» < ср.-монг. *seri 'ün*, ср. х.-монг. *сэрүүн*, бур. *һэрюун*, калм. *серүн* id.; *сойаа* «прочищалка для трубки» < ср.-монг. *soyi 'ā*, ср. х.-монг. *соёо*, бур. *һоёо* «клык; прочищалка для трубки», калм. *соя* «клык».

В русских же заимствованиях долгие гласные в тофаларском языке закономерно появляются на месте русских ударных гласных. Например: *вишлэ* «вилы» < русск. *вилы*; *шишлэ* «шило» < русск. *шило*, *лаампа* < русск. *лампа*, *һөөпиэк* «поварежка» < русск. *ковшик*, *саакар* «сахар» < русск. *сахар*.

Долгие гласные представлены и в некоторых словах неизвестного происхождения, например: *соот* «слово, речь», *чаат* «хвощ», *ашаанак* «вереск», *саары* «ступня».

§ 2. КОНСОНАНТИЗМ

1. Общие особенности консонантизма

При описании и классификации согласных фонем современного тофаларского языка за основу также была взята классификационная система согласных акад. Л.В. Щербы, о которой говорилось выше. В основе данной классификации лежат два главных принципа: классификация по активному речевому органу и классификация по способу образования шума. По действию активного речевого органа согласные подразделяются на губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные, фарингальные и гортанные. При этом внутри губных и переднеязычных производится уточнение по действию пассивного речевого органа: среди губных различают губно-губные и губно-зубные, среди переднеязычных – дорсальные (зубные), апикальные (альвеолярные) и какуминальные. По способу образования шума различают смычные и щелевые с дрожачими. Смычные подразделяются на шумные смычные и смычные сонанты. Шумные в свою очередь распадаются на чистые смычные и аффрикаты. Щелевые подразделяются на щелевые шумные и щелевые сонанты. Щелевые шумные могут быть однофокусными и двухфокусными. Щелевые сонанты делятся на срединные сонанты и боковые. Дрожачие разделяются на дрожачие шумные и дрожачие сонанты.

Все согласные могут быть образованы в то же время с участием голоса или без него и в зависимости от этого разделяются на звонкие и глухие. Кроме наличия или отсутствия голоса, звонкие и глухие согласные различаются тем, что глухие произносятся с большим шумом, с энергичной воздушной струей. Вследствие этого они также называются сильными. Звонкие согласные образуются более слабой воздушной струей, обуславливающей и более слабый шум, поэтому они также называются слабыми. Иногда эти два явления перекрещиваются в особых согласных, которые по признаку участия голоса относятся к глухим, а по признаку силы воздушной струи ведут себя как звонкие, то есть являются слабыми. На слух они производят впечатление не то звонких, не то глухих. Их иногда называют полувзвонкими. Встречаются они во многих языках, фонематически противопоставляясь сильным глухим. Эти полувзвонкие слабые и глухие сильные различа-

¹ См.: подробнее: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 37-38, 101, 107-109, 116.

ются между собой в основном по степени напряженности артикулирующих органов, то есть по силе артикуляции. Сильные согласные более воздушные, образуются при относительно большей напряженности артикулирующих органов, всегда глухие, часто сопровождаются аспирацией. Слабые – менее воздушны, образуются при относительно меньшей напряженности артикулирующих органов, бывают глухими, полувзвонкими и звонкими в зависимости от комбинаторных условий. Слабые и сильные согласные различаются не только среди смычных, но и среди щелевых. Это имеет место в тех языках, где сила согласного имеет фонематическое значение. В зависимости от работы мягкого нёба при артикуляции согласных различают также ртовые и носовые согласные.

Наблюдение над речью тофаларов позволило выявить согласные звуки, которые они употребляют. Поскольку запись полевого материала мы производили знаками фонетической транскрипции по системе Л.В. Щербы, то и систему консонантизма мы определяли, используя знаки этой транскрипции. Однако в данной работе при подаче фактического материала мы применяли чисто по техническим причинам знаки гражданского тофаларского алфавита для обозначения соответствующих согласных звуков. Они представлены ниже в таблице 3.

Таблица 3

Согласные звуки тофаларского языка

По способу образования		По активному органу		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные	Фарингальные	Гортанные
				<u>п</u>	<u>т</u>	<u>ть</u>	<u>е</u>	<u>к</u>		
Сильные	ртовые	смычные								
		щелевые	однофкусные	<u>ф</u>	<u>с</u>					
	двухфкусные			<u>ш</u>						
		смычно-щелевые			<u>ч</u>					
Слабые	носовые	щелевые	срединные							
		смычные		<u>б ~ п</u>	<u>д ~ т</u>	<u>дь ~ ть</u>	<u>з ~ к</u>	<u>з ~ к</u>		
	ртовые	щелевые	однофкусные	<u>в</u>	<u>з ~ с</u>				<i>h, hь</i>	
			двухфкусные		<u>ж ~ ш</u>					
		смычно-щелевые			<i>ч ~ ч</i>					

Сонанты	носовые	смычные		м	н	нь	ң	ң		
		щелевые	среди- ные							
	ртовые	щелевые	среди- ные			й	э			
			боковые			л	ль			
		дрожание				р				

После соответствующего анализа и аудитивного эксперимента удалось выявить у этих звуков их фонетические и оттенковые признаки и определить состав согласных фонем современного тофаларского языка. При этом выявленные звуки соотносятся с фонемами¹ следующим образом:

звуки *n* ~ *ф* являются позиционными вариантами одной фонемы [*n*];

звук *m* представляет фонему [*m*];

звук *s* представляет фонему [*s*];

звук *ш* представляет фонему [*ш*];

звуки *ть* и *ч* являются вариантами одной фонемы [*ч*];

звук *к* представляет фонему [*к*];

звук *қ* представляет фонему [*қ*];

звуки *б*, *n* и *в* являются позиционными вариантами одной фонемы [*б*];

звуки *д* ~ *т* являются позиционными вариантами фонемы [*д*];

звуки *з* ~ *с* являются позиционными вариантами одной фонемы [*с*];

звуки *ж* ~ *ш* являются позиционными вариантами одной фонемы [*ш*];

звуки *ть* ~ *дь*, *ч* ~ *ҷ* являются вариантами одной фонемы [*ч*];

звуки *г*, *э* представляют одну фонему в ее смычном [*э*] и щелевом [*э*] вариантах;

звук *h* является фонемой [*h*];

звук *һь* является фонемой [*һь*];

звук *м* представляет фонему [*м*];

звук *н* представляет фонему [*н*];

звук *нь* представляет фонему [*нь*];

звуки *ң* представляет фонему [*ң*];

звуки *й* представляет фонему [*й*];

звуки *л* ~ *ль* являются позиционными вариантами одной фонемы [*л*];

звук *р* представляет фонему [*р*].

Особенностью организации системы консонантов современного тофаларского языка является то, что среди смычных и щелевых согласных несонантов различие происходит не по признаку участия голоса, а по степени напряженности артикулирующих органов. Сильным, всегда глухим согласным противопоставляются слабые, могущие быть и глухими, и звонкими. Отдельной группой стоят сонанты. Таким образом, в тофаларском языке имеются три фонетически и фонематически противопоставляемые между собой группы согласных: сильные, слабые и сонанты. Например: *қаьт* «слои», «этаж», *қат* «ветер», *қан* «кровь», *қаьты* «его слой», «его этаж», *қаты* ~ *қады* «его ветер», *қаны* ~ *ганы* «его кровь».

¹ Здесь и далее для удобства эти фонемы будем обозначать знаками разработанной нами для тофаларского языка практической транскрипции на русской графической основе, подробнее о которой см.: Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, с. 11-14.

Сильные согласные. Для этой группы тофаларских согласных фонем [п, т, с, ш, ч, к, қ] характерна относительно сильная напряженность артикулирующих органов при сравнительно большой воздушности. В любых позиционно-комбинаторных условиях они остаются глухими. Эти их качества наиболее ярко проявляются, когда они попадают в интервокальное положение. При этом произносятся они иногда настолько интенсивно, что приближаются к геминатам: *қаьрт* «слой бересты» - *қаьртты* «его слой бересты», *аьт* «лошадь» - *аьттым* «моя лошадь», *хоққаш* «теленка до одного года», *долотто* «долото», *сииттэ* «сито». Сильные глухие согласные в основном стоят после фарингализованных гласных: *аьк* «теки», *аьт* «стреляй (из лука)», *аьс* «повесь», *төьк* «вылей» и т.п. Придыхательность из всех сильных наблюдается иногда лишь у [п]: *қыьп* «гори», *кыьпар* «будет гореть».

Слабые согласные. Эта группа тофаларских согласных [б, т, с, ш, ч, к, қ, г, г, һ] образуется при более слабой напряженности артикулирующих органов и меньшей воздушности, чем у сильных согласных. Они могут быть глухими, полуглухими, полувзвонкими и звонкими. Попадая в положение между гласными и после сонантов, они обычно произносятся звонко. Например: *таг* ~ *даг* «гора», *ол дагда* «на той горе», *ат* «имя», *адым* «мое имя». Эти согласные настолько безразличны к глухости-звонкости, что один и тот же человек может сказать *келген бірәә һам киши* и *селген брәә һам гиши* «приехал один шаман».

Сонанты. Тофаларские сонанты [м, н, нь, й, л, р, ң, г, г] образуются с еще меньшим напряжением артикулирующих органов, чем слабые согласные и с очень слабой воздушностью. Все они всегда звонкие, лишь [р] перед сильным глухим согласным произносится глухо: *эьртэ* «рано», *тыьрт* «тяни», *қаьрт* «слой бересты», *оьрту* «середина», *өьрт* «лесной пожар». Сверхслабый характер сонантов является, видимо, причиной того, что некоторые из них [й, н, ң, г, л, р], попав в положение между гласными, ослабевают настолько, что растворяются среди них, вследствие чего возникает долгий гласный на месте исчезновения сонанта и слияния оставшихся кратких гласных. Эта особенность сонантов присуща многим языкам.

Другим важным фонематическим признаком в системе согласных фонем тофаларского языка является противопоставление их по активному артикулирующему органу, то есть по месту образования преграды. Например, в словах *ом* «то мое», *он* «десять», *ой* «ручей», *оң* «правый», *маң* «прыжок зверя», *няң* «обычай», «нрав» сонанты [м, н, нь, й, ң] противопоставляются по губности – переднеязычности – среднеязычности – заднеязычности. В словах *аба* ~ *ава* «мама», *ада* «отец», *аца* ~ *адя* «папа», *аьһа* «старший брат», *бар* «иди», *тар* «узкий», «тесный», *чар* «разными», *қар* «снег», *бер* «дай», *чер* «земля», *кер* «распять шкуру», «натяни веревку» слабые согласные [б, т, ч, к, қ, һ] противопоставляются по губности – переднеязычности – среднеязычности – увулярности – фарингальности. В словах *қаьп* «схвати ртом», *қаьт* «слой», «этаж», *қаьк* «бей, ударь», *тэьп* «пинай, лягай», *тэьк* «быстро, скоро», *бице* «маленький, мало» сильные согласные [п, т, ч, к, қ] также противопоставлены по губности – переднеязычности – среднеязычности – заднеязычности – увулярности. Щелевой увулярный [г] четко противопоставлен фарингальному һ, напр., *бугаа* «браслет» - *буьһаа* «быку», *тага* «на гору» - *таьһа* «подкова».

Противопоставление согласных губных, переднеязычных, среднеязычных, заднеязычных и увулярных проходит через все три группы: сильных, слабых и сонантов, а в группе слабых дополнительно к ним имеются еще фарингальные согласные. Вне подчинения этому фонематическому делению остается сонорный увулярный ң, который фонематически не различается с соответствующими заднеязычными ң и г и не участвует в различении смысла слов. Однако произнесение того или иного звука строго регулируется и детерминировано определенными комбинаторно-позиционными условиями, обуславливая обязательность конкретного произношения. При этом обязательно, что в ауслауте как мягкорядных, так и твердорядных слов употребляются только заднеязычные г и ң. Например: *дэг* «как, подобно», *даг* «гора», *дэң* «равный», *даң* «заря», *эг* «гни», *аг* «облава», *эң* «самый, наи-», *аң* (*аң*) «зверь». Увулярный ң употребляется лишь в середине твердорядных слов, напр., *ыглаган* «плаксивый», *торго* «шелк», *оглум* «мой сын» и т.п.

Не менее важным является противопоставление согласных по способу образования преграды. Так, у сильных и слабых согласных различаются смычные, щелевые и смычно-щелевые звуки (аффрикаты). Например: *аьт* «лошадь», *аьс* «вешай», *аьш* «открой», *үндү* «вышел», *үндү* «выдолбил», *ада* «отец», *аца* «папа», *аза* «черт», *аша* «ухаживай, корми, воспитывай», *аьһа* «старший брат». При этом фонематическом плане фонетические признаки смычности, щелинности и смычно-щелинности у этих двух групп согласных находятся в своеобразных и сложных взаимоотношениях с делением согласных по активному действующему органу. Так, для губных согласных

признак смычности-щелинности не фонематичен, так как щелевые звуки являются позиционными вариантами соответствующих смычных, например, «ф» появляется в интервокальном положении на месте «п»: *кыџп* «гори» - *кыџфар* «будет гореть», *тэџп* «пни» - *тэџфер* «пнет», «в» появляется на месте «б~п»: *алып* «взяв» - *алабыткан* ~ *алывыткан* «взял», *аба* ~ *ава* «мама». Для переднеязычных же разделение согласных по признаку смычности-щелинности наоборот фонематично: *аџт* «стреляй (из лука)», *аџс* «вешай», *аџщ* «открой», *баџт* «погрузись в воду, спускайся вниз – по горе или реке», *баџс* «наступи, придави сверху», *баџщ* «голова». Щелевые согласные различаются, кроме того, по фокусности. При этом однофокусные [с] и [с~з] противопоставлены двухфокусным [ш] и [ш~ж]: *аџс* «повесь» - *аџщ* «открой», *аџзы* «одичай» - *аџжы* «охотник». У среднеязычных противопоставление по смычности-щелинности отсутствует, так что сильные «т» и «ч», слабые «д», «т» и «ч ~ ч» являются соответственно равноупотребительными вариантами одних фонем [ч] и [ч]. Один и тот же человек может произнести *бите* и *биче* «мало», *һаџте* и *һаџче* «ножницы», *оңотя* и *оңоча* «лодка», *адя* и *ача* «папа», *кеде* и *кече* «вечер», *тярадяң* и *чарацаң* «соболь». Иногда в произношении некоторых людей слабая фонема ч ~ ч, ослабившись до *д*, в интервокальном положении переходит в *й*, например, нами фиксировались произносительные варианты *нячил* ~ *нячыл* ~ *нядил* ~ *няйил* «Новый год»; *мен ындақ чораан мен* «я шел там же» - *мен чораан мен* «я шел» - *мен мында йораан мен* «я здесь шел»; *чаалаш* = «воевать друг с другом» - *чаалачып келгән* ~ *чаалайып келген* «пришел с войной».

Вариативность аффрикат с соответствующими смычными в тофаларском языке можно, видимо, объяснить тем, что, как предполагают, аффрикаты развились из смычных. Так, академик Л.В. Щерба считал, что «аффрикаты в славянских и германских языках возникли не из слияния смычных со щелевыми, а в результате развития смычных»¹. По-видимому, так же обстояло дело и в тофаларском языке, что как раз и подтверждается неразличением смычных «т», «д» и *й* и аффрикат «ч», «ч».

Заднеязычные и увулярные у сильных и слабых согласных существуют только как смычные. Фарингальные же всегда щелевые. В группе сонантов различаются смычные, щелевые и дрожащие звуки. Например: *аан* – утвердительная частица, *аал* «селение», «группа юрт», *аар* «тяжелый», «тяжело», *аң* «зверь» - *аг* «облава», *няақ* «челость», *айақ* «чаша, миска».

Согласные [м, н, нь, џ], кроме противопоставления согласным [б, п, д, т, ч, й, һ, һь, г, г, к, к] по признаку напряженности артикулирующих органов, отличаются от последних произношением с обязательным участием носового резонатора. Возникает противопоставление согласных по признаку назальности-ртовости.

По наличию палатализации в тофаларском языке различаются лишь фарингальные «*һ*» и «*һь*». Например: *аџһар* «будет течь» - *аџһяр* «откроет», *тоџһо* «глазное яблоко» - *тоџһё* «его лед», *қаџһар* «ударит» - *қаџһяр* «убежит». У других согласных палатализация не отмечается. Лишь в мягкорядных словах они получают некоторое смягчение, которое, однако, не переходит в фонематическую палатализацию: *бар* «пойди» - *бер* «дай», *баг* «веревка» - *бег* «начальник», *быр* «копоть» - *бір* «один, некто», *сан* «число» - *сен* «ты».

В то же время палатализованный «*һь*» четко противопоставлен «*й*», с которым у него хотя и имеется ряд сходных характеристик (щелинность, звонкость, сонантность, своеобразная мягкость) и некоторая акустическая схожесть, но от которого он резко отличается местом образования по активному артикулирующему органу («*һь*» - фарингальный, «*й*» - среднеязычный). Это и обусловило фонематичность «*һь*», напр., *баџһи* «его голова» - *байы* «богатай», *уџһя берген* «взлетел» - *уйа берген* «дал гнездо», *таџһяқ* «мошонка» - *тайақ* «посох», *өџһер* «чиркнет спичкой» - *өйер* «натрет ногу».

Таким образом, основными фонематическими признаками согласных современного тофаларского языка являются: степень напряженности речевых органов при артикуляции звуков, тесно связанная с силой воздушности, и различение их по активному артикулирующему органу (по месту образования), кроме *н*, *г*. Остальные фонематические признаки касаются только отдельных групп согласных. Так, для губных фонематичен признак назальности-ртовости. Для переднеязычных, кроме этого признака, - различение по смычности-щелинности для слабых и сильных и по смычности-щелинности-вibrантности для сонантов (сверхслабых). Для среднеязычных сонантов – различение их лишь по смычности-щелинности. Признак палатальности-непалатальности фо-

¹ Зиндер Л.Р. Указ. соч., с. 142.

нематичен для фарингальных. Сильные и слабые щелевые различаются по однофокусности-двухфокусности (см. табл. 3).

Кроме указанных фонематических признаков, согласным современного тофаларского языка присущи и оттенковые признаки, а именно:

смычность и щелинность – для сильных и слабых губных согласных. Выше уже отмечалось, что щелевые «*ф*» и «*в*» являются интервокальными оттенками соответствующих смычных «*п*» и «*б-п*»;

смычность и щелинность – для заднеязычного «*г*» и увулярного «*з*». Так, заднеязычный «*г*» в некоторых случаях, главным образом между гласным и после сонантов, может заменяться в произношении щелевым «*г*», а смычный «*г*» - соответственно увулярным «*з*». Например: *сүге-сүге* «топор», *торго-торго* «шелк», *тоорго-тоорго* «кабарга», *батагана-батагана* «комар», *хартыга-хартыга* «ястреб»;

смычность и аффрицированность – для среднеязычных сильных и слабых фонем. Звуки «*т*» и «*ч*», «*ть-дь*» и «*ч-ч*» являются вариантами;

глухость и звонкость – для всех слабых согласных фонем. Как уже отмечалось выше, для слабых согласных признак глухости-звонкости не имеет фонематического значения. Он обусловлен позиционно-комбинаторным положением слабой фонемы. Так, в анлауте и ауслауте слабые фонемы, как правило, выступают в глухом варианте, в положении после сонорных и между гласными они озвончаются;

огубленность и неогубленность, будучи результатом влияния соседних гласных, фонематической роли не играют. Перед огубленными гласными происходит огубление согласного, причем степень и форма огубления зависит от последующего гласного. Например: *таьна* «подкова», *т^оугул* «теленок», *т^оттум* «я наелся»;

смягченность и несмягченность. Как уже отмечалось выше, различие согласных по наличию палатализации происходит лишь у фарингальных «*h*» и «*hь*». Смягченность же остальных согласных, кроме среднеязычных, наблюдается в мягкорядных словах, являясь обусловленной сингармоническим рядом.

Обобщенно система согласных фонем современного тофаларского языка представлена в таблице 4.

Таблица 4

Система согласных фонем современного тофаларского языка

Способ образования			Место образования						
			Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные	Фарингальные	Гортанные
Сильные	ртовые	смычные	<u>п</u>	<u>т</u>	<u>(ть)</u>	<u>к</u>	<u>к</u>		
		щелевые	однофокусные	<u>(ф)</u>	<u>с</u>				
	двухфокусные			<u>ш</u>					
	смычно-щелевые				<u>ч</u>				

Слабые	ртовые	смыч- ные		(б) <u>п</u>	(д) <u>т</u>	(дв) (тв)	з <u>к</u>	з <u>к</u>		
		щелевые	однофо- кусные	(в)	(з) <u>с</u>					h <u>һ</u>
			двухфо- кусные		(ж) <u>ш</u>					
		смычно- щелевые				(ч) <u>ч</u>				
Сонанты	носовые	смычные		м	н	нь	ң			
	ртовые	щелевые	срединные			й	(э)	(э)		
			боковые		л	(ль)				
	дрожащие				р					

Примечание: В скобках указаны важнейшие варианты фонем.

2. Описание согласных фонем

Описание согласных фонем дается в порядке артикуляций по активному органу: губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные и фарингальные. Звуки внутри каждой группы описываются по способу их образования (смычные, щелевые, дрожащие). Внутри каждой подгруппы они делятся на сильные, слабые и сонанты. Обычно в работах по отдельным тюркским языкам при описании согласных авторы располагают их по способу образования (смычные, аффрикаты, щелевые, дрожащие). Мы считаем, что этот порядок не соответствует фонемному составу согласных тофаларского языка, так как в нем некоторые смычные и щелевые, смычные и аффрикаты могут быть вариантами одной и той же фонемы.

Губные

[п] – губно-губная сильная смычная ртовая согласная фонема. Иногда она произносится с придыханием, чаще всего это отмечается у «п», стоящего в инлауте или в ауслауте: *тэ̣п̣ер* «он лягнет», *кы̣п̣* «загорись», *чел̣пы* «провей – орехи, зерно». В начале слова фонема [п] употребляется очень редко, например: *паар* «пара», «напарник», *поол* «пол», *пялт* – звукоподражание всплеску, *пы̣с* «пороша», *паш* «котел, общее название любой посуды для варки пищи». В основном данная фонема характерна в середине и конце слов после фарингализованных гласных. Примеры: *ты̣п̣* ~ *ту̣п̣* «найди», *қа̣п̣* «схвати ртом», *тэ̣п̣* «пни, лягни», *ча̣п̣* – звукоподражание шлепку, *ку̣п̣* – звукоподражание глухому стуку, *ти̣п̣* «тиф», *эль̣п̣эк* «обильный», *чел̣тыр* «он провеет», *та̣п̣таар* «он будет топтать», *ка̣п̣так* «плоский». В русских заимствованных словах эта фонема появляется на месте русских «п» и «ф». Губно-губной щелевой «ф» является интервокальным вариантом фонемы. Так, тофы говорят *сы̣пы* и *сы̣фы* «его рукоятка», *тэ̣пер* и *тэ̣фер* «он лягнет», *кы̣пар* и *кы̣фар* «он будет гореть», *ка̣пар* и *ка̣фар* «он схватит ртом», *то̣па* и *то̣фа* «тофа» и т.п.

[п] – губно-губная слабая фонема, смычная, ртовая. Реализуется в трех вариантах: «б», «в»,

«п». При этом в анлауте фонема встречается в глухом и звонком произношении, что целиком зависит лишь от комбинаторных условий: *пар* ~ *бар* «есть, имеется», *ибим бар* «у меня есть олень», *бар* ~ *пар* «пойди», *оң барган* «он пошел», *баълһаш* ~ *пәълһаш* «жидкая грязь», *улуғ баълһаш* «большая грязь», *палық* ~ *балық* «рыба», *миң балыым* «моя рыба», *дөрт палық* «четыре рыбы». В интервокальном положении и после сонантов, как правило, эта фонема произносится звонко: *аба* «мама», *һабак* «бровь», *албан* «подать», «налог». Зачастую «б» между гласными чередуется с «в»: *аба* ~ *ава* «мама», *уба* ~ *ува* «старшая сестра», *иби* ~ *иви* «домашний олень». Твердой нормы произношения этих звуков нет. Один и тот же человек может сказать и *аба*, и *ава*. В ауслауте и перед глухими согласными обычно употребляется вариант «п»: *ап* «фокус», «волшебство», *апһа* = «колдовать», *әпһиғ* «красивый», «интересный», *түп* «дно». Как видно из примеров, эта фонема употребляется во всех позициях. Губно-зубной слабый щелевой вариант «в» употребляется лишь в заимствованных русских словах и произносится лицами, достаточно владеющими русским языком. Например: *везник* «веник», *вишлэ* «вилы», «вилка», *вермишээль* «вермишель», *караваатти* «кровать» и т.п. В речи же лиц, слабо владеющих русским языком, звук «в» заменяется либо на «б», либо на «м»: *мезник* «веник», *мермишээль* «вермишель», *бёорса* «верста», *бидроо* «ведро», *бирёонка* «веревка».

[н] – губно-губной смычный носовой сонант. Встречается во всех положениях в слове, например: *мен* «я», *моң* «колотушка», *маңмаар* «амбар», *амтан* «вкус», *һам* «шамаан», *һем* «река», *таңма* «печать».

Переднеязычные

[т] – переднеязычная сильная смычная ртовая согласная фонема. Встречается в слове в любой позиции. В положении после фарингализованной гласной может геминировать, если за ним следует другой гласный. В заимствованных русских словах вместо русского глухого «т» также может быть гемината. Примеры: *туғул* «теленок», *туғтар* «схватит», *тақыняқ* «курица», *тақ* «лабаз из жердей в виде полки», *үттәэр* «убеждать», *қағты* «вместе», *тәтпiрi* «назад, обратно», *арықтаар* «отощать», *қағрт* «слой бересты, картона», *дөрт* «четыре», *ағт* «конь», *сағт* «продай», *долотто* «долото», *ситтэ* «сито».

[с] – переднеязычная сильная щелевая однофокусная фонема. Встречается в слове в любой позиции, всегда оставаясь глухой. Примеры: *сен* «ты», *сан* «число», *сағтығ* «торговля», *асқыр* «жеребец», *астыр* «подвесить – нож к поясу», *саасқан* «сойка», *ағс* «повесь», *бағс* «наступи», *уғс* «черпай», *кеғс* «режь», *чорус қындым* «я сходил», *қылас қынды* «блеснул – огонь, молния».

[ш] – переднеязычная сильная щелевая двухфокусная фонема. В позиции ауслаута ей, как правило, предшествует фарингализованный гласный. В интервокальном положении эта фонема реализуется в виде звонкого палатализованного фарингального «һь»: *бағш* «голова» - *бағһи* «его голова», *кеғш* «шкура» - *кеғһи* «его шкура», *чэғш* «разбрызгай» - *чэғһар* «он разбрызгает», *қағһиқ* «ложка» (ср. др.-тюрк. *qaşıq* id.), *ағш* = «открыть» - *ағһиқ* «открытый». В то же время имеется с десяток слов, в которых хотя в основном и отсутствует фарингализация, между гласными всегда произносится сильный глухой «ш», отличающийся от слабого «шш» тем, что в этих словах никогда не озвончается в ж и ч. Сохранение этого «шш», не перешедшего закономерно в данной позиции в «һь», обусловлено, видимо, историческими причинами. Примерами таких слов могут служить следующие: *ашаар* «будет ухаживать за больным», *тушаар* «спутает коню передние ноги», *тушағ* «путь на передние ноги», *киши* «человек», *уша* «крестец», *ушар* «водопад», *ишер* «выпьет», *тишек* «нож», *бышыышқын* «выкройка», *бышығ* «крепкий, выносливый». Аллофон «шш» более обычен в анлауте и ауслауте: *шын* «правда», *шағ* «время», *уш* «лети», *қоғш* «вьюк», а также перед сильными глухими согласными: *тағшты* «наружная часть», *ишті* «внутренняя часть», *өшүтү* «плечо», *пағшқа* «другой», «кроме», *ағша* «не открывай» и т.п.

[т] – переднеязычная слабая смычная ртовая согласная фонема. В речи она реализуется в двух вариантах: «д» и «т». В ауслауте и перед глухими обязателен вариант «т». Если находящийся в ауслауте звук «т» в результате комбинаторно-позиционных условий попадает в интервокальное положение, он обычно озвончается и произносится в виде «д», хотя допустимо произношение здесь и «т»: *ат* «имя» - *ады* ~ *аты* «его имя», *от* «огонь» - *оду* ~ *оту* «его огонь», но *атқа* «имени», *отқа* «к огню». В анлауте произносится либо «д», либо «т». Так, могут сказать и *тоғһос*, и *доғһос* «девять», *торуғ ағт* и *доруғ ағт* «гнедой конь», *тыл* ~ *дыл* «язык», *төрт* и *дөрт* «четыре». Фонема встречается в любой позиции в слове: *тар* ~ *дар* «узкий», *аалда* «в селе», *аңдар* «пе-

реверни», *дүндэр* «опрокинь», *хамда* «у шамана», *адың* «твое имя», *қаш* «ягода», *тот* «насытиться».

[*с*] – переднеязычная слабая щелевая однофокусная ртовая согласная фонема. В ауслaute реализуется всегда в виде «*с*», попав в интервокальное положение, - в виде звонкого «*з*», полувзвонкого «*з*» или глухого «*с*». Встречается в основном в середине и конце слов после чистых кратких и долгих гласных и дифтонгов: *ас* «заблудись» - *азар мен* «я заблужусь», *һүнэсін* ~ *һүнэзін* «продукты», *келсін* «пусть придет», *болса* или *болза* «если будет», *асты* «заблудился», *тэс* «убегай» - *дээр* ~ *тээр* «убежит». Есть слова, в которых всегда произносится звонкий «*з*», причем они представляют собой неразложимые корни с точки зрения современного тофаларского языка, напр., *эзер* «седло», *азыг* «клык», *аза* «черт».

[*ш*] – переднеязычная слабая щелевая двухфокусная ртовая согласная фонема. Встречается в основном в середине и в конце слова. При этом в ауслaute ей, как и предыдущей фонеме [*с*], обязательно предшествует чистый краткий или долгий гласный либо дифтонг: *баш* «рана, язва», *эш* «товарищ, друг», *таш* «камень», *қоош* «черт», *тааш* «звук». Когда же конечный «*ш*» основы попадает в положение между гласными, то он всегда реализуется в виде звонкой среднеязычной аффрикаты «*ч*»: *бацьым* «моя рана», *эчи* «его друг», *дач өг* (< *таш өг*) «каменный дом», *қоочу* «его черт», *боо даачы* «звук выстрела». В середине корневых и ряде производных основ эта фонема выступает либо в виде глухого «*ш*», либо звонкого «*ж*»: *қымшы* ~ *қымжы* «плеть, кнут», *ышық* ~ *ыжық* «опухший», *аңшы* ~ *аңжы* «охотник» и т.п. В глухом варианте «*ш*» всегда сохраняется при присоединении к основе аффиксов, начинающихся на согласный: *қооштар* «черти», *эшке* «другу», *ашта* = «голодать» (при *аш* «голодный»).

[*н*] – переднеязычный смычный носовой сонант. Встречается в слове в любой позиции, при этом в ауслaute только в заимствованных словах. Примеры: *ностоол* «стол» (< русск.), *натруушка* «пояс с принадлежностями для зарядания шомпольных ружей» (< русск.), *насын* «возраст, прожитая жизнь» (< монг.), *нөрөө* «оспины» (< монг.), *ында* «там», *ынаары* «туда», *мен* «я», *он* «деять», *тон* «шуба».

[*л*] – переднеязычный щелевой боковой ртовый сонант. Употребляется в слове в любой позиции, при этом в ауслaute, как и [*н*], лишь в заимствованных словах: *лом* «религиозная книга» (< монг.), *лаампа* «лампа» (< русск.), *лап* «точно», «как раз» (< монг.) *ол* «тот», *оол* «сын», *ала* «пестрый», *аьлһыг* «широкий», *алды* «соболь». Попав в положение перед среднеязычным согласным, сильно палатализуется и даже может произноситься в виде среднеязычного «*ль*»: *оль царық* «тот берег, та сторона, тот свет», *дальчир* «левый», *аальчы* «гость».

[*р*] – переднеязычный дрожащий ртовый сонант. Встречается лишь в середине и конце слова. В ауслaute произносится в заимствованных из русского языка словах и притом лишь лицами, хорошо владеющими русским языком. Примеры: *раама* «рама» (< русск.), *руучка* «ручка – ученическая», *резинкэ* «резинка, ластик» (< русск.), *аар* «тяжелый», *беьрт* «добрый», «хороший», *болыр* «будет», *ырмаақы* «рубашка», «платье» (< русск.).

Среднеязычные

[*ч*] – среднеязычная сильная смычно-щелевая ртовая согласная фонема. Встречается в середине слова. При этом она реализуется либо в виде аффрикаты, либо в виде среднеязычного сильного смычного «*ть*»: *биче* или *битьэ* «маленький», *оңгоча* или *оңготья* «лодка», *энэгээчче* или *энэгээттэ* «мальки рыб», *һазче* или *һазттэ* «ножницы». Как видно из примеров, этот звук может усиливаться настолько, что доходит до геминаты.

[*ч*] – среднеязычная слабая смычно-щелевая ртовая согласная фонема. Она имеет гораздо большее употребление, чем предыдущая, так как употребляется не только в инлауте, но и в анлауте. В начале слова реализуется либо в виде слабой глухой аффрикаты «*ч*», либо озвонченной «*ч*», а также в виде смычных среднеязычных «*ть*» и «*дь*». Так, могут сказать *чарацаң* и *тьарадьаң* «соболь», *чер*, *тьэр*, *дьэр* и *чер* «земля», *чес*, *чес*, *тьэс* и *дьэс* «красная медь». Попав в положение между гласными, эта аффриката переходит в среднеязычный щелевой «*й*», еще более ослабившись, хотя может и сохранить свою аффрицированность. Видимо, путь образования «*й*» таков: *ч* → *ч* → *дь* → *й*. Примеры: *мен чораан мен* «я ходил», *мен ында йораан мен* «я там ходил», *оль царық* «тот свет», *бо йарық* «этот свет», *чоқ* «нет», *чары йоқ* «нет оленя», *чыл* «год», *һаа чыл* ~

ньаа йыл «новый год». Как указывалось выше, звук «ч» появляется на месте конечного слабого «ш», попавшего в положение между гласными: *аш* «перевали гору» - *ачар* «он перевалит гору».

[*нь*] – переднеязычный смычный носовой сонант. Встречается лишь в начале и в середине слова: *ньаа* «новый», *ньоон* «толстый – в поперечнике», *ньан* = «возвратиться», *тақынбақ* «курица», *һүрүньэк* «лопата».

[*й*] – среднеязычный щелевой срединный ртовый сонант. Его вариантом является назализованный «й», часто переходящего в *нь*, поэтому сосуществуют варианты: *тақынбақ* ~ *тақыйақ* «курица», *һүрүньэк* ~ *һүрүйэк* «лопата». Но в то же время имеются слова, в которых произносится только назализованный «й» или только «й». Приведенные выше примеры заставляют считать звуки назализованный «й» и «й» вариантами одной фонемы, а употребление в отдельных случаях лишь назализованного «й» или «й» можно объяснить причинами традиционно-исторического характера.

Заднеязычные

[*к*] – заднеязычная сильная смычная ртовая согласная фонема. Употребляется в основном в середине и в конце слова. В ауслате ей обязательно предшествует фарингализованный гласный. В положении между гласными эта фонема реализуется в виде фарингального слегка звонкого «*h*», напр., *пеьк* «крепкий» - *беьһей* «крепкий», *сөьк* «распарывай шов» - *сөьһер* «распорет шов», *төьк* «рассыпь» - *төьһөлген* «рассыпался». В середине слова она употребляется в виде аллофона «*к*» лишь перед глухими гласными и после них, напр., *пеьктэн* «берегись», *тэьккэ* «быстро», *беьрткэ* «по-доброму, хорошо, как следует». В анлауте ее употребление спорно, так как начальное «*к*», даже стоящее перед фарингализованными гласным и последующим сильным согласным, попав в положение между гласными или после сонанта, озвончается, то есть ведет себя как настоящая слабая фонема. Например: *кеьс* = «резать», но *тараа геьсер дэмир* «серп» (букв. «железо, режущее знак»).

[*к*] – заднеязычная слабая смычная ртовая согласная фонема. Встречается в слове в любой позиции. При этом в ауслате после чистых кратких и долгих гласных обязательен вариант «*к*», который, попав в интервокальное положение, озвончается в «*г*»: *пөк* «наешься жирной пищи» - *пөгер* «он наестся жирной пищи», *өөк* «пуговица» - *өөгүм* «моя пуговица». В анлауте могут варьировать звуки «*к*~*г*». Так, могут сказать *кел* ~ *гел* «иди сюда», *күлэгер* и *гүлэгер* «гладкий», «блестящий», *кэрэл* ~ *герэл* «стекло». В положении после сонантов всегда произносится звонкий «*г*»: *таай гелди* «дядя приехал», *мен гелди* «я приехал», *кеьш* «шкура» - *аң геьһи* «звериная шкура».

[*г*] – заднеязычный срединный ртовый сонант. Употребляется в начале, середине и в конце слова. Как и в случае с предыдущей фонемой, «*г*» в конце слова произносится как заднеязычный звук независимо от рядности слова, причем в ауслате он всегда щелевой – «*г*». Кроме того, он используется и в середине твердорядных слов перед заднеязычными согласными. Примеры: *дэг* «как, подобно», *даг* «гора», *бег* «начальник», *баг* «веревка», *тыьртыг* «подпруга вьючного седла», *ибиліг* «имеющий оленя», *дэгдэди* «вознесся», *эглир* «согнется», *дэгцир* «попадут в цель», *аглачыр* «примет участие в облаве», *агдыры* «вверх (к небу)». В середине слова, как между гласными, так и после звонких шумных и сонантов, употребителен смычный вариант «*г*», например: *берген* «дал», *иңген* «самка домашнего оленя», *өге* «домой», *тэйлиген* «коршун», *шибегей* «прожигалка», *ээгі* «ребро», *төлеген* «аккуратно платящий». В анлауте часто выступает как звонкий вариант слабой фонемы [*к*], о чем было сказано выше.

[*ң*] – заднеязычный смычный носовой сонант. Употребляется в середине и конце слова. При этом в конце слова «*ң*» произносится как заднеязычный независимо от рядности: *дэң* «равно», «равный», *даң* «утренняя заря», *доң* «замерзни», *бульиуң* «мышцы голени». В середине употребляется в мягкорядных словах: *дүңдэрик* «отвесная – о скале», *дэңнэ* «сравняться», *дүңнук* «дымовое отверстие чума, балагана», *мөңгүн* «серебряный», «деньги», *дөңһур* «взрослый самец дикого северного оленя». В твердорядных словах – в позиции перед переднеязычными согласными: *аңда* = «перевернуть», «вывернуть наизнанку», *аңшы* «охотник», *аңнық* «охотпромысел», *маңна* = «бежать прыжками – о зверях». Перед увулярными и фарингальными согласными появляется увулярный оттенок «*ң*»: *даңгаары* «на рассвете», *қаьңһа* «лыжи-голицы», *һаңғы* «эх», *һуңгу* «каток», *қаьңһар паи* «большой котел».

Увулярные

[к] – увулярная сильная смычная ртовая согласная фонема. Употребляется в середине и в конце слова. В ауслaute односложного слова ей обязательно предшествует фарингализованный гласный: *паък* «плохой», *қаък* «ударь», *наък* «крепко, туго», *соък* «бей». Когда «к» попадает в положение между гласными, он реализуется в виде звонкого фарингального звука «*h*»: *баънай* «плохой», *қаъһар* «ударит», *соъһар* «убьет ударом», *соъһуш* «щелчок» (< *соък*=). В середине твердоярдного слова аллофон «к» произносится лишь тогда, когда он попадает в пре- или постпозицию к другому сильному согласному: *паъшқа* «другой», «кроме», *паъққа* «плохо», *қаъқты* «ударил», *қаътқа* «на этаж».

[к] – увулярная слабая смычная ртовая согласная фонема. Употребляется в твердоярдных словах во всех позициях. В ауслaute после чистых кратких и долгих гласных обычен глухой вариант «к»: *ақ* «белый», *таақ* «крышка», *сооқ* «холодно», «морозно», «мороз». Попав в положение между гласными, он озвончается в «*г*»: *аг аң* «северный олень» (букв. «белый зверь»), *таагы* «его крышка», *соогай* «декабрь» (букв. «морозный месяц»). В анлауте варьируют «к», «*г*». Так, могут сказать *қолум* и *голум* «моя рука», *қан* и *ган* «кровь». Звонкие и глухие оттенки этой фонемы употребляются исключительно в зависимости от позиционно-комбинаторных условий – после сонантов произносятся, как правило, варианты с разной степенью звонкости, а в соседстве с другими глухими согласными сохраняется глухость. Например: *қар* «снег» - *ақ қар* «белый снег», *улуғ зар* «большой снег», *қол* «рука» - *миң голум* «моя рука», *саарсық қол* «одна рука», *атқа* «имени», *отқа* «огню», *ақтар* «белые», *тақша* «чашка для питья», *ташқа* «камню».

[*г*] – срединный ртовый сонант, встречается в увулярном и заднеязычном вариантах: в твердоярдных словах в середине слов употребляется увулярный вариант, например, *дагыры* «гористый», *алган* «взявший», *болган* «бывший», «ставший», в позиции перед согласными как в твердоярдных, так и в мягкорядных словах употребляется заднеязычный вариант «*г*», например, *ыглаган* «плаксивый», *эглир* «согнется», в абсолютном конце как твердоярдных, так и мягкорядных слов используется только заднеязычный вариант «*г*», например, *даг* «гора», *баг* «ремень», *дэг* «подобный», *бег* «начальник». Очень часто в интервокальном положении варьируют «*г*» и «*г*», например: *туньчугар* и *туньчугар* «задохнется», *караган* и *караган* «багульник». После смычных сонантов произносится смычный вариант «*г*»: *доңган* «замерз», *ньанган* «вернулся», *ньонган* «стругал».

Фарингальные

[*h*] – фарингальная слабая щелевая срединная ртовая согласная фонема. Встречается в начале и середине слов независимо от сингармонического ряда. Обычным вариантом в середине слова является озвонченный «*h*». В интервокальном положении, как отмечалось выше, он появляется на месте сильных «к» и «к» в позиции после фарингализованного гласного. Начальный «*h*», попав в положение между гласными или после сонанта, тоже выступает в озвонченном варианте. В ряде случаев в анлауте у него появляется отчетливая назализация, которую, однако, можно наблюдать иногда и в инлауте. В середине слова довольно обычен после сонантов. Примеры: *һой* «пазуха», *һаай* «нос», *һааш* «род хааш», *һааша* «каша», *һаақ* «лыжи, подбитые камусом», «ива, прутняк», *аъһай* «оленок», *таълһан* «мука», *чырымһа* «болонь», *баайһа шэй* «байховый чай», *баанһа* «банка».

[*һь*] – фарингальная слабая щелевая срединная палатализованная согласная фонема. Может быть назализована. Встречается в интервокальном положении в немногих корневых основах, напр., *иъһьи* «два», *иъһьон* «двадцать», *иъһэ* «мать», *уъһьу* «сон», *қаъйһа* «удивляться». Чаще всего встречается в интервокальном положении после фарингализованного гласного в качестве варианта сильной фонемы [ш], например: *аъһар* «откроет» (< *аъш*= «открыть»), *уъһар* «полетит» (< *уъш*= «лететь»), *өъһэр* «погаснет», *өъш*= «гаснуть».

Гортанные

В тофаларском языке гортанный смык не выступает как самостоятельная фонема, но как и вообще в тюркских языках каждый гласный, стоящий в абсолютном начале слова, обычно начинается с этого гортанного смыка (кнаклаута): *аът* «лошадь», *ат* «имя», *ыът* «собака», *эът* «мясо», *ол* «тот», *ал* «возьми» и т.п. В более яркой форме он выражен в начале и в конце некоторых междометий: ‘э^h – возглас человека, начинающего мерзнуть при сильном морозе, ‘о^h *чадайы верген мен* «ох, и устал я», *аа’* – возглас при поддакивании. Поскольку установлена непреложная зако-

номерность наличия кнаклаута перед каждым анлаутным гласным, во всей данной работе мы его не обозначаем, чтобы не загромождать транскрипции.

§ 3. ЗВУКИ В ПОТОКЕ РЕЧИ

1. Гармония гласных

В тофаларском языке, как и в других тюркских языках, за исключением, пожалуй, узбекского, фонологическая структура слова характеризуется прежде всего палатальным сингармонизмом, то есть все слово произносится либо одинаково твердо, либо одинаково мягко. Например:

Твердорядные слова		Мягкорядные слова	
<i>ыштанган</i>	«дымился»	<i>иштэнген</i>	«работал»
<i>һырлыг</i>	«с верхом»	<i>һірліг</i>	«грязный»
<i>қағсқаннар</i>	«грызли»	<i>кеьскеннэр</i>	«отрезали»
<i>паьққа</i>	«плохо»	<i>пеьккө</i>	«крепко»
<i>оңарлар</i>	«выцветут»	<i>өңерлер</i>	«подкрадутся»
<i>малларышыбыс</i>	«наши скотоводы»	<i>ибилершібіс</i>	«наши оленеводы»

Нёбная гармония гласных, регулирующая и определяющая состав вокализма тофаларского языка, проявляется в следующем виде:

1) если первый гласный корня представляет собой твердорядный гласный, то в последующих слогах слова употребляются только твердорядные гласные;

2) если первый гласный корня – мягкорядный гласный, то и в последующих слогах слова должны быть только мягкорядные гласные.

В силу этого закона аффиксы в тофаларском языке имеют свои твердые и мягкие варианты. Так, например, аффикс множественного числа употребляется в фонетических вариантах: *-лар/-лер*, *-тар/-тэр*, *-нар/-нэр*; падежные аффиксы: *-ның/-нің*, *-тың/-тің* (род. пад.), *-ны/-ні*, *-ты/-ті* (винит. пад.), *-да/-дэ*, *-та/-тэ* (местно-временной пад.); глагольные аффиксы: *=ған/=ген*, *=қан/=кен* (причастие прош. врем.), *=бас/=бес*, *=вас/=вес*, *=нас/=нес* (отрицат. форма прич. будущ. врем.) и т.п.

В то же время следует отметить, что в тофаларском языке встречаются случаи отклонения от этого закона в русских заимствованиях, напр.: *литопка* «коса для сенокосения», *бригада* «бригада», *гуучи* «гужи», *ишльйаа* «шляя», а также в бурятских, сохраняющих произношение оригинала, напр.: *куули* «желтая медь», «латунь» (< бур. *гуули*), *һуули* «закон» (< бур. *хуули*), *даалиң* «далемба» (< бур.-окинск. *даалин*). Как известно, в русском языке нет сингармонизма, а в бурятском, как и в других монгольских языках, он характеризуется наличием нейтрального гласного «и» (см. приведенные выше примеры). В заимствованиях же из средневекового монгольского языка закон тофаларского сингармонизма выдержан последовательно, например: *қытат* «китаец» (< ср.-монг. *kitad*), *арбын* «обильный – об урожае» (< ср.-монг. *arbin*).

Кроме того, в собственнотофаларских словах под влиянием согласного «й» происходит опереднение твердорядных гласных, поэтому в твердорядных словах появляются мягкорядные гласные: *аңнэи берген* «начал охотиться» (< *аңнайы берген*), *чориш берген* «уехал» (< *чоруйы берген*), *туьтпейндыр мен* «я не понимаю» (< *туьтпайындыр мен*), *барбейндыры* «он не идет» (< *барбайындыры*), *ээтырыг* «вопрос» (< *айтырыг*), *ээтқақ* «пологий – о склоне» (< *айытқак*), *барбэж мен* «я не ходил» (< *барбайық мен*), *шырээм* «мое лицо» (< *шырайым*).

В твердорядных словах появляется мягкорядный гласный «и» в случаях, когда перед ним стоит согласный «һь», возникший на месте «ш» после фарингализованного гласного в интервокальном положении. Например: *аьһық* «открытый» (< *аьш* = «открывать»), *қаьһық* «ложка» (ср. др.-тюрк. *qasīq id*), *қаьһын* «когда» (< *қаьш* «сколько»), *қыьһын* «зимой» (< *қыьш* «зима»), *баьһым* «моя голова» (< *баьш* «голова»).

Нарушение сингармонизма происходит и при выражении более сильной степени качества признака или обстоятельства за счет чередования последнего гласного основы с долгим «иш» или «ээ». Например: *аргалап* «медленно» - *аргалишп* «очень медленно», *чараш* «маленький» - *чаришиш* «очень маленький», *баьһай* «плохой» - *баьһэй* «очень плохой».

Губная гармония гласных в тофаларском языке проявляется следующим образом:

1) если первым гласным корня слова является широкий неогубленный гласный «а» или «э», то

в последующем слоге может быть только неогубленный гласный, при этом в зависимости от характера аффикса этот гласный может быть узким или широким. Та же закономерность наблюдается и в многосложных неразложимых корнях. Примеры: *аьпырган* «белка-летяга», *аарыг* «болезнь», *шаары* «вверх», *эптiг* «интересный», «красивый», *маъһалыг* «веселый», *барды* «пошел», *бердi* «дал», *эттэдi* «избил», *эьккi* «хороший», *безин* «даже», *дээмин* «только что», «недавно», *кеьсер* «отрежет», *баьсар* «наступит», «раздавит», *ашыньақ* «муж», «мужчина».

2) если первым гласным корня выступает узкий неогубленный «ы» или «и~i», то за ним всегда следует неогубленный гласный, узкий или широкий, в зависимости от характера аффикса. Эта же закономерность прослеживается и в многосложных неразложимых корнях. Примеры: *ыдық* «священный, посвященный духам – о домашнем олене или лошади», *һырбық* «лишайник», *һылын* «толстый – о плоском», *һырынныг инэк* «стельная корова», *билдiм* «я понял», «я узнал», *билдiрер* «сообщит», *ыдар* «пошлет», *шыладым* «я устал, изнемог», *килегер* «гладкий».

3) если первый гласный корня слова представляет собой широкий неогубленный гласный «о» или «ө», то за ним могут следовать широкий и узкий неогубленные и узкий огубленный, в зависимости от характера аффикса. При этом огубленный узкий гласный может иметь разную степень огубления, иногда чередуясь с узким неогубленным. Так, могут сказать *онуиқу* ~ *оноиқо* ~ *оныиқы* «десятый», *һөндүрү* ~ *һөндөрө* «прямо». Все же в тофаларском языке после гласных «о» и «ө» первого слога в последующих слогах чаще всего наблюдаются такие же широкие огубленные «о» или «ө». Так, чаще всего говорят *тоьһос* «девять», *һөндөрө* «прямо», *тоорго* «кабарга», *тоьһорго* «дятел». Таким образом, можно отметить ассимилирующее влияние «о» и «ө» на последующие узкие гласные. Кроме того, под влиянием тех же «о» и «ө» могут огубляться и последующие широкие гласные «а» и «э», в силу чего появляются варианты типа *көьфей* ~ *көьфөй* «много», *қорагар* ~ *қорогор* «торчащий вверх», *чөлеге* ~ *чөлөгө* «взрослый бык изюбря». Примеры на гармонирование гласных с «о» и «ө»: *һөөрүк* «бурундук», *төөрей* «круглый – о плоском предмете», *һоонай* «годовалый бычок домашнего оленя», *чоқшақ* «шишка – любая, кроме кедровой», *боолуқ* «колена – на стебле злачных растений», *тоьпуқ* ~ *тоьпоқ* «коленная чашечка», *оңгоқ* «утка-нырок», *оруқша* «по дороге», *оруу* «его дорога», *өлүм* «смерть», *көгүрһен* ~ *көгірһен* «полевой лук», *болур* ~ *болыр* «будет», *өлиш вээр* «намокнет», *өлү вээр* «умрет»;

4) если первый гласный корня слова представляет собой узкий огубленный «у» или «ү», то за ним может следовать либо широкий гласный, «а» или «э», либо узкий, в зависимости от вокализма аффикса. Узкий гласный, как правило, огублен, но иногда он может заменяться и разгубленным узким. Примеры: *узун* «длинный», *уьшуру* «навстречу», *удуур* «он будет спать», *удаан* «спал», *удыи вээр* «заснет», *үндүрүвитти* «вывел», *үнэр* «выйдет», *һүндүс* «днем», *туьһүрүп* «развьючив», *туьттурган* «позволил схватить», *үндүрген* «вывел», *күштүг* «сильный», *узады* «вдоль».

Закономерности употребления гласных в третьих, четвертых и последующих слогах проявляются в той же мере, что и в указанных выше случаях. Губная гармония проводится вместе с нёбной и поэтому следует иметь в виду единый процесс «нёбно-губного притяжения»¹. Обобщенно закономерности губной гармонии гласных тофаларского языка можно представить в таблице 5.

Таблица 5

Закономерности губной гармонии гласных в тофаларском языке

Гласные предыдущего слога	Гласные последующих слогов	Примеры
<i>а</i>	<i>а, ы</i>	<i>ата</i> «отец», <i>адыи</i> «ладонь»
<i>э</i>	<i>э, и ~ i</i>	<i>келген</i> «пришел», <i>бедiк</i> «высокий», <i>эчик</i> «дверь»
<i>ы</i>	<i>ы, а</i>	<i>шырыи</i> «ольха», <i>һыйа</i> «косо»
<i>и ~ i</i>	<i>и ~ i, э</i>	<i>иби</i> «олень», <i>илер</i> «прицепит»
<i>о</i>	<i>о, у, ы, а</i>	<i>тоьһос</i> «девять», <i>оруқ</i> ~ <i>орық</i> «дорога», <i>толга</i> «наматывай», <i>оларың</i> «они»
<i>ө</i>	<i>ө, ү, и ~ i, э</i>	<i>төьдө</i> «буран», <i>өлүм</i> «смерть», <i>өливитти</i> «намок», <i>һөтпө</i> «судочка»
<i>у</i>	<i>у, ы, а</i>	<i>шуруи</i> «щука», <i>удыи вер</i> «усни», <i>қулаи</i> «шаг»
<i>ү</i>	<i>ү, и ~ i, э</i>	<i>бүьтүн</i> «весь, целый», <i>үцииши</i> «третий», <i>һуреш</i> «борьба»

¹ См.: Дмитриев Н.К. Турецкий язык. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960, с. 17.

2. Чередование и варьирование гласных

В современном тофаларском языке наблюдается несколько типов чередования и варьирования гласных звуков в словах.

1. Чередование в определенных позиционных условиях гласных твердого ряда с гласными мягкого ряда под влиянием последующего щелевого среднеязычного сонанта «й». Например: *аңна* = «охотиться» - *аңнэидыры* «он охотится», *барықса* = «желать пойти» - *барықсэи берген* «он пожелал пойти», *уйма* = «разбрасывать пули – о ружье» - *боо уймэидыры* «ружье разбрасывает пули». Здесь наблюдается следующая закономерность: в случае, если за «й» этимологически должен стоять узкий гласный «ы», звук «й» как бы растворяется между двумя соседними гласными и на месте этого комплекса, как правило, возникает долгий гласный монофтонг (иногда процесс завершается лишь образованием дифтонга), например: *хайныр* «вскипит» - *һээнды* ~ *һаэнды* «вскипела – вода» (<*һайынды), *шырай* «лицо» - *шырээм* «мое лицо» (<*шырайым), *мойны* «его шея» - *мээн* «шея» (<*мойын), *ойны* «его игра» - *ээн* «игра» (<*ойын), *ай* «саранка» - *аэм* ~ *ээм* «моя саранка» (<*айым), *һиир* ~ *һыйыр* «кривой, изогнутый», *шый* = «писать, чертить» - *шиип* «написав, начертив» (<*шыйып) и т.п. Значение корня при чередованиях не меняется.

2. Варьирование узких огубленных и неогубленных гласных во втором и последующих слогах. Это явление в тофаларском языке закономерное. Так, например, один и тот же человек может сказать *һоқсуур* ~ *һоқсыыр* «запахнет – о мясе, начинающем портиться», *чоруур* ~ *чорыыр* «пойдет», «поедет», *қоргольчун* ~ *қоргольчин* «свинец», *онуи* ~ *оныи* «болото», *олур* ~ *олор* ~ *олыр* «сядь, садись», *болур* ~ *болыр* «будет». В ряде случаев происходит чередование этих гласных при формообразовании. Например: *уду* = «спать» - *удуур* «будет спать», но *удыи берген* «заснул», *һору* = «запретить» - *һоруур* «он запретит», но *һорыды* «он запретил». В этих случаях также не происходит изменения в значении корневой основы.

3. Варьирование гласных первого слога корневой морфемы. Оно происходит в некоторых словах, при этом значение их также не изменяется. В отдельных случаях эти варианты наблюдаются в речи одного и того же человека. Так, например, могут сказать *шубар* ~ *шыбар* «пестрый, пятнистый», *шубараш* ~ *шывараш* ~ *шавараш* «кабарга», *һоқсыыр* ~ *һақсыыр* «слегка запахнет – о мясе», *цүме* ~ *циме* «вещь, нечто», *туьп* ~ *тыьп* = «найти». В некоторых же словах гласные варьируют в произношении разных лиц. Например, одни говорят *товфа*, другие – *тыьфа* «тофа – самоназвание тофаларов», одни – *ишэк*, другие – *этик* «обувь», одни – *баьһым*, другие – *беьһем* «моя голова», одни – *пыьшқан*, другие – *пеьшкен* «сварилась – пища». Эти случаи отражают, видимо, какие-то древние языковые различия тюркоязычных групп, вошедших в состав тофаларов.

4. Чередование гласных типа флексии. При этом производная основа своим значением отличается от производящей. В тофаларском языке чередование этого типа, как уже указывалось выше, применяется при образовании форм для выражения усиления качества, признака предмета. В данном случае гласный последнего слога прилагательных чередуется с долгим «иш» или «ээ». Примеры: *биче* «маленький» - *бичиш* «очень маленький», *чараш* «маленький» - *чаришш* «очень маленький, малюсенький», *һыңге* «тонкий» - *һыңгиш* «тонюсенький», *аргалап* «тихо» - *аргалишп* «тихонечко, тихо-тихо», *баьһай* «плохой» - *баьһээй* «очень плохой, плохой-плохой», *чикті* «хитрый» - *чиктээ* «очень хитрый, хитрый-хитрый».

5. В позиции второго слога после согласного «һь», появляющегося в интервокальном положении после фарингализованного гласного на месте «шш», узкий неогубленный «и» часто варьирует с широким неогубленным «э». Так, например, могут сказать *қаьһық* и *қаьһэқ* «ложка», *қаьһын* и *қаьһэн* «когда», *аьһық* и *аьһэқ* «открытый». Кроме того, однотипное расширение гласного наблюдается и у мягкорядного аффикса принадлежности 3-го лица -и/-и, стоящего после основы с широким гласным. Например: *һэци* ~ *һэце* «его дерево» (< *һэци* «дерево»), *чеьһим* ~ *чеьһем* «мои волосы» (< *чеьш* «волосы»), *кеьһи* ~ *кеьһе* «его шкура» (< *кеьш* «шкура»).

3. Вставка, ослабление и выпадение гласных

Наряду с различными чередованиями и варьированием гласных для тофаларского языка характерны также процессы, связанные с появлением в слове особых вставных гласных, а также с редукцией и выпадением гласных как внутри слова, так и в конце его, на стыке с другими словами. Рассмотрим эти процессы.

Протеза. В словах, заимствованных из русского языка, часто появляются протетические гласные, предшествующие согласным, которые по законам тофаларской фонетики не могут быть в абсолютном начале слова, и стечению двух или нескольких согласных в анлауте, которое также недопустимо в тофаларском языке. Правда, некоторые русские заимствования современными тофами произносятся подобно русскому оригиналу, без протезы. Связано это с массовым хорошим знанием русского разговорного языка. Например: *раама* «рама», *резинка* «резинка, ластик», *рай-оон* «район», *дробби* «дробь». Но все же большинство из подобных слов имеет протетические гласные в анлауте: *уруучка* «ручка ученическая для письма», *ышкоол* «школа», *ырмаақы* «рубашка, платье», *осқоовор* «сковорода», *истишикэ* «спички», *арчанай* «рожь» (< ржаной) и т.п.

Эпентеза. В некоторых случаях в русских заимствованиях появляются особые вставные, эпентетические гласные, как бы разбавляющие анлаутное стечение двух согласных. Например: *тоборооқ* «творог», *һулүүпчи* «замок» (< русск. *ключик*), *қыраамыты* «грамота», *шилһыаа* «шлея», *һынһээк* «книга», *балуушка* «блоха» (< русск. *блошка*), *һірәәсэ* «крест», *пылаат* «платок», *һірінсээ* «крыльцо».

Редукция и выпадение гласных внутри слова. В тофаларском языке краткие узкие гласные «ы», «і», «у» и «ү» оказываются неустойчивыми, «беглыми». Они имеют особенность, находясь в безударном положении, доходить до сверхкраткости, редуцироваться и выпадать. Причем в произношении одного и того же лица слова звучат то с этим гласным, то без него. Например: *асыранды* ~ *асранды* «воспитанник, приемыш», *қулақ* ~ *құлақ* ~ *қлақ* «ухо», уши», *бірээ* ~ *брээ* «один», *тамыһы* ~ *тамһы* «табак», *ашыһыақ* ~ *ашһыақ* «муж», «мужчина», *қорһыһыақ* ~ *қорһһыақ* «жена», «женщина», *һурһыһыақ* ~ *һурһһыақ* «деревянная лопата», *тақыһыақ* ~ *тақһыақ* «курица». При быстром темпе речи эти узкие гласные, как правило, ослабевают и могут выпадать совсем, поэтому часто произносят *қлаштан* вместо *қулаштан* ~ *құлаштан* «пешком», *тамлаар* «будет курить» вместо *тамыһылаар*. Узкие гласные конечных слогов основ выпадают также, попав в безударное положение в результате прибавления к основе слова того или иного аффикса. Это наблюдается, например, при присоединении к двусложным именным основам со вторым узким гласным аффиксов личной принадлежности, причем среди согласных происходит особая переассимиляция (см. о ней ниже). Примеры: *бурун* «пространство впереди» - *мурну* (<**буруну*) «пространство впереди него», *алын* «лицо» - *анһым* (<**алһым* <**алһыһым*) «мое лицо», *һелин* «невестка» - *һенһи* (<**һелһи* <**һелин*) «его невестка», *мөһн* (<**мойһн*) «шея» - *мойһың* (<**мойһыһың*) «твоя шея». Такое же выпадение узких гласных наблюдается и при изменении глагольных основ, сопровождаемое переассимиляцией согласных: *көзүл* «покажись» - *көстүр* (<**көздүр* <**көзүлүр*) «он покажется», *туһпул* «найдишь» - *туһптур* (<**туһптур* <**туһпулур*) «найдется».

Элизия. Если слово, имеющее в ауслaute гласный, предшествует слову с анлаутным гласным, то, как правило, особенно в быстрой речи, конечный гласный первого слога выпадает, независимо от того, широкий он или узкий. Так, например, в пословице *экер эндәэр, эһат мүдрүүр* «и добрый молодец ошибается, и добрый конь спотыкается» наблюдается элизия на стыке слов *эһки эр* «добрый молодец» и *эһки аһт* «добрый конь». Элизия происходит и в таких сочетаниях слов, как *қараһт* «вороной конь» (< *кара аһт*), *оодулуг* «очень большой» (< *оода улуг*), *база* «этот черт» (< *бо аза*), *аһыраштады* «очень голодал» (< *аһыры аштады*), *өһскеске* «различные», «всякие» (< *өһске өһске*), *атиһһэ* «родители» (< *ада иһһэ*).

4. Позиционно-комбинаторное употребление согласных

Употребление в слове тех или иных согласных звуков в тофаларском языке также диктуется определенными позиционно-комбинаторными условиями – положением в слове, соседством других согласных и гласных звуков, а также сложившимися закономерностями фонетической системы языка. В зависимости от того, находится ли согласный в начале, середине или в конце слова, и определяется его употребляемость, характер, сочетаемость и способность чередоваться с другими согласными.

В абсолютном начале слова в тофаларском языке могут употребляться следующие согласные, из сильных – *П, Т, С, Ш, К, Қ, Ч*, из слабых – *п(б), т(д), к, қ, ч(ц), һ*, из сонантов – *м, н, нь, р, л*. В собственно тофаларских словах согласные *в, н, р, л* в анлауте не употребляются. Исключение составляют усилительные частицы *ла/лэ, на/нэ*.

Зубно-зубной согласный «в» типа русского вообще не характерен для тофаларского языка, но

в последнее время он произносится лицами, хорошо владеющими русским языком, в таких русских заимствованных словах, как *везник* «веник», *видроо* «ведро», *вагоон* «вагон», *вишлэ* «вилы», «вилка».

Сонант «н» в начале слова не был характерен уже для древнетюркского языка¹. Он был представлен лишь в нескольких собственных (*не* «что?», *неца* «сколько?», *немä* «вещь», «нечто») и в основном в иноязычных по происхождению словах. Тофаларский же язык, до появления в нем иноязычных заимствований, начинающихся с «Н», видимо, вообще не допускал его в анлауте, поскольку в современном тофаларском языке те три древних тюркских слова представлены с начальной аффрикатой «ч»: *чү* «что», *чеьне* «сколько?», *чиме* ~ *чүме* «вещь», «нечто». Таким образом, сонант «н» в тофаларском языке тоже появляется лишь в начале заимствованных слов типа *ноқта* «недоуздок» (< монг. *ноуtu* id.), *нуьһу* = «нажимать кулаком» (< монг. *ниқи* «мять»), *нэьне* = «гнаться», «требовать, взыскивать» (< монг. *неке* = id), *ностоол* «стол» (< русск. *на стол*), *натруушка* «охотничий пояс с принадлежностями для зарядания кремневых и шомпольных ружей» (< сиб.-русск. *натрушка*) и т.п.

Сонант «л» также стоит в начале заимствованных слов: *лом* «религиозная книга» (< монг. *ном* «книга»), *лап* «точно», «как раз» (< монг. *lab* id.), *лаампа* «лампа» (< русск. *лампа*), *литоопка* «коса для сенокосения» (< русск. *литовка*).

Сонант «р» имеется в начале слов, являющихся позднейшими заимствованиями из русского языка: *раама* «рама», *райоон* «район», *резинкэ* «ластик» (< русск. разгов. *резинка*). В более старых заимствованиях, когда тофы почти не владели русским языком, перед этим звуком появлялась протеза (см. выше).

Противопоставление сильных и слабых согласных в анлауте в тофаларском языке не носит четко и последовательно выраженного характера. Сильные глухие П, Т, К, Қ, Ч в тофаларском языке в анлауте довольно редки и употребляются в ограниченном количестве слов. Попав в положение между гласными или после сонорного они всегда сохраняют глухость, например: *иьһи паар* «две пары», *эькки пааш* «хороший котел», *мишң пачим* «мой котел», *оң қаьққан* «он ударил». Наиболее обычными в анлауте являются слабые п(б), т(д), к, қ, ч(ч). Например: *тос* ~ *дос* «береста», *тот* = ~ *дот* = «наедаться, насыщаться», *пөш* ~ *бөш* «кедр», *пага* ~ *бага* «лягушка», *чаг* ~ *чаг* «жир», *чэй* ~ *чэй* «лето», *чеьт* = ~ *чеьт* = «достигать», *чет* = ~ *чет* = «вести за руку», *чоқ* ~ *чоқ* «нет». Кроме того, в анлауте обычно употребляются сильные с и ш, всегда остающиеся глухими на стыке слов в положении между гласными или после сонанта. По сути дела в анлауте фонематически противопоставляются лишь сильный п и слабый п(б). Например: *пааш* «котел» - *пааш* ~ *бааш* «рана», «язва», *паар* «пара» - *паар* ~ *баар* «печень» или *паар* ~ *баар* «он пойдет», да и то в немногих словах.

Из сонантов в собственнотофаларских словах в анлауте употребляются *м* и *нь*: *мен* «я», *меэ* «мозг», *мүн* «суп», «бульон», «уха», *моң* «колотушка», *ньаа* «новый», *ньуус* «одинокий», *ньан* = «возвращаться».

Так же, как и в других тюркских языках, в тофаларском языке в начале слова не может быть стечения двух и более согласных. При заимствовании слов из других языков, например, из русского, эти стечения «разгружаются» за счет использования протезы, эпентезы и афферезиса (напр., *арчанай* «рожь» < русск. *ржаной*, *һулүүпчи* «замок» < русск. *ключик*, *таршина* < русск. *старшина*).

В середине слова в тофаларском языке употребляются следующие согласные, из сильных – П(Ф), Т, С, Ш, К, Қ, Ч, из слабых – п(б-в), т(д), с(з), ш(ж), г, г, ч(ч), һ, һь, из сонантов – *м*, *н*, *нь*, *й*, *р*, *л*, (*г*), (*г*), *ң*. Характерной особенностью тофаларского языка является четкое различие в интервокальном положении сильных и слабых согласных. Например: *аьтым* «мой конь» - *атым* ~ *адым* «мое имя», *қаьтым* «мой этаж», «мой слой» - *қатым* ~ *қадым* «мой ветер», «моя ягода», *аьсар* «он повесит» - *асар* ~ *азар* «он заблудится», *кеьсер* «он отрежет» - *кесер* ~ *гезер* «он будет бродить, шляться». При этом сильные согласные т, с, ч всегда глухие и даже бывают геминированы, напр., *мен сені гөрдүм* «я тебя увидел», *улуғ туғул* «большой теленок», *һаэче* ~ *һаэчче* «ножницы», *оңгоча* ~ *оңгочча* «лодка», *долото* ~ *долотто* «долото», *сиитэ* ~ *сииттэ* «сито». Сильные «к» и «қ», стоящие после фарингализованных гласных, попав в интервокальное положение, переходят в «*һ*», а «ш» - в «*һь*». Слабые же согласные и сонанты обычно выступают в звон-

¹ См.: Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969, с. 354-361.

ких вариантах. Интересно, что заднеязычный «г» может употребляться как в мягкорядных, так и в отдельных твердорядных словах. Например: *гелген* «он пришел», *гөгу* «его трава», *һөгүм* «мой рот» (эвфемизм), *чойган* «пихта», *уйгут* «тополь», *караган* ~ *караган* «багульник».

Кроме того, некоторые слабые согласные и сонанты, оказавшись в середине слова на стыке морфем между гласными, выпадают. На месте их выпадения образуются долгие гласные, о чем уже подробно говорилось выше.

В *ауслaute* в тофаларском языке могут быть следующие согласные: из сильных – *п, т, с, ш, к, қ*, из слабых – *п, т, с, ш, к, қ*, из сонантов – *м, н, ң, г, й, р, л*. Характерной особенностью тофаларского языка является четкое противопоставление слабых согласных сильным в *ауслaute* односложных слов. При этом сильные согласные стоят, как правило, после фарингализованных гласных, слабые – после чистых кратких, долгих и дифтонгов. Сонанты ведут себя в данном случае как слабые. Нижеследующие примеры иллюстрируют их употребление: *эьт* «мясо» - *эьт* «закрой дверь», *аьс* «повесь» - *ас* «заблудись», *қаьп* «схвати ртом» - *қап* «кожаный мешок», *сөьк* «распори шов» - *сөөк* «кость», *паар* «пойдет», *ал* «возьми», *аал* «селение», *сен* «ты», *он* «десять», *доң* «замерзни», *даң* «утренняя заря», *дэң* «равный», *даг* «гора», *дэг* «как, подобно, вроде», *ай* «саранка», *һой* «овца».

Все согласные, за исключением *к, қ, қ, қ* индифферентны к рядности слова, то есть могут быть как в мягкорядных, так и в твердорядных словах. Особенно примечателен факт нейтральности к палатальному сингармонизму у заднеязычных «ң» и «г», о чем уже упоминалось выше.

В абсолютном исходе слова сочетания согласных, кроме *рп* и *лп* не допускаются, при этом сочетание *лп* отмечено лишь в единичных звукоподражательных словах. Примеры: *пьялт* *кынды* «плеснула рыба», *тыьрт* «тяни, тащи», *төрт* «четыре», *аьрт* «перевал», *куьрт* «червь», «насекомое», *чуьрт* «остов чума». Следует отметить, что сочетание *рп* в некоторых случаях возникло на месте общетюркских сочетаний согласных *rk, rq*: тоф. *пөьрт* «шапка» - общетюрк. *börk id.*, тоф. *қоьрт* «бойся» - общетюрк. *qorq id.*, тоф. *пеьрт* «добрый» - др.тюрк. *berk* «крепкий».

5. Чередование гласных

В потоке речи начальные и конечные согласные слова, оказавшись в положении между гласными, после глухих или звонких согласных и сонантов, претерпевают серьезные изменения или даже подвергаются чередованию. Так, слабые, попав в интервокальное положение или в позицию после сонанта, обычно озвончаются, при этом смычный «б» чередуется со щелевым «в», «п» - с «б» и «в», «т» - с «л», конечное «с» - с «з», конечное «ш» - с аффрикатой «ч», «к» - с «г», «қ» - с «г» или «г». Сонант «н» в некоторых случаях может чередоваться с «й». Примеры: *аба* ~ *ава* «мама», *барывытқан* «ушел» (< *барып* *ытқан*), *палық* ~ *балық* «рыба», *он балық* «десять рыб», *таш* «камень», *даң өг* «каменный дом», *боо даңы* «кремень» (букв. ружейный камень), *өч алды* «отомстил» (< *өш* «месть», *алды* «взял»), *кел* = «приходить», *оң гелген* «он пришел», *тос* «береста», *дозөг* «чум, крытый берестой», *қоьртқаң өлген* «умер от испуга» (< *қоьртқаиш* «испугавшись», *өлген* «умер»), *туйуқ* ~ *түүқ* «закрытый наглухо, закупоренный» (< **тунуқ* < *тун* = «быть закупоренным»), *сыйық* ~ *сыиқ* «сломанный» (< **сынық* < *сын* = «ломаться»), *узун гуьрт* «змея» (букв. «длинный червь»), *қон* = «ночевать», *иьһи гонган* «дважды ночевал».

Аффриката «ч», стоящая в *анлауте*, оказавшись после сонанта, озвончается, переходя в «ч». Попав же в интервокальное положение, она обычно чередуется со щелевым сонантом «й» (напр., *чору* «иди», *мен чораан мен* «я ходил», *мен ында йораан мен* «я там ходил»; *чыл* «год», *он чыл* «десять лет», *һаа йыл* «новый год»; *чыьтыры* «лежит», *оль чыьтыры* «вон там лежит», *бо йыьтыры* «вот здесь лежит»; *чүме* «вещь», *мииң чүмем* «моя вещь», *боо йүмесі* «ружейные принадлежности»), но может сохраняться и в своем звонком варианте (напр., *бо йыл* ~ *бо чыл* «этот год», *һаа йыл* ~ *һаа чыл* «новый год»).

У сонантов часто встречается чередование с нулевым звуком, когда *г, г, ң, й, р, л*, бывшие в *ауслaute*, попав в интервокальное положение, выпадают (см. об этом выше).

Слабые согласные в положении перед сильными, после их или после другого слабого всегда выступают в своих глухих вариантах, например: *төрт* *палық* «четыре рыбы», *эьт* *чэнім* «я ел мясо», *эш* *келді* «друг пришел», *саарсық қол* «одна рука», *қөк қаьққан* «косил сено».

Наиболее существенные изменения наблюдаются при чередовании сильных согласных *ауслaute*, попавших в положение между гласными. Так, «п» чередуется с «ф», «к» - с «һ», «қ» - с «һ»,

«ш» - с «һь», согласные «с» и «т» могут усиливаться вплоть до геминации (подробнее об этом см. выше). Интересно, что сочетание согласных *рш* в ауслауте, возникшее на месте общетюркских *rk* и *rq*, в интервокальном положении чередуется с *ph* (как бы восстанавливаясь): *пөөрш* «шапка» - *бөөрһүм* «моя шапка», *қоёрш* «бойся» - *қоёрһар* «испугается», *пээрш* «добрый» - *бөөрһи* «его доброта».

Кроме того, в тофаларском языке иногда чередуются «б» и «м»: *бурун* «пространство впереди» - *мурнумда* «впереди меня», *боглыр* «задушится» - *моолды* «задушился» и т.п. В некоторых словах варьируют «нь» и «ч(чж)»: *ньуңгу* ~ *чуңгу* «каток»; *ньуңгула* = ~ *чуңгула* = «кататься на катке»; *алыгч*, *чымчақ* гутар. *ньымчақ* «мягкий».

Как правило, конечный «г» основы, попавший в позицию перед «м» (особенно это ярко проявляется в словообразовании), переходит в «ң», например: *кег* = «мелко крошить» → *һеңме* «мелко крошенное сухое мясо (как блюдо)», *эг* = «гнуть» → *эңме* «изогнутые прутья в детской колыбели». Этот процесс можно предположить также и в тофаларских словах *таңма* «печатать, тавро, тамга» (ср. др.-тюрк. *tatya* «печатать, знак», что, возможно, метатеза от **taγma*, ср. туркм. *даг* «клеймо, тавро, знак»), *туңма* «младший брат или сестра» (ср. др.-тюрк. *toy* «рождать», туркм. *догма* «сын, мальчик» < *дог* = «рождаться»), производящие основы которых в современных тофаларском языке не сохранились.

Заслуживает внимание также чередование «к» и «һ» в аслауте, наблюдаемое в отдельных словах как между говорами тофаларского языка, так и вообще в языке, что свидетельствует о сложности данного явления. Например: алыгдж. *һүн* ~ гутар. *күн* «солнце», «день»; алыгдж. *һидис* ~ *кидис* «войлок», *қаһһар* «будет косить» - *һан туру* (< **каһһан туру*) «косит»; *қығһар* «будет гореть» - *һып туру* (< **кығһып туру*) «горит».

6. Ассимиляция согласных

При наращении аффиксов в некоторых основах происходит выпадение «беглого» гласного, что вызывает разрушение слоговой структуры слова и образование новых сочетаний согласных в слове. При этом в результате действия закономерностей сочетаемости согласных глухого с глухим, звонкого со звонким происходят процессы сложной ассимиляции и вновь образовавшиеся сочетания согласных: *ст* – на месте слогов типа – *-зул/-зүл*, *-зыл/-зіл*, *-сыл/-сіл*, *-зыт/-зіт*, *-зын/-зін*, *-сын/-сін*: *бузул* «разрушайся» - *бустур* «разрушится», *көзүл* «покажись» - *көстүр* «покажется», *чазыл* «взорвись» - *частыр* «взорвется», *озыт* «отпусти» - *остыр* «отпустит», *аьсыл* «повесься» - *аьстыр* «повесится», *аьсын* «заткни нож за пояс» - *астыр* «заткнет нож за пояс», *қазын* «копайся в огороде» - *қастыр* «будет копать»; *шт* – на месте слогов типа *-һул*, *-һил*, *-һүн*, *-һин*: *уьһул* «сними одежду» - *уьштур* «снимет одежду», *аьһил* «откройся» - *аьштыр* «откроется», *өьһүн* «плечо» - *өьштү* «его плечо», **иьһин* «внутренность» - *иьшти* «внутренность», *эьһин* «купайся» - *эьштир* «будет купаться»;

сш – на месте слогов типа *-зыш/зіш*: *қазыш* «копайте вдвоем» - *қасшыр* «будут копать вдвоем», *кезіш* «бродите вместе» - *кесиір* «будет бродить вместе со всеми»;

шч – на месте слогов типа *-чуш/-чүш* и *-һуш/-һүш*, *-һиш*: *дучуш* «встретьтесь» - *душчур* «они встретятся», *уьһуш* «летите вместе» - *уьшчур* «они полетят вместе»; *эьһиш* «гребите вместе» - *эьшчир* «будут грести вместе»;

тч – на месте слогов типа *-тыш/-тіш*, *-туш/-түш*: *саьтыш* «торгуй» - *саьтычур* «будет торговать», *туьтуш* «держитесь» - *туьтычур* «будут держаться», *кетіш* «одевайте вместе» - *кетьчир* «оденут вместе», *өьтүш* «пройдите сквозь что-л. вместе» - *өьтычур* «они вместе пройдут насквозь»;

тт – на месте слога типа *-тун* и т.п.: *туьтун* «держись» - *туьттур* «будет держаться»;

пт – на месте слогов типа *-пыл/-піл*, *-пул/-пүл*: *тэьпіл* «лягайся» - *тэьптір* «будет лягаться», *туьпул* ~ *тыьпыл* «найдишься» - *туьптур* ~ *тыьптыр* «найдется»;

пч – на месте слогов типа *-пыш/-піш*, *-пуш/-пүш*: *тэьпіш* «лягайте друг друга» - *тэьпиір* «будут лягаться», *туьпуш* ~ *тыьпыш* «найдите вместе» - *туьпчур* ~ *тыьпчыр* «найдут вместе»;

кс – на месте слогов типа *-һыс/-һис*: *чоьһыс* «зажги бересту» - *чоьқысыр* «зажжет бересту», *аьһыс* «заставь течь» - *аьқысыр* «заставит течь»;

ки – на месте слогов типа *-һыш/-һиш, -һуш/-һүш*: *соьһуш* «деритесь» - *соьқшуш* «будут драться», *паьһыш* «смотрите вместе откуда-либо сверху» - *паьқшыш* «будут вместе смотреть вниз»;

кт – на месте слогов типа *-гын*: *сагын* «скучай» - *сақтыр* «будет скучать»;

кт – на месте слогов типа *-һул*: *соьһул* «обвалялись – о стене» - *соьктүр* «обвалится», *төьһул* «пролейся» - *төьктүр* «прольется»;

нн – на месте слогов типа *-лын/-лин, -лун/-лүн*: *алын* «лицо» - *анны* «его лицо», *һелин* «невестка» - *һенни* «его невестка», *һулун* «жеребенок» - *һунну* «его жеребенок», *бөлүн* «соберитесь в кучу» - *бөһннүр* «соберутся в кучу», *дүлүн* «утони» - *дүннүр* «утонет»;

ңн – на месте слогов типа *-ңыл/-ңил, -ңул/-ңүл*: *моңыл* «повесься» - *моңныр* «повесится», *һөөл* (<*һөңүл) «душа», «настроение», «желание» - *һөңнү* «его душа», «его настроение», «его желание»;

льч – на месте слогов типа *-лыш/-лиш, -луш/-лүш*: *алыш* «дружите (о девушке с парнем)» - *альчыр* «будут дружить», *болуш* «защищай» - *больчыр* «защитит»;

рчж – на месте слогов типа *-рыш/-риш*: *тырыш* «сморщись», «свернись» - *тырچار* «сморщится», «свернется».

7. Метатеза, гаплогия, стяжение

В тофаларском языке в ряде случаев в словах происходит перестановка слогов (метатеза), в результате чего появляются варианты типа *меьһерле* = ~ *меьһерле* = «кидать, бросать» (< *меьһе* «палка»), *сиьһен* = ~ *сиьһен* = «трястись, дрожать», *мақароон* ~ *һармақоон* «макароны» (<*русск.) и т.п. Как следствие метатезы появилось, например, слово *өскүс* «сирота» (ср. др.-тюрк. *ögsüz*, тур. *öksüz* id. < др.-тюрк. *ög* «мать»), слово *шепкен* «сукно» (ср. туркм. *чэмен*, тат. *чикмән* «халат», «зипун из сукна»).

Часто происходит выпадение одного из двух стоящих рядом слогов (гаплогия). Например: *орайлаанай* «поздно родившийся олененок» < *орайлаан аьһнай*; *баьшитаанай* «рано родившийся олененок» < *баьшитаан аьһнай*; *лаампа һын туру* «лампа горит» < *лаампа қыьпын туру*; *көк һап туру* «косит траву» < *көк қаьһап туру*; *туп қаар* «найдет» < *туьһуп каар*; *тупыт қан* «нашел» < *туьһуп ытқан*.

Кроме того, наблюдается под влиянием явления элизии стяжение слогов на стыке слов, в результате чего образуется сложное слово, несколько видоизмененное фонетически. Так, например, появляются в быстрой речи слова типа *сараьт* «савраска, саврасый конь» < *сарыг аьт*; *тораьт* «гнедко, гнедой конь» < *торуз аьт*; *чадыган* «мелкий пихтач (подлесок)» < *чадаг чойган* букв. «пеший пихтач»; *һоонай* «годовалый олененок» < *қуу аьһнай* букв. «серый олененок»; *маьһалды* «весело» < *маьһалыгды*; *қаьһарлаң* «медведь» < *қаьһарарлыг аң* букв. «зверь, имеющий сало»; *сарьяң* ~ *сараң* «изюбрь» < *сарыг аң* букв. «желтый зверь».

§ 4. ПРИНЦИПЫ ТОФАЛАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Принятая письменность тофаларского языка базируется на русском алфавите, который принят целиком: *а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я*. Для обозначения специфических тофаларских звуков введены дополнительные знаки *һ, ң, ө, ү, ә, і, ҫ, қ, ғ, Ӏ*, принятые для обозначения соответствующих звуков в алфавитах некоторых тюркских языков России. Знаки *х, ц* и *ш* сохраняются для неадаптированных русских заимствований, поскольку в тофаларском языке соответствующих звуков нет. Адаптированные заимствования следует писать согласно нормам их произношения, например: *һольсоо* «колесо, кольцо», *һүүнтэ* «фунт», *саақар* «сахар», *һүрпәә* «крупа» и т.п.

Точное соответствие выявленных фонем тофаларского языка и их основных вариантов буквам принятой письменности представлено в таблице 6. При этом глухой заднеязычный смычный согласный звук обозначаем буквой *к*, используемый в мягкорядных словах, например, *һерек* «дело», а в твердорядных словах всегда употребляется смычный глухой вулярный *қ*, например, *қарақ* «глаза», для звонких же заднеязычных смычных согласных используем букву *г*, которая в некоторых случаях используется и в твердорядных словах для обозначения смычных звонких вулярных как вариантов *г*, знак же *ғ* используется в мягкорядных словах для обозначения звонких щелевых заднеязычных в середине слова типа *эғлыр* «согнется», а в твердорядных словах всегда произно-

сится как заднеязычный *ɣ* в позиции перед согласным, например, *агды* «лестница», *ыглаган* «плаксивый», так и для обозначения конечных звонких щелевых согласных, которые в данной позиции в любых словах выступают в виде заднеязычных *ɣ*, например, *даг* «гора» - *дэг* «подобный», в начале слова, в интервокальной и в постконсонантной позиции в твердорядных словах всегда произносится увулярный *ɣ*, например, *қараган* «багульник», *алган* «взял».

В основу принятой тофаларской письменности положен фонетический принцип с элементами морфологического. Главенствующее значение фонетического принципа объясняется тем, что тофаларский язык никогда не имел своей письменности и у него нет сложившихся традиций письма, поэтому люди уже привыкли при устном общении связывать определенное сочетание звуков с соответствующим смыслом и всякое нарушение этого сочетания вызывает просто непонимание. Например, значение «мой камень» закреплено за звуковым комплексом *дацым*, хотя просто «камень» - *таш*; «моя голова» - *баһим*, а «голова» - *баһи*; «откроет» - *аһяр*, а «открой» - *аһи*; «потечет» - *аһар*, а «теки» - *аһк*. Подобных примеров можно привести очень много, так как в тофаларском языке при изменении комбинаторных фонетических условий все звуки претерпевают значительные модификации. Применяя морфологический принцип, следовало бы писать приведенные выше примеры как *ташым*, *баһшым*, *аһшар*, *аһкар*, но тогда никто не понял бы.

В другом же случае, когда в небрежной речи отдельных индивидуумов происходит элизия слов и разрушение их фонетического облика, а при нормальной речи этого не случается, за типичное следует принимать это нормальное произношение с учетом морфологического строения слова. Например, приходилось слышать у отдельных тофов *саряң* «изюбрь», *каһьярлаң* «медведь», *эккят* «добрый конь», *оодулуг* «очень большой», *долай* «полная луна», *дораят* «гнедой конь» и т.п. Но в то же время нормальное общепринятое произношение этих примеров *сарыг аң*, *каһьярарлыг аң*, *эки аът*, *оода улуг*, *долу ай*, *доруг аът*. Поэтому на письме следует соблюдать морфологическую целостность общепринятых форм. Этот же принцип целесообразно соблюдать и при написании аналитических форм со служебными словами. Например: *аца берген* «перевалил» (хотя в быстрой речи произносят *аца верген*), *аът бла* «на коне» (хотя произносят *аът пла*). Аффиксы же писать так, как они произносятся, с учетом ассимиляции. Например: *һемге* «на реку», *аътка* «коню», *аътты* «коня», *һемни* «реку», *һөлнү* «озера», *аътта* «у коня», *һемдэ* «на реке».

Вторичные фонематические аспекты тофаларских гласных – долгота и фарингализация – находят следующее отражение в принятой письменности. Краткий гласный обозначать одной буквой, долгий – удвоенным написанием соответствующей буквы, например: *ас* «заблудись» - *аас* «рот», *ыт* «отправь» - *ыыт* «звук», *эт* «закрой дверь» - *ээт* «излучина реки» и т.п. Фарингализацию гласного обозначать постановкой твердого знака «ь» после соответствующей буквы, например: *аьс* «повесь», *ыьт* «собака», *эьт* «мясо» и т.п.

В целях отражения произношения и избежания искажений при прочтении слов вводим букву «э» для обозначения звука «э» - важнейшего оттенка фонемы [э], при этом долгий «э:» является обязательным вариантом долгой фонемы [ээ] в конечном слоге слова. Этот «э:» обозначаем удвоением буквы «ээ». Например: *һүдээ*, но не *һүдээ* «зять», *эьттээр*, а не *эьттээр* «ехать за мясом», *кишээ*, а не *кишээ* «человеку», *бээ*, а не *бээ* «его начальник» и т.п. Далее, обязательно различать на письме буквы «и» и «і». При этом «и» ставится в середине и конце слова после мягких и среднеязычных согласных и в абсолютном начале слова, а «і» обычно в середине и конце слова после согласных, которые никогда в данной позиции не смягчаются. Например: *уби* [ib'i] «олень», *урик* [ir'ik] «гнилушка», *бил* [b'il] «знай», *кір* [kir] «войти», *дирүг* [dir'iy] «живой», *бедик* [b'edik] «высокий». Неразличение же «и» и «і» может повлечь искажение смысла. Так, например, написав *бедик* вместе *бедік*, мы дадим произносительный вариант слова *бечик* «колыбель», поскольку в тофаларском языке палатализованный «d'» близок среднеязычному «ç», являющемуся вариантом.

Йотированные гласные буквы «я», «ё», «ю», «е», наряду с «и», вводятся только для обозначения палатализации или среднеязычности предыдущего согласного, например: *нян* [nan] «вернись», «бедро», *неш* [neʃ] «дерево», *баһи* [baʃhi] «его голова», *аһяр* [aʃ'ar] «откроет», *пялт* [p'alt] – звукоподражание всплеску рыбы, *пилы* [p'illʲ] «плоская поварежка», *Каляй* [qal'aj] – мужское имя и т.п.

Палатализацию же и среднеязычность согласных, произносимых перед другими согласными, предлагается обозначать постановкой в постпозицию мягкого знака «ь», например: *һальбыр* «искривленный винтообразно», *корһуньчуг* «страшно», *шеньчар* «ткнет», *дальчыр* «левый».

Гласные буквы «а», «о», «у», «ы», «э», «ө», «ү», как и «i», ставятся всегда после твердых, не смягчающихся согласных, например: *ата* [ata] «отец», *баг* [bay] «веревка», *аьһар* [aьһar] «поте-чет», *тоьһо* [t ьһ] «его шарик» (ср. *тоьһё* [t ьһ'] «его лед»), *насын* [nasьn] «возраст, прожитая жизнь» (ср. *нясьй* [nasьj] «обжора»), *энтэн* [eptep] «как следует», *эптиг* [eptiy] «красивый, пригожий», *тэьһен* [teьһ'en] «колочка».

Перед гласным же «ээ» согласные ведут себя по-разному. Так, «д», «т» и «н» всегда твердые, а остальные согласные палатализируются. Например: *өгдээ* [yda:] «находящийся в доме», *эьтээ* «его пола» (< *эьтэк* «пола»), но *чэьтпээн* [hseьtp'a:n] «не достиг», *немээ* «его помощь» (< *немез* [n'em'ey] «помощь»), *һурээ* [hur'a:] «забор», *эзээ* [ez'a:] «тетка», *илээ* [il'a:] «в открытую» (< *иле* [il'e] «открытый, явный, ясный»).

В случае, если нужно обозначить долгий гласный, стоящий после палатализованного или среднеязычного согласного, применяется сочетание йотированных гласных с простыми: «яа», «ёо», «юу», «еэ», равно как и «иу», например: *няа* [na:] «новый», *нёон* [n :n] «толстый», *нюус* [nu:s] «единственный», *ниит* [ni:t] «молодой», *меэ* [m'e:] «мне»; «головной мозг». При этом «ё» и «ю» можно употреблять и в сочетании с мягкорядными «ө» и «ү» для обозначения долгих «өө» или «үү», стоящих после палатализованных или среднеязычных согласных, например: *нёэлээр* [n :l'a:r] «слегка задеть», *Нюүнэй* [nu:nej] – мужское имя.

В качестве образца применения принятой письменности приведем тофаларскую сказку как образец текста:

Иресаң біле һөөрүк

(тофа үлегер)

Бір қада шаанда бірээ иресаң аштэйі бергеи, чиир чүме тілеп чораан. Ол чылын кат кузук чок болган. Ол иресаң төдү тагларны кезип чорийідыры. Илээ кылаштаары та чок, киши көрүбидээр Киши көрсе ле ча-согуну бле аьтар. Брээ бөчүктүг қаьлақта чоруп чоруда, куруг чельпиктэр көьфей. Ында көөрдэ, һөөрүк сунуп чору. Иресаңны гөргеш, орулаан үдун қуду кіре берді. Иресаң көрүвіткен. Иресаң барып, соодачэйн һөөрүк біле дэрдэ, һөөрүк сооданып билбес. Сыйт-пурт ла дэп туру. Ам иресаң қазып кіре верді орусун. Һөөрүктүң орусуңа чөьтэрдэ, һөөрүк ында олурган.

- Ам қузуқта чи! – дэйідірі.

Ам иресаң чип кіре верді. Иресаң тотқаш:

- Ам мен тода вердім! Оода чараш сен эрген! – дэйідірі һөөрүктү. – Ыньцап төдү чүмені то-дуруп қыня черлеп чыьт! – дэйідірі.

Ыньца дэши, иресаң һөөрүктүң оорһасын узун туьһусуңа чаа туьтадыры чатсыдып. Ыньцаарда иресаньң беш тыргаа чаа туьтқан чериндэ беш шыйыг туьпту берген. Аан һөөрүктүң оорһасы беш шубарлыг болу берген дэп үлегерләэр чүме қырған улус. Унуун бээрі иресаң ору ла көрсе, қазып чиир.

Перевод:

Медведь и бурундук

(тофаларская сказка)

«Однажды давным-давно один медведь, проголодавшись, ходил искал, что бы ему поесть. В тот год не было ни ягод, ни орехов. Тот медведь все горы обошел. В открытую и идти-то нельзя, человек увидит. А если увидит, то застрелит из лука. И вот, идя по одной плоской вершине, поросшей молодым кедром, медведь увидел много чешуек от кедровых шишек. Посмотрел туда, и видит – бурундук бежит. Заметив медведя, он юркнул в свою норку. Медведь увидел это. Увидев, пошел, чтобы поговорить с бурундуком. Но бурундук не умеет разговаривать, только свистит. Тогда медведь принялся раскапывать кладовку бурундука. Когда он добрался до нее, бурундук сидел там.

- Ешь орехи! – говорит бурундук.

Медведь принялся есть орехи. Наелся и говорит бурундуку:

- Ну, теперь я наелся! А ты, оказывается, славный! Живи так и давай всем наедаться!

Потом медведь ласково погладил бурундука вдоль спины. На том месте, где медведь погладил пятью когтями, образовалось пять полос. Поэтому спина бурундука стала полосатой. Так рассказывают старые люди в своих сказках. С тех пор медведь, увидев норку бурундука, раскапывает ее и ест орехи».

Глава II ЛЕКСИКА ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА

§ 1. ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКА В ТОФАЛАРСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Общeturкская лексика

Основу словарного состава современного тофаларского языка составляют тюркские по происхождению слова. Большинство этих слов в тофаларском языке носит общeturкский характер, то есть они присущи современным огузским, кыпчакским, киргизскому, уйгуро-карлукским и болгарским языкам, зафиксированы в памятниках древнетюркской письменности и представляют общее лексическое достояние тюркских языков. В лексико-грамматическом аспекте эти слова в тофаларском языке представляют собой все знаменательные части речи¹: существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные и местоимения. Для исследования нами были привлечены в основном корневые слова, являющиеся для древнего и современных тюркских языков уже непроезными. Они как раз и составляют ту лексическую базу, на которой происходит дальнейшее словообразование и словоизменение. В незначительных случаях, чтобы рельефнее отразить общeturкский характер лексики, взяты и производные слова, но и из них лишь те, которые уже были таковыми в древнетюркском языке. Следует отметить, что все производные слова в тофаларском языке образованы по общeturкскому типу. Например, для существительных и прилагательных употребительны аффиксы отглагольного словообразования =к/=к, =ε, для существительных - *-қы/-кі, -гы/-гі, -ын/-ін, -т, -ш* и другие, для прилагательных - *-лығ/-ліг*, для глаголов - *-ла/-ле, -та/-те, -на/-не, -а/-е, -ы/-і* и другие.

Существительные

Для выяснения того, что же из окружающей человека реальной действительности – неживой и живой природы, человеческого общества – в тофаларском языке названо общeturкскими словами, распределим их по лексико-семантическим группам.

Неживая природа

а) ландшафт: *аьрна* «северный склон горы», *ээрем* «водоворот», *бедік* «высота», «сопка», *булақ* «замерзшая наледь возле родника», *чазы* «большая поляна», *чер* «земля», «местность», *даг* «гора», *дун* «дно», *хайа* «скала», *һаиш* «косогор», *һөл* «озеро», *ой* «ручей», «русло ручья», *қыр* «горный хребет», *сай* «галечная коса», «отмель», «высохшее каменистое русло реки», *шөл* «степь»;

б) металлы, минералы, вещества: *аа* «яд» (гутаринское слово), *эм* «лекарство», *бодуз* «краска», *болат* «сталь», *бор* «сернистые солонцы», *чес* «красная медь», *дэмир* «железо», *даш* «камень», *һір* «грязь (на теле, белье)», *һум* «песок», *һул* «серый торф», *көс* «горящий уголек», *көһпөк* «пена», *саат* «сера (жевательная)», *суғ* «вода», *тоһпрақ* «почва», «прах», «пыль»;

в) явления природы: *бораан* «свежевыпавший снег», *булут* «туча», «облако», *чыт* «запах», *чырық* «свет», *һыраа* «иней», *һөлеге* «тень», «отражение», *даң* «утренняя заря», *думан* «туман», *имир* «сумерки», *иьсіг* «жара», *ыш* «дым», *от* «огонь», *өьрт* «пожар», *сооқ* «мороз», *қараңгы* «темнота», *қар* «снег»;

г) астрономические понятия: *ай* «луна», «месяц», *чедіган* «созвездие Большой Медведицы», *дээрэ* «небо», *һун* «солнце», *сылтыс* «звезда», *шолбан* «Венера», *уьһер* «созвездие Малой Медведицы»;

д) время года и суток: *чай* «лето», *час* «весна», *дун* «ночь», *душ* «полдень», *һун* «день», *кеце* «вечер», *күс* «осень», *қығыш* «зима».

¹ Служебные и аффектные слова для данного исследования не привлекались.

Живая природа

а) растения: *аъртыш* «можжевельник», *баълтырган* «борщевник», *буътук* «ветвь», «сук», *бур* «листья», «хвоя», *дарыг* «злак, домашнее растение», *тэһен* «колючка», «шип у растения», «шиповник», «малина», *дос* «береста», *һендир* «конопля», *ирик* «гнилушка», *няақ* «мох-бородач», *неш* «дерево», *нюмурут* «черемуха», *оът* «трава (как подножный корм)», *қадың* «береза», *қузуқ* «кедровая шишка», *соғуна* «дикий лук (репчатый)», *шыбық* «прут», *уру* «нарост на дереве»;

б) дикие животные: *ас* «горноста́й», *элик* «самка косули», *эшки* «самка кабарги», *борсуқ* «барсу́к», *бөрү* «волк», *диш* «белка», *дiлги* «лиса», *һабан* «дикая свинья, кабан», *һодан* «заяц», *һундус* «выдра», *иърһек* «самец медведя, соболя», *күзен* «колонок», *сыын* «изюбрь», *тэһе* «горный козел»;

в) домашние животные: *асқыр* «жеребец», *аът* «конь», *беэ* «кобылица», *буьһа* «бык-производитель», *һой* «овца», *һулун* «жеребенок до года», *чаьһаа* «жеребенок до двух лет», *инэк* «корова», *иңген* «важенка (самка домашнего оленя)», *мал* «скотина», *ыгьт* «собака», *шошқа* «домашняя свинья», *тэбе* «верблюд»;

г) птицы: *дуруйа* «журавль», *һартыға* «ястреб», *һүгү* «филин», *өдрек* «утка», *қас* «гусь», *қарған* «ворона», *қуққун* «ворон», *қуу* «лебедь», *саасқан* «сойка», *таққыһақ* «курица», *уйа* «гнездо»;

д) рыбы и земноводные: *бага* «лягушка», *балық* «рыба», *чулан* «змея»;

е) насекомые: *ары* «пчела», *быгьт* «вошь», *чеьһирге* «кузнечик», *һымысқа* «муравей», *куьрт* «червь», «жук», *сиьрһе* «гнида»;

ж) части тела: *аас* «рот», «пасть», *азыг* «клык», *эът* «мясо», «мышцы», *баар* «печень», *баълтыр* «голень», *баьш* «голова», *бес* «железа», *билек* «часть руки от кисти до локтя», *бот* «туловище», *боос* «горло», *бөөрек* «почки», *бут* «нога», *чал* «грива», *чеьш* «волосы на голове человека», *чилиг* «костный мозг», *чүрек* «сердце», *даман* «нога», *дамыр* «жила», «нерв», *тиш* «зуб», *дөш* «грудь», *түйүг* «копыто», *түк* «перо», «волос на теле», *тыл* «язык», *тырбақ* «когти (крупных хищников)», *һанат* «крыло», *һин* «пуп», «кабарожья струя», *һом* «спинной жир животных», *һыл* «волосы гривы и хвоста лошади», *һырын* «живот», «желудок», *ириң* «гно́й», *иьшті* «живот», «внутренности», *мәэ* «головной мозг», *мең* «родинка», *миш* «рога», *мөэн* «шея», *няақ* «нижняя челюсть», *нян* «тазовая кость (человека)», *нюдуруқ* «кулак», *нюмурһа* «птичье яйцо», *оорһа* «спина», *өт* «желчь», *өкпе* «легкое», *қабақ* «бровь», *қан* «кровь», *қарақ* «глаза», *қазы* «брюшной конский жир», *қол* «рука», *қоьлтук* «подмышка», *қудуруқ* «хвост», *қулақ* «ухо», *қыры* «лучевая кость локтя», *саьһал* «борода», *сиир* «сухожилие», *сиьрт* «хребет», *сөөк* «кость», *шырай* «лицо (черты)», *тоьпук* «коленная чашечка», *уца* «крестец»;

з) физико-физиологические явления: *дааш* «звук», *дын* «дыхание», *дүш* «сновидение», *һөг* «веселье», «подъем настроения», *күш* «сила», *өлүм* «смерть», *уйьһу* «сон», *үн* «голос».

Человеческое общество

а) термины родства: *ата* «отец», *аьһа* «старший брат», *ашыһақ* «муж», *бааба* «дедушка», *баца* «свояк», *чээн* «племянник», *даай* «дядя по матери», *һаты* «тесть», *һуда* «сват», *һүдәэ* «зять», *иьһис* «близнецы», *һелин* «невестка», *оол* «сын», *қоьрһыһақ* «жена», *қыс* «дочь»;

б) явления общественной жизни: *аал* «группа родственных семей, кочующая вместе, патронимия», *аймақ* «территория кочевания вместе с кочующим на ней аалом», *ээ* «хозяин», *эи* «друг», *бег* «начальник», *той* «пир», «свадьба», *чаа* «война», *төр* «почетное место в доме», *һараал* «караул», «стража», *һаан* «государство»; «царь», *һул* «батрак», *ооры* «вор», *өскүс* «сирота», *өш* «месть», *улус* «народ», *ус* «мастер», *шериг* «войско», «армия»;

в) орудия труда, инструменты, приспособления: *адақ* «сошки у ружья», *бағ* «веревка», *бис* «лезвие», «острие», *ча* «лук», *челим* «клей», *чер* «волосяная веревка», *тайақ* «посох, палка», *тырғақ* «гребень», *тузақ* «силки», *һалип* «пулелейка», *һараал* «прицел у ружья», *һын* «ножны», *һүрүнек* «лопата», *иһнэ* «игла», *илбек* «крючок», *кереш* «тетива лука», *көрүк* «кузнечные меха», *мурғу* «дудка-манок на изюбря», *оьқ* «пуля», «стрела», *қадағ* «гвоздь», *қымышы* «плеть», «кнут», *пишек* «нож», *сыгьп* «рукоятка», *шиш* «вертел», «заостренная палочка для забивания оленя»;

г) упряжь и средства передвижения: *эзеңгі* «стремля», *эзер* «седло», *ыңғыршақ* «вьючное седло», *сал* «плот», *улаг* «подвода», «транспорт»;

д) скотоводство: *чаътыр* «загон для оленей», *һурук* «аркан», *өөр* «табун», «стадо», *тушаг* «пути на передние ноги», *таъһа* «подкова», *қургаг* «намордник для теленка коровы»;

е) постройки и их составные части: *алачы* «жерди чума», *эчик* «дверь», *чуърт* «костов чума (непокрытый)», *кеъприг* «мост», *одаг* «охотничий табор», *өг* «дом», *туңнук* «дымник, дымоходное отверстие в чуме, балагане»;

ж) предметы домашнего обихода: *элгек* «сито», *бечик* «колыбель», *чоорһан* «одеяло из шкур», *һидіс* «войлок, кошма», *очуқ* «треножный железный таган», *сыстық* «подушка», *тәһек* «матрац»;

з) посуда: *айақ* «чашка», *қаһһиқ* «ложка», *қап* «мешок», *тулуп* «бурдюк»;

и) одежда, обувь, материя, украшения: *эътэк* «подол», «пола», *бөърт* «шапка», *чаъһа* «воротник», *тон* «шуба», «верхняя одежда», *һоньчу* «голенище», *һой* «пазуха», *кедім* «одежда», *иътік* «обувь», *һиньчи* «бусы», «бисер», *нең* «рукав», *өң* «лицевая часть материи», *қур* «пояс», «кушак», *сырга* «серьги», *шепкен* «сукно», *уълтуң* «подошва», «подметка»;

к) пища: *аиш* «пища», *эът* «мясо», *чаг* «жир (твердый)», *нем* «еда, корм», «питание», *сүт* «молоко», *таълһан* «мука», *тус* «соль»;

л) искусство и развлечения: *һобус* «музыка», «музыкальный инструмент (любой)»; *һүреиш* «борьба», *өэн* «игра», *ыр* «песня»;

м) единицы измерения, условные обозначения: *ай* «месяц», *билек* «локоть (расстояние от локтя до кисти руки)», *чыл* «год», *һарыиш* «пядь», *һүн* «день», *им* «жест», «знак рукой», *кеъсек* «часть», «кусочек», *көъиш* «расстояние в одну кочевку (20-25 км)», *қуцақ* «охапка», *қулаиш* «маховая сажень», *таңма* «клеймо», «знак».

Отвлеченные понятия

аг «облава», *аълһыиш* «благословение», *ат* «имя», «название», *эн* «ширина», *эр* «мужчина», «мужик», «муж», *эп* «удобство», «лад», *бөлөк* «группа», «кучка, куча», *тыиш* «отдых», «отпуск», *һерек* «дело», *һеп* «форма», «изображение», *һөөл* «душа», «желание», «настроение», *ис* «след», *иш* «дело» «работа», *кииш* «человек», *орун* «место», *өзөк* «центр», «сердцевина», *қаът* «слой», «ряд», «этаж», *қылық* «характер», «поведение», «поступок», *сан* «число», *шаг* «время», *шаг* «шум», «слух», «известие», *шын* «правда», *туруиш* «выправка», *үлеш* «доля», «пай».

Обозначение пространства

аълты «низ», «нижняя часть», *ара* «промежуток», «пространство между чем-либо или кем-либо», *аърты* «задняя сторона», *бөът* «передняя сторона», *бурун* «пространство впереди», *туиш* «противоположная сторона», *һыйыг* «место, пространство возле, рядом», *һыр* «пространство над чем-либо», «поверхность», *иъиті* «внутренняя часть», *оърту*, *оърта* «середина», *соң* «пространство позади», «зад», «задняя часть», *таъишты* «внешняя сторона», *уиш* «конец», «конечная часть», *уъсту* «верх чего-либо».

Прилагательные

а) качественные признаки, формы и размеры: *аар* «тяжелый», «дорогой», *аълһиқ* «открытый», *айас* «ясный (день)», *ақсақ* «хромой», *ақта* «кастрированный (о животном)», *ээри* «кривой», «изогнутый», *бай* «богатый», *бедік* «высокий», *чадаг* «пеший», *чуга* «тонкий (о круглом вытянутом предмете)», *чымцақ* «мягкий», *тар* «узкий», «тесный», *тас* «плешивый», *тәълһиқ* «дырявый», *тэрең* «глубокий», *түс* «ровный», *һойуг* «густой», *һылын* «толстый (о плоском)», *нөөн* «толстый (о круглом)», *одуг* «неспящий», «бдительный», *сасық* «вонючий», *соъһур* «слепой», *сүбүр* «остроконечный», *тоъқ* «спелый», «крупный (о ягоде)», «крупный (о шарообразном предмете)», *қаътты* «твердый», «жесткий», *қоъша* «соседний», *қыъсқа* «короткий», *узун* «длинный», *улуғ* «большой»;

б) качественное состояние: *ачыг* «горький», «кислый», «жгучий», *аиш* «голодный», *эки* «хороший», *буътун* «весь», «целый», *эъсірик* «пьяный», *бөэк* «крепкий», «прочный», *бөерт* «хороший», «добрый», *боъиш* «пустой», «свободный», *чааиш* «тихий», «смирный», «спокойный», *чеиш* «молодой», «новорожденный», *чоруға* «быстрый (конь, олень)», *чылыг* «теплый», *тэң* «равный», *тіриг* «живой», *толу* «полный», *доң* «мерзлый», *ирик* «гнилой», *иъсіг* «горячий», *меңгі* «вечный»,

няя «новый», *ниит* «молодой», *өл* «мокрый», *қоғжақ* «слабый (о живом)», *қоърһоқ* «трусливый», *қуруг* «пустой», *қығысыр* «яловая», *сараң* «скупой», *семис* «жирный», *сооқ* «холодный», *шық* «влажный»;

в) относительные признаки: *аъртық* «лишний», *бағышқа*, *өске* «другой», «иной», *оң* «правый»;

г) цвета и масти: *ала* «пегий», *ақ* «белый», *торуг* «гнедой», *һоор* «бурый», *һүрең* «коричневый», *көк* «сивый», «синий», «зеленый», *қара* «черный», *қызыл* «красный», *сарығ* «желтый», *шубар* «пятнистый», «пестрый».

Некоторые из этих прилагательных в результате конверсии употребляются и как имена существительные: *аар* «тяжесть», *өл* «влага», «сырость», *һылын* «толщина» и т.п.

Глаголы

а) глаголы движения: *ағз* = «течь», *аш* = «переваливать через гору», *эдэр* = «следовать за кем-либо», *эн* = «спускаться с горы в долину», *бар* = «идти», «уходить», *бағт* = «погружаться», «идти вниз под гору, по реке», *була* = «разлетаться по ветру (о пепле, пыли)», *чағ* = «идти (об осадках)», *чел* = «бежать рысью», *чеғт* = «доходить», «достичь», *чору* = /*чоры* = «ходить», «ехать», «двигаться», *чыл* = «ползать (о змее)», *туғыш* = «падать вниз», «спускаться», «слезать», *һарыш* = «разминуться», *кел* = «приходить», «прибывать», *кеғиш* = «переправляться через реку», *кес* = «бродить», «шляться», «делать обход», *кир* = «входить», «заходить внутрь», *көғиш* = «кочевать, переезжать», *ос* = «опережать», «обгонять», *өғт* = «проходить сквозь что-либо», *қағиш* = «убегать», *қоғ* = «гнаться следом за кем-либо», *сүс* = «перобрести реку», *шом* = «нырять», *уғыш* = «лететь», *тай* = «поскользнуться», *ун* = «выходить наружу», *ыра* = «удаляться»;

б) глаголы состояния: *ақы* = «киснуть», «горчить», «щипать», «разъедать», *ағрт* = «оставаться», *ары* = «быть чистым», *ас* = «заблудиться», *беді* = «быть высоким», *бил* = «знать», *бол* = «быть», «стать», *буғт* = «исполняться», «завершаться», *бығыш* = «поспевать», *эри* = «таять», «плавиться», *чараиш* = «помириться», *чиғт* = «потеряться», *чолуқ* = «встретиться», *чымча* = «стать мягким», *чылы* = «быть теплым», *дағжа* = «звучать», «раздаваться – о звуке», *дол* = «наполняться», «выполняться», *доң* = «мерзнуть», «застывать», *тур* = «стоять», *һэин* «кипеть», *һойу* = «густеть», *ири* = «гнить», «свертываться (о молоке)», *иғсі* = «нагреваться», *кеғп* = «слегка подсохнуть», *олыр* = /*олур* = «сидеть», «садиться», *өөрен* = «учиться», «иметь привычку», «привыкать», *өғиш* = «погаснуть», *қал* = «оставаться», *қағт* = «твердеть», *қуру* = «сохнуть», *қыс* = «краснеть», *сасы* = «вонять», *семир* = «жиреть», *сиң* = «впитываться», *соғу* = «охлаждаться», *сын* = «ломаться», *сың* = «вмещаться», *таны* = «узнавать», *тағыш* = «разлиться», «выйти из берегов», *тоғқта* = «останавливаться», *ут* = «забывать», *ыш* = «опухать»;

в) глаголы физиологических действий: *аары* = «болеть», *ақса* = «хромать», *эм* = «сосать грудь, соску», *эсіри* = «пьянеть», *бағз* = «смотреть (откуда-либо сверху)», *чи* = «есть», *тайна* = «жевать (о человеке)», *тот* = «насытиться», *төрү* = «родиться», *тын* = «дышать», *тыңна* = «слушать», *түце* = «видеть сон», *түле* = «линять», «выпадать (о волосах, перьях)», *иш* = «пить», *кеғир* = «отрыгивать», *кеғже* = «жевать жвачку (о животных)», *киç* = «чесаться», «зудеть», *көр* = «видеть», «смотреть», *нят* = «стыдиться», «стесняться», *одун* = «просыпаться», *өл* = «умирать», *қоғрт* = «бояться», *қуғс* = «тошнить», «блевать», *қыры* = «стариться», «стареть», *сағын* = «помнить», *сугса* = «жаждать», *сор* = «сосать», «высасывать», *шим* = «мигать», «моргать», *төғс* = «терпеть», *түккүр* = «плевать», *уду* = «спать», *ушү* = «зябнуть», *үр* = «дуть», *ыгла* = «плакать»;

г) глаголы действия, направленного на какой-либо предмет: *ада* = «называть», *адыр* = «разъединять», *ал* = «брать», «взять», *ағс* = «повесить», *ағыш* = «открыть», *ағт* = «стрелять (стрелой)», *ээр* = «прясть», «вертеть», *эг* = «поворачивать», *элге* = «просеивать», *эғиш* = «разгребать», *бағс* = «ступать», «наступать», «прижимать (сверху)», *бер* = «давать», *боғ* = «удушить веревкой», «затянуть петлей», *буғһа* = «месить», «смешивать», «помешивать», *бөл* = «складывать кучу», *бус* = «ломать», «разрушать», *бүғк* = «сгибать углы куска бересты при изготовлении берестяных сосудов», *бүғрһу* = «накрывать», «покрывать», «закрывать (со всех сторон)», *бығыш* = «кроить», *чат* = «расстилать», «стелить», *чайһа* = «раскачивать», *чағ* = «смазывать жиром», *час* = «промахнуться», *чар* = «разнять (дерущихся)», *часа* = «делать», «строить», *чеғһир* = «прятать», *чеғлы* = «проветривать», *чет* = «вести за руку», *чеғиш* = «развязывать», *чэғиш* = «разбрызгивать», «рассеивать», *чоғқ* = «приставать (о заразной болезни)», *чу* = «мыть», «стирать», *чуг* = «свалить», «уронить», *чул* = «выдергивать», «выщипывать», *чуур* = «месить», *чығ* = «собирать», *чылға* = «лизать», «вылизывать»;

чыл= «закрывать (чем-либо сверху)», дэг= «касаться», «попадать в цель», тэши= «проткнуть», «продырявить», тил= «нарезать полосами, ломтями», тиле= «искать», тис= «нанизывать», то-ора= «крошить», «рубить поперек», тогу= «ударять по ноге (прием борьбы)», толга= «наматывать», «обматывать», төк= «пролить», «просыпать», «насыпать», тыра= «причесывать», тыт= «теребить шерсть», хаар= «жарить», һәм= «зарывать», «закапывать», һуреш= «бороться», һый= «отрезать наискось», «рубить наискось», ил= «прицепить», «наколоть», ит= «унести», иът= «толкать», кет= «одевать», кер= «натянуть», «распалить», кеьрт= «делать зарубку», кеьс= «отрезать», «резать», көьтүр= «поднять», мақта= «хвалить», мун= «садиться верхом», няма= «латать», нөн= «стругать», ода= «топить печь», ой= «выдалбливать», отқур= «разбудить», өөрет= «учить», «приучить», өр= «плести», қада= «заколачивать», қадыр= «выворачивать сустав», қаьрһа= «проклинать», қаьқ= «бить», «косить», қаьт= «вить», «свивать», қас= «копать», қот= «ставить», қон= «ночевать», қоьи= «пришивать подошву к унтам», қут= «лить», «наливать», қыл= «делать», қыр= «скрести», «уничтожить», қыьс= «сжимать», «сдавливает (с боков)», сал= «класть», саьт= «продавать», сиьһи= «трясти», сой= «снимать шкуру», соьқ= «убивать ударом», сөк= «распороть шов», сүр= «гнать», сүрт= «тереть», «натирать», суьқ= «всовывать», «вкладывать», сыры= «простегивать», сыьқ= «сжимать», «выдавливает», сыьқ= «разбить», шаьқ= «жалить», «ужалить», шээи= «втыкать», «вонзать», шый= «чертить», «писать», таьһи= «возить», «таскать», таьпта= «топтать», «трамбовать», «отбивать косу», тэьп= «пинать», «лягать», төле= «платить», туша= «спутывать передние ноги коню», туьт= «схватить», «держат»; «ловить»; «печь (хлеб)», тыьрт= «тянуть», «курить», туьп= «найти», ула= «соединять», «на-ставлять», үле= «делить», «распределять», үс= «рвать», «оборвать», үг= «складывать в кучу»;

д) глаголы речи: эьттыр= «спрашивать», дэ= «говорить», «сказать», қыьшқыр= «кричать», улу= «выть».

Наречия

Среди общетюркских наречий в тофаларском языке имеются непроизводные и производные. К первым можно отнести наречия *бийе* «недавно (часа два тому назад)», *бурун* «прежде», «раньше», *кеце* «вечером», *соң* «поздно», *эң* «самый». Их очень мало. Подавляющее большинство наречий является застывшими формами, образованными от других частей речи, в основном от существительных и глаголов. Аффиксы, посредством которых когда-то были образованы эти наречия, в тофаларском языке, как и во всех других современных тюркских языках, уже не образуют новых наречий, являясь мертвыми и выделяясь только этимологически. Можно отметить несколько способов образования производных наречий:

1. От имен существительных при помощи падежных аффиксов. Здесь наибольшее количество наречий образовано древним аффиксом направительного падежа *-қару/-кәру, -ғару/-гәру*, принявшего в тофаларском языке вид *-қаары/-ғаары, -кәәри/-гәәри*: *буруңғаары* «вперед»; «на восток», *соңғаары* «назад»; «на запад», *таьшқаары* «наружу», *иьшқәәрі* «внутри», *даңғаары* «затемно утром», «до зари», *оңғаары* «направо», *далцигаары* «налево». Этот же аффикс прослеживается в словах *һуңгәәри* «на юг», *қараңғаары* «на север», *мынаары* «вот сюда», *бәәри* «сюда», *ынаары* «вот туда», *қайнаары* «куда?».

Аффикс древнего инструментального падежа *-ын/-ин* выявляется у наречий *үьстүн* «наверху», «верховьем реки», *аьлтын* «низовьем реки», *қыьһин* «зимой», *казын* «весной», *чаэн/чээн* «летом», *күзүн* «осенью», а также у вопросительного местоимения *қаьһин* «когда?» (< *қаьи* «сколько?» + *-ын*) и у послелога *уун* «по направлению к...» (< *үг* «направление» + *-ун*).

Аффикс местно-временного падежа прослеживается у наречия *эьртэ* «рано» (ср. туркм. *ир* «рано», чув. *ир* «утро», «рано»).

2. От имен существительных при помощи особых аффиксов. При помощи аффикса *-дүс*, видимо, образовано наречие *һүндүс* «днем» от *һүн* «день».

3. От глагольных основ. Так, у наречия *ачыры* «чрезмерно», «чересчур» прослеживается глагольная основа *аш* «переходить», «переступить» (границу, рубеж)», «переваливать гору», у наречия *өьткүрү* «насквозь» - основа *өьт* «проходить сквозь что-либо», у наречия *узады* «вдоль», «продолжительно», «протяжно» - основа *узат* «удлинять». Эти наречия представляют собой застывшие деепричастные формы побудительных залогов. Отглагольного образования, вероятно, и наречие *тутаи* «сплошь», «целиком», «охватывая все» (ср. *туьт* «держат», «охватывать», «схватывать»).

4. При помощи специальных наречных аффиксов. Одним из них является аффикс *-ша/-шэ*, восходящий к древнему наречному аффиксу *-ча/-че*. Этот аффикс характерен для большинства тюркских языков. При помощи него образованы наречия *һәңһәңише* «самостоятельно» (< *һәәл* «настроение, желание»), *орықша* «по дороге» (< *орук* «дорога»).

У наречия *амды* «сейчас», «теперь» прослеживается аффикс *-ды*, присоединенный к слову *ам* «теперь»¹. Слово *амды* сопоставимо с древнетюркским *amī ~ emti ~ emdi ~ imdi* «теперь», а аффикс *-ды* – с древнетюркским наречным аффиксом *-tī, -ti, -di*. В тофаларском языке, как и в древнетюркском, при помощи этого аффикса образуются наречия от прилагательных. Например: *эккиді* «хорошо» (ср. др.-тюрк. *edgüti* «хорошо»), *қағтығды* «крепко» (ср. др.-тюрк. *qatıyđı* «крепко»), *мағһалығды* «весело».

Числительные

Все числительные в тофаларском языке общетюркские. Исключение составляет слово *тыһыһыччи ~ тиһыһыччи* «тысяча», заимствованное из русского языка, а также сложное слово *улуғ сан* «тысяча» (букв. «большое число»).

Количественные числительные в тофаларском языке следующие: *бірәә* «один», *иһһи* «два», *үһһи* «три», *дәрт* «четыре», *беш* «пять», *аһһты* «шесть», *чеді* «семь», *сеһһес* «восемь», *тоһһос* «девять», *он* «десять», *иһһән* «двадцать», *үчһән* «тридцать», *дәртен* «сорок», *беһһен* «пятьдесят», *аһһтон* «шестьдесят», *чедон* «семьдесят», *сеһһезон* «восемьдесят», *тоһһозон* «девяносто», *чүс* «сто». Как видно, названия единиц и сотни являются общетюркскими, а названия же десятков (от двадцати до девяносто) представляют собой сложный комплекс, состоящий из названия соответствующей единицы и слова *он* «десять», которое в некоторых случаях фонетически видоизменяется в *-ен*. По общетюркскому образцу образуются и составные числительные: *он бірәә* «одиннадцать», *он иһһи* «двенадцать», *он үһһи* «тринадцать», *он дәрт* «четырнадцать», *иһһон беш* «двадцать пять», *дәртен аһһты* «сорок шесть», *иһһи йүс дәрт* «двести четыре», *үһһи чүс дәртен беш* «триста сорок пять» и т.п.

Порядковые числительные образуются путем присоединения к основе количественного числительного аффикса *-(ы)шықы/-(и)шкі, -(у)шықу/-(ү)шкү*, развившегося из древнетюркского аффикса *-(i)нч*, который сохраняется почти во всех тюркских языках в различных фонетических вариантах. Тофаларский аффикс состоит из двух компонентов: элемент *ш* есть фонетическое изменение сочетания *нч* в абсолютном исходе слова, ср., например, др.-тюрк. *bisınç* «пятый», *altınç* «шестой» и т.п. Об изменении сочетания *нч* в *ш* указывалось нами выше в случае со словом *шәәш* = «колоть», «ткнуть». Видимо, в результате дегитимологизации этого видоизмененного аффикса на каком-то этапе развития тофаларского языка к нему был присоединен словообразовательный аффикс прилагательного *-кы/-кі*. Таким образом, произошло наращение одного аффикса на другой, который потерял свое значение. В результате порядковые числительные в тофаларском языке приняли вид: *бірәәшкі* «первый», *иһһишкі* «второй», *үчүшкү* «третий», *дәртүшкү* «четвертый», *беһһишкі* «пятый», *аһһтышқы* «шестой», *чедішкі* «седьмой», *сеһһезішкі* «восьмой», *доһһозошкү* «девятый», *оношкү* «десятый» и т.д.

Собирательные числительные в тофаларском языке также образуются по общетюркскому типу, ведущему свое происхождение от древнетюркского *-ауи/-әгүи*, претерпевшего в тюркских языках фонетические видоизменения. Аффикс тофаларских собирательных числительных *-аан/-әән* представляет сочетание древнетюркского *-ауи/-әгүи* с древним аффиксом инструментального падежа *-ын/-ин*. Тофаларское слово *бірәә* «один» исторически является не чем иным, как развитием древнетюркского *birägü* «один», при этом оно единственное выступает без дополнительного наращения аффикса инструментального падежа. Видимо, по этой причине оно перешло в разряд количественных числительных. В значении же «сам», «в одиночку» употребляется счетное слово *нуус* «один», «единственный» с аффиксом *-қан* – *нуусқан*. Собирательные числительные для всех остальных количество образуются обязательно с аффиксом инструментального падежа: *иһһәән* «вдвоем, двое», *үчәән* «втроем, трое», *дәртәән* «вчетвером, четверо», *беһһәән* «впятером, пятеро», *оһһәән* «вдесятером» и т.п.

¹ Об этом наречии и наречном аффиксе см.: Э.В. Севортян. Из истории прилагательных в тюркских языках. «Тюркологические исследования». М., 1963, с. 67.

К общетюркским относятся счетное слово *нүүс* ~ *нюус* «один», «единственный» и слова *көөл* «много», *кеьсек* «половина».

Местоимения

Все местоименные основы тофаларского языка, как корневые, так и производные, относящиеся к различным разрядам, являются общетюркскими.

Личные местоимения: *мен* «я», *сен* «ты», *ол* «он (о незнакомом человеке)», *оң*, *ом*, *обус*, *оңар* «он (о знакомом человеке)» (букв. «тот твой», «тот мой», «тот наш», «тот ваш»), *биьс* «мы (вдвоем)», *биьстер* «мы (больше двух)», *сілер* «вы (о многих)», «Вы (уважительное обращение к одному человеку)», *оларың* «они» (букв. «они твои»).

Указательные местоимения: *бо* «это», «этот», «эта», *ол* «тот», «та», «то», *дээ* «тот» (о видимом предмете).

Определительные местоимения: *барша* «все», «весь (о скоте)» (ср. *тодо* «все – о людях»), *ындыг* «такой», «такая», «такое», *мындыг* «этакий», «этакая», «этакое», *мииң* «мой», *сииң* «твой», *оңнуң* «его», *биьстиң* «наш», *сілерниң* «ваш», *оларыңның* «их».

Вопросительные местоимения: *қум* «кто?», *чү* «что?», *қаьш*, *чеһе* «сколько?», *қаэ* «какой?», «который?», *қайсы* «который?», *қаьһин* «когда?», *қайда* «где?», *қандыг* «какой?».

Неопределенные местоимения: *бир* «некто», «нечто», «какой-то», *қум та* «кто-то», *чү дэ* «что-то», *қаьһин та* «когда-то», *қайда да* «где-то» и т.п. Они образуются по общетюркскому образцу путем подстановки постпозитивной уступительной частицы *да/дэ*, *та/тэ* к местоименной основе.

Кроме того, для тофаларского языка, как и для тувинского и монгольских языков, характерно наличие особых глагольных местоименных основ: *қаньча* = «как делать?», «что делать?», *чоон* = «что делать?», *ыньча* = «так делать», «так поступать», *мыньча* = «этак делать», «этак поступать». Эти местоименные глаголы в тофаларском языке имеют полную парадигму спряжения.

Таким образом, рассмотренные выше общетюркские корневые основы современного тофаларского языка (около 800 основ) своими значениями отражают практически все основные предметы и явления окружающей действительности, их качества, свойства и признаки, а также виды действий и процессов. Они составляют основное ядро лексики, ее словообразовательную базу и определяют облик тофаларского языка как тюркского.

2. Лексика, корреспондирующая с отдельными группами тюркских языков

При сравнении тофаларской лексики со словарным составом тюркских языков в ней выявились, кроме слоя общетюркской лексики, слова, которые бытуют лишь в отдельных группах современных тюркских языков – огузской, уйгуро-карлукской, киргизской и кыпчакской. Многие из этих слов зафиксированы в памятниках древнетюркской письменности. Некоторые слова, кроме тофаларского, бытуют и в других тюркских языках Сибири. Наличие лексики, общей для тофаларского и других языков Сибири, можно объяснить взаимовлиянием языков или происхождением ее из одного источника. Но существование специфичных общих слов тофаларского и других сибирских тюркских языков и, например, турецкого, объясняется только тем, что в древности огузские племена расселились в Центральной Азии и оказали свое влияние на формирование тюркских народов Сибири и в частности их языков. Аналогично можно объяснить наличие общей лексики для тофаларского и других сибирских тюркских языков и языков уйгуро-карлукской, киргизской и кыпчакской групп. Это также результат древних влияний и контактов.

Большой интерес представляют тофаларские слова, отсутствующие в других сибирских тюркских языках, но в то же время имеющие параллели в отдельных указанных выше группах современных тюркских языков. Это свидетельствует о каких-то самостоятельных связях носителей тофаларского языка с огузами, уйгурами, киргизами и кыпчаками, существовавших, по-видимому, еще во времена тюркского, уйгурского и киргизского каганатов, так как исторически позднейших контактов тофаларов с указанными тюркскими народами не было.

В каждом из современных сибирских тюркских языков имеется слой лексики, характерный для той или иной группы тюркских языков – огузской, уйгурской, киргизской или кыпчакской. При этом объем такого слоя в разных языках неодинаков, зависит от степени влияния языков указанных выше групп. Все это указывает на то, что процесс сложения тюркского пласта тофалар-

ской лексики протекал в том же направлении и под тем же влиянием, что и в других тюркских сибирских языках.

Огузская лексика в тофаларском языке включает слова, характерные для языков огузской группы – азербайджанского, турецкого, туркменского и других. Часть этих слов бытует, кроме тофаларского, и в других тюркских языках Сибири. Например: *дээмин* «только что», «недавно», *энік* «щенок», *баарсық* «кишки», *көгүрһен* «дикий лук», *ысыр* = «кусать», *оқша* = «целовать», *бус* «пар», «туман над полыньей в зимнее время», *төһө* «снежная буря», «пурга», *таң* отрицание «нет», когда говорят: «Нет, не знаю», *шары* = «забинтовать», *сүксүк* «наперсток», *дүүн* «вчера», *душ* = «встретиться», «попасться», *баиш* «язва», «рана», *шүһчүк* «бедренный сустав», *тырық* «запор» (мед.), *элдік* «перчатки», «рукавицы». Некоторые же слова представлены лишь в тофаларском языке, являясь собственнотофаларскими огузизмами: *белді* «известно», «известный», *қас* = «бить копытом» (о коне), *дел* = «продырявить», *дэлик* «отверстие», «просвет», *уйаик* «дикий голубь, горлица», *уунақ* «мелкий», «раскрошенный».

Уйгурская лексика в тофаларском языке состоит из слов, присущих языкам уйгуро-карлукской группы – уйгурскому, узбекскому, желто-уйгурскому. Эти слова также разделяются на две части – одни встречаются только в тофаларском языке: *эт* = «закрыть дверь», *оор* «ступа», часть же и в других сибирских тюркских языках: *сүген* «рыболовная морда», *чода* «голень», *өрген* «колышек», *чүдүр* = «выючить», *чыры* = «светить», «улыбаться», *маң* «прыжок зверя», *ээш* «самка медведя, соболя», *мыйақ* «помет», *уьс* = «черпать ложкой или кружкой», *мөң* = «тянуть (о коне, олене)», *чуруқ* «лоскут кожи», *сылтыс* «корень», *қаъс* = «грызть орехи».

Киргизская лексика в тофаларском языке представлена словами, отсутствующими в других современных тюркских языках, кроме сибирских, и имеющимися лишь в киргизском языке. Например: *аьпырган* «белка-летяга», *эримәши* «детское седло», *нюмур* «сычуг», *кецир* «хрящ», *көшү* = «одеревянуть», «застыть», *қыды* = «обшить край одежды», *олут* «место», *төн* = «пропасть», «перевестись», *тырыш* = «морщиться», *қушқаш* = «садиться верхом вдвоем на одну лошадь», *шөө* «красный волк»; «шакал», *шулу* «крепкий». Некоторые слова свойственны лишь для тофаларского языка и некоторых отдаленных от Саян тюркских языков Сибири: *быр* «сажа», «копоть», *кеьлһин* «перелетные птицы», *өң* = «подкрадываться», *сер* «твердая опухоль на спине верхового или выючного животного».

Кыпчакская лексика в тофаларском языке характеризуется словами, бытующими в языках кыпчакской группы – казахском, каракалпакском, ногайском, а также татарском и башкирском языках: *даг* «большой», «крупный», «огромный», *оода* «очень», *кыьп* = «гореть», *тэйлиген* «коршун», *тэг* = «нагружать», «грузить», *нөңмек* «темя ребенка, родничок», *ышық* «место, защищенное от ветра и дождя», *ыңгай* «дальше». Представляет интерес наличие некоторых общих слов лишь для тофаларского, татарского и башкирского языков: *пыьс* «пороша», *оцум* «всходы», «кедровые шишечки будущего урожая», *быршы* «шрам», *кыьрһы* «редколесье», «мелколесье».

3. Древнетюркская лексика

В тофаларском языке обнаружено большое количество слов, восходящих к древнетюркским и представленным лишь в сибирских тюркских языках. Например: *азы* «или», *аьһыг* «широкий», *ээги* «ребро», *эргек* «палец», *балыг* «рана», «раненый», *һеиш* «колчан для стрел», *һандыр* «брюшина», *һулбүс* «самец дикой козы», *һуньчүг* «свекровь», *һорум* «каменная россыпь», *һабыр* = «собирать разбежавшийся скот», *чишбага* «черт», «оборотень», *чоьқта* = «подниматься вверх по реке», *чот* = «вытирать», *мыйгақ* «маралуха», *мун* «суп», «бульон», *маньцақ* «ленты на шаманском костюме», *ой аьт* «буланый конь», *оруқ* «путь», «дорога», «тропа», *ооруг* «зоб», *ооруг* «вершина горного ручья», *осқур* = «спасать», «щадить», *өөк* «пуговица», *өткүн* = «подражать», *өьтүкен* «место на белках, удобное для пастьбы оленей», *оьһүн* «плечо», *иби* «домашний олень», *саьрһыйақ* «книжка (часть желудка)», *кергек* «сетка (часть желудка)», *қун* = «отнимать», *қар* = «подавиться», «поперхнуться», *қат* «ветер», *соол* = «выкипеть», «испариться», *шибит* «охра», *дэскин* = «кружиться», «вращаться», *түңгүр* «бубен шамана», *тыт* «лиственница», *төдү* «все (о людях)», *уьһюл* = «снимать (одежду)», *уьг* = «смочь осилить, поднять что-либо очень тяжелое», *үр* «долго», *үрүң* «ядро (ореха)», «белая (сарана)», *үс* «жидкий жир», *ыдық* «священный, вольноотпущенный (скот)».

Кроме того, в тофаларском языке выявлены слова, восходящие к древнетюркским языкам и

сохраняющиеся лишь в тофаларском: *кыъсыл* «ушелье», *қалып* «доисторическое время (около 2 тысяч лет назад)», *чаъс сөөк* «гладкие сплошные кости», *тыыра* = «двигаться быстро», *туку* «собака (грубое название)», *өли* = «мокнуть», *улду* = «сбить копыта (о коне, олене, корове)».

Наличие древнетюркских слов, сохранившихся в сибирских тюркских языках, свидетельствует о том, что эти языки относятся к языкам-наследникам древнетюркского языка. Собственнотофаларские древние слова говорят о каких-то своих связях и отношениях носителей тофаларского языка с носителями древнетюркского.

4. Тюрко-монгольская лексика

Некоторые тофаларские слова, являясь бесспорно тюркскими по происхождению и частично общетюркскими по бытованию, в то же время имеют параллели в монгольских языках. Для монгольских языков эти слова являются общемонгольскими, так как они представлены во всех живых и древних монгольских языках. Вполне вероятно, что большинство из них окажется тюркскими заимствованиями. Но поскольку пока не выявлены все тюркские заимствования в монгольских языках, на наш взгляд, целесообразно ограничиться отнесением рассматриваемой группы тофаларских слов к разряду тюрко-монгольской лексики.

В лексико-грамматическом аспекте эти слова представляют собой имена существительные, прилагательные и глаголы.

Существительные

Своим содержанием тюрко-монгольские имена существительные отражают различные явления:

1) окружающей неживой природы:

а) ландшафт: *белтір* «место слияния рек», *булуқ* «наледь у родника», *шөл* «степь», *даг* «гора», *далай* «море», *дээрэ* «небо», *тоъпрақ* «прах», «пыль», «почва», *тоъш* «лед»;

б) природные явления: *чут* «непогода, приносящая бедствия скоту, людям»;

в) металлы: *тэмир* «железо», *алтын* «золото», *коргольчун* «свинец», *чес* «медь»;

г) вещества: *бодуг* «краска»;

2) живой природы:

а) растения: *қараган* «багульник», *қадың* «береза»;

б) дикие животные: *аң* «зверь», *бага* «лягушка», *буур* «лось» (пренебрежительное название);

в) домашние животные: *буьһа* «бык-производитель», *хой* «баран», «овца», *иңген* «взрослая самка домашнего и дикого оленя, горного козла», *мал* «скот», *тақыньяқ* «курица», *тэбе* «верблюд»;

г) части тела: *һыл* «волос гривы и хвоста лошади», *мең* «родимое пятно», *нүдуруқ* «кулак», *өң* «внутренняя (мездровая) часть шкуры», *саьһал* «борода», *тамыр* «кровеносный сосуд», «нерв», *чүрек* «сердце»;

д) свойства живого организма: *күш* «сила», «мощь»;

3) человеческого общества:

а) родственные отношения: *аьһа* «старший брат», *эр* «муж», «мужчина», *улус* «члены одного рода, семьи», «группа людей», «народ», *уруғ* «ребенок»;

б) общественное устройство: *аал* «группа родственников, кочующих вместе, одним селением», «группа юрт», «семейство», «двор, хозяйство вместе с домом», *һаан* «государство», «власть», «царь», «хан», *һяң* «обычай», *таңма* «печать», «тавро», *шериг* «войско», «армия»;

в) религия: *буьрһан* «бог», «божество», *туңгүр* «бубен шамана»;

г) общественные отношения: *ош* «мечь», «вражда», *туса* «помощь», «польза»;

д) виды деятельности: *ағ* «облавная охота», *аңшы* «охотник», *эмши* «врач»;

е) условные обозначения: *белге* «указатель направления»;

ж) исчисление времени: *чыл* «год», *шағ* «время», «пора»;

з) виды жилища: *одағ* «временная стоянка, охотничий стан в тайге (обязательно с костром)»;

и) домашняя утварь: *айақ* «большая чашка», «миска», *орун* «кровать», *һааршақ* «ящик»;

к) пища: *таьһан* «мука»;

л) части одежды: *чаьһа* «воротник»;

м) ткани: *торго* «шелк», «шелковая ткань»;

н) украшения: *ниньчи* «бусы», «бусинка»;

- о) медицина: *эм* «лекарство»;
- п) средства передвижения: *тайақ* «посох», «лыжная палка», *улаг* «транспорт (любой)»;
- р) коневодство: *тушаг* «пути для передних ног лошади».

Прилагательные

а) цвета и масти: *ала* «пегий», «пестрый», *көк* «синий», «голубой», «зеленый», «трава», «сено», *қара* «черный»;

б) качества: *бай* «богатый», *беък* «крепкий», «прочный», *биче* «маленький», *һор* «невыгодный», «неспорый», *менги* «вечный», *қоъш* «парный», «двойной», *дэң* «равный», «одинаковый», *қаътыг* «твердый», «жесткий», «прочный», «крепкий», «суровый», *бұътун* «целый», «нерасчлененный», *қараңгы* «темный», «мрачный», «неграмотный».

Большинство существительных и прилагательных, рассмотренных нами выше, представляют собой корневые производные основы. Но некоторые из них являются производными, образованными словообразовательными аффиксами от глагольных и именных основ.

Глаголы

Тюрко-монгольские глаголы в тофаларском языке представлены корневыми основами. Своим содержанием они выражают:

а) различные действия по отношению к другим предметам: *ээр*= «крутить», «вращать», *боду*= «красить», *бұът*= «производить», «делать», *часа*= «сделать», «изготовить», «кастрировать», *һара*= ~ *қара*= «сторожить», «караулить», «прицеливаться», *қада*= «приколачивать (гвоздь)», «уколоть», «укусить (о комаре)», *сор*= «всасывать», «сосать», *таны*= «узнать», «опознать», *толе*= «платить», *тыгьрт*= «тянуть», «тащить», «курить»;

б) различные состояния предметов и живых существ: *бол*= «быть», «стать», «сделаться», *бұът*= «кончиться», «завершаться», *қаът*= «затвердеть», «засохнуть», «ссохнуть», *қон*= «ночевать, спать в тайге», «садиться (о птицах)», *сиң*= «впитываться», «перевариваться (о пище)», *төрү*= «родиться»;

в) зов, крик: *улу*= «выть (о зверях)».

Таким образом, тюрко-монгольская лексика в тофаларском языке отражает многие явления окружающей неживой и живой природы, человеческого общества, их качественные признаки, а также действия и состояния предметов и живых существ. Лексико-семантические группы показывают, в каких областях лексики имеются точки соприкосновения тюркских и монгольских языков.

§ 2. НЕТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКА В ТОФАЛАРСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Лексика неизвестного происхождения

В системе лексики современного тофаларского языка, помимо слов, имеющих тюркское происхождение, заимствований из средневекового монгольского, бурятского и русского языков, лексических элементов самодийского, кетского и тунгусо-маньчжурского происхождения, обнаруживается значительный лексический слой, генезис которого установить пока не представляется возможным. Показательно, что многие из этих слов, подчас в ином фонетическом оформлении, представлены, кроме тофаларского, и в других сибирских тюркских языках: алтайском, тувинском, хакасском, шорском, якутском, чулымско-тюркском, в языке западно-сибирских татар. Правда, распределение этих слов не всегда равномерно: имеются слова, которые встречаются почти во всех указанных выше языках, но некоторые – в двух-трех. Выделяется также группа слов, присущая только тофаларскому языку.

Отсутствие рассматриваемых нами слов в несибирских тюркских языках (как древних, так и современных) и в нетюркских соседних сибирских языках заставляет считать их словами неизвестного происхождения. Наличие этих слов в других сибирских тюркских языках еще недостаточно, чтобы определить их как тюркские, так как общеизвестно, что этногенез современных сибирских тюркоязычных народов весьма сложен, а их языки в большинстве образовались в результате тюркизации самодийско-, кето- или угроязычных групп. В исторических судьбах сложения и

развития сибирских тюркских языков очень много общего, поэтому сибирский тюркоязычный комплекс целесообразно рассматривать особо, во внутренней его взаимосвязи. Эта общность выражается в какой-то мере и в наличии общего пласта лексики неизвестного происхождения. В дальнейшем, по мере накопления материалов по древним и современным тюркским и другим сибирским языкам, возможно удастся установить происхождение этих слов.

В лексико-семантическом плане слова неизвестного происхождения, имеющиеся, кроме тофаларского, и в других сибирских тюркских языках, представляют следующие группы:

1) ландшафт: *арысқан* «гарь», *эңгиме* «круча», *бийге* «участок леса, оставшийся после лесного пожара», *һел* «берег», *мээс* «открытое безлесное место на южном склоне горы», *қасқақ* «труднопроходимый склон горы», *қуулғы* «высохшее на корню дерево», *саарығ* «перекат на реке», *сойақ* «сопка», *ушар* «водопад»;

2) природные явления: *челәғи* «радуга», *һыймығ* «заморозок», *оһуқ* «кухта», *шедірген* «искра», *тосқанақ* «град»;

3) растения: *ай* «сарана», *ашаанақ* «вереск», *ээргүүс* «рябина», *элип* «застывшая смола лиственницы», *бөш* «кедр», *чаат* «хвощ», *чеерһен* «высохшие нижние ветви кедра», *чәкпе* «гриб», *чөйган* «пихта», *чөһпрәд* «кора хвойных деревьев», *чоқшақ* «шишка сосны, пихты, ели, лиственницы», *чираа* «карликовая береза», *тайа* «жимолость», *тазыл* «дерево, вывернутое с корнями», *түбек* «корни сараны», *һаақ* «тальник», *һайдың* «сфагновый мох», *һоормақ* «зонтичные растения», «дудник», *һылба* «черемша», *һырбық* «лишайник», *куһсүрүм* «опавшая хвоя», *муруйақ* «кровохлебка», *неңес* «мох», *өһйфенъци* «болотный багульник», *қаһспыраа* «кашкара», *қазылған* «багульник» (гутаринский говор), *қылбыш* «бадан», *сарансы* «ревень», *сөөскен* «кустарник с черными ягодами, напоминающими по вкусу красную смородину», *шаңда* «березовая кора под берестой», *шаңғыр* «недозрелая ягода», *шеңнә* «дикий пион», *шиби* «ель», *шомур* «березовые или тополиные сережки», «почки растений», «всходы травы», *шулун* «ягель», *шылба* «лыко», *шырыш* «ольха», *уйгут* «тополь», «осина»;

4) дикие животные: *чәкпе* «росомаха», *һөөрүк* «бурундук», *тас* «лось», «сохатый», *тоорғу* «кабарга», *таһһирған* «пищуха», *дөһһөр* «бык дикого северного оленя», *иніғ* «самка лося», *сарһаадақ* «двухгодовалая телка марала», *үс* «рысь»;

5) домашние животные: *анһай* «новорожденный теленок домашнего оленя», *һоқаш* «годовалый теленок», *мундучақ* «двухгодовалая нетель домашнего оленя»;

6) птицы: *эһсір* «орел», *бааршық* «дрозд», *бос* «кряква», *беһһирген* «сова», *тарғый* «бекас», *таһһат* «крохаль», *тоһһорго* «дятел», *һамзыл* «мелкие певчие птички, остающиеся на зиму», *һүһртү* «тетерев», *кеерһен* «кедровка», *оңгоқ* «нырок», *шеешкис* «белокрылый коршун», *уһшүл* «рябчик»;

7) рыбы: *бел* «таймень», *беһсил* «налим», *миит* «ленок», *қадырғы* «хариус», *шуруш* «щука»;

8) насекомые и пресмыкающиеся: *һебеген* «бабочка», *һелеске* «ящерица», *мас* «слепень», *шөйлашқан* «червь дождевой», *үзүдек* «мотылек»;

9) части тела: *адыш* «ладонь», *ээ* «пятка», *эдір* «сальник», *эн эһт* «мышцы спины», *чаһпал* «селезенка», *чәһһенәк* «локоть», *чырымһа* «болонь», *дәһс* «сгустки черной крови», *дөһмек* «бедро», *һаай* «нос», «клюв», «морда», *һендірме* «холка», *маһһнық* «плюсна», *пақ* «полость щек», «защечные мешки бурундука», *қаһстың* «висок», *қазырық* «чешуя», *саат* «шейная жила», *салһық* «клык марала», *сақпақ* «реберные хрящи», *сығый* «мочевой пузырь», *уңгүрһен* «рыбья икра»;

10) посуда: *чеңге* «большой котел», *одуш* «корытце из бересты», *паш* «посуда для варки пищи», *қуһмсар* «корзинка для сбора клубней сараны», *шомуқ* «корытце из бересты», *барба* «вьючная сума»;

11) орудия, инструменты, устройства: *айа* «самострел», *аһһы* «кожаное покрытие чума», *эдірәд* «кожемялка», *эһтіски* «манок на кабаргу», *чәһһиян* «опорный шест в чуме», *дәһрбек* «подвесные пряжки на поясе», *тоорбаш* «короткое сухое бревешко, используемое для поддержания костра ночью», *илчирме* «цепочка», *һөтпе* «рыболовный крючок», *һырба* «клей», *меһрһе* «палка», *моң* «колот для сбивания кедровых шишек», *мөңгүй* «намордник для олененка», *муңгаш* «петля», *осуқ* «корнекопалка», *саласқа* «наземная петля для ловли за ногу оленей и лошадей», *сээн* «спусковая нить самострела», «спусковой крючок ружья», *сөйгү* «шест лодочный», *сыдым* «петля аркана», *сыы* «скребок для обработки шкур»;

12) шаманизм: *аза* «черт», *ээрен* «шаманские амулеты», *орпа* «колотушка шаманского бубна», *қоһһлу* «сруб на пнях для захоронения»;

13) отвлеченные понятия: *аай* «суть», «толк», *нясый* «обжора», *қаас* «украшение», «узор», *сот* «слово», *уг* «направление», *ыт* «звук»;

14) прилагательные, наречия, частицы: *аан* «немного погодя», *эбеш* «мало», *энэр чыл* «прошлый год», *эьрһи* «старый», «прежний», *баьк*, *баьһай* «плохой», *безин* «даже», *тітім* «смелый, храбрый», *һаш* «безволосый», *олиһаңгы* «простой», «обычный», *өй* «как раз, в пору», *шаары* «вверх», *шыра* «слабый», «болезненный»;

15) глаголы: *ээр*= «лаять», *эьс*= «вытаскивать из котла сварившееся мясо», *даара*= «шить», *дөгө*= «подсушивать возле огня», *дур*= «выдернуть», «выбить», *дүдү*= «заплесневеть», *дул*= «класть мясо в котел для варки», *һаг*= «запереть», «замкнуть», *илдік*= «запнуться», *қаһһяр*= «белеть», *қагы*= «подымать рычагом», *сымыра*= «шептать (о знахаре)», *шаг*= «забить», «заколотить», *төт*= «доест до конца».

Слова неизвестного происхождения, имеющиеся лишь в тофаларском языке, представляют следующие лексико-семантические группы:

1) ландшафт и явления природы: *чаьрһың* «слегка подтаявший наст», *һөмнүк* «снег с сильным ветром», *һуймак* «пепел», *куьлтүс* «место в тайге, где под мхом имеется рыхлый слой, состоящий из корешков и перегноя, под которым глубокая расщелина, наполненная водой», *онуи* «болото», *өскен* «дождь», *шың* «туф», *ута* «крепкий наст»;

2) растения: *чыьпыт* «мелкий пихтач», *һаңган* «очень высокий толстый кедр», *күскече* «курильский чай кустарниковый», *сысты* «вечнозеленая трава в вершине ключа»;

3) животный мир: *энэгэчче балыраң* «мальки рыб», *боришқа* «глухарь», *даарылга* «крупная цветная бабочка», *таьрһыи* «годовалый теленок домашнего оленя», *һаан* «белая куропатка», *һейбык* «годовалый глухарь», *чаьпқыи* «летучая мышь», *мырһеишқа* «мышь», *шыйдыңга* «след медведя», *укесе* «трехлетний таймень»;

4) части тела: *буй* «пах», *һөк* «рот», *һееннә* «жир на крупе марала, лося»;

5) орудия, приспособления: *айамдыт* «кабарожий потник под седло», *биьті* «тонкий расщепленный черемуховый прут для сшивания берестяных покрышек чума», *һеерий* «четырёхгранный волосяной ремень», *каьһа* «лыжи-голицы», *қоруи* «берестяная заплечная торба»;

6) отвлеченные понятия: *блаа* «много», *боқ* «сейчас», *чораанда* «плохой», «плохо», *шооза* «тезка».

Как явствует из приведенного выше материала, слова неизвестного происхождения охватывают в основном лексико-семантические группы, включающие названия различных особенностей местного ландшафта, местную флору и фауну, названия частей тела, явления природы, занятия оленеводством, собирательством, различные инструменты и приспособления, то есть отражают характерный для тофаларов охотничье-олeneводческий таежный комплекс материальной культуры, который в некоторых его чертах присущ и для других тюркских народов Саяно-Алтая. Анализ этих лексико-семантических групп наводит на мысль, что предки тофаларов искони обитали в таежной местности, занимаясь охотой, рыболовством, собирательством и оленеводством еще до их тюркизации, так как тюрки были степняками-скотоводами и не могли соответственно отражать своим языком специфику местной географической среды и материальной культуры. Поэтому эти жизненно необходимые термины остались и ужились в том тюркском языке, который пришел на смену языку аборигенного населения Саян.

2. Лексика, сопоставимая с самодийской, кетской и тунгусо-маньчжурской

При историческом анализе лексики тофаларского языка выявилась небольшая группа слов, имеющая параллели в самодийских, кетских и тунгусо-маньчжурских языках. Не исключено, что эти слова окажутся результатом каких-то древнейших связей, отголосками которых они и явились. Любопытно, что к выводу о причастности самодийских, кетских и тунгусских племен к формированию тюркоязычного населения Саян приходит С.И. Вайнштейн в результате двадцатилетних исследований по проблемам этногенеза и этнокультурной истории тувинцев и связанных с ними своим происхождением народов (тофаларов и других)¹. Он пишет, что «дотюркское население Саян было довольно сложно по своему этническому составу, включая, по всей вероятности, тунгусские, самодийские и кетские этнические компоненты» (стр. 9). И далее он утверждает, что

¹ С.И. Вайнштейн. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореферат докторской дисс. М., 1969.

«в происхождении восточных тувинцев наряду с тюркоязычными племенами, участвовавшими в этногенезе западных тувинцев, важную роль сыграли самодийские, и в меньшей мере кетские и монгольские, а на раннем этапе, вероятно, и тунгусские компоненты» (стр. 15).

Таким образом, в свете этих данных результаты, полученные после диахронического анализа лексики тофаларского языка, могут представить некоторый интерес для истории сложения и развития как самих тофаларов, так и их языка и позволят сделать предположение, что самодийские, кетские и тунгусские этнические группы оказали какое-то влияние и на тофаларов.

Соответствия в самодийских языках находят тофаларское слово *ире* «предок», «медведь», оно совпадает с ненецким¹ *ури* «1) дед, дедушка; 2) прадедушка; 3) старший брат отца или матери; 4) свекор; 5) старший брат мужа; 6) все мужчины из рода мужа старше его; 7) перен. медведь, волк». У нганасан² слово *ури* также означает «дед». В селькупском языке³ слово *ира* означает «старик». Тофаларское *аба* ~ *ава* «мама» (звательная форма при обращении к матери) совпадает по значению и по звучанию с инганасанским словом *аба* «мама». (Однако в словаре Махмуда Кашгарского слово *аба* в значении «мать» приводится как огузское). Тофаларское слово *соо* «маленькое ведро из бересты, предназначенное для доения оленей» совпадает со словом *со* «береста» из самодийского койбальского языка⁴. Ср. также ненецкое слово *хо* «береза», моторское *ку* «береза»⁵. Названиями основных тофаларских родов являются *һааһи* и *чоғды*, но еще В.В. Радлов⁶ считал название «чоғды» бесспорно самодийским по происхождению, а этноним «каш» или «касса» Б.О. Долгих⁷ считает также самодийским. О том, что это не случайные совпадения, а, по-видимому, реликтовая лексика, говорит, кроме этнонимии, также наличие на территории расселения тофаларов ряда гидронимов, имеющих в своем составе южно-самодийские компоненты *-яха*, *-чага*, *-ба*, *-ма*, *-бы*⁸: реки *йага*, *дээрйага*, *борааньчага*, *қара биш*, *сарығ биш*, *меешма*, *йоорма*, *тайба* и т.п.

Кетских элементов в тофаларском языке значительно больше, чем самодийских. Они пронизывают, кроме лексики, и фонетику, создавая своим наличием характерное своеобразие, специфику тофаларского языка. В этом плане фонетическая система тофаларского языка характеризуется особыми фарингализованными краткими гласными, противопоставляемыми фонологически кратким чистым и долгим гласным. Фарингализованные краткие гласные в обязательном порядке предшествуют сильным глухим согласным, составляя с ними неразрывное единство. Этим тофаларский язык отличается от всех тюркских языков, в том числе и от тувинского, хотя в последнем тоже имеются фарингализованные гласные⁹. На слух тофаларские фарингализованные гласные заметно отличаются в произношении от тувинских и напоминают больше краткие фарингализованные гласные в кетских диалектах, в которых они звучат кратко и отрывисто, даже с каким-то придыханием¹⁰. В силу такой особенности фарингализации гласных в тофаларском языке наблюдается некоторое начальное придыхание у глухих сильных последующих согласных, чего, кстати, в тувинском языке нет. Кетским влиянием, по-видимому, объясняется и сочетаемость в тофаларском языке звука *h* с сонорными: *mh*, *nh*, *ңh*, *lh*, *йh*, *ph*. Например: *чырымһа* «болонь», *анһай* «оленок», *дөңһөр* «взрослый бык дикого северного оленя», *тағһан* «мука», *қағйһа* «удивляйся», *тоғһу* «бочка». Аналогичное явление отмечено исследователями только в кетских языках¹¹. На-

¹ См.: Н.М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М., 1965.

² См.: Л.А. Файнберг. Терминология родства нганасан как исторический источник. «Сибирский этнограф. сб.» Вып. IV. М., 1962.

³ См.: Г.Н. Прокопьев. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935.

⁴ См.: Словарь койбальского языка, составленный Г. Спасским. Приложение к статье Л.П. Потапова «Происхождение и этнический состав койбалов». СЭ, №3, 1956.

⁵ См.: Словарь языка моторского, собранный в 1806 г. Г. Спасским. Приложение к монографии Л.П. Потапова «Происхождение и формирование хакасской народности». Абакан, 1957.

⁶ См.: W. Radloff. Aus Sibirien. Leipzig, 1884, s. 205.

⁷ См.: Б.О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, с. 239.

⁸ См.: А.П. Дульзон. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимии. «Труды XXV международного конгресса востоковедов, Москва, 1960 год». Т. III. М., 1963, с. 289-295.

⁹ В тувинском языке фарингализованные гласные связаны совсем другими отношениями с последующими согласными.

¹⁰ См.: Г.К. Вернер. Слоговая акцентуация кетских говоров. «Вопросы диалектологии и языкознания». «Уч. зап. Омского ГПИ им. А. Горького», вып. 44. Омск, 1969, с. 88; его же. Звуковая система сымского диалекта кетского языка. Автореферат канд. дисс. Томск, 1966, с. 8.

¹¹ См.: А.П. Дульзон. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. «Уч. зап. ТГПИ», т. XIX, 1961.

пример: имб. *eemhi* «белка-летяга», ар. *кылһан* «ложка», ар. *калһона* «маленький», пумп. *пһалла* «мальчик», имб. *ойһе* «смородина», ар. *пһин'анг* «песок», имб. *доонгхой* «омуль» и т.п.

В тофаларском языке также имеется ряд лексических элементов, корреспондирующих с кетскими, причем чаще всего с ассанскими или коттскими: тоф. *шэгер* «сани», ср. асс. *чегар*, *чогар*, кот. *чогар* «нарта»¹; тоф. *аза* «черт», ср. асс. *аса*, кот. *аша*, *аса* «дьявол»; тоф. *һамаши* «камасинцы», ср. ар. *хангмаше* «камасинцы»; тоф. *ий* «южный склон горы», ср. асс. *ий*, *йши* «гора»; тоф. *сақ* «оранжевое пятно на груди соболя», ср. имб. *саак*, *сак*, ост. *сак*, елог., кур. *сак* «белка»; тоф. *күспер* «корова» (старинное грубое название), ср. имб. *куус*, *кусь*, кур. *кус* «корова», ар. *кус*, асс. *һуш*, пумп. *кус* «конь»; тоф. *һем* «река», ср. кот. *кем* «река»; тоф. *шишчек* «маленькая птичка», ср. сымско-кетское *чичик* «трясогузка»².

Кроме этого, в тофаларском языке сохранились некоторые ассанские гидронимы³ (*агул* «р. Агул», *тагул* «р. Тагул») и коттские⁴ (*элашеш* «р. Алгашет», *решеш* «р. Решет», *туманишет* «р. Туманшет»).

Единичные тофаларские слова имеют параллели и в тунгусо-маньчжурских языках⁵. Так, тофаларское слово *меерен* «запястье (часть руки)» можно сопоставить с эвенк. *мишрэ*, эвен. *мишр*, маньчж. *мэйрэн* «плечо»; тоф. *сыран* «опорный шест чума» (ср. тув.-тодж. *сыран* id.) – с эвенк. *сееранг*, *хееранг*, *шееранг*, эвен. *һәраң* «жердь остова юрты»; тоф. *һаақ* «лыжи, подбитые камусом» (ср. тув. *хаак* «лыжи») – с эвенк. *хаакрэ*, *хааксэ*, *хаактэ* «лыжи»; тоф. *чүх* «смола дерева» (ср. тув. *чук*, хак. *чух* id.) – с эвенк. *чуксэ* «древесный сок», «смола»; тоф. *киик* «возглас, который троекратно выкрикивают при удачной медвежьей охоте» (ср. як. *ках* id.) – с эвенк. *куук* «крик охотника, подходящего к дому после удачной охоты на медведя». Других соответствий с этими языками пока обнаружить не удалось. В дальнейшем, при более тщательном сопоставлении, возможно, удастся расширить круг лексических и каких-либо иных соответствий. Трудно определить, откуда и когда пришли в тофаларский язык эти слова и являются ли они тунгусо-маньчжурскими по происхождению или это просто случайные совпадения. Во всяком случае, они не сопоставляются с лексикой других языков. Исторически эвенки проживали в Приангарье, территория их расселения когда-то соприкасалась с территорией расселения предков тофаларов, поэтому эти слова можно рассматривать как остатки былых контактов.

Таким образом, кетский язык оставил наиболее глубокий след в современном тофаларском языке, наложив на весь фонетический его облик своеобразный отпечаток.

Любопытно, что в тофаларском языке нет заметных самодийских элементов, хотя в XVIII в. учеными утверждалась самодийскоязычность карагасов. Так, Иоганн Георги в своем труде писал: «Каракассы принадлежат к небольшим остаткам красноярских народов самоедского племени. Статьея может, что они во время воинственных беспокойств собрались из беглецов... Язык их самоедское наречие и при этом не столько испорченное, как у многих других остатков самоедского племени»⁶. Другой исследователь, П.С. Паллас⁷, в доказательство самоедоязычности карагасского рода приводит сравнительный лексический материал по языкам «самоедским, койбальским, моторским и карагасским». Например, он дает такие карагасские слова: *кале* «рыба», *чарга* «мех», *сира* «снег», *шерге* «ветер», *обтида* «волосы», *димид-да* «зубы», *чу* «дерево», *гиде* «два», *нагур* «три», *шумбула* «пять», *муктут* «шесть», *чуд-об* «одиннадцать» (ср. соответственно современные тофаларские слова: *балық* «рыба», *кеши* «шкура», «мех», *қар* «снег», *қат* «ветер», *чеши* «волосы», *тиш* «зубы», *неш* «дерево», *ийһи* «два», *йи* «три», *беш* «пять», *аьты* «шесть», *он брәэ* «одиннадцать»).

Таким образом, в XVIII в. собственнокарагасский род был действительно самоедоязычным. По свидетельству И. Георги, он был немногочисленным: «Ныне платит сие поколение подушной ок-

¹ Материалы по кетским языкам взяты из указанной выше работы А.П. Дульзона.

² См. Г.К. Вернер. Звуковая система сымского диалекта кетского языка. Автореферат канд. дисс. Томск, 1966, с. 14.

³ См.: А.П. Дульзон. Кетские топонимы Западной Сибири. «Уч. зап. ТГПИ», т. XVIII, 1959, с. 110-111.

⁴ См.: там же, с. 109.

⁵ Материал по тунгусо-маньчжурским языкам был взят из следующих работ: В.И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949; Г.М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958; А.В. Романова, А.Н. Мыреева. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Л., 1968.

⁶ И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Часть третья – о народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских... СПб., 1799, с. 19.

⁷ См.: П.С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III. СПб., 1788, с. 524-526.

лад только за 22 семьянистых человек»¹. Вполне вероятно, что этот род, примкнув к тофаларам, утратил свой самодийский язык, полностью перейдя на тюркский тофаларский язык. «...В Южной Сибири наблюдалась закономерность: самодийскоязычные группы, находившиеся в контакте с тюркоязычными, утрачивали свой язык, становясь тюркоязычными. Явления обратного порядка не известны. Во всяком случае, начиная с XVII в., эта закономерность в Южной Сибири протекает на глазах исследователей»². Видимо, поэтому М.А. Кастрен уже в XIX в. застал карагасов тюркоязычными. По его материалам карагасский язык почти ничем не отличается от современного тофаларского³.

Сравнение тофаларского языка с тувинским показало, что они имеют значительные различия в фонологических системах, в лексике и грамматике. Эти данные убеждают нас в том, что тофаларский язык является самостоятельным. Результаты этого сопоставления также не позволяют нам согласиться с мнением историков, что на рубеже XVIII-XIX вв. самоедоязычные карагасы, предки тофаларов, утратив свой язык, восприняли тюркский язык от тувинцев⁴. Если бы это было так, то карагасский язык XIX в., зафиксированный М.А. Кастреном, не отличался бы от тувинского. Но он и тогда имел те же отличия от тувинского, что и современный тофаларский язык. Все это не позволяет отождествить карагасский язык XIX в. с тувинским. Данные тофаларского языка показывают, что тюркский язык существует у тофаларов давно, еще со времен орхонских тюрков, и независимо от тувинского языка подвергался влиянию языка уйгуров, кыргызов, монголов и позднее бурят. Но как же объяснить свидетельства очевидцев о самоедоязычности карагасов в XVIII в.? По-видимому, это объясняется тем, что «предки современных карагасов (еще) в XVII в. не представляли какого-либо единства, они образовывали самостоятельные роды»⁵, отдельные из которых, например, карагасский, несли самодийский язык, впоследствии ими утраченный. Остальные же роды, по-видимому, были тюркоязычными, сохранившими тот тюркский язык, который был усвоен у древних тюрков-тукю, предков огузов.

Древнеогузский язык первоначально усвоили, возможно, какие-то кетоязычные группы, внесшие в огузскую фонетическую систему свои специфические звуковые особенности. Иначе невозможно объяснить специфику тофаларской фонетики, состоящую в своеобразном переплетении огузских черт с кетскими. Мелкие же самодийские роды, впоследствии примкнувшие к этим уже тюркоязычным группам, полностью переходили на тюркский язык, по-видимому, тоже привнося какие-то собственные произносительные навыки. Этим, возможно, объясняется различие в произношении алыгджерской и гутаринской групп тофаларов, так как гутаринская группа состоит из родов хааш и сары хааш, раньше в ее составе был также и род кара хааш, имевший в прошлом самодийский язык. Алыгджерская же группа состоит из родов чоҕды, кара чоҕды и чептей, о самодийскоязычности которых нет ни прямых, ни косвенных данных. Возможно, это были и кетские по происхождению этнические группы.

3. Заимствования из монгольских языков

В современном тофаларском языке обнаружено большое количество лексических заимствований из монгольских языков. Среди них отчетливо выделяются по своим признакам заимствования из средневекового монгольского языка XIII-XIV вв. При этом одни монголизмы могли проникнуть в тофаларский язык значительно раньше, еще в киданьское время, другие, напротив, позже, в XVI-XVII вв. Но основная масса монгольских слов, проникших в тофаларский язык, относится к периоду монгольских завоеваний.

Другой, также четко выделяющийся по своим признакам группой монголоязычных заимствований, являются заимствования из бурятского языка. Хронологически – это уже более поздние заимствования, так как данниками бурятских князей тофалары могли стать только после упадка власти монгольских ханов, когда вследствие маньчжурских завоеваний ослабли позиции Джунгарского государства и Алтын-ханов, подчинивших себе Саяны и Алтай.

Таким образом, монголоязычные заимствования можно разделить на среднемонгольские и бурятские. Рассмотрим их в соответствии с этим делением.

¹ И. Георги. Указ. соч., с. 19.

² С.И. Вайнштейн. Очерк этногенеза тувинцев. «Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ», вып. V. Кызыл, 1957, с. 195.

³ См.: М.А. Castrèn. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. St.-P., 1857.

⁴ См.: Л.П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 227.

⁵ Б.О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 256.

Среднемонгольские лексические заимствования

Происхождение и формирование тофаларской народности, ее связи с древними монгольскими племенами нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от истории тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья: тувинцев, алтайцев, хакасов, так как между ними много общего в области материальной культуры и языка. В частности, их объединяет наличие большого количества среднемонгольских заимствований, имеющих в основном сходный в фонетическом отношении характер. В формировании общих черт, объединяющих эти народы по материальной культуре и языку, большую роль в свое время сыграли Уйгурский каганат (VIII-IX вв.) и государство древних кыргызов (IX-XII вв.), которые объединяли в своем составе различные племена, жившие по Саянам и Алтаю. «В течение 360 лет народы, обитавшие на Саяно-Алтайском нагорье (тюркоязычные, самодийские, угро- и кетоязычные), входили в централизованное феодальное государство, во главе которого стояли кыргызы»¹. «Многие этнические группы, входившие в это государство, являются предками отдельных групп современных тувинцев, хакасов, алтайцев, тофаларов и шорцев. Многие факты, указывающие на связь современных народов Саяно-Алтая в области языка и культуры, восходят к этому времени»².

Эти народы, входившие в одно государство, в начале XIII в. были покорены монголами. Монголов, как единого народа, до конца XII в. не существовало. Часть монгольских племен, называемых «лесными», жила по берегам рек у оз. Байкал и в современном Забайкалье. Степные племена обитали на обширной территории к западу от Большого Хинганского хребта и к востоку от него вплоть до Ляодунского залива. Южные племена назывались кидани и си (хи), северные – шивэй и жужан. Монгольские племена жили рядом с тюркскими и, по всей вероятности, принимали участие в этногенезе народов Саяно-Алтая. Об участии монголоязычных племен в этногенезе тофаларов пока нет прямых сведений. Но общая история народов Саяно-Алтайского нагорья позволяет предполагать его. Вообще «Саяны являются той территорией, где в течение веков протекали сложные и еще недостаточно изученные этнические процессы, в которых участвовали тюркоязычные, самоедоязычные, кетоязычные и монголоязычные группы народов»³. С.И. Вайнштейн, занимавшийся вопросами этногенеза тувинцев, приходит к выводу об участии монгольских племен в формировании тувинского народа. В частности, в своей работе, посвященной этногенезу тувинцев, он пишет: «Монголоязычные племена, жившие на сопредельных территориях, принимали участие в процессе этногенеза предков тувинцев, возможно, еще в I тысячелетии. По всей вероятности, монголоязычные жуань-жуани в период своего наивысшего могущества в V в. занимали территорию, включавшую и Туву. Начиная со второго тысячелетия, проникновение в Туву монголоязычного населения фиксируется археологическими и письменными источниками»⁴. «В XII в. на территорию Тувы проникли монголоязычные кидани, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и археологические материалы. Часть киданей, по-видимому, смешалась с местным населением и была тюркизирована»⁵. «Как показывает анализ родо-племенного состава тувинцев, в их этногенезе приняли участие монгольские по происхождению группы, которые хотя и были ассимилированы тюркоязычными племенами Тувы, но оказали на культуру, быт и антропологический облик тувинцев весьма заметное влияние»⁶.

Наличие в тофаларском языке значительного количества монгольских лексических элементов позволяет предполагать участие в этногенезе предков тофаларов, как и тувинцев, монголоязычного компонента. Во всяком случае наличие лексических заимствований, проникших в различные области лексики (особенно проникновение прилагательных, наречий и глагольных основ), свидетельствует о древности, глубине и широте связей предков тофаларов с древними монголоязычными группами.

В 1207⁷ году состоялся «лесной» поход Джучи-хана, направленный на завоевание и подчинение народов Саяно-Алтайского нагорья. «Чингис-хан передал тогда эти покоренные племена сво-

¹ История Тувы. Т. I. М., 1964, с. 163.

² Там же, с. 163.

³ С.И. Вайнштейн. Некоторые вопросы этнической истории тувинцев тоджинцев, КСИЭ, XXIX. М., 1958, с. 90.

⁴ С.И. Вайнштейн. Очерк этногенеза тувинцев. «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. V. Кызыл, 1957, с. 189.

⁵ Там же, с. 190.

⁶ Там же, с. 190.

⁷ См.: История Тувы. Т. I. М., 1964, с. 172.

ему сыну в подданство. Таким образом, население Саяно-Алтайского нагорья и бассейна Верхнего Енисея в 1207 году попало под власть монгольских феодалов¹. С этого времени особенно усилилось языковое и экономическое влияние монголов на народы Саяно-Алтая. До XVI в. длилось политическое господство монгольских феодалов на этой территории, уступившее после распада монгольской империи свое место государствам Алтын-ханов и Джунгарии. В XVII в. предки современных тофаларов вошли в состав Московского государства, и с этого времени, можно считать, прекращается влияние монгольской культуры и языка на тофаларов, уступив место русскому влиянию.

Отсутствие источников по древней истории тофаларов не позволяет более глубоко и обстоятельно раскрыть связи их предков с древними монголами и заставляет ограничиться лишь общими предположениями.

Как уже упоминалось выше, в современном тофаларском языке имеется много слов, заимствованных из средневекового монгольского языка. Критериями, на основе которых данные заимствования возводятся к среднемонгольскому, а не к современным монгольским языкам, послужили следующие признаки:

1) следы присутствия в монгольских заимствованиях среднемонгольской аффрикаты [ʃ]², которая передается в тофаларском языке среднеязычной аффрикатой с глухим «ч» и звонким «ч» оттенками. Например: тоф. *һалцан* «лысый» < ср.-монг. *qalʃan* id., ср. совр. монг. *халзан* [χaldzan], бур. *халзан* [χalzan], калм. *һалзн* [galzn] «лысый»; тоф. *чары* «ездовой олень» < ср.-монг. *ʃari* «олень», ср. совр. бур.-окинск. *зари* [zar'i] «ездовой олень»; тоф. *болча* = «условиться» < ср.-монг. *bolʃa* = id., ср. совр. монг. *болзо* = [boldzo=], бур. *болзо* = [bolzo=], калм. *болз* = [bolz=] id.; тоф. *чиби́ре* = «заржаветь» < ср.-монг. *ʃibere* =, ср. совр. монг. *зэврэ* = [dzeʃre=], бур. *жэбэр* = [zəbər=], калм. *зевр* = [zeʃrə=] id. Сохранение в виде [u] в начале слова, [u] и [ч~] в середине слова среднемонгольской аффрикаты [ʃ]: тоф. *шебер* «чистый», «аккуратный» < ср.-монг. *šeber*, ср. совр. монг. *цэвэр*, бур. *сэбэр*, калм. *цевр* id.; тоф. *шуғулда* = «сердиться» < ср.-монг. *šuyulda* =, ср. совр. монг. *цухалда* =, бур. *сухалда* =, калм. *цухлд* = id.; тоф. *һараа-чыгай* «оляпка» < ср.-монг. *qariyaʃai* «ласточка», ср. совр. монг. *хараацай*, бур. *хараасгай*, калм. *харада* id.; тоф. *аарша* «кислое мерзлое молоко» < ср.-монг. *aʃarša*, ср. совр. монг. *аарц*, бур. *аарса*, калм. *аарц* «творожистый осадок, остающийся при изготовлении молочной водки»;

2) следы наличия в монгольских заимствованиях среднемонгольского гласного [i], не подвергшегося перелому. После среднемонгольских аффрикат [ʃ] и [ʃ] этот звук в тофаларском языке передается гласным [u(ы)]. Например: тоф. *чида* «пика» < ср.-монг. *ʃida* «пика, копье», ср. совр. монг. *жад* [dʒad], бур. *жада* [ʒada], калм. *жид* [hʒid] «пика», «штык»; тоф. *чибар* «хиус» < ср.-монг. *ʃibar*, ср. совр. монг. *жавар* [dʒaʃar], бур. *жабар* [ʒabar], калм. *жавр* [hʒaʃr] id.; тоф. *чирaa* «иноходец» < ср.-монг. *ʃiruu*, ср. совр. монг. *жороо* [dʒoro:], бур. *жороо* [zoro:], калм. *жора* [hʒora:] id. После других согласных передается через [i] в мягкорядных словах и через [ы] в твердорядных. Например: тоф. *һирэ* «пила» < ср.-монг. *kirüge*, ср. совр. монг. *хөрөө(н)*, бур. *хюрөө*, калм. *көрэ* id.; тоф. *қытат* «китаец» < ср.-монг. *kitad*, ср. совр. монг. *хятад*, бур. *хитад*, калм. *китд* id.;

3) сохранение в тофаларском языке конечного согласного [н] основы среднемонгольских слов, ставшего факультативным в основах слов современных монгольского и бурятского языков: тоф. *насын* «возраст» < ср.-монг. *nasun*, ср. совр. монг. *нас(ан)*, бур. *наһа(н)*, калм. *насн* id.; тоф. *һүнесин* «продовольствие» < ср.-монг. *künesün* «продукты», ср. совр. монг. *хүнс(эн)*, бур. *хүнэхэ(н)*, калм. *күнсн* «продукты питания»; тоф. *һөрөсөн* «внешняя часть кожи» < ср.-монг. *körüsin* «покров», «дерн», ср. совр. монг. *хөрс(өн)*, бур. *хүрхэ(н)*, калм. *көрсн* «почва», «дерн», «внешний покров»;

4) сохранения полногласия основы и характера гласных основы среднемонгольских слов: тоф. *итгел* «надежда», «вера» < ср.-монг. *itegel*, ср. совр. монг. *итгэл*, бур. *этигэл*, калм. *иткл* id.; тоф. *алага* «молоток» < ср.-монг. *aluqa*, ср. совр. монг. *алх*, бур. *алха*, калм. *алх* id.; тоф. *өреме* «пенка» < ср.-монг. *örüme*, ср. совр. монг. *өрөм*, бур. *урьмэ(н)*, калм. *өрм* id.; тоф. *һомуда* = «сожалеть» < ср.-монг. *yomuda* =, ср. совр. монг. *гомд* =, бур. *гомдо* =, калм. *гомд* = id.;

¹ Там же, с. 172.

² Здесь и далее для среднемонгольского языка по техническим причинам знаком ʃ обозначена звонкая шипящая аффриката дж.

5) сохранение в конце мягкорядного слова дифтонга *ei*, характерного для среднемонгольских слов: тоф. *түрей* «наголенники» < ср.-монг. *türei* «голенище», ср. совр. монг. *түрий*, бур. *түриш*, калм. *түрә* id.; тоф. *дүлей* «глухой» < ср.-монг. *dülei*, ср. совр. монг. *дүлий*, бур. *дүлиш*, калм. *дүлә* id.;

6) морфологическое оформление слова, характерное только для среднемонгольского языка: тоф. *шааньцақ* «клин» < ср.-монг. *šīyaṅcaq*, ср. совр. монг. *шаантаг*, бур. *шаантаг*, калм. *шаанцэ* id.; тоф. *буруутту* «виновный» < ср.-монг. *buruutu*, ср. совр. монг. *буруутай*, бур. *буруутай*, *буруута*, калм. *бурут* id.; тоф. *хенеттэ* «вдруг» < ср.-монг. *genedte*, ср. совр. монг. *гэнтэд*, бур. *гэнтэ*, калм. *генд* «вдруг, неожиданно».

Эти признаки относятся и к среднеойратскому языку, который имеет много общих черт со среднемонгольским. В ряде случаев трудно установить, из среднемонгольского или же из среднеойратского языка попало слово в тофаларский язык, так как на рубеже XII-XIII вв. западные монголы-ойраты, которых персидский историк Рашид ад-Дин относил к лесным монгольским племенам, обитали на территории Восьмиречья (Секизмурэн) в лесах, межгорных долинах и степях северо-востока Саян и Танну-ола, и язык у них, по сообщению Рашид ад-Дина, имел «небольшую разницу от языка других монгольских племен»¹. Вероятно, и ойраты приняли известное участие в этногенезе саяно-алтайских народов, в частности тофаларов. Во всяком случае некоторые лексические заимствования в алтайском языке несут на себе характерные ойратские черты и отличаются своим фонетическим оформлением от аналогичных тофаларских заимствований из среднемонгольского языка. Этих отличий очень немного, но и они позволяют иногда определить характер заимствования в тофаларском языке.

В фонетическом отношении отличие заключается в основном в присутствии в ряде случаев конечного «п» основы слов в ойратском языке и отсутствии его в среднемонгольском. Например: тоф. *дараа* «зерно», «посев» < ср.-монг. *tariy-a* «посев», ср. алт. *тараан* «пшено» < ойр. *tarijan* «посев»; тоф. *терге* «телега» < ср.-монг. *terge*, ср. алт. *терген* < ойр. *tergen* id.

Другим признаком, указывающим на то, что слово заимствовано из среднемонгольского языка, а не из ойратского, служит наличие этого слова в среднемонгольском языке и отсутствие его в ойратском (по крайней мере, оно не зафиксировано в ойратской письменности и отсутствует в калмыцком языке). Например: тоф. *буһул* «копна» < ср.-монг. *buqal* «копна», «стог», в ойратском и современном калмыцком языках оно отсутствует; тоф. *бор* «солонец» < ср.-монг. *bor* «глина», в ойратском, в современном калмыцком и монгольском языках слово отсутствует; тоф. *һоңгул* «дупло» < ср.-монг. *қоңгул* id., в ойратском и современном калмыцком языках слово отсутствует; тоф. *чары* «ездовой олень» < ср.-монг. *јari* «олень», в ойратском, современных монгольском и калмыцком языках слово отсутствует.

Следующим различием среднемонгольских и ойратских слов является разное количество слогов в идентичных основах. Так, тоф. *һомуда* = «сожалеть» можно возвести к ср.-монг. *γomuda* =, так как в ойратском языке это слово имеет два слога: *gomud* = id., а тоф. *һоор* = «обманывать», возможно, - из ойратского, так как в ойратском языке оно имеет также один слог: *qaur* =, а в ср.-монг. три: *qayura* = id. Указанные признаки в большинстве случаев дают основание считать, что слова были заимствованы именно из среднемонгольского языка. Довольно трудно точно установить время, когда это произошло, но, опираясь на выводы Г.Д. Санжеева, можно утверждать, что в XIII-XIV вв., так как в это время в монгольских языках еще сохраняется гласный «i», не подвергшийся третьему перелому, и уже отмечались долгие гласные², образовавшиеся за счет выпадения интервокальных «γ», «g» и стяжения слогов:

ауа → *aa* или результат прогрессивной ассимиляции *oo*;
иуа → *aa* или *oo*;
еге → *ee* или *өө*;
йге → *әә*, *өө*, *еә*³.

Таким образом, заимствования в тофаларском языке из среднемонгольского относятся ориентировочно к XIII-XIV вв., к периоду политического, а следовательно, культурного и экономического господства монголов на Саяно-Алтае. В связи с тем, что в это же время на данной территории обитали и ойраты, ряд слов трудно отнести именно к среднемонгольскому языку, поскольку

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1. Л., 1952, с. 118.

² См.: Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953, с. 77-78, 100 (таблица).

³ См.: там же, с. 79-80.

они фонетически оформлены так же, как и в среднеойратском. Например: тоф. *айан* «путешествие» взято или из ср.-монг. *ayan*, или из ойр. *ajan* id.; тоф. *амтан* «вкус» - или из ср.-монг. *amtan*, или из ойр. *amtan* id. Некоторые слова одинаково звучат и в современных монгольских языках. Например: тоф. *тэбене* «большая игла» < ср.-монг. *tebene*, ойр. *tebene*, бур. *тэбэнэ* id.; тоф. *қон* «сплетни» < ср.-монг. *qob*, ойр. *qob*, бур.-нижнеуд. *қоб* «сплетни», «клевета». Только слово *қоңһо* «внутренняя часть седла (выемка)» можно считать заимствованным из ойратского *qonqi* id., ср. совр. калм. *хоңх* id. Это слово не отмечено в словарях старого монгольского языка, хотя в современном монгольском языке имеется слово *хонго* «подколенная ямка», правда, с иной семантикой, но идея какой-то выемки сохранилась. Может быть, это слово из-за специфичности своего значения просто не нашло отражения в письменных памятниках среднемонгольского языка и осталось неизвестным. Однако в якутский язык оно тоже попало: як. *хоңхо* – «пустой в середине».

Ввиду невозможности разграничить в ряде случаев среднемонгольские и среднеойратские слова в работе условно принято обозначать их как среднемонгольские. В бесспорных случаях ойратизмы обозначаются как среднеойратские.

Все выявленные в тофаларском языке среднемонгольские заимствования в лексико-грамматическом отношении представляют собой существительные, прилагательные, наречия, глаголы и междометия. Они подразделяются на следующие лексико-семантические группы.

Существительные

1) отвлеченные понятия: *ан* «фокус», «волшебство», *айылга* «способность петь», «мотив, мелодия», *айан* «дальний путь», «путешествие», *албан* «налог, подать, ясак», *албатты* «подданный», *амтан* «вкус (пищи)», *арга* «возможность», «способ», «средство», «передышка», *байыр* «радость», «хорошее настроение», *бичик* «письменность», *буруу* «вина», «виновность», *чарга* «совет», «обсуждение», *чол* «счастье», «удача», *чик* «хитрость», *чүгсүн* «цвет», «масть», «качество», «свойство», «примета, признак», *дэһей* «мир, вселенная», *дэм* «совместные усилия», *тэмдэк* «знак», «условное обозначение», *дүбек* «помеха», «хлопоты», «беспокойство», *дүһүрээ* «чарка вина, обмененная с кем-либо при совместном распитии», *эрээ* «мука», «мучения», *һантыгай* «общество», *һеречи* «свидетель», *һоорһа* «обман», *һөдел* «труд (подневольный)», *һөлезин* «плата, оплата (за найм)», *һүндү* «ревность», *итэгел* «надежда», «вера», «доверие», *күүрүниши* «нищий, попрошайка», *медээ* «сознание», *меһе* «обман», «хитрость», «надувательство», *наһсын* «возраст», «прожитая жизнь», *олца* «добыча», *қам* «бережливость», «экономия», *қон* «сплетни», *таабар* «намек», *үлегер* «сказка», *өбүге* «предок», *һудугый* «сваха», *шола* «фамилия»;

2) верования: *аблын* «безвредный дух – хозяин горы», *богда* «младший бог», *эрлик* «владыка подземного царства (миф.)», *чайаан* ~ *чайаачы* «творец (бог)», *һаңгай* «небо (как божество)», *сүлдэсин* «душа (человека)», *төөрек* «возглас при камлании и гадании на колотушке или на лопатке»;

3) меры, измерения: *һем* «мера», «размер», «вес», *һире* «время», «количество», «около», «приблизительно (употребляется при счете единиц)», *муһур сөөм* «короткая пядь», *сөөм* «пядь», *қоноқ* «сутки»;

4) вооружение: *боо* «ружье (общее название)», *дары* «порох», *милта* «нарезы у ружья», *чыда* «пика», «копье», *селеме* «сабля», *қабһа* «щит», «каска», «шлем», «скоба спускового крючка ружья», «защитное стекло часов»;

5) орудия, инструменты, приспособления: *алага* «молоток», *аргамчы* «кожаная веревка», *доңдарақ* «перочинный нож», *һазчы* «ножницы», *һирээ* «пила», *көшүүрһе* «рычаг», «вага», *серээ* «острога», *сойаа* «изогнутая проволока для чистки курительной трубки», *сүге* «топор», *шааньцақ* «клин», *шибүгей* «изогнутое шило для прожигания отверстий», *шүүр* «приспособление для доставания упавших в снег кедровых шишек», *тээк* «палочка для застегивания пут»;

6) сенокосение, хлебопашество: *буһул* «копна сена», *дараа* «хлебные посевы», «спелое зерно»;

7) средства передвижения, сбруя: *чирим* «ремень, прикрепляемый с левой стороны седла и протягиваемый сквозь пряжку подпруги», *дэлбе* «крылья седла», *дэһсээр* «кожаная крышка потника под седлом, кожаный чепрак», *олаң* «пряжка», «волосная задняя подпруга конского седла», *оңгоча* «лодка», *өһрһө* «верхний потник под вьючное седло», *қоңһо* «внутренняя часть седла (его внутренняя выемка)», *қудурһа* «подхвостник», *ташуур* «кнут», *тэрге* «телега»;

8) предметы домашнего обихода: *даңза* «трубка для курения», *чалба* «большой плоский ко-

тел», *қағңһар паш* «большой котел», *қойһиноор* «колокольчик», *пилы* «поварешка», *саазын* «бумага», *тақша* «чашка для питья», *утасын* «шелковые нитки», «мулинэ»;

9) сооружения: *дэпгэ* «двор возле дома», «улица», «место возле чума, где привязывают оленей», *мағһян* «палатка», *тақ* «лабаз из жердей в виде полки, устраиваемый на дереве», *тээрме* «мельница»;

10) одежда, обувь: *һирим* «брючный ремень», *һөбөө* «подрубочный шов по краям одежды», *дағһа* «доха», *дотар* «подкладка», *дуурзақ* «шапка», *дүңгү* «ремешки у наголенников», *түрей* «наголенники для ходьбы по глубокому снегу»;

11) материал: *булгаар* «юфть», *һадақ* «тонкая шелковая материя в виде длинного узкого платка», *һилиң* «сукно тонкой выделки особого качества», *суучамбуу* «шелковая цветная материя»;

12) украшения: *субусун* ~ *субурсун* «мелкий бисер», *салбар* «бахрома», *чалаа* «ленты на шапке, свисающие сзади»;

13) музыкальные инструменты: *чадыган* «музыкальный инструмент со струнами», *шоор* «дудка», «флейта»;

14) пищевые продукты: *аарша* «замерзшее кислое молоко», *араһа* «водка», *һора* «яд, отрав», *һүнэсин* «продукты, провиант», *дүңсэ* «трубочный табак», *өреме* «пенка с кипяченого молока», *шыбай* «кровяная колбаса», *тамыһы* «табак», *уурақ* «молозиво»;

15) природные явления, ландшафт: *арықшаан* «минеральный источник», *боом* «высокие обрывистые скалы у реки», *чибар* «хиус (слабый ветер, приносящий вечером с гор в долину резкий холод)», *һей* «выдыхаемый воздух», *һерик* «обрывистый берег», *мөндүр* «град», *қааң* «ясная солнечная погода осенью», *сағһын* «тихий освежающий ветер», *сериин* «прохлада, свежесть»;

16) металлы, вещества: *алтан* «золото», *мөңгүн* «серебро», *ақ қорғолчтн* «олово» (калька с монг. *сауан qorqoljin*, букв. «белый свинец»), *қорғолчтн* «свинец», *чибир* «ржавчина», *чуғңһу* «лак», *шаң* «жесть»;

17) растения: *долагана* «боярышник», *һоңгул* «дупло дерева», *суғһай* «кустарник с красной корой», *ыргай* «кустарник (имеющий красные ягоды)», *шыргай* «густая чаша», «заросли кустарника»;

18) животные: *чары* «ездовой или вьючный бык домашнего оленя», *чөлеге* ~ *чөлөгө* «взрослый бык марала», *чыраа* «иноходец», *һараачығай* «оляпка», *һураган* «ягненок», *орай* «поздно родившийся детеныш животного», *сарлық* «як», *торай* «медвежонок», *тугул* «теленка коровы до года», *үрээ* «трехлетний жеребенок»;

19) части тела: *һөрөсөн* «наружный слой кожи», «верхний слой почвы», *салбар* «кисть ноги, руки человека или лап животных», *шағай* «лодыжка, астрагал»;

20) болезни: *һуйаң* «ревматизм», *нөрөө* «оспины».

Прилагательные

1) цвета и масти: *алақ* «пегий (черно-белый)», *бора* «серый», *буурул* «седой», *өле* «сивый», *тағс қара* «черный-пречерный»;

2) внешние признаки: *һалчаң* «лысый», «плешивый», *буцар* «неаккуратный, громоздкий (вьюк)», *чайдаң* «неоседланный», *далбағар* «широкий плоский (о листьях)», *муғһур* «беспалый», *қоцағар* «торчащий вверх конусом», *шичик* «мелкий»;

3) внутреннее качественное состояние: *арбын* «обильный (об урожае)», *эмдік* «дикий», «необученный (о животном)», *элээр* «трезвый», *эремдік* «слабый от рождения», *балар* «небрежный, неаккуратный», *барақсан* «беденький», *белен* «готовый», *буруутту* «виновный», *чикті* «хитрый», *далцир* «левый», *түрген* «быстрый (о воде)», *һарам* «скупой», *һей* «невидимый», «напрасный», *һөөрүһүй* «беденький», «бедняжка», *иле* «ясный», «очевидный», *қол* «основной» в словосочетании *қол бышқы* «основной кусок камуса в унтах», *сэргек* «чуткий», «внимательный», *сонур* «удивительный», *тэнэк* «глуповатый», «придурковатый», *шебер* «аккуратный», «умелый».

Из монгольских наречий в тофаларском языке заимствованы следующие: *эһлек* «много», «изобильно», *чиһе* «прямо», *дээрэ* «лучше», *дам* «самый», *һей* «зря», *һенэттэ* «вдруг», *һире* «приблизительно», *иле* «ясно», *лап* «точно», «верно», «как раз», *үһлтү* «вдребезги».

Глаголы

1) глаголы действия: *алмейтта* = «ошибаться», *амдажы* = «повадиться», *амса* = «пробовать», «отведывать», *эндэ* = «обознаться», *белеттэ* = «заготовить», «подготовить», «приготовиться», *болца* = «назначить срок, место встречи», *чаһы* = «заказывать», *доос* = «кончать», *туьрһу* = «натирать», *һаһна* = «паять», *һемнэ* = «измерять», *һире* = «лезть драться», *һөдели* = «батрачить», *һөлле* = «запрягать», *һейрала* = «жалеть»; «пожаловать», *һоор* = «обманывать», «врать, лгать», *идэ* = «провождать», *итэге* = «доверять», «верить», *мана* = «ждать», *маргыш* = «соревноваться», *мелце* = «спорить», *мүдүрү* = «спотыкаться», *мүлтү* = «распрягать», *нидри* = «стирать на стиральной доске», *нуьһу* = «свалить и давить, мять (в драке)», *неме* = «прибавлять», *қамна* = «беречь», «щадить», *қаз* = «обрубать сучья», *сылта* = «искать отговорку», *шаба* = «класть большую заплатку», «штукатурить», «обмазывать», *шиди* = «сшивать на скорую руку», *шиньчи* = «без толку перерывать все вещи, когда что-либо ищешь», *шогла* = «насмехаться», *шутку* = «лить пули из свинца», «лить ложкой в рот больному воду или лекарство», *тул* = «биться, сражаться», *улга* = «выбрать», *үче* = «рыться в вещах, сумах, карманах», *үдү* = «зашнуровывать», *үре* = «растратить», «испортить»;

2) глаголы движения: *ботара* = «рассыпаться», *дэгдэ* = «вознестись (на небо)», «подняться вверх вертикально (вертолет)», *һөөре* = «сплыть (о молоке)», «бурлить, подниматься вверх (о кипящей жидкости)», *мүлтөре* = «выскальзывать», *нэһе* = «гнаться следом», *талый* = «уходить», «уехать», *домыл* = «отдаваться (о боли)», «идти (об электротоке)», *уйма* = «рассеиваться (о пулях)»;

3) глаголы состояния: *атаарһа* = «завидовать», *эле* = «изнашиваться», *байыьрһа* = «кичиться богатством», *чада* = «не мочь», *чибире* = «ржаветь», *чоба* = «мучиться», *чырга* = «наслаждаться обилием пищи», *дэлгере* = «быть в изобилии», *дэмэре* = «заговариваться», *дэңһи* = «быстро набирать упитанность», «набирать скорость», *дута* = «недоставать», *дүйбе* = «тревожиться», «паниковать», *һээрэ* = «обветшать», «износиться», *һубул* = «видоизменяться», «превращаться», *идээрһе* = «объесться», *илчире* = «сгнить», «сопреть», *күчүүрһе* = «кичиться силой», *менэре* = «примолкнуть, притихнуть», *қайһа* = «удивляться», *огу* = «тошнить», *саатта* = «задержаться», *сандар* = «оборваться, превратиться в лохмотья (одежда)», *сандарһа* = «считать себя оборванцем», *сонуурһа* = «интересоваться», *шеңээрһе* = «считать себя умным», *шенэ* = «бояться разоблачения», *шуғулда* = «рассердиться», *шыда* = «мочь, смочь», *шыла* = «очень устать», «утомиться», *уйут* = «грустить», *үлтэре* = «износиться», «стать рваным»;

4) образные глаголы: *алчай* = «приседать», *арчай* = «ощетиниться», «торчать», *белдэй* = «быть отвислым», *бүлтэй* = «вздуваться (опухоль)», «набегать (слезы)», *далбай* = «быть широким плоским», *дербей* = «раздуваться (о ноздрях)», *килей* = «быть гладким», *қылай* = «быть блестящим», *сирпей* = «взъерошиться», *ырчай* = «оскалиться», *қағһай* = «стоять навтыжку».

В тофаларском языке заимствовано из монгольского языка междометие *һалақ* «увы», «ах» и *һой һалақ* «смотри (как бы чего не вышло)». Заимствована также формула приветствия – *менди* «здравствуй» и пожелание уезжающему доброго пути – *амыр менди*.

Многие из приведенных выше монголизмов встречаются и в других тюркских языках Сибири, также находившихся в свое время под большим влиянием монголов. Большой интерес представляет наличие в тофаларском языке нескольких десятков среднемонгольских слов, отсутствующих в соседнем тувинском и в других тюркских языках: *медэ* «сознание», *үлегер* «сказка», *маңгыр* «похмелье», *сойаа* «приспособление для прочистки трубки», *субусун* ~ *субурсун* «бисер», *суьһай* «название кустарника с красной корой», *урэ* «трехлетний жеребенок», *шагай* «лодыжка», *һенэттэ* «вдруг», *чибире* = «заржаветь», *уйут* = «скучать», «грустить», *һөлле* = «запрягать» и другие. Это свидетельствует о том, что монголизмы попали в тофаларский язык, минуя тувинский или иной язык-посредник. Все это приводит нас к выводу, что тофаларский язык самостоятельно, независимо от тувинского, был связан со средневековым монгольским языком. Это же подтверждает и характер распространения исследуемых монголизмов в других тюркских языках: наличие их, кроме тофаларского, также либо в хакасском, либо в алтайском, либо в якутском, либо в тувинском. В киргизском языке из этих монголизмов имеются немногие и притом зачастую с иным значением.

Среднемонгольские слова, попав в тофаларский язык, сохранили основной закон монгольского сингармонизма – нёбную гармонию гласных. Однако в силу того, что для тюркского сингармонизма характерно отсутствие нейтральных гласных, среднемонгольский нейтральный [i] в твердых словах передается в тофаларском языке гласным [ы]. Лишь два слова изменили ряд-

ность: ср.-монг. *čil* = «устать, утомиться» из мягкорядного превратилось в твердорядное *шыла* = *id.* и ср.-монг. *йүите* = «суетиться», «переполошиться» - в *уйма* = «рассеиваться (о пулях)».

Общий облик среднемонгольских слов в тофаларском языке в основном сохранился, изменения коснулись лишь тех звуков среднемонгольского языка, которые отсутствовали в тофаларском и поэтому заменялись близкими звуками. Особенно заметны изменения, происшедшие среди гласных.

Среди кратких гласных они следующие:

а) среднемонгольский гласный [i] в любой позиции в твердорядном слове передается в тофаларском языке через узкий гласный [ы] и [u] (последний только после аффрикат): ср.-монг. *иргай* «кизил» > тоф. *ыргай* «кустарник»; ср.-монг. *жида* «пика» > тоф. *чида* ~ *чыда id.*; ср.-монг. *китад* «китаец» > тоф. *қытам id.*; ср.-монг. *дари* «порох» > тоф. *дары id.*;

б) среднемонгольский гласный [u] в позиции непервого слога – через широкий гласный [a]. По-видимому, это произошло вследствие редуцированного, нечеткого произношения кратких гласных непервых слогов в среднемонгольском языке, что наблюдается и в современных монгольских языках. Такой нечеткий гласный тофалары и восприняли как широкое [a]: ср.-монг. *алига* «молоток» > тоф. *алага id.*; ср.-монг. *ауаһу* «мелодия» > тоф. *айалга* «способность петь»; ср.-монг. *олун* «подпруга» > тоф. *олаң* «подпруга», «пряжка»; ср.-монг. *жаруи* «суд» > тоф. *чарга* «совет»;

в) гласный [u] перед конечным [n] основы твердорядного монгольского слова передается в тофаларском языке узким неогубленным гласным [ы]: ср.-монг. *наsun* «возраст» > тоф. *наһсын id.*; ср.-монг. *ҷаһасун* «бумага» > тоф. *саазын id.* Гласный [ü] перед конечным [n] основы мягкорядного среднемонгольского слова – узким гласным [i]: ср.-монг. *күнесүн* «провиант» > тоф. *һүнэсин id.*; ср.-монг. *көһүсүн* «пот», «плата» > тоф. *һөһезин* «оплата, уплата»;

г) гласный [ü] второго слога мягкорядного среднемонгольского трехсложного слова переходит в тофаларском языке в гласный [ø]: ср.-монг. *шилүге* «двухлетний баран» > тоф. *чөһеге* «взрослый марал»; ср.-монг. *өрүите* «пенка с кипяченого молока» > тоф. *өреме id.*; ср.-монг. *көһүсүн* «пот», «плата» > тоф. *һөһезин* «оплата, уплата»;

д) гласный [i] второго открытого слога мягкорядного двухсложного среднемонгольского слова – в гласный [э(e)]: ср.-монг. *кiri* «время, пора» > тоф. *һире id.*; гласный [i] в первом слоге среднемонгольского слова *жисүн* «цвет», «масть», подвергаясь ассимиляции, в тофаларском языке дает огубленный гласный [y]: *чүһсүн* «цвет, масть», «качество, признак».

На месте стыка двух гласных с интервокальными согласными «γ», «g» или «v» средневекового монгольского языка в тофаларском языке появляются долгие гласные. Аналогичный процесс произошел и в современных монгольских языках. Сравним долгие гласные тофаларского языка с соответствующими долгими гласными современных монгольских языков: монгольского, бурятского и калмыцкого:

ср.-монг. *-иуи-* (*биуирул, бириуи, иуирау*) → тоф. [yy] (*буурул, буруу, уурақ*), монг. [oo], графически [yy] (*буурал, буруу, уураг*), бур. [yy], графически [yy] (*буурал, буруу, уураг*), калм. [yy], графически [yy] (*буурл* «седой», *буруу* «вина», *уург* «молозиво»);

ср.-монг. *-иуа-* (*жирюа, союиуа*) → тоф. [aa] (*чираа, сойаа*), монг. [oo], графически [oo] (*жороо, соёо*), бур. [oo], графически [oo] (*жороо, хоёо*), калм. [aa], графически [a] (*жора* «иноходец», *со-яа* «клык»);

ср.-монг. *-ауи-* (*дауус=, қауура=, қонқинауир*) → тоф. [oo] (*доос=, хоор=, қоһийһиноор*), монг. [oo], графически [yy] (*дуус= [do:s=], хуур= [xo:r=], хонгинуур [xongino:r]*), бур. [yy], графически [yy] (*дууһа= [du:ha], хуура= [xu:ra=], хонхинуур [xon^kхипи:r]*), калм. [yy], графически [yy] (*дуус= [du:s=]* «кончить», *хуур= [xu:r=]* «обманывать», *хоңгинуур [xonginu:r]* «звонок»);

ср.-монг. *-иуа-* (*šiyaңcaу*) → тоф. [aa] (*шааньцақ*), монг. [aa], графически [aa] (*шаантаг*), бур. [aa], графически [aa] (*шаантаг*), калм. [aa], графически [aa] (*шаанцг* «клин»);

ср.-монг. *-ауа-* (*ҷаһасун, сауата=*) → тоф. [aa] (*саазын, саатта=*), монг. [aa], графически [aa] (*цаас, саат=*), бур. [aa], графически [aa] (*саарһан* «бумага», *һаата=* «задержаться»), калм. [aa], графически [aa] (*цаасн* «бумага»);

ср.-монг. *-иуа-* (*tariya*) → тоф. [aa] (*дараа*), монг. [aa], графически [ua] (*тариа*), бур. [aa], графически [яа] (*таряа*), калм. [aa], графически [aa] (*тараан* «зерно»);

ср.-монг. *-егү-* (*elegür, eregü*) → тоф. [ээ] (*элээр, эрээ*), монг. [yy], графически [yy] (*элүүр ~ эрүүл, эрүү*), бур. [yy], графически [yy] (*эрүүл ~ элүүр, эрүү*), калм. [yy], графически [y] (*эрүл ~ элүр* «трезвый», *эрү* «пытка»);

ср.-монг. *-öge-* (*sögem, kögere*) → тоф. [øø] (*сөөм, һөөрө*=), монг. [øø], графически [øø] (*сөөм, хөөр*=), бур. [øø], графически [øø] (*һөөм, хөөрэ*=), калм. [øø], графически [øø] (*сөөм «пядь», көөр*= «всплыть»);

ср.-монг. *-ege-* (*serege, medege*) → тоф. [ээ] (*серээ, медээ*), монг. [ээ], графически [ээ] (*сэрээ, мэдээ*), бур. [ээ], графически [ээ] (*һэрээ, мэдээ*), калм. [ээ], графически [э] (*серэ «острога», меда «сознание»*);

ср.-монг. *-üge-* (*kirüge*) → тоф. [ээ] (*һурээ*), монг. [øø], графически [øø] (*хөрөө*), бур. [øø], графически [øø] (*хюрөө*), калм. [ээ], графически [э] (*көрэ «пила»*);

ср.-монг. *-igü-* (*serigün*) → тоф. [uu] (*сершин*), монг. [үү], графически [үү] (*сэрүүн*), бур. [үү], графически [юу] (*һэрюн*), калм. [үү], графически [у] (*серүн «прохлада»*);

ср.-монг. *-iye-* (*üriye*) → тоф. [ээ] (*үрээ*), монг. [ээ], графически [ээ] (*үрээ*), бур. [ээ], графически [еэ] (*үрээ*), калм. [ээ], графически [е] (*үре «жеребенок трехлетка»*).

Из приведенных сравнительных примеров можно видеть, что в тофаларском языке долгие [aa] и [ээ] в большинстве случаев образовались по калмыцкому образцу, который характерен для всех современных западномонгольских языков. Но в то же время сочетание *-ayu-* дало в тофаларском языке долгое [oo], что резко отличает его от западномонгольских языков и сближает с монгольским, в котором *-ayu-* дало долгий [oo], и особенно с восточномонгольскими диалектами, в которых этот гласный произносится очень широко, почти как [oo]. Появление же [ээ] на месте сочетания *-egü-*, которое во всех современных монгольских языках дало долгий [үү], показывает, что здесь имел место какой-то иной, не монгольского типа, принцип образования долгого гласного. Он перекликается с аналогичным явлением в тувинском языке и северных алтайских диалектах (ср. например, тув. *элээр* «трезвый», североалт. *эрээл*, но южноалт. *эрүүл*). Интересно, что в тофаларском языке в собственнотюркских словах на месте древнетюркского сочетания *-ägü-* также образовался долгий [ээ]: др.-тюрк. *küdägü* «зять» > тоф. *һудээ* id.; др.-тюрк. *birägü* «один» > тоф. *бирээ* id. Таким образом, в среднемонгольских словах *elegür* «трезвый» и *eregü* «пытка» образование долготы в тофаларском языке произошло по тюркскому образцу. Можно предположить, что они были заимствованы еще в то время, когда в монгольском языке не произошло выпадения интервокального «g». Появление долгих [aa] и [ээ] в словах *сойаа, һурээ, чираа* можно также объяснить выпадением интервокальных «γ» и «g» уже в тофаларском языке при образовании долгот тоже по тюркскому типу. Вероятно, монгольские слова *soyууа, kirüge* и *jiryуа* были заимствованы еще с интервокальными «γ» и «g», получили при адаптации в тофаларском языке ударение на последнем слоге и потом, при образовании долготы, ударный гласный определил ее характер. А может, в этих словах просто сохранились те долготы, которые начали образовываться в XII-XIII вв. в монгольских языках и еще не были ассимилированы. Таким образом, вопрос соотношения вторичных долгот в современных монгольских языках и в монгольских заимствованиях в тюркских языках пока не решен. Он требует специального исследования.

Согласные звуки среднемонгольских слов в тофаларском языке получили в зависимости от позиции следующую реализацию:

ǰ: а) в начале слова → тоф. ч(ч) (ср.-монг. *ǰida* > тоф. *чуда* «пика», ср.-монг. *ǰibere* = > тоф. *чибире* «ржаветь», ср.-монг. *ǰaki* = > тоф. *чаны* «заказать», ср.-монг. *ǰari* > тоф. *чары* «олень», ср.-монг. *ǰaryu* «суд» > тоф. *чарга* «совет»), лишь в единичном случае – ш (ср.-монг. *ǰijig* > тоф. *шичик* «мелкий»); б) в интервокальном положении → тоф. ч (ср.-монг. *ǰijig* > тоф. *шичик* «мелкий»); в) после сонорных → тоф. ч (ср.-монг. *olǰa* > тоф. *олча* «добыча», ср.-монг. *arǰamǰi* > тоф. *аргамчи* «ремень», ср.-монг. *qalǰan* > тоф. *һалчаң* «лысый»);

č: а) в начале слова → тоф. ш (ср.-монг. *čan* «жесть» > тоф. *шаң* id., ср.-монг. *čutа* = «лить» > тоф. *шутку* = «лить (металл)», ср.-монг. *čuyulda* = «сердиться» > тоф. *шугулда* = id.), лишь в единичном случае – с (ср.-монг. *čayasun* «бумага» > тоф. *саазын* id.), да и то слово *саазын* «бумага», вероятно, восходит к тувинскому *саазын*, которое взято из современного разговорного западномонгольского *цаасан*, при этом монгольская начальная свистящая аффриката «ч» передана тувинским свистящим «с»; б) в интервокальном положении после кратких гласных → тоф. ч(һ) (ср.-монг. *qayiči* > тоф. *һазчэ* ~ *һазчэчэ* «ножницы», ср.-монг. *onuča* > тоф. *оңгоча* «лодка»); в) после сонорных → тоф. ч (ср.-монг. *šiyapčay* > тоф. *шааньчақ* «клин»);

t: а) в начале слова → тоф. т, д (ср.-монг. *tübeg* > тоф. *түбек* ~ *дүбек* «хлопоты», ср.-монг. *türei* «голенище» > тоф. *түрей* «наголенники», ср.-монг. *tomila* = «назначить» > тоф. *томыл* = «идти – об электроток»); б) в интервокальном положении → тоф. т, tt (ср.-монг. *itegel* > тоф. *итэ-*

гел «вера», ср.-монг. *sayata* = > тоф. *саамта* = «задержаться», ср.-монг. *buruyutu* > тоф. *буруутту* «виновный», ср.-монг. *belet* = > тоф. *белеттэ* = «приготовить»; в) после сонорных → тоф. *д*, *т* (ср.-монг. *altan* > тоф. *алдан* ~ *алтан* «золото», ср.-монг. *amtan* > тоф. *амдан* ~ *амтан* «вкус»);

d: а) в начале слова тоф. *д* (ср.-монг. *dari* > тоф. *дары* «порох», ср.-монг. *dotur* > тоф. *домар* «подкладка», ср.-монг. *dülei* > тоф. *дүлей* «глухой»); б) в интервокальном положении → тоф. *т(д)* (ср.-монг. *qudurγa* > тоф. *қудурһа* «подхвостник», ср.-монг. *medege* > тоф. *медэа* «сознание»); в) после сонорных → тоф. *т(д)* (ср.-монг. *temdeg* > тоф. *тэмдэж* «значок», ср.-монг. *möndür* > тоф. *мөндүр* «град», ср.-монг. *ende* = > тоф. *эндэ* = «ошибаться»); г) в конце слова → тоф. *т* (ср.-монг. *kitad* > тоф. *кытам* «китаец»);

š: а) в начале слова → тоф. *ш* (ср.-монг. *šayai* > тоф. *шагай* «астрагал», ср.-монг. *šoyla* = > тоф. *шогла* = «дразнить»); б) в интервокальном положении → тоф. *ж* (ср.-монг. *amtaši* = > тоф. *амтажы* = «повадиться»);

q: а) в начале слова → тоф. *қ* (ср.-монг. *qob* > тоф. *қон* «сплетни», ср.-монг. *qorγoljin* > тоф. *қорғолчин* «свинец», ср.-монг. *qudurγa* > тоф. *қудурһа* «подхвостник») или *һ* (ср.-монг. *qayiči* > тоф. *һаэччэ* «ножницы», ср.-монг. *qurayān* > тоф. *һураган* «ягненок», ср.-монг. *qongil* > тоф. *һоңгул* «дупло», ср.-монг. *qaljan* > тоф. *һалчаң* «лысый»); б) в интервокальном положении → тоф. *з(г)*, *һ* (ср.-монг. *tuqur* > тоф. *туһур* «комолый», ср.-монг. *suqai* > тоф. *суһай* «название растения», ср.-монг. *aliqa* > тоф. *алага* «молоток», ср.-монг. *buqal* > тоф. *буһул* «копна»); в) после сонорных и заднеязычного *n* → тоф. *һ* (ср.-монг. *qalqa* > тоф. *қаһһа* «щит, защитное приспособление», ср.-монг. *qonqu* > тоф. *қоңһо* «выемка у седла»);

k: а) в начале слова → тоф. *һ* (ср.-монг. *ket* > тоф. *һем* «мера», ср.-монг. *kei* > тоф. *һей* «зря, воздух», ср.-монг. *kilin* > тоф. *һилиң* «бархат», ср.-монг. *küler* > тоф. *һүлер* «бронза», ср.-монг. *kölle* = > тоф. *һөлле* = «запрягать»); б) в интервокальном положении в мягкорядных словах → тоф. *з* (ср.-монг. *süke* > тоф. *сүге* «топор») или *һ* (ср.-монг. *teke* > тоф. *меһе* «обман», ср.-монг. *neke* = > тоф. *нэһе* = «гнаться»); в) перед *i* в твердорядных словах, а также после сонорных и заднеязычного *n* → тоф. *һ* (ср.-монг. *ĵaki* = > тоф. *чаһы* = «заказывать», ср.-монг. *salkin* > тоф. *саһлын* «ветер», ср.-монг. *qonkinayur* > тоф. *қоңһиноор* «колокольчик»);

γ: а) в начале слова → тоф. *қ* (ср.-монг. *γamna* = > тоф. *қамна* = «щадить», ср.-монг. *γayiqā* = > тоф. *қаһйһя* = «удивляться») или *һ* (ср.-монг. *γomuda* = > тоф. *һомуда* = «сожалеть», ср.-монг. *γayna* = > тоф. *һаңна* = «паять»); б) в интервокальном положении → тоф. *з* (ср.-монг. *qurayān* > тоф. *һураган* «ягненок», ср.-монг. *tuγul* > тоф. *туғул* «теленок»); в) после сонорных и заднеязычного *n* → тоф. *з* (ср.-монг. *ayalyi* «мелодия» > тоф. *айалга* «способность петь», ср.-монг. *arγa* > тоф. *арға* «способ», ср.-монг. *ĵarγu* «суд» > тоф. *царға* «совет») или *һ* (ср.-монг. *qudurγa* > тоф. *қудурһа* «подхвостник»); г) перед сонорными → тоф. *з* (ср.-монг. *šoyla* = > тоф. *шогла* = «дразнить»); д) в конце слова → тоф. *қ* (ср.-монг. *alay* > тоф. *алақ* «пегий», ср.-монг. *uγuray* > тоф. *уурақ* «молозиво»);

g: а) в начале слова → тоф. *һ* (ср.-монг. *genedte* > тоф. *һенэттэ* «вдруг»); б) в интервокальном положении → тоф. *з* (ср.-монг. *itege* = > тоф. *итэге* = «верить», ср.-монг. *üliger* > тоф. *үлегер* «сказка», ср.-монг. *šilüge* > тоф. *чөлеге* «бык изюбря»); в) после плавных сонорных → тоф. *з* (ср.-монг. *terge* > тоф. *тэргэ* «телега», ср.-монг. *sergeg* > тоф. *сергек* «чуткий», ср.-монг. *delgere* = «распространяться» > тоф. *делгере* = «быть в избытии»), после заднеязычного *n* в твердорядном слове → тоф. *з* (ср.-монг. *qongil* > тоф. *һоңгул* «дупло»); г) перед звонким согласным → тоф. *з* (ср.-монг. *degde* = > тоф. *дэгдэ* = «вознестись на небо»); д) в конце слова → тоф. *к* (ср.-монг. *sergeg* > тоф. *сергек* «чуткий», ср.-монг. *tübeg* > тоф. *түбек* ~ *дүбек* «хлопоты»);

b: а) в начале слова → тоф. *н(б)* (ср.-монг. *buruyū* > тоф. *буруу* «вина», ср.-монг. *buqal* > тоф. *буһул* «копна», ср.-монг. *balar* «мрачный» > тоф. *балар* «неряха», ср.-монг. *belen* > тоф. *белен* «готовый»); б) в интервокальном положении → тоф. *н(б)* (ср.-монг. *tübeg* > тоф. *дүбек* ~ *түбек* «хлопоты», ср.-монг. *tebene* > тоф. *тебенэ* «игла», ср.-монг. *ĵibar* > тоф. *чыбар* «хиус», ср.-монг. *ĵibere* = > тоф. *чибуре* = «ржаветь»); в) после сонорных → тоф. *б* (ср.-монг. *alban* > тоф. *албан* «подать», ср.-монг. *arbin* > тоф. *арбын* «спорый», ср.-монг. *salbar* > тоф. *салбар* «когти») или *н* (ср.-монг. *elbeg* > тоф. *элтек* «обильный»); г) в конце слова → тоф. *н* (ср.-монг. *lab* > тоф. *лап* «точно», ср.-монг. *qob* > тоф. *қон* «сплетня»);

Сонорные: а) *r* в любых позициях → тоф. *р* (ср.-монг. *buruyū* > тоф. *буруу* «вина», ср.-монг. *arγa* > тоф. *арға* «способ», ср.-монг. *balar* «мрачный» > тоф. *балар* «неряха»);

б) *l* в любых позициях → тоф. *л* (ср.-монг. *lab* > тоф. *лап* «точно», ср.-монг. *ile* > тоф. *иле* «явный», ср.-монг. *altan* > тоф. *алтан* ~ *алдан* «золото», ср.-монг. *šoyla* = > тоф. *шогла* = «дразнить»);

в) *m* в любых позициях → тоф. *m* (ср.-монг. *manγur* > тоф. *маңгыр* «похмелье», ср.-монг. *amtan* > тоф. *амдан* ~ *амтан* «вкус», ср.-монг. *γатпа*= > тоф. *қампа*= «щадить», ср.-монг. *кет* > тоф. *hem* «мера», ср.-монг. *өрүме* > тоф. *өреме* «пенка с кипяченого молока»);

г) *n*: 1) в начале слова → тоф. *n* (ср.-монг. *nasun* > тоф. *наъсын* «возраст», ср.-монг. *neke*= > тоф. *нэъхе*= «гнаться») иногда *нь* (ср.-монг. *nete*= > тоф. *немэ*= «прибавлять»); 2) в позиции между гласными – *n* (ср.-монг. *künesün* > тоф. *хүнэсин* «продукты», ср.-монг. *tana*= > тоф. *мана*= «ждать»); 3) в позиции после сонорного → тоф. *n* (ср.-монг. *γатпа*= > тоф. *қампа*= «щадить», ср.-монг. *кетне*= > тоф. *hemне*= «мерить») или *д* (ср.-монг. *emneg* > тоф. *эмдік* «дикий»); 4) в позиции перед звонким согласным → тоф. *n* (ср.-монг. *möndür* > тоф. *мөндүр* «град», ср.-монг. *ende*= > тоф. *эндэ*= «ошибаться»); 5) в конце слова → тоф. *n* (ср.-монг. *altan* > тоф. *алдан* ~ *алтан* «золото», ср.-монг. *arbin* > тоф. *арбын* «спорый»); 6) перед аффрикатой → тоф. *нь* (ср.-монг. *šiyancay* > тоф. *шааньчақ* «клин»);

д) *y* (йот): 1) в интервокальном положении → тоф. *й* (ср.-монг. *uyid*= > тоф. *уйут*= «скучать», ср.-монг. *soyuγa* > тоф. *сойаа* «приспособление для прочистки трубки»); 2) в сочетании *-ayi-* → тоф. *ай, эй, аэ* (ср.-монг. *γayıqa*= > тоф. *қағйһя*= «удивляться», ср.-монг. *qayirala*= > тоф. *гейрала*= «жалеть», ср.-монг. *qayıči* > тоф. *һаэчэ* «ножницы»); 3) в конце слова → тоф. *й* (ср.-монг. *oroı* «поздно» > тоф. *орай* «поздно родившийся детеныш», ср.-монг. *toroı* «поросенок» > тоф. *торай* «медвежонок», ср.-монг. *arai* > тоф. *арай* «едва, еле»).

Заднеязычный *n* → тоф. *ң* в любой позиции: ср.-монг. *olun* > тоф. *олаң* «подпруга», ср.-монг. *kilin* > тоф. *хилиң* «бархат», ср.-монг. *onıca* > тоф. *оңгоча* «лодка», ср.-монг. *qongil* > тоф. *хоңгул* «дупло», ср.-монг. *γanna*= > тоф. *һаңна*= «пясть». В единственном случае среднемонгольский *n* передается в тофаларском языке через *й*: тоф. *қойһиноор* < ср.-монг. *qonkinaγur* «колокольчик».

Закономерное для фонетики тофаларского языка оглушение согласных в начале и в конце слова прослеживается также и на согласных в заимствованных среднемонгольских словах. Оглушение ряда согласных в середине слова, в частности согласных *d* и *b*, происходило, по-видимому, вследствие того, что эти согласные как в среднемонгольском языке, так и в современном монгольском были слабыми, безразличными к звонкости и противопоставлялись сильным согласным, которые были глухими. Только этим можно объяснить появление в тофаларском языке долгих *чч* и *тт* на месте глухой среднемонгольской аффрикаты *č* и глухого *t* в интервокальном положении. Таким образом, можно предполагать, что среднемонгольские *t* и *č* в словах, где они переданы тофаларскими *тт* и *чч*, были глухими, а значит сильными. Согласный *s* среднемонгольского языка, передаваемый в тофаларском через *с*, а в ряде случаев – через *з*, также имел в среднемонгольском языке, вероятно, двойкий характер: в одних словах он был сильным, поэтому в тофаларском языке сохранил глухость и стал передаваться через *с*, в других – слабым, вследствие чего реализовался в виде *з*.

Особенно сложные изменения произошли с согласными *γ*, *g*, *q* и *k*. В среднемонгольском языке согласный *γ* в начале слова был, вероятно, слабым полувзвонким увулярным смычным, как и в современном монгольском языке, поэтому в тофаларском языке он реализовался очень близким по звучанию кратким глухим слабым увулярным смычным *қ*; в тех же случаях, где среднемонгольский *γ* произносился в начале слова, по-видимому, как проточный, а не смычный звук, в тофаларском языке он воспринимался как согласный *h*. Согласные *қ* и *к* в тофаларском языке в большинстве случаев передаются через *h*, но иногда *қ* передается через *қ*. Это указывает, по-видимому, на начавшийся в среднемонгольском языке процесс превращения смычных *q* и *k* в проточный *x*.

В отношении морфологии анализируемые среднемонгольские слова не претерпели в тофаларском языке изменений и употребляются в нем наравне с общетюркскими словами в виде тех же лексико-грамматических основ, какими являлись в среднемонгольском языке. Интересен факт заимствования глагольных основ в неизменном виде. При заимствовании русских глаголов в тофаларском языке обычно используется вспомогательный глагол *қыл*= «делать», образующий в данном случае аналитическую форму, в которой семантику действия несет в себе русский глагол, заимствуемый в форме инфинитива; русск. *метать (сено)* > тоф. *метать қыл*= «метать». Монгольские же глаголы брались без изменения, то есть имели ту же основу, с которой они употреблялись в монгольском языке. То же наблюдается в тувинском, алтайском, хакасском и якутском языках. Это можно объяснить только длительным двуязычием в результате или сильного языкового влияния древних монголов, или же участия в этногенезе этих народов монголыязычных групп. Чтобы решить вопрос, насколько глубоко было влияние монгольского языка на тофаларский, необходимо привлечь к лексическим материалам материалы по фонетике, морфологии и синтаксису тофаларского языка. Однако этот вопрос требует специального исследования.

Указанные выше среднемонгольские слова входят в словарный фонд тофаларского языка на правах корневых слов и служат дальнейшей базой для словообразования. Например, от сущ. *hopa* «яд» образован глагол *hopala* = «отравить»; от *serээ* «острога» - *серээлэ* = «колоть рыбу острогой»; от глагольных основ – залоговые формы: *болца* = «условиться о сроке» - *болцаиш* = «взаимно условиться»; *доос* = «кончить» - *доозыл* = «окончиться».

Среднемонгольские слова, попадая в тофаларский язык, обычно не изменяют своей семантики, но некоторые полисемантические слова имеют лишь одно из своих значений. Например: ср.-монг. *kölüsün* «пот», «плата» > тоф. *һөлезин* «плата»; ср.-монг. *medege* «весть», «сведенье», «известие», «слух», «молва», «знание», «сознание», «чувство» > тоф. *медээ* «сознание»; ср.-монг. *qob* «хула», «клевета», «сплетня» > тоф. *қоп* «сплетня»; ср.-монг. *ket* «мера», «размер», «пора», «время», «закон», «образец», «правило» > тоф. *һем* «мера», «размер», «вес»; ср.-монг. *arbin* «бережливый», «умеренный», «обильный» > тоф. *арбын* «обильный (об урожае)», «спорый».

Многие слова, попав в тофаларский язык, подверглись семантическому переосмыслению. Например: ср.-монг. *jarγu* «суд, тяжба, иск» > тоф. *чарга* «совет», «обсуждение»; ср.-монг. *türei* «голенница» > тоф. *түрей* «наголенники»; ср.-монг. *kilin* «бархат» > тоф. *һилиң* «особое сукно»; ср.-монг. *jari* «дикий олень» > тоф. *чары* «бык домашнего оленя»; ср.-монг. *oroï* «поздно», «поздний» > тоф. *орай* «поздно родившийся детеныш животного»; ср.-монг. *toroi* «поросенок» > тоф. *топай* «медвежонок»; ср.-монг. *balар* «темный, мрачный, неясный», «запутанный» > ср.-монг. *balар* «темный, мрачный, неясный», «запутанный» > тоф. *балар* «небрежный»; ср.-монг. *mana* = «караулить» > тоф. *мана* = «ждать, ожидать».

Ряд среднемонгольских слов, войдя на равных правах с тюркскими словами в лексическую систему тофаларского языка, расширил свою семантику уже на тофаларской почве. Например: ср.-монг. *jisün* «цвет», «масть», «внешний вид» > тоф. *чүсүн* «цвет», «масть», «количество», «свойство», «признак», «примета»; ср.-монг. *salbar* «выпущенные когти зверя, птицы» > тоф. *салбар* «кисть руки, ноги или лапы (животного)», «кожаная бахрама как украшение»; ср.-монг. *γатна* = «экономить», «беречь» > тоф. *қамна* = «хранить», «беречь», «экономить», «щадить, пощадить».

Таким образом, среднемонгольские лексические заимствования вошли в лексическую систему тофаларского языка очень глубоко и заняли там настолько прочное место, что участвуют в процессах словообразования и развития семантики. Это свидетельствует о большой их древности.

Бурятские лексические заимствования

Среди монголоязычных лексических заимствований, проникших в современный тофаларский язык в различные исторические эпохи, как уже упоминалось, четко выделяются заимствования из бурятского языка, точнее из западно-бурятских говоров, носители которых занимали ранее и занимают теперь территорию, непосредственно граничащую с территорией расселения тофаларов. На северо-востоке их соседями являются нижнеудинские буряты, на юго-востоке – окинские. О том, что указанные группы бурят издавна являются соседями тофаларов, свидетельствуют сообщения путешественников XVIII в. П.С. Палласа, И. Георги, а также хронологически более ранние сообщения русских казаков, совершавших в XVII в. походы в Сибирь. В отписках московскому царю они сообщали о карагасах как о соседях и данниках бурят¹. Таким образом, историческими документами подтверждаются более чем трехсотлетние связи тофаларов с бурятами. Фактически эти связи были более древними, так как русские казаки, придя в XVII в. в эти края, нашли тофаларов уже данниками бурятских князей.

Со второй половины XVII в., после вхождения тофаларов в состав Московского государства, они стали данниками московского царя, но связи с бурятами, которые тоже вошли в состав Московского государства, сохранились. Ведь не могли сразу, с прекращением уплаты дани, исчезнуть древние экономические отношения двух соседей – тофаларов и бурят. Наличие в современном тофаларском языке группы слов, являющихся по происхождению бурятскими, подтверждает эти отношения. При кочевой жизни тофаларов их кочевья соприкасались с поселениями нижнеудинских бурят – селами Солонцы и Сангарок. По сообщениям стариков-тофаларов, в этот период почти все тофалары владели либо бурятским нижнеудинским, либо окинским говорами.

С бурятами тофалары поддерживали тесные торговые и хозяйственные связи. Некоторые бу-

¹ См.: Л.П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 137.

рятские купцы и мелкие торговцы даже специализировались на торговле с тофаларами: зная, какие товары имели у тофаларов спрос, они обеспечивали их этими товарами. В селах Солонцы и Сангарок тофалары в обмен на пушнину у бурятских купцов приобретали продукты (муку, соль, табак), а также верховые седла для езды на оленях, войлочные потники, сыромятные ремни, конскую сбрую, таежные охотничьи ножи, выделанные овчины, различные ткани, женские серебряные украшения, шелковые ленты *сууцамбуу*, употреблявшиеся тофаларами для жертвоприношений различным духам.

Занимаясь в основном охотой и оленеводством, используя оленей только для транспортных целей, тофалары в небольших количествах держали и лошадей, которых покупали у тувинцев и у окинских бурят. Лошадьми тофалары пользовались в летне-осенний период. На зимнее время они отдавали их на выпас нижеудинским бурятам указанных выше сел и русским крестьянам соседних деревень.

У нижеудинских бурят и русских крестьян тофалары знакомились с непривычным для них сельским бытом, со способами ведения оседлого хозяйства. Перейдя впоследствии, в 1930-х годах, на оседлую жизнь, тофалары уже были знакомы с ней и с некоторыми видами сельскохозяйственных работ, в частности с сенокосением. С появлением новых понятий и реалий пришли в язык и новые слова, чаще всего это были просто заимствования.

По сообщениям стариков-тофаларов, с окинскими бурятами они также вели тесные торговые, хозяйственные и культурные связи. До революции в Оке существовал буддийский монастырь (дацан). Естественно, чтобы получать от тофаларов свою долю пушнины, буддийские ламы стремились обратить их в ламаизм. Хотя тофалары и не стали буддистами, а придерживались шаманства, бурятские ламы этого монастыря все-таки имели среди них значительное влияние. Особенно часто тофалары прибегали к услугам лам при различных заболеваниях: ламы использовали при лечении болезней, кроме молитв и заклинаний, и средства тибетской медицины – лечение различными травами.

При монастыре ежегодно в начале лета ламы устраивали религиозные праздники, которые для тофаларов были важны не столько возможностью увидеть религиозные представления – танцы-пантомимы на буддийские темы, сколько, пользуясь удобным случаем, продать добытую пушнину и закупить необходимые товары. Близкое соседство Монголии с Окой позволяло приезжать на эти праздники монгольским торговцам, через которых к тофаларам проникали различные товары: шелковые и хлопчатобумажные ткани, украшения из серебра, седла, ножи работы монгольских ремесленников и многие предметы быта.

Общение тофаларов с окинскими бурятами не ограничивалось этими праздниками. Большой популярностью среди тофаларов пользовались минеральные источники, расположенные в верховьях реки Сенса (в тофаларском произношении *сенжэд*), впадающей в реку Оку, и источники по реке Джойган, находящиеся на территории Тувы. На эти источники для лечения минеральными водами приезжали и тофалары, и тувинцы, и буряты.

На севере Оки непосредственно возле территории расселения тофаларов расположена группа соётов, тофалары же их называют *һаазуут*, народность, сохранявшая еще до недавнего времени свой тюркский язык, близкий к тофаларскому, в настоящее время возрождающийся. Эти соёты также занимаются оленеводством. Приезжая летом в Орлик на оленях, тофалары часто обменивались у соётов своих уставших и истощившихся за долгий путь оленей на свежих или даже иногда оставались у них на некоторое время откармливать на их пастбищах своих оленей. Отдельные соёты присоединялись к тофаларам и уезжали к ним на жительство. До сих пор некоторые тофаларские семьи помнят, что происходят от соётов.

Все эти связи тофаларов с нижеудинскими и окинскими бурятами, поддерживаемые в течение длительного времени, не могли не найти отражения в тофаларском языке. Автором зафиксировано несколько десятков слов, которые бесспорно происходят из бурятского языка. Критериями, на основании которых из числа монголоязычных лексических заимствований были выделены заимствования из бурятского языка, послужили следующие признаки:

1) передача в тофаларском языке бурятского долгого узкого гласного [u:] (графическое его обозначение в бурятском языке – уу) через долгий узкий гласный [y]: бур. хуули «закон» > тоф. һуули id., ср. совр. монг. хууль [xo:l'] id.; бур. гуули «латунь» > тоф. куули id., ср. совр. монг. гууль [o:l'] id. В словах же, заимствованных из монгольского языка, среднемонгольское письменное -ауи-, давшее современный бурятский узкий [u:] и современный монгольский гласный [o:], в тофаларском языке передается через долгий широкий гласный [oo]: ср.-монг. *dayus* = «кончать» > тоф. доос = id., бур.

дууһа = [du:h], монг. дуус = [do:s=], калм. дуус = [du:s=] id.; ср.-монг. qayura = «обманывать» > тоф. hoop = «лгать», совр. монг. хуур = [xo:r=], бур. хуур = [xu:r=], калм. хуур = [xu:r=] «обманывать». Как и в современном, в среднемонгольском разговорном языке широкое произношение долгого гласного, образовавшегося в результате стяжения письменного -*ayu-*, по-видимому, повлияло на восприятие тофаларами этого звука как долгого широкого [oo]. Аналогично этот звук восприняли тувинцы и хакасы: ср.-монг. *dayus* = «кончать» > тув. *доос* =, хак. *моос* = id.;

2) сохранение в тофаларском языке палатализованного согласного, предшествующего гласному [i], в твердоядных бурятских словах: бур. хуули [xu:li] «закон» > тоф. *хуули* id., ср. тув. *хойлу* id.; бур. *гуули* [u:li] «латунь» > тоф. *куули* id., ср. алт. *куулы* id. В тофаларском языке в заимствованиях из монгольского языка гласный [u] в аналогичной позиции перешел в [ы], поэтому в них отсутствует палатализация: ср.-монг. *dari* «порох» > тоф. *дары* id., ср. совр. монг. *дарь* [dar'], бур. *дару* [dari], калм. *дэр* [d r] id.; ср.-монг. *jaki* = «заказать» > тоф. *чаны* = id., ср. совр. монг. *заху* = [dzaxi=], бур. *заху* = [zaxi=], калм. *зак* = [zak=] id.;

3) наличие в словах, заимствованных из бурятского языка, кратких гласных, характерных только для него. Например: тоф. *шүдэр* «путы» < бур. *шүдэр* [šuder], ср. ср.-монг. *čidür*, совр. монг. *чөдөр* [], калм. *чөдр* [] id.; тоф. *күкер* «сера» < бур.-нижнеуд. *күкер* id., ср. ср.-монг. *kükür*, совр. монг. *хүхэр* [], калм. *күкр* [kükür] id., а также тув. *хүгүр*, алт. *күкүр* id., восходящие к ср.-монг. *kükür*; тоф. *тоьrho* «бочка» < бур. *торхо* id., ср. ср.-монг. *torqu* «сосуд», совр. монг. *торх* [torx], калм. *торх* [torx] «бочка»;

4) наличие в словах, заимствованных из бурятского языка, звука [h] в интервокальном положении и в начале слова, где в других монгольских языках, в отличие от бурятского, в данной позиции имеется звук [s]. Например: тоф. *һаң* «казна» < бур. *һан(э)* [han] id., ср. ср.-монг. *san*, совр. монг. *сан(э)*, калм. *саң*, тув. *саң* id., заимствованное из монг. *сан(э)*; тоф. *таһалга* «перегородка» < бур. *таһалга* id., ср. ср.-монг. *tasulya*, совр. монг. *тасалгаа* id.; тоф. *йoho* «авторитет» < бур. *ёho* «традиция», ср. ср.-монг. *yosun*, совр. монг. *ёс*, калм. *йосн*, тув. *ёзу* «традиция, обычай», восходящее к монг. *ёс*;

5) бурятский звук [z], графически – [з], развившийся в бурятском языке из среднемонгольской аффрикаты [j] (дж), передается в тофаларском языке в начале слова как [c], в интервокальном положении – [з]. При заимствовании же слов из среднемонгольского языка аффриката [j] сохраняется в тофаларском языке в виде [ц] и [ч]. Например: тоф. *сула* «свеча» < бур. *зула* [zul] «свеча, лампада», ср. ср.-монг. *jula*, совр. монг. *зул* [dzul], калм. *зул* [zul] и тув. *чула* «свеча, лампада», заимствованное, вероятно, из ср.-монг. *jula* id.; тоф. *чары* ~ *цары* «олень» < ср.-монг. *jari*, ср. бур.-окинск. *зари* [zari] id.; тоф. *һазаар* «узда» < бур. *хазаар* [xaza:r] id., ср. ср.-монг. *qajayar*, совр. монг. *хазаар* [xadza:r], калм. *хазар* [xaza:r] id.;

6) сохранение в бурятских заимствованиях [c] и [u], развившихся из среднемонгольского [č]: тоф. *соохор* «пестрый» < бур. *соохор* id., ср. ср.-монг. *čoiqur* и алт. *чоокыр* id., заимствованное из среднемонгольского; тоф. *шүдэр* «путы» < бур. *шүдэр* id., ср. ср.-монг. *čidür* id.; тоф. *булиун* «мышцы рук, ног (икры)» < бур. *булиан* id., ср. ср.-монг. *bulčün* id.;

7) заимствование ряда общемонгольских слов в значении, характерном только для бурятского языка: тоф. *куйулга* «подарок» < зап.-бур. *гуйлга* id., ср. ср.-монг. *ууульга* и совр. монг. *гуйлга* «прошение», «попрошайничество»; тоф. *тээбер* «воз» < зап.-бур. *тээбэри* id., ср. ср.-монг. *tegebüri*, совр. монг. *тээвэр* «перевозка», «транспорт»; тоф. *герел* «стекло» < бур.-окинск. *гэрэл* id., ср. ср.-монг. *gerel*, бур.-литерат. *гэрэл*, монг. *гэрэл*, калм. *герл* «луч», «свет»;

8) наличие слова только в бурятском языке, то есть заимствование собственно бурятизмов: тоф. *соол* «печь» < бур.-нижнеуд. *sol* id., тоф. *серге* «коновязь» < бур. *сэргэ* id., тоф. *һамаа* ~ *һамаан* «развлечение» < бур. *һамаа(н)* id.

Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке представляют собой существительные, прилагательные, наречия и глаголы.

Существительные подразделяются на следующие лексико-семантические группы:

1) общие понятия: *һамаа* ~ *һамаан* «отвлечение от дел», *һаң* «казна», *хуули* «закон», *йoho* «уважение», «авторитет», *куйулга* «подарок», *сэң* «цена», *суглаан* «съезд тофаларских родов», *шуленга* «глава пяти тофаларских родов (до революции)», *дарга* «глава рода, который подчинялся шуленге», *һуңгу* «угощение», *долан* «лучи», *һалаатиши* «руки, сомкнутые в замок»;

2) религия, верования, тибетская медицина: *боогулдай* «злой дух», *лама* «буддийский лама», «православный священник», *лом* «религиозная книга», *сула* «свеча», «лампада», «лампа», *тон* «доза лекарства (из трав)»;

3) вооружение, приборы: *самақ* «затвор ружья», *сэнэк* «мерка для пороха», *урум* «бинокль»;

4) инструменты для сенокосения: *начуур* «коса», *бүлүү* «оселок для заточки кос»;

5) сбруя: *хазаар* «узда», *ноқто* «недоуздок», *сэргэ* «коновязь», *шүдэр* «путы»;

6) средства передвижения: *хелбэ* «весло», *тээбэр* «воз»;

7) материал для постройки и сооружения: *харшы* «доска», «тес», «плаха», *хобол* «паз», «желоб», *хүрээ* «изгородь», «забор», «городьба»;

8) внутреннее оборудование дома: *соол* «печь», *таһалга* «перегородка»;

9) ткани: *даалиң* «хлопчатобумажная ткань», «далемба»;

10) посуда: *тақша* «любая посуда в виде стакана, кружки для питья», *тоьrho* «бочка», «кадка», *сорго* «краник у посуды»;

11) предметы украшения: *бугаа* «браслет», *топшы* «заклепка», «бляха на седле», *шүрү* «коралл», *эрчинэ* «перламутр»;

12) предметы питания: *сөөкей* «саломат», «мучная каша на сметане», *шаары* «чайная гуща»;

13) части тела: *булиун* «мышцы голени (икры)», *таалай* «нёбо», *сэр* «затвердевшая опухоль на сбитой спине оленя или лошади»;

14) растения: *табын сагаан* «цветок с пятью белыми лепестками»;

15) насекомые: *батагана* «комар»;

16) металлы, минералы: *хөө* «древесный уголь», *герел* «стекло», *күкер* «сера (горючая)», *куули* «латунь».

Из прилагательных бурятизмами являются следующие: *эрэңге* «неунывающий, всегда веселый», *халюун* «игрений (масть лошади)», *сабаан* «постный, нежирный», *сооһор* «пестрый, пятнистый (масть лошади)».

Из наречий в тофаларском языке бурятским по происхождению оказалось лишь одно слово: *хучу* «всегда, постоянно». Глаголов бурятского происхождения несколько: *йоһоорһа* = «кичиться своим положением начальника, господина», *хаэрһа* = «хвастаться», *харбай* = «быть растопыренным, раскрытым (о руках, крыльях)», «протянуть руку», *һамаара* = «отвлечь», «развлекать», *қалзуура* = «сойти с ума», *сабаарһа* = «хотеть мяса, жирной пищи», *сома* = «стоговать сено».

В фонетическом отношении слова, заимствованные из бурятского языка, не претерпели особых изменений. Изменились лишь следующие звуки:

а) бурятский инициальный увулярный смычный звонкий «г» [g] в твердорядных словах в тофаларском языке стал передаваться увулярным смычным глухим слабым [q]: бур. *гуйлга* [gуйлга] «подарок» > тоф. *қуйулга* id., бур. *гуули* [gu:li] «латунь» > тоф. *қуули* id.;

б) бурятский интервокальный неаффрицированный «ж» [ʒ] – звонкой аффрикатой [tʃ]: бур. *хажуур* [xʒu:r] «коса» > тоф. *начуур* id.; бур.-нижнеуд. *хужа* [xʒ] «всегда» > тоф. *хучу* id.;

в) бурятский увулярный глухой проточный «х» [x] – глухим верхнефарингальным [h]: бур. *торхо* [torxo] «бочка» > тоф. *тоьrho* id.; бур. харша [xarʂ] «доска», «плаха» > тоф. *харшы* «доска»; бур. *хобол* [xobol] «паз», «желоб» > тоф. *хобол* id.;

г) в единственном слове *ном* [nom] «книга» начальный бурятский «н» [n] дал в тофаларском языке звук [l]: *лом* id. По-видимому, это произошло за счет изменения носового звука на ртовый, так как оба звука являются дорсальными сонантами;

д) по закону образования вторичных долгот в тофаларском языке интервокальный звук [n] в бурятском слове при его заимствовании исчез, дав долгий гласный с назализованным и неназализованным вариантами: бур. *тангалай* [tangalaj] «нёбо» > тоф. *таалай* id.

По имеющимся данным, тофаларский язык заимствовал из бурятского почти одни существительные, и лишь несколько прилагательных, наречий и глаголов. Эти слова употребляются в тофаларском языке в составе тех же частей речи, что и в бурятском языке, прочно войдя в словарный фонд и активно участвуя в словообразовательном процессе. Например, от многих бурятских заимствований образовались глаголы: *қуйулгала* = «подарить» от *қуйулга* «подарок»; *хелбелэ* = «грести веслом» от *хелбе* «весло»; *хүрээлэ* = «огораживать» от *хүрээ* «изгородь»; *хөөлэ* = «чертить углем» от *хөө* «уголь»; *һамарат* = «отвлечь» от *һамаара* = «отвлекаться» и т.п.

Некоторые бурятские слова, попав в тофаларский язык, изменили свое первоначальное значение: бур. *ёһо* «традиция», «обычай», «церемония» > тоф. *йоһо* «уважение», «почет», «авторитет»; бур. *тобшо* «пуговица» > тоф. *топшы* «бляха», «заклепка на седлах».

Ряд слов, имеющих в бурятском языке несколько значений, вошел в тофаларский язык с каким-либо одним значением: бур. *харша* «доска», «плаха», «забор» > тоф. *харшы* «доска», «коло-

тая плаха»; бур. *хөө* «древесный уголь», «сажа» > тоф. *hөө* «древесный уголь»; бур. *таһалга* «перегородка», «комната» > тоф. *таһалга* «перегородка».

Основная масса заимствований не изменила своей семантики и употребляется в тофаларском языке в тех же значениях, что и в бурятском. Это произошло потому, что бурятские заимствования пришли в тофаларский язык гораздо позже монгольских.

Наличие монгольских и бурятских заимствований в тофаларском языке доказывает, что на культуру и различные стороны хозяйственной деятельности тофаларов большое влияние оказали гораздо более развитые экономически соседи – монголы и буряты. От бурят пришла к тофаларам религиозная буддийская лексика, от бурят и монголов – слова, связанные с общественно-политическими явлениями, а также многие общие понятия. У монголов заимствованы основные названия инструментов. Названия ряда растений, домашних и диких животных, частей тела человека и животных также усвоены от монголов и бурят. Многие названия предметов домашнего обихода являются или бурятскими, или монгольскими.

Таким образом, по лексико-семантическим группам заимствований можно судить о степени развития тех областей общественно-политической жизни, духовной и материальной культуры тофаларов, в которые проникали монгольские и бурятские заимствования. Как правило, заимствовалось то, чего не было у самих тофаларов.

4. Заимствования из русского языка

Общение тофаларов с русскими началось с XVII в., когда на реке Уде в районе расселения предков современных тофаларов и нижнеудинских бурят был построен в 1648 г. Удинский острог (теперь город Нижнеудинск), тофалары, став подданными русского царя, начали платить ясак пушниной. Позднее, с появлением русских переселенцев и с основанием русских деревень, начинают налаживаться культурно-хозяйственные и торговые связи. Тофалары усваивают от русских новую культуру, новые виды хозяйственной деятельности, от русских купцов и мелких торговцев покупают товары русского производства.

Со второй половины XIX в., с ростом капитализма в России, начинается более интенсивное заселение Сибири русскими переселенцами. Увеличивается количество русских деревень, расположенных как по соседству с тофаларами, так и в районе их расселения. В этот период открываются Сергиевский и Покровский прииски. Связи тофаларов с русским населением все более расширяются. Этому способствовало и обращение тофаларов в христианскую веру.

Ежегодно зимой тофалары съезжались на свой племенной съезд – суглан, который проводился в русской деревне Рубахино, возле города Нижнеудинска. На суглане уплачивался ясак русскому царю, совершались религиозные обряды и проводились все административные мероприятия властей.

К 1920 году, когда в Иркутской области установилась Советская власть, тофалары были уже связаны хозяйственными и торговыми отношениями с жителями русских деревень и отдельных заимок, расположенных на территории тофаларских кочевий.

С 1929 г. началось строительство поселков Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара. На стройке тофалары работали бок о бок с русскими, учились строить и жить по-новому, приобщались к новому оседлому быту, к новой культуре. В этих поселках они начали свою новую, оседлую жизнь, являясь равноправными членами многонациональной дружной семьи народов СССР.

Все новое, что тофалары узнавали от русских, разумеется, не могло не найти отражения в их языке.

При сборе материалов по лексике тофаларского языка нам удалось выявить многие лексические заимствования из русского языка. Трудно говорить о времени заимствования тех или иных групп русских слов. Тем не менее сведения, полученные от пожилых носителей языка, а также употребление русской заимствованной лексики в тофаларских (карагасских) текстах, записанных в 1890 году Н.Ф. Катановым¹, в какой-то мере позволяют выделить русские лексические заимствования дореволюционного периода. Семантика слов, а также сведения пожилых тофаларов о том, когда появились в их языке некоторые русские слова, послужили основанием для выделения русских лексических заимствований советского периода. Таким образом, все русские лексические

¹ См.: В.В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX – Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб., 1907.

заимствования в современном тофаларском языке можно разделить на заимствования дореволюционного периода и заимствования советского периода.

Русские лексические заимствования дореволюционного периода представляют собой следующие лексико-семантические группы:

1) охотничье вооружение и снаряжение: *бердаанһа* «берданка», *һаансул* «наковаленка для капсюля у шомпольных ружей и ружейных гильз», *натруушка* «натруска для пороха», «пояс с охотничьими принадлежностями для шомпольных ружей», *патроон* «патрон», «гильза», *патрондаш* «патронташ», *пистоон* «капсюль», *дрооп* ~ *дрооби* «дробь», *дүүрһе* ~ *түүрһе* «дробовик»;

2) механизм оружия: *борчинақ* «боевая пружина кремневого или шомпольного ружей и затвора винтовки», «вообще любая пружина», *шуруп* «винт зажима кремня кремневых ружей», «любой винт, болт»;

3) предметы домашнего быта, хозяйства крестьян: *бироопка* «веревка», *бишлэ* «вилы», *бооци* «вожжи», *һольсоо* «кольцо», *һориитта* «корыто», *һүлүүпчи* «замок», *испишикэ* «спички», *мишлэ* «мыло», *нииткэ* «нити», *ностоол* «стол», *сииттэ* «сито», *шаас* «часы», *шишла* «шило», *дүүгэ* «дуга»;

4) постройки, сооружения: *босқоодин* «поскотина (ограда, огораживающая пастбище)», *һиринсээ* «крыльцо», *маңмаар* «амбар», *потпооли* «подполье», *друба* «труба»;

5) посуда: *баанһа* «банка», *бидроо* «ведро», *һөөпишөк* «поварешка», *гөришөөк* «чайник», *оскообор* ~ *оскоовор* «сковорода»;

6) одежда, обувь: *һаадыңғы* «валенки», *һартуус* «фуражка», *пылаат* «платок», *сабытькы* «сапоги», *шаали* «шаль», *ырмаақы* «мужская рубашка», «женское платье»;

7) предметы питания: *арқанай* «рожь», *шиисэ* «пшеница», *һлэмэ* «хлеб (печеный)», *һааша* «каша», *баайһашэй* «байховый чай», *саақар* «сахар», *һортоопка* «картофель», *морһообка* ~ *морһоотка* «морковь», *малина* «малина»;

8) игры, развлечения, музыкальные инструменты: *баллаайһа* «балалайка», *мандуурһа* «самодельная балалайка (< русск. бандурка, уменьшительная форма от бандура)», *дөйбыт* «дамка – в шашечной игре (< русск. доведь)», *каччуулһа* ~ *качуулһа* «качели», *пеешка* ~ *пеешке* «шашки», *тальяанһа* «тальянка (гармонь)»;

9) общественно-культурная жизнь: *һарандааш* «карандаш», *һыйээк* ~ *һынеек* «книга», *метаал* «медаль», «значок», «кокарда», *оочур* ~ *оочыр* «очередь», *печат* «печать», *письмоо* «письмо», *салдаат* «солдат», *һірээс* «крест», *таршиина* «старшина», *қаһаақ* «казак»;

10) единицы измерения: *аришим* «аршин», *бёорса* «верста», *осмуушка* «осьмушка», *сацим* «сажень», «поленница дров», *солһообай* ~ *солһоовай* «рубль»;

11) населенные пункты, заведения: *дэрэмна* «деревня», «село», *қоорыт* «город», *һабаақ* «кабак», *түүрмэ* «тюрьма», *һазаарма* «казарма»;

12) живая и неживая природа: *балуушка* «блоха», *һөөшкэ* «кошка», *няама* ~ *йаама* «яма», *слүүдэ* «слюда»;

13) счет, отвлеченные понятия: *тыысиччи* ~ *тыысиньчи* «тысяча», *тоолһа* «толк».

Среди русских лексических заимствований советского периода отмечаются следующие лексико-семантические группы:

1) охотничье вооружение: *карабин* «карабин», *тооска* «малокалиберная винтовка»;

2) предметы домашнего быта, хозяйства: *долотто* «долото», *круушкэ* «кружка», *лаампа* «лампа», *меэник* ~ *меэлик* «веник», *метлаа* «метла», *плитталыг соол* «печь плита», *столовай (қаһиқ)* «столовая (ложка)»;

3) сбруя: *һомуут* «хомут», *гууци* ~ *гуужуи* «гужи», *сидёолка* «седелка», *супоони* «супонь», *шилһыйаа* «шлея»;

4) сенокосение: *копёон* «копна», *қраабли* «грабли», *литтоопка* «коса»;

5) части дома: *поол* «пол», *раама* «рама», *стоолба* «столб»;

6) обувь, ткани: *ботинһа* «ботинки», *брезеэнт* «брезент», *леэнтэ* «лента»;

7) продукты питания: *һрупээ* «крупа», *мақароон* ~ *һармақоон* «макаронь», *мермишеель* «вермишель», *тоборооқ* «творог», *стүүчүн* «студень»;

8) школьная лексика: *буука* ~ *бууква* «буква», *тетраатка* «тетрадь», *резинкэ* «резинка, ластик», *уруучка* «ручка», *чернишлэ* «чернила», *ышкоол* «школа»;

9) единицы измерения: *киломеэтыр* «километр», *меэтыр* «метр», *минут* «минута», *сантимеэтр* «сантиметр»;

10) новые формы хозяйства и новое административно-территориальное деление: *бригада* «бригада», *коьлхоос* «колхоз», *ообласть* «область», *райоон* «район», *советска хаан* «Советское государство»;

11) новая культура, техника: *кино* «кино», *маңгазин* «магазин», *машиин* «машина», *траактыр* «трактор», *қыраамытты* «грамота», *тилиграам* «телеграмма», *харттиина* «картина».

Во всех заимствованных русских словах как дореволюционного периода, так и послереволюционного ударный гласный русского языка за исключением новейших заимствований советского периода, передается в тофаларском языке соответствующим долгим гласным. Аналогичное явление наблюдается в бурятском и тувинском языках. Других изменений среди гласных в заимствованных русских словах не произошло.

Изменениям в составе согласных меньше всего подверглись заимствования советского времени, так как, усваивая русский язык, тофалары приобрели навык выговаривать согласные или сочетания согласных в непривычных для тофаларского языка позициях в слове. Для многих тофаларов русский язык стал вторым родным языком. Все это повлияло на то, что русские слова, заимствованные после перехода на оседлость, в речи грамотных тофаларов уже не имеют протетического гласного звука перед [р]: русск. *рама* > тоф. *раама*, русск. *район* > тоф. *райоон*, русск. *резинка* > тоф. *резинкэ*. В русских заимствованиях советского периода также появляется стечение двух согласных в начале слова. Например: русск. *кружка* > тоф. *круушка*, русск. *грабли* > тоф. *краабли*, русск. *глина* > тоф. *глинэ*, русск. *бригада* > тоф. *бригаада*, русск. *крупа* > тоф. *хрүпээ*, русск. *брезент* > тоф. *брезэнт*, русск. *столб* > тоф. *стоолба*, русск. *столовый* > тоф. *столовай*. В дореволюционных же русских заимствованиях сочетание двух согласных в начале слова не допускалось. В этих случаях вставной гласный появлялся или между этими согласными (*хүлүүпчи* < русск. *ключик*, *хиринсээ* < русск. *крыльцо*, *һынеек* < русск. *книга*, *балуушка* < русск. *блошка*) или перед ними (*ышкоол* < русск. *школа*, *истишикэ* < русск. *спички*, *оққоовор* < русск. *сковорода*). В сочетании согласных [ст] исчезал первый [с], например: *таришина* < русск. *старшина*; в сочетании [ни] первый [н] исчезал – *ишиисэ* < русск. *пшеница*. Лишь в некоторых случаях сохранялось сочетание согласного с сонорным: *дрооби* < русск. *дробь*, *друба* < русск. *труба*, *һләэмэ* < русск. *хлеб*, *слүүдэ* < русск. *слюда*.

Звук [ц] в русских словах, заимствованных тофаларами, передается свистящим [с], так как в тофаларском языке [ц] как фонема вообще отсутствует: русск. *кольцо* > тоф. *һольсоо*, русск. *крыльцо* > тоф. *хириисээ*. Русская аффриката [ч] иногда переходит в [ш] (русск. *час* > тоф. *шаас*, русск. *спички* > тоф. *истишикэ*), иногда же сохраняет свою аффрикативность (русск. *очередь* > тоф. *оочур*, русск. *печать* > тоф. *печат*). В некоторых случаях отчетливо проявляется долгота глухого [ч]: русск. *качалка* > тоф. *каччуулһа*, русск. *тысяча* > тоф. *тыысиччи*. Когда же тофаларский язык стремится отразить глухое русское [т], в интервокальной позиции в заимствованных русских словах появляется долгое [тт]: русск. *корыто* > тоф. *һоритта*, русск. *сито* > тоф. *ситттэ*, русск. *плита* > тоф. *плитта*, русск. *долото* > тоф. *долотто*. Вообще глухой [т] становится долгим или полудолгим в положении между гласным в словах, заимствованных из языков с другой системой фонематических отношений между согласными. В разделе о среднемонгольских заимствованиях уже отмечалось появление долгого глухого [тт] в тофаларском языке на месте сильного глухого монгольского [т].

Звонкий палатализованный русский [дь] в тофаларском языке дал звонкую среднеязычную аффрикату [ч]: русск. *студень* > тоф. *стүүчүн*.

Загадочен факт передачи русского [з] тофаларским [һ] в слове *қаһаақ* «казак». В соседних бурятских диалектах оно употребляется с интервокальным [с]: *хасаг*, поэтому объяснить появление звука [һ] под влиянием соседних бурятских говоров невозможно.

Звонкий русский «ж» [ж] в тофаларском языке передается через среднеязычную аффрикату [ч]: русск. *сажень* > тоф. *сацим*, русск. *вожжи* > тоф. *боочи*; палатализованный русский «нь» [н'] – среднеязычным [һь]: русск. *веник* > тоф. *меэник*, русск. *супонь* > тоф. *супоони*.

Смычный заднеязычный русский согласный «к» в начале слова обычно заменяется на фарингальный [һ]: русск. *корыто* > тоф. *һоритта*, русск. *крупа* > тоф. *хрүпээ*, русск. *карандаш* > тоф. *һарандааш*, русск. *кабак* > тоф. *һабаақ*. Лишь в некоторых случаях он передается через [к]: русск. *кружка* > тоф. *круушка*, русск. *качалка* > тоф. *каччуулһа*, русск. *кино* > тоф. *кино*. В положении после сонантов русский «к» в тофаларском языке обычно дает [һ]: русск. *банка* > тоф. *баанһа*, русск. *берданка* > тоф. *бердаанһа*, русск. *балалайка* > тоф. *баллаайһа*, русск. *толк* > тоф. *тоолһа*. Но в послереволюционных заимствованиях это правило нарушается, и сочетание «к» с сонорным сохраняется: русск. *седелка* > тоф. *сидёолка*, русск. *резинка* > тоф. *резинкэ*.

Интересны в фонетическом отношении случаи перехода конечного [н] в губно-губной носовой [м] (русс. *сажень* > тоф. *саџим*, русск. *аршин* > тоф. *аршиим*), а также случаи замены начального [в] на [м] (русс. *веник* > тоф. *меэник*, русск. *вермишель* > тоф. *мермишеэль*).

Русский смычный звонкий согласный «г» [g] в начале слова в тофаларском языке дал согласные [к] или [г], в зависимости от того, стало ли слово твердорядным или мягкорядным. Например: русск. *город* > тоф. *коорыт*, русск. *горшок* > тоф. *гөршөөк* ~ *көршөөк*, русск. *глина* > тоф. *глинэ*.

Остальные русские согласные не изменили своего характера.

Почти все рассмотренные русские лексические заимствования представляют собой лексико-грамматические основы существительных. Тофаларский язык заимствовал русские существительные в основном в форме именительного падежа единственного числа, реже – в форме именительного падежа множественного числа: тоф. *дүүгэ* «дуга» < русск. *дуги* (им. пад. множ. ч.), тоф. *сабыткы* «сапог», «сапоги» < русск. *сапожки* (им. пад. множ. ч. от *сапожок*). Слово *тоолһа* «толк» заимствовано тофаларами в форме винительного падежа, так как, вероятно, тофалары чаще всего слышали это слово в выражении «толка нет». Слово *ностоол* «стол» – в виде сочетания слова «стол» с предлогом «на». Очевидно тофалары это слово слышали в русской речи в сочетаниях «накрыть на стол», «подать на стол», «положить на стол» и т.п. Некоторые заимствования представляют собой уменьшительные формы русских слов: *каччуулһа* < русск. *качалка* (уменьш. от *качель*), *һулүүпчи* «замок» < русск. *ключик* (уменьш. от *ключ*), *борџинаџ* «пружина» > русск. *пружинка* (уменьш. от *пружина*).

Слово *оскоовор* «сковорода» в тофаларском языке представляет собой только часть основы русского слова, так как, по-видимому, последний слог «-да» в русском слове *сковорода* ассоциировался у тофаларов с аффиксом местно-временного падежа *-да*, поэтому за основу слова тофалары приняли только его часть «сковор-», озвучив ее по фонетическим законам тофаларского языка. Прилагательное «ржаной» при заимствовании перешло в тофаларском языке в разряд существительных. Диалектно-разговорная форма «аржаной» переосмыслилась в существительное *арџанай* «рожь».

В систему лексики тофаларского языка проникли и некоторые русские глаголы. Морфологически они оформляются двумя путями:

а) к основе русского глагола в инфинитиве прибавляется тофаларский служебный глагол *кыл* = «делать»: *метать кыл* = «метать (сено)», *служить кыл* = «служить (в армии)»;

б) к русскому глаголу в повелительной форме второго лица единственного числа присоединяется тофаларский глаголообразующий аффикс *-ла* =: *мешайла* = «мешать (служить помехой)».

Заимствованные русские слова в тофаларском языке отражают те предметы и явления, с которыми тофалары ознакомились у русских. В советское время у тофаларов появились новые предметы обихода, питания, одежды, обуви, орудий труда. Вместе с ними пришли и новые названия. За последнее время в речи тофаларов, особенно представителей младшего поколения, появляется все больше русских слов. Русский язык получил широкое признание и приобрел важное общественно-политическое значение в их жизни. В настоящее время он является почти единственным иноязычным источником пополнения словарного состава тофаларского языка.

§ 3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА

1. Многозначность и изменение значений слов

Ряд самостоятельных полнозначных слов тофаларского языка употребляется в одном значении. К ним относятся личные местоимения типа *мен* «я», *сен* «ты», *биъс* «мы», количественные числительные и некоторые существительные, имеющие терминологический смысл: *суге* «топор», *дары* «порох», *ибџи* «домашний северный олень», *ақџаиш* «цветок» и т.п. Но большинство слов полисеманлично. Многозначность слов любого языка является результатом развития значения слова от конкретного к абстрактному. Значения слов изменяются, опосредованно отражая изменения, происходящие в реальной действительности в интересах и потребностях людей, носителей языка. В современном тофаларском языке большинство слов в разных контекстах имеет различные оттенки значения. Например, слово *суг* «вода» в выражении *сут суу* означает «сыворотка» (букв. «вода молока»), а в сочетании *џараџ суу* – «слезы» (букв. «вода глаза»); слово *өг*, имеющее первоначальное значение «конический чум», теперь означает «любое помещение для жилья как человека, так и животных»: *һымысџа өө* «муравейник», *ары өө* «осиное гнездо», *инек өө* «хлев (для ко-

ров)», *ыт өө* «собачья конура», *неч өг* «деревянная изба», *дач өг* «каменный дом», *хидиз өг* «войлочная юрта».

Таким образом, вторичные значения тофаларских слов появились в результате абстрагирования, развития основного конкретного значения слова. Так образовались, например, дополнительные, более отвлеченные значения слов: *аш* = «перевалить (гору)» → «нарушить, переступить (закон, приказ, требование)»; *баъс* = «придавить», «наступить (ногой)» → «победить»; *баъсқыш* «шаг (человека)» → «шаг (мера длины)»; *баътыр* = «спускать вниз (с горы)» → «глотать, проглотить»; *оол* «сын» → «мальчик» → «парень» → «неженатый мужчина» → «детеныш животных и крупных птиц»; *қыс* «дочь» → «девочка» → «девушка» → «незамужняя женщина»; *оьқта* = «заряжать пулей шомпольное ружье» → «заряжать (вообще)»; *өзек* «сердцевина, центральная часть (предметов)» → «центр (управление)»; *қулаш* «шаг (животных)» → «два человеческих шага или сажень (мера длины)»; *саьт* = «продать» → «торговать (вообще)»; *туьһур* = «опустить», «заставить слезть, спуститься» → «развьючить» → «списать, переписать» → «фотографировать» → «записать на магнитофон».

Некоторые слова достигли такой степени абстракции, что начали выражать в современном языке общие, родовые понятия. Так, например, слово *бөьрт* означает вообще любой головной убор, *ытйк* – любую обувь, *идйш* – любую посуду, *донақ* – одежду любого типа, *қушйқаш* – птиц любого вида, *оолғыс* – любого детеныша, *неш* – любое дерево и т.п.

Следует отметить, что не у всех полисемантических слов тофаларского языка можно объяснить появление производных значений, так как ассоциативные связи между основным и второстепенным значениями в значительной мере стерлись и не всегда прослеживаются. Например: *аай* «суть», «смысл», «порядок», «толк»; *арала* = 1) «двигаться между двумя предметами», 2) «дать проехать, пройти, образовав проход (о толпе)»; *балар* 1) «неловкий, неумелый», 2) «растрепанный», «неаккуратный»; *бол* = 1) «стать», «быть», «сделаться», 2) «перестать», «прекратить»; *боьш* 1) «свободный», «незакрепленный», «шатающийся», 2) «пустой, ненаполненный»; *бур* 1) «листва, листья», 2) «хвоя»; *чарық* 1) «сторона», 2) «крутой распадок», «ущелье»; *чуьсун* 1) «цвет», 2) «качество», 3) «примета»; *эптйг* 1) «интересный», 2) «дружный», 3) «красивый»; *көк* 1) «синий», «голубой», 2) «зеленый», 3) «травя», «сено»; *қон* = 1) «переночевать, ночевать», 2) «сесть (о птицах)»; *қуруйақ* 1) «ушная сера», 2) «перхоть»; *қуьрт* 1) «червь», 2) «жук»; *озыт* = 1) «впустить», «пустить», 2) «разрешить», «отпустить», 3) «прослушать, пропустить (слово)», 4) «спустить курок»; *самдар* 1) «лохмотья шкуры, содранной оленем осенью с рогов», 2) «выросты в виде шишечек вокруг основания растущего рога оленя»; *шебер* 1) «ловкий», «искусный», 2) «аккуратный, хорошо пригнанный»; *шомур* 1) «почки (деревьев)», 2) «молодые побеги травы», 3) «березовые или тополевые сережки»; *уйгут* 1) «осина», 2) «тополь»; *уьһул* = 1) «вытащить, вынуть», 2) «отцепить», 3) «снять (одежду)», «разуть (обувь)», 4) «вырвать (зуб)»; *ун* = 1) «выходить», 2) «восходить, подниматься (на гору, вверх)», 3) «всходить (о светилах)», 4) «подняться (о тумане)», 5) «расти (о растениях)», 6) «родиться (о человеке)» и т.п.

Все эти лексемы воспринимаются в языке как слова, имеющие разные значения, но это еще не омонимы, так как все-таки ощущается еле уловимая ассоциативная связь между развившимися значениями.

Слова, помимо прямых значений, приобретают еще и переносные, иначе – фигуральные значения. В этом процессе слова как названия переходят с одной вещи на другую, на какой-либо ее признак или часть, при этом переносное значение становится фактом языка, обязательным для всех говорящих на этом языке. Исходя из способа образования переносного значения, в общем языкознании различают метафору, перенос по функции, метонимию и синекдоху.

Метафора – самый типичный и наиболее широко представленный вид переносного значения слов в тофаларском языке. Метафорический перенос названия основан на сходстве материальной характеристики вещей: по цвету, форме, характеру движений. Меняется вещь, но не понятие, при всех метафорических изменениях какой-нибудь первоначальный признак остается. Например: *аас* 1) «рот, уста», 2) «пещера», 3) «устье реки», 4) «жерло», «горлышко (посуды)»; *алын* 1) «лицо (человека)», 2) «склон горы»; *боос* 1) «горло (анатом.)», 2) «место, куда впадает и откуда вытекает ручей или река»; *бус* 1) «пар от кипящей воды», 2) «туман над рекой в зимнее время»; *чеьш* = 1) «брызгать», «выплескивать (жидкость)», 2) «сеять (семена)»; *чыьлық* 1) «полотна бересты для покрытия чума», 2) «вообще крыша любого дома»; *һаай* 1) «нос человека», 2) «морда животных», 3) «клюв птицы»; *һанат* 1) «крылья птицы», 2) «плавники рыбы», 3) «крылья самолета»; *ил* = 1) «прицепить (серьги и т.п.)», 2) «повесить (плакат, объявление)», 3) «наколоть (квитанцию, чек)»,

«приколоть (булавкой)»; *қаьрт* 1) «слой бересты», 2) «кора кустарников», 3) «лист (в книге, тетради)»; *қаьт* 1) «слой», 2) «этаж»; *қуцақ* 1) «объятие», 2) «охапка (мера)»; *қулақ* 1) «ухо», 2) «полка для пороха у кремневых ружей»; *қур* 1) «ремень, пояс (для верхней одежды)», 2) «обруч бочки», 3) «узкий длинный уступ на скале»; *қыдығ* 1) «край», 2) «берег»; *өэн* 1) «игра», 2) «глухариный, тетеревиный ток», 3) «нерест рыбы»; *оорһа* 1) «спина», 2) «внешняя (обычно глубокая) сторона излучины реки», 3) «конек крыши»; *оьрһу* 1) «полка», 2) «небольшой уступ на скале»; *өөш* 1) «пищевод (анатом.)»; 2) «теснина, узкое место реки»; *соьқ* = 1) «бить», «ударить», 2) «убить ударом», 3) «расколоть кость», 4) «забивать скот на мясо»; *сығыр* = 1) «свистеть», «пищать», 2) «играть на дудке, флейте»; *шыь* = 1) «чертить, проводить черту», 2) «писать»; *шуньчук* 1) «тазобедренный сустав (анатом.)»; 2) «дверная петля, шарнир»; *дырба* = 1) «царапать (ногтями, когтями)», 2) «грести, сгребать (граблями)»; *уңгур* 1) «яма с крутыми отвесными стенками», 2) «могила»; *ут* 1) «дыра», 2) «норка мелких зверьков».

Перенос по функции очень близок к метафоре. Однако при функциональном переносе общность не опирается на материальное сходство вещей, вещи могут быть совершенно разными и по форме и по цвету, объединяет же их только общность функции. Таким путем образовались, например, переносные значения слова *адақ*, первоначальное значение «нога». Сохранились два значения этого слова: 1) «завалинка дома», «нижняя часть юрты (место ее соединения с землей)» и 2) «складные сошки у ружья». Хотя это материально разные предметы, объединяет их одно назначение – служить опорой. Слово *тузақ* «петля для ловли мелких животных и птиц» приобрело значение «паутина».

Метонимия – перенос названия, совершаемый не на основании сходства внешних или внутренних признаков прежней вещи и новой, а на основании смежности, то есть соприкосновения вещей в пространстве или во времени. При метонимическом переносе может меняться не только название вещи, но и ее понятие. Например: *буруңғаары* 1) «вперед» (наречие), 2) «восток»; *һендир* 1) «конопля», 2) «веревка из льна, конопля»; *һин* 1) «пуп», 2) «мускусная железа самца кабарги»; *кецир* 1) «хрящ», 2) «трахея, дыхательное горло»; *кеьртик* 1) «зарубка», 2) «ступенька приставной лестницы»; *муңгаиш* 1) «закрытый наглухо» (прилагательное), 2) «небольшая петля»; *оьт* 1) «трава как корм», 2) «портянки»; *өөредиг* 1) «учеба», 2) «знание»; *соңғаары* 1) «назад» (наречие), 2) «запад»; *сөөскен* 1) «чупыжник (название растения)», 2) «мундштук трубки, изготавливаемый обычно из ствола чупыжника»; *дэьпәэ* 1) «место возле чума для привязывания оленей», 2) «двор возле крестьянской избы», 3) «улица»; *дүңнүк* 1) «дымовое отверстие чума», 2) «потолок»; *дыиш* 1) «тишина», «тихо», 2) «отдых».

Синекдоха имеет много общего с метонимией, однако она существенно отличается от метонимии своим количественным признаком соотношения того, с чего переходит название, и того, на что оно переходит, при этом один член такого соотношения обычно будет более широким и общим. В тофаларском языке при подобном переносе значения в основе лежат следующие соотношения: 1) когда вещь называется по одной какой-либо ее части. Например, слово *тэьһен* «колючка, шип» получило также значения «малина», «шиповник», «роза», так как эти растения имеют колючки; 2) когда употребляется общее название вместо отдельного. Например, слово *сан* означает «число» и «цифра»; 3) когда употребляется родовое название вместо видового, то есть происходит сужение значения. Например, слово *инек* – родовое название крупных рогатых домашних животных, употребляется тофаларами обычно для названия коровы; аналогично этому слово *асқыр*, означающее вообще любого самца животных, часто употребляется для называния жеребца или самца кабарги; слово *таиш* – любой камень, но в суженном значении означает «ремень».

Следует отметить, что полнозначным словам тофаларского языка, как, впрочем, и других языков, свойственна однозначность и многозначность. Многозначные слова могут иметь либо разные оттенки своего основного значения, либо разные значения с еле уловимой ассоциативной связью, либо мотивированные переносные (фигуральные) значения, возникшие на основе переноса значения по сходству (метафора), по функции и по смежности (метонимия и синекдоха).

2. Омонимы

От различных лексических значений многозначного слова следует отграничивать слова, находящиеся между собой в совпадающих по звучанию отношениях и представляющие так называемые слова-омонимы. Омонимы в тофаларском языке – это одинаковые по звучанию слова, значения которых осознаются как не связанные друг с другом и одно из другого не выводимые.

Материалы по современному тофаларскому языку позволили выделить три типа омонимов: лексические, морфологические и лексико-грамматические. Эти же типы омонимов аналогично представлены и в других тюркских языках, в том числе в тувинском и хакасском.

Лексические омонимы

В данную группу омонимов входят слова, имеющие одинаковую звуковую оболочку, принадлежащие к одной и той же части речи, но с различным семантическим значением. Данный тип омонимов представлен тремя частями речи: существительными, прилагательными и глаголами.

Омонимы существительные: *ары* «рев самцов изюбрей во время гона» // *ары* «пчела», «оса»; *аьсқы* «вешалка», «крюк для подвешивания» // *аьсқы* «приспособление (в виде помоста из жердочек) для сушки клубней сараны»; *ай* «месяц», «луна» // *ай* «клубни сараны»; *чыраа* «иноходец» // *чыраа* «заросли карликовой березки»; *чеькпе* «гриб» // *чеькпе* «росомаха»; *таьһа* ~ *даьһа* «подкова» // *даьһа* «доха»; *дуи* ~ *туи* «полдень» // *дуи* ~ *туи* «сновидение»; *ээ* «хозяин» // *ээ* «пятка» (анатом.); *һем* «река» // *һем* «мера», «размер», «вес»; *һаан* «государство», «власть», «хан», «царь» // *һаан* «белая куропатка»; *һаақ* «ива», «лозняк», «прут» // *һаақ* «лыжи, подбитые камусом»; *һяақ* «мох-бородач» // *һяақ* «нижняя челюсть»; *олаң* «пряжка» // *олаң* «волосная подпруга конского седла»; *һин* «ключ от замка» // *һин* «пуп», «пуповина» // *һин* «мускусная железа самца кабарги, струйка»; *қат* «ветер» // *қат* «ягода»; *сай* «кедровые орехи» // *сай* «галька», «галечная коса»; *саьһық* «клык марала» // *саьһық* «корневая часть ревеня» (ботан.); *сээн* «подозрение» // *сээн* «спусковая нить самострела», «спусковой крючок ружья»; *уңғурһен* «икра рыб» // *уңғурһен* «глубокое место таежного ручья»; *ус* «жидкий жир» // *ус* «рысь»; *узук* «обрывок», «отрывок», «перерыв» // *узук* «седловина», «переносица».

Омонимы прилагательные: *аьһыг* «широкий», «просторный» // *аьһыг* «неторопливый (о человеке)»; *чааи* «плавное, тихое (течение реки)» // *чааи* «смирный, кроткий (человек, животное)».

Омонимы глаголы: *аайлан* = «быть толковым, понятливым» // *аайлан* = «собираться (в дорогу)» // *аайлан* = «окончить (дела, работу)»; *ачыт* = «квасить», «заквасить», «сбродить» // *ачыт* = «делать назло, злить»; *арыгла* = «идти лесом», «идти в лес» // *арыгла* = «очистить», «содержать в чистоте, в порядке»; *аьрт* = «быть в остатке, излишке», «остаться» // *аьрт* = «навьючить груз на верховое седло»; *чаг* = «выпадать, идти (об осадках)» // *чаг* = «мазать, смазать (жиром)»; *час* = «промахнуться» // *час* = «разобрать на части» // *час* = модальный глагол со значением «как бы не»; *чоьқ* = «загореться (о труте, бересте, спичке)» // *чоьқ* = «перейти, пристать (о болезни)»; *тэг* = «накладывать (воз)» // *тэг* = «дотрагиваться, касаться», «попадать (о пуле, стреле и т.п.)»; *төьк* = «ссыпать (в кучу)» // *төьк* = «выплеснуть», «вылить»; *тур* = «стоять», «встать» // *ур* = «выбить», «вырвать (зуб, клин и т.п.)»; *туьт* = «схватить», «держат» // *туьт* = «понимать» // *туьт* = «оставать (в соревновании)»; *дур* = «пучить, резать (живот)» // *дур* = «скручивать, свертывать трубочкой»; *туьрһу* = «пододвинуть (головешку в огонь, когда поправляют костер)» // *туьрһу* = «сметать, соскабливать сажу с дымового отверстия чума» // *туьрһу* = «тереть», «натирать», «втирать (мазь)»; *иьштэ* = «наполнить (сосуд, посуду, тару)» // *иьштэ* = «обижаться»; *кет* = «одеть», «надеть» // *кет* = «жрать»; *көьш* = «кочевать», «переселяться» // *көьш* = «осыпаться (о каменной россыпи)»; *қаг* = «бросить, кинуть» // *қаг* = «положить» // *қаг* = служебный глагол, употребляемый при образовании аналитической формы прошедшего времени законченного вида; *қаьт* = «высохнуть», «затвердеть» // *қаьт* = «свивать, скручивать», «заплетать»; *сыьқ* = «выдавливать» // *сыьқ* = «слопать, переломить»; *ушуттун* = «озябнуть, замерзнуть» // *ушуттун* = «ошибаться, ошибиться (в делах)».

Из приведенного материала видно, что омонимы в тофаларском языке встречаются в большинстве своем среди существительных и глаголов, среди прилагательных их мало.

Морфологические омонимы

Морфологические омонимы представляют собой слова, относящиеся к различным частям речи, но случайно совпадающие в звуковом отношении в некоторых своих формах. В лингвистической литературе морфологические омонимы также называются омоформами. В тофаларском языке к омоформам относятся следующие слова и их формы: *аас* «место, где очень шумит горная река» (им. пад., ср. форму принадл. 3-го лица – *аазы*) // *аас* «рот», «устье», «пещера», «жерло», «горловина (сосуда)» (им. пад., ср. форму принадл. 3-го лица – *ақысы*) // *аас* «пахучая железа росомахи,

хоря, горностая, колонка» (им. пад., ср. форму принадл. 3-го лица – *аазы*); *ачыг* «зло, злоба» (им. пад. сущ.) // *ачыг* «кислый», «едкий», «жгучий» (прилаг.); *ара* «промежуток» (им. пад. сущ.) // *ара* «преждевременно» (наречие); *арыг* «густой лес на равнине» (им. пад. сущ.) // *арыг* «чистый» (прилаг.); *аш* «пища» (им. пад. сущ.) // *аш* «перевали» (повелит. форма глагола *аш* = «перевалить гору») // *аш* «голодный» (прилаг.); *аът* «лошадь» (им. пад. сущ.) // *аът* «стреляй» (стрелой) (повелит. форма глагола *аът* = «стрелять (стрелой)»); *баар* «печень» (им. пад. сущ.) // *баар* «он пойдет» (прич. наст.-буд. времени 3-го лица ед. числа глагола *бар* = «пойти»); *баъһар* «часть ствола листовенницы, обращенная в сторону реки» (им. пад. сущ.) // *баъһар* «подсмотрит; будет смотреть сверху» (прич. наст.-буд. времени 3-го лица ед. числа глагола *баъқ* = «подсматривать; смотреть сверху»); *бар* «есть, имеется» // *бар* «пойди» (повелит. форма глагола *бар* = «пойти»); *чараиш* «маленький» (прилаг.) // *чараиш* «помиришь» (повелит. форма глагола *чараиш* = «помириться»); *чуур* «свалит, уронит» (прич. наст.-буд. времени 3-го лица ед. числа глагола *чуз* = «уронить, свалить») // *чуур* «будет мыть, вымоет» (прич. наст.-буд. времени 3-го лица ед. числа глагола *чу* = «мыть»); *чүс* «сустав» (им. пад. сущ.) // *чүс* «сто» (колич. числит.); *дас* «крупный лось-самец» (им. пад. сущ.) // *дас* «плешивый, лысый» (прилаг.); *доң* «вид узла для привязывания оленей, коней» (им. пад. сущ.) // *доң* «мерзлый» (прилаг.) // *доң* «недозрелый» (прилаг.) // *доң* «замерзни» (повелит. форма глагола *доң* = «мерзнуть»); *һаиш* «голый, безволосый» (о шкуре) (прилаг.) // *һаиш* «косогор» (им. пад. сущ.); *һаттым* «мой тесть» (форма принадл. 1-го лица ед. числа сущ. *һаты* «тесть») // *һаттым* «я потерял» (форма прош. времени 1-го лица ед. числа изъявит. накл. глагола *һат* = «потерять»); *һос* «завал, залом леса-плавника на реке» (им. пад. сущ.) // *һос* «пустой, порожний»; «свободный» (прилаг.); *һей* «газ», «выдыхаемый воздух» (им. пад. сущ.) // *һей* «зря, впустую» (наречие); *элээр* «истреплется, износится (одежда)» (прич. наст.-буд. времени глагола *элэ* = «износиться, истрепаться») // *элээр* «трезвый» (прилаг.); *эм* «лекарство» (им. пад. сущ.) // *эм* «соси» (повелит. форма глагола *эм* = «сосать – вымя, грудь, соску»); *кеъиш* «шкура, кожа» (им. пад. сущ.) // *кеъиш* «переправляйся через реку» (повелит. форма глагола *кеъиш* = «переправляться через реку»); *мээ* «головной мозг» (им. пад. сущ.) // *мээ* «мне» (дат.-напр. падеж местоим. *мен* «я»); *нян* «газ» (анатом.) // *нян* «вернись» (повелит. форма глагола *нян* = «возвращаться домой»); *өй* «впору, годный (об обуви, одежде)» (прилаг.) // *өй* «размер обуви» (им. пад. сущ.) // *өй* «натри ногу» (повелит. форма глагола *өй* = «натереть ногу»); *өл* «мокрый» (прилаг.) // *өл* «влага» (им. пад. сущ.) // *өл* «умри» (повелит. форма глагола *өл* = «умереть»); *өң* «мездровая выделанная часть шкуры» (им. пад. сущ.) // *өң* «подкрадись» (повелит. форма глагола *өң* = «подкрадываться»); *қас* «гусь» (им. пад. сущ.) // *қас* «копай» (повелит. форма глагола *қас* = «копать»); *қуу* «серый» (прилаг.) // *қуу* «лебедь» (им. пад. сущ.); *соо* «задняя лука седла» (форма принадл. 3-го лица ед. числа сущ. *соң* «конец, задняя часть») // *соо* «берестяное ведро для оленьего молока» (им. пад. сущ.); *шаары* «вверх» (наречие) // *шаары* «остатки заварки чая» (им. пад. сущ.); *үр* «давно» (наречие) // *үр* «дуй» (повелит. форма глагола *үр* = «дуть»); *үс* «порви» (повелит. форма глагола *үс* = «порвать») // *үс* «жир (жидкий)» (им. пад. сущ.) // *үс* «рысь» (им. пад. сущ.) и т.п.

Таким образом, в тофаларском языке, как показывают примеры, очень развита система морфологических омонимов. Она пронизывает почти все части речи и многие грамматические формы.

Лексико-грамматические омонимы

Если первые два типа омонимов характерны вообще для всех языков, то третий тип – лексико-грамматические омонимы – представляет собой особый, более сложный случай. Его отличие от первых двух состоит в том, что «при одинаковом фонетическом звучании... двух слов семантические их значения этимологически не расходятся, различаясь лишь грамматически»¹, тогда как первые два типа при одинаковом фонетическом звучании двух или более слов имеют совершенно различные семантические значения. Лексико-грамматические омонимы имеются не во всех языках, они часто встречаются лишь в языках аналитического строя². В тюркских языках они представлены в виде так называемых «первичных омонимов», характерной чертой которых является их своеобразная семантика, выражающая в одном фонетическом комплексе и имя, и глагол, различаемые лишь в контексте или по морфологическим показателям. Например, в тофаларском языке: *тын* = «дышать» и *тын* «дыхание», *цаг* = «намазывать жиром» и *цаг* «жир, сало».

¹ Б.М. Юнусалиев. Киргизская лексикология. Ч. 1 – Развитие корневых слов. Фрунзе, 1959, с. 63.

² См.: Р.А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1965, с. 47.

Пытаясь объяснить происхождение в тюркских языках первичных омонимов, К. Грэнбек¹ допускает две возможности совпадения имени и глагола в одном слове: или это случайное совпадение первоначально различных слов в результате фонетического стяжения звукового комплекса слова, или это случайное тождество двух существенно различных аффиксов. Русский тюрколог XIX в. П.М. Мелиоранский выдвинул предположение о том, что в корневых словах, называемых советскими тюркологами «первичными омонимами», содержатся следы первоначальной недифференцированности имен и глаголов².

Советский тюрколог Б.М. Юнусалиев в своем исследовании о развитии корневых слов киргизского языка³ затрагивает и вопрос о происхождении и дальнейшем развитии первичных омонимов в киргизском языке. В результате проведенного исследования Б.М. Юнусалиев находит, что К. Грэнбек прав во втором своем предположении, что причиной появления первичных омонимов могло быть случайное звуковое тождество двух существенно различных аффиксов, и не соглашается с предположением П.М. Мелиоранского, считая, что «...лексико-грамматические (первичные) омонимы (как односложные, так и двусложные) исторически происходят от глагольных корней с помощью формообразующих аффиксов, а их омонимическая внешняя форма объясняется звуковым совпадением двух принципиально различных морфем; ср. имяобразующие аффиксы: *-к*, *-н*, *-ш* и др.; глагольные (залоговые): *-қ*, *-н*, *-ш* и другие. Семантическая близость омонимического корневого слова связана с тем, что обе пары происходят из одного и того же корня – глагола»⁴. Основываясь на тюркских языках, Б.М. Юнусалиев приходит к выводу о наличии строгой закономерности постепенного убывания первичных омонимов в позднейшие периоды развития тюркских языков и замены первичных омонимов новой, более сложной формой.

Материалы по лексике современного тофаларского языка также позволяют выделить в нем лексико-грамматические (первичные) омонимы. Например: *айас* «ясный (о погоде)» // *айас* = «проясниться (о погоде)»; *аалчыш* «ссора» // *аалчыш* = «ссориться»; *чаг* «сало, жир (твердый)» // *чаг* = «намазывать, смазывать (жиром)»; *хуреш* «борьба» // *хуреш* = «бороться»; *маргыш* «соревнование» // *маргыш* = «соревноваться»; *қаьт* «ряд, слой» // *қаьт* = «свивать, оплетать»; *қоьш* «парный; пара; вьюк» // *қоьш* = «сшить верх унтов»; *доң* «мерзлый» // *доң* = «мерзнуть, застыть»; *тын* «дыхание» // *тын* = «дышать».

Причинами появления омонимов в тофаларском языке являются:

1) случайные звуковые совпадения этимологически разных слов и их форм, а также результат действия фонетических изменений, стерших первоначальную границу между соответствующими словами. Этим путем образовалась часть лексических и морфологических омонимов. Например: *ээ* «хозяин» и *ээ* «пятка»; *хаан* «государство», «власть», «царь» и *хаан* «белая куропатка»; *сыьқ* = «выдавливать» и *сыьқ* = «сломать» (ср. др.-тюрк. *sī* = «сломать»); *баар* «печень» (ср. др.-тюрк. *baŷir* «печень») и *баар* «пойдет» (ср. др.-тюрк. *barir*, *barur* «пойдет»); *өл* «мокрый, влажный» и *өл* «умри»;

2) случайные звуковые совпадения именных и глагольных аффиксов. Этим путем образовались все лексико-грамматические (первичные) омонимы;

3) совпадение тофаларских слов с иноязычными заимствованиями. Этим путем образовалась часть лексических и морфологических омонимов. Например: *hem* «река» (тоф. слово) и *hem* «мера, измерение; вес» (< ср.-монг. *ket* «мера, размер»); *hey* «газ, выдыхаемый воздух» (< ср.-монг. *kei* «газ, воздух») и *hey* «зря, впустую» (< ср.-монг. *kei* «зря, впустую»); *haaq* «прутья, лозняк» (тоф. слово) и *haaq* «лыжи с камусом» (< эвенк. *хаакрэ*, *хааксэ* «лыжи»); *түбек* «корни сараны» (тоф. слово) и *түбек* «хлопоты, беспокойство» (< ср.-монг. *tübeg* id.); *түрген* «свернул, скрутил» (прич. прош. времени от тоф. глагола *тур* = «свернуть трубкой») и *дүрген* «быстрый, скорый» (< ср.-монг. *türgen* id.);

4) распад полисемии слов, когда близкие, но неодинаковые их значения настолько утрачивают свои былые семантические связи, что образуют вполне самостоятельные слова – омонимы. Грань, отделяющие омонимы от полисемии, нередко так тонка и подвижна, что трудно определить, являются ли слова омонимами или это просто разные значения одного слова, не утратившие еще своих семантических связей. Однако, проводя различие между полисемией и омонимами, воз-

¹ См.: К. Grönbek. Der türkische Sprachbau, I, Kopenhagen, 1936, s. 19.

² См.: П.М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВО, XII, вып. II-III. СПб., 1899, примеч. 22.

³ См.: Б.М. Юнусалиев. Указ. соч.

⁴ См.: Б.М. Юнусалиев. Указ. соч., с. 79.

никшими в результате распада былой полисемии, не следует «...слишком расширять сферу подобных омонимов за счет полисемии... Многозначность пронизывает огромное большинство слов разнообразных языков, причем различные значения одного и того же слова подчас могут сравнительно далеко удаляться друг от друга, не теряя все же связи между собой. Именно в той мере, в какой многозначность (полисемия) слова определяется природой самого слова, нельзя в каждом мало-мальски отделившемся значении слова видеть другое слово – омоним по отношению к «исконному» значению. Рассматривать каждое самостоятельное значение слова как особое, отдельное слово – значит не учитывать сложной природы самого слова»¹.

Поэтому при определении омонимов, возникших в тофаларском языке в результате распада полисемии, за основу был взят критерий определения степени разрыва семантических связей различных значений полисемантического слова. Этим путем, например, образовались в тофаларском языке следующие омонимы: *ачы* = «киснуть, закиснуть, прокиснуть», «бродить» // *ачы* = «жечь, щипать (рану)», «разъедать (потом)», «жечь глаза дымом» // *ачы* = «обжигать морозом»; *быгыш* = «поспеть, созреть», «свариться, стать готовой (о пище)» // *быгыш* = «успеть что-либо сделать, поспевать»; *чагыр* «медвежья берлога» // *чагыр* «летний загон для оленей»; *чилиг* «костный мозг» // *чилиг* «ствол ружья» // *чилиг* «ось (телеги)»; *чыгжа* = «похоронить (покойника)» // *чыгжа* = «хранить вещи где-либо»; *эрт* = «издавать звук» // *эрт* = «гоняться (о копытных животных)»; *эрт* = «обогнать, пройти мимо» // *эрт* = «пройти каким-либо местом»; *һүн* «солнце» // *һүн* «день»; *көк* «синий» // *көк* «зеленый» // *көк* «трава (растущая)» // *көк* «сено»; *няңгылан* = «раздаваться (об эхо)» // *няңгылан* = «гудеть (о проводах)»; *кып* = «гореть (пламенем)» // *кып* = «угореть (угарным газом)»; *олырт* = «заставить сесть (человека)» // *олырт* = «поставить (например, посуду на стол)»; *сагыт* «торговля» // *сагыт* «стоимость»; *сиң* = «впитываться (о жидкости)», «перевариваться (о пище)» // *сиң* = «утонуть (о деревянном предмете)»; *тыгьрт* = «тянуть, тащить» // *тыгьрт* = «курить» // *тыгьрт* = «делать фарш» // *тыгьрт* = «кукусить, разорвать (о волке)»; *үн* «голос» // *үн* «последнее слово перед смертью»; *уре* = «побить (градом)», «испортить» // *уре* = «истратить (деньги)»; *үдү* = «сшивать берестяные полотна тонкими черемуховыми прутьями» // *үдү* = «зашнуровывать» // *үдү* = «шить кое-как, на скорую руку».

Хотя в тофаларском языке обнаруживается достаточное количество омонимов, различных по типу и причине появления в языке, они тем не менее в лексическом фонде языка не занимают большого места. Принадлежность компонентов омонимических рядов к различным частям речи, различие в сферах семантики и экспрессивно-стилистических свойствах слов-омонимов, а также контекст и речевая ситуация устраняют возможность смешения слов-омонимов. Тофаларский язык ничуть не испытывает затруднений и неудобств от наличия слов-омонимов.

3. Синонимы

Синонимы – это близкие по значению, но разно звучащие слова, выражающие не различные понятия, а скорее всего лишь оттенки одного понятия. Большинство синонимов в языке выступает как простые тождественные дубликаты для обозначения какого-нибудь понятия, а, называя одно и то же, они «...обычно называют это одно и то же по-разному – или выделяя в называемой вещи различные ее стороны, или характеризуя эту вещь с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы (обозначая одно и то же), как правило, не являются словами абсолютно идентичными друг другу как в отношении семантики, так и в отношении своих эмоционально-стилистических свойств»².

Различие между синонимами в тофаларском языке проходит по следующим признакам:

1) различие между оттенками в характерной для них семантике, когда какое-нибудь явление, предмет, действие характеризуется с различных сторон. Например: *агьрт* = «оставаться (самому)» и *қал* = «оставаться (вынужденно)»; *чилһи* = «просеивать (решетом)» и *элге* = «просеивать (ситом)»; *һүлүүпчиле* = «закрыть на замок» и *һаг* = «закрыть, запереть (вообще)»; *эттиң* «колотушка для сбивания шишек с кедра» и *моң* – такая же колотушка, но меньшего размера;

2) различие в эмоционально-экспрессивной окраске, то есть выражение различного субъективного отношения к предмету высказывания. Например: *аба* «мама» (ласкательно-звательное обращение) и *иһе* «мать» (общее нейтральное название); *биче* «маленький» (нейтральное назва-

¹ Р.А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1965, с. 51.

² Н.М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1964, с. 51.

ние) и *чараш* «маленький» (более ласковое); *чи*= «есть, кушать» (нейтральное) и *кет*= и *сыыр*= «жрать» (грубое); *анхай* «оленок до года» (нейтральное название) и *тарһыш* «оленок до года» (грубое, недоброжелательное название);

3) различие в способности вступать в соединения с другими словами. Например: *дөрү*= «родиться» (о животных), *үн*= «родиться» (о человеке); *түрген* «быстрый» (о реке, ручье), *дыырақ* «быстрый» (о человеке, животных, машинах и т.п.); *дырбақ* «когти» (белки, соболя, колонка и других мелких зверьков), *дыргақ* «ногти, когти» (собаки, волка, медведя и других животных).

Как видно из примеров, синонимы, называя одно и то же, как правило, чем-либо различаются между собой. Однако эти различия обязательно предполагают их номинативную общность, определяющую основное свойство синонимов – возможность замены в определенных контекстах и речевых ситуациях. Синонимы среди слов, относящихся к знаменательным частям речи, всегда выступают как лексические единицы, обозначающие одно и то же явление действительности. Эта их одинаковая номинативная функция и является тем стержнем, благодаря которому слова в лексической системе языка объединяются в синонимические ряды, различные в количественном отношении. В тофаларском языке наблюдаются:

1) двучленные синонимические ряды: *аза* // *қоош* «черт»; *атқыс* // *аьсқы* «сушилка для клубней сараны»; *баһай* // *чораанда* «плохо», «плохой»; *баьшқа өске* «иной, другой», «кроме»; *чүдүр*= // *қоьшита*= «вьючить, завьючивать»; *чираа* // *қара һаақ* «карликовая береза»; *иһиспен* // *иһиз уруғ* «близнецы»; *мүнэлиғ* // *тоьпрақтығ* «мутный (о воде)»; *дараа* // *дарығ гөк* «зерновые злаки»; *долу* // *иьшитіғ* «полный, наполненный»;

2) многочленные синонимические ряды: *аш нем* // *аш чишикин* // *нем* // *чишикин* / *циир чүме* // *һүнезин* «пища, еда, продукты питания»; *һендир үзү* // *дарығ үзү* // *сабаан үс* «растительное масло»; *ирезанна*= // *чоорһанныгла*= // *қузуқтаарла*= // *қаһәрарлаңна*= «охотиться на медведя»; *қур* // *қуришақ* // *шарық* «обруч на бочке».

Как в двучленных синонимических рядах, так и в многочленных можно выделить основное слово, так называемую доминанту, определяющую характер всего синонимического ряда. В качестве доминанты выступает слово, представляющее собой стилистически нейтральную лексическую единицу, по отношению к которой синонимичны все остальные члены ряда, синонимичные также и между собой.

В системе тофаларского языка наблюдаются и такие синонимы, которые в настоящее время по своему значению и отношению к контексту совершенно не различаются. В языкознании эти синонимы носят название «абсолютные синонимы». В тофаларском языке число их невелико. Например: *аамай* // *тэлемер* «глупый»; *һаиш* // *һабақ* «отлогий косогор»; *қағ*= // *сал*= «положить»; *қағдыр*= // *салдыр*= «заставить положить».

К числу абсолютных синонимов относятся также и однокорневые слова, образованные при помощи синонимичных аффиксов. Например: *аазатпай* // *аазадық* «открыта (о плашке)»; *ақсыңғы* // *ақсың* «беловатый»; *нятчақ* // *нятқал* «стеснительный, стыдливый». Возможно, между этими абсолютными синонимами и существуют некоторые едва уловимые различия, но материал по современному тофаларскому языку пока не позволяет определить их дифференциацию.

В тофаларском языке наблюдаются случаи, когда членом синонимического ряда становится или устойчивое выражение, или словосочетание. Например: *чудуқ* «бревно, колода» // *өг неце* «бревно» (букв. «дерево дома»); *қорһоқ* «трусливый» // *чымцақ чүректіғ* «трусливый» (букв. «с мягким сердцем»); *һагдан* «прошлогодня трава» // *һур гөк* «прошлогодня трава»; *қоптан*= «сплетничать» // *қоп таьһи*= id. (букв. «разносить сплетни»); *қыьшитық* «зимовка» // *қыьшитаар чүьрт* id. (букв. «стойбище для зимования»).

Проблема синонимии в языках часто осложняется многозначностью самих слов, образующих те или иные синонимические ряды. Все зависит от контекста и особенностей употребления слова. Многозначные слова только одним из своих значений входят в состав того или иного синонимического ряда. Иногда одно и то же слово разными своими значениями одновременно входит в разные синонимические ряды. Например: *чэьһиқ* «скрытый, тайный» // *чыьпық* «закрытый, скрытый», а *чыьпық* // *һағлығ* «закрытый, замкнутый» (о двери, воротах, калитке); *беьктэ*= «беречь, оберегать, сберечь» // *қамна*= «беречь, сберечь, щадить», а *қамна*= «щадить» // *осқур*= «щадить»; *боьш* «пустой, ненаполненный» // *һос* «пустой», «полый» // *қуруғ* «пустой» // *иьшитиш йоқ* «пустой, ненаполненный».

В любом языке синонимия – явление глубоко национальное, даже в системе генетически родственных языков, и создается она или своими языковыми средствами, или за счет пополнения

словарного состава жаргонной, диалектной лексикой (например, алыгджерское *қағқ* «пойди, поезжай») (букв. «бей») употребляется наряду с общетофаларским *бар* «пойди, поезжай»; гутаринское *ур* «поезжай, пойди» (букв. «дуй») – наряду с общетофаларским *талый* «пойди, уйди, поезжай»; гутаринское *үзе қағ* «приезжай» (букв. «оборви») – наряду с общетофаларским *кел* «приезжай»), или в результате усвоения иноязычных слов (например, *ала* «пегий, пестрый (масть)» (тоф. слово) // *алақ* id. (< ср.-монг. *alay* «пегий»); *сағыцы йоқ* «бестолковый» (тоф. слово) // *тоолһасы йоқ* id. (< русск. *толк*); *тадығлығ* «вкусный, сладкий» (тоф. слово) // *амданнығ* id. (< ср.-монг. *amtan* «вкус»); *тосқанақ* «град» (тоф. слово) // *мөндүр* id. (< ср.-монг. *möndür* id.).

Довольно развитая синонимика тофаларского языка дает большие возможности говорящему более точно выразить свои мысли, делает речь более выразительной и красочной, способствует выражению тонких оттенков мысли, устраняет однообразие в речи и способствует развитию и совершенствованию языка.

4. Антонимы

В системе лексики современного тофаларского языка многие слова связаны между собой и антонимическими отношениями. Слова-антонимы являются словами разного звучания, выражающими противоположные, но соотносительные друг с другом понятия: *бағқ* «плохо» - *эьккі* «хорошо»; *қағтығ* «твердый, жесткий» - *чымцақ* «мягкий» и т.п. Однако не все слова могут иметь свои антонимы. Их имеют только те слова, которые обозначают явления, имеющие качественное, количественное, временное или пространственное значения. Кроме того, не все слова, противопоставляемые по противоположности значений, являются антонимами. Как и для всех тюркских языков, для тофаларского языка не являются антонимами простые противопоставления, выраженные прибавлением отрицания: *улуғ* «большой» - *улуғ эмес* «небольшой»; *дағлығ* «гористый» - *дағ чоқ* «не гористый»; *соодаар* «говорить» - *соодавас* «не говорить» и др. Антонимами могут быть только такие разнокорневые слова, значения которых по указанным выше признакам допускают противопоставление. Например: *ағлығ* «широкий» и *тар* «узкий»; *аамай* «глупый» и *шецен* «умный, толковый»; *аар* «тяжелый», «дорогой» и *ниңеши* «легкий», «дешевый»; *аарығ* «больной», «болезнь» и *қадық* «здоровый», «здоровье»; *артық* «лишний» и *дутақ* «недостаточный»; *арығ* «чистый» и *һирліғ* «грязный»; *аш* «голодный» и *тодуқ* «сытый»; *бай* «богатый» и *түреңі* «бедный»; *балар* «небрежный, неаккуратный», «неловкий, неумелый» и *шебер* «опрятный, аккуратный», «ловкий, искусный»; *бедік* «высокий» и *түһһүк* «низкий»; *чаагай* «добрый, добродушный» и *қылықтығ* «вредный, упрямый»; *читі* «острый (нож)» и *тыынбас* «тупой (нож)»; *чоогаиш* «близко, близкий» и *ырақ* «далеко, далекий»; *элээр* «трезвый» и *эьсірик* «пьяный»; *һылын* «толстый» и *чуга* «тонкий» (о плоских предметах); *мерген* «меткий» и *чазығ* «неметкий»; *мағһалығ* «веселый» и *үүдуньчуғ* «грустный»; *нөөн* «толстый» и *ниңге* «тонкий» (о предметах цилиндрической формы); *тэрең* «глубокий» и *сыыгаиш* «мелкий»; *тітім* «храбрый» и *қорһоқ* «трусливый»; *тоғқ* «крупный» (о шаровидном) и *шиңик* «мелкий»; *узун* «длинный» и *қығьсқа* «короткий»; *эи* «друг» и *өштүғ* «враг»; *чырық* «свет», «светлый» и *қараңғы* «тьма», «темный»; *һүн* «день» и *түн* «ночь»; *черлік* «жизнь» и *өлүм* «смерть».

Обычно антонимы имеют свои ряды противопоставляемых слов, могущие быть как двучленными, в случае, если противопоставляются только два слова (см. приведенные выше примеры), так и многочленными, если один член ряда или оба имеют свои синонимы, также вступающие в антонимические отношения с противопоставленными членами ряда. Например, слову *чүрексерээн* «ленивый» антонимами будут слова *ишиши* // *ишепци* // *беэрт* «работающий»; слову *қағтығ* «жесткий, твердый» - слова *чымцақ* «мягкий» и *һағ* «мягкий, рыхлый (как вата, снег)»; словам *теькке* // *дыыраққа* «быстро» - слова *арғалап* «медленно» и *арғалиит* «очень медленно»; слову *улуғ* «большой» - слова *биче* // *чараиш* «маленький» и *бичи* // *чариши* «очень маленький»; слову *ацығ* «горький, кислый» - слова *тадығлығ амтаннығ* «вкусный, сладкий»; словам *бағқ* // *чораанда* «плохой», «плохо» - слова *эьккі* // *беэрт* «хороший, добрый»; слову *һөнө* «прямой, ровный» - слова *һиир* // *түрүшкек* «изогнутый»; словам *биче* // *эбеш* «мало» - слова *көьп* // *көьфей* «много».

Так же, как и у синонимов, некоторые слова в одном значении могут иметь антоним, в другом – нет, или даже разные значения одного и того же слова могут иметь разные антонимы. Например, слово *боьш* означает «пустой», «свободный, незакрепленный», в этих значениях оно имеет

самостоятельные, независимые и несоотносимые друг с другом антонимы: *боьш* в значении «незакрепленный, свободный» имеет антонимом слово *наьқ* «прочный, закрепленный на месте», а *боьш* в значении «пустой, порожний» имеет антонимами слова *долу // иьштіг* «полный, заполненный»; слово *семис* «жирный, упитанный» в разных случаях может иметь разные антонимы: если речь идет о степени содержания жира, то антонимом его будет слово *сабаан* «постный, нежирный», если имеется в виду степень упитанности тела, то антонимами выступают слова *арық* «худой, тощий» и *тотуг* «истощенный».

Встречаются случаи, когда слово по своему значению является антонимом к разным словам, не связанным друг с другом. Например: *беһей* «крепкий» - антоним к слову *қоғжақ* «слабый (по силе)» и к слову *һеерик* «слабый (по прочности)»; *қырған* «старый» - антоним к *ниит* «молодой» и к *чеш* «молоденький», «новорожденный»; *аьһиқ* «открытый» - антоним к *һағлығ* «запертый, замкнутый (на замок)» и к *чыльық* «закрытый, покрытый»; *сооқ* «холодный», «холодно» - к *иьсиг* «горячий», «жарко» и к *чылығ* «тепло», «теплый»; *қурғағ* «сухой» - к *шық* «влажный» и к *өл* «мокрый».

Антонимы наиболее многообразно представлены среди качественных прилагательных и соответственных наречий, так как для появления антонимических отношений необходимо наличие качественного признака, который может иметь разные степени градации и доходить до противоположного. Среди существительных, взятых в прямых своих значениях, антонимы появляются гораздо реже, только там, где значениями существительных выражено нечто могущее быть сравнимым и иметь противоположность: *шын* «правда» и *һоорһа* «ложь, обман», *бай* «богач» и *түреңгі* «бедняк». Среди глаголов антонимов также очень мало: *ал* = «брать» и *бер* = «давать»; *тур* = «встать» и *олыр* = «сесть»; *кел* = «прийти» и *бар* = «уйти»; *маһала* = «веселиться» и *уйут* = «грустить»; *һат* = «потерять» и *туьп* = «найти» и некоторые другие.

В тофаларском языке антонимы тесно переплетаются с синонимами и многозначностью слов, так как в нем все категории и явления взаимосвязаны и образуют единое целое. Хотя антонимы и синонимы соприкасаются между собой, но это разные явления: для антонимов характерно противопоставление значений разнокорневых слов, для синонимов – смысловое сопоставление слов.

В тофаларском языке стилистические антонимы, участвующие в построении антитез, отсутствуют, зато устное народное творчество широко их использует, особенно в пословицах. Например: *қузуқ беьрт кишәә һамаан, баһай кишәә ши* «Кедровая шишка работающему человеку помеха, нерадивому же – работа».

5. Табу слов и эвфемизмы

Охотничий промысел издавна и поныне является одним из основных источников существования тофаларов, поэтому различные промысловые животные играли важную роль в их жизни. В языке тофаларов это выразилось наличием большого количества иносказательных и описательных названий животных, употребляющихся наряду с общетюркскими названиями. Кроме того, имеется ряд описательных названий и для змеи, хотя в охотничьем промысле она не играла никакой роли. Это, по-видимому, связано с культовыми представлениями в прошлом по отношению к змее (ср. культ змеи у тунгусских народов). Возникновение иносказательных и описательных названий для промысловых животных можно объяснить явлением табу слов¹, называвших предметы действительности, которые играли важную роль в жизни человека. Это явление связано с особыми религиозными представлениями, обожеествлявшими окружающую природу. Видимо, на какой-то стадии общественного развития предки тофаларов подвергли табуированию номинативные названия животных, игравших важную роль в охотничьем промысле и культовых представлениях. Вместо запрещенных слов появились разрешенные – эвфемизмы, которые и дошли до наших дней в виде этих иносказательных и описательных названий. В настоящее время явление табу у тофаларов не существует, о нем можно говорить только в историческом плане как о явлении, послужившем причиной появления в их языке эвфемистических названий следующих животных:

медведя: *ашняқ аң* (< *ашняқ* «мужик» + *аң* «зверь») букв. «мужик зверь». Оба слова имена су-

¹ Подробнее о табу см.: Д.К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1 – Запреты на охоте и иных промыслах. Л., 1928; О.Н. Трубачев. Из истории табуистических названий. «Вопросы славянского языкознания», вып. 3. М., 1958; Учебные пособия по общему языкознанию авторов Реформатского, Будагова, Булаховского и др.

ществительные, по функции *ашняк* является приложением; *чер өзлүг аң* букв. «зверь с земляным домом» - атрибутивная конструкция, в которой атрибут выражен прилагательным, образованным аффиксом обладания *-лүг* от существительного *өз* «дом», имеющего в свою очередь свое определение *чер* «земляной»; *чоорһанныг* букв. «имеющий одеяло» - субстантивированное прилагательное, образованное аффиксом обладания *-ныг* от существительного *чоорһан* «теплое одеяло из шкуры»; *ире* букв. «предок, прадед» (для названия самца) – существительное в им. пад.; *энэ* букв. «прабабка» (для названия самки) – существительное в им. пад.; *иърһек* – слово употребляется для названия взрослого самца медведя, восходит к др.-тюрк. *irkäk* «самец», сохранившемуся в этом значении во многих современных тюркских языках. Существительное в им. пад.; *ирезаң* (< *иресе аң*) букв. «зверь-его прадед». Приложением к слову *аң* «зверь» выступает существительное *ире* «прадед» в форме принадлежности 3-го лица ед. числа; *оол ирһек* – сочетание слов, употребляется для названия медведя трех лет. Слово *оол* «парень» - существительное, об *иърһек* сказано выше; *кузуктаар* букв. «шишкующий» - субстантивированное причастие наст.-буд. времени от глагола *кузукта*= «добывать кедровые шишки, шишковать»; *кузуктаар аң* букв. «шишкующий зверь» - атрибутивная конструкция, в которой атрибут *шыйдыңгалаар* является причастием наст.-буд. времени от глагола *шыйдыңгала*= «запутывать след» (о медведе, перед тем, как ему лечь в берлогу);

волка: *челер аң* букв. «рысящий зверь» - атрибутивное сочетание, в котором атрибут *челер* «рысящий» представляет собой причастие наст.-буд. времени от глагола *чел*= «рыситься»; *кудуруктуг* букв. «имеющий хвост, хвостатый» - субстантивированное прилагательное, образованное аффиксом обладания *-туг* от существительного *кудурук* «хвост». Интересно сравнить долганское название волка – *кутуруктаах* «хвостатый», представляющее по своей форме образование, аналогичное тофаларскому, и эвенкийское – *иргичиш*, букв. «хвостатый» (эвенк. *ирги* «хвост»); *даг чүмези* букв. «горная вещь» - изафетная конструкция, в которой существительное *даг* «гора» стоит в форме неоформленного родительного падежа, а слово *чүме* «вещь» - в форме принадлежности 3-го лица ед. числа; *даг чыдыы* букв. «горная собака» - изафетная конструкция, по форме аналогичная предыдущей; *даг ээзиниң чыдыы* букв. «собака горного хозяина» - изафетная конструкция с оформленным род. пад.;

собаки: *чыдыг* букв. «вонючая» - субстантивированное прилагательное. Зарегистрировано оно еще в языке древних тюрков в форме *jidiŋ* с тем же значением;

соболя: *чарацаң* (< *чараиш аң*) букв. «маленький зверь» - атрибутивная конструкция, в которой атрибут выражен прилагательным *чараиш* «маленький»; *алды* букв. «добыча» - существительное, образованное именным словообразовательным аффиксом *-ды* от глагола *ал*= «брать», «получать», «добывать»;

белки: *чараиш дииң* букв. «маленькая белка» - атрибутивная конструкция, в которой атрибутом является прилагательное *чараиш* «маленький»; *сыққырар* букв. «цокающая» - субстантивированное причастие наст.-буд. времени от глагола *сыққыра*= «цокать (о белке)»;

косули: *аьһнай аң* букв. «оленок-зверь» - приложением является существительное *аьһнай* «оленок»;

кабарги: *азыгыг* букв. «клыкастый» - субстантивированное прилагательное, образованное аффиксом *-лыг* от существительного *азыг* «клык». Выступает как название самца кабарги; *шубараш* (< *шубар аш*) букв. «пестрая пища» - по происхождению – атрибутивная конструкция. Ее компоненты: существительное *аш* «пища» и прилагательное *шубар* «пестрый». Сейчас представляет собой одно слово, в котором составные части не осмыслены, и употребляется как общее нейтральное название кабарги;

изюбря: *сарыһаң* (< *сарыг аң*) букв. «желтый зверь» - атрибутивная конструкция, в которой атрибутом выступает прилагательное *сарыг* «желтый»;

лося: *улуһаң* (< *улуғ аң*) букв. «большой зверь» - атрибутивная конструкция, в которой атрибутом выступает прилагательное *улуғ* «большой»;

глухаря: *куъиш* букв. «птица» (употребляется как общее название глухаря, ср. як. *кус*, исторически обозначавшее «птица», сейчас – «утка») – по форме слово представляет собой существительное; *карагуъиш* букв. «черная птица» (употребляется для названия самца) – атрибутивная конструкция, в которой атрибутом является прилагательное *кара* «черный». В некоторых тюркских языках сочетание *кара куш* употребляется для названия орла (например, башк. *карагош*, каз. *карагус* «орел»); *сарыгуъиш* букв. «желтая птица» (употребляется для названия самки) – атрибутивная конструкция, в которой атрибутом является прилагательное *сарыг* «желтый»;

змеи: *чер балыы* букв. «земляная рыба» - изафетная конструкция, составляющие элементы которой *чер* «земля» в форме им. пад. и *балық* «рыба» в форме принадлежности 3-го лица ед. числа; *дағ балыы* букв. «горная рыба» - изафетная конструкция, составляющие элементы которой *дағ* «гора» в форме им. пад. и *балық* «рыба» в форме принадлежности 3-го лица ед. числа; *узун куьрт* букв. «длинный червь» - атрибутивная конструкция, в которой атрибутом является прилагательное *узун* «длинный», определяемым – *куьрт* «червь».

Приведенные выше эвфемизмы представляют собой в основном описательные названия, причем в основу положен какой-либо характерный признак животного, присущий только ему одному. Иногда названия даются по ряду характерных признаков. Такое обилие эвфемистических названий, например, для медведя является следствием особого отношения к нему: у тофаларов до недавнего времени существовал культ медведя и все связанные с этим ритуалы. Медведь играл большую роль в культовых представлениях, поэтому в тофаларском языке утрачено общетюркское его название, а вместо него в качестве номинативного употребляется слово *ирезаң* «зверь-предок». Видимо, предки тофаларов, как и ряда других сибирских народов, считали своим предком медведя. Недаром медведя-самца тофалары называют *ире* «прадед, предок», а самку – *энэ* «прабабка». Описательные названия медведя состоят из тонко подмеченных характерных черт в его поведении и образе жизни в разные времена года. Это и зверь, имеющий земляной дом, то есть берлогу, и зверь, имеющий одеяло – свою теплую шкуру, зверь, имеющий сало, зверь, добывающий кедровые орехи (почти единственную его пищу осенью), зверь, запутывающий след перед тем, как лечь в берлогу. Многие названия частей тела медведя также по происхождению эвфемистические. Так, медвежье мясо называется не *эйт*, а *қызар* (букв. «краснеющее»); медвежий жир – не *чағ*, а *қаһьярар* (букв. «белеющее»); когти – *салбар*; фаланги пальцев – *мүдүргүш* (букв. «спотыкашки»), раньше их пришивали детям на одежду, чтобы они не спотыкались); шкура – *чоорһан* (букв. «теплое одеяло»); голова – *чуьтуғ учу* (букв. «конец бревна, колоды»); глаза – *элеңнәш* (букв. «мелькашки», от глагола *элеңнә* = «мелькать»); ухо – *буьтуқ дөзө* (букв. «корень сучка») или *шымыраш* (от глагола *шымыр* = «слушать – о медведе»); жир на его спине – *дон* (букв. «шуба»); ребра – не *эзги*, а *чечәқ*; конец грудинки – не *дөш баһи*, а *һерәәсе* (букв. «крест»); зубы – не *дiш* и не *азығ*, а *шөйутқу* (от глагола *шөйут* = «укусить – о медведе»); сердце – *дiсiләғиш* (от глагола *дiсiлә* = «биться – о сердце»); нос – не *һаай*, а *чыттаа* (от глагола *чытта* = «нюхать»); след медведя – не *ис*, а *шыйдыңға*. Для обозначения некоторых действий, совершаемых медведем, употребляются другие глаголы. Например: *элеңнә* = «смотреть» (букв. «мелькать»); *шымыр* = «слушать», а не *дыңна*; *шөйут* = «укусить», а не *дiште* или *ығысыр*; *чытта* = «нюхать»; *аң баьсқан* «медведь задавил» (букв. «зверь придавил»); *аң нёөләғи* «медведь помял» (от глагола *нёөле* = «чуть задеть, слегка коснуться»). Действия, совершаемые охотниками на медвежьей охоте, также табуированы и носят эвфемистические названия. Например: *дағжат* = «стрелять в медведя» (букв. «заставить прозвучать») вместо *боола* = «стрелять»; *булут тыьрт* = «собирать народ на помощь, чтобы идти совместно добывать медведя» (букв. «тянуть облака»); *бедiктә* = «искать берлогу» (букв. «ходить по горе»); *сөлтөңне* = «найти берлогу» (букв. «выжить из ума от старости»); *шыйдыңғала* = «искать медведя по следу» вместо *исте* = «следить»; *буьтуқ учу қааста* = «варить и есть голову медведя» (букв. «украсить конец бревна») вместо *ирезаң баһин паиштааш чи*; *шыйбаишта* = «обдирать шкуру медведя» вместо *сой* = «обдирать». Некоторые предметы, используемые на медвежьей охоте, также носят во время охоты иные названия. Например, нож на медвежьей охоте уже не *пишек*, а *шыйныр* (букв. «пишущий»); топор – не *сүге*, а *тоьһорго дуньчуу* (букв. «нос дятла»); собака – не *чыдығ*, а *қудуруқтуғ* (букв. «хвостатая», то есть «волк»); лаять (о собаке) – не *ээр*, а *димгир* (букв. «шуметь, тарыхтеть»). Когда охотники убьют медведя, они троекратно кричат слово *кишк*; когда медведя привозят в аал, население аала должно троекратно прокричать это же слово. Ср. аналогичное слово *куук* у эвенков и *ках* – у якутов. Раньше у тофаларов существовал обряд съедания вареной медвежьей головы и захоронения на дереве разрисованного углем черепа медведя. При кочевом быте, вплоть до 30-х годов, все эти обряды соблюдались. В настоящее время многие обряды уже не совершаются.

Змея, видимо, тоже играла свою роль в культовых представлениях тофаларов, поэтому все эвфемизмы ее представляют собой иносказательные названия. Общетюркское название змеи – *чулан* – в тофаларском языке сохранилось.

В описательных названиях других зверей также представлен какой-либо характерный для них и выделяющий их признак. Например, волк назван «рысящий зверь», так как волки обычно бега-

ют рысцой; лось – «большой зверь» по его громадным размерам; изюбрь – «желтый зверь» по его желто-бурой окраске.

С точки зрения грамматической структуры почти все эвфемизмы представляют собой различные атрибутивные конструкции, в образовании которых участвуют прилагательные, причастные глагольные формы и существительные, выступающие в качестве слов-приложений. Встречаются застывшие формы личной принадлежности существительных, изафетные конструкции и самостоятельно употребленные прилагательные, причастия и существительные.

Все приведенные выше эвфемизмы употребляются в повседневной речи тофаларов как нейтральные номинативные названия животных. С позиций современного тофаларского языка все эти названия только по происхождению, так сказать, исторически являются эвфемизмами. Подвергнутые табуированию и замене эвфемизмами прежние их номинативные названия (в основном общетюркские) в современном языке отошли в разряд эмоционально-экспрессивной лексики и употребляются теперь в качестве грубых, неодобрительных названий. Причем номинативные названия медведя (ср. др.-тюрк. *adiy*), соболя (ср. общетюрк. *кеш*, *киш*), лося (ср. общетюрк. *булан*, *болан*) в тофаларском языке утрачены, а вместо них употребляются некоторые эвфемизмы. Это объясняется утратой явления табу, в результате чего эвфемизмы входят в обычную речь, а табуированные названия переосмыслились в употреблении и перешли в разряд эмоционально-экспрессивной лексики. Таким образом, слова *бөрү* «волк», *ыт* «собака», *алды* «соболю», *диш* «белка», *тоорго* «кабарга», *буур* «лось», *сыын* «изюбрь», *боршика* «глухарь», *чулан* «змея» для современного тофаларского языка уже не являются нейтральными номинативными названиями и могут рассматриваться как таковые только исторически. В синонимических рядах слов, возникших в результате явления табу, место доминанты заняли эвфемизмы, табуированные же номинативные названия превратились в эмоционально-экспрессивные синонимы по отношению к новым доминантам. Интересно отметить, что в случае наличия нескольких эвфемизмов для названия одного животного, доминантой выступает только один из них, став общепринятым нейтральным номинативным названием этого животного. В настоящее время в тофаларском языке роль номинативных названий этих животных выполняют следующие эвфемизмы: медведь – *ирезаң*, волк – *кудуруктуз*, собака – *чыдыз*, соболю – *чарацаң*, кабарга – *шубараиш*, изюбрь – *сарыһаң*, лось – *улуһаң*, косуля – *анһай аң*, змея – *чер балыы*, глухарь – *куьш*. Это явление распространилось на названия не всех животных. Например, белку, как и во всех тюркских языках, называют словом *диш*. Оно является основным номинативным названием. Без специальных этнографических исследований невозможно объяснить, почему это явление произошло с названиями только отдельных животных.

Таким образом, явление табу слов сыграло в свое время значительную роль в тофаларском языке. Оно привело, во-первых, к замене ряда прежних номинативных названий животных новыми, являющимися по происхождению эвфемизмами, во-вторых, к образованию в языке новых синонимических рядов слов, в которых доминантами стали эвфемизмы, а номинативные слова – их эмоционально-экспрессивными синонимами, и, в-третьих, послужило причиной появления ряда новых слов и изменения значения некоторых старых.

Глава III

СИСТЕМА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Условно-непроизводные основы

Словарный состав современного тофаларского языка, как и любого языка, представляет собой продукт исторического развития. Коммуникативная функция¹ и способность к отражению окружающей человека реальной действительности² обуславливают, как известно, непрерывное развитие языка, всех его систем и уровней, в том числе и словарного состава.

Тофаларский язык тоже обнаруживает сложный лексический состав. В нем выявились пласты лексики тюркского происхождения³. Вся лексика, кроме заимствованной, представляет собой либо основы, состоящие из одного непроизводного корня, либо основы, созданные по образцу того или иного словообразовательного типа. При этом непроизводные основы могут считаться таковыми лишь на данном синхронном срезе языка, поскольку в диахроническом аспекте они наоборот могут оказаться производными, но с утерянной для современного состояния языка мотивирующей основой. Так, например, слово *элдік* «рукавица» для современного тофаларского языка является непроизводным, так как в нем отсутствует мотивирующая основа *эл-*, хотя аффикс *-дік* в нем представлен в одном из словообразовательных типов. Лишь на этимологическом уровне, привлекая данные других тюркских языков, в частности древнетюркского, в котором зафиксирована основа *el* «рука, кисть руки», мы можем установить, что тофаларское слово *элдік* «рукавица» по своему происхождению является производным. Аналогичный анализ, например, слов *ағды* «лестница», *шапты* «щепка», тоже показывает, что и они, являясь непроизводными для современного тофаларского языка, фактически оказываются производными в историческом плане. Так, *ағды* «лестница» содержит в себе элемент **ағ=*, который можно отождествить с др.-тюрк. *ау=* «подниматься (вверх), восходить»; подниматься (на возвышение)», а лексема *шапты* «щепка» образована от **шап=*, которое сопоставимо с др.-тюрк. *сар=* «хлестать, стегать», кирг. *чап=* «рубить» и т.п.

Поскольку в данной главе речь идет о словообразовательной системе современного тофаларского языка, подобные основы целесообразно считать непроизводными. Учитывая же то, что на этимологическом уровне они все-таки разложимы на мотивирующую основу и словообразовательный формант, их следует назвать условно-непроизводными основами.

Как известно, основу словарного состава любого языка составляет некое ядро, определенное количество лексем, являющихся условно-непроизводными и имеющими параллели в группе родственных языков. Это ядро определяет лексическое лицо языка, позволяет относить его, используя, разумеется, кроме этого также ряд других признаков, фонетических, грамматических и т.п., к той или иной семье языков. Тофаларский язык тоже имеет такое лексическое ядро условно-непроизводных основ, охватывающих все части речи и имеющих параллели в других тюркских языках. Среди имен существительных это разнообразные названия реалий неживой и живой природы, отвлеченные понятия, такие, например, как⁴:

а) неживая природа: *аьрһа* «северный склон горы», *даг* «гора», *һөл* «озеро», *ой* «ручей», *қр* «горный хребет», *таш* «камень», *һум* «песок», *тус* «соль», *суғ* «вода», *булут* «туча, облако», *даң* «утренняя заря», *ыш* «дым», *от* «огонь», *өьрт* «пожар»;

б) живая природа: *аьртыш* «можжевельник», *оьт* «трава», *қадың* «береза», *бөрү* «волк», *дiлги* «лиса», *һодан* «заяц», *аьт* «конь», *һулун* «жеребенок», *бот* «тело, туловище», *төш* «грудь», *бут* «нога», *қулақ* «ухо», *түш* «сон», *күш* «сила», *үн* «голос»;

в) человеческое общество: *ата* «отец», *оол* «сын», *қыс* «дочь», *киши* «человек», *эш* «друг», *бег* «начальник», *чаа* «война», *һул* «батрак», *ээ* «хозяин», *өг* «дом», *қап* «мешок», *қур* «пояс, кушак», *һобус* «музыка»;

г) отвлеченные понятия: *һөөл* «душа, желание, настроение»; *шағ* «время», *шын* «правда», *чыл* «год», *эл* «удобство, лад», *аай* «толк, суть, порядок» и т.п.

¹ См.: Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970, с. 9-11.

² См.: То же, с. 13-17.

³ Подробнее об этих пластах см.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 71-125.

⁴ Подробнее см.: Рассадин В.И. Указ. соч., с. 72-75.

Все и подобные им непроизводные имена существительные являются по сути дела той основой, на которую опираются все словообразование новых имен существительных, расширяющих арсенал названий предметов и явлений окружающего человека мира, реальной действительности, с которой человек взаимодействует.

Самыми древними основами прилагательных тоже являются непроизводные и условно-непроизводные основы, каковые представлены преимущественно качественными прилагательными. Они обозначают в основном качественные признаки, формы и размеры, качественные состояния, цвета, масти. Например: *аар* «тяжелый», *бай* «богатый», *тар* «узкий», *улуз* «большой», *нёон* «толстый», *беэк* «крепкий, прочный», *баэк* «плохой», *боъи* «пустой», «свободный», *өл* «мокрый», *доң* «мерзлый», *шык* «влажный», *дэрең* «глубокий», *дэң* «равный», *дүс* «ровный», *няа* «новый», *өске* «другой», *оң* «правый», *ақ* «белый», *көк* «синий», *қара* «черный», *сарыг* «желтый» и т.п.¹. Но таких основ в современном тофаларском языке относительно немного. Гораздо больше имеется производных основ качественных и в основном все основы относительных прилагательных.

Кроме того, в тофаларском языке, как и вообще в тюркских языках, наблюдается способность многих из этих непроизводных прилагательных выступать в роли имен существительных, то есть своеобразный синкретизм основ, например: *ак* «белый» и *ак* «белизна»; «белок»; *өл* «влажный» и *өл* «влага», *нёон* «толстый» и *нёон* «толщина», *аар* «тяжелый» и *аар* «тяжесть», *ала* «пестрый» и *ала* «пестрота» и т.п. Это является, видимо, наследием той эпохи в развитии тюркских языков, когда еще не было лексико-грамматической дифференциации имен².

Непроизводными являются в тофаларском языке и все основы количественных числительных от единицы до десятка, а также для ста: *бір*, *бірәә* «один», *иъһи* «два», *үш* «три», *дөрт* «четыре», *беш* «пять», *аьлты* «шесть», *чеді* «семь», *сеъһес* «восемь», *тоъһос* «девять», *он* «десять», *чүс* «сто». Числительное тысячичи «тысяча» является заимствованием из русского языка. Относительно *бірәә* «один» следует отметить, что исторически по своей форме оно представляет собой древнее собирательное числительное *biräqü*³ «один», перешедшее в тофаларском языке в разряд количественных.

Некоторые количественные числительные в тофаларском языке имеют свои синонимы. Так, синонимами числительного *бірәә* «один» в определенных случаях являются слова *нюңгус* «один» и *саарсык* «один из парных предметов». Эти слова могут заменять числительное *бірәә* только тогда, когда оно употребляется в качестве определения.

Синонимом числительного *чүс* «сто» может выступать словосочетание *биче сан* «малое число», но только в том случае, когда числительное употребляется субстантивно. Например, *мен оңға биче санны берген мен* «я ему дал сотню».

Числительное *тысычичи* «тысяча», употребляясь субстантивно, тоже имеет свой синоним *улуз сан* «большое число». Например: *оңда улуз сан чийткен* «у него пропала тысяча».

Когда количественные числительные выражают счетное понятие (понятие отвлеченного числа), отвлеченного от конкретных предметов, они уподобляются именам существительным и поэтому могут принимать все те словоизменительные аффиксы, которые свойственны лишь субстантивам: формы падежей, принадлежности, числа. Количественные числительные при этом могут быть теми же членами предложения, что и существительные. Примеры: *бешті беш када алыр иһән беш болыр* «пять умножить на пять – получится двадцать пять», *үшке бешті немээр сеһес болыр* «к трем прибавить пять – получится восемь», *бешті бешке үләэр бірер болыр* «пять разделить на пять – получится один», *ондан сеһесті қунар иһи артар* «от десяти отнять восемь – получится два», *он алтыдан көъпей* «десять больше шести», *оларыңның аьлтысы йоқ болған* «шесть из них исчезли».

Среди глагольных основ современного тофаларского языка тоже довольно много непроизводных, даже таких, происхождение которых сейчас невозможно установить и этимологическим путем. Эти же основы распространены и в других тюркских языках, являясь общетюркским достоянием. К таким основам относятся, например:

1) глаголы движения: *аьқ* = «течь», *аш* = «переваливать через гору», *бар* = «идти, уходить», *чаг* = «идти – об осадках», *чел* = «бежать рысью», *чору* = «ехать, двигаться», *кел* = «приходить», *көъиш* = «кочевать», *қашыш* = «убегать», *уъиш* = «лететь»;

¹ Более полный перечень подобных основ см.: Рассадин В.И. Указ. соч., с. 75-76.

² См.: Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л.: Наука, 1977, с. 108-109.

³ См.: Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969, с. 101.

2) глаголы состояния: *ачы* = «киснуть», «горчить», «щипать», «разъедать», *ас* = «заблудиться», *ары* = «быть чистым», *беди* = «быть высоким», *бил* = «знать, уметь», *бол* = «быть, становиться», *эри* = «таять, плавиться», *чылы* = «быть теплым», *куру* = «сохнуть», *доң* = «мерзнуть, замерзнуть»;

3) глаголы физиологических действий: *аары* = «болеть», *акса* = «хромать», *эм* = «сосать грудь», *эсьири* = «опьянеть», *чи* = «есть», *дайна* = «жевать», *тот* = «насыщаться», *төрү* = «рождаться», *тын* = «дышать», *өл* = «умирать», *қыры* = «стариться», *сагын* = «помнить»;

4) глаголы действия, направленного на другой предмет: *ал* = «брать», *аъс* = «вешать», *аъиш* = «открывать», *бус* = «ломать», *бер* = «давать», *бог* = «душить», *чат* = «стелить», *чаг* = «мазать жиром», *чаъса* = «делать, строить», *чу* = «мыть», *чуг* = «ронять», *чул* = «выщипывать», *дэг* = «касаться», *дiс* = «нанизывать», *ил* = «приколоть», *кет* = «одевать», *кеъс* = «резать, рубить», *қас* = «копать», *сал* = «класть», *шаък* = «ужалить», *тыърт* = «тянуть».

Обращает на себя внимание внешнее совпадение в ряде случаев глагольных основ с именными, о чем нами уже сообщалось¹. Например: глагольная основа *тын* = «дышать» внешне совпадает с именной *тын* «дыханье», глагольная основа *чаг* = «мазать жиром» - с *чаг* «жир, масло», *доң* = «мерзнуть» - с *доң* «мерзлый, застывший», *маргыш* = «соревноваться, состязаться, спорить» - с *маргыш* «соревнование, состязание, спор» и т.п. Такое явление характерно для всех тюркских языков². История изучения этого древнейшего состояния глагольных основ в тюркских языках и его подробный анализ с достаточно полным списком синкретических глагольно-именных основ в тюркских языках содержится в работе Э.В. Севортяна³, который не раз возвращался к этому явлению⁴. Он пришел к выводу, что «корневую глагольно-именную омонимию в тюркских языках правильнее рассматривать не как конверсию, а как выражение лексико-морфологического синкретизма, свойственного более ранним ступеням структуры тюркских языков. Вместе с тем нельзя исключать и возможности того, что древняя глагольно-именная омонимия в более поздние эпохи в отдельных тюркских языках (в староузбекском, турецких диалектах и др.) могла иметь тенденцию к перерастанию в конверсию, но последняя не получила развития. Поскольку корневую глагольно-именную омонимию можно рассматривать в качестве подпочвы тюркской лексики агглютинативного типа, то допустимо отнести ее к фактам доагглютинативного словообразования, которому в таком случае должно было бы соответствовать иное, доагглютинативное состояние тюркских языков»⁵.

А.М. Щербак, рассматривающий специально вопрос о происхождении глагола как части речи в тюркских языках и сложении словоизменительных форм глагола, поддерживает этот вывод. Он пришел к мнению, «что внешнее совпадение именных и глагольных основ в тюркских языках не является случайным и, по всей видимости, отражает своеобразие исторического процесса становления и развития частей речи. Факты глагольно-именной омонимии в древних и в современных тюркских языках, результаты проведенных в этой области исследований и, отчасти соображения теоретического порядка, подкрепленные ссылками на материалы не-тюркских языков, позволяет думать, что в тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначает и предмет и действие-состояние, т.е. был синкретичным»⁶.

В группу условно-непроизводных мы относим также все те наречия, морфологическую структуру которых пока не представляется возможность выявить, как опираясь на современный тофаларский язык, так и этимологически. Таких условно-непроизводных основ относительно немного. Это, например: *оода* «очень», *тың* «совсем», *дам* «самый, еще больше», *наък* «совсем», *дум-дам* «местами, кое-где», *арай* «еле, едва, на силу», *ольшаңга* «просто так, даром», *туйана* «тихонько, тайком», *аан* «немного погодя», *ара*, *элек* «преждевременно», *аъһа* «вот только что», *һары* «медленно», *үр* «долго», *эңір* «недавно (с неделю тому назад)», *бырый* «вовсе, совсем».

В процессе становления знаменательных частей речи и расширения вместе с развитием общества словарного состава для более полного отражения окружающей действительности в тофаларском языке, как в любом языке, произошло выделение из арсенала грамматических средств осо-

¹ См.: Рассадин В.И. Указ. соч., с. 132-134.

² См.: Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962, с. 359.

³ См.: То же, с. 359-447.

⁴ См.; например: Э.В. Севортян. Об «этимологическом словаре тюркских языков». – ВЯ. 1971, №6, с. 79-86.

⁵ То же, с. 85-86.

⁶ Щербак А.М. К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках. – ВЯ, 1975, № 5, с. 22.

бых показателей и способов для образования новых слов на базе уже имеющихся. Сложились синтетические, аналитические, синтаксические и т.д. приемы, включающие разнообразные словообразовательные типы или модели, используя которые носители языка могут образовать при необходимости новые слова. Среди этих приемов различаются неаффиксальные и аффиксальный. Рассмотрим их подробнее.

§ 2. НЕАФФИКСАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1. Лексико-семантический способ

Этот способ в первую очередь представляет лексикализация переносных значений слов. При этом наблюдаются случаи, когда в тофаларском языке слово бытует только в этом, исторически переносном значении и полностью утратило свое исконное общетюркское значение. Например: *һул* «батрак, работник» - ср. др.-тюрк. *qul* «раб, невольник», *оьк* «пуля» - ср. др.-тюрк. *oq* «стрела»; *бег* «начальник, председатель» - ср. др.-тюрк. *beg* «правитель, вождь, князь», *адақ* «складные сошки у ружья; завалинка дома» - ср. др.-тюрк. *adaq* «1) нога (человека и животного); 2) ножки, подставки (у предметов); 3) нижняя часть, основание».

Очень многочисленны случаи, когда наряду с новым, переносным значением, сохраняется и старое, основное. Лексикализация переносных значений, развившихся в языке под влиянием переноса наименований по сходству признаков (метафора), сходству функций и по смежности (метонимия) является в тофаларском языке довольно продуктивным способом образования новых слов, не используя средства морфологии и синтаксиса. Таким путем появились, например, следующие имена существительные: *оорһа* «конек крыши» < *оорһа* «спина»; *қур* «обруч у бочки» < *қур* «пояс, кушак»; *шуньчүк* «дверная петля, шарнир» < *шуньчүк* «тазобедренный сустав»; *өэн* «глухариный ток» < *өэн* «нерест рыбы» < *өэн* «игра» (ср. др.-тюрк. *oju* «игра»); *һин* «мускусная железа самца кабарги» < *һин* «пуп»; *оьт* «портянки» < *оьт* «трава» (потому что раньше ноги оборачивали сухой травой); *дүңнүк* «потолок избы, дома» < *дүңнүк* «дымовое отверстие чума, юрты»; *ыргай* «шомпол» < *ыргай* «кизилник» (потому что из этого растения раньше изготавливали шомпола для дробовых ружей); *таш* «грузило у рыболовной сети» < *таш* «камень».

В некоторых случаях новый глагол в тофаларском языке возник на почве полной лексикализации переносных значений исходной основы. В данном случае решающими явились процессы развития семантики, поэтому данный тип выделился как самостоятельный. Глагольных основ, возникших на основании этого способа в тофаларском языке немного. К ним, например, можно отнести *туьт* = «понимать, понять» - от первоначального *туьт* = «держат, ловить», *баьтыр* = «глотать, проглотить» - от *баьтыр* = «заставить спуститься вниз с горы и по речке», *туьһүр* = «фотографировать» - от *туьһүр* = «заставить слезть, спуститься», *бол* = «перестать, прекратить» (напр.: *өьскен цаарын болду* «дождь перестал», *сен цириң болдуң* «ты перестал есть») – от *бол* = «быть, стать, сделаться, случиться», *қаьқ* = «поехать, уехать» (алыгдж.) – от *қаьк* = «бить, ударять», *үр* = «уехать, поехать» (гутар.) – от *үр* = «дуть». Последняя основа напоминает русское *дуй* в смысле ухода и, возможно, возникла под влиянием русского языка.

2. Лексико-морфологический способ

Образование новых знаменательных слов в тофаларском языке происходит в некоторых случаях также за счет лексикализации отдельных морфологических форм других частей речи. Так, среди имен существительных мы наблюдаем лексикализацию следующих форм:

а) форм множественного числа, в результате чего образуются имена с собирательным значением, например: *ништэр* «молодежь», *қырганнар* «старики», *ақтар* «белогвардейцы, белые», *қызыллар* «красногвардейцы, красные», *төрүшкеннэр* «братья»;

б) причастных форм глагола, этот вариант распространен при создании слов-эвфемизмов, например: *сыққырар* «белка» (букв. «цокающая» < *сыққыр* = «цокать – о белке»), *қызар* «мясо медведя» (букв. «краснеющее» < *қыз* = «краснеть»), *қаьһярар* «внутреннее сало медведя» (букв. «белеющее» < *қаьһяр* = «белеть»), *ушар* «водопад» (видимо < *ушар суз* «летающая вода» < *уш* = «лететь», ср. совр. тоф. *уьш* = «лететь», если бы *ушар* было произведено от этой основы, то оно произносилось бы *уһяр*, но видимо, оно было взято предками тофов у древних тюрков уже готовым и

они не связывали его этимологически со своим *уш* = «лететь», которое получило фарингализацию).

Довольно распространена окказиональная субстантивация, главным образом причастий, инфинитивов, форм порядковых числительных. Например: *оңнуң ында чорусу йок* «он там не ходит» (*чору* – причастие настоящего времени, означает «идущий, ходящий»), *ында турары йок, ыңгай чоруулу* «что там стоять, пойдём дальше», *тамыһы тығртары баһай* «курить табак – плохо», *иһишкисін көрдүм* «я увидел второго (из них)».

Кроме того, в тофаларском языке очень распространено образование новых слов за счет субстантивации основ слов, имеющих иное, чем субстантивность, категориально-грамматическое значение. Обычно в имена существительные переходят прилагательные, наречия, числительные, зачастую получая новое лексическое значение, как правило за счет метафорического переноса значения. Примеры: *чыдыг* «собака» (букв. «вонючая»), *қудуруқтуғ* «волк» (букв. «хвостатый»), *азығлығ* «самец кабарги» (букв. «клыкастый»), *чоорһаннығ* «медведь» (букв. «имеющий меховое одеяло»), *һләэмэ қъатыы* «корка хлеба» (< *қъатығ* «твердый»), *өштүғ* «враг» (букв. «имеющий мечь»), *қарақ қарасы* «зрачок у глаза» (< *қара* «черный»), *қарақ ағы* «белок у глаза» (< *ақ* «белый»), *қарақ тоғһо* «глазное яблоко» (< *тоғк* «круглый, шарообразный»), *һөл дәңі* «гладь озера» (< *дәң* «ровный»), *чүме узуну* «длина вещи» (< *узун* «длинный»), *chedi* «неделя» (< *chedi* «семь»), *иһи* «двойка» (< *иһи* «два»); *буруңғаары* «восток» (< *буруңғаары* «вперед»), *соңғаары* «запад» (< *соңғаары* «назад»).

Наречие как часть речи пополнялась и непрерывно пополняется за счет перехода в нее слов из других частей речи в той или иной присущей им грамматической форме, выступавших в обстоятельственной функции. Их полная лексикализация в этом употреблении привела к утрате своей первоначальной лексико-грамматической соотношенности. Адвербиализуются, как правило, различные формы существительных, прилагательные, числительные, деепричастные формы глаголов. Переходя в наречие, их словоформы приобретают значение обстоятельства, меры и степени действий, состояний, качеств и т.д. В связи с процессом лексикализации при переходе в наречия слов из других частей речи часто наблюдается сохранение в застывшем виде архаичных форм, которые вытеснены из языка новыми продуктивными образованиями.

В ряде случаев произошла адвербиализация самих основ слов, входящих в другие части речи (случай конверсии). Такое явление наблюдается у существительных (например, *тура* «утро» → *тура* «утром»: *тура қиш* «завтракать»; *кече* «вечер» → *кече* «вечером»: *кече қиш* «ужинать»; *бурун* «пространство впереди» → *бурун* «впереди»: *бурун чору бис* «мы идем впереди»); у числительных (напр., *иһи* «два» → *иһи* «дважды»: *иһи қонған бис* «мы провели две ночи»; *қағһи* «сколько» → *қағһи* «сколько раз»: *аң қағһи шураан?* «сколько раз зверь прыгал?»), но чаще встречается у прилагательных (напр., *ырақһи* «редкий» → *ырақһи* «редко, широко»: *ырақһи бағсар* «широко шагать, редкими шагами»; *чоогаһишы* «густой, частый» → *чоогаһишы* «густо, часто, мелко»: *чоогаһишы бағсар* «мелко шагать, частыми шагами»; *ольшаңға* «простой, обыкновенный» → *ольшаңға* «просто так, даром»; *һей* «пустой» → *һей* «зря, напрасно, впустую»: *һей лә бардың* «ты зря пошел»; *тэйтири* «обратный» → *тэйтири* «обратно, в противоположную сторону»; *баһнай* «плохой» → *баһнай* «плохо»; *беһней* «крепкий» → *беһней* «крепко»; *улуғ* «большой» → *улуғ* «очень, крупно»: *улуғ эки* «очень хорошо», *улуғ тынар* «глубоко вздохнуть»; *доора* «поперечный» → *доора* «поперек»: *доора кеһсер* «резать поперек»). Однако случаев конверсии, а, возможно, и остатков древнего синкретизма основ прилагательных и наречий относительно немного, пожалуй, все случаи здесь и перечислены. Обычно же при образовании наречий от прилагательных последние оформляются наречным показателем.

Гораздо чаще встречаются различные застывшие грамматические формы имен существительных и глаголов.

У существительных это формы архаичных пространственных падежей *-yaru*, *-tyn*, *-ra*, а также инструментального падежа *-un*¹. Например: *тағытын* «на улице, на дворе», *казын* «весной», *күзүн* «осенью», *бо қылын* «в этом году», *эһір қылын* «в прошлом году»; *қығһиқаары* «глубокой осенью, к зиме, ближе к зиме», *часқаары* «поздней зимой, под весну, ближе к весне», *чайғаары*

¹ Об этих показателях в тофаларском языке подробнее см.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 78; его же. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, с. 43, 48-49, 247.

«поздней весной, ближе к лету, под лето», *күскээри* «поздним летом, под осень», *кедээри* «повыше на гору», *шаары* «вверх» (< **joqary*), *аьтқаары* «назад – гл. обр. смотреть назад, повернув только голову» (< **artqary* < **art*, ср. др.-тюрк. *art* «спина, задняя сторона», тат. *артка* «назад»); *ындыртын* «оттуда, с той стороны», *соңзуртун*, *соңзартын* «с запада», *таьшитыртын* «снаружи», *үьстүртүн* «сверху» и т.п. Встретились единичные случаи оформления наречий показателем *-сы*: *турайсы* «наутро, наавтра» (< *турай* «завтра»), *тэкси* «быстро» (< *тэьк* «быстрый»). Характерен случай сохранения адвербиализованного древнего деепричастия на *-урап* в тофаларском наречии *чоруман* «мимо, мимоходом, проходя, походя» (ср. др.-тюрк. *joгурап*): *оң чоруман эьртти* «он прошел мимо».

Очень часто происходит адвербиализация слитных деепричастий на *=a/=e*, *=ы/=i*, *=y/=ү*, особенно от каузативных глаголов, например: *хайзы* «скользом, рикошетом» (< *хайыс*= «заставить срикошетить»), *чоруду* «на ходу» (< *чорут*= каузатив от *чору*= «идти»), *сундуру* «бегом» (< *сундур*= каузатив от *сун*= «бежать»), *няндыры* «обратно» (< *няндыр*= каузатив от *нян*= «возвращаться»), *өьткүрү* «насквозь» (< *өьткүр*= каузатив от *өьт*= «проходить сквозь, проходить насквозь»).

3. Лексико-семантический способ

Данный способ образования новых слов в тофаларском языке происходит за счет лексикализации различных синтаксических словосочетаний и конструкций. Он широко представлен у знаменательных частей речи. При этом рассматриваемый способ включает несколько разных словообразовательных типов.

Так, у имен существительных можно выделить следующие типы:

1) Сложение основ имен существительных предполагает соединение обычно двух разных основ в одну сложную основу, при этом сохраняется относительная фонетическая самостоятельность компонентов. В предложении новая сложная основа выступает как один член предложения, располагая одним лексическим и категориально-грамматическим значением, т.е. как одно слово. Основосложение в тофаларском языке имеет две разновидности:

а) Парное основосложение осуществляется путем равноправного сложения двух исходных простых основ, имеющих одно категориально-грамматическое значение (обычно в данном случае субстантивность), но разные лексические значения. Полученная сложная основа имеет обычно несколько иное лексическое значение, с оттенком собирательности, обобщения, а не просто сумму значений исходных основ. При этом происходит разная степень фонетического слияния исходных основ. Семантически оба компонента могут соотноситься друг с другом как синонимы, антонимы, либо видовые понятия, относящиеся к одному и тому же родовому понятию. Например: *уруг-дарыг* «дети» (*уруг* «ребенок» + *дарыг* «зерно, семя»), *оол-гыс* «дети, детеныш, птенец» (< *оол* «сын» + *гыс* «дочь»), *атгыьһе* «родители» (< *ата* «отец» + *ыьһе* «мать»), *аьһа-дуңма* «братья» (< *аьһа* «старший брат» + *дуңма* «младший брат»), *сээк-масс* «насекомые» (< *сээк* «муха» + *мас* «слепень»), *чер-суг* «страна, родина» (< *чер* «земля» + *суг* «вода») ¹, *аи-нем* «пища, провиант» (< *аи* «еда» + *нем* «еда»), *аи-чишикин* «пища, провиант» (< *аи* «еда» + *чишикин* «пища»), *қол-бут* «конечности» (< *қол* «руки» + *бут* «ноги»).

б) Атрибутивное основосложение представлено в тофаларском языке большей продуктивностью и большим разнообразием вариантов. Компонентами этого типа сложных имен выступают существительные, которые объединяются с определяемым в одно лексическое целое на основе подчинительного (атрибутивного) сложения. Разновидности этого типа основосложения в тофаларском языке следующие:

Сложение обычно двух основ существительных, из которых первое как бы уточняет содержание второго. По сути дела это настоящая атрибутивная конструкция, способ связи – примыкание. Этот тип основосложения является очень продуктивным. Примеры: *аян-киши* «путник, путешественник» (< *аян* «дальний путь, путешествие» + *киши* «человек»), *аян-қушқаш* «перелетные птицы» (< *аян* + *қушқаш* «птица»), *сай-қушқаш* «трясогузка» (< *сай* «галечник, галечная коса на реке, озере» + *қушқаш* «птица»), *аьнһай-аң* «косуля» (< *аьнһай* «теленек» + *аң* «зверь»), *ашняқ-аң* «медведь» (< *ашняқ* «мужик» + *аң* «зверь»), *аң-иби* «одичавший домашний олень» (<

¹ См.: Сейндов М.А. К вопросу о трактовке понятий *jersub* в древнетюркских памятниках. – СТ, 1973, № 3, с. 69.

аң «зверь» + *иби* «домашний олень»), *азыг-саһал* «запорожские усы» (< *азыг* «клык» + *саһал* «усы, борода»).

Соподчинительное сочетание двух основ существительных, из которых первое означает биологический род. Например: *эр чаһнаа* «жеребенок-самец до 2-х лет», *эһиі чаһнаа* «жеребенок-самка до 2-х лет»; *асқыр таққыняқ*, *эр таққыняқ* «петух», *эһиі таққыняқ* «курица».

2) Лексикализация простых определительных словосочетаний. В данном случае происходит образование новых терминов за счет утраты некоторыми свободными определительными словосочетаниями своего качества быть таковыми и закрепление за ними в результате метафорического переноса их семантики нового лексического значения. Словосочетание приобретает статус слова с лексическим и категориально-грамматическим значением. Этот способ очень распространен в тофаларском языке. В качестве простого определения выступают:

а) прилагательные: *һаһ-ары* «оса» (букв. «голая пчела»), *түктүг-ары* «шмель» (букв. «воло- сатая пчела»), *сарыг-цаг* «сливочное масло» (букв. «желтое масло»), *улуғ-баһи* «шуленга» (арха- зим) (букв. «большая голова»), *ацыг-суғ* «водка» (букв. «жгучая вода»), *улуғ-аң* «лось, сохатый» (букв. «большой зверь»), *сарыг-аң* «изюбрь» (букв. «желтый зверь»), *шубар-аһ* «кабарга» (букв. «пестрая пища»), *қызыл-аас* «птенец» (букв. «красный рот»), *улуғ-диң* «соболь» (букв. «большая белка»), *чадаг-тэргэ* «велосипед» (букв. «пешая телега») и т.п.

б) причастия: *челер-аң* «волк» (букв. «рысящий зверь»), *сағтчир-киши* «купец» (букв. «тор- гующий человек»), *немнэһир-өг* «столовая» (букв. «дом, где питаются»), *олыраһ-неһ* «скамья» (букв. «дерево, на котором сидят»), *чэһтпээн-һазаар* (гутар.) «недоуздок» (букв. «недостигшая узда»). Весьма продуктивны сочетания причастий со словом *чүме* «вещь, нечто», ставшим в дан- ном случае неким обобщающим формальным словом-субстантиватором. Например: *уһһяр-чүме* «птицы» (букв. «летающие»), *кедэр-чүме* «одежда» (букв. «нечто для одевания»), *циһр-чүме* «пи- ща» (букв. «нечто для съедения») и т.п.

3) Лексикализация изафетных конструкций также является довольно распространенным в то- фаларском языке способом образования новых терминов. Суть его в том, что два существитель- ных объединены приемом управления. Они представляют собой разновидность притяжательного определительного словосочетания. Определяемое в этом случае обязательно принимает аффикс принадлежности 3-го лица ед.ч. Определяющее существительное не получает оформления аф- фиксом родительного падежа, т.к. имеет здесь неопределенное обобщающее значение, указание на весь класс каких-либо предметов, которым присущ тот или иной предмет, явление или черта. Обобщающее содержание и позволяет этим словосочетаниям лексикализироваться и достичь выс- шей степени обобщения, абстракции – стать словом со своим (часто иным, отличным от значений компонентов) лексическим значением. Примеры: *сут суу* «сыворотка» (букв. «вода молока»), *қарақ суу* «слезы» (букв. «вода глаза»), *даг чыдын* «волк» (букв. «горная собака»), *һүн гызы* «са- мая маленькая мышь» (букв. «дочь солнца»), *ыһт қады* «черная смородина» (букв. «собачья яго- да»), *дуруйа қады* «клюква» (букв. «журавлиная ягода»), *шубараһ қады*, *доорго қады* «черника» (букв. «кабарожья ягода»), *даг балы* «змея» (букв. «горная рыба»), *чер балы* «змея» (букв. «земляная рыба»), *өг иһшти* «семья» (букв. «внутренность дома»).

При неаффиксальном словообразовании имен прилагательных в тофаларском языке применя- ется лишь лексико-синтаксический способ.

Одним из применяемых синтаксических приемов является основосложение. Этим способом в тофаларском языке образуются сложные прилагательные, обозначающие различные цвета, масти и их оттенки. При этом сложная основа состоит из двух основ прилагательных, из которых первое как бы определяет, уточняет второе. Получается тип атрибутивного основосложения. Примеры: *қара-бора* «темно-серый», *ак-бора*, *чырық-бора* «светло-серый», *чырық-һүрең* «светло- коричневый», *қара-сарыг* «темно-желтый», *қара-гөк* «темно-синий», *қызыл-доруг* «светло- рыжий», *қара-һүрең* «темно-бурый».

Также синтаксическим способом, способом сложения основ, образуются в тофаларском языке прилагательные со значением отсутствия того, что выражено в основе слова. При этом основа существительного может иметь, а может и не иметь аффикса личной принадлежности. В случае, если нет аффикса личной принадлежности, получается прилагательное с более обобщенным зна- чением, если же наличествует аффикс личной принадлежности, то речь идет о каком-то конкрет- ном лице и предмете, который у этого лица отсутствует. Вторым компонентом, в данном случае постпозитивным, выступает слово *чоқ* «нет, отсутствующий». Примеры: *қол чоқ* «безрукий», *қолу*

йок киши «безрукий человек», *эби йоқ* «бессовестный», *чүрээ йоқ* «ленивый» (букв. «бессердечный»), *үзүк чоқ* «беспрерывный», *даг чоқ чер* «место без гор».

Весьма распространены в тофаларском языке также отрицательные прилагательные, образованные при помощи отрицательной постпозитивной частицы *эмес*. При этом полученная сложная основа осознается как одно целое слово, т.к. при субстантивации падежные аффиксы принимает эта частица *эмес*. Примеры: *он чыт бле билген экки эместі* «он почувал недоброе», *аар эмес чуме туп ал* «найди себе что-нибудь нетяжелое», *узун эмес наришы оң халган* «он принес недлинные доски», *бай эмес киши* «небогатый человек».

Часто употребляются также сложные прилагательные, образованные путем соединения существительного с аффиксом принадлежности 3-го лица и производного либо непроизводного прилагательного. Например: *қаны биче киши* «малокровный человек», *сагычы қоғжақ киши* «слабоумный человек», *қараа соғур киши* «слепой человек», *қараа чығлақ киши* «человек с гноящимися глазами», *чеһи қара киши* «черноволосый человек». Эти формы полностью синонимичны формам с аффиксом *-лығ*. Так, сохраняя те же значения, можно сказать *биче каннығ киши*, *қоғжақ сагыштығ киши*, *соғур қарақтығ киши*, *чығлақ қарақтығ киши*, *қара чеһштығ киши* «черноволосый человек».

Для образования составных прилагательных в тофаларском языке используется также сложение основ прилагательных и наречий с антонимичными значениями, а также удвоение основ некоторых имен существительных. Например: *унуун-мунуун оруқ* «дороги с разными направлениями» (букв. «дороги оттуда и отсюда»), *һеректиғ-һерээ йок чуме* «всевозможные вещи» (букв. «нужные и ненужные вещи»), *қағт-қағт саазын* «бумага в несколько слоев» (букв. «слой-слой бумага»).

Очень продуктивны в тофаларском языке также сложные прилагательные уподобления, образованные присоединением к существительному послелога *дэг* «как, словно, будто, подобный». Например: *даг дэг* «подобный горе, горopodobный», *от тэг* «огнеподобный», *ай дэг* «луноподобный», *киши дэг* «человекоподобный».

При помощи лексико-синтаксического способа образуются в тофаларском языке и все количественные числительные после десяти. Сюда относятся:

а) Все названия десятков, которые образованы путем сложения двух основ по формуле: название соответствующей единицы + *он* «десять». При этом в ряде случаев произошло полное фонетическое слияние двух производных основ: *иһён* «двадцать», *үчен* «тридцать», *дөртэн* «сорок», *бечен* «пятьдесят», *аьлтон* «шестьдесят», *чедэн* «семьдесят», *сеһезон* «восемьдесят», *тоһозон* «девяносто». Однако твердой и единой нормы произношения этих числительных нет и параллельно бытует другое произношение, в котором слово *он* «десять» фонетически еще ощущается:

<i>иһён</i> – 20	<i>аьлтон</i> – 60
<i>үчен</i> – 30	<i>чедон</i> – 70
<i>дөртөн</i> – 40	<i>сеһезон</i> – 80
<i>бечөн</i> – 50	<i>тоһозон</i> – 90

б) Все названия сотен, образуемые путем сложения двух основ по формуле: название соответствующей единицы + *чүс* «сто». В данном случае фонетического слияния двух основ не происходит. Каждая выступает как самостоятельное слово:

<i>иһи үс</i> – 200	<i>аьлты үс</i> – 600
<i>үш чүс</i> – 300	<i>чеді үс</i> – 700
<i>дөрт чүс</i> – 400	<i>сеһес чүс</i> – 800
<i>беш чүс</i> – 500	<i>тоһос чүс</i> – 900

в) Все названия тысяч, которые образованы сложением основ соответствующих единиц и слова *тысыччи* «тысяча». Фонетического слияния здесь тоже не происходит:

<i>иһи тысыччи</i> – 2000	<i>аьлты тысыччи</i> – 6000
<i>үш тысыччи</i> – 3000	<i>чеді тысыччи</i> – 7000
<i>дөрт тысыччи</i> – 4000	<i>сеһес тысыччи</i> – 8000
<i>беш тысыччи</i> – 5000	<i>тоһос тысыччи</i> – 9000

К составным числительным относятся также все количественные числительные между круглыми десятками, сотнями, тысячами и т.п. Они образуются из сочетания простых и сложных числительных, означающих круглые десятки, сотни и т.п., с названиями единиц, которые следуют за ними. Фонетического слияния не происходит.

Например: <i>он бірээ</i> – 11	<i>он аьлты</i> – 16
<i>он иьһи</i> – 12	<i>он чеді</i> – 17
<i>он үши</i> – 13	<i>он сеьһес</i> – 18
<i>он дөрт</i> – 14	<i>он тоьһос</i> – 19
<i>он беш</i> – 15	
<i>аьлтон бірээ</i> - 61	<i>аьлтон алты</i> – 66
<i>аьлтон иьһи</i> – 62	<i>аьлтон чеді</i> – 67
<i>аьлтон үши</i> – 63	<i>аьлтон сеьһес</i> – 68
<i>аьлтон дөрт</i> – 64	
<i>аьлтон беш</i> - 65	<i>аьлтон тоьһос</i> – 69.

По этому же типу образуются и более крупные составные числа, например: *иьһи йүс алтон беш* «двести шестьдесят пять», *үши тыьсиччи алты йүс дөртөн үши* «три тысячи шестьсот сорок три» и т.д.

Этим же способом, путем сложения основ, образуются в современном тофаларском языке и дробные числительные. Они создаются по образцу русского языка и представляют собой, по всей видимости, кальку с русского языка. Например: *бірээ төртүшкү* «одна четвертая», *иьһи төртүшкү* «две четвертых», *үши төртүшкү* «три четвертых», *төрт бецишики* «четыре пятых», *аьлты онышкы* «шесть десятых», *он чүзүшкү* «десять сотых», *чүс тыьсишкы* «сто тысячных».

Дробные числительные в тофаларском языке образуются также с помощью слова *кеьсік* «половина», которое ставится в постпозицию к соответствующему количественному числительному. Иногда оно сопровождается словом *бір* «один». Примеры: *бірээ кеьсік* или *бірээ бір кеьсік* «полтора», *иьһи кеьсік* или *иьһи бір кеьсік* «два с половиной», *кеьсии* «половина» (чего-л.), *бір метыр бір кеьсік* «полтора метра», *дөрт чыл бір кеьсік аармида болган мен* «я пробыл в армии четыре с половиной года».

Кроме того, в значении половина употребляется слово *нямдык*, которое, однако, не обладает еще такой степенью абстракции и такой валентностью, как *кеьсік*. Примеры: (из фольклора) *ыньцаарда һойлар нямдыы аң болув алгаи талыйган* «тогда половина его овец, превратившись в диких, убежала», *нямдыы маллары һой болуп, өьшкү болуп бо шөл чердэ аьрта берген* «половина их скота, сделавшись домашними овцами и козами, осталась в этой степи».

В тофаларском языке употребляются также русские заимствования *шээтпир* «четверть», *мусьмууха* ~ *осьмуушка* «осьмушка» (восьмая часть).

Синтаксическим же способом путем лексикализации различных словосочетаний образованы в тофаларском языке и приблизительные числительные. При этом выделяются следующие словообразовательные типы:

1) Асиндетический повтор двух количественных числительных, при котором наименование меньшего числа ставится перед наименованием большего числа. Например: *үши-дөрт киши келген* «пришло около четырех человек», *беш-алты иби багда турган өг һыйыында* «возле дома стояло на привязи примерно шесть оленей», *алды қоллатқаш үцен-дөртөн соьһоовай алыр* «сдав соболя, получит около сорока рублей».

2) Лексикализация аналитической конструкции, созданной сочетанием основ количественных числительных с особыми служебными словами *һуре* (< монг.) и *шаа*. При этом слово *һуре* сочетается только с единицами, требуя формы основы. Например: *үши һуре* «около трех, примерно три», *он һун саны тоьһос һуре диң өлүрген болган* «он убивал каждый день примерно девять белок». С десятками же и сотнями употребляется слово *шаа*, требующее родительного падежа. Например: *онның шаа* «около десяти», *иьһенның шаа* «около двадцати», *чүстүң шаа* «около ста», *беш чүстүң шаа* «около пятисот».

3) Приблизительность выражается также сочетанием количественного числительного со словом *аьртық* «свыше, больше», причем оно требует исходного падежа. Например: *бештэн*

аьртық «свыше пяти», чүстэн аьртық киши чыышқа келген «на собрание пришло свыше ста человек», үш чүстэн аьртық диш өлүрген ол чылын «добыл в тот год свыше трехсот белок», үчөн аьртық қороонһа «тридцать с лишним коробок».

Довольно активно и широко применяется лексико-синтаксический способ при создании новых глагольных основ. При этом происходит лексикализация различных синтаксических словосочетаний: как сочетания полнозначных основ с основами, ставшими служебными, так и свободные сочетания двух и более полнозначных основ.

а) Лексикализация аналитических форм широко применяется при образовании глагольных основ от образных и звукоподражательных основ, при этом происходит одновременное образование той или иной видовой формы. Служебными элементами в данном случае являются глаголы дэ= «говорить, звучать», кыл= «делать, совершать», кын= «делаться, совершаться» и гайын=, не имеющий самостоятельного значения, но образующий видовую форму учащенной ритмичности. Примеры: чадьрт қылы санаар киши «без запинки читающий человек», сыьрт қынныр «вздрыгнуть, отпрыгнуть», бедірт-бедірт кынныр «прыгать – о спутанном коне», һыймыр гайын= «кишмя кишеть», қууқ-қууқ дэ= «каркать – о вороне», һа-һа-һа диш= «хохотать», һам-һам дэ= «лаять», һоң-һоң дэ= «лаять», мүчүрт-мүчүрт кыл= «хрупать», чап кыл= «шлепнуть», оьһюқ пеьқ-пеьқ қынды «кухта обвалилась с шумом», қуру гайын= «гудеть – о моторе», садыр гайын= «шуметь – о снежном насте, когда по нему ходят».

Этим же способом при помощи служебного глагола кыл= «делать», вводятся в систему тофаларского глагола русские глаголы при их заимствовании. При этом модель постоянна: инфинитив русского глагола + кыл=. Эта формула очень активна. Примеры: раньше кочеваать қылып турған бис «раньше мы кочевали», чаада раанить қылдырған мен «меня на войне ранили», чөөше сдавааать қылды «сдал пушнину», көк метаать қыл= «метать сено», судиить қыл= «судить» и т.п.

К данному же типу можно отнести и образование основ с новым значением за счет сочетания значимой основы с особым типом препозитивов – превербами¹, развившимися из наречий деепричастного происхождения. В настоящее время в тофаларском языке выделилось из числа таких наречий несколько превербов, ставших выполнять чисто служебную функцию, утратив свое лексическое значение. При их присоединении основа глагола меняет свое значение, оставаясь все же в пределах того же семантического поля. Например: преверб үзе, развившийся из наречия үзе «совсем, напрочь» (< үс= «рвать»), присоединившись к каьк= «бить, ударять» образует сложную основу үзе каьк= «убить насмерть ударом», к основе тыьрт= «тянуть» - основу үзе тыьрт= «оторвать», к туьт= «держать» - үзе туьт= «задушить», к соьк= «выдернуть» - үзе соьк= «оторвать рывком». При помощи этого преверба образовалось много основ: үзе боола= үзе аьт= «перестрелить, перебить выстрелом», үзе кеьс= «перерезать», үзе тур= «перерезать, пересечь дорогу», үзе эттэ= «отрубить, отсечь – саблей» и т.п.

В современном тофаларском языке можно выделить несколько уже оформившихся и довольно активных превербов. Это, например, превербы, указывающие на направленность действия, его ориентированность в пространстве: үндүрү – привносит семантику удаления, выведения во-вне (үндүрү қаьһир= «выгнать», үндүрү қаг= «выбросить», үндүрү тыьрт= «выволоочь, вытащить», үндүрү чет= «вывести за руку»), киши – привносит идею введения внутрь (киши шаг= «вбивать, вколачивать», киши тыьрт= «затащить внутрь, втащить», киши қаьһир= «загнать – скот»). Выделяются превербы, характеризующие обстоятельства, образ, способ действия: аа – передает идею перелома, разлома и т.п. (аа қаьқ= «сломать», аа тэьп= «перебить пинком», аа соьк= «переломить, сломать ударом», аа баьс= «раздавить ногой»), ара – идею незавершенности действия (ара қыл= «недоделать», ара дүьш= «недолететь, упав сверху»), кеьсе – идею прерывания, пресечения, отсекания (кеьсе эттэ= «отрубить ударом сабли, топора, ножа»), һөме – идею закрывания со всех сторон (һөме туьш= «засыпать листьями, снегом и т.п.», һөме аьк= «затопить водой», һөме тур= «обступить со всех сторон», һөме һемнэ= «измерить в общем»), чыьпшыры – идею присоединения, плотного прижимания, доведения вплотную (чыьпшыры даары= «пришить», чыьпшыры иьт= «прижать, придвинув что-либо», чыьпшыры һырбала= «приклеить», чыьпшыры шары= «прибинтовать», чыьпшыры көр= «рассматривать в упор», чыьпшыры қаг= «класть, плотно прижав друг к другу», чыьпшыры қада= «прибить, приколотить»), ыра – идею разрыва

¹ Термин заимствован нами у Л. Бэшэ, см.: Bese L. Contribution to the Problem of the Mongolian Preverbs. – АОН, т. 23, ф. 2, Budapest, 1970, p. 177-188.

(*ыра шаг*= «вбить так, чтобы расколоть, разорвать», *ыра қаық*= «расколоть», *ыра һирәле*= «распилить вдоль», *ыра тырт*= «разорвать»).

Некоторые превербы настолько абстрагируются, что теряют свою фонетическую самостоятельность и сливаются фонетически со значимой основой, образуя фонетически новое самостоятельное слово. Например: *үзейттээр* (< *үзе эттээр*) «перебить, перерубить», *кеьсейттээр* (< *кеьсе эттэ*=) «отсечь», *чуурайттээр* (< *чуура эттэ*=) «раздробить на мелкие части одним ударом».

б) Лексикализация свободных словосочетаний также способствовала образованию значительного количества новых глаголов. Здесь выделяются лексикализация субъективных глагольных словосочетаний, например: *боқсы эт*= «икать» (букв. «горло издает звук»), *сагыш тара*= «развеселиться» (букв. «думы разошлись»), *уйһю кел*= «хотеться спать» (букв. «пришел сон»), *от чи*= «сгореть» (букв. «огонь съел»), *отқа чидірт*= «сжечь» (букв. «скормить огню»), *һүн бол*= «спасти» (букв. «стать солнцем»), *дээри тұш*= «ударить – о молнии» (букв. «упало небо»), прямообъектных глагольных словосочетаний, например: *кол каг*= «расписаться» (букв. «поставить руку»), *таһлан тұт*= «печь хлеб» (букв. «держат муку»), *чыт ал*= «учуять, почуять, чуять» (букв. «взять запах»), *сооқ ал*= «простудиться» (букв. «взять холод»); косвеннообъектных глагольных словосочетаний, например: *дүшке кір*= «присниться» (букв. «войти в сон»), *сагышка кір*= «по нравиться, непрерывно думать» (букв. «войти в думы»), *сагышка тұш*= «опечалиться» (букв. «упасть в думу»); обстоятельственных глагольных словосочетаний, например: *улуғ тын*= «глубоко, печально вздыхать» (букв. «крупно дышать»), *һырыңга ал*= «застать врасплох» (букв. «взять сверху»).

Состав тофаларских наречий также пополнился за счет адвербиализованных, лексикализовавшихся синтаксических словосочетаний: атрибутивных, изафетных, повторов, свободных сочетаний слов. Примеры: *бо һүн* «сегодня» (букв. «этот день»), *бо геце* «сегодня вечером» (букв. «этот вечер»), *уцу чок* «очень» (букв. «без конца»), *шаг шаанда* «очень давно» (букв. «во время времени»), *һире һиредэ* «то и дело», *дүнү чүнү чоққа* «и днем и ночью» (букв. «без его дня и его ночи»), *арай дэп* «едва, еле-еле» (букв. «говоря: едва»), *шалаа болгаиш* «немного погодя», *үлегер шагда* «очень давно» (букв. «в сказочное время»), *чер ле болганда* «повсюду, везде», *үнген һүн саны* «каждый появившийся день», *даң аьтарга* «на рассвете», *қалып қыгьқан шагда* «очень-очень давно, в доисторическое время» (букв. «когда горел мировой пожар»), *киши киши эмес шагда* «в очень отдаленные времена» (букв. «когда человек еще не был человеком»), *шаанда шаг шаанда* «давным-давно» (букв. «во времена времен, в их времена»). Особенно часто эти сочетания употребляются в фольклоре.

Очень активны также аналитические конструкции, образующиеся сочетанием послелогов с существительными. Используются при этом послелоги *біле* «с», *қылы* «как», *дэг* «как, подобно», *чылачы* «как, подобно, словно». Например: *һыйыг біле* «стороной», *уғ біле* «в направлении», *талаиш біле* «торопливо», *өскенің біле* «иначе, по-другому», *бистің біле* «по-нашему», *бодның біле* «по-своему»; *узун қылы* «длинно», *эңірі қылы* «широко», *қуду қылы* «вниз», *ыңгай қылы* «дальше», *согун дэг* «подобный стреле», *согун чылачы* «как стрела», *мен чылачы* «по-моему, как я».

Весьма продуктивны в тофаларском языке составные наречия, образованные синтаксическим сложением основ разных наречий. Например: *ам тураиысы* «теперь наутро», *кускәәрі цээн* «летом ближе к осени», *дүүн кеце* «вчера вечером», *дүүн дүннэ* «вчера ночью», *турай тура* «завтра утром», *аччууң-аччууң* «чуть-чуть, едва», *арай-арай* «еле-еле», *һишигыры-һишигыры* «вкривь и вкось», *бок-бок* «вот сейчас», *тура-кеце* «и утром и вечером», *уьтуру-тэьтірі* «в разные стороны», *ыңгай-бәәрі* «в разные стороны», *үндүру-баьтыры* «то вверх, то вниз».

§ 3. АФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Как бы ни были активны способы образования новых знаменательных основ за счет лексикализации переносных значений слов, различных морфологических форм и всевозможных синтаксических словосочетаний, все же основным способом является аффиксальный. Этот способ образования новых слов является чисто морфологическим. Суть его заключается в том, что путем подстановки специальных словообразовательных аффиксов к мотивирующим основам образуют-

ся производные основы с иным, чем исходная основа лексическим значением и иногда с иным, чем исходная основа лексическим значением и иногда с иным категориально-грамматическим значением. Этот способ словообразования захватывает очень большое количество слов. Некоторые аффиксы довольно продуктивны и до сих пор образуют по своей модели новые слова, другие не продуктивны и вычлняются только путем сопоставления с другими однокорневыми словами. Отдельные же аффиксы можно определить только путем этимологии, привлекая сравнительный материал из других тюркских языков, т.к. материал современного тофаларского языка не позволяет это сделать. Рассмотрим подробнее все эти аффиксы.

1. Аффиксы, образующие существительные

Аффиксы отыменного словообразования

1) Продуктивные аффиксы

Как и в любом современном тюркском языке, в тофаларском тоже имеется некоторое количество аффиксов, при помощи которых можно образовать при необходимости новые слова по установившейся модели. Однако среди аффиксов отыменного словообразования их в современном языке очень мало.

Пожалуй, единственным продуктивным в полном смысле этого слова является для тофаларского языка общетюркский и даже общеалтайский аффикс имени деятеля *-чы*¹, который получил в нем огласовку *-шы/-ші* (как варианты выступают *-чы/-чі, -чы/-чі, -чу/-чу*). Употребление вариантов этого аффикса с глухим или звонким согласным зависит исключительно от фонетико-комбинаторных условий: от конечного звука основы.

Аффикс *-чы* как во всех древних, так и современных тюркских языках образует названия лиц по их ремеслу, занятию, по их свойству, склонности и пристрастию, по функции².

В современном тофаларском языке этот аффикс тоже образует существительные со значением имени деятеля (*nomem agentis*), имен, выражающих склонность, пристрастие лица к чему-либо, специфические черты или особенности, имеющие постоянный характер. Словообразовательные возможности этого аффикса неограниченны. Примеры: *аңшы* «охотник» (< *аң* «зверь»), *аалчы* «гость» (< *аал* «аил, стойбище»), *балыкшы* «рыбак» (< *балык* «рыба»), *исши* «следопыт» (< *ис* «след»), *малларшы* «скотовод» (< *мал* «скотина»), *ибилерши* «оленовод» (< *ибилер* «домашний олень»), *аъттаршы* «конеvod» (< *аът* «конь»), *апшы* ~ *апчы* «колдун» (< *ап* «колдовство»), *қопшы* «сплетник» (< *қоп* «сплетня»), *араһашы* ~ *араһачы* «пьяница» (< *араһа* «водка»), *уыйһючу* «засоня» (< *уыйһю* «сон»). Вариант *-чы* мог появиться под влиянием монгольского языка, из которого непосредственно были в ряде случаев заимствованы слова с этим же аффиксом, но в монгольской огласовке, ср., напр. тоф. *апшы* ~ *апчы* «колдун» < монг. *abči id.* < монг. *ab* «чары, колдовство».

Другим продуктивным аффиксом, но употребляющимся только с терминами родства, свойства, является аффикс *-лышы*. Он образует основы с собирательным значением, с семантикой группы или объединения лиц, связанных между собой тем или иным родством или свойством. Например: *аһһалышы* «все старшие братья» (< *аһһа* «старший брат»), *дуңмалышы* «все младшие братья и сестры» (*дуңма* «младший брат или сестра»), *убалышы* «все старшие братья и сестры» (< *уба* «старшая сестра»), *баңалышы* «свосяки» (< *баңа* «свосяк»), *һудалышы* «сваты, сватовья» (< *һуда* «сват»), *аалышы* «родня, свои, люди из одного аила» (< *аал* «аил, стойбище»), *шоозалышы* «тезки, люди с одним именем» (< *шооза* «тезка»). Для подкрепления значения собирательности эти производные основы могут получать показатель множественности: *-лар*: *аһһалышылар, дуңмалышылар* и т.п.

Довольно большое количество слов в тофаларском языке образовано аффиксом *-лык/-лік, -тык/-тік, -нык/-нік*. Возможность образовать новое слово при помощи этого аффикса в современ-

¹ См.: Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957, с. 208-210; Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л.: Наука, 1977, с. 103-104.

² Об аффиксе *-чы* см.: Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М., 1966, с. 83-92.

ном тофаларском языке пока остается под сомнением. В тех же словах, где этот аффикс вычленяется, он придает словам наряду с некоторым обобщающим, отвлеченным значением, также значения конкретных предметов и понятий (место, инструмент, орудие, результат). Например: *аңнық* «охотпромысел» (< *аң* «зверь»), *черлік* «жизнь» (< *чер* «земля»), *дүштүк* «полуденное время» (< *дүш* «полдень»), *ыштық* «копильня» (< *ыш* «дым»), *қығыштық* «зимовье» (< *қығыш* «зима»), *чэйлық* «летовка» (< *чэй* «лето»), *уштуқ* «обшлаг у рукава» (< *уш* «конец»), *чүстүк* «перстень, кольцо» (< *чүс* «сустав»), *немдік* «объедки» (< *нем* «еда» < *чи* = «есть»), *элдік* «рукавицы, варежки» (ср. др.-тюрк. *äl* «рука, кисть руки»), *көстүк* «козырек у шапки» (ср. др.-тюрк. *köz* «глаз», турк. *göz* «наглазная повязка у домашних животных»), *қолтуқ* «подмышка» (< *қол* «рука»), *оттуқ* «огниво» (< *от* «огонь»), *ийнэлік* «большой длинноногий комар» (< *ийнэ* «игла»).

2) Непродуктивные аффиксы

В тофаларском языке имеется кроме того ряд имен существительных, в которых пока еще свободно можно вычленить образующую основу, если учесть однокорневые слова в самом тофаларском языке и других тюркских языках. Выделенные в этих словах словообразовательные аффиксы ныне мертвы и давно не образуют новых слов. Их выявление представляет чисто теоретический интерес для сравнительно-исторической тюркологии.

К подобным аффиксам в тофаларском языке могут быть отнесены: *-ақ/-еқ* – аффикс, происхождение которого связывали с общетюркским деминутивом *-q*¹. В тофаларском языке его можно выделить, например, *мойнақ* «накидка, сшитая из шкур с головы и шеи животных, служит для закрывания сверху завьюченных переметных сум» (< *мөэн* «шея», ср. др.-тюрк. *bojun, bojin* «шея»); *тонақ* «одежда, сбруя, снаряжение» (ср. *тон* «верхняя одежда, шуба, пальто»), *соғунақ* «боек у ружья» (< *соғун* «стрела», ср. др.-тюрк. *soq* = «бить, ударять»), *өзеқ* «центр, сердцевина, стержень» (ср. др.-тюрк. *өз* «аорта», «сердцевина, нутро»).

Аффикс деминутива *-чық* (и его древний вариант *-чак*) тоже образовал ряд слов, в которых почти утратилось значение уменьшительности, во всяком случае ни о какой эмоциональной оценке в этих словах речь идти не может. Ср. например, слова *дытчық* «заросли мелкого лиственничника» (< *дыт* «лиственница»), *қапчық* «сумка» (< *қап* «мешок»), *соочак* «ведерко» (< *соо* «ведеро») и др. Этот же процесс наблюдается и в других тюркских языках².

-дың – встречается пока в двух словах: *айдың* «лунный свет» (< *ай* «луна») и *кырдың* «острая грань» (< *кыр* «грань, горный хребет»). В других тюркских языках он вычленяется в одном слове *айдың*³ (ср., напр. др.-тюрк. *ajdın*, туркм. *айдың*, кирг. *айдың* «лунный свет»).

-дырық – этим аффиксом в тофаларском языке, как и в других тюркских языках⁴, образовано ограниченное количество слов со значением сбруи или снаряжения. В тофаларском языке нами выявлено всего два слова: *һөмүндүрүк* «нагрудная шлея у седла» и *салындырық ~ саандырық* «подбородочный ремень уздечки или фуражки». Ср. те же слова в древнетюркском языке: *kömlüdürük, saqalduruq*.

-ңғы – в тофаларском языке имеется два слова, в которых можно выделить этот аффикс, это – *алаңғы* «проталина» (< *ала* «пегий, пятнистый») и *қараңғы* «темнота, мрак» (< *қара* «черный»). В других тюркских языках распространено только слово *қараңғы* «темнота» (ср. др.-тюрк. *qaranıy* ~ *qaranıqı*, кирг. *караңгы*, тат. *караңгы*, узб. *коронги* id.).

-пан/-пен – образовал несколько слов, в которых он имеет уподобительное значение. Например: *даспан* «молодняк домашних и диких оленей до 2 лет» (ср. *дас* «дикий взрослый олень или сохатый»), *иһиспен* «близнецы, двойняшки» (ср. *иһис* «близнецы, двойня»). Этот аффикс можно сопоставить с распространенным в тюркских языках аффиксом *-ман*, который также имеет уподобительное значение⁵. Данная этимология этих слов нами уже приводилась⁶.

¹ См.: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 166-168.

² См. Севортян Э.В. Указ. соч., с. 108-109, с. 111-112.

³ Об этимологии этого слова также см.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974, с. 109.

⁴ См.: Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке., с. 176-178; Щербак А.М. Указ. соч., с. 107-108.

⁵ См.: Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке., с. 199.

⁶ См.: Рассадин В.И. Тюркизмы в бурятском языке. – В кн.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 130-131.

Аффиксы отглагольного словообразования

Гораздо больше существует аффиксов, при помощи которых в тофаларском языке производится сейчас и производилось в прошлом существительных от глагольных основ.

Аффиксы отглагольного словообразования тоже можно разделить по их активности на продуктивные и непродуктивные.

1) Продуктивные аффиксы

Сюда мы включили только те аффиксы, которые и сейчас могут образовать новые слова по существующей модели.

Самым продуктивным является аффикс *-аашкын/-әәшкін, -ыышкын/-ыишкін, -уушкун/-үүшкүн* (после основ на согласный) и *-ашкын/-әшкін, -ышкын/-ишкін, -ушкун/-үшкүн* (после основ на гласный). Качество начального гласного аффикса определяется по закону губной гармонии. При помощи этого аффикса от любого глагола образуется имя существительное со значением процесса действия, выраженного этим глаголом. Например: *аһыышкын* «течение» (< *аһ-* «течь, протекать»), *манаашкын* «ожидание» (< *мана* «ожидать»), *һамнаашкын* «камлание» (< *һамна* «камлать»), *дiлiшкiн* «разрезание чего-л. на длинные полосы, напр. мясо перед сушкой, вялением» (< *дiл-* «разрезать на длинные полосы»), *тұрһуушкун* «трение, процесс трения» (< *тұрһу-* «тереть, натирать»), *туһтуушкун* «держание» (< *туһт-* «держат») и т.п. Но в то же время имеется немало производных основ, в которых заложена семантика орудия, инструмента, приспособления. Например: *һемнәәшкiн* «весы» наряду с «взвешиванием» (< *һемнә-* «мерить, отвешивать, взвешивать»), *тұрһуушкун* «мочалка», *дуушкун* «пробка, затычка» (ср. др.-тюрк. *tu* = «закрывать, преграждать», тоф. *дуг* «пробка, затычка»), *ойнаашкын* «игрушка» (< *ойна* «играть»), *нямаашкын* «заплата» (< *няма-* «латать»), *түүшкун* «узел» (< *түг-* «завязывать узел»), *чишкiн* «пища, еда» (< *чи-* «есть, кушать»), *өһһәәшкiн* «чиркалка у спичечного коробка» (< *өһһе-* «тереть, чиркать»).

Следующим продуктивным аффиксом является аффикс *-гшы/-гши, -гшу/-гшү, -ыгыш/-ыгыш, -угшу/-угшү*. Это тоже составной аффикс, состоящий из элементов *-г* + *шы*. Оба компонента общетюркские. Аффикс *-г* образует имена с семантикой имени действия, процесса действия, а *-шы* – отыменный аффикс, обозначающий деятеля. В соответствии со значениями компонентов этот сложный аффикс *-гшы* обозначает также деятеля, лицо, обычно занимающееся тем или иным действием. Часто обозначает лицо по его профессии, обычному занятию. При этом, как правило, имя на *-г* от этих глаголов самостоятельно не бытует. Примеры: *аһштагыш* «чистильщик» (< *аһшта-* «чистить»), *дыңнагыш* «слушатель» (< *дыңна-* «слушать»), *билигыш* «знаток» (< *бил-* «знать»), *даараныгыш* «портной, швея» (< *дааран-* «заниматься шитьем»), *баһшқарыгыш* «руководитель» (< *баһшқар-* «руководить»), *төлегий* «плательщик» (< *төле-* «платить»), *туһтугшу* «тот, кто держит» (< *туһт-* «держат»), *манагыш* «тот, кто ждет» (< *мана-* «ждать»).

Аффикс *-(һь)чыг/- (һь)циг, -(һь)чуг/- (һь)чүг* образует от глаголов чувствования существительные с абстрактным обобщенным значением того или иного ощущения, чувствования. Например: *коһрһуньчүг* «состояние страха, боязни» (< *коһрт-* «бояться»), *чиһрһенчиг* «состояние, ощущение брезгливости» (< *чиһрһен-* «брезговать»), *өөрһуньчүг* «радость, ощущение радости» (< *өөр-* «радоваться»), *удуқсаньчыг* «состояние, когда хочется спать» (< *удуқса-* «хотеть спать»), *нядыньчыг* «стыдливость» (< *нядын-* «стыдиться»). Но в то же время все эти формы могут выступать и как прилагательные.

Следующим весьма продуктивным аффиксом в современном тофаларском языке является аффикс *-қы/-кi, -гы/-гi, -кү/-кү, -гү/-гү*. Попад в инлаут, согласный *-г* этого аффикса как правило выпадает, и в результате образуется заместительный долгий гласный. При помощи этого аффикса образуются имена со значением инструмента, орудия, приспособления. Например: *ачытқы* «закваска, дрожжи» (< *ачыт-* «заквасить»), *қырғы* «скребок для соскабливания мездры с высохшей шкуры» (< *қыр-* «скрести мездру высохшей шкуры»), *илгi* «булавка, заколка» (< *ил-* «приколоть»), *сорғу* «насос, шланг» (< *сор-* «сосать, всасывать»), *няңгы* «эхо» (< *нян-* «возвращаться»), *чаргы* «совет, совещание, суд» (< *чар-* «решить, обсудить дело»), *чатқы* «половик под ноги» (< *чат-* «расстилать»), *чыттаа* (< **чыттагы*) «нос медведя» (< *чытта-* «чуют запах»), *нёнгы* «рубанок»

(< *нён-* «строгать»), *қығылысқы* «лучинка или берестинка для разжигания костра либо прикуривания» (< *қығылыс-* «зажечь, поджечь»), *эйтискі* «манок-пикулька на кабаргу» (< *этис-* «заставить кричать»). Хотя подобных производных слов много, но не это значение аффикса является в настоящее время продуктивным. В современном тофаларском языке очень активно и практически образуются при помощи этого аффикса от любого глагола в его положительном и отрицательном аспектах имени действия, образующие вместе с послелогом *дэг* аналитическую форму объективной модальности со значением необходимости. Эта аналитическая форма имеет полную аналогию в древнетюркском языке, в котором также выделяется аналитическая модальная форма *-уи тэг* со значением возможности¹. Однако в отличие от древнетюркского языка в тофаларском языке это только предикативная форма. В древнетюркском же языке она может выступать и атрибутивно. Примеры из тофаларского языка: *баргы дэг* «надо пойти, следует пойти», *келбээ дэг* (< **келбегі дэг*) «не следует приходить», *туьтпаа дэг* (< **туьтпагы дэг*) «не следует хватать», *туьтку дэг болган* «надо было схватить», *ынаары чоруу* (< **чоругу*) *дэг болган* «надо было поехать туда». Как видно, в тофаларском языке сохраняется оттенок долженствования, характерный для аффикса *-уи* еще в древнетюркском языке². Вне этой аналитической формы эти имена действия в современном тофаларском языке не употребляются.

Кроме того, в тофаларском языке имя действие на *-қы*, получив аффикс древнего сравнительно-предельного падежа (экватива) *-ца* в форме *-ша/-ше*, превратилось в аффикс предельного наклонения *-қыша/-кіше*.

Весьма активным в современном тофаларском языке оказывается аффикс *-ң*, *-аң/-эң*, *-ың/-иң*, *-уң/-уң*. При помощи него образовано несколько слов со значением результата действия или лица действия, например: *приң* «гниой» (< *при-* «гнить»), *чылбаң* «подлиза» (< *чылба-* «подлизываться»). Но основным значением этого аффикса в современном языке, делающим его высокопродуктивным, является значение имени действия с оттенком ритмичности, повторяемости, частоты или обычности этого действия. Отглагольное имя действия на *-ң* при этом образуется не только от образных глаголов, но и от глаголов действия, движения, состояния, чувствования и т.п. При присоединении аффикса *-ң* к основам образных глаголов их конечный согласный *-й* отбрасывается, а основы остальных глаголов остаются без изменения. Например: *қылай-* «быть блестящим» - *қылаң* «частое ритмичное мерцание огня», *ырчай-* «быть с оскаленными неровными зубами» - *ырцаң* «оскал неровных зубов», *тур-* «стоять» - *тураң* «ритмичные остановки в процессе ходьбы», *уьш-* «лететь» - *уьһяң* «ритмичное порхание, летание с остановками», *аьш-* «открывать» - *аьһяң* «ритмичное открывание и закрывание», *туьт-* «держаться, схватить» - *туьтуң* - «ритмичное схватывание» и т.п. Самостоятельно эта словоформа в качестве имени не употребляется, а служит основой для образования глагольных аналитических видовых форм ритмичности и учащенной ритмичности при помощи вспомогательных глаголов *қын-* (< *қылын-*) «делаться, происходить»; «делать», *қыл-* «делать» и *қайын-* (без самостоятельного значения), а также для образования синтетической формы ритмичного вида при помощи аффикса *-ла*. Примеры: *бар-* «идти, пойти» - *барың қын-*, *барыңна-*, *барың гайын-* «часто ходить», *шом-* «нырять, нырнуть» - *шомаң қын-*, *шомаңна-*, *шомаң гайын-* «часто нырять» (напр. утка во время кормежки), *шим-* «зажмуриться», *шимей-* «иметь прищурившийся вид» - *шимең қын-*, *шимеңнэ-*, *шимең гайын-* «часто моргать». Этот же аффикс образует прилагательные от образных глаголов со значением признака (напр. *қылаң* «блестящий», *арцаң* «торчащие во все стороны», *кілең* «гладкий» и т.п.).

Не менее активен в современном тофаларском языке и аффикс *-с*, *-ас/-ес*, *-ыс/-ис*, *-ус/-ус*, при помощи которого образуются отглагольные имена, но только, в отличие от предыдущего аффикса, с семантикой быстроты, мгновенности, однократности этого действия. Они тоже производятся не только от образных глаголов, но и от глаголов действия, движения, состояния и т.п. При этом конечный *-й* образных глаголов отбрасывается. Примеры: *қылас* «быстрое однократное сверканье огня» (< *қылай-*), *ырчас* «быстрое однократное оскаливание неровных зубов, длящееся непродолжительное время» (< *ырчай-*), *туьтас* «быстрое схватывание» (< *туьт-*), *турас* «быстрая остановка на короткий миг» (< *тур-*) и т.п. Эти имена обычно не употребляются самостоятельно, хотя осознаются носителями языка. В сочетании со вспомогательными глаголами *қын-* или *қыл-* (о ко-

¹ См.: Древнетюркский словарь, Приложение II, с. 654.

² См.: Древнетюркский словарь, Приложение II, с. 654. Подробнее о значении этого аффикса в современных тюркских языках см.: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 227-232.

торых см. выше) отглагольные имена на *-с* образуют аналитическую форму моментально-однократного и раздельно-кратного видов. Например: *қылас қын-* «сверкнуть быстро и один раз», *қылас қылас қын-* «сверкнуть несколько раз», *шимес қын-* «подмигнуть один раз», *шимес шимес қын-* «несколько раз подмигнуть».

В то же время имеются намеки на употребление формы на *-с* в качестве атрибутива со значением обычности признака действия. Напр. *үнүс күнүм үнүп келді* (из песни) «солнце, которое всегда выходит, вышло», *аьтыс таным аьтып келді* (из песни) «заря, которая всегда появляется, появилась».

В том, что форма на *-с* в тофаларском языке отглагольное имя, убеждает нас также образование от этих имен вторичных глаголов. Например: *тынаста-* «часто и с натугой дышать – при одышке» (< *тынас* < *тын-* «дышать»), *электэ-* «мелькать – о неясном силуэте» (< *элес*, ср. *элес қын-* «мелькнуть – о неясном силуэте», *элеңнэ-*, *элең қын-*, *элең гайын-* «мелькать – о неясном силуэте»).

2) Непродуктивные аффиксы

Довольно большое количество аффиксов современного тофаларского языка хотя и свободно вычлняется в словах, иногда весьма многочисленных, но словообразующие возможности их утрачены и они уже не образуют свободно новых имен, нежели рассмотренные выше аффиксы. Сюда же мы включили и мертвые аффиксы, при помощи которых в прошлом были образованы единичные слова, основы которых выявляются этимологическим путем. Рассмотрим эти аффиксы.

-э, -аэ/-ээ, -ыг/-иг, -үг/-үг – при помощи него образовано довольно много слов со значением приспособления, орудия, средства действия, результата действия. Например: *иьсиг* «жара» (< *иьси-* «нагреваться»), *баг* «веревка» (ср. др.-тюрк. *ba* = «связывать, привязывать»), *дуг* «пробка, затычка, плотина, ограда, загородка» (ср. др.-тюрк. *tu* = «закрывать, преграждать»), *одаг* «ночлег в тайге с костром, табор» (< *ода-* «разводить огонь»), *чедэг* «караван оленей» (< *чет-* «вести в поводу, за руку»), *тушаг* «пути на передние ноги лошади» (< *туша-* «спутывать передние ноги лошади»), *таныг* «метка в виде надреза на ухе животного» (< *таны-* «узнавать, опознавать»), *туьлуг* «добыча на охоте» (< *туьл-* «находить»), *аьсыг* «вешалка» (< *аьс-* «вешать»). Встречаются единичные слова со значением процесса действия. Например: *сунуг* «беготня – обычно ребячья» (< *сун-* «бегать»), *салыг* «складыванье» (< *сал-* «складывать, положить»), *саьтыг* «продажа» (< *саьт-* «продавать»), *өөредіг* «обучение, учеба» (< *өөрет-* «учить»). Это значение данного аффикса в современном тофаларском языке не развито.

-и, -аи/-еи, -ыи/-ии, -уи/-үи – им образовано немного имен со значением места, результата действия. Например: *қонаи* «ночлег» (< *қон-* «ночевать»), *соьһуи* «щелчок» (< *соьқ-* «бить, ударять»), *үлеш* «доля, пай» (< *үле-* «делить»), *қарғыи* «проклятие» (< *қарғы-* «проклинать»), *чыиш* «собрание» (< *чыг-* «собирать»), *чиш* «взятка» (< *чи-* «есть, кушать»), *таныи* «знакомый человек» (< *таны-* «узнавать»). В некоторых, весьма редких случаях при помощи аффикса *-и* образуется отглагольное имя для создания аналитической формы мгновенно-однократного вида от образных глаголов. Например: *сырбаи қын-* «вздвогнуть от испуга», *қызаи қын-* «мелькнуть – о красном предмете».

-қ, -ық/-ік, -уқ/-үк – при помощи этого аффикса образовано немного имен со значением главным образом результата действия. Например: *қылық* «характер» (< *қыл-* «делать, поступать»), *кеьртік* «зарубка, ступенька лестницы» (< *кеьрт-* «делать поперечную зарубку»), *чоруқ* «поездка» (< *чору-* «ехать, ездить»), *ырық* «щель» (< *ыр-* «разрывать»), *чөдүрүк* «кашель» (< *чөдүр-* «кашлять»), *оруқ* «дорога» (ср. др.-тюрк. *oγuq* id., возможно < др.-тюрк. *or-*, *ur* = «бить, выбивать»);

-кіл – вычлняется в одном слове *чеьткіл* «достаток в жизни» (< *чеьт-* «хватать, достигать»);

-қын/-кін, -қун/-күн – образованы единичные слова: *эьткін* «рев, гон, изюбрей, лосей» (< *эьт-* «кричать»), *көьшкүн* «кочевник» (< *көьш-* «кочевать»), *өьскүн* «поколение, молодняк, прирост» (< *өьс-* «расти, умножаться»). Сюда же, возможно, относится и *келһин* «перелетные птицы» (< *кел-* «приходить»);

-қыш/-кіш, -қуш/-күш, -гыш/-гіш, -гуш/-гүш – при помощи этого аффикса образовано довольно много слов со значением инструмента, орудия, приспособления. Например: *баьсқыш* «шаг» (< *баьс-* «шагать, наступать»), *булһааш* (< **булһагыш*) «веселка, палочка, лопаточка для размешивания» (< *булһа-* «размешивать»), *дырбааш* (< **дырбагыш*) «гребь» (< *дырба-* «грести сено»),

иъткіш «подпорка» (< *иът-* «подпереть»), *көзәш* (<**көзегіш* «ожег» (< *көзе-* «поправлять огонь палочкой»), *соьққуш* «верхняя жердь-давилка у ловушки» (< *соьқ-* «ударять, бить»), *сыбыргыш* «скребок» (< *сыбыр-* «скрести»), *туьтқуш* «ручка, держалка» (< *туьт-* «держать»);

-қыыш – образованы единичные слова: *чатқыыш* «подстилка скоту» (< *чат-* «расстилать»), *сүргүүш* «специальная доска, на которой размягчают скоблением выдубленную шкуру» (< *сүр-* «скоблить шкуру на доске»).

-м, -ам/-ем, -ым/-ім, -ум/-үм – при помощи этого аффикса образовано сравнительно немного имен, означающих объект, результат, орудие действия, так и процесс действия, превращенный в единицу измерения. Например: *долғам* «один поворот ручки» (< *долға-* «крутить, вертеть ручку»), *өрүм* «ломоть хлеба» (< *өр-* «отрезать ломоть хлеба»), *доорам* «зарубка на стволе бревна, где следует перепилить, перерубить» (< *доора-* «рубить поперек»), *быһим* «время одной варки» (< *быһи-* «варить»), *тыһртам* «время курения одной трубки» (< *тыһрт-* «курить»), *нем* «пища, корм» (< *чи* – «есть», ср. др.-тюрк. *жет* «пища»), *алым* «долг» (< *ал-* «брат»), *өлүм* «смерть» (< *өл-* «умереть»), *кедiм* «одежда» (< *кет-* «одевать»), *ээрeм* «яма, водоворот на реке» (< *ээр-* «крутить, вертеть»), *соьһум* «скот, предназначенный на убой» (< *соьқ-* «забить скот»).

-ма/-ме, -па/-пе – данный аффикс образовал немного слов главным образом со значением орудия, средства, результата, объекта действия, а также субъекта действия. Например: *дуңма* «младший брат, сестра» (ср. др.-тюрк. *тоу* = «рождаться», туркм. *доғма* «сын, мальчик», башк. *тыума* «внебрачный ребенок», в тофаларском языке действует фонетическая закономерность перехода *-э* в *-ң* перед *м*: *һеңме* < *кеэ-*, *эңмек* < *ээ-*, о которых см. ниже), *һеңме* «мелко крошенное сухое мясо» (< *кеэ-* «мелко крошить»), *дiлпе* «ленты мяса, нарезанные для вяления» (< *дiл-* «нарезать лентами»), *шээшпа* «овод, клыки молодого самца кабарги» (< *шээш-* «колоть, ткнуть, бодать»), *қоошпа* «табун гонных медведей» (< *қоош-* «гоняться друг за другом» < *қоз-* «следовать по пятам»), *қығысытпа* «щипцы» (< *қығысыт-* «заставить сжимать»).

-мақ/-мек, -бақ/-бек, -пақ/-пек – образовал в тофаларском языке имена со значением орудия, приспособления, результата действия. Причем слов этих сравнительно немного. Примеры: *салбақ* «жердь-лежень, к которой привязывают оленей» (< *сал-* «класть»), *илбек* «крючок» (< *ил-* «прикалывать, накалывать, подцеплять, подвешивать, наколов»), *қығыспақ* «то, что берется под мышку» (< *қығыс-* «зажимать»), *иримек* «высохшие остатки молока и его продуктов на стенках сосуда» (< *ири-* «свертываться – о молоке»), *эңмек* «изогнутые шатерчиком прутья над детской колыбелью, на которые накидывается специальная накидка для предохранения ребенка от лучей солнца и от мух» (< *ээ-* «согнуть, изогнуть»).

-бы/-бі – этот довольно редкий в тюркских языках аффикс образовал в тофаларском языке единичные слова: *айбы* «приказ, повеление, разрешение» (ср. др.-тюрк. *ай-* «говорить, сказать»), *белбі* (наряду с *белгі*) «метка на тропе, указатель дороги» (<**bel* = «быть явным, обнаруживаться»¹). В связи с этим аффиксом хотелось бы предложить несколько иное толкование происхождения аффикса тувинского сопроводительного деепричастия на *-нышаан/-пишаан*, которому в тофаларском языке полностью соответствует по значению аффикс *-нышааңга/-пишааңга*. Авторы грамматики тувинского языка считают, что *-нышаан*, возможно, состоит из *-ныш* (др.-тюрк. – *niš*) + *шаан*. Компонент *шаан* они не объясняют². Не отрицая этой этимологии *-нышаан*, считаем также возможным предположить происхождение тофаларского *-нышааңга* и тувинского *-нышаан* от имени действия с аффиксом *-бы/-пы, -мы* в сочетании с *шағ* «время» в форме древнего инструментального падежа для тувинского языка и в форме дательного-направительного падежа посессивного склонения в 3-м лице для тофаларского языка. Таким образом, если предположить происхождение тувинского компонента *шаан* и тофаларского *шааңга*, которые никогда не гармонируют, от слова *шағ* «время», получившего оформление обстоятельственными падежами, то становится понятным полная грамматикализация в обстоятельной функции первоначально свободного словосочетания тув. *-бы шаан* (<**бы шағын*) и тоф. *-бы шааңга* (<**бы шағынға*), означавшего «во время такого-то действия», и превращение его в деепричастие. В тофаларском языке форма *-нышааңга/-пишааңга, -бышааңга/-бішааңга, -мышааңга/-мішааңга* слилась в один аффикс и по функции и значению представляет собой настоящее деепричастие.

¹ О восстановлении этого тюркского корня см.: Рассадин В.И. О тюркизмах в бурятском языке. – В кн.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 132.

² См.: Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Указ. соч., с. 337.

На достоверность нашего предположения указывает тоджинская форма предельного наклонения *-гышаамга/-гишаамга*, *-гышааңга/-гишааңга*, *-гышаа/-гишээ* в ед.ч. и *-гышаавыска/-гишаавыска*, *-гышааңарга/-гишааңарга*, *-гышаа(лар)/-гишаа(лар)* во мн.ч., в котором *-ги* (*-гы*, *-ки*, *-қы* и т.п.) отглагольное имя, а 2-й компонент восходит к слову *шаг* «время» с показателями личной принадлежности, стоящему в форме дательного падежа в первых двух лицах обеих чисел¹. То есть, здесь типологическое сходство в образовании двух разных форм в тофаларском языке и тоджинском диалекте тувинского языка. В тувинском литературном языке, базирующемся на центральном диалекте, эта форма создана в принципе по той же модели, но в другом падеже;

-н, *-ан/-эн*, *-ын/-ін*, *-ун/-үн* – при помощи этого аффикса в тофаларском языке образовано немало слов с разнообразным значением. В тофаларском языке этот аффикс, в отличие от других тюркских языков², не образует имен со значением имени и процесса действия. Например: *helin* «невестка» (< *кел*- «приходить»), *сан* «число» (ср. др.-тюрк. *sa*= «считать»), *согун* «стрела» (здесь явно прослеживается древнетюркский корень *soq*= «бить, ударять», в тофаларском языке ему сейчас соответствует *соьк-* с тем же значением, но если бы слово *согун* «стрела» было образовано от тофаларского глагола, в котором гласный фарингализован, то оно произносилось бы *соьхун*); *тэьһен* «колочка, шип» (фарингализация и наличие *h* говорят, что в основе этого слова лежит утраченный тофаларский глагол **тэьк-* «колоть», которому соответствуют др.-тюрк. *tek*=, *tik*= «колоть» и *tek*=, *tik*= с семантикой «шить, колоть»); *чыгтын* «лежка зверя, домашнего животного, место, где лежал человек» (< *чыгт-* «лежать, ложиться»), *чулан* «змея» (< *чыл-* «ползти, извиваясь», ср. кирг. *жыл-* «ползти», *жылан* «змея»).

-т, *-ыт/-ит*, *-ут/-үт* – этот аффикс образовал в тофаларском языке немного слов со значением приспособления, результата действия. Например: *баьсыт* «гнет, бастрик» (< *баьс-* «давить сверху»), *доот* «заморозки» (< **доңут* < *доң-* «мерзнуть, замерзать»), *олут* «сиденье, жизнь» (< **ол³-*, ср. *олур/-олыр-* «сидеть»), *ээт* «излучина реки» (< **эгит* < *эг-* «гнуть»).

-ды/-ді, *-ты/-ті* – этот аффикс образовал сравнительно немного, хотя и заметную группу, слов главным образом со значением результата действия и редко приспособления. Примеры: *агды* «лестница» (ср. др.-тюрк. *ау-* «взбираться вверх»), *алды* «соболь» – первоначально «добыча» (< *ал-* «получать, добывать, брать»), *билді* «известность, слух, известие» (< *бил-* «знать, ведать»), *каьһярты* «затес на дереве» (< *каьһяр-* «белеть»), *каьсты* «скорлупа ореха» (< *каьс-* «грызть, щелкать орехи»), *кеьсті* «опилки» (< *кеьс-* «резать»), *тамды* «капля» (ср. др.-тюрк. *tam*= «капать»), *чарты* «полено» (ср. др.-тюрк. *јаг*=, тоф. *ыр-* «раскалывать»), *шапты* «стружки, щепки» (ср. др.-тюрк. *сар*= «рубить»).

-нды/-нді, *-нду/-ндү*, *-ынды/-інді*, *-унду/-үндү* – своим происхождением этот аффикс тесно связан с предыдущим, компонент *-н* тюркологами единодушно признается за показатель возвратного залога, который в этом аффиксе имеет также значение учащательности, постоянства, устойчивости процесса. В тофаларском языке имеется немного слов, образованных при помощи этого аффикса и имеющих значение результата действия. Примеры: *асранды* «приемыш» (< *асра-* «выкормить, вырастить»), *буланды* «пыль» (< *була-* «вздвигаться – о пыли»), *қозунду* «отвергнутая девушка» (< *қоз-* «отвергать»), *туьһунду* «опавшая кедровая шишка» (< *туьһ-* «упасть»), *чилһинді* «отруби, высеки» (< *чилһи-* «просеивать»), *чээнды* «наледь» (< **чайынды* < *чай-* «широко разливаться»), *шөөндү* «тонкие кишки» (< **шөйүндү* < *шөй-* «растягиваться»), *шуранды* «прыжок» (< *шура-* «прыгать»). При этом некоторые из этих производных, образованные от переходных глаголов, имеют также атрибутивное значение, напоминая по семантике страдательное причастие. Например: *асранды уруг* «выращенный чужой ребенок», *қозунду анһай* «брошенный маткой теленок».

-ньчы/-ньчі – данный аффикс тоже сложный, его компонент *-нь* – также может рассматриваться как показатель возвратного залога *-н*, сросшийся с аффиксом *-чы*. В тофаларском языке при помощи этого аффикса образованы единичные слова: *паштаньчы* «повар, повариха» (< *пашта-* «варить, готовить пищу»), *сысқарыньчы* «внутреннее медвежье сало после вытопки» (<

¹ См.: Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 106.

² См.: Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке..., с. 333.

³ О восстановлении этого корня см.: Рассадин В.И. Тюркизмы в халха-монгольском языке. – В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 5, Улан-Удэ, 1970, с. 54.

сысқар- «перетопить сало»), *эдэриньчі* «человек, увязавшийся в дорогу» (< *эдер*- «идти следом, следовать по пятам»). Как видно из примеров, преобладает значение субъекта действия, которое придает аффикс *-чы* (ср. аффикс имени деятеля).

-мчы/-мчі – этот редкий в тюркских языках аффикс образовал небольшое количество слов в основном со значением результата действия. Например: *аьрттырымчы* «остаток» (< *аьрттыр*- «оставлять»), *буламчы* «пыль» (< *була*- «вздвигаться – о пыли», ср. *буланды* «пыль»), *булхамчы* «количество муки, нужное для варки каши-заварухи на один раз» (< *булха*- «мешать, помешивать, смешивать»), *бытарамчы* «крошки» (< *бытара*- «рассыпаться»), *немчі* «части туши зверя (ребра, грудинка, печень, сердце), которые съедали по обычаю коллективно, всем айлом» (< *чи*- «есть», ср. др.-тюрк. *je*= *id.*, тоф. *нем* «еда, пища»), *сысқамчы* (< *сысқа*- «процеживать»), *сысқырамчы* (< *сысқыр*- «вытопить сало») «выжарки, вытопки сала».

-няк/-нек (в качестве вариантов произношения выступают *йак/-йек*) – этим аффиксом образованы единичные слова: *куруняк* ~ *куруйак* «ушная сера, перхоть» (< *куру*- «сохнуть»), *һүрүнек* ~ *һүрүйек* «деревянная лопата» (ср. др.-тюрк. *köri*= «сгребать»), *сарһыняк* ~ *сарһыйак* «книжка – часть желудка жвачных животных» (ср. др.-тюрк. *sarqajiq*, *sarqaniq id.*; возможно < др.-тюрк. *sarq*= «сочиться»).

-а, -ы – этот аффикс сохранился в немногих словах: *тура* «засада, номер стрелка в засаде при облаве» (< *тур*- «стоять»), *тура* «утро» (< *тур*- «вставать»), *чазы* «большая поляна» (ср. др.-тюрк. *jazi* «степь, равнина; распростертый, открытый» (< др.-тюрк. *jaz*= «распускаться, растекаться»), *ыда* «гон зверей собаками по насту весной» (< *ыд*- «пускать, отправлять»). Этот аффикс образует также атрибутивы и совпадает внешне с деепричастием, но сейчас это разные формы, хотя и имеющие одно происхождение, именное.

Кроме разобранных выше аффиксов в современном тофаларском языке имеются также весьма редкие аффиксы, образующие буквально единичные слова:

-л – вычленяется в слове *қыгьсыл* «ущелье, теснина» (< *қыгьс*- «сжимать с боков»), ср. др.-тюрк. *qisil* «ущелье, теснина». Этот же аффикс образовал общетюркское прилагательное *қызыл* «красный» (< *кыз*- «краснеть»);

-й – выделяется в слове *эмий* «вымя, грудь, сосок» (< *эм*- «сосать грудь, вымя»). Возможно, это *-й* здесь является результатом спирантизации щелевого *-г*, выступающего как словообразовательный аффикс, т.е. *эмий* < **эмиг*. В том, что это предположение верно, свидетельствуют случаи перехода *-г* в самом тофаларском языке в мягкорядных словах в конце слога в *-й*, напр.: *дэг* «коснись», но *дэйбе* (вм. *дэгбе*) «не трогай», а также массовое чередование звуков *г* и *й* между алыгджерским и гутаринским говором, напр. алыгдж. *суг* «вода» - гутар. *суй*, алыгдж. *даг* «гора» - гутар. *дай* и т.п.¹. Хотя, по нашим наблюдениям не все гутаринцы произносят *й* вместо *г* и не во всех случаях. Вопрос этот еще требует дальнейшего изучения.

Аффиксы отглагольно-именного словообразования

В тофаларском языке имеется несколько аффиксов, образовавших слова как от глагольных основ, так и от именных. Возможно, это отголосок того древнего состояния тюркских языков, когда существовал так называемый синкретизм именных и глагольных основ и четкого выделения частей речи, как сейчас, еще не было. Таких аффиксов пока обнаружено два:

-гақ/-гек, -қақ/-кек: *ээрілгек* «вихор на голове» (< *ээріл*- «быть закрученным»), *тискек* «колени» (ср. др.-тюрк. *tiz id.*), *эмі скек* «соска» (< *эмис*- «заставить сосать»), *ирпек* «самец соболя, медведя» (ср. др.-тюрк. *er, ir* «мужчина, самец», *erkek, irkäk* «самец»);

-цақ/-чек, -чық/-чік, -чуқ: *ээрілчек* «воронка на реке» (< *ээріл*- «быть закрученным»), *чиірһеньчек* «брезгливость» (< *чиірһен*- «чувствовать брезгливость»), *көрүньчүк* «зеркало» (< *көрүн*- «осматриваться»), *көһфеньчік* «подушка седла» (< *көһфен*- «подстилать под себя что-либо мягкое»), *мөэньцақ* ~ *мөэньчүк* «ошейник» (< *мөэн* «шея»), *неньчық* «небольшая сумочка для мелких предметов, привешивалась на поясе сбоку» (< *нян* «бок»), *буруньчүк* «передняя петля лыжных креплений» (< *бурун* «перед, передняя сторона»), *аьсыньцақ* «подвеска на поясе» (< *аьсын*- «подвесить что-либо к поясу»).

¹ Подробнее см.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 8.

2. Аффиксы, образующие прилагательные

Аффиксы отыменного словообразования

1) Продуктивные аффиксы

-лыг/-ліг, -луг/-лүг, -ныг/-ніг, -нуг/-нүг, -тыг/-тіг, -туг/-түг – данный аффикс является одним из наиболее продуктивных аффиксов, образующих относительные прилагательные. Адъективы, образованные при помощи этого аффикса, в основном выражают обладание тем предметом или качеством, названием коего служит имя, от которого они образованы. Прилагательные, образованные аффиксом *-лыг* и обозначающие предмет обладания, могут иметь свои определения. Примеры: *барлыг киши* «имущий человек», *оьктуг боо* «заряженное ружье», *дустуг мун* «соленый суп», *сүттүг шэй* «чай с молоком», *даглыг чер* «гористое место», *амтанныг* «вкусный», *тыһырақ аьттыг киши* «человек с быстрым конем», *балықтыг һөл* «рыбное озеро»;

-шы/-ші – *қарақшы* «зоркий, хорошо видящий», *ырақшы* «редкий, далеко стоящий друг от друга», *чоогашы* «частый, густо, близко стоящие, находящиеся друг от друга», *шынчы* «справедливый, честный» (< *шын* «правда»);

-қы/-кі, -қу/-кү, -гы/-гі, -ғу/-ғү – очень продуктивный аффикс, выражающий локальную и временную принадлежность, присоединяясь к именной основе на гласный, образует на стыке основы и аффикса вторичную долготу за счет выпадения начального согласного *-г*, оказавшегося в инлауте. Встретились случаи долготы гласного в этом аффиксе. Примеры: *эң соңғуусу* «самый последний», *соңғу* «последний», *қышықы* *ходан* «зимний заяц», *баьшы* «первый», «начальный», *буруңғу* «первый, передовой», *дүүнги* «вчерашний», *энэргі* «прошлогодний», *оьртаа* (< **оьртагы*) «средний», *үстүү* (< **үстүгү*) «верхний», *һүндүскү иш* «дневная работа», *алды* (< **алдыгы*) «вечерний», *амды* (< **амдыгы*) «нынешний». Этот аффикс, присоединившись к местному падежу, дает сращение *-даа/-дээ*, например: *мындаа* (< **мындагы*) «здешний», *ол чердээ* (< *ол*чердэги*) «тамошний», *қыдыгдаа* (*қыдыгда* + *гы*) «находящийся с краю», *шаандаа* (< *шаг* + *ын* + *да* + *гы*) «давнишний», *өгдээ* (< *өг* + *дэ* + *ги*) «домашний, находящийся в доме». В отличие от других тюркских языков, этот аффикс в тофаларском языке не присоединяется к родительному падежу;

-кии – данный аффикс выражает то же значение, что и предыдущий, отличаясь от него лишь фонетически, он никогда не гармонирует, а согласный *к*, оказываясь между гласными, сохраняет свою глухость и силу и иногда геминирует в произношении. Примеры: *дэмкии* «тот, кто был вот недавно» (< **дэм*, ср. *дэмин* «недавно»), *һүңгээрікии* «южный» (< *һүңгээри* «юг»), *буруңгаарыкии* «восточный» (< *буруңгаары* «восток»), *амдыкии* «недавний» (< *амды* «сейчас»). Особенно часто этот аффикс присоединяется в основе относительного прилагательного, образованного предыдущим аффиксом *-гы*, который исчез, образовав фонетическое сращение с основой имени на конечный гласный, это относится и к вышеупомянутому варианту *-даа/-дээ*. Примеры: *амдыккии*, *амдыкии* «недавний» (< *амды* + *гы* + *кии*), *кечэкии* «вечерний» (< *кече* + *ги* + *кии*), *мындаакии* «здешний» (< *мында* + *гы* + *кии*), *айдаакии* «месячный» (< *ай* + *да* + *гы* + *кии*), *чылдаакии* «годовой» (< *чыл* + *да* + *гы* + *кии*). Присоединяясь к данному фонетическому сращению, аффикс *-кии* как бы наслаивается на растворившийся аффикс *-гы*, подкрепляя его, т.к. *-гы* потерял свою фонетическую самостоятельность;

-ай/-ей, -ый/-ій, -уй/-үй – образует вторичные основы качественных прилагательных от прилагательных, оставляя то же лексическое значение, но внося некоторую усиленность качества. Например: *баьк* «плохой» → *баьнай* id., *қаьтыг* «твердый», «крепкий» → *қаьтыгай* id., *беьк* «крепкий» → *беьней* id., *улуг* «большой» → *улугуй* id., *ырақ* «далекий» → *ырагый* id. Особенно часто наблюдается присоединение этого аффикса в песнях с целью сохранения метрики, но не чуждо и общеразговорному языку.

2) Непродуктивные аффиксы

-май/-мей, -най – *дүлемей* «глуховатый» (< *дүлей* «глухой»), *олутнай* «живущий всегда на одном месте» (< *олут* «место, жизнь»), *ырышмай* «любящий петь» (< *ырышы* «певец» < *ыр* «песня»);

-печі – *шипечі* «работящий» (< *иш* «работа»);

-*таш* – *оькташ* «имеющие один калибр – о ружьях» (< *оьк* «пуля»), *тушташ* «противоположный» (< *туш* «противолежащее место»).

Этими аффиксами образованы единичные слова.

Аффиксы отглагольного словообразования

-*г*, -*ыг/-иг*, -*уг/-үг* – образует адъективы со значением признака по результату действия, например: *ачыг* «кислый» (< *ачы-* «киснуть»), *аьлгыг* «широкий» (< *аьлгы-* «быть широким»), *арыг* «чистый» (< *ары-* «очищаться»), *өөредиг* «ученый» (< *өөрет-* «учить»), *хойуг* «густой» (< *хойу-* «густеть»), *дэзиг* «неловящийся – о коне, олене» (< *дэс-* «убегать»), *һаныг* «глубокий» (< *һаны-* «быть глубоким»), *иьсиг* «горячий» (< *иьси-* «нагреваться»), *чылыг* «теплый» (< *чылы-* «нагреваться слегка, стать теплым»), *қаьтыг* «крепкий» (< *қаьты-* «быть крепким»). Особенно продуктивное образование прилагательных посредством этого аффикса от глаголов, образованных от имен при помощи аффикса -*сы/-сі* и означающих уподобление. Например: *дэмирсіг* «имеющий привкус железа» (< *дэмирсі-* «иметь привкус железа»), *аңзыг* «одичавший» (< *аңсы-* «быть подобным дикому зверю»), *азазыг* «капризный, своевольный» (< *азазы-* «быть подобным черту» < *аза* «черт»), *шыньсыг* «имеющий вид праведника» (< *шыньсы-* «быть правым»), *аьтсыг* «подобный по повадкам лошади» (< *аьтсы-* «иметь повадки лошади»). Словообразование глаголов по этой модели со значением уподобительности практически неограниченно и очень продуктивно, поэтому нет оснований считать сочетание словообразованного глагольного суффикса -*сы-* с аффиксом прилагательного -*г* за один аффикс -*сыг* якобы отыменного словообразования прилагательных, как это происходит в отношении тех тюркских языков, в которых аффикс -*сы-* уже непродуктивен и глаголы с этим аффиксом почти отсутствуют;

-*қ/-к*, -*ық/-ик*, -*уқ/-үк* – довольно продуктивный аффикс, образующий прилагательные, выражающие признак по результату действия. Примеры: *ақсақ* «хромой» (< *ақса-* «хромать»), *аьһик* «открытый» (< *аьһ-* «открыть»), *түһһүк* «низкий» (< *түһһ-* «спускаться вниз»), *бедік* «высокий» (< *беді-* «повышаться»), *қоьртоқ* «трусливый» (< *қоьрт-* «испугаться»), *қоғжақ* «слабый, обессиленный» (< *қоғжа-* «ослабеть»), *чығыпқық* «закрытый» (< *чығып-* «закрыть»), *қаьтық* «смешанный» (< *қаьт-* «смешивать»). Очень продуктивно употребление этого аффикса с глаголами, образованными от имен при помощи аффикса -*са/-сэ-* и имеющими значение «желать иметь, желать получить, обладать тем предметом, который обозначен тем именем». Примеры: *аьтсақ* «любящий лошадей, страстно желающий иметь лошадь» (< *аьтса-* «хотеть коня»), *боозақ* «хотящий иметь ружье» (< *бооза-* «хотеть иметь ружье»), *шейзақ* «любитель чая, любящий пить чай» (< *шейза-* «любить чай»), *араһазақ* «алкоголик, любитель выпить» (< *араһаза-* «хотеть пить вино»). По аналогии с предыдущим аффиксом, присоединяющимся к глаголам со значением уподобительности, сращение аффиксов -*са* + -*к* (-*сақ/-сэқ*) не будем выделять в самостоятельный аффикс отыменного словообразования, поскольку весьма продуктивны глаголы на -*са-*, образующиеся практически от любого имени существительного. Продуктивно также образование с показателем -*к* прилагательных от глаголов с аффиксом -*сыра-*, который придает значение «лишиться чего-л.», «страдать от отсутствия чего-л.». Сложный аффикс -*сырақ/-сіреқ* поэтому тоже придает основе значение «страстно желающий что-л.», «страдающий от отсутствия чего-л.». Например: *шэйсырақ* «любящий часто пить чай», *араһасырақ* «алкоголик», *өшсіреқ* «мстительный, вредный»;

-*аган/-эген* – очень продуктивный аффикс, образует прилагательное со значением обычности и частой, регулярной повторяемости признака как результата действия. Примеры: *аарыган* «часто болеющий» (< *аары-* «болеть»), *эзеген* «все время зевающий» (< *эзе-* «зевать»), *төлеген* «аккуратно платящий» (< *төле-* «платить»), *ыглаган* «плаксивый» (< *ыгла-* «плакать»), *эмеген* «часто сосущий мать» (< *эм-* «сосать»). Хотя внешне этот аффикс и напоминает аффикс причастия прошедшего времени -*ган/-ген*, но, в отличие от него, аффикс прилагательного не теряет своего начального согласного -*г-*, попавшего на стыке морфем в инлаут. Поэтому, например, в языке четко различаются слова: *ыглаган* (< *ыгла* + *аган*) «плаксивый» и *ыглаан* (< *ыгла* + *ган*) «плакал», *эмеген* (< *эм* + *эген*) «часто сосущий» и *эмген* (< *эм* + *ген*) «сосал», *аарыган* (< *аары* + *аган*) «болезненный» и *аараан* (< *аары* + *ган*) «заболел» и т.п.;

-*гар/-гер*, -*гыр/-гир*, -*гур/-гүр* – очень продуктивный аффикс, образующий от образных глаголов прилагательные, выражающие статичный признак, присущий какому-либо образу. Примеры: *қылагар* «блестящий» (< *қылай-* «быть блестящим»), *шыбыгыр* «с редкими волосами – о хвосте»

(< *шыбый*- «быть с редкими волосами – о хвосте»), *сеглегер* «косматый» (< *сеглей*- «торчать вверх – о космах»), *септигир* «косматая – о собаке» (< *септий*- «быть косматой – о собаке»), *кілегер* «гладкий» (< *кілей*- «быть гладим и скользким – как лед»).

-*гак*/*-гек*, -*қақ*/*-кек* – *аайлашқақ* «удачливый» (< *аайлаш*- «удаваться»), *харышқақ* «перекрещивающийся» (< *харыш*- «пересекаться взаимно, перекрещиваться»), *тайгақ* «скользкий» (< *тай*- «поскользнуться»), *кескек* «непоседливый» (< *кес*- «бродить, шляться»), *шээшқақ* «бодливый» (< *шээш*- «бодать»). В настоящее время этот аффикс непродуктивен;

-*ш*, -*ыш*/*-іш*, -*уш*/*-үш* – *сүзуш* «мелкий – о броне, легко проходимый пешком» (< *сүс*- «идти пешком по воде»), *бытараш* «сыпучий» (< *бытара*- «рассыпаться»), *дырылаш* «текущая струей – о жидкости» (< *дырыла*- «течь струей»);

-*аш*/*-еш* – возможно даже -**гаш*/*-*геш*, т.к. этот аффикс выделяется у основ прилагательных, образованных от глаголов с гласным аусласом, например: *аыштыңнааш* «легко открывающийся» (< *аыштыңна*- «легко открываться»), *көстүңнәш* «часто попадающийся на глаза» (< *көстүңнә*- «попадаться на глаза»), *қылаңнааш* «блестящий» (< *қылаңна*- «блестеть»), *шайлааш* «сиплый» (< *шайла*- «сипеть»). Долгота гласного показывает, что здесь, кажется, был и выпал между гласными согласный -*г*;

-*элыг*/*-эліг*, -*элуғ*/*-элүғ*, -*ылығ*/*-іліг*, -*улуғ*/*-үлүғ* – образует прилагательные, близкие по значению к пассивным причастиям прошедшего времени, очень продуктивный аффикс. По происхождению он сложный: -*элыг* – отглагольное имя на -*г* + аффикс обладания -*лыг*. Примеры: *аңдарылығ* «вывернутый внутренней стороной наружу» (< *аңдар*- «выворачивать наизнанку»), *һаағылығ* (< **һағылығ*) «закрытый на замок» (< *һағ*- «закрыть на замок, засов, замок»), *һоруғулығ* «запрещенный» (< *һору*- «запретить», ср. *һоруғ* «запрет»), *тығылығ* «туго набитый» (< *тығы*- «туго набить»), *тадығылығ* «вкусный, сладкий» (ср. др.-тюрк. *tati*= «иметь вкус»), *чарағылығ* «красивый, пригожий» (ср. др.-тюрк. *jara*= «подходить, годиться», *jaraylı* «подходящий, пригодный»), *чылығылығ* «выпивший, слегка захмелевший» (< *чылы*- «слегка выпить»), *дүрүлүғ* «скрученный в трубку» (< *дүр*- «скручивать в трубку»), *дизіліг* «нанизанный» (< *дис*- «нанизать»).

-*аачча*/*-әәчче* – образует большое количество прилагательных со значением общности, частой повторяемости признака, заложенного в семантике глагола. Примеры: *баыштаачча* «возглавляющий» (< *баышта*- «возглавлять, быть впереди»), *биләәчче* «знающий» (< *бил*- «знать»), *дуцаачча* «всегда попадающийся на пути» (< *дуи*- «попасться»), *қонаачча* «часто садящаяся – птица, бабочка» (< *қон*- «садиться – о летающем существе»), *оорлаачча* «вороватый» (< *оорла*- «воровать»);

-*ңғы*/*-ңгі* – очень редко образует адеквативы от обычных глаголов действия-состояния типа *түреңгі* «бедный» (< *түре*- «обеднеть»), но вполне регулярно создает уподобительные прилагательные от глаголов, производных от имен при помощи аффикса -*сы*-, означающего уподобление. Например: *нешсыңғы* «похожий на дерево, такой, как дерево» (< *нешсы*- «быть как дерево»), *провокасыңғы* «похожий на проволоку» (< *провокасы*- «быть как проволока»), *дэмирсіңгі* «как железо, похожий на железо» (< *дэмирсі*- «быть похожим на железо»);

-*чақ*/*-чек* – очень продуктивный аффикс, образующий прилагательные со значением общности признака, склонности к чему-либо. Например: *аарычақ* «часто болеющий» (< *аары*- «болеть»), *ачыньчақ* «злой, сердитый» (< *ачын*- «сердиться»), *чит альчақ* «чуткий, чутыстый – о собаке и т.п.» (< *чит ал*- «учуять»), *қазыльчақ* «легко копающийся – грунт и т.п.» (< *қазыл*- «копаться, поддаваться копке»), *оңчақ* «линяющий» (< *оң*- «линять, терять цвет»), *эзеньчек* «часто зевающий» (< *эзен*- «все время зевать»), *мактаньчақ* «хвастливый» (< *мақтан*- «хвалиться»), *чығышыньчақ* «липкий» (< *чығышын*- «прилипнуть»);

-*(ы)ньчығ*/*-(і)ньчиг*, -*(у)ньчуғ*/*-(ү)ньчүғ* – активно образует от глаголов чувствования и некоторых других прилагательные со значением ощущения какого-либо состояния. Например: *қорһуньчуғ* «страшный» (< *қорһ*- «бояться»), *өөрүньчуғ* «радостный» (< *өөр*- «радоваться»), *нядыньчығ* «стыдливый, вызывающий чувство стыда» (< *нят*- «стыдиться»), *удуқсаньчығ* «усыпляющий, клонящийся ко сну» (< *удуқса*- «хотеть спать»), *бұтүньчуғ* «душный» (< *бұт*- «задохнуться»), *чирһеньчиг* «отвратительный» (< *чирһен*- «чувствовать отвращение, брезгливость»).

-*ң*, -*аң*/*-әң* – этот аффикс образует прилагательные в основном от образных глаголов, являясь в некоторой степени синонимом аффикса -*гар* и создавая основы со значением характерного при-

знака, присущего какому-либо образу. Например: *арчаң* «торчащие вверх и в разные стороны – о неровных остриях» (< *арчай-* «торчать в разные стороны – об остриях»); ср. *арчаң чүме* ~ *арчагар чүме* «еж» (букв. «нечто с торчащими в разные стороны иглами»); *кілең* «гладкий», ср. *кілегер* (< *кілей-* «быть гладким»), *кілең доғиш* «гололедица»; *сеглең* ~ *сеглегер* «торчащая вверх – о стрижной гриве коня» (< *сеглей-* «торчать вверх – о стрижной гриве»); *қылаң* ~ *қылагар* «блестящий, лоснящийся» (< *қылай-* «блестеть, лосниться»), *белдэң* ~ *белдэгер* «вздутый – о животе» (< *белдэй-* «быть вздутым»). В тофаларском и прочих тюркских языках есть и другие основы, в которых можно вычленить аффикс *-н*, например: тоф. *дэрең*, хак. *тирең*, алт. *терең*, як. *дириң*, аз. *дэриң*, тур. *derin*, тат. *тирэн*, каз. *терең*, кирг. *терең*, уйг. *тирэн*, узб. *теран*, др.-тюрк. *teriŋ* «глубокий».

Кроме того, в современном тофаларском языке в основе отдельных прилагательных можно выделить аффиксы, которые уже не образуют новых основ, но в свое время, видимо, были продуктивными, так как содержатся в заметном количестве слов. Таких аффиксов немного:

-а/-е, -ы/-и, -у/-ү – образовал прилагательные со значением признака по результату действия, например: *һөнү* «прямой» (< *һөн-* «быть прямым»), *долу* «полный, наполненный» (< *дол-* «наполняться»), *қоғиша* «соседний» (ср. др.-тюрк. *qoşa* «двойной; парный» < *qoş-* «присоединяться»), *һыйа* «косой» (< *һый-* «обрезать наискось»), *һөме* «общий, всеобъемлющий» (< *һөм-* «зарывать, закапывать, охватывать со всех сторон»), *доора* «поперечный» (< *доор-* «рубить поперек»), *ээри* «кривой, согнутый» (< *ээр-* «заставить, позволить согнуть»);

-мақ-мек, -мық – образовал прилагательные с разными значениями, например: *тарамақ* ~ *тарамық саһал* «редкая борода», *тарамақ көк* «редкая трава», *тарамақ* ~ *тарамық ибилер* «разбредшиеся олени» (< *тара-* «разбредаться, расходиться в разные стороны»); *шырымақ булут* «перистые облака» (< *шыры-* «стежить, простежить»); *шөйбек* «продолговатый» (< *шөй-* «растягиваться, вытягиваться»), *шыдамық* «крепкий, выносливый» (< *шыда-* «вытерпеть, выдержать»); *шурамық чер* «расстояние, которое можно покрыть одним прыжком» (< *шура-* «прыгать»);

-һай/-һей – по значению напоминает аффиксы *-гар* и *-ң*, примеры: *даһсырһай* «твердое, бугорком – о месте среди мха, болота» (< *даһсыра-* «стать крепким и твердым – о земле»), *чылпырһай балық* «скользящая и при этом мокрая – рыба» (< *чылпыра-* «быть скользким и мокрым»), *чылчырһай* «скользящий и при этом мягкий на ощупь – рыба, мокрые ичиги и т.п.» (< *чылчыра-* «быть на ощупь скользким и мягким»), *ылбырһай* «переваренный, разваренный, разопревший» (< *ылбыра-* «развариться, разопреть»);

-ын/-ин, -ун/-үн – этот аффикс можно вычленить у слов *узун* «длинный» (ср. др.-тюрк. *uzun id.*, *iza* = «тянуться, затягиваться, удаляться»), *бұтүтүн* «целый» (< *бұт-* «заживать, зарастать – о ране; совершаться, выполняться», ср. др.-тюрк. *bütün* «весь, целый»), возможно, что этим же аффиксом образованы слова *һылын* «толстый – о чем-л. плоском» (ср. др.-тюрк. *qalın* «многочисленный, толстый, значительный по высоте», м.б. здесь корень *qali* = «подниматься вверх»), *нён* «толстый в обхвате» (ср. др.-тюрк. *joŋun, joŋan* «толстый, крупный»).

Имеются также аффиксы, которые в тофаларском языке образовали буквально единицы прилагательных:

-ээчел – нами зафиксировано лишь одно слово *чээчел* «любящий поест» (< *чи-* «есть, кушать»);

-һи – этот аффикс вычленяется в слове *эрһи* «старый, прежний, прошлый», образованием от древнего глагола **эр-* «быть», ср. тув. *эрги*, хак. *иргі*, як. *эргэ*, ж.-уйг. *эркэ* «прошлый, старый». Этот глагол **эр-* прослеживается также в тофаларских модальных частицах *эрген*, *эмши*, *эрип*, *эмесе*, *эрсе*, *эмес*.

-қа, -га – этот аффикс тоже содержится в двух словах: *қысқа* «короткий» (< *қыс-* «сжимать») и *чоруға* «быстроходный – о коне, олене» (< *чору-* «идти»);

-қал – *нятқал* «стыдливый, стеснительный» (< *нят-* «стыдиться, стесняться»);

-қын/-кін, -қун/-күн – слова, образованные этим аффиксом могут выступать не только как имена существительные, но и как прилагательные: *ол дайғада черләгән көшикүн аал* «в той тайге жил кочевой аил», *эъткін аңны аңнап* «охотясь на гонных зверей»;

-л – *қызыл* «красный» (< *қыс-* «раскалиться докрасна»), *тығыл* «слишком густая – о шерсти» (< *тыгы-* «плотно напихивать»);

-м – *аһым суғ* «проточная вода» (< *аһ-* «течь, протекать, литься»), *турум суғ* «стоячая вода» (< *тур-* «стоять»);

-ма/-ме – *тығыма* «слишком густая – о шерсти» (< *тыгы-* «плотно напихивать»).

Аффиксы отглагольно-именного словообразования

-қыры/-кірі, -ғыры/-гірі, -қуру/-күрү, -гуру/-гүрү, -ңғыры/-ңгірі, -ңгуру/-ңгүрү – очень продуктивный аффикс, образующий практически от любого имени существительного или глагола, если допускает их семантика, прилагательные со значением обильности какого-либо качества, свойства, а также активной способности к какому-либо действию. Этот аффикс, в отличие от *-лығ*, показывает на обладание большим количеством предметов. Примеры: от имен – *ташқыры* «каменистый» (< *таш* «камень»), *неішқыры* «лесистый» (< *неіш* «дерево»), *дағыры* «гористый» (< *дағ* «гора»), *суғуру* «обильный влагой» (< *суғ* «вода»), *эңгірі* «широкий» (< *эн* «ширина»), *иышкірі* «емкий – о сосуде» (< **иыш* «внутренность», ср. *иышті* «внутренняя часть, внутренность»), *чүмегірі* «зажиточный» (< *чүме* «вещь»); от глаголов – *билдінгірі* «общеизвестный» (< *билдін* «быть известным»), *дыңнаңғыры* «очень чуткий на ухо; послушный» (< *дыңна* «слушать»), *келингiрі* «часто приходящий» (< *кел* «приходить»), *қығыныңғыры* «хорошо горящий – о веществе» (< *қығып* «гореть»), *чоруңгуру* «быстроходный» (< *чору* «ходить, идти, ехать»), *көрүңгуру* «очень зоркий» (< *көр* «увидеть»), *шыиңғыры* «хорошо пишущий – о ручке, карандаше» (< *шый* «писать»). Возможно, отглагольный вариант аффикса *-ңғыры*... состоит из отглагольного имени на *-ң*, к которому присоединен аффикс *-ғыры*. Оба эти показателя, слившись, дали один сложный аффикс. Отглагольное имя на *-ң*, от этих глаголов самостоятельно не употребляется;

-цаң/-цең, изредка встречаются варианты *-ыыцаң* и *-ыгцаң*, свидетельствующие, как и в случае с аффиксом *-ңғыры*, о слиянии, срастании показателя отглагольного имени *-ғ* с аффиксом *-цаң* в один сложный аффикс. Это очень продуктивный аффикс, синонимичный аффиксу *-цақ/-чек*. Иногда эти аффиксы могут взаимозаменяться. Примеры: *дүргечең* «торопливый» (< *дүрген* «быстрый»), *қатыгцаң* «быстро сохнувший» (< возможно от *қатығ* «засохший», но не исключена вероятность и от *қат* «засыхать» + *-ыгцаң*, при этом отглагольное имя *қатығ* «засыхание» самостоятельно не употребляется), *аарыцаң* (~ *аарыцақ*) «часто болеющий» (~ *аары* «болеть»), *қадырыльцаң* «легко переламывающийся в суставе, шарнире» (< *қадырыл* «переламываться в суставе»), *сыныгцаң* «хрупкий, легко ломающийся» (< *сын* «сломаться»), *сылтаныыцаң* (~ *сылтаньцақ*) «болезненный, часто болеющий – о скоте» (< *сылтан* «заболеть»), *чоһольцаң* «заразный, легко передающийся – о болезни» (< *чоһол* «передаваться – о болезни»). Как видно из примеров, этот аффикс, как и *-цақ/-чек*, тоже образует прилагательные со значением обычности признака, склонности к чему-л.

-чал/-чыл – этот аффикс в тофаларском языке встретился лишь в двух случаях: *катчыл* в сочетании *катчыл чер* «место, где постоянно дует ветер» (< *кат* «ветер») и *утчал* «забывчивый» (< *ут* «забывать»).

3. Аффиксы, образующие числительные

Все остальные числительные, кроме количественных, дробных и приблизительных, образуются в тофаларском языке аффиксальным способом. Рассмотрим их образование подробнее.

Порядковые числительные в тофаларском языке оформляются двумя вариантами аффиксов:

- 1) *-(ы)шқы/-(и)шки*, *-(у)шқу/-(ү)шқу*;
- 2) *-(ы)шкии/-(и)шкии*.

Таким образом, существуют параллельно: *бірәшки* ~ *бірәшкии* «первый», *иһшки* ~ *иһшкии* «второй», *үчжүшқу* ~ *үчжишкии* «третий», *дөртүшқу* ~ *дөртішкии* «четвертый», *бечшики* ~ *бечшикии* «пятый», *алтышқы* ~ *алтышкии* «шестой», *чедішки* ~ *чедішкии* «седьмой», *сеһезишки* ~ *сеһезишкии* «восьмой», *тоһозушқу* ~ *тоһозышкии* «девятый», *онушқу* ~ *онышкии* «десятый», *чүзүшқу* ~ *чүзишкии* «сотый», *тыысишки* ~ *тыысишкии* «тысячный».

Кроме того, встречается также вариант *-ышқы/-шки*, употребляющийся с основами, имеющими и огубленный гласный: *үқишки*, *дөртішки*, *тоһозышқы*, *онышқы*.

К числительным, означающим десятки, присоединяется всегда твердоярдный вариант *-ышқы*, или *ышкии*, т.к. видимо, еще создается в них компонент *он* «десять», относящийся к твердоярднему сингармоничному ряду. Таким образом, у десятков мы имеем: *иһёнышқы* «20-й», *үченышқы*

«30-й», *дөртөнүшкы* «40-й», *беченүшкы* «50-й», *алтоңушкы* «60-й», *чедонүшкы* «70-й», *сеһезонүшкы* «80-й», *тоһозонүшкы* «90-й».

У составных числительных аффикс принимает последний компонент. Например: *беш чүс алтон чедішкы* «пятьсот шестьдесят седьмой», *дөрт тыысиччи сеһес чүс чедон бірәәшкы* «четыре тысячи восемьсот семьдесят первый».

Порядковое числительное *бірәәшкы* «первый» имеет свой синоним *баъшкы* «первый». При этом вариант *бірәәшкы* употребляется при счете чисел, а *баъшкы* – в функции определения. Например, нельзя сказать *бірәәшкы када* «1-й раз», можно только *баъшкы када*, нельзя сказать *бірәәшкы киши*, можно только *баъшкы киши* «1-й человек». Кроме того, встречается иногда также *буруңзуу* «передовой, находящийся впереди» как синоним *бірәәшкы* «первый».

Порядковые числительные в предложениях и словосочетаниях обычно выступают в качестве определения к существительному. Например: *учүшкү һүндә* «на третий день», *һыйыындан алы бечішкы өг мишң* «пятый дом с краю – мой», *иһишкы када келдирмен* «прихожу второй раз».

Порядковые числительные могут употребляться и самостоятельно, обозначая какое-то конкретное число, располагающееся в определенном ряду чисел и занимающее в нем свое определенное место. В таком случае порядковые числительные уподобляются существительным и могут принимать аффиксы падежа, принадлежности, сказуемости. Примеры: *оларыңның алтышкышы* «шестой из них», *мен иһишкисі мен* «я второй», *эитәрімнің үчшкисіндә аты бар* «у второго из моих друзей есть конь».

Собирательные числительные тоже образуются двумя различными аффиксами:

1) *-аан/-әән*; 2) *-аалын/-әәлін*.

При этом конечный гласный количественного числительного, от которых образуются собирательные, опускается. Таким образом, мы имеем: *иһәән ~ иһәәлін* «вдвоем, двое», *үчәән ~ үчәәлін* «втроем, трое», *дөртәән ~ дөртәәлін* «вчетвером, четверо», *бечәән ~ бечәәлін* «впятером, пятеро», *алтаан ~ алтаалын* «вшестером, шестеро», *чедәән ~ чедәәлін* «всемером, семеро», *сеһезәән ~ сеһезәәлін* «ввосьмером, восьмеро», *тоһозаан ~ тоһозаалын* «вдевятиро, девятиро», *онаан ~ онаалын* «вдесятеро, десятеро».

От количественного числительного *бірәә* «один» эти формы не употребляются. Оно само, как уже говорилось выше, является по своей этимологии собирательным числительным. В современном тофаларском языке для собирательного числительного «один» употребляется форма *нюңускаан*, образованная от слова *нюңус* «один, одинокий».

В предложении собирательные числительные могут быть главным образом сказуемыми и обстоятельствами. Примеры: *ол киши қара нюңускаан черлеп чытыры* «тот человек живет один-одинешенек», *талыйаалы иһәән* «уйдем вдвоем», *мону бис иһәән часап қазан бис* «мы это вдвоем сделали», *өгдә үчәән бис* «в доме мы втроем», *сен нюңускаан қи* «ты ешь один». Группа разделительных числительных в тофаларском языке образуется синтетически посредством следующих аффиксов:

1) *-ар/-ер* (после основ на согласные), *-лар/-лер* (после основ на гласные): *бірер ~ нюңусар* «по одному», *иһилер* «по два», *үчер* «по три», *дөртэр* «по четыре», *бечер* «по пять», *алтылар* «по шесть», *чеділер* «по семь», *сеһезер* «по восемь», *тоһозар* «по девять», *онар* «по десять», *иһенар* «по двадцать», *үченар* «по тридцать», *чүзер* «по сто».

Эта форма в тофаларском языке употребляется при простом перечислении предметов, объединенных по однородным группам, и при атрибутивном употреблении. Например: *аңшыларға чүзер оқ бергеннэр* «охотникам выдали по сто патронов», *бистә үчер иби бар болган* «у нас было по три оленя». Этим же аффиксом образуется разделительная форма и от слов *нямдық* «половина» - *нямдыгар* «по половине».

2) *-арны/-ерні* (после основ на согласные), *-ларны/-лерні* (после основ на гласные): *бірерні ~ нюңусарны* «по одному», *иһилерні* «по два», *үчерні* «по три», *дөртэрні* «по четыре», *бечерні* «по пять», *алтыларны* «по шесть», *чеділерні* «по семь», *сеһезерні* «по восемь», *тоһозарны* «по девять», *онарны* «по десять», *чүзерні* «по сто».

Здесь компонент *-ны/-ні* представляет собой аффикс винительного падежа.

Эта форма употребляется лишь в том случае, если разделительное числительное используется

субстантивированно в функции дополнения. Например: *иһилерни бээр каажный кишгә* «каждому человеку дать по два».

3) *-арлап/-ерлеп* (после основ на согласные), *-дарлап/-дерлеп* (после основ на гласные): *бирерлеп* ~ *нюнусарлап* «по одному», *иһилерлеп* «по два», *үчерлеп* «по три», *дөртерлеп* «по четыре», *бечерлеп* «по пять», *алтыларлап* «по шесть», *чедилерлеп* «по семь», *сезезерлеп* «по восемь», *тоһозарлап* «по девять», *онарлап* «по десять», *чүзерлеп* «по сто».

Эта форма употребляется лишь при выполнении разделительным числительным функции обстоятельства. Например: *иһилерлеп санаар истиг болган* «надо было считать по два», *өг часаарда неш бирерлеп қаар* «когда строят дом, кладут бревна по одному», *оларың мөңгүнүн чүзерлеп санап турлар* «они считают деньги сотнями».

4. Глаголообразующие аффиксы

Пожалуй, наибольшее количество глагольных основ в современном тофаларском языке образовано путем присоединения различных словообразовательных аффиксов к основам других частей речи. При этом сами аффиксы можно подразделить на продуктивные и непродуктивные. При помощи продуктивных аффиксов сейчас можно образовать при желании новый глагол по действующей модели. Непродуктивные уже не обладают способностью образовывать новые слова, хотя некоторые из них когда-то были продуктивными и образовали много слов. Среди непродуктивных выявляются и аффиксы, образовавшие буквально единицы слов. Рассмотрим все эти аффиксы.

1) Продуктивные аффиксы

К числу продуктивных глаголообразующих аффиксов современного тофаларского языка принадлежат немногие. Это *-ла-* и возникшие на его основе сложные аффиксы *-лан-* и *-шыла-*.

-ла- - самый активный и наиболее продуктивный из всех аффиксов. Он имеет фонетические варианты *-ле-*, *-та/-тэ-*, *-на/-нэ-*, *-да/-дэ-* и может присоединяться ко многим частям речи¹. Так, от основ имен существительных он образует производные глаголы со следующими значениями:

а) Испытывать какое-либо состояние, совершать действие, направленное на сам предмет, от названия которого образован глагол. Например: *аалда-* «гостить, быть в гостях» (< *аал* «аил»), *апта-* «показывать фокус» (< *ап* «фокус»), *қыгышта-* «зимовать» (< *қыгыш-* «зима»), *улуғ һүннэ-* «праздновать» (< *улуғ һүн* «праздник»), *қарла-* «выколачивать снег» (< *қар* «снег»), *мөңгүннэ-* «обеспечить деньгами» (< *мөңгүн* «деньги»), *тойла-* «устраивать свадьбу» (< *той* «свадебный пир»).

б) Использование предмета, от названия которого образован глагол, в качестве инструмента, орудия действия. Например: *везниктэ-* «подметать веником» (< *везник* «веник, метла»), *салда-* «плыть на плоту» (< *сал* «плот»), *тылда-* «сообщать» (< *тыл* «язык»), *мишээктэ-* «класть в мешок» (< *мишээк* «мешок»), *шкаапта-* «поместить в шкаф» (< *шкаап* «шкап»), *чеһенэктэ-* «ткнуть локтем» (< *чеһенэк* «локоть»).

в) Цель действия. Например: *иресаңна-* «охотиться на медведя» (< *иресаң* «медведь»), *чоорһанныгла-* «охотиться на медведя» (< *чоорһанныг* «медведь»), *ибиле-* «искать оленей» (< *ибиле* «олень»), *каста-* «охотиться на гусей» (< *кас* «гусь»).

г) Движение по какому-либо месту. Например: *оруқта-* «ехать, двигаться по дороге» (< *оруқ* «дорога»), *аьрһала-* «ехать по северному склону горы» (< *аьрһа* «северный склон горы»), *ийле-* «ехать по южному склону горы» (< *ий* «южный склон горы»), *һөдле-* «ходить зимой по застывшему озеру» (< *һөл* «озеро»).

От прилагательных этот аффикс образует глаголы с разнообразными значениями. Например: *няала-* «обновить, починить» (< *няа* «новый»), *каьтыгла-* «попасть в трудное положение» (< *каьтыг* «трудный»), *чылыгла-* «утеплять» (< *чылыг* «теплый»), *өскеле-* «бояться чужого человека – о детях» (< *өске* «иной, другой»), *баьшитыңна-* «быть начинателем» (< *баьшитың* «первый, передовой, начальный»), *экиле-* «сделать человеку добро, помочь» (< *эки* «хороший»).

¹ Подробнее об этом аффиксе см: Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке... 1962, с. 35-93.

Кроме того, в качестве словообразующих основ с этим аффиксом могут выступать: числительные – напр.: *үштэ*- «стреножить коня» (< *үш* «три»), *бірерле*- «брать по одному, идти по одному» (< *бірер* «по одному»), *иһиле*- «брать, ставить, класть что-либо по два» (< *иһи* «два»), *онарла*- «брать, делать, класть по десять» (< *онар* «по десять»); наречия – напр.: *шалаала*- «делать что-либо немного погодя» (< *шала* «немного погодя»), *иһикээрле*- «уйти внутрь, вглубь» (< *иһикээр* «внутри, вглубь»), *кедээрле*- «отойти повыше на гору» (< *кедээр* «повыше на гору»), *таһиқаарыла*- «выходить на улицу» (< *таһиқаары* «на улицу, наружу»); образные слова – напр.: *пуртыла*- «взвиться клубами – о пыли от удара по пыльному предмету» (< *пурт* – образ от клубов пыли), *сіртіле*- «колотиться – о сердце; дрожать – о верхушке дерева при ударе по нему» (< *сірт* – образ от чего-либо мелко дрожащего, трепыхающегося), *сыртыла*- «дергаться, дрыгаться» (< *сырт* – образ от чего-либо дрыгающегося); звукоподражательные основы – напр.: *чапыла*- «краздаваться – о звуке шлепанья» (< *чап* – подражание звуку шлепка), *тоһсыла*- «топать, топотать» (< *тоһс* – подражание звуку стука каблуков); междометия – напр.: *айуула*- «охать – от боли» (< *айуу* – междометие боли).

Наблюдаются случаи, хотя и редкие, присоединения аффикса *-ула/-ла-* к глагольным основам, например: *шала чоруулааш кел таһиты куду* «немного погуляй на улице» (здесь *чоруула*- «погулять, немного походить» < *чору*- «ходить, ехать»); *бичшиге чилээш талыйды* «немного поел и ушел» (здесь *чиле*- «немного поест» < *чи*- «есть, кушать»), *чүкшиуула*- «колоть коня ножом в затылок» (< *чүкшиу*- «ковырять, колупать, шуровать»). С этим случаем можно сопоставить употребляющийся в тофаларском языке показатель *-та-*, присоединяющийся к глаголам для придания учащательности глаголу. В истории тюркских языков аффикс *-ла-* применялся для придания глаголам количественного значения учащательности¹. Но в тофаларском языке *-ла-*, наоборот, стал придавать отдельным глаголам значение недостаточности – тоже количественное значение.

Также встретились случаи образования глаголов этим аффиксом от причастий, например: *ырарла*- 1) «рвать что-либо вдоль»; 2) «кразорвать, растерзать – о хищниках» (< *ырар* «рвущий» < *ыр*- «рвать»), *үзерле*- «кразорвать, растерзать – о хищниках» (< *үзер* «рвущий» < *үс*- «рвать»), *кәрбестэ*- «ненавидеть» (< *кәрбес* «не видящий» < *кәр*- «смотреть»), *билинбестэ*- «потерять сознание» (< *билинбес* «не чувствующий» < *билин*- «осознавать, чувствовать»).

-лан- - довольно активный аффикс, образовавшийся исторически за счет слияния словообразовательного аффикса *-ла-* с показателем возвратного залога *-н-*. О том, что *-лан-* самостоятельный аффикс свидетельствует отсутствие соответствующего действительного залога. Например, при *онуштан*- «заблуживаться» отсутствует глагол *онушта*- «заблуживать», *онушта*- означает «ехать по болоту», при *суғлан*- «покрыться мозолью» - нет *суғла*- «покрыть мозолью», *суғла*- означает «поливать» и т.п. Наличие самостоятельного аффикса *-лан-*, как результата дальнейшего развития *-ла-*, получившего благодаря компоненту *-н-* также значение медиальности наряду с непереходностью, в тюркологии можно считать доказанным благодаря специальному исследованию Э.В. Севортыяна². В тофаларском языке этот аффикс имеет фонетические варианты *-лен-*, *-тан/-тэн-*, *-нан/-нэн-*, *-дан/-дэн-*. Особенности его употребления и главные значения те же в основном, что и у *-ла-*, только здесь преобладают значения перехода в новое состояние, качество, обозначения чем-либо, испытывание какого-либо состояния, реже – обычное занятие чем-либо. Примеры: *ақаштан*- «расцветать» (< *ақаш* «цветок»), *өғлен*- «обзавестись семьей, жениться» (< *өғ* «дом, юрта»), *бырышлан*- «образоваться – о рубце, шраме на месте раны» (< *бырышы* «рубец, шрам»), *чағлан*- «ожиреть, стать жирным» (< *чағ* «жир»), *сөөктэн*- «окостенеть» (< *сөөк* «кость»), *өскелен*- «быть несогласным, идти против чьего-либо мнения» (< *өске* «иной, другой»).

-шыла- - сложный аффикс, образовавшийся за счет слияния показателя *-шы* (аффикс имени деятеля) с аффиксом *-ла-*. Он имеет вариант *-шіле-*. Образует от имени существительных глаголы со значением «просить что-либо, пойти за чем-либо». Примеры: *чүшіле*- «что просить?» (< *чү?* «что?»), *мөңгүшіле*- «просить деньги», *сүтшіле*- «просить молока» (< *сүт* «молоко»), *һиләэмшіле*- «просить хлеба» (< *һиләэм* «хлеб»), *чүшілеп келдің?* – *крааблышылап келдİM* «что пришел просить? – грабли просить пришел». Этот аффикс не отмечен в других тюркских языках и может считаться спецификой тофаларского языка.

-са- - очень активный аффикс, имеет вариант *-се*, других вариантов не обнаружено. От любого

¹ См: Севортыян Э.В. Указ. соч., с. 90.

² См.: Севортыян Э.В. Указ. соч., с. 96-97.

имени существительного образует глагол со значением желания, стремления владеть этим предметом, нуждаться в этом предмете. Например: *ihuce-* «нуждаться в матери» (< *ihe* «мать»), *иъсігсе-* «любить жару, все горячее» (< *иъсіг* «жара»), *сугса-* «жаждать» (< *суг* «вода»), *оолса-* «хотеть сына» (< *оол* «сын»), *чагса-* «сильно хотеть сала» (< *чаг* «сало»), *бооса-* «хотеть иметь ружье» (< *боо* «ружье»), в произношении отдельных людей здесь слышится вместо *с* звонкий *з*, например, *сугза-* «жаждать», *бооза-* «хотеть иметь ружье» и т.п.

-сы- - очень активный аффикс, имеет варианты *-сі-*, *-су-/сү-*, *-зы-/зі-*, *-зу-/зү-*. Образует глаголы со значением уподобления, имеет также значение «считать себя за...». Примеры: *бегсі-* «считать себя начальником» (< *бег* «начальник»), *аңсы-* «одичать – о домашних животных» (< *аң* «зверь»), *иһесі-* «считать себя матерью» (< *ihe* «мать»), *оолсы-* «считать себя маленьким мальчиком» (< *оол* «мальчик»), *уругсу-* «считать себя ребенком» (< *уруг* «ребенок»), *балықсы-* «пахнуть рыбой» (< *балық* «рыба»), *онушсу-* «пахнуть болотом» (< *онуш* «болото»), в произношении некоторых людей здесь вместо глухого *с* слышится звонкий *з*, например, *аңзы-* «одичать – о домашних животных», *оолзы-* «считать себя маленьким мальчиком» и т.п.

-сын- - активный аффикс с вариантами *-сін-*, *-сун-/сүн-*, *-зын-/зін-*, *-зун-/зүн-*. Он является дальнейшим развитием аффикса *-сы-* за счет добавления к нему показателя возвратного залога *-н-*. Основным значением является значение уподобления с различными оттенками семантики, а также развитие на базе этого основного значения различных переносных значений. Примеры: *буруусун-* «признать свою вину, чувствовать себя виноватым» (< *буруу* «вина»), *çoқсын-* «переживать, сожалеть о пропаже» (< *çoқ* «нет; отсутствующий»), *баъқсын-* «быть недовольным» (< *баъқ* «плохо; плохой»); *эккісін-* «радоваться; любить» (< *эккі* «хороший; хорошо»), *эптігсін-* «интересоваться» (< *эптіг* «интересный»), *бичесін-* «обижаться, что дали мало; казаться малым» (< *биче* «мало»), *иһесін-* «относиться к чужой матери как к родной, считать за свою мать» (< *ihe* «мать»), *эһсін-* «считать своим другом» (< *эһ* «друг»).

-сыра- - этот аффикс тоже является производной формой от *-сы-*, встречаются его варианты *-сіре-*, *-зыра-/зіре-*. Основным значением является привативное значение. На его базе развились оттенки «не мочь без чего-либо, сильно нуждаться в чем-либо», а также «сильно желать чего-либо». Примеры: *шенсіре-* «ослабеть, совсем лишиться сил» (< *шен* «сила»), *иһесіре-* «немочь без матери» (< *ihe* «мать»), *иътіксіре-* «нуждаться в обуви» (< *иътік* «ичиги; обувь»), *қаассыра-* «любить все красивое, нарядное» (< *қаас* «узор»), *иъсігсіре-* «хотеть горячего» (< *иъсіг* «горячее»), *оолсыра-* «очень хотеть сына» (< *оол* «сын»), *чагсыра-* «сильно хотеть сала» (< *чаг* «сало»). В значении желания аффикс *-сыра-* переключается с показателем *-са-*. Разница в том, что *-сыра-* выражает высшую степень желания, когда выражается состояние, при котором уже невозможно обойтись без предмета желания. Показатель *-са-* выражает просто нейтральное желание, пожелание иметь тот или иной предмет.

Другой группой значений данного аффикса в тофаларском языке является «испытывать какое-либо состояние, чувство». Например: *шынзыра-* «задаваться, думать о себе, что только сам человек» (< *шын* «правда»), *чобагзыра-* «быть очень усталым, измученным» (< *чобаг* «мученье»), *чүрексіре-* «лениться» (< *чүрек* «сердце»), *сагышсыра-* «сильно переживать» (< *сагыш* «дума»), *нюңуссыра-* «чувствовать одиночество» (< *нюңус* «одинокий»). Кроме того, выявляются несколько основ со значением перехода в другое состояние, качество. Например: *баъқсыра-* «худеть, слабеть» (< *баъқ* «плохой»), *туйугсыра-* «износиться, стать плохим – о копытах» (< *туйуг* «копыто»), *қансыра-* «кровоточить» (< *қан* «кровь»).

2) Непродуктивные аффиксы

К числу этих аффиксов мы отнесли все те, которые сейчас не образуют новых глаголов, если возникает необходимость, хотя некоторые из них еще совсем недавно, видимо, были довольно активны, о чем свидетельствует относительно большое количество производных основ, в которых они прослеживаются. Ряд же аффиксов образовал небольшое количество основ. Рассмотрим все эти аффиксы.

-а- - в недавнем прошлом довольно активный аффикс, имеет варианты *-е-*, *-ы-/і(u)-*, *-у-/ү-*, хотя более употребителен *-а-/е-*. Он образовал много глаголов от различных именных частей речи,

напр.: *сиуре-* «выдергивать из туши сухожилия для ниток» (< *сиур* «сухожилие»), *дүце-* «видеть сон» (< *дүш* «сон»), *изе-* «делать след; оставить след» (< *ис* «след»), *орна-* «замещать» (< *орун* «место»), *ода-* «разводить огонь, топить» (< *от* «огонь»), *сыыгача-* «обмелеть» (< *сыыгаиш* «мелкий»), *даза-* «облысеть» (< *тас* «плешивый»), *қысыра-* «быть яловой» (< *қысыр* «яловая»), *байы-* «разбогатеть» (< *бай* «богатый»), *аара-* «стать тяжелым» (< *аар* «тяжелый»).

Кроме того, довольно много глаголов образовал этот аффикс от звукоподражательных основ, например: *мүчүре-* «хрустеть» (< *мүчүр* – «подражание хрусту, хрупанью»), *чыңгыра-* «звенеть» (< *чыңгыр* – «подражание звону»), *чычыра-* «чирикать» (< *чычыр* – «подражание чириканью птичек»), *кйбіре-* «цокать, топтать копытами во время скачки – о коне» (< *кйбір* – подражание топоту скачущего коня). Выявились несколько основ, производных от образных слов, например: *ниндіре-* «колыхаться – о болоте» (< *ниндір* – образ чего-либо трясущегося как студень), *һыймыра-* «кишеть» (< *һыймыр* – образ от кишения множества существ на одном месте). Встретились единичные случаи образования глаголов от причастий, например: *тыынбаса-* «затупиться» (< *тыынбас* «тупой, не режущий – о лезвии» < *тыын-* «резать, брать – о лезвии, ноже»).

-арһа- образовал довольно много глаголов в тофаларском языке как от существительных, так и прилагательных, имеет варианты *-ерһе-*, *-ырһа-/ипһе-*, *-урһа-/үрһе-*. Основными значениями являются «кичиться чем-либо», «считать себя таким-то». На их базе развились побочные и переносные значения. Примеры: *байыырһа-* «считать себя чересчур богатым, кичиться богатством» (< *бай* «богатый»), *улуурһа-* «хвалиться своим высоким положением» (< *улуғ* «большой»), *күчүрһе-* «считать себя сильным, кичиться своей силой» (< *күш* «сила»), *сабаарһа-* «страдать от отсутствия мясной пищи» (< *сабаан* «постный, без жира»).

-к- образовал довольно много глагольных основ от различных частей речи с непереходным и медиальным значением. Например: *этик-* «поправиться, войти в тело – о животных» (< *эйт* «мясо», ср. др.-тюрк. *etik-* «увеличиваться, полнеть»), *чолуқ-* «встретиться на пути» (< **чол*, ср. др.-тюрк. *jol* «дорога, путь»), слово *чол* в значении «дорога» в современном тофаларском языке отсутствует), *эчик-* «подружиться» (< *эш* «друг»), *һулуқ-* «работать через силу, надрываться» (< *һул* «батрак»), *аақ-* «отравиться» (< *аа* «яд»), *сууқ-* «вымокнуть» (< *суғ* «вода»), *ниидік-* «помолодеть» (< *ниит* «молодой»), *бирик-* «объединиться» (< *бір* «один»).

-қар- образовал довольно много основ с различными переходными значениями от существительных и прилагательных. Имеет варианты *-кер-*, *-гар-/гер-*. Встречается лишь с широкими гласными. Примеры: *дәңгер-* «сравнивать» (< *дәң* «равный, ровный»), *бағышқар-* «руководить» (< *бағыш* «голова»), *немгер-* «кормить» (< *нем* «пища»), *оьтқар-* «пасти скот на подножном корме» (< *оьт* «трава»), *суғар-* «поить животных» (< *суғ* «вода»), *тағышқар-* «выгнать наружу» (< **тағыш*, ср. др.-тюрк. *taş*, совр. тоф. *тағышты* «внешняя сторона»).

-қыр- имеет варианты *-кйр-*, *-гыр-/гйр-*, *-күр-/күр-*, *-һыр-/һйр-*, *-һүр-/һүр-*. Э.В. Севортяном рассматривается как вариант аффикса *-қар*¹. В тофаларском языке аффикс *-қыр-* используется преимущественно для образования звукоподражательных глаголов от звукоподражательных основ и изредка междометий, как и в других тюркских языках. Примеры: *мөөкүр-* «мычать» (*мөө* – подражание мычанью), *һүскүр-* «наускивать собаку» (< *һүсь*, *үсь* – междом. – уськанье собаки), *баққыр-* «квакать» (< *бақ* – подражанье кваканью), *бырһыр-* «фыркать, отфыркиваться» (< *быр*, *пыр* – подражание фырканию), *бүрһүр-* «прыскать изо рта воду» (< *бүр*, *пүр* – подражание прысканию), *тағқыр-* «токовать, тэкать – о токующем глухаре» (< *тағ* – крик токующего глухаря).

-р- образует от прилагательных глаголы со значением перехода в новое качество, приобретение тех или иных качеств, свойств. Примеры: *эккйр-* «выздороветь» (< *эккй* «хороший»), *доңғуар-* «стать безрогим» (< *доңғур* «безрогий, комолый»), *муьһуар-* «сделаться куцом, обрубленным» (< *муьһур* «куцый»), *сарғар-* «пожелтеть» (< *сарығ* «желтый»), *қарар-* «исчернеть» (< *қара* «черный»), *көгер-* «посинеть» (< *көк* «синий»). Заметное количество глаголов образовал этот аффикс и от образных основ. Например: *ырғар-* «наклониться» (< *ырға* – образ от кого-либо сгорбленного), *үбрер-* «сжаться в комок – о маленьком зверьке» (< *үбре* – образ от чего-либо маленького, сжавшегося в комок).

-чы- имеет варианты *-чи-*, *-чу-/чү-*, *-чы-/чи-*, *-чу-/чү-*, образовал немного глаголов с меди-

¹ См: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 259, 262-269.

альным значением от именных основ, например: *дэңге*- «быть ровным – о поверхности; быть равным – при сравнении» (< *дэң* «ровный, равный»), *отчу*- «разгораться – об огне» (< *от* «огонь»), *мунчү*- «быть наваристым – о супе» (< *мүн* «суп»).

-ньчы- - этот аффикс образовал от глагольных основ новые глагольные основы со значением «чувствовать, ощущать, испытывать какое-либо чувство». Имеет варианты *-ньчи*-, *-ньчу*-/*-ньчү*-. Возник этот аффикс за счет слияния показателя возвратного залога *-н*- с аффиксом *-чы*-, который в единичных случаях употребляется самостоятельно, без этого *-н*-. Примеры: *шугулданычы*- «чувствовать раздражение, зло» (< *шугулда*- «сердиться»), *коьрхуньчу*- «испытывать чувство страха, быть в состоянии страха» (< *коьрт*- «бояться»), *шыланычы*- «чувствовать усталость, утомление» (< *шыла*- «уставать, занеметь»), *доңуньчу*- «ощущать холод, зябнуть» (< *доң*- «замерзнуть»), *ыглаксанычы*- «испытывать такое состояние, когда хочется плакать» (< *ыглакса*- «хотеть плакать»).

5. Аффиксы, образующие наречия

Способ аффиксации широко используется в современном тофаларском языке для образования наречий. Так, для образования наречий образа действия от прилагательных очень активен аффикс *-га/-ге*, *-қа/-ке*, омонимичный показателю дательного-направительного падежа *-га*. При помощи этого аффикса образуются наречия как от качественных прилагательных, так и от относительных, образованных аффиксами *-лыг* и *-қуру*. Например: *дааи чоққа* «бесшумно», *тығққа* «сильно, громко», *тыһыраққа* «быстро», *баьққа* «плохо», *дэңге* «ровно, равно, поровну», *байга* «богато», *элекке* «преждевременно», *беькке* «крепко, прочно», *күштүге* «силой», *чоллыга* «счастливо», *ээлгирээ* «быстро, проворно» (< *ээлгирі* «проворный»), *дааиқыраа* «громко» (< *дааиқыры* «громкий»). Присоединяется этот показатель и к отрицательному причастию будущего времени на *-бас*: *билдирбеске* «крадучись, незаметно, тайно», *ээлбеске* «медленно, неповоротливо», *тыһырабасқа* «неторопливо». Интересны случаи образования наречий этим аффиксом от прилагательных, оформленных как имена существительные показателем принадлежности 3-го лица, например: *тіришге* «заживо, живьем» (< *тіриг* «живой»), *шыгыңга* «полусырым, недоваренным» (< *шыг* «сырой, неваренный»).

Адвербиализуются также формы современного дательного-направительного падежа, например: *таьштыга* «наружу, на улицу», *ыраққа* «далеко, вдаль», *чоогаишка* «сюда поближе», *үстүнге* «выше, наверху, сверху».

Для образования наречий, в основном места и времени, употребляются также современные местно-временной и исходный падежи с показателями *-да* и *-дан*, например: *бірердэ* «иногда» (< *бірер* «по одному»), *шаанда* «давно» (< *шаг* «время»), *бедіктэ* «высоко, в вышине», *ырақта* «вдалеке», *чоогаишта* «вблизи», *бариада* «всегда, постоянно», *бірдэ* «один раз, однажды» (< *бір* «один»), *имирдэ* «в сумерках»; *һүңгээрідэн* «с юга», *қараңгаарыдан* «с севера», *ырақтан* «издалека», *чоогаиштан* «вблизи», *үстүндэн* «сверху». Кроме того, показатель исходного падежа образует наречия места от прилагательных, например: *бедіктэн* «высоко», *түһүктэн* «низко» (например, летит самолет).

Чисто наречным стал аффикс *-лап/-леп*, *-тап/-тэп*, *-нап/-нэп*, образующий наречия образа действия от существительных. Например: *бырааттап* «по-бурятски», *тофалап* «по-тофаларски», *эптэп* «как следует», *соңнап* «с опозданием», *пүүттэп* «пудами», *саэмалап* «взаймы», *шыннап* «правильно», *онуштап* «по болоту, болотом», *қылаштап* «пешком». Аффикс *-лап* представляет собой по происхождению сложение словообразовательного глагольного аффикса *-ла*- и деепричастия на *-п*.

Очень активное образование наречий за счет адвербиализации форм слитных деепричастий от каузативных глаголов (о чем см. выше) вызвало к жизни абстракцию ряда наиболее частотных показателей и закрепление за ними чисто наречного значения. Так, например, комплексы *-ды* и *-дыры* в отглагольных наречиях этого типа (*чоруду* «на ходу», *узады* «протяжно», *һүнзеді* «весь день», *һылынады* «толсто», *няндыры* «обратно», *сундуру* «бегом», *улгаттыры* «крупно» и т.п.) стали восприниматься как наречные аффиксы и поэтому при помощи их начали образовываться наречия и от прилагательных, например: *эьккіді* «хорошо» (< *эьккі* «хороший»), *тэькті* «быстро»

(< *тэъқ* «быстрый, спешный»), *қаътыгды* «крепко, прочно» (< *қаътыг* «крепкий»), *амды* «сейчас» (< *ам* «сейчас»), *чараитыры* «мелко, не крупно» (< *чараи* «маленький, мелкий, не крупный»), *туътуштуру* «постоянно» (< *туътуш* «постоянный»). Таким образом, в тофаларском языке происходит становление наречных аффиксов *-ды* и *-дыры*.

Итак, суммируя произведенный выше разбор системы словообразования знаменательных частей речи современного тофаларского языка, следует отметить, что наиболее активными способами производства новых слов в этом языке были и остаются в первую очередь аффиксальный, при помощи которого образована львиная доля производных слов, затем неаффиксальные способы, из которых употребительны лексикализация переносных значений слов, лексикализация различных морфологических форм и лексикализация различных синтаксических словосочетаний и конструкций. Система словообразования современного тофаларского языка предстает, таким образом, довольно развитой и гибкой.

Глава IV

СИСТЕМА СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА

В современном тофаларском языке, как и вообще в тюркских языках¹, формы словоизменения представлены по сути дела лишь в двух самых крупных и основных лексико-грамматических классах слов: в именах и глаголах. При этом класс имен трактуется широко, включая наряду с именами существительными и имена прилагательные и числительные в субстантивной функции, поскольку именные словоизменительные категории числа, принадлежности и падежа присущи лишь субстантивам. Это их главный формальный признак наряду с функциональным. Прилагательные, кроме того, имеют в тофаларском языке особые грамматические формы для выражения количественной характеристики признака.

Формами словоизменения в тофаларском языке обладают и местоимения, указывающие соответственно на имя или глагол. Только по этой причине мы включаем местоимение в данную главу.

Остальные же части речи: наречия, образные слова, междометия, служебные слова (послелог, союзы, связки) и модальные слова и частицы являются в тофаларском языке, как и вообще в тюркских языках², неизменяемыми словами, не имеющими форм словоизменения. По этой причине они исключаются из рассмотрения в данной главе³.

Проанализируем ниже формы словоизменения, представленные в тофаларском языке.

§ 1. ФОРМЫ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ИМЕН

1. Формы числа

Имя существительное в тофаларском языке в форме своей основы не содержит указаний на число и в зависимости от лексического значения и конкретной ситуации может означать как единичный предмет или лицо, так и некую совокупность в целом. Поэтому, например, выражение *ибим чоқ* можно понимать и как «у меня нет оленя», и как «у меня нет оленей» или «я безоленный», а в выражении *мен балық туьтқан мен* «я ловил рыбу» существительное *балық* без показателя числа указывает на неопределенное множество пойманных рыб. К такого типа именам относится, например, довольно многочисленная группа слов, называющих животный и растительный мир: *аң* «зверь//звери», *мал* «домашнее животное//скот», *балық* «рыбина//рыбы, рыба», *көк* «травянистое растение//трава; сено», *қат* «ягода//ягоды», *сээк* «муха, мошка//мухи, мошкара», *өдүрек* «утка//утки» и т.п.

В тофаларском языке, по нашим наблюдениям, отсутствует категория числа как грамматическая категория с ее функциональным противопоставлением единственного числа множественному и согласованием по числу в атрибутивных сочетаниях, какие присущи, например, индоевропейским языкам – языкам флективного строя (ср. русск. конь – кони, рука – руки; быстрый конь – быстрые кони, моя рука – мои руки). В исследуемом языке нет согласования по числу в сфере атрибутивных словосочетаний, то есть нормы языка здесь требуют сочетаний типа *улуг таиштар* «большие камни», но не *улуглар таиштар*, а форма основы без показателя множественности, например, *аьт* «конь//кони», указывает не только на единичность, но и на совокупность, о чем уже упоминалось выше. Все это дает основание говорить для тофаларского языка лишь о форме множественности, но не о категории числа. Данное положение вообще свойственно тюркским языкам. Оно было выдвинуто и убедительно обосновано В.Г. Гузевым и Л.М. Насиловым⁴, а тофаларский материал лишний раз свидетельствует о его справедливости.

Хотя в тофаларском языке и нет формального противопоставления единственного и множественного чисел как признаков грамматической категории, в нем в то же время представлены различные средства (лексические, морфологические и синтаксические) для выражения как единичности, так и множественности предметов.

¹ См.: Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л.: Наука, 1977, с. 23.

² См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 26.

³ Подробнее о них см.: Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, с. 244-273.

⁴ См.: Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. – ВЯ, 1975, с. 98-111.

Формальное выражение в тофаларском языке получила лишь неопределенная множественность, показателем которой является общетюркский аффикс *-лар*¹. Его фонетическими вариантами выступают: *-лер*, *-нар/-нэр*, *-тар/-тэр*. Примеры: *даг* «гора» - *даглар* «горы»; *таш* «камень» - *таштар* «камни»; *һөл* «озеро» - *һөллер* «озера»; *өг* «дом» - *өглөр* «дома»; *һем* «река» - *һемнэр* «реки»; *киши* «человек» - *кишилер* «люди». При этом *-лар* придает имени значение неопределенного множества, для которого актуально лишь конкретное указание на то, что таких-то предметов больше, чем один, но неважно сколько именно. Эта особенность формы на *-лар* позволила ей развить также более обобщенное значение собирательности, например: *төрүшкеннэр* «родные братья» (*төрүшкен* «родившийся вместе»), *нииттэр* «молодежь» (*ниит* «молодой»), *қырганнар* «старики» (*қырган* «старый; старик»), *қызыллар* «красные» (*қызыл* «красный»); *Адамонтар* «Адамовы, семья Адамовых», *Сынайлар* «семья Сыная», *Буктурбайлар* «Буктурбаевы».

Следует отметить, что собирательность в тофаларском языке получила и другое формальное выражение наряду с *-лар*.

Так, имеется особый аффикс *-лышқы*, который придает значение собирательности, коллективности, хотя и ограниченному кругу лексем, включающих в основном термины родства, например: *аьһалышқы* «старшие братья» (*аьһа* «старший брат»), *убалышқы* «старшие сестры» (*уба* «старшая сестра»), *бацалышқы* «свои» (*баца* «свои»), *шоозалышқы* «тезки» (*шооза* «тезка»), *ааллышқы* «родственники; одноаульцы» (*аал* «стойбище, аул»).

От слов *ата* «отец», *иьһе* «мать», *аца* «папа», *аба* «мама», *эи* «друг» зафиксировано образование сложных (а, возможно, и аналитических) основ со значением собирательности при помощи постановки к ним в постпозицию негармонирующего элемента *гуш* с неясной для современного тофаларского языка этимологией. Например: *атам гуш*, *ацам гуш*, *иьһем гуш*, *абам гуш* «мои родители», *эцим гуш* «мои друзья».

Собирательность выражается также парным основосложением. Суть данного процесса заключается в том, что происходит равноправное сложение двух исходных простых основ имен существительных с разным лексическим значением (но в пределах одного семантического поля) в одну сложную основу, получающую новое значение некоторой собирательности, коллективности, обобщенности. Например: *аьһа дуьма* «братья» (*аьһа* «старший брат» + *дуьма* «младший брат»), *чер суь* «страна; родина» (*чер* «земля» + *суь* «вода»), *сээк масс* «насекомые» (*сээк* «муха» + *мас* «паут»).

Но в то же время в тофаларском языке обнаруживается ряд слов, которые обычно избегают форм множественности и обычно в речи употребляются в форме основы, так как они по своей семантике нейтральны по отношению к числу. К таким лексемам, например, относятся:

1. Названия предметов или явлений, существующих в природе единично. Это слова типа *даң* «утренняя заря», *имир* «сумерки», *ай* «луна», *һүн* «солнце», *иолтан* «Венера», *қараңгаары* «свер», *һуңгәәри* «юг», *буруңгаары* «восток», *соңгаары* «запад» и т.п.

2. Слова, обозначающие различные металлы, минералы, жидкости, дискретные вещества, например: *дэмир* «железо», *алтан* «золото», *чес* «медь», *күкэр* «сера», *һөө* «уголь», *сүт* «молоко», *суь* «вода», *дус* «соль», *тоьш* «лед», *ыш* «дым», *һум* «песок», *сай* «галька», *мөңгүн* «деньги», *цаг* «сало, жир», *таьһан* «мука». Но если речь идет о выделении какого-либо конкретного сорта или группы подобных веществ, то некоторые из этих слов могут принимать аффикс *-лар*, как например, *қара ақ таьһаннар* «черная и белая мука», *түьрһүүр цаглар* «смазочные масла».

3. Имена, обозначающие парные части тела или парные предметы, например: *қарақ* «глаза», *қулақ* «уши», *бут* «ноги», *қол* «руки», *миис* «рога», *өьһүн* «плечи», *элдік* «рукавицы», *эьтік* «сапоги», *сырга* «серьги». При конкретизации единичности этих предметов употребляется особое выделительное слово *саарсық*, например: *саарсық қол* «одна из рук», *саарсық миис* «один рог».

4. Существительные, обозначающие процесс, результат или название действия, а также некоторые абстрактные имена с отвлеченным значением, например: *түьрһүүшкүн* «трение», *һемнәшкін* «взвешивание», «измерение», *сунуг* «беготня», *саьтыг* «стоимость», *нядыньчыг* «стыд», *шыланьчыг* «утомление», *уьйһю* «сон».

¹ Подробнее о нем см.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 82-95.

2. Формы принадлежности

Категория принадлежности в тофаларском языке – категория грамматическая, устанавливающая отношение конкретной принадлежности между обладателем и предметом обладания.

Морфологический способ выражения отношения принадлежности состоит в том, что к слову, называющему предмет обладания, присоединяется соответствующий этому лицу аффикс принадлежности. В тофаларском языке употребляются следующие аффиксы личной принадлежности:

а) В словах, оканчивающихся на гласный:

Ед. число	Мн. число
1-е л. -м	-быс/-бис, -бус/-бүс
2-е л. -ң	-ңар/-ңер
3-е л. -сы(-зы)/-си(-зи) -су(-зу)/-сү(-зү)	-сы(-зы)/-си(-зи) -су(-зу)/-сү(-зү).

б) В словах, оканчивающихся на согласный:

Ед. число	Мн. число
1-е л. -ым/-ім, -ум/-үм	-ыбыс/-ібис, -убус/-үбүс
2-е л. -ың/-ің, -уң/-үң	-ыңар/-іңер, -уңар/-үңер
3-е л. -ы/-і, -у/-ү	-ы/-і, -у/-ү.

При необходимости уточнения числа обладателей в 3-м лице прибегают к форме родительного падежа соответствующего местоимения 3-го лица.

При именах, оформленных показателем множественности *-лар*, аффикс личной принадлежности ставится после него.

Следует отметить, что при присоединении этих показателей к основам, оканчивающимся на согласный, последние попадают в интервокальное положение и претерпевают ряд видоизменений, либо растворяясь в соседних гласных, либо чередуясь с согласным совершенно иного качества, либо просто озвончаясь. Обо всех этих чередованиях подробно говорилось в 1-й главе.

Проиллюстрируем употребление аффиксов личной принадлежности тофаларского языка на нескольких примерах с разными фонетическими типами основ:

Ед. число	<i>ата</i> «отец»	Мн. число
1) <i>атам</i> «мой отец»		1) <i>атабыс</i> «наш отец»
2) <i>атаң</i> «твой отец»		2) <i>атанар</i> «ваш отец»
	3) <i>атасы</i> (~ <i>атазы</i>) «его (их) отец»	

Ед. число	<i>баһи</i> «голова»	Мн. число
1) <i>баһим</i> «моя голова»		1) <i>баһибыс</i> «наша голова»
2) <i>баһин</i> «твоя голова»		2) <i>баһиңар</i> «ваша голова»
	3) <i>баһи</i> «его (их) голова»	

Ед. число	<i>даш</i> ~ <i>таш</i> «камень»	Мн. число
1) <i>даһым</i> «мой камень»		1) <i>даһыбыс</i> «наш камень»
2) <i>даһың</i> «твой камень»		2) <i>даһыңар</i> «ваш камень»
	3) <i>даһы</i> «его (их) камень»	

Ед. число	<i>даг</i> «гора»	Мн. число
1) <i>даам</i> «моя гора»		1) <i>даабыс</i> «наша гора»
2) <i>дааң</i> «твоя гора»		2) <i>дааңар</i> «ваша гора»
	3) <i>даа</i> «его (их) гора»	

ай «саранка»

Ед. число

1) *ээм* «моя саранка»

(< **айым*)

2) *ээң* «твоя саранка»

(< **айың*)

Мн. число

1) *ээбыс* «наша саранка»

(< **айыбыс*)

2) *ээңар* «ваша саранка»

(< **айынар*)

3) *ээ* «его (их) саранка»

(< **айы*)

өөк «пуговица»

Ед. число

1) *өөгүм* «моя пуговица»

2) *өөгүң* «твоя пуговица»

Мн. число

1) *өөгүбүс* «наша пуговица»

2) *өөгүңер* «ваша пуговица»

3) *өөгү* «его (их) пуговица».

С категорией принадлежности в тофаларском языке, как и в других тюркских языках¹, связана категория обладания, выражаемая в других языках глаголом «иметь», который вообще отсутствует в тюркских языках. Так, например, понятие «этот конь имеет хозяина» должно быть передано по-тофаларски словами *бо аъттың ээзи бар*, что буквально означает «хозяин этого коня имеется». Наличие передается словом *бар*, а отсутствие – словом *чоқ* (варианты *чоқ*, *йоқ*). Например: *ол аъттың гөгү бар* «у того коня есть сено», *боом чоқ* «у меня нет ружья», *өө йоқ киши* «не имеющий дома человек», *иһи ибисі бар киши* «человек, имеющий двух оленей», «человек, у которого есть два оленя» (наряду с *иһи ибиліг киши*).

3. Формы падежа

В тофаларском языке имена существительные в составе предложения выступают в форме различных падежей. Падеж для имени – это форма, возникающая в предложении и определяемая синтаксическими отношениями данного слова к другим словам в предложении. Вся совокупность падежных форм представляет собой систему склонения. В тофаларском языке, как и во всех тюркских языках, склонение является морфологически единым, т.е. оно обслуживается одними и теми же аффиксами, имеющими лишь фонетические варианты.

Все падежные аффиксы прибавляются после показателей множественности, если существительное стоит в форме множественного числа, и после аффикса принадлежности, если оно имеет форму принадлежности.

Падежная система в тофаларском языке представлена восемью падежами: 1) основным, 2) родительным, 3) дательно-направительным, 4) винительным, 5) местным, 6) исходным, 7) частным, 8) продольным.

Как уже говорилось выше, все падежные аффиксы современного тофаларского языка имеют фонетические варианты, которые определяются конечным звуком основы и характером состава гласных звуков основы, т.е. сингармонизмом. При этом существуют некоторые отличия в формах аффиксов, смотря по тому, присоединяются ли они непосредственно к именной основе, или же к основе, осложненной показателями личной принадлежности. Поэтому целесообразно рассмотреть порознь эти разновидности типов склонения.

Разберем сначала показатели простого склонения.

1. Основной падеж. В тюркологической литературе он еще называется безаффиксальный, неопределенный, именительный падеж². Он является исходной формой для образования других падежей, сам же не имеет особого аффикса, совпадая внешне с основой слова (т.е. имеет нулевой показатель падежа). Этот падеж в тофаларском языке полифункционален. Основными вопросами к этому падежу являются *кум?* «кто?» и *чу* «что?». Причем вопрос *кум?* «кто?» ставится только по отношению к человеку.

¹ См.: Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка: М.; Л., 1948, с. 59.

² Подробнее об истории названия основного падежа и о содержании этого термина см.: Боргояков М.И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976, с. 28-33; Щербак А.М. Указ. соч., с. 29.

2. Родительный падеж. В тофаларском языке он выражает принадлежности предмета (лица) или явления другому предмету (лицу) или явлению. В отличие от основного падежа в изафетной конструкции, идея принадлежности здесь является конкретной, определенной. По сути дела это грамматическое выражение определенности. Данный падеж отвечает на вопросы *қумну?* «кого?», «чей?», «чья?», «чье?» и *чүнүн?* «чего?» и образуется аффиксами:

а) *-ның/-нің, -нуң/-нүң*, если основа оканчивается на любой гласный или дифтонг, а также на все согласные-сонанты (*э, й, м, н, ң, р, л*). Например: *дагның* «горы» (*даг* «гора»), *айның* «луны, лунный» (*ай* «луна»), *хамның* «шамана» (*хам* «шаман»), *доннуң ~ донның* «шубы, шубный» (*доң* «шуба»), *аңның* «зверя, звериный» (*аң* «зверь»), *қарның* «снега, снежный» (*қар* «снег»), *солнуң ~ солның* «сына, сыновий» (*оол* «сын»);

б) *-тың/-тің, -туң/-түң*, если основа слова оканчивается на любой глухой согласный. Например: *аъттың* «коня» (*аът* «конь»), *эттің* «мяса» (*эът* «мясо»), *эштиң* «друга» (*эши* «друг»), *бөрттуң* «шапки» (*бөрт* «шапка»), *сооқтуң* «мороза» (*сооқ* «мороз»), *оттуң ~ оттың* «огня» (*от* «огонь»), *балықтың* «рыбы» (*балық* «рыба»).

3. Дательно-направительный падеж оформляет косвенное дополнение – объект, на который направлено действие. Направленность действия при этом принимает самые разнообразные варианты – от непосредственной до абстрактной формы ориентировки действия на объект. Конкретно этот падеж выражает в тофаларском языке направление, а также конечную цель движения или какого-либо действия; конкретную цель, причину; цену, эквивалент; срок. Данный падеж отвечает на вопросы *қумға?* «кому?», «к кому?», *чүге?* «чему?», «к чему?», «куда?». Он образуется аффиксами *-га/-ге, -қа/-ке*. Однако, в зависимости от качества последнего звука основы слова с этим аффиксом могут происходить некоторые фонетические модификации:

а) Если основа слова оканчивается на долгий гласный или дифтонг, а также на сонанты *й, м, н, ң, р, л*, то употребляется вариант *-га/-ге*. Например: *чаага* «на войну», *һүдәәге* «зятю», *хамга* «шаману», *доңга* «шубе», *һөлге* «озеру, в озеро, на озеро», *оолга* «сыну», *аңга* «зверю», *қарга* «снегу, на снег», *айга* «луне, на луну». В небрежной быстрой речи встречается иногда ассимиляция начального звука *э* аффикса конечным и основы. Например, наряду с *һемге* скажут *һемме* «реке, на реку», с *қумга* – *қумма* «кому».

б) Если основа слова оканчивается на глухой согласный, то применяется вариант *-қа/-ке*. Например: *аътқа* «коню, на коня», *бедікке* «на гору», *эшке* «другу, к другу», *отқа* «в огонь, огню», *сооққа* «морозу», *балықа* «рыбе», *миисқа* «рогу, на рог», *қапқа* «в мешок».

в) Если основа оканчивается на согласный *-э*, то начальный *э* аффикса как бы сливается с согласным *э* основы, образуя с ним один простой (не геминату) знак *э*, который может произноситься, то как смычный, то как проточный. Например: *дага* «горе, на гору» (*даг* «гора»), *өге* «домой, в дом» (*өг* «дом»), *балыга* «на рану, в рану, ране» (*балыг* «рана»), *беге* «председателю, начальнику» (*бег* «начальник, председатель колхоза»), *суга* «в воду, за водой» (*суг* «вода»).

г) Если основа оканчивается на краткий гласный, то согласный *-э* аффикса, попавший в интервокальное положение, ослабев, растворяется между гласными. В результате образуется долгий широкий монофтонг *-аа* или *-әә*. Например: *ибәә* «колену» (< *иби* + *ге*), *абаа* «маме» (< *аба* + *ге*), *кишәә* «человеку» (< *киши* + *ге*), *сүгәә* «топору» (< *сүге* + *ге*), *қымшаа* «кнуту» (< *қымши* + *га*), *аңшаа* «охотнику» (< *аңши* + *га*).

4. Винительный падеж является объектным падежом и всегда оформляет прямое дополнение. Эта функция падежа перекликается с подобной функцией основного падежа. Разница лишь в том, что винительный оформленный падеж употребляется тогда, когда объект точно известен, конкретен. По сути дела это тоже грамматическое оформление определенности в языке. Падеж отвечает на вопросы: *қумну?* «кого?», *чүнү?* «что?». Образуется аффиксами:

а) *-ны/-ні, -ну/-нү*, которые присоединяются, если основа оканчивается на любой гласный и дифтонг и на согласные-сонанты *э, й, м, н, ң, р, л*, например: *дагны* «гору», *сугну* «воду», *һемні* «реку», *хамны* «шамана», *һөлнү* «озеро», *оолну ~ оолны* «сына», *аңны* «зверя», *доңну ~ доңны* «шубу», *қарны* «снега», *аңшыны* «охотника», *чааны* «войну», *айны* «луну»;

б) *-ты/-ті, -ту/-тү*, которые присоединяются к основам, оканчивающимся на глухой согласный. Например: *аътты* «коня», *этті* «мясо», *эшти* «друга», *балықты* «рыбу», *бедікті* «высоту, горку», *миисты* «рог», *қапты* «мешок».

5. Местно-временной падеж. Помимо оформления обстоятельства места, указывая на местонахождение предмета, он оформляет также обстоятельство времени, означая, время совершения

действия. Падеж отвечает на вопрос *қумда?* «у кого?, в ком?», *чүдә?* «у чего?, в чем?, где?». Имеет два варианта аффиксов:

а) *-да/-дә*, которые присоединяются к основам, оканчивающимся на любой гласный, дифтонг и согласные-сонанты *э, й, м, н, ң, р, л*. Например: *дагда* «на горе», *сугда* «в воде», *бегдә* «у начальника», *айда* «на луне», *һамда* «у шамана», *һемдә* «на реке», *доңда* «в шубе, на шубе», *аңда* «у зверя», *қарда* «на снегу», *оолда* «у сына», *һөлдә* «на озере»;

б) *-та/-тә*, которые прибавляются к основам, оканчивающимся на глухой согласный. Например: *аътта* «у коня», *бедіктә* «на горе», *эштә* «у товарища», *балықта* «у рыбы, в рыбе», *қапта* «в мешке», *мииста* «на роге».

6. Исходный падеж выражает точку, от которой начинается, из которой исходит действие, место отрыва предмета от чего-либо. Выделяются следующие основные значения падежа: удаление, отрыв, изымание, испрашивание, требование предмета от кого-либо, чего-либо; указание на отдаленность от исходной точки; оформление объекта, являющегося мерилем для сравнения. Данный падеж употребляется в тофаларском языке довольно часто также для оформления обстоятельства места свершения действия (в основном при глаголах движения). Падеж отвечает на вопрос *қумдан?* «от кого?», «из кого?», *чүдән* «от чего», «из чего?», «откуда?». Образуется, как и предыдущий падеж, двумя фонетическими вариантами аффиксов:

а) *-дан/-дән*, присоединяемыми к основам, оканчивающимся на любой гласный, дифтонг и согласные-сонанты *э, й, м, н, ң, р, л*. Например: *дагдан* «с горы», *һамдан* «от шамана», *айдан* «с луны», *доңдан* «из шубы», *аңдан* «от зверя», *һөлдән* «с озера», *қардан* «от снега», *һемдән* «с реки»;

б) *-тан/-тән*, который принимают основы, имеющие в ауслауте глухой согласный. Например: *аъттан* «с коня, от коня», *эштән* «от друга», *бедіктән* «с возвышенности», *балықтан* «от рыбы, из рыбы», *таштан* «из камня», *қаптан* «из мешка», *миистан* «из рога».

7. Частный падеж выполняет партитивные функции, употребляясь в основном с теми именами существительными, которые своим лексическим значением допускают партитивность, частичность охвата действием. В качестве объекта выступает только часть предмета, а также один или несколько конкретных предметов из множества. Так, если хотят, чтобы кто-то выпил не весь чай, а только его часть, то скажут *ишйда ишивит* «выпей чаю», а если весь чай – то *ишйны ишивит*. Употребляется он главным образом с повелительным наклоном. Образуется аффиксами *-да/-дә*, *-та/-тә*, употребление которых предопределяется теми же фонетическими причинами, что и у аффиксов местно-временного и исходного падежей.

Примеры: *сугда һал* «принеси воды», *һляәмәда һан* «дай хлеба», *нешта ыр* «поколи дров», *тааста һал* «принеси таз», *көктә қаьқ* «накоси травы», *цагда саьтыв ал* «купи масла».

8. Продольный падеж используется для выражения пространственных отношений, а именно: распространения действия-движения по поверхности предмета. Синтаксическая роль этой формы – выражать обстоятельство места или причины, условия. Образуется продольный падеж аффиксом *-ша/-ше*, например: *оруқша* «по дороге», *бо угша* «в этом направлении», *исше* «по следу».

В современном тофаларском языке аффиксу *-ша/-ше* несвойственно выражение временных и сравнительно-уподобительных отношений. Поэтому приводимые А. Кастреном¹ словосочетания *атиша болыр* «будет с коня», *менше болыр* «он будет как я» современные тофы не понимали, поскольку в современном языке употребляются соответственно сочетания *аьт тэг болыр* и *мен даг болыр*.

Тип склонения с лично-притяжательными показателями присущ всем тюркским языкам. Как и во всех них, и в тофаларском при этом в словах содержится указание на обладателя. Принадлежность предмета или лица кому- или чему-нибудь выражена аффиксами личной принадлежности, о которых выше уже говорилось. К ним присоединяются в основном те же падежные аффиксы, что употребляются и в простом склонении, но иногда со значительными фонетическими изменениями.

Рассмотрим подробнее этот тип склонения.

Основной падеж здесь также не имеет аффиксального показателя (нулевое оформление). Например: *атам* «мой отец», *ибич* «твой олень», *аьты* «его конь», *атабыс* «наш отец», *атаңар* «ваш отец».

Родительный падеж имеет фонетический вариант *-тың* (*-тиң*, *-туң*, *-түң*) в 1-м лице множественного числа поскольку аффикс принадлежности *-быс* оканчивается на глухой согласный. Во

¹ См: Castrèn M.A. Указ. соч., с. 64.

всех же остальных лицах обеих чисел аффиксы оканчиваются либо на гласный (3-е лицо), либо на сонант, поэтому везде употребляется вариант *-ның* (*-нің, -нуң, -нүң*). Примеры: *атамның* «моего отца», *ибіңнің* «твоего оленя», *аьтының* «его коня», *атасының* «его отца», *аьһабыстың* «нашего старшего брата», *бооларыңарның* «ваших ружей», *уруумнуң* «моего дитя», *көрүньчүүңнүң* «твоего зеркала», *уруубустуң* ~ *уруубыстын* «нашего дитя».

Таблица 6

Аффиксы простого склонения

Падежи	Аффиксы
Основной	-
Родительный	<i>-ның -нің, -нуң -нүң</i> <i>-тың -тің, -туң -түң</i>
Дательно-направительный	<i>-ға, -ге,</i> <i>-қа, -ке</i>
Винительный	<i>-ны, -ні, -ну, -нү</i> <i>-ты, -ті, -ту, -тү</i>
Местно-временной	<i>-да, -дэ</i> <i>-та, -тэ</i>
Исходный	<i>-дан, -дэн</i> <i>-тан, -тэн</i>
Частный	<i>-да, -дэ</i> <i>-та, -тэ</i>
Продольный	<i>-ша, -ше.</i>

Дательно-направительный падеж здесь претерпевает наибольшие фонетические изменения в своем оформлении. В чистом виде он сохраняется лишь у 1-го лица множественного числа - *-қа*, и у 2-го лица множественного числа - *-ға*. В 1-м лице единственного числа согласный аффикс падежа, ассимилировавшись с согласным аффикса принадлежности, получил вид *-ма/-ме*, употребляющийся наряду с *-ға*. При этом такая ассимиляция наблюдается как правило. При стыковке этих аффиксов произносится удвоенный согласный *-мм-*. В простом же склонении это происходит реже, в единичных случаях.

Во 2-м лице единственного числа наблюдается однотипная ассимиляция, в результате которой падежный аффикс приобрел вид *-ңа, -ңе*, также употребляющийся наряду с *-ға*.

В 3-м лице обеих чисел согласный *г* аффикса падежа слился со вставным согласным *н*, который появляется перед всеми косвенными падежами, в один звук – смычный носовой *ң*. Аффикс получил облик *-ңа/-ңе*. Этот вариант употребляется чаще, чем *-ға* (*-ңға*). Отличие от 2-го лица единственного числа заключается в том, что аффикс принадлежности *-ң* и согласный падежного аффикса не сливаются, а образуют удвоенный согласный: *-ңңа/-ңңе*. В 3-м же лице всегда только один согласный *-ңа/-ңе*. Примеры: *атамма* «моему отцу», *атаңңа* «твоему отцу», *атасыңа* «его отцу», *атабысқа* «нашему отцу», *атаңарға* «вашему отцу», *уруумма* «моему ребенку», *урууңңа* «твоему ребенку», *урууңа* «его ребенку», *уруубусқа* «нашему ребенку».

Винительный падеж в 1-м и 2-м лицах множественного числа никогда не меняет своего облика, варьируя лишь начальным согласным: в 1-м лице после глухого конечного согласного аффикса принадлежности мы имеем вариант *-ты* (*-ті, -ту, -тү*), а во 2-м лице после конечного сонорного аффикса принадлежности закономерно появляется вариант *-ны* (*-ні, -ну, -нү*). Например: *атабысты* «нашего отца», *урубусту* «нашего ребенка», *һөлүңерні* «ваше озеро», *аьһаңарны* «вашего старшего брата». В 3-м лице обеих чисел, как и во многих тюркских языках, винительный падеж оформляется одним согласным *-н*, который присоединяется к аффиксу принадлежности. Например: *атасын* «его отца», *ибісін* «его оленя», *аьтын* «его коня», *һөлүн* «его озеро», *уруун* «его ребенка».

В 1-м и 2-м лицах единственного числа закономерно применяется аффикс *-ны* (*-ні, -ну, -нү*), поскольку аффиксы принадлежности этих лиц являются сонантами *м* и *ң*. Например: *атамны* «моего отца», *атаңны* «твоего отца», *аьтымны* «моего коня», *аьтыңны* «твоего коня». Однако, наряду с этим оформлением очень часто приходилось слышать аффикс *-ын/-ін, -ун/-үн*, например:

аътымын «моего коня», *аътыңын* «твоего коня», *уруумун* «моего ребенка», *баъһимын* «мою голову», *будумун* «мою ногу», *мүнүмүн* «мой суп».

Поэтому можно говорить о параллельном употреблении этих двух вариантов форм. Объяснить это явление можно, видимо, тем, что здесь происходит оформление винительного падежа и в 1-м и во 2-м лицах ед.ч. по образцу 3-го. Вступает в действие принцип аналогии. Это было характерно и для древнетюркского языка, о чем будет сказано выше.

Местно-временной падеж в 1-х двух лицах обеих чисел имеет варианты *-да* (-дэ) и *-та* (-тэ) в зависимости от фонетических условий. При этом *-та* (-тэ) употребляется лишь в 1-м лице множ.ч., во всех же остальных случаях - *-да* (-дэ). Например: *атамда* «у моего отца», *ибиңда* «у твоего оленя», *уруубуста* «у нашего ребенка», *һөлүбүстэ* «на нашем озере». В 3-м лице обеих чисел перед аффиксом *-да* (-дэ) появляется согласный *н*, в результате чего аффикс приобретает вид *-нда* (-ндэ). Например, *атасында* «у его отца», *аътында* «у его коня», *өөндэ* «в его доме», *уруунда* «у его ребенка».

Исходный падеж обнаруживает ту же вариативность аффикса при тех же фонетических условиях. При этом мы имеем в 1-м лице множ. ч. вариант *-тан* (-тэн), в 1-м л. ед.ч., во 2-м л. ед. и мн.ч. вариант *-дан* (-дэн), а в 3-м лице обеих чисел - *-ндан* (-ндэн). Примеры: *атамдан* «от моего отца», *ибиңдэн* «от твоего оленя», *уруундан* «от его ребенка», *һөлүбүстэн* «от нашего озера», *адыбыстан* «от нашего имени».

Частный падеж имеет те же варианты аффиксов, что и местный падеж. Например: *суумда бернэм* «дай-ка моей воды», *чааңда һал* «принеси твоего масла», *шээбыста урнам* «налей-ка нашего чаю».

Продольный падеж во всех лицах обеих чисел имеет тот же аффикс *-ша/-ше*, не изменяющийся в любых фонетических условиях, например: *суг аайыңша* «по течению реки», *айбыңша* «по твоему приказу», *һөңнүңше* «по твоему желанию», *һем үдүңше* «по долине реки», *изинше* «по его следу», *соомша* «позади меня», *сообуша* «позади нас».

Таблица 7

Аффиксы лично-притяжательного склонения

Падежи	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	
Основной	-	-	-	-	-
Родительный	<i>-ның, -нің</i> <i>-нуң, -нүң</i>	<i>-тың, -тің</i> <i>-туң, -түң</i>	<i>-ның, -нің</i> <i>-нуң, -нүң</i>	<i>-ның, -нің</i>	<i>-ның, -нің</i> <i>-нуң, -нүң</i>
Дательно-направительный	<i>-ма, -ме</i> <i>-ға, -ге</i>	<i>-қа, -ке</i>	<i>-ңа, -ңе</i> <i>-ға, -ге</i>	<i>-ға, -ге</i>	<i>-ңа, -ңе</i> <i>-ңға, -ңге</i>
Винительный	<i>-ны/-ын</i> <i>-ні/-ін</i> <i>-ну/-ун</i> <i>-нү/-үн</i>	<i>-ты, -ті</i> <i>-ту, -тү</i>	<i>-ны/-ын</i> <i>-ні/-ін</i> <i>-ну/-ун</i> <i>-нү/-үн</i>	<i>-ны, -ні</i>	<i>-н</i>
Местно-временной	<i>-да, -дэ</i>	<i>-та, -тэ</i>	<i>-да, -дэ</i>	<i>-да, -дэ</i>	<i>-нда, -ндэ</i>
Исходный	<i>-дан, -дэн</i>	<i>-тан, -тэн</i>	<i>-дан, -дэн</i>	<i>-дан, -дэн</i>	<i>-ндан, -ндэн</i>
Частный	<i>-да, -дэ</i>	<i>-та, -тэ</i>	<i>-да, -дэ</i>	<i>-да, -дэ</i>	<i>-нда, -ндэ</i>
Продольный	<i>-ша, -ше</i>	<i>-ша, -ше</i>	<i>-ша, -ше</i>	<i>-ша, -ше</i>	<i>-нша, -нше.</i>

4. Формы диминутива

Уменьшительно-ласкательные формы в тофаларском языке представляют собой способы грамматического выражения субъективной оценки имен существительных, они придают основе те или иные смысловые оттенки, сохраняя при этом ее лексическое значение. Образуются практически от любого имени существительного с предметным значением. Существительные с отвлеченным, абстрактным значением, как правило, этих форм не имеют.

В тофаларском языке обычны и весьма продуктивны следующие способы выражения уменьшительно-ласкательных значений:

1. Присоединение к основе имени существительного аффикса -чык с фонетическими вариантами -чик, -чуқ, -чүк, -чық, -цик, -цүк, -чүк (синтетический способ). Примеры: *оолчуқ* «сыночек», *қысчық* «доченька», *пөшчүк* «кедренок», *тытчық* «лиственничка», *аътчық* «лошадка», *һөлчүк* «озерко», *һүрүнекчик* «лопаточка», *шибичик* «елочка», *Иигорьчық* «Игорек».

2. Добавление к основе имени существительного неграмматизирующей частицы *қыня* (аналитический способ). Примеры: *оол қыня* «сыночек», *қыс қыня* «доченька», *һүрүнек қыня* «лопаточка», *бөш қыня* «кедрочек», *Иигорь қыня* «Игоречек». Причем частица *қыня* привносит в эту аналитическую форму скорее ласкательный оттенок, в то время как аффикс -чық сообщает больше оттенок уменьшительности.

3. Совместное употребление аффикса -чық и частицы *қыня*. В данном случае получается комбинация уменьшительности и ласкательности. Примеры: *оолчық қыня* «сынулечка», *қысчық қыня* «дочурочка», *һүрүнекчик қыня* «маленькая лопаточка», *аътчық қыня* «лошадка».

Аффиксы принадлежности принимает при этом основа имени существительного, независимо от того, оформлена она аффиксом уменьшительности -чық, или употребляется без него. Примеры: *оғлум қыня* «мой сыночек», *оолчуум қыня отту берді* «мой маленький сыночек проснулся», *Иигорьчыым қыня* «Игоречек мой».

Действующий аффикс диминутива в тофаларском языке всегда имеет узкие гласные -ы/-и, -у/-ү. О том, что он когда-то имел и широкие гласные, свидетельствует ряд застывших, лексикализованных форм. Например, *мындычақ* ~ *мундуцақ* «нетель коровы и домашнего оленя» (ср. тув. *мынды* «оленуха – самка оленя», тув.-тодж. *мындычақ* «самка домашнего оленя около двух лет»); *һулуньчақ* «новорожденный жеребенок» < *һулун* «жеребенок до 1 года» (ср. тув. ласк. *қулунчақ* «жеребеночек»); *сооцақ* «самое маленькое по размеру берестяное ведро» < *соо* «берестяное ведро» (ср. тув. *соо* «берестяная посуда», тув.-тодж. *соожақ* «туес»).

Имеются случаи лексикализации и функционирующих уменьшительных форм, например: *дытчық* «заросли мелкого лиственничника» < *дыт* «лиственница», *қапчық* «небольшой мешок, маленькая сумочка» < *қап* «мешок из кабарожьей кожи».

Лексикализация этих словоформ подтверждается тем, что при необходимости к этим словам присоединяется аффикс диминутива, как и к обычным словам с нейтральным значением. Например: *мундуцақчық* «телочка», *һулуньчақчық* «жеребеночек», *сооцақчық* «ведерочко», *қапчықчық* «мешочек» и т.п.

Н.Ф. Катанов находил в тофаларском языке единичные слова с диминутивом -қаиш, например: *қушқаиш* «птичка», ср. тув. *қушқаш*, бараб. *қушқац*, саг. *қусқас*, кашг., яркенд. *қушқач* < общетюрк. *қуш* «птица»¹.

Относительно отражения форм диминутива в литературе, затрагивающей грамматику тофаларского языка, следует сказать, что упоминание о них находим только у Н.Ф. Катанова, который приводил для карагасского языка окончания *жақ* – *жәк* (*ыжақ* – *іжәк*) с примером *палажақ* «дитячко»². В современном языке тофы, по нашим наблюдениям, не употребляют слова *пала* в значении «ребенок», «дитя», это слово вообще в их языке отсутствует. Ребенка называют словом *уруг*. Кроме того, аффикс диминутива в современном тофаларском языке имеет только узкие губные и негубные гласные и глухую или звонкую аффрикату вначале, т.е. это -чық/-чик, -чуқ/-чүк, -чық/-цик, -чуқ/-чүк. О частице *қыня* у Катанова не находим упоминания.

5. Формы количественной характеристики признака

Один и тот же качественный признак может находиться в многочисленных предметах и явлениях действительности не в одинаковом объеме. Степени качества и есть различные количественные проявления того или иного признака или свойства. Степени качества иначе называются степенями сравнения. Однако в тюркских языках нет того типа этих степеней, каковые представлены в индо-европейских языках, например: русск. длинный – длиннее – наидлиннейший, немецк. *alt* – *alter* – *am ältersten* и т.п. В тюркских языках находит грамматическое выражение другой критерий – количественное содержание признака. При этом за исходную точку отсчета, если можно так вы-

¹ См.: Катанов Н.Ф. Указ. соч., с. 165.

² См.: Катанов Н.Ф. Указ. соч., с. 161.

разиться, условно принимается некая нейтральная форма адъектива, по сравнению с которой данного признака может содержаться в одних формах больше, а в других – меньше. Кроме того, один и тот же признак или качество одни предметы содержат в большем или меньшем количестве, чем другие. Все эти положения и особенности степеней сравнения были четко разработаны Н.К. Дмитриевым, который выделял в тюркских языках два типа сравнения:

1) конкретный, где сравнение качества связано с сопоставлением конкретных предметов, которые обладают сравниваемым качеством;

2) абстрактный, где сравнение качества проводится не при помощи предметов, а при помощи подразумеваемой идеальной нормы¹.

Он писал: «По существу и абстрактные и конкретные формы сравнения, т.е. степени сравнения в собственном смысле исходят от одной нормативной степени качества, которую грамматики называют положительной степенью. Логически это есть полностью проявленное качество, которое условно принимается за норму, а грамматически – основная форма прилагательного, от которой образуются все остальные. С внешней стороны положительная степень характеризуется отсутствием какого-либо специфичного аффикса»².

К абстрактным формам сравнения Н.К. Дмитриев относил формы ослабления и усиления качества. В последнее он включал формы интенсива. Особо выделял превосходную степень.

Полностью разделяя точку зрения Н.К. Дмитриева и руководствуясь схемой, выработанной им, мы можем выделить в современном тофаларском языке три формы абстрактного сравнения качественных прилагательных, получающих грамматическое оформление. Эти формы следующие:

- а) форма выражения ослабленного качества;
- б) форма выражения усиленного качества;
- в) форма превосходной степени.

Форма ослабления качества выражает смягчение, уменьшение, ослабление качества по отношению к тому, что обозначается основной формой прилагательного. Образуется она двояким путем:

1) Синтетически, путем прибавления к основе прилагательного аффиксов *-сығ/-сіг*, *-сым/-сім*, *-сың/-сің*, *-сыңғы/-сіңгі*, которые могут взаимозаменяться. Например: *сарығсығ*, *сарығсың*, *сарығсым*, *сарығсыңғы* «желтоватый, слегка желтый», *иъсигсіг*, *иъсигсің*, *иъсигсім*, *иъсигсіңгі* «слегка горячий, чуть горячий», *дүлейсіг*, *дүлейсің* «глуховатый», *ақсыңғы*, *ақсың*, *ақсым* «беловатый», *ниңгесіңгі* «тонковатый», *қысқасыңғы*, *қысқасығ* «коротковатый», *аарсыңғы* «тяжеловатый». Прилагательные, обозначающие цвет, масть образуют, кстати, форму ослабления качества исключительно этим аффиксом.

2) Аналитически, путем сочетания основной формы со словом шала, означающим «немного, чуть, слегка», или формой дательного падежа от того же *шала* – *шалаа* (< **шалага*) и от прилагательного *бичши* «очень маленький» (усилительная форма от *биче* «маленький») – *бичшиге*. Оба в этой форме означают «немного, маленько, чуть-чуть, слегка» и стоят в препозиции. Примеры: *шала өске* ~ *шалаа өске* «немного иной», *шала эъсірік* ~ *шалаа эъсірік* ~ *бичшиге эъсірік* «немного (слегка, чуть) пьян», *шалаа аар* «тяжеловатый», *шала узун* «длинноватый», *шала қысқа* «коротковатый». Этот способ в тофаларском языке очень продуктивен.

Усиление качества в тофаларском языке может быть выражено различными способами. Основные из них:

1) При необходимости подчеркнуть содержание или обладание очень большими количеством какого-либо признака, качества, предметов соответствующее относительное прилагательное образуется не аффиксом *-лығ*, а аффиксом *-қыры/-кірі*, *-гыры/-гірі*, *-қуру/-күрү*, *-ғуру/-ғүрү*. Имея одно значение – показ обладания чем-л., эти два аффикса отличаются именно различными отношениями к количественному содержанию признака. Примеры: *дагыры чер* «гористое место», «место, где очень много гор» (ср. *даглығ чер* «место с горой» или «место, где вообще есть горы»), *сүткүрү инэқ* «корова, дающая очень много молока» (ср. *сүттүг инэқ* «корова, дающая молоко, доящаяся корова»), *чътқыры* «имеющий очень сильный запах» (ср. *чъттығ* «вообще имеющий запах»), *чүмегірі киши* «зажиточный человек» (ср. *чүмеліг киши* «человек, имеющий какую-то вещь»).

¹ См.: Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, с. 83.

² Там же. с. 83-84.

2) Форма усиленного качества в тофаларском языке довольно регулярно образуется также способом чередования звуков, суть которого заключается в том, что гласный последнего слога чередуется всегда с долгим гласным другого качества. Закономерность при этом такова, что краткий гласный *у* чередуется с долгим *оо*, гласный *а* с *ээ* или с *ии*, гласный *е(э)* – с *ии*, *и* – с *ээ*. Обычно этот способ используется только с многосложными прилагательными, имеющими в последнем слоге краткий гласный (практически почти все основы качественных прилагательных таковы). Примеры: *узун* «длинный» → *узоон* «очень длинный», *чылыг* «теплый» → *чылээг* «очень теплый», *баъһай* «плохой» → *баъһээй* «очень плохой», *қырган* «старый» → *қыргээн* «очень старый», *чараиш* «маленький» → *чаришиш* «очень маленький», *биче* «маленький» → *бичиши* «очень маленький», *семис* «жирный» → *семеэс* «очень жирный», *чикті* «хитрый» → *чиктээ* «очень хитрый», *ниңге* «тонкий» → *ниңгиши* «очень тонкий». В некоторых случаях эти формы могут становиться производящими основами. Например: наречие *бичишиге* «немного» образовано от усилительной флективной формы *бичиши* «очень маленький» (< *биче* «маленький»), существительное *чаришиш киши* «карлик» образовано за счет лексикализации атрибутивного словосочетания слова *киши* «человек» с усилительной флективной формой *чаришиши* «очень маленький» от прилагательного *чараиш* «маленький».

3) Усиление качества может также выражаться при помощи наречий или препозитивных частиц *оода* «очень», *қорһуньчуг* «очень», *ацыры* «чересчур» и ряда особых слов-усилителей, употребляющихся избирательно. Примеры: *оода эки* «очень хороший», *оода улуг* «очень большой», *қорһуньчуг сооқ* «очень холодный», *ацыры иъсиг* «чересчур горячий», *наъқ дүлей* «очень глухой, совсем глухой», *наъқ доң* «совсем мерзлый», *таъс қара* «очень черный, совсем черный», *читі қызыл* «очень красный» (букв. «остро-красный»), *пығыш қараңгы* «совсем темный» (напр. ночь), *цаг соғур* «совсем слепой». Иногда в роли усилителя выступает слово *улуг* «большой»: *улуг эки* «очень хороший». При этом слова *оода*, *қорһуньчуг*, *ацыры* весьма продуктивны и образуют аналитическую форму усиления качества практически от любого качественного прилагательного.

4) Усиление качества у прилагательных цвета может достигаться также путем сочетания с другими именами, в основном существительными, характерной чертой которых является обладание тем же качеством, тем же признаком, который выражается этими прилагательными. Например: *қан қызыл* «очень красный» (букв. «кровь-красный»), *сүт аъқ* «очень белый» (букв. «молоко-белый»), *қар аъқ* «очень белый» (букв. «снег-белый»), *аъқ тос тэг* «белый, как бересто», *дэмир гөк* «очень серый» (букв. «железо-серый»), *алтан сарыг* «очень желтый» (букв. «золото-желтый»).

5) Усиление качества у прилагательных цвета выражают также особые формы интенсива, которые выражают высокую степень концентрации качества в предмете. Превосходная степень тоже выражает эту высшую степень, но в отличие от нее форма интенсива всегда выражает безотносительно высшую степень качества. Образуется форма интенсива при помощи частичной редупликации основы. Суть ее заключается в том, что от основы отделяется первый слог, если он закрытый, то закрывающий слог согласный отбрасывается, далее к гласному присоединяется *-п*. Получившийся таким образом новый закрытый слог присоединяется в качестве препозитивной частицы к основе прилагательного. Примеры: *қуу* «бледный» → *қуп-қуу* «очень бледный, бледный-бледный», *қызыл* «красный» → *қып-қызыл* «очень красный, красный-красный», *қара* «черный» → *қап-қара* «очень черный, черный-черный», *сарыг* «желтый» → *сап-сарыг* «очень желтый, желтый-желтый». Следует отметить, что этот способ весьма неразвит в современном тофаларском языке.

6) Усиленная степень качества может выражаться путем простого повтора, удвоения основы имени прилагательного. Например: *няа няа өглер* «новые-новые, совсем новые дома», *өске-өске чүме саттыгда туру* «в продаже имеются самые разнообразные товары», *өске-өске ыт* «всякие разные голоса». Иногда происходит удвоение основы, уже получившей флективный показатель усиления. Например: *ниңиш-ниңиш* «очень тонкий, тонкий-тонкий», *узоон-узоон* «очень длинный, преддлинный».

Превосходная степень, являясь разновидностью форм усиленного качества, отличается в то же время от всех форм тем, что выражает высшую степень концентрации качества. Эта форма в тофаларском языке образуется в основном двумя способами:

1) Аналитически, при помощи препозитивных частиц *эң* и *дам*, обе со значением «самый, самый». Примеры: *дам улуг*, *эң улуг* «самый большой», *дам биче*, *эң биче* «самый маленький», *дам се-*

мис, эң семис «самый жирный», эң эки «самый хороший», эң үстүү «самый высший», эң баънай «самый плохой».

2) Синтаксически, путем сочетания:

а) Субстантивированного прилагательного в исходном падеже с основной формой того же прилагательного. Этот способ довольно распространен в тофаларском языке, например: *бичедэн биче* «самый маленький», *күштүгдэн күштүг* «самый сильный», *эрһидэн эрһи няң* «самый давний обычай», *чырықтан чырық* «самый светлый», *экидэн эки* «наилучший, самый лучший», *улуздан улуз* «самый большой». Используется для этой цели также местоимение *төдү* «все, весь» в форме исходного падежа с аффиксом личной принадлежности 3 л. Например: *төдүсүндэн эки* «лучше всех, самый лучший», *төдүсүндэн эртэ* «раньше всех, самый ранний».

б) Не менее распространено в тофаларском языке также изафетное сочетание двух одних и тех же субстантивированных прилагательных, причем с оформленным родительным падежом. Например: *улузнуң улуу* «самый большой», *бичениң бичеси* «самый маленький», *экиниң экиси* «самый хороший».

Относительно конкретного сравнения Н.К. Дмитриев писал, что оно показывает различие в количестве одного и того же качества, по-разному проявляющегося в разных предметах: в одном предмете этого качества больше, в другом – меньше¹. Конкретное сравнение в тофаларском языке выражается синтаксически – путем сочетания двух имен существительных, обозначающих сравниваемые предметы, причем сравниваемое имя стоит в форме основного падежа, а имя, с которым сравнивают, ставится в форме исходного падежа. Прилагательное всегда стоит в форме основы. Например: *аът ибилэн улуз* «конь больше оленя», *неш өгдэн бедік* «дерево выше дома», *бо даг ол дагдан туьһүк* «эта гора ниже той горы».

§ 2. ФОРМЫ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ГЛАГОЛА

1. Залоговые формы

Категория залога выражает в формах глагола разные типы отношений между членами предложения (подлежащим, дополнениями) и реальными «участниками» описываемой в предложении ситуации – *агенсом*, т.е. реальным действующим лицом, и *пациенсом*, т.е. первым объектом действия (иногда и дальнейшими объектами). В тофаларском языке все эти разнообразные типы отношений между агенсом и пациенсом находят грамматическое выражение в формах соответствующих залогов. Залоги следующие: *основной, возвратный, страдательный, совместно-взаимный, понудительный*. Возможно совмещение нескольких залоговых отношений, что выражается сочетанием нескольких залоговых аффиксов.

Основной залог

Основной залог в тофаларском языке не получает специальных оформителей. Его представляет глагол в форме своей основы, как условно-непроизводной, так и производной. Основной залог выражает следующие отношения:

а) Действительные отношения, когда переходный глагол распространяет свое действие на объект. Примеры: *мен нешта һалдым* «я принес дров», *оң миш аътты таьһалады* «он подковал моего коня», *оң иби һабырган* «он собрал оленей», *бис балық тутқан бис* «мы ловили рыбу». Эти же отношения могут выражать и непереходные глаголы, особенно глаголы движения, говорения, чувствования, когда известен объект направления этого действия, например: *мен өге нянып келдім* «я пришел домой».

б) «Средние» отношения, когда действие не распространяется на объект и остается с действующим субъектом. В выражении этих отношений участвуют как переходные, так и непереходные глаголы. Например: *мен санап олыры мен* «я читаю» (т.е. занят процессом чтения), *мен чору мен* «я иду»; *оң туру* «он стоит», *аът оьттап чору* «лошадь пасется», *диш шурандылады* «белка прыгнула».

¹ См: Дмитриев Н.К. Указ. соч., с. 83.

Возвратный залог

Возвратный залог, при котором субъект одновременно является и объектом своего действия, образуется преимущественно от переходных глаголов. В тофаларском языке возвратный залог имеет три основных значения: 1) собственно-возвратное; 2) косвенно-возвратное; 3) возвратно-страдательное.

Собственно-возвратные глаголы обозначают действия, направленные на себя. Субъект и прямой объект при этом совпадают. Глаголы косвенно-возвратного значения обозначают действия, совершаемые для себя, в свою пользу. Глаголы возвратно-страдательного значения совмещают в себе возвратность со страдательностью. Они употребляются без грамматического объекта, обозначающего реально действующее лицо, и тем самым их страдательное значение ослаблено.

Образуется возвратный залог при помощи следующих аффиксов: *-н* (после гласных), *-ын/-ин*, *-ун/-үн* (после согласных). Примеры: *эһин*- «плавать, купаться»; «огребаться» (< *эһи*- «грести»), *мақтан*- «хвалиться, хвастаться» (< *мақта*- «хвалить»), *чун*- «мыть» (< *чу*- «мыть»). От переходных глаголов аффикс *-н* образует новые основы со значением интенсивности, повторяемости, обычности действия¹. Например: *чоба*- «мучиться» > *чобан*- «мучиться без конца», *соода*- «рассказывать, говорить» > *соодан*- «рассказывать, разговаривать», *қаьқыдан*- «часто и ритмично бить по одному месту» < *қаьқыда*- «множественно стучать», *тойа*- «долбить носом – вообще о дятле» > *тойан*- «часто долбить носом на одном месте».

-тын/-тін, *-тун/-түн* (после глухих согласных), *-дын/-дін*, *-дун/-дүн* (после сонорных согласных), *-ттын/-ттін*, *-ттун/-ттүн* (после гласных). Примеры: *туьттун*- «быть пойманным, схваченным», «хорошо удобно хвататься» (< *туьт*- «хватать, ловить»), *алдын*- «быть взятым» (< *ал*- «брать»), *билдін*- «быть известным, хорошо пониматься» (< *бил*- «знать»), *эмнэттін*- «излечиваться» (< *эмнэ*- «лечить»), *чагдын*- «натираться, втираться – мазью» (< *чаг*- «смазывать»), *кастын*- «копаться, вскапываться» (< *кас*- «копать»), *һаттын*- «потеряться» (< *һат*- «потерять»).

Для образования возвратного залога обычно используется один из этих аффиксов. Однако некоторые глаголы имеют параллельные формы, из которых одна образована аффиксом *-н*, другая *-тын*. При этом между ними существует семантическое отличие, заключающееся в основном в том, что аффиксом *-н* оформляются скорее собственно-возвратные и косвенно-возвратные отношения, а аффиксом *-тын* – возвратно-страдательные. Например: *көрүн*- «осматривать себя – гл. образом в зеркало», *-көрдүн*- «быть видимым, хорошо видным»; *оьқтан*- «хорошо, легко заряжаться» - *оьқтаттын*- «быть заряженным».

Страдательный залог

Страдательный залог выражает действие, которому подвергается грамматический субъект со стороны объекта. Объект действия становится в предложении подлежащим, а непосредственный исполнитель действия, если он выражен, – дополнением. Страдательный залог в тофаларском языке близок по значению, а иногда и по форме, к возвратному глаголу.

Страдательный залог образуется аффиксом *-л* (после гласных) и *-ыл/-іл*, *-ул/-үл* (после согласных). Например: *ырыл*- «раскалываться, разрываться, быть разорванным» (< *ыр*- «разрывать, раскалывать»), *эттэл*- «выделяться – о шкуре» (< *эттэ*- «выделять шкуру»), *сөьһул*- «распарываться – о шве» (< *сөьк*- «распороть шов»), *ээл*- (< **эгіл*-) «сгибаться, гнуться» (< *эг*- «гнуть, сгибать»), *үзүл*- «разорваться, порваться – о нити и т.п.» (< *үс*- «рвать – нить и т.п.»), *туьтул*- «быть найденным, найтись; появиться, образоваться» (< *туьл*- «находить»).

Иногда страдательные отношения выражаются возвратным по форме залогом. Например: *туьттун*- «быть пойманным», *оьқтаттын*- «быть заряженным», *сьқтан*- ~ *сьқтал*- «легко заряжаться», *кеьштин*- «можно пройти бродом, проходимый бродом» (< *кеьш*- «проходить бродом»).

¹ О подобном явлении в других тюркских языках см.: Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 487-488; Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, с. 97.

Совместно-взаимный залог

Совместно-взаимный залог выражает действие, совершаемое взаимно или совместно несколькими действующими лицами. Он образуется при помощи аффикса *-и* (после гласных) и *-ыи/-иш, -уи/-үи* (после согласных основы). Примеры: *қамнаиш-* «вместе беречь что-л.; беречь друг друга» (< *қамна-* «беречь, заботиться, жалеть»), *қарлаиш-* «стряхивать снег друг с друга» (< *қарла-* «выбивать снег из одежды»), *туьтуиш-* «держат, ловить вместе; держаться друг за друга» (< *туьт-* «держат, ловить»), *көьтуруиш-* «вместе поднимать» (< *көьтур-* «поднимать»).

Понудительный залог

Понудительный, или побудительный залог выражает каузативные отношения, т.е. выражает действие, которое одно лицо, предмет и т.п. навязывает (заставляет или позволяет совершить) другому лицу или предмету.

Понудительный залог в тофаларском языке имеет два основных значения: 1) чисто понудительное – заставлять делать что-л. и 2) страдательное – подвергаться какому-л. действию, допустить сделать что-л. с собой¹. Страдательное значение закономерно развилось из значения допущения, позволения.

Страдательное значение получают лишь те глаголы в понудительном залоге, которые образованы от переходных глаголов.

Понудительное значение переводит непереходные глаголы в класс переходных.

Глаголы в понудительном залоге, образованные от переходных глаголов, могут быть как переходными, так и непереходными. В первом случае они имеют понудительное значение, во втором – страдательное. Многое зависит в то же время от контекста и семантики глагола.

Для образования понудительных глаголов в тофаларском языке служат следующие аффиксы:

1) *-т* (после гласных и согласного *р* в многосложных основах), например: *изет-* «заставить сделать след» (< *изе-* «сделать след, наследить»), *истэт-* «заставить выслеживать» (< *истэ-* «выслеживать»), *оьқтат-* «заставить заряжать» (< *оьқта-* «заряжать»), *сарғарт-* «заставить пожелтеть» (< *сарғар-* «пожелтеть»);

2) *-тыр/-тір, -тур/-түр* (после глухих согласных), *-дыр/-дір, -дур/-дүр* (после сонорных согласных кроме *р*), например: *бардыр-* «заставить пойти» (< *бар-* «уйти»), *келдір-* «заставить прийти» (< *кел-* «приходить»), *қастыр-* «заставить копать» (< *қасс-* «копать»), *долдур-* «наполнять; выполнять» (< *дол-* «наполняться; выполняться»), *кеьстір-* «заставить резать» (< *кеьс-* «резать»);

3) *-ыр/-ір, -ур/-үр* (после согласных *л, ш* и *т* в некоторых односложных словах). Например: *баьтыр-* «заставить идти вниз; глотать» (< *баьт-* «идти вниз»), *өлүр-* «убить» (< *өл-* «умереть»), *быьһир-* «сварить» (< *быьш-* «поспеть»), *кедір-* «одеть кого-л.» (< *кет-* «надеть»);

4) *-ыс/-іс, -ус/-үс*, прослеживается в некоторых основах, например: *аьһыс-* «заставить течь» (< *аьк-* «течь»), *алыс-* «заставить взять, быть взятым» (< *ал-* «взять»), *сунус-* «заставить бежать» (< *сун-* «бежать»), *челіс-* «пустить рысью» (< *чел-* «бежать рысью»), *дээс-* (< **дэгіс-*) «заставить коснуться; попасть при выстреле» (< *дэг-* «касаться, дотрагиваться»), *қунус-* «позволить отнять» (< *қун-* «отнять»);

5) *-гыс/-гіс, -гус/-гүс, -қыс/-кіс, -қус/-қүс*, встречается в очень немногих словах, например: *чыьтқыр-* «положить» (< *чыьт-* «лежать»), *отқур-* «разбудить» (ср. *одун-* «проснуться», оба восходят к **od-*), *өьткүр-* «заставить пройти сквозь чего-л.» (< *өьт-* «пройти сквозь чего-л.»), *өьскүр-* «разводить – скот и т.п.» (< *өьс-* «расти, увеличиваться, размножаться – о скоте и т.п.»), *асқыр-* «сбить с верной дороги, заставить, допустить заблудиться» (< *ас-* «заблудиться, сбиться с верной дороги»).

При чисто побудительных отношениях объект (грамматический и реальный) обычно оформляется винительным падежом, напр.: *мен уруумн эьһиндірдім* «я позволил своему ребенку купаться», *сен аальчыны чидірт* «ты накорми гостя».

Как уже упоминалось выше, побудительный залог в тофаларском языке, образованный от пе-

¹ Такую двойственную природу значения побудительного залога А.Н. Кононов, например, отмечает и для узбекского языка и связывает ее с характером участия субъекта в совершении действия, см.: Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л.: 1960, с. 193.

реходных глаголов, выражает также страдательные отношения, например: *чада* «ранить», *кыл дырган мен* «на войне меня ранили». Необходимым условием такой пассивной конструкции, оформленной глаголом в побудительном залоге, является постановка реального исполнителя действия в дательном падеже. Объект же, реально испытывающий на себе действие, остается грамматическим субъектом. Это конструкция в тофаларском языке очень распространена, о чем нами уже упоминалось в связи с разбором функций дательного-направительного падежа. Примеры: *оң нешқа баъсыртқан* «он придавлен деревом», *мен ол кишээ аарыг дичим турдурдум* «я попросил того человека вырвать мне больной зуб», *мен литоопқам тээ кишээ таъптадыр мен* «мне отбивает литовку тот человек», *мен аътқа қаастым* «я сброшен конем», *будумға баъстырдым* «мне наступили на ногу».

Сочетание залогов

В тофаларском языке возможно сочетание нескольких залоговых аффиксов. Варианты при этом могут быть следующие:

1) Наложение аффикса совместного залога на:

а) возвратный залоговый аффикс, значение совместности сохраняется, например: *һаақтаныш* «вместе кататься на лыжах» (< *һаақтан* «кататься на лыжах»), *қаастаныш* «помогать наряжаться» (< *қаастан* «наряжаться»), *чүннүш* (< **чүлүнүш*) «помогать бриться» (< *чүлүн* «бриться»);

б) побудительный залоговый аффикс, значение совместности сохраняется, например: *кедіріш* «помогать одевать» (< *кедір* «одевать кого-л.» < *кет* «надеть»), *кеһіріш* «помогать переправлять через реку» (< *кеһір* «переправлять через реку» < *кеъиш* «переправиться через реку»);

2) Наложение аффикса побудительного залога на:

а) побудительный залоговый аффикс, появляется новое значение делать что-то посредством другого лица, например: *келдірт* «вызвать, заставить придти через кого-л.» (< *келдір* «заставить придти» < *кел* «придти»), *кеһірт* «просить кого-л. переправить» (< *кеһір* «переправить через реку» < *кеъиш* «переправляться»), *кедірт* «заставить одеть» (< *кедір* «одевать» < *кет* «надеть»), *көһүрт* «кочевать при помощи людей» (< *көһүр* «заставить переехать» < *көъиш* «кочевать»);

б) совместный залоговый аффикс, значение побудительности сохраняется, но оно направлено на тех лиц, которые совместно или взаимно совершают действие, например: *туътуштур* «заставить схватить друг друга» (< *туътуш* «схватить друг друга»), *соһуштур* «заставить подраться» (< *соһуш* «драться»), *қатташтыр* «заставить вместе собирать ягоды» (< *қатташ* «вместе собирать ягоды»);

в) возвратный залоговый аффикс, значение побудительности сохраняется, например: *қылықтандыр* «заставить сердиться» (< *қылықтан* «сердиться, проявлять характер»), *қоптандыр* «заставить сплетничать» (< *қоптан* «сплетничать»);

г) страдательный залоговый аффикс, значение побудительности сохраняется, например: *туъпул* «сделать так, чтобы нашлось, появилось, возникло» (< *туъпул* «найтись; возникнуть»).

Имеется несколько глаголов, у которых побудительные отношения выражаются сразу двумя разновидностями побудительных аффиксов, употребленными вместе, использование одного аффикса недопустимо. Например: *иширт* «поить, дать пить» (< *иш* «пить»), *чидірт* «накормить, дать, позволить есть» (< *чи* «есть, кушать»), *чудурт* «заставить, позволить мыть» (< *чу* «мыть»), *дэдірт* «заставить сказать» (< *дэ* «сказать»).

2. Вид и формы, выражающие характер протекания действия

В системе глагола буквально всех тюркских языков имеются особые формы (синтетические и аналитические), выражающие характер протекания действия со стороны его длительности, краткости, инхоативности, завершенности, незавершенности, интенсивности, внезапности и т.п.

Как известно, в общем языкознании подобное же определение имеет глагольный вид (аспект): «Грамматическая категория глагола, обозначающая особые свойства, характер протекания данного процесса, т.е. в его отношении к внутреннему пределу, результату, длительности, повторяемости и т.п.»¹.

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1959, с. 75.

В тюркологии пока нет единого мнения, как же квалифицировать эти формы: или как чисто грамматические, т.е. настоящий вид, или как лексико-грамматические, выражающие только характер протекания действия, т.к. в большинстве тюркских языков эти формы, как правило, не обладают универсальностью в противоположность русскому языку. Это отсутствие универсальности и видовой оппозиции в тюркских языках привели, например, Б.А. Серебренникова к полному отрицанию наличия видов как грамматической категории в тюркских языках¹.

Вопрос о виде как грамматической категории является одним из самых спорных вопросов общего языкознания, а не только тюркологии. Совершенно прав Б.А. Серебренников, посвятивший специальное монографическое исследование соотношению времени и вида², утверждая, что «Основное противоречие в трактовке сущности грамматического вида состоит в отсутствии единства мнений по вопросу о том, следует ли понимать грамматический вид как грамматикализованное выражение совершенности или несовершенности действия или под видом надо понимать любую грамматикализованную характеристику способа протекания действия вообще. Наличие этого основного противоречия дает возможность свести необычайное многообразие различных суждений о сущности вида к двум основным точкам зрения. Представители одной точки зрения склонны называть видом любую характеристику глагольного действия вообще, например, длительность, многократность и т.п. Представители другой точки зрения, наоборот, сводят все многообразие видовых характеристик к двум видам – совершенному и несовершенному»³.

Сам Б.А. Серебренников проблему вида понимает следующим образом⁴. Собственно видом он предлагает считать только такие образования, показатели которых имеют тотальное распространение и выражают видовые различия независимо от момента речи. Вид при этом не должен ограничиваться только выражением совершенности или несовершенности действия. Те же образования, которые распространяются на ограниченную категорию глаголов, он предлагает называть видовыми классами. От видов и видовых классов следует отличать видовое значение времени.

«Существование видов и видовых классов является довольно обычным явлением. Видовые классы, расширяясь в своем объеме, могут превращаться в грамматические виды и, наоборот, виды в истории развития языков могут нисходить до степени видовых классов»⁵.

Всю сложность, нерешенность до конца и противоречивость в понимании вида в тюркских языках показала специальная дискуссия по проблемам вида, проведенная в г. Алма-Ате в 1956 г.⁶ А.А. Юлдашев справедливо отметил, что эта дискуссия «ясно показала, что вид представляет собой такое явление, которое получило в разных тюркских языках разное развитие, что формы, объединяемые под общим названием «видовые», часто имеют в разных языках разное значение, разный характер и разную сферу употребления»⁷.

Единства в понимании вида на этой дискуссии достигнуто не было.

Краткая история вопроса и основные точки зрения тюркологов в отношении понимания видов в приложении к материалу тюркских языков изложены в специальной статье Д.М. Насилова⁸, поэтому здесь мы этих вопросов касаться не будем. Отметим только, что Д.М. Насилов, разобрав историю вопроса, пришел к выводу, что мысль об отсутствии в тюркских языках вида как отдельной грамматической категории, самостоятельно бытующей вне системы видо-временных форм глагола, становится господствующей в отечественной тюркологии. Отсутствие видов в тюркских языках компенсируется широко разветвленной системой способов действия (Aktionsart), которые обычно принимают за виды исследователи тюркских языков⁹. В этом же плане Э.Р. Тенишевым сделано, например, замечание о видах сарыг-югурского языка: «Сарыг-югурскому подобно дру-

¹ Серебренников Б.А. Проблема глагольного вида в тюркских языках. – «Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания». Алма-Ата, 1958, с. 30.

² См.: Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

³ См.: Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, с. 12.

⁴ См.: Серебренников Б.А. Указ. соч., с. 24-27.

⁵ Там же, с. 24.

⁶ Материалы дискуссии см.: Вопросы грамматики тюркских языков: Материалы координационного совещания. Алма-Ата, 1958.

⁷ Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 43-44.

⁸ См.: Насилов Д.М. Еще раз о виде в тюркских языках. (К истории вопроса). «Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова». Л., 1976, с. 111-120.

⁹ Там же, с. 111.

гим тюркским языкам, не обладающим аналогами русских видов, свойствен актионсарт, т.е. способность выражать посредством аналитических форм характер протекания действия с различного рода видовыми оттенками»¹.

В некоторых грамматиках тюркских языков исследователи отказываются от введения категории вида и оперируют «формами, выражающими характер протекания действия»² (по сути дела это и есть актионсарт). Наличие же грамматической категории совершенного и несовершенного видов утверждается, например, для башкирского языка А.А. Юлдашевым³, в грамматиках казахского⁴ и хакасского⁵ языков. Назвав видом, Л.Н. Харитонов описал по сути дела в якутском языке ке формы актионсарта⁶. Подробную схему видов тувинского языка дают авторы его грамматики, разделив виды тувинского глагола на две группы – незаконченный вид и законченный вид⁷ (по сути дела это просто иное название несовершенного и совершенного видов). На наш взгляд, это – слишком прямолинейное деление по образцу деления видов славянских языков. Правы те исследователи, которые, чувствуя разницу в природе видовых форм славянских языков и форм способа действия тюркских языков, не отождествляют их. Природа вида в тюркских языках, если таковой для них признать, несколько иная, чем в славянских языках. Если например, славянские видовые формы типа русских *петь-спеть, запеть, пропеть* и т.п. противопоставляются друг другу, кроме того, еще и лексически, то например, тофаларские формы *ырла- ырлавыт-, ырлайы бер-, ырлап қаз-* и т.п. противопоставляются друг другу только в грамматическом формообразовательном плане, лексического различия между ними нет. Кроме того, в тюркских языках видовые значения пронизывают всю систему времен.

Как нам представляется, для тюркских языков актуальным является деление всех видовых форм скорее по принципу завершенности-незавершенности действия. Этот принцип четко противопоставлен главным образом в плане будущего и прошедшего времени, при этом ввиду количественной ограниченности самих временных форм к жизни были вызваны многочисленные аналитические формы со вспомогательными глаголами, привносящими в видовые формы дополнительные оттенки интенсивности, кратности действия и т.п. Настоящее время является незавершенным само по себе, и незавершенность при этом дополнительно может усиливаться видовыми формами, выражающими длительность, процессуальность. Поэтому и все видовые формы со вспомогательными глаголами в тюркских языках обычно противопоставляются тоже по признаку завершенности-незавершенности действия. Незавершенность выражают формы с глаголами *тур-* «стоять», *чору-* «идти», *олыр-* «сидеть», *чыт-* «лежать», завершенность – со всеми остальными глаголами. Основы глаголов сами по себе безотносительны к виду.

Совершенно прав Б.А. Серебренников, считая вид чисто грамматической категорией. Если подходить с этой меркой к тюркским языкам, то приходится признать в них вид как грамматическую чисто формообразовательную категорию, но только выражающую главным образом идею завершенности или незавершенности действия. С этой стороны среди тюркологов вроде бы принципиальных разногласий нет. Главные споры вызывает другое, а именно: считать ли все эти формы видом как грамматической категорией, или это просто формы способа действия, а вида как такового нет. Но ведь дело в том, что чтобы быть грамматической категорией, форма должна приобрести универсальность, хотя бы приближаться к ней, иначе говоря, получать максимальную тотальность распространения и, кроме того, быть независимой от момента времени. Об этом положении, утверждаемом Б.А. Серебренниковым, мы уже говорили выше. Таким образом, если видовая форма какого-либо языка удовлетворяет этим требованиям, то ее правомерно включать в грамматическую категорию, если нет, то это будет нечто другое. Серебренников предложил термин «видовой класс», который не был принят тюркологами. В тюркологии стали применять описательный термин «формы, выражающие характер протекания действия». Это по сути дела те же «видовые классы» или актионсарт. Дело осложняется еще тем, что, как отмечалось выше, видо-

¹ Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 103.

² См. например: Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, с. 263-271; Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М., 1969, с. 279-284.

³ См.: Юлдашев А.А. Категория глагольного вида в башкирском языке. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, с. 362-386; его же. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, с. 81-86; его же. Аналитическая форма глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 39-86.

⁴ См.: Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 274-283.

⁵ См.: Грамматика хакасского языка, М., 1975, с. 182-186.

⁶ См.: Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л., 1960.

⁷ См.: Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка..., с. 409-411.

вые формы получили разное развитие в конкретных тюркских языках в связи с тем, видимо, что категория вида в тюркских языках не успела окончательно сложиться на уровне тюркского языка и сейчас находится в процессе становления. Тюркологи же рассматривают вопрос о категории вида, опираясь на материал какого-то конкретного языка. Поэтому такие резко противоположные взгляды на статус вида вообще в тюркских языках.

Нам представляется, разумнее подойти к делу с другой стороны. Если в каком-либо конкретном тюркском языке развились видовые формы, полностью грамматикализовавшиеся и получившие универсальность в их применении, то их следует включать в грамматическую категорию вида. Если же такие формы используются ограниченно, то их следует оставлять в разряде форм актионсарта или, другими словами, форм, выражающих характер протекания действия. Иначе говоря, следует допустить сосуществование грамматической категории вида с его относительно немногими показателями и форм способов действия (актионсарта) с большим разнообразием моделей. Во всяком случае материал тофаларского языка подсказывает именно такое решение.

Таким образом, исходя из данных тофаларского языка, мы констатируем в нем наличие двух формально сложившихся и универсальных вида – завершенного и незавершенного, представляющего собой чисто формообразовательную категорию. Наряду с этими видами имеются разнообразные синтетические и аналитические видовые формы, так называемые формы, выражающие характер протекания действия. При этом глаголы действия-состояния, звукоподражательные и образные имеют каждые свои, присущие им виды и видовые формы. Поэтому целесообразно рассмотреть их в отдельности, чтобы выявить их специфику и взаимодействие.

Видовые формы звукоподражательных и образных глаголов

Совершенно особую картину в отношении видовых форм представляют собой в тофаларском языке группа довольно многочисленных звукоподражательных и образных глаголов. Образуются они как аффиксально, так и аналитически, при помощи служебных глаголов *дэ-* (исходное значение «говорить»), *қыл-* (исходное значение «делать»), *қын-* (< *қылын-*) (исходное значение «делаться», «происходить»), *ғайын-* (непереводимо) от особых звукоподражательных и образных слов. Особенностью этой группы глаголов является отсутствие у них формообразовательной категории вида, какую мы находим у глаголов действия-состояния, а также то, что любой из образующихся от звукоподражательных и образных слов глагол в своем значении уже содержит указание на характер протекания данного действия. Иначе говоря, видовая форма подобных глаголов совпадает с формой образования этого глагола. Например: *пялт қын-* «булькнуть», *пялт-пялт қын-* «булькнуть несколько раз подряд», *һым қын-* «вздremнуть», *һымыр-һымырт қын-* «подремывать», *һымыр ғайын-* «без конца дремать» и т.п.

При этом следует учитывать, что группа образных глаголов четко распадается по своей внутренней морфологической структуре на две подгруппы. В первую подгруппу входят образные глаголы, создаваемые по тем же моделям, что и звукоподражательные глаголы, т.е. образные основы полностью напоминают по своей фонетической структуре звукоподражательные слова. Вторую подгруппу образуют образные глаголы, основа которых имеет в ауслауте как характерный признак согласный –й, например: *қылай-* «быть блестящим», *далбай-* «быть широким и плоским», *сирпей-* «быть лохматым, взъерошенным». Глаголы второй подгруппы образуют свои видовые формы несколько иначе, поэтому мы будем их выделять при анализе.

Рассмотрим ниже подробнее формы актионсарта, которые нам материал позволил выявить в тофаларском языке в группе звукоподражательных и образных глаголов.

1. Моментально-однократная форма. Она выражает однократное и при этом очень быстрое, моментальное, длящееся очень краткий промежуток времени звучание у звукоподражательных глаголов или моментальную однократность действия или протекания во времени зрительного или иного чувственного восприятия образа.

У звукоподражательных глаголов и образных глаголов 1-й подгруппы эта форма образуется однотипно аналитическим путем из сочетания звукоподражательной или образной основы с одним из вспомогательных глаголов *дэ-*, *қыл-*, *қын-*. При этом глагол *дэ-*, употребляется только со звукоподражательными глаголами. Примеры: *таъқ дэ-* «один раз шелкнуть – о глухаре», *таъсырт қын-* «треснуть – о сухом сучке», *чап қын-* «раздаться – о звуке однократного шлепка», *қуъп қыл-* «вызвать глухой однократный стук», *сыърт қын-* «вдруг отпрянуть от испуга», *паърт қын-* «оборваться – о сердце от испуга», *шыйтъ қын-* «внезапно замолчать».

Образные глаголы 2-й подгруппы образуют данную форму в принципе однотипно, только в качестве знаменательной основы у них выступает отглагольное имя на *-с*, изредка *-ш* (конечный *-й* глагола при этом выпадает). В качестве вспомогательных используются глаголы *қыл-* и *қын-*. Примеры: *қылас қын-* «сверкнуть быстро и один раз», *далбас қын-* «показаться на миг – о чем-л. широком и плоском», *шимес қын-* «подмигнуть», *салбаи қын-* «трепыхнуться один раз – о бахроме».

2. Раздельно-краткая форма. Она обозначает кратковременное проявление звука или образа, но происходящее несколько раз подряд, с промежутками. Образуется тоже аналитически путем сочетания со служебными глаголами *дэ-*, *қыл-* и *қын-* удвоенных звукоподражательных основ и с глаголами *қыл-* и *қын-* с удвоенными основами образных слов. При этом у образных глаголов 2-й подгруппы удваиваются соответствующие отглагольные имена на *-с* или *-ш*. Примеры: *салыр-салырт қын-* «прошуршать – в нескольких местах подряд», *сыйт-сыйт қын-* «несколько раз свистнуть – о грызунах», *таьқ-таьқ дэ-* «несколько раз щелкнуть – о глухаре», *қуйт-қуйт қын-* «глотать большими глотками», *бедірт-бедірт қын-* «прыгать – о спутанном коне».

3. Форма равномерной длительности обозначает непрерывное, однородное звучание, происходящее либо вообще, либо в течение длительного времени, или обозначает равномерное, непрерывное или постоянное действие, связанное с определенным образом. Образуется от звукоподражательных основ аффиксами *-а-*, *-ла-* и *-қыр-*, а от образных основ – аффиксами *-а-* и *-ла-*. При этом в случае, если *-да-* присоединяется к односложной основе с консонантным ауслутом, между основой и аффиксом появляется вставочный гласный, как правило узкий, или *-ы/-і-* или *-у/-ү-*, смотря по гармонии гласных. Примеры: *тоьсыла-* «все время раздаваться – о стуке каблуков» (< *тоьс* – подражание стуку каблуков), *қарыла-* «каркать» (< *қарр* – подражание карканью вороны), *салыра-* «шуршать» (< *салыр-* подражание шуршанию), *таьққыр-* «токовать – о глухаре; прищелкивать языком» (< *таьқ* – подражание токанию токующего глухаря), *һыймыра-* «кишеть» (< *һыймыр* – образ от кишения множества существ на одном месте), *сыьртыла-* «дергаться, дрыгаться» (< *сыьрт* – образ от чего-л. дергающегося, дрыгающегося).

У образных глаголов 2-й подгруппы вместо этой формы представлена форма обычной ритмичности, которая выражает действие, совершаемое носителем образа небыстро и равномерно, через определенные промежутки времени. Образуется она либо синтетически путем подстановки к основе образного глагола вместо конечного *-й* аффикса *-ңна/-ңнэ-* (< отглагольное имя на *-ң* + *-ла-*), либо аналитически – сочетанием того же отглагольного имени на *-ң*, зачастую удвоенного, со вспомогательными глаголами *қыл-* или *қын-*. Примеры: *қылаңны-*, *қылаң қын-*, *кылаң-қылаң қын-* «ритмично светиться, ритмично поблескивать» (< *қылай-* «сверкать»), *шимеңнэ-*, *шимең қын-*, *шимең-шимең қын-* «часто моргать» (< *шимей-* «выглядеть зажмурившимся»).

4. Форма учащенной ритмичности обозначает действие, производимое носителем какого-либо звука или образа очень часто, с беспорядочной повторяемостью либо в движении, либо в нескольких местах одновременно. Образуется эта форма аналитически, путем сочетания служебного глагола *гайын-* со звукоподражательной или образной основой. При этом и здесь в случае односложной основы с согласным ауслутом к нему добавляется узкий гласный *-ы/-і* или *-у/-ү*. Основы образных глаголов 2-й подгруппы выступают здесь тоже в виде отглагольного имени на *-ң*, зачастую в удвоенном виде. Примеры: *қоңғур гайын-* «звенеть – о ботале во время движения», *салыр гайын-* «шуршать в нескольких местах сразу», *тоьсы гайын-* «стучать – о множестве каблуков в разных местах», *қары гайын-* «каркать – о многих воронах сразу», *һыймыр гайын-* «кишеть», *сыьрты гайын-* «бегать взад и вперед, носиться, дергаться, нервничать», *қылаң гайын-* «мелькать – о многих огоньках сразу», *һалаң гайын-* «качаться – о чем-л. подвешенном» (< *һалай-* «быть подвешенным, свисать»).

Виды и видовые формы у глаголов действия-состояния

Большая лексико-морфологическая группа глаголов действия-состояния имеет в тофаларском языке свои, сложившиеся в ее пределах, видовые формы. Некоторые из этих форм настолько абстрагировались и приобрели такую универсальность, что стали от любых глаголов этой группы образовывать видовые формы с каким-либо определенным значением. Пока это только два основных типа форм – формы, показывающие завершенность действия, и формы, показывающие незавершенность действия. Причем они безотносительны к моменту речи и не придают основе значимого глагола никаких дополнительных лексических значений. Универсальность этих форм

заставляет считать их настоящими видами. В тофаларском языке они имеют чисто формообразовательный характер. Соответственно мы выделяем следующие виды: завершённый и незавершённый.

Рассмотрим подробнее выделяемые нами виды.

1. Завершённый вид указывает на законченность всего действия в прошлом или предполагаемую законченность в будущем. Поэтому данный вид используется только в сочетании с прошедшим и будущим временами. С настоящим временем он несовместим. Образуется он в тофаларском языке двумя путями:

а) Посредством присоединения к основам глаголов аффикса *-(ы)выт-/-(i)віт-*, *-(у)вут-/-(ү)вүт-* (по гармонии гласных), который имеет конкретное значение интенсивной законченности действия. Например: *баътыр-* «глотать» - *баътыривыт-* «проглотить», *чи-* «есть, кушать» - *чивит-* «съесть», *көр-* «видеть, смотреть» - *көрүвүт-* «увидеть», *туът-* «держат, ловить»; «понимать» - *туътувыт-* «схватить; поймать»; «понять», *тур-* «стоять; останавливаться» - *турувыт-* «остановиться».

Полную грамматикализацию, формализацию этого видового аффикса подтверждает употребление его с видовыми формами, выражающими характер протекания действия. Например: *берип қаавыт оларыңа* «отдай им» (< *берип қағ-* «отдать»), *литоопқам таъптап қаақытқан мен* «я отбил литовку» (< *таъптап қағ-* «отбить»).

Аффикс *-ывыт-* (с вариантами) произошел от аналитической формы, образуемой служебным глаголом *ыт-* «отправлять, посылать» и деепричастием на *-п* основного глагола, например: *көрүвүт-* «увидеть» < *көрүп ыт-*, *барывыт-* «уйти» < *барып ыт-*, *чорувут-* «уехать» < *чоруп ыт-* и т.д.

б) Аналитическая форма на *-а бер-*, в которой служебный глагол *бер-* уже не имеет никаких следов своего первоначального лексического значения «давать». В этой конструкции он имеет чисто служебное значение для выражения исчерпанности, завершенности всего действия, а также интенсивный приступ к действию или, иначе говоря, исчерпанность начального этапа действия. Примеры: *суз һайны берди* «вода закипела», *оң боқ чориш бээр* «он сейчас уедет», *көъши чыпий берген* «шкура намокла», *шыбық сына берген* «прут сломался».

2. Незавершённый вид призван в сфере всех временных планов выразить идею незаконченности, незавершенности действия, идею того, что действие длилось, продолжается сейчас и будет длиться неопределенный отрезок времени, безотносительность действия к результативности, пределу. Отсюда объясняется участие этого вида в образовании форм настоящего времени тофаларского глагола, вскрываемое этимологическим путем. Однако, как чисто видовое, сугубо формальное образование, показатель незавершенного вида безотносителен к моменту речи. Эта форма принимает окончания будущего, настоящего и прошлого времен как в их индикативном, так и релятивном употреблении.

В образовании незавершенного вида участвует аналитическая форма, состоящая из деепричастия на *-п* основного глагола и одного из служебных глаголов: *тур-* «стоять», *олур-/олыр-* «сидеть», *чыът-* «лежать» и *чору-* «ходить». Эти глаголы настолько отвлеклись в этой своей функции от своих первоначальных лексических значений, что выражают здесь в основном только идею пребывания в состоянии такого-то действия или процесса. При этом довольно трудно сказать, который из этих глаголов обладает большей употребительностью. В тофаларском языке они более или менее равны в этом отношении. И в общем подчас без вреда для смысла высказывания могут взаимозаменяться. Но, как нам кажется, более всего утратили свою лексическую соотнесенность глаголы *тур-*, *олыр-* и *чыът-*. Глагол *чору-* все-таки привносит в аналитическую форму семантику движения, динамики. Примеры: *иби минзы чазын үнүп чору* «рога оленя растут весной», *оң эьккіді иштэніп турган* «он хорошо работал», *мен талачып олыры мен* «я тороплюсь», *чыдыг сыылап олыры* «собака визжит», *лаампа һып олыры* (~ *һып туру* ~ *һып чыътыры*) «лампа горит», *ырмаагым қуруп чыътыры* «моя рубаха сушится», *оң боолап чыътқан* «он стрелял», *мен бары чыътыры мен* «я ухожу».

Кроме рассмотренных видов, образующих в тофаларском языке формообразовательную категорию, в нем существует несколько форм с видовым значением, еще не достигших высокой степени абстракции, имеющих сравнительно ограниченное употребление и дополнительные, кроме выражения завершенности-незавершенности, лексические значения. Эти формы, выражающие характер протекания действия, образуются в тофаларском языке следующими способами:

а) Путем присоединения к основам глаголов особых аффиксов *-қыда-*, *-қыла-*, *-та-*, придающих основам глаголов значение многократности, учащательности действия. Например: *болғуда* «побывать в разных местах» (< *бол-* «быть»), *и-ъткідэ-* «часто толкать, часто пихать» (< *и-ът-* «толкать, пихать»), *қаьққыда-* «стучать многократно, поколачивать» (< *қаьқ-* «стучать, бить»); *қасқыла-* «копать в разных местах; копытить землю» (< *қасс-* «рыть, копать»), *баьққыла-* «заглядывать несколько раз» (< *баьқ-* «подсматривать»); *соьқта-* «бить, ударять», *қаьқта-* «бить, колотить в одно место».

б) Видовое значение длительности, повторяемости, многократности действия в тофаларском языке передается также повтором деепричастия на *-а* и *-п*. Например: *һүн саны қылы-қылы чаьсап қаар бис* «делая каждый день», «делаем», *һүн саны бечен километыр бары-бары чеьтэ бээр бис* «мы дойдем только делая в день по 50 км», *кеьһе-кеьһе* «все время переправляясь», *үнэ-үнэ* «все время выходя, многократно выходя», *һиичып-һиичып өьртти* «прошел мимо, все время наклоняясь» (напр. в низких дверях и т.п.), *өөреніп-өөреніп өөрені бээр* «постепенно выучиться». Часто вместо простого повтора деепричастия на *-п* употребляют одно деепричастие на *-п* и усиливают его частицей *ла*. *П* при этом озвончается в *б*. Например: *өөреніб ле өөрені бээр* «постепенно выучиться», *һиичыб ла өьртти* «прошел мимо, все время наклоняясь».

Тот же прием повторения, но только антонимичных форм причастия настоящего-будущего времени, употребляется для выражения ослабленности, недостаточности действия. Например: *шегер чылар-чылбас* «сани еле скользят», *көшиге поолга дээр-дэгбес* «занавес едва касается пола», *оң санан билір-билбес* «он едва умеет читать», *бистің чедэг чоруур-чорувас* «наш караван еле движется».

в) Наиболее продуктивен все же в тофаларском языке способ аналитических форм, для создания которых используется деепричастия *-а* или *-п* и служебные глаголы, еще полностью не утрачившие здесь своего лексического значения. Нами зафиксированы следующие аналитические формы:

Выражающие начало действия:

-п кір- - *келі салы қылып кірген* «как только пришел сразу же начал делать», *оолгыс өөреніп кіре берді* «дети начали учиться», *қар қаавытқан соң аңнап кірдім* «после того, как выпал снег, я начал промышлять» (лексическое значение *кір-* «входить»);

-п үн- - *аңнап үндүм* «я начал промышлять», *лаампа һып үндү* «лампа загорелась», *кеьш чиьпін үндү* «шкура начала намочать», *ишпін үндүбүс* «мы начали пить» (лексическое значение *үн-* «выходить»).

Выражающие окончание действия:

-п доос- - *аңнап доостум* «я окончил промышлять», *сойуп дооскаш* «окончив обдирать шкуру», *өөрекпін дооспаан мен* «я еещ не кончил учиться» (лексическое значение *доос-* «окончить, кончить»).

Выражающие завершенность действия:

-п кег- - данная форма обладает довольно большой продуктивностью, есть все предпосылки, что со временем она может перейти в категорию чисто видовых форм. Ее отличие от аффикса *-ывыт-* в том, что у ней меньшая категоричность. Примеры: *мен герэл сын қаган мен* «я разбил стекло», *шөй ишпін қагдым* «я выпил чай», *избушқа чаьсап қаан* «он сделал избушку», *суг төп қагдым* «я пролил воду», *цаап доозып қагды* «дождь перестал», *алып каг* «забери», *үреп қаар* «испортит», *өскен болуп қагды* «дождь перестал», *дүүн литоопқа таьптан қаган мен* «я вчера отбил литовку» (лексическое значение *каг-* - «положить»).

Выражающие интенсивность, мгновенность, быстроту совершения действия:

-а соьқ- - *оруундан өө сов* (< **өгі соьһуп*) *алган* «он быстро свернул с дороги в сторону» (лексическое значение *соьқ-* - «бить, ударять»);

-а тўьш- - *өге кіре тўьштүм* «я быстро вошел в дом», *олыра тўьш* «садить быстрее» (лексическое значение *тўьш-* - «падать сверху, спускаться»);

-а сун- - *олырган орнундан тура сунду* «он быстро вскочил с места, на котором сидел», *мен оңун тура сунустум* «я заставил его быстро вскочить на ноги», *өгдэн үне сунду* «он выскочил из дома» (лексическое значение *сун-* - «бежать»);

-а сал- - эту форму пока удалось зафиксировать только в виде деепричастия на *-а*: *кіре салы* «как только зашел», *өге кіре салы баьһин отқа суьһар, чүл ол?* (загадка) – «как только заходит в

дом, сует голову в огонь, что это?» - отгадка: *тоорбааш* «бревешко для костра»; *көрү салы эт-тырды* «как только увидел, тут же спросил» (лексическое значение *сал-* - «положить»).

Выражающие завершенность действия, но с дополнительным оттенком его направленности:

-*п ал-* - означает совершение действия в свою пользу: *ам қобытаб алғаш няна берген бис* «теперь навьючив, вернулись домой», *улғаб ал эккісін* «выбери себе хорошего», *мен мону оруқта туп алдым* «я это нашел на дороге», *шегерінге тээб алғаш няна берді* «погрузив себя на сани, отправился домой» (лексическое значение *ал-* - «брать»);

-*п бер-* - означает совершение действия в пользу другого лица: *мен өзлеп бердім* «я сделал ему уюту», *иьтік быһһип бер* «скрой мне сапоги» (лексическое значение *бер-* - «давать»);

-*п кел-* - означает постепенность совершения или нарастания действия, движение, направленное в сторону говорящего, придает некоторым непереходным глаголам значение завершенности действия без дополнительных оттенков. Примеры: *айазып келді* «прояснило», *өскен қаап келді* «дождь начинается», *һүн үнүп келді* «солнце взошло», *таң ағып келді* «заря загорелась», *самолёот уһһип келді* «самолет прилетел», *чердэн үнүп келді* «вышел из земли», *өге кіріп келд* «он вошел в дом», *уруғларывыс өсүп келділер* «у нас выросло много детей» (лексическое значение *кел-* - «приходить»);

-*п бар-* - означает движение в сторону от говорящего: *һүн баьта барған* «солнце зашло» (лексическое значение *бар-* - «уходить»);

-*п һал-* - означает движение в сторону говорящего: *малларывыс сүрүп һалдым* «я пригнал нам скот», *ол ашняк ону гөргөш қыстарны қышқырып һалған* «увидев это, тот мужик подозвал девушек» (лексическое значение *һал-* - «приносить»).

Недостаток семантического разнообразия видовых форм у глаголов действия-состояния относительно кратности, частоты и т.п. начинается в тофаларском языке компенсироваться за счет употребления системы видовых форм образных глаголов 2-й подгруппы с глаголами действия-состояния. Используются те же модели *-с қын-*, *-с + -с қын-*, *-ңна*, *-ң гайын-* с тем же содержанием видовых форм. Причем это явление охватывает большое количество глаголов действия-состояния, практически почти не ограниченное.

Как показывает наш материал, у глаголов действия-состояния под влиянием системы видовых форм образных глаголов развились следующие видовые формы:

1. Моментально-однократная, например: *от қығһас қынды* «огонь моментом вспыхнул и погас» (< *қығһ-* «гореть»), *өдрек шомас қынды* «утка нырнула один раз» (< *шом-* «нырять»), *оң гөрүс қынды* «он быстро взглянул» (< *көр-* «смотреть»), *сунас қындылар* «они быстро пробежали мимо» (< *сун-* «бежать»), *бодуга урууққа суьһас қынды* «он быстро обмакнул ручку в чернила» (< *суьқ-* «макать – перо в чернила»), *мен удус қындым* «я немного вздремнул, поспал» (< *уду-* «спать»).

2. Раздельно-кратная, например: *өдрек шомас-шомас қынныдыры* «утка несколько раз очень быстро ныряет», *от чырыс-өһһес қынныдыры* «огонь то потухнет, то загорится» (< *чыры-* «светить»), *өһһи-* «тухнуть, гаснуть»), *оң туьһес-турас қынның сунған шик* «он бежал короткими перебежками» (то падая, то вставая) (< *туьһи-* «падать»), *тур-* «вставать»), *чаэн чаас-чаас қынныдыры* «летом часто идут кратковременные дожди» (< *чаг-* «идти – о дожде»).

3. Ритмичность, например: *қығһаңна-* «то гореть, то потухнуть – об огне», *өдрек шомаңнайдыры* «утка часто ныряет» (вообще), *сунаңна-* «часто и быстро бегать взад и вперед», *суғлаңна-* «часто поливать» (огород) (< *суғла-* «поливать» < *суғ* «вода»), *ығлаңна-* «часто плакать, быть слабым на слезы» (< *ыгла-* «плакать»), *тураңна-* «часто останавливаться» (< *тур-* «стоять, вставать»), *барыңна-* «часто ходить» (< *бар-* «идти»), *ақсаңна-* «прыгать на одной ноге – о хромом» (< *ақса-* «хромать»).

4. Учащенная ритмичность, например: *өдрек шомаң гайныдыры* «утка часто ныряет и при этом двигается», *сунаң гайһип* «очень часто и беспорядочно бегать – о ребяташках», *ушар суу үзүк чоққа чөһһитың гайныдыры* «водопад без конца сыпет брызгами» (< *чөһһип-* «брызгаться»), *көстүң гайһип* «ритмично и часто высовываться из укрытия и тут же прятаться – о многих людях сразу» (< *көзул-* «показываться»), *тураң гайын-* «очень часто останавливаться», *уьһяң гайыя-* «очень часто взлетывать, вспархивать – о птицах, бабочках и т.п.» (< *уьһи-* «летать»).

Как можно видеть из приведенного выше анализа видовых форм трех лексико-морфологических групп тофаларских глаголов, примерно одинаковые по значению видовые формы выделяются у звукоподражательных и образных глаголов. Глаголы действия-состояния обра-

зуют виды и видовые формы несколько иначе. Разница в содержании видовых форм этих групп глаголов в том, что у глаголов действия-состояния все внимание сосредоточено на указании завершенности-незавершенности действия, часто с дополнительным оттенком интенсивности, направленности, а у звукоподражательных и образных глаголов подчеркивается лишь кратность, мгновенность, быстрота или частота действия на месте или в движении. Система видовых форм глаголов действия-состояния обогатилась за счет включения видовых форм, характерных для образных глаголов 2-й подгруппы, допуская сосуществование своих и этих форм, имеющих разную морфологическую структуру и происхождение.

3. Формы модальности

В современном тофаларском языке кроме видовых форм, показывающих характер протекания действия, имеется несколько модальных форм, отражающих отношение носителя действия к этому действию. При выделении форм модальности и отграничения их от видовых форм и форм наклонений мы придерживались следующего понимания категории модальности, принятого в советском языкознании: «Модальность – понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами...»¹.

Наш материал позволил выделить следующие модальные формы.

1. Форма субъективной модальности желания, намерения совершить действие. Образуется синтетически посредством специального аффикса *-қса/-ксе*, *-ықсы/-іксе*, *-уқса/-уксе*. Ее можно образовать практически от любого глагола. Примеры: *барықса* – «желать, намереваться пойти» (< *бар* – «пойти»), *удуқса* – «хотеть спать» (< *уду* – «спать»), *аңнақса* – «собираться, намереваться промышлять» (< *аңна* – «промышлять, охотиться»), *келі* – *ксе* – «хотеть придти» (< *кел* – «приходить»).

2. Форма модальности, выражающая объективную необходимость совершить действие. Эта форма употребляется в безличных предложениях. При этом лицо – реальный носитель действия – обозначается дополнением в дательном падеже. Образуется аналитически путем сочетания послелога *дэг* «как, подобно» с глаголом, оформленном аффиксом *-гы/-гі*, *-қы/-кі*, *-ғу/-ғу*, *-қу/-қу*, являющимся по происхождению аффиксом отглагольного имени. При этом, присоединяясь к глагольной основе на конечный гласный, аффикс теряет свой гуттурал, за счет стяжения гласных на месте хиатуса образуется долгий гласный. Примеры: *ол кишээ баргы дэг болган* «тому человеку надо бы было идти», *ол чүмені алгы дэг болган* «ту вещь надо было взять», *бо биске тушқу дэг* «это нам подходит», *бо чүме саьтып алгы дэг* «эту вещь надо купить».

В отрицательном аспекте на месте аффикса *-ғы* ставится сложный аффикс *-баа/-бээ*, *-ваа/-вээ*, *-паа/-пээ*, возникший из полного фонетического сращения показателя отрицательного аспекта *-ба/-бе*, *-ва/-ве*, *-па/-пе* с аффиксом *-гы/-гі*, *-ғу/-ғу*. Примеры: *ынаары чоруваа дэг болган* «туда не надо было бы ездить», *бортаа барбаа дэг* «здесь не надо бы ходить», *ол чүмені мээ албаа дэг болган* «мне не надо было бы брать ту вещь», *келбээ дэг болган* «не надо было приходить».

3. Форма объективной возможности совершить действие. Имеет отрицательный аспект. Образуется аналитически путем сочетания деепричастия на *-п* основного глагола со вспомогательным глаголом *бол* (лексическое значение «быть», «стать»). В тофаларском языке это полностью спрягаемая форма, выражающая возможность или невозможность совершить действия, зависящую от каких-то внешних причин. Примеры: *оң уһһюп болыр* «он сможет лететь» (напр. как пассажир), *мен ону чаьсап болбаан мен* «я этого не смог сделать», *соғур киши санап болбас* «слепой не сможет читать», *мен санап болыр мен* «я смогу читать, мне можно читать» (напр. разрешил врач), *төрт аң көргеш өлүрүп болбадым* «увидел 4 зверей, но убить не смог».

4. Форма невозможности совершить действие. Образуется аналитически путем сочетания деепричастия на *-п* основного глагола и вспомогательного глагола *чада-*, уже своей основой выражающего невозможность в силу внешних причин совершить действие. В отрицательном аспекте этот глагол *чада-* «не мочь» обычно не употребляется. Примеры: *туп чададым*, *туп чадаан мен* «я не смог найти», *уһһюп чадаан мен* «я не смог улететь», *оң дүүн гелип чадады* «вчера он не смог придти».

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, с. 237.

5. Форма субъективной возможности совершить действие. Образуется аналитически путем сочетания деепричастия на *-н* значимого глагола со вспомогательным глаголом *шыда-* «мочь, суметь, быть в состоянии». Обозначает возможность или невозможность (с показателем отрицания) с тем оттенком, что носитель действия сам в состоянии, сам может или умеет так поступить. Например, *оң уһион шадаар* «он сможет лететь» (т.к., например, умеет управлять самолетом), *оң аңнап шыдайыдыры* «он может промышленяль» (т.к. обладает навыками) и т.п. Различие формы *-н бол* и *-н шыда-* в их семантике довольно четкое. Так, например, *санап больр мен* означает «я смогу читать» (т.к. мне это разрешено или есть для этого условия), а *санап шыдар мен* – «я смогу читать» (т.к. умею, вижу и т.п.).

6. Форма умения совершить действие. Образуется аналитически путем сочетания глагола *бил-* «знать, уметь» с деепричастием *-н* значимого глагола. Имеет значение «мочь, уметь что-то делать». Например: *мен санап билир мен* «я умею читать, я могу читать», *мен тофалап сооданып билир мен* «я умею говорить по-тофаларски», *оң аңнап билдірі* «он умеет, может промышленяль».

7. Форма нереализованного действия. Выражает действие, которое чуть не совершилось и фактически остается нереализованным. В действие привносится субъективная оценка в плане его потенциальной возможности. Образуется аналитически путем сочетания глагола *час-*, лексическое значение которого «промахнуться, не попасть», с деепричастием на *-а* значимого глагола. В силу специфики своей семантики эта форма употребляется преимущественно в пределах прошедшего времени и только в положительном аспекте, о чем справедливо заметил А.А. Юлдашев¹. Примеры: *буһте йастым (~ частым)* «я чуть не задохнулся» (в дыму, например), *тайгаи барып туһе йастым (~ частым)* «поскользнувшись, я чуть было не упал», *кишинің мүнүн ише частым* «я чуть не съел чужой суп».

8. Форма намерения, попытки совершить действие. Образуется аналитически сочетанием глагола *көр-* «видеть, смотреть» с деепричастием *-н* значимого глагола. Означает пробу, намерение, попытку совершить какое-либо действие. Примеры: *бис ында аңнап көрдүвүс* «мы там пробовали охотиться», *киши чоруп көрвээн чер* «место, куда никто еще не ходил [не пытался ходить]», *һаныңарнам ол саазынны, мен қыгырып көрейн* «дайте-ка ту бумагу, я попробую прочесть».

9. Форма симулятивности, имитации действия. Образуется аналитически сочетанием глагола *бол-* «быть, стать» со значимым глаголом, оформленным аффиксом *-қсы/-ксі, -қсу/-ксу*. Назначение этой модальной формы – выразить действие, которое субъект фактически не производит, а как бы делает вид, имитирует совершение этого действия. Примеры: *оң удүқсу болуп чығытыры* «он притворился спящим», *араһа ишиксі болған* «он сделал вид, что пьет водку», *барықсы болған* «сделал вид, что уходит».

4. Отрицательная форма глагола

Глагол в тофаларском языке имеет две формы, которые выражают положительное или отрицательное суждение о том или ином действии. Это различие проходит через все словоизменительные и почти все формообразовательные категории глагола. Любой глагол, употребленный в предложении, обязательно должен оформляться в одной из этих двух форм.

Положительная форма не имеет формальных показателей, а представлена основой глагола. Она выражает утверждение о реальном и объективно происходящем действии. Глаголы в положительной форме служат исходной основой для образования других форм. Примеры: *шый-* «писать», *сана-* «читать», *бер-* «давать», *ал-* «брать», *кел-* «приходить», *бар-* «уходить», *иштэн-* «работать», *аңна-* «охотиться».

Отрицательная форма глагола образуется посредством неударного аффикса *-ба/-бе* (в произношении встречается его вариант *-ма/-ме*, но только после конечного *-н* основы), *-ва/-ве* (после гласных), *-па/-пе* (после глухих согласных). Он присоединяется непосредственно к глагольной основе в случае основного залога, и после залоговых аффиксов перед формами склонения и лица. Примеры: *шыйба-* «не писать», *санав-* «не читать», *бербе-* «не давать», *алба-* «не брать», *келбе-* «не приходить», *барба-* «не уходить», *иштэнбе-* (*иштэнме-*) «не работать», *аңнава-* «не охотиться», *иширтпе-* «не поить», *чидіртпе-* «не кормить», *қаттаиша-* «не собирать вместе ягоды»,

¹ См.: Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках, с. 110.

алдынба- «не браться», *алысна-* «не поддаваться», *туьпулба-* «не появляться, не возникать», *һаақтанба* (~ *һаақтанма-*) «не кататься на лыжах».

Способы выражения положительной и отрицательной форм едины для всех тюркских языков: положительной – основной, отрицательной – аффиксом *-ма*.

5. Неличные формы глагола

Как известно, в большинстве языков мира глагол состоит из двух рядов образований: из личных форм (так называемого собственно-глагола, *Verbum finitum*) и из неличных форм, совмещающих признаки и свойства глагола с признаками и свойствами некоторых других частей речи¹.

В тофаларском языке глагол тоже состоит из этих двух групп форм.

Неличные формы тофаларского глагола (так называемые вербоиды, по терминологии Ю.С. Маслова²) представляют собой довольно своеобразную группу форм. В нее входят деепричастия, совмещающие в себе признаки глагола и наречия, причастия, совмещающие признаки глагола и прилагательного, глагольное имя, или, иначе говоря, имя действия, представляющее процесс определенным, и инфинитив, совмещающий признаки глагола и существительного.

Общим для всех этих форм является отсутствие глагольных категорий наклонения, лица и наличие категорий залога, аспекта, а также способность выражать характер протекания действия. Как и личные формы глагола они сохраняют присущее глаголу падежное управление.

Деепричастие

Деепричастие представляет собой неличную форму глагола, выражающую действие как признак другого действия. Оно имеет признаки как глагола, так и наречия. Что касается времени, то деепричастие обозначает его не по отношению к моменту речи (настоящее, прошедшее, будущее), а лишь по отношению к действию, выраженному другой глагольной формой в предложении (предшествование, одновременность, а также продолжительность и другие оттенки протекания действия – состояния во времени).

В роли сказуемого деепричастие употребляется в основном в придаточных предложениях, а его использование в качестве полного сказуемого в простом предложении и в главном в составе сложноподчиненного предложения очень ограничено. Важнейшей функцией деепричастий в тофаларском языке является участие в образовании сложных и составных глаголов.

Основная черта сходства деепричастий с наречиями состоит в том, что деепричастие тоже указывает на признак действия, выраженного глаголом, и отвечает на вопросы *қаньча?* «как?», *қаньчан?* «каким образом?», *қаньчангаи?* «почему?»

Отдельные из деепричастных форм сохраняют застывшее изменение по падежам, лицам и числам, что говорит о генетической связи деепричастий с причастиями.

В современном тофаларском языке различаются следующие шесть деепричастных форм: 1) соединительное, 2) слитное, 3) прошедшего времени, 4) сопроводительное, 5) предела, 6) отрицательное. Рассмотрим их подробнее.

1) Соединительное деепричастие во временном отношении выражает действие, предшествующее основному или одновременное с ним. Образуется оно аффиксом *-п* (после гласных) и *-ып/-ип*, *-уп/-уп* (после согласных). Примеры: *барып* «пойдя» (< *бар-* «пойти»), *чоруп* «уехав» (< *чору-* «ехать»), *аңнап* «охотившись» (< *аңна-* «охотиться»), *туьтуп* «держа, схватив» (< *туьт-* «держать, ловить»), *көрүп* «увидев» (< *көр-* «смотреть, видеть»), *иштэнип* «работая» (< *иштэн-* «работать»), *чыып* «собирая» (< *чыг-* «собирать»), *дооп* «мерзнув, замерзая» (< *доң-* «мерзнуть, замерзать»), *қаап* «положив» (< *каг-* «положить»), *аьып* «открыв» (< *аьш-* «открывать»), *өьһүп* «погаснув» (< *өьш-* «гаснуть»), *аьһып* «протекая» (< *аьқ-* «течь»), *һып* «горя» (< *қыһп-* «гореть»), *шып* «покрывая, накрывая» (< *чыһп-* «накрывать»), *соп* «ударяя» (< *соьқ-* «ударять»).

Соединительное деепричастие обозначает:

а) действие, предшествующее другому действию, например: *эчик өьһип өге кірді* «открыв дверь, вошел в дом», *аьт эзерін алып черге қаабытты* «взяв седло коня, бросил на землю»;

¹ Подробнее см.: Маслов Ю.С. Введение в языковедение. М.: Высшая школа, 1975, с. 209-214.

² См.: Там же, с. 209, 213.

б) действие, совершающееся одновременно и параллельно с действием главного глагола, при этом деепричастие нередко сопровождается частицей усиления *ла*, например: *ырлаб ла чору* «идет и поет», *дааранып* «сидит и занимается шитьем», *аът чаъпалын эмнэп тэһе шеньчар* «лечить больную селезенку коня проколом»;

в) действие, которое является признаком другого действия, например: *қоллап берген* «вручил», *тофалап соодаан* «рассказал по-тофаларски», *нянып келді* «вернулся домой»;

г) действие, которое является причиной совершения другого действия, обозначенного основным глаголом, например: *ол ашняк аарып аңныққа чоруваан бо йылын* «тот мужик, заболев, не поехал в этом году на промысел», *һейге келгенін билип үндү өгдэн* «вышел из юрты, поняв, что пришел зря»;

д) цель основного действия, например: *қаттап чораан* «поехал собирать ягоды», *письмо шыйықсап олурду* «сел писать письмо».

Деепричастие на *-ып* в тофаларском языке очень частотно, так как участвует в образовании всевозможных аналитических форм для выражения различных видовых и модальных значений. Это стало возможным потому, что это деепричастие, как указывалось выше, обозначает действие, совершающееся параллельно или одновременно.

2) Слитное деепричастие выражает действие, которое совершается одновременно с действием определяемого глагола. Образуется посредством присоединения к основе аффикса *-а/-е, -ы/-і*. При этом проявляется закономерность употребления *-а/-е* после основ с огубленными гласными и с узкими неогубленными, например: *олура* «сидя», (< *олур-* «сидеть»), *доңа* «замерзая» (< *доң-* «замерзать»), *туьта* «держа» (< *туьт-* «держать»), *унэ* «выходя» (< *ун-* «выходить»), *көһе* «кочуя» (< *көһи-* «кочевать»), *ыда* «посылая» (< *ыт-* «посылать»), *иьтэ* «толкая» (< *иьт-* «пихать»), а вариант *-ы/-і* после основ с широкими гласными, например: *бары* «уходя» (< *бар-* «уходить»), *келі* «приходя» (< *кел-* «приходить»), *алы* «бруя» (< *ал-* «брать»), *тэһе* «прокалывая» (< *тэһи-* «проткнуть»). Однако эта закономерность не всегда выдерживается, т.к. мы имеем формы *аьһа* «протекая» (< *аьк-* «течь»), *қыьпа* (~ *қыьфа*) «горя» (< *қыьп-* «гореть»), *қылы* «делая» (< *қыл-* «делая»), *цаа* «смазывая» (< *цаг-* «смазывать»), *ээ* «сгибая» (< *эг-* «гнуть») и т.п.

Слитное деепричастие обозначает действие, более тесно связанное с действием главного глагола, нежели действие, выраженное деепричастием на *-ып*. Это служит причиной того, что глаголы именно в этой форме очень часто становятся наречиями и даже послелогоами. Например: *неш ыра қаьк-* «расколоть полено» (букв. «раскалывая ударить»), *һуруқ кедіре цаг-* «набросить аркан» (букв. «надевая накинуть»), *өьткүрү* «насквозь» (< *өьткүр-* «допустить пройти сквозь»), *чеьтірі* «до, вплоть до» (< *чеьтір-* «доводить»), *толгандыры* «вокруг» (< *толгандыр-* «заставить кружиться»), *ачыры* «позади, за; чрезмерно, чересчур» (< *ачыр-* «заставить перейти рубеж, норму»).

Отдельно следует сказать о форме слитного деепричастия от глаголов с гласным ауслутом в основе, так как здесь происходят значительные фонетические преобразования. Дело в том, что показателем деепричастия в данном случае выступает аффикс *-йы/-йі*, который образует с конечным гласным основы комплексы *-айы, -эйі, -уйы, -үйі*, которые в тофаларском языке, как уже об этом говорилось выше в 1-й главе, стремятся дать либо дифтонги, либо опередненные монофтонги. Именно по этой причине наблюдаются, например, фонетические варианты этого деепричастия: *аңнаэ ~ аңнээ* (< *аңнайы < аңна-*) «охотясь», *соодаэ ~ соодаэи ~ соодаээ* (< *соодайы < соода-*) «говоря», *удыи ~ удыйы* (< *удуйы < уду-*) «засыпая», *чории ~ чориий* (< *чоруйы < чору-*) «идя», *өлийи ~ өлийий* (< *өлүйі < өлү-*) «намокая».

3) Деепричастие прошедшего времени обозначает действие, непосредственно предшествующее действию главного глагола, например: *оң келгеш соодады* «он рассказал после того, как пришел», т.е. «он пришел и рассказал», *һодан қулаан сүбүрткеш, тыңнап олыры* «заяц наострил уши и слушает», *мен туьтқаиш келген мен* «я поймал, потом приехал». При этом данное деепричастие не определяет время по отношению к моменту речи, а только указывает, что одно действие совершается, совершалось или будет совершаться раньше другого.

Для образования этого деепричастия в положительном аспекте используется аффикс *-қаиш/-кеш* (после глухих согласных основы) и *-гаиш/-геш* (после остальных звуков). Примеры: *баргаиш* «пойдя» (< *бар-*), *чораиш* «поехав» (< *чору + гаиш*), *аңнаиш* «охотившись» (< *аңна + гаиш*), *туьпқаиш* «найдя» (< *туьп-*), *дэгеш* «коснувшись» (< *дэг + геш*), *чагаиш* «намазав» (< *чаг + гаиш*),

чээш «съев» (< чи + геш), ээрткеш «пройдя мимо» (< ээрт-), тыгьртқаиш «натянув» (< тыгьрт-), дээш «сказав» (< де + геш).

В отрицательном аспекте употребляется аффикс *-нааш/-пээш*, *-бааш/-бээш*, *-вааш/-вээш*, возникший за счет слияния отрицательного аффикса *-ба...* с аффиксом деепричастия *-гаиш...* Употребление аффикса *-бааш...* происходит по тем же фонетическим законам, что и аффикса отрицания: после глухих согласных используется вариант *-нааш/-пээш*, после сонантов *-бааш/-бээш* (причем после *-н* и *-ң* возможен как произносительный вариант *-мааш/-мээш*), а после гласных *-вааш/-вээш*. Примеры: *аңнавааш* «не охотившись», *гелбээш* «не придя», *барбааш* «не пойдя», *чорувааш* «не поехав», *эмнэвээш* «не вылечив», *доңбааш* ~ *доңмааш* «не замерзнув», *иштэнбээш* ~ *иштэнмээш* «не поработав», *дэгбээш* «не коснувшись», *чагбааш* «не намазав».

4) В тофаларском языке выделяется особое сопроводительное деепричастие, которое оформляет действие, сопутствующее основному. Образуется оно аффиксом *-пышааңга/-пйшааңга*, *-пушааңга/-пүшааңга* (после основ на глухой согласный), *-бышааңга/-бйшааңга*, *-бушааңга/-бүшааңга* (после основ на сонанты, как вариант после *-н*, *-ң* встречается *-мышааңга/-мйшааңга*, *-мушааңга/-мүшааңга*), *-вышааңга/-вйшааңга*, *-вушааңга/-вүшааңга* (после гласных). Примеры: *неш кыгпышааңга тугьштү* «дерево упало, горя», *боозын кол бле туттпушааңга тугьштү* «он упал, сжимая ружье в руке», *оң нешты эннэвишааңга тугьштү тайгаиш*, *оорһасы сына бердi* «он нес бревно на плече, поскользнулся, упал и сломал позвоночник», *оштүг дэн билбйшааңга боо алган мен* «я взял ружье, понимая, что передо мной враг», *өгө келбйшааңга соодаары йоқ* «не следует говорить сразу, как только войдешь в дом», *мен аңнавышааңга чору мен* «я все еще еду, охотясь по пути».

5) Деепричастие предела обозначает действие, со времени совершения которого начинается действие, выраженное другим глаголом, например: *кыгыш болгыша коорытта черлээн бис* «мы жили в городе пока не наступила зима» (до наступления зимы), *тоткуша цээн мен* «я ел досыта». Это деепричастие образуется аффиксом *-кыша/-кйше*, *-куша/-күше* (после основ на глухой согласный), *-гыша/-гйше*, *-гуша/-гүше* (после основ на сонанты и гласные). В отрицательном аспекте не употребляется. Примеры: *келгйше* «пока не придет», *алгыша* «пока не возьмет», *баргыша* «пока не уйдет», *чорууша* (< *чору* + *гуша*) «пока не поедет», *аңнааша* (< *аңна* + *гыша*) «пока не станет охотиться», *тутткуша* «пока не схватил», *эгйше* «пока не согнул» (< *эг* + *гйше*), *чагыша* «пока не пошел дождь» (< *чаг* + *гыша*).

В тофаларском языке этот аффикс может принимать показатели личной принадлежности и к ним аффикс дательного-направительного падежа. Например: *мен келгйшеңге сен мында олыр* «ты сиди здесь, пока я не приду», *келгйшевишке мында олыр* «сиди здесь, пока мы не приедем», *сен бар*, *мен келгйшеңге олырар мен* «ты иди, я посижу, пока ты не придешь». Это оформление происходит по всем лицам как единственного, так и множественного чисел. Только в 3-м лице ед.ч. к аффиксу не добавляются ни показатель личной принадлежности, ни дательного-направительный падеж. В 3-м лице мн.ч. к аффиксу *-гыша* может добавляться аффикс *-лар*, например: *оң келгйше менав олыр* «сиди и жди, пока он придет», *оларың келгйше(лер) манава олыр* «сиди и жди, пока они придут».

6) Соединительному и слитному деепричастиям в отрицательном аспекте соответствует отрицательное деепричастие, которое имеет в зависимости от ауслаута основы глагола следующие фонетические варианты: *-пейн* (после глухих согласных), *-бейн* (после всех сонантов, но как произносительный вариант встречается после *-н*, *-ң* также *-мейн*), *-вейн* (после гласных). При этом различия в употреблении этих вариантов в твердорядных и мягкорядных словах нет. Примеры: *туттпейн* «не держа», *келбейн* «не приходя», *албейн* «не беря», *чэйтпейн* «не достигая», *чэйтшпейн* «не хватая», *гөрбейн* «не видя», *дыңнавейн* «не слыша», *аңнавейн* «не охотясь», *турбейн* «не стоя», *кыгппейн* «не горя», *көгышпейн* «не кочуя», *дiвейн* «не говоря», *соодавейн* «не рассказывая», *иштэнбейн* (< *иштэнмейн*) «не работая».

При этом появление формы *-бейн* в твердорядных словах объясняется чисто фонетическими причинами опереднения комплекса *-айы-* в *-эй-*, обусловившими развитие **-байын* в *-бейн*. Об этих причинах уже говорилось выше.

Встретился единичный случай употребления этого деепричастия с показателем *-ша* (< *са* – экватив). Например: *қараан албейнша қарақтаар* «наблюдать, не сводя глаз».

Причастие

Причастие – особая форма глагола, которая совмещает в себе свойства глагола и свойства прилагательного. В тофаларском языке существует несколько различных форм причастия, для всех их характерно представление действия как свойства предмета или лица.

Признаки, общие у причастия с глаголом: 1) оно обозначают действие предмета: *келген киши* «пришедший человек»; 2) наличие категории залога: *бастырбас хаанывыс* «наше непобедимое государства», *туьпулган чүме* «найденная вещь»; 3) наличие категории вида: *тураңнаап киши* «человек, который часто останавливался», *қылас қынган* от «сверкнувший огонь»; 4) обозначает действие во временном аспекте по отношению к моменту речи: различаются причастия прошедшего, настоящего и будущего времен: *алыр киши* «человек, который возьмет», *чору киши* «человек, который идет сейчас», *чораан киши* «человек, который шел»; 5) наличие аспектов отрицательного и положительного, возможности и невозможности: *алып болбас чүме* «вещь, которую нельзя брать», *шыйып болыр киши* «человек, который может писать», *шыйбас киши* «человек, который не будет писать», *келбээн киши* «человек, который не пришел»; 6) причастия управляют падежами имен; *қоорытқа чораан киши* «человек, уехавший в город», *аармидан нянып келген оол* «парень, вернувшийся из армии»; 7) причастия могут быть сказуемыми простых предложений и главного в сложноподчиненном предложении, выступая как *Verbum finitum*, получив способность спрягаться: *мен шкоол уун чору мен* «я иду к школе», *сен шкоол уун чору сен* «ты идешь к школе» и т.д. по лицам; *мен шкоол уун чораан мен* «я шел к школе», *сен шкоол уун чораан сен* «ты шел к школе» и т.д. по лицам.

Признаки, общие для причастий и имен прилагательных: 1) причастия могут выступать в роли определения, как и прилагательные, предшествуя определяемому, способ связи – примыкание. Только, в отличие от прилагательного, причастие в роли определения сохраняет свое глагольное управление дополнением и свое обстоятельство. Примеры: *улуғ ибэ мунган киши келді* «приехал человек, верхом на большом олене», *шыйып санап билбес киши эрген* «оказался человеком, не умеющим читать и писать», *унуп чору миис* «растущие рога», *сунуп чору оолчық* «бегущий мальчонка»; 2) причастия, как и прилагательные, могут субстантивироваться, принимая в этом случае показатели личной принадлежности, падежа и числа, и могут выступать в роли любого члена предложения. Примеры: *удуурумнуң бейтіндэ эмні ишер мен* «я выпью лекарство до того, как я лягу спать», *алырын билбес киши* «человек, не знающий, что он должен взять», *мені санаарны эмиі айбылаваан* «мне врач не разрешает читать», *чүге баарың?* «куда идешь?», *ынаары баары йоқ* «туда нельзя идти», *мында турары йоқ, ыңгай чоруулу* «что здесь стоять, поехали дальше», *өскен цаарын болып қаган* «дождь перестал идти», *иштэнгенімге мөңгүн берген* «за то, что я работал, дали денег», *чораанын соодаан* «рассказал о том, как ездил», *сілер тальйарыңарда* «когда вы уезжаете».

Причастие вместе с зависимыми словами образует причастный оборот. Если он имеет свой субъект (подлежащее), то его следует рассматривать как придаточное предложение, причастие же в нем функционирует как сказуемое. Примеры: *ол киши олурусун гөрдүр мен* «я вижу, что тот человек сидит», *келі чытырысын көрдүм* «я увидел, что он идет сюда», *ол кишинің ыңгай баарын көрдүм* «я увидел, что тот человек пошел туда», *бедік тагдан хараарымга беэрэң гайнып турусу йоқ* «когда я смотрю с высокой горы, мелькающего в воде не было», *бо һемні мен ұстун кеьштім, кеһер чер чоқ болырга* «эту реку я переехал в верховье, так как не было брода».

В современном тофаларском языке имеются причастия всех трех времен относительно момента речи: причастия прошедшего, настоящего и будущего времени. Рассмотрим их подробнее.

1) Причастие прошедшего времени. В современном тофаларском языке имеется только одна причастная форма для прошедшего времени, которая образуется путем присоединения к основе глагола, аффикса *-ган/-ген* (после сонантов и гласных) и *-қан/-кен* (после глухих согласных). При этом конечный *-г* основы и начальный *г* аффикса, что как обычно происходит на стыке морфем, сливаются в один смычный *г*, начальный *г*- аффикса при основе на гласный исчезает, дав заместительную долготу гласного, всегда широкого, неогубленного. Примеры: *туьткан* «поймавший, ловивший», *аңнаан* (< *аңна* + *ган*) «охотившийся», *болган* «бывший», *эген* (< *эг* + *ген*) «согнувший», *чаган* (< *чаг* + *ган*) «намазовавший», *доңган* «замерзший», *сыңган* «вместившийся», *эьрткен* «прошедший мимо», *нянган* «вернувшийся», *эмген* «сосавший», *тыьртан* «тянувший», *эмнээн* (< *эмнэ* + *ген*) «лечивший».

Отрицательный аспект этой причастной формы образуется путем присоединения аффикса причастия *-ган...* к аффиксу глагольного отрицания *-ба...* При этом происходит фонетическое слияние этих двух аффиксов в один сложный *-баан/-бээн, -ваан/-вээн, -паан/-пээн* (как вариант иногда употребляется *-маан/-мээн*, но только после *-н, -ң*). Слияние произошло за счет выпадения согласного *г*- аффикса, оказавшегося между гласными. Примеры: *келбээн* «не пришедший», *иштэнбээн* (~ *иштэнмээн*) «не работавший», *албаан* «не взявший», *эртпээн* «не прошедший», *барбаан* «не ушедший», *тыгртпаан* «не тянувший», *доңбаан* (< *доңмаан*) «не замерзший», *бербээн* «не давший», *аңнаваан* «не охотившийся», *өлүвээн* «не намокший».

2) Причастие настоящего времени. Специфику современного тофаларского языка составляет аффикс причастия настоящего времени *-у/-ы*, который строго дифференцирован от деепричастия на *-а*. Например: *мында туру киши тамһылаваc* «человек, стоящий здесь, не курит», но *аът тура удуур чүме* «лошадь спит стоя», *ында олыры* (~ *олуру*) *киши мишң аһнам* «человек, сидящий там, мой старший брат», но *ол киши олыра удыйдыры* «тот человек спит сидя», *ында чору киши мишң танычым* «человек, идущий там, мой знакомый», но деепричастие от *чору-* будет *чорыйы* (< *чорий*), *чыгтыры* «лежащий», но *чыгта* «лежа».

Непосредственно к своей основе этот аффикс, отличный от формы деепричастия, принимают только глаголы *тур-* «стоять», *чор(у)-* «идти», *олур-* ~ *олыр-* «сидеть», *чыгт(ыр)-* «лежать» как сохраняющие свое лексическое значение, так и выполняющие чисто служебные функции в аналитических видовых формах глаголов. От всех других глаголов употребляется только аналитическая форма, в которой значимый глагол выступает в виде деепричастия на *-ып*, а служебную роль выполняет один из этих 4 глаголов, стоящий в форме причастия настоящего времени. Например: *чору киши* «идущий человек», *туру киши* «стоящий человек», *үнүп чору неш* «растущее дерево», *киши черлеп туру өг* «дом, в котором живут люди», *шей ишип олыры киши* «пьющий чай человек», *үнүп чору миштыг иби* «олень с растущими рогами».

Отрицательный аспект этого причастия образуется аналитически сочетанием отрицательного деепричастия *на -бейн* с одним из вспомогательных глаголов *тур-, олур-, чыгт-, чору-*, оформленных показателем причастия. Например: *чорувейн чыгтыры* «не идущий», *иштэнбейн* (~ *иштэнмейн*) *чыгтыры* «не работающий», *тамыһылавейн туру* «не курящий». Кроме того, часто употребляется и отрицательный аспект причастия будущего времени с показателем *-бас*. Например: *мында аңнаваc киши келди* «пришел человек, здесь не охотящийся», *ам чүге тэ чорувас киши мен* «я сейчас никуда не еду». Это употребление связано со значением настоящего общего неопределенного у аффикса на *-ар* наряду с его главным значением будущего времени.

Как уже упоминалось, аффикс причастия настоящего времени принимают только глаголы *тур-, чыгт-, олыр-, чору-*. При этом *тур-* и *олыр-* правильно образуют эту форму, то есть основа + аффикс (ср. *туру* «стоящий», *олыры* «сидящий»). Глаголы же *чыгт-* и *чору-* имеют своеобразие. *Чыгт-* перед аффиксом причастия получает наращение *-ыр-* (ср. *чыгтыры* «лежащий»), а форма причастия от *чору-* фонетически совпадает с основой (ср. *чору* «идущий»).

3) Причастие будущего времени. В современном тофаларском языке имеется только одна форма причастия будущего времени, показателем которой выступает *-ар/-ер (-эр), -ыр/-ір (-ир), -ур/-үр*. Гласный аффикса сохраняется и при основах глаголов, оканчивающихся на гласный. Употребление аффиксов с широким или узким гласным регламентируется только фонетическими причинами. Так, чтобы выявить закономерность их употребления, нами было проанализировано несколько сотен глагольных основ с разным количеством слогов, непроездовые, производные и с залоговыми показателями. В результате этого анализа удалось установить следующее. Основная масса условно-непроизводных основ, состоящая из одного закрытого слога, имеет показателем данного причастия всегда *-ар/-ер*, независимо от того, является ли гласный этой основы широким или узким, огубленным или неогубленным, кратким, фарингализованным или долгим. Например: *қар-* «поперхнуться» - *қарар*, *ағқ-* «течь» - *ағһар*, *аһи-* «открыть» - *аһяр*, *чеһт-* «достигать» - *чеһтэр*, *чет-* «вести за руку» - *чедэр*, *ээр-* «крутить» - *ээрер*, *ил-* «прицепить» - *илер*, *чыгт-* «лежать» - *чыгтар*, *тур-* «стоять» - *турар*, *ыт-* «отправлять» - *ыдар*, *чул-* «ощипать» - *чулар*. Лишь очень немногие слова, буквально единицы, имеют показатель с узким гласным, например: *бол-* «быть» - *болур* ~ *болыр*, *кел-* «приходить» - *келір*, *бил-* «знать, ведать» - *билир*, *қыл-* «делать» - *қылыр*, *ал-* «брат» - *алыр*, *сал-* «класть» - *салыр*, *қал-* «остаться» - *қалыр*, *һал-* «принести» - *һалыр*. Кроме того, все основы, оканчивающиеся на *-э*, утрачивают его при присоединении аффикса, в результате чего образуется заместительная долгота, качество долгого гласного при этом определяется качеством гласного основы. Например: *дэг-* «касаться» - *дээр*, *қаз-* «класть» - *қаар*,

уғ- «поднять, осилить» - уур, эг- «гнуть» - ээр, цуг- «уронить, свалить» - чуур, цыг- «собрать» - чыыр, цаг- «идти – о дожде» - цаар. Некоторые слова с конечными *ң* и *р* тоже образуют форму причастия по этому же типу. Таких слов немного, это: *бар-* «пойти» - *баар*, *бер-* «давать» - *бээр*, *көр-* «видеть, смотреть» - *көөр*, *мөң-* «тянуть – о лошади, олене» - *мөөр*. Слова *кел-* «приходить», *бол-* «быть», *бил-* «знать» встречались в двойкой форме, с сохранением *-л*, и с утратой его: *келір кээр*, *болур* ~ *боор*, *билір* ~ *биір*. Чаще всего все же употребляется их полная форма.

Одно-, двух- и более сложные слова с конечным открытым слогом присоединяют аффикс с тем гласным, какой в конце основы, будь то это узкий или широкий. Например: *чаьса-* «делать» - *чаьсаар*, *аңна-* «охотиться» - *аңнаар*, *үле-* «делить» - *үлээр*, *үра-* «портить» - *үрээр*, *чылга-* «лизать» - *чылгаар*, *эле-* «изнашиваться» - *элээр*, *эьсирн-* «опьянеть» - *эьсирнир*, *мүдүрү-* «спотыкаться» - *мүдүрүүр*, *уду-* «спать» - *удуур*.

Многосложные слова с закрытым слогом присоединяют в большинстве случаев аффикс с широким гласным *-ар* или *еер*, например, *олыр-* ~ *олур-* «сидеть» - *олыраар* ~ *олураар*, *қыгыр-* «звать» - *қыгыраар*, *туруқ-* «застояться, отстояться» - *туругаар*, *илдік-* «споткнуться» - *илдигер*, *чүдүр-* «вьючить» - *чүдүрер*, *хабыр-* «собрать разбежавшийся скот» - *хабыраар*, *хемир-* «грызть» - *хемирер*, *дуньчүк-* «задохнуться» - *дуньчугар*. Лишь немногие слова этого типа присоединяют аффикс с узким гласным, например: *хайын-* ~ *һэйн-* «кипеть» - *хайныр*, *һарыш-* «разминуться» - *һаржыр*, *одун-* «проснуться» - *оттур*.

Отрицательный аспект этого причастия образуется аффиксом - *-бас/-бес*, *-нас/-нес*, *-вас/-вес* (после конечных *-н* и *-ң* может появиться как вариант произношения *-мас/-мес* вместо *-бас/-бес*). Примеры: *бар-* «пойти» - *барбас*, *чору-* «ехать» - *чорувас*, *туьт-* «ловить» - *туьтпас*, *өьш-* «погаснуть» - *өьшпес*, *бил-* «знать» - *билбес*, *көр-* «видеть» - *көрбес*, *иштэн-* «работать» - *иштэнбес* (~ *иштэнмес*), *тыһын-* «резать, брать – о ноже» - *тыһынбас* (~ *тыһынмас*), *эг-* «гнуть» - *эгбес*, *цаг-* «идти – о дожде» - *цагбас*.

Основным значением этого причастия в тофаларском языке является обозначение действия как признака, которое совершится в будущем. При этом всегда присутствует оттенок категоричности, достоверности, обязательности того, что действие произойдет. Например: *ынаары барбас киши* «человек, который туда не пойдет», *санаар киши* «человек, который будет читать», *келір* «который придет», *доңбас* (~ *доңмас*) «который не замерзнет», *чивес* «который не будет есть», *аңнавас* «который не будет охотиться».

Это значение общности, постоянства признака, свойства, действия как существенного признака предмета или существа обусловило широкое употребление данного причастия в составных словах, становящихся терминами. Например: *тынар чүме* «воздух» (т.е. вещество, которым обычно дышат), *уһяр чүме* «птицы» (т.е. летающие существа), *чиір чүме* «пища» (т.е. предмет, который обычно едят), *олыраар неш* «скамья, табурет» (т.е. деревянный предмет, на котором обычно сидят), *чунар өг* «баня» (дом, в котором моются), *немнэнир өг* «столовая» (дом, в котором питаются), *өөренір өг* «школа» (дом, в котором учатся).

Причастие будущего времени чаще других форм может субстантивироваться и обозначать имена действия, принимая при этом различные падежные аффиксы и формы принадлежности. Пример: *чуну тилээрің?* «ты что просишь?», *чүге баарың?* «ты куда идешь?», *мен аңнаарым соодэйн* «расскажу-ка я о том, как буду охотиться», *чүге чириң болып қагдың?* «ты зачем перестал есть?», *қылырында ус* «он мастер делать», *сугдан қоьртпасы эки*, *һаһадан қоьрһары эки* (посл.) «не бояться воды – хорошо, бояться скалы – хорошо», *утпа һилгэмэ саьтыв алырны* «не забудь купить хлеба», *мен айбылаан мен уьштурну* «я разрешил вытащить», *бээрні болзун қагды* «он запретил давать».

Очень часто данное причастие, оформленное падежами, выступает в роли сказуемого придаточным предложением. Например: *нешты кеьсеривистэ төьһөчү аьрта вээр* «когда мы срубим дерево, останется пень», *оң келірге соода* «скажи, когда он придет», *боруну оорулаарда қаьк* «бей вора, когда он ворует».

Такое употребление данной формы позволяет предположить, что в отрывках: *кишилер аң эрдэ* «когда люди были дикими», *тоьфалар көьшкүн эрдэ* «когда тофы были кочевниками», слово *эрдэ* представляет собой форму местного падежа причастия на *-р* древнего глагола *э(р)- «быть» (ср. словоформы *эмиш* «оказывается» < *э(р)- + *-миш*, *шик* «был» < *э(р)- + *йик*).

Инфинитив

В тофаларском языке роль инфинитива, неопределенной формы глагола, выполняет причастие будущего времени на *-р* без дополнительного оформления дательным падежом, как это происходит в некоторых языках (татарском, башкирском, хакасском и др.). Именно причастная форма на *-р*, осознаваясь как инфинитив, сочетается в данном случае с модальными словами *һеректиг* «нужно», *һерээ йоқ* «не нужно», *истіг* «должен, следует», *изи йоқ* «нельзя, не должно, не следует». Примеры: *чүме туьтпас кишээ эптэп соодаар һеректиг* «непонимающему нужно как следует объяснить», *аьртар һерээ йоқ болган* «не надо было оставаться», *бис ынаары баар истіг болган бис* «мы должны были пойти туда», *мишээкке урар ла аьртқан, төдү белен* «осталось только сыпать в мешки, все готово», *бо һүндүс мишң сөлээм чоқ клүүпке баар* «сегодня у меня нет времени пойти в клуб».

Отрицательной формой инфинитива в этом случае является причастие будущего времени в отрицательном аспекте с показателем *-бас*, но очень редко.

Однако, хотя и редко, встретились случаи употребления в роли инфинитива форм на *-р* или *-бас*, осложненных показателем дательного падежа, например: *оң баарга ынъанган* «он так сделал, чтобы пойти», *оң чорувасқа ынъанган* «он так сделал, чтобы не ехать», *ойнаарга билбес киши* «человек, не умеющий играть». Это напоминает инфинитив на *-рга* в башкирском, татарском и хакасском языках.

Чаще всего целевой инфинитив (супин) в тофаларском языке передается формой деепричастия на *-п*. Например: *өөрөттім неч ырып* «я научил колоть дрова», *һобустан өөрөнір* «учиться играть на музыкальном инструменте», *эшитип өөрөнір* «учиться плавать», *пишек тілеп келдім* «я пришел просить нож», *че, бараалы ыһәән аңнан!* «ну, давай пойдем вдвоем на охоту!». Очень часто в этих целях используется деепричастие на *-п* от глаголов с показателем субъективной модальности желания, намерения. Например: *өөрөнікһеп келдім* «я приехал учиться», *оң қаттақһап чораап* «он поехал собирать ягоды», *письмо шыйықһап олурду* «сел писать письмо», *көрүкһеп алды* «взял посмотреть».

6. Личные формы глагола

Кроме рассмотренных выше неличных форм, тофаларскому глаголу свойственны также собственно-глагольные формы, которые выражают грамматическое значение действия, т.е. признака динамического, протекающего во времени, соотношенном с моментом речи. Независимо от того, обозначено ли лицо в самой глагольной форме или вне ее (безличные формы), факт обязательной соотношенности с лицом есть свойственная глаголу предикативность, характерная для него предикативная (сказуемая) функция. Собственно-глагольные (личные) формы в предложении всегда являются сказуемыми. В противоположность им неличные формы могут выполнять различные синтаксические функции (быть сказуемым, подлежащим, дополнением, обстоятельством, определением и т.д.), а также участвовать в образовании аналитических форм собственно-глагола.

Личные формы глагола в тофаларском языке охватывают две основные категории: категорию времени и категорию наклонения.

Категория времени

Категория времени служит для локализации во времени того действия, которое обозначено глаголом, формы этой категории выражают различные типы отношений между временем действия и временем высказывания о нем, т.е. моментом речи. Иначе говоря, категория времени обозначает реальное, с точки зрения говорящего лица, действие, относящееся к настоящему, прошедшему или будущему. В тюркологии, вслед за индоевропейским языкознанием, обычно принято выделять эту категорию в особое наклонение реальности – в изъявительное наклонение (индикатив), хотя оно и не имеет специального показателя, а выражается лишь формами времени. Ввиду отсутствия специального грамматического показателя у индикатива есть смысл считать формы времени не особым наклонением, а просто категорией времени, тем более что в тюркских языках показатели времени сложились на базе имен и причастий.

Изменение по лицам осуществляется при помощи аффиксов лица и предикативных местоименных частиц. Глаголы имеют положительный и отрицательный аспекты.

По своему морфологическому составу временные формы могут быть простыми и сложными (аналитическими).

В современном тофаларском языке нами зафиксированы следующие формы для настоящего, прошедшего и будущего времен.

1) Настоящее время

В современном тофаларском языке значение настоящего времени передается тремя формами, одна из которых указывает на настоящее обычное время, которое безотносительно к конкретному моменту речи и к достоверности, очевидности. Это – настоящее неопределенное время. Другая форма указывает на настоящее очевидное время, происходящее в данный момент. Это настоящее определенное, конкретное время. Третья – указывает на продолжительность действия, его длительность.

а) Форма настоящего обычного времени

Эта форма образуется присоединением к деепричастию на *-a/-e* аффикса *-дыр(ы)/-дip(i), -дур(y)/-дур(y)* (< *тур-* «стоять»). У основ, оканчивающихся на *-г, -р, -л, -н, -ш* аффикс деепричастия иногда опускается и показатель времени присоединяется непосредственно к основе. Примеры: *бардыры* «идет», *гөрдүрү* «смотрит», *алдыры* «берет», *гелдipi* «идет сюда», *һөдөлдipi* «надрывается непосильным трудом», *чылгандыры* «облизывается», *соодандыры* «разговаривает», *чагдыры* «идет дождь» (или снег), *һагдыры* «запирает», *дэгдipi* «касается, трогает», *чуштуру* «помогает мыть», *соодаштыры* «разговаривают», *турадыры* «стоит», *олырадыры* «сидит», *кipедipi* «входит», *һемиредipi* «грызет».

Отрицательный аспект образуется по той же модели, только вместо деепричастия на *-a/-e* употребляется отрицательное деепричастие на *-бейн*, например: *туьтпейндыры* «не держит», *келбейндipi* «не приходит», *барбейндыры* «не идет».

Спряжение по лицам осуществляется при помощи лично-предикативных частиц, совпадающих с личными местоимениями. Для 3-го лица нет особых показателей.

Приведем образцы спряжения глаголов *ал-* «брать», *тур-* «стоять» и *эг-* «гнуть» в этой форме.

Положительный аспект

Ед. число

1 л. <i>алдыр мен</i>	<i>турадыр мен</i>	<i>эгдip мен</i>
2 л. <i>алдыр сен</i>	<i>турадыр сен</i>	<i>эгдip сен</i>
3 л. <i>алдыры</i>	<i>турадыры</i>	<i>эгдipi</i>

Мн. число

1 л. <i>алдыр бис</i>	<i>турадыр бис</i>	<i>эгдip бис</i>
2 л. <i>алдыр сiлер</i>	<i>турадыр сiлер</i>	<i>эгдip сiлер</i>
3 л. <i>алдыры(лар)</i>	<i>турадыры(лар)</i>	<i>эгдipi(лер)</i>

Отрицательный аспект

Ед. число

1 л. <i>албейндыр мен</i>	<i>турбейндыр мен</i>	<i>эгбейндip мен</i>
2 л. <i>албейндыр сен</i>	<i>турбейндыр сен</i>	<i>эгбейндip сен</i>
3 л. <i>албейндыры</i>	<i>турбейндыры</i>	<i>эгбейндipi</i>

	Мн. число		
1 л. <i>албейндыр бис</i>	<i>турбейндыр бис</i>	<i>эгбейндір бис</i>	
2 л. <i>албейндыр сілер</i>	<i>турбейндыр сілер</i>	<i>эгбейндір сілер</i>	
3 л. <i>албейндыры(лар)</i>	<i>турбейндыры(лар)</i>	<i>эгбейндірі(лер)</i>	

Форма настоящего обычного времени на *-дыр(ы)* в современном тофаларском языке означает действие, которое хотя и совершается в настоящем времени, но совсем безотносительно, индифферентно к конкретному моменту речи. Эта форма означает действие, которое происходит вообще в какой-то широкий отрезок настоящего времени. Оно неопределенно, обще. Кроме того, этой формой выражается действие, совершающееся в настоящее время, но не на наших глазах. Это так называемое «заглазное время». Примеры: *мен эцимні хүн саны гөрдүр мен* «я вижу своего друга каждый день», *бо киши заводта иштэндірі* «этот человек работает на заводе», *оң бо оруқша чо-риш(й)дыры* «он ездит по этой дороге», *уруғ углаэдыры* «ребенок плачет» (где-то, но я не вижу), *һуллар һөдөлдүрі олышаңға* «батраки работают задаром», *ол киши тыңнап турадыры* «тот человек все слушает», *бірәә тура ол һыл боос эът паштаб олырадыры* «однажды утром тот «волосяное горло» (персонаж сказки – В.Р.) варит мясо».

б) Форма настоящего конкретного времени

В современном тофаларском языке для обозначения действия, совершающегося в момент речи и очевидцем которого является говорящий, применяется особая форма, отличная от предыдущей. Основой ее является причастие настоящего времени на *-у/-ы*, к которому постпозитивно присоединяются лично-предикативные частицы.

Синтетически форма этого времени образуется только от четырех глаголов: *тур-* «стоять», *чору-* «идти», *олур/-олыр-* «сидеть» и *чыгты-* «лежать», который в этом времени получил распространенную основу *чыгтыр-*. Приводим полностью парадигму спряжения этих глаголов в форме настоящего конкретного времени.

	Ед. число			
1 л. <i>туру мен</i>	<i>чору мен</i>	<i>олыры/олуру мен</i>	<i>чыгтыры мен</i>	
2 л. <i>туру сен</i>	<i>чору сен</i>	<i>олыры/олуру сен</i>	<i>чыгтыры сен</i>	
3 л. <i>туру</i>	<i>чору</i>	<i>олыры/олуру</i>	<i>чыгтыры</i>	

	Мн. число			
1 л. <i>туру бис</i>	<i>чору бис</i>	<i>олыры/олуру бис</i>	<i>чыгтыры бис</i>	
2 л. <i>туру сілер</i>	<i>чору сілер</i>	<i>олыры/олуру сілер</i>	<i>чыгтыры сілер</i>	
3 л. <i>туру(лар)</i>	<i>чору(лар)</i>	<i>олыры(лар) ~ олуру(лар)</i>	<i>чыгтыры(лар)</i>	

Все остальные глаголы образуют форму данного времени только аналитически. При этом роль служебных элементов, показателей времени, выполняют спрягаемые формы вышеупомянутых глаголов *тур-*, *чору-*, *олыр-*, *чыгтыр-*. Значимый глагол всегда стоит в форме соединительного деепричастия на *-н*, аффикс которого в этих формах в тофаларском языке никогда не опускается. В виде исключения лишь два глагола движения – *бар-* «идти туда» и *кел-* «идти сюда» - образуют форму этого времени со слитным деепричастием на *-а*, и всегда со вспомогательным глаголом *чыгтыр-* (*бары чыгтыры* «уходит», *келі чыгтыры* «приходит»).

Отрицательный аспект образуется тоже аналитически, но только вместо деепричастия на *-ын* употребляется отрицательное деепричастие *-бейн*. Например: *иштэнбейн* (~ *иштэнмейн*) *туру* «он не работает» (в настоящий момент, когда я, например, стою возле него).

Приведем в качестве примера образцы спряжения глаголов *ал-* «братъ» и *эг-* «гнуть» в данной форме.

Положительный аспект

Ед. число	
1 л. <i>алын тур мен</i>	<i>эп тур мен</i>
2 л. <i>алын тур сен</i>	<i>эп тур сен</i>
3 л. <i>алын туру</i>	<i>эп туру</i>

Мн. число	
1 л. <i>алын тур бис</i>	<i>эп тур бис</i>
2 л. <i>алын тур сілер</i>	<i>эп тур сілер</i>
3 л. <i>алын туру(лар)</i>	<i>эп туру(лар)</i>

Отрицательный аспект

Ед. число	
1 л. <i>албейн тур мен</i>	<i>эгбейн тур мен</i>
2 л. <i>албейн тур сен</i>	<i>эгбейн тур сен</i>
3 л. <i>албейн туру</i>	<i>эгбейн туру</i>

Мн. число	
1 л. <i>албейн туру бис</i>	<i>эгбейн туру бис</i>
2 л. <i>албейн туру сілер</i>	<i>эгбейн туру сілер</i>
3 л. <i>албейн туру(лар)</i>	<i>эгбейн туру(лар)</i>

В этих двух формах настоящего времени – обычном и конкретном находит свое выражение категория определенности-неопределенности, которая пронизывает почти все части речи тофаларского языка. Сопоставление форм показывает, что настоящее обычное время, не связанное с конкретным моментом речи, выражает неопределенность, а форма конкретного настоящего времени, соотносимая всегда с моментом речи и обозначающая действие-процесс, происходящее у нас на глазах, связана с определенностью. Например: *ол киши иштэндірі* «тот человек работает» (вообще), но *ол киши иштэніп туру* «тот человек работает» (в данный момент и мы это видим); *оң тутадыры* «он держит» (вообще), но *оң тутуп чыгыры* «он держит» (сейчас и мы это видим); *қыс ыглайдыры* «девочка плачет» (напр. за стеной, и я об этом знаю, но не вижу), но *қыс ыглап туру* «девочка плачет» (на наших глазах в данный момент).

в) Форма настоящего продолженного времени

Кроме рассмотренных форм настоящего времени, в современном тофаларском языке имеется еще третья форма, форма настоящего продолженного времени, которая указывает на то, что действие когда-то началось и все еще продолжается, окончание его неизвестно. Акцент семантики здесь не на определенность-неопределенность, а на длительность, продолженность действия-процесса, которое само по себе уже мыслится как определенное, связанное с конкретным моментом речи.

Основой этой формы является деепричастие *-бышааңга* (с фонетическими вариантами), которое принимает лично-предикативные частицы. Отрицательного аспекта данная форма не имеет. Примеры: *мен мында аңнабышааңга мен* «я все еще здесь промышляю», *мен көргенім ол киши олурубушааңга* «я взглянул – он все еще сидит», *бис школда өөрөнбішааңга бис* «мы все еще учимся в школе», *киши ында чорубушааңга* «человек там продолжает ходить».

Приведем полную парадигму спряжения в этой форме глаголов *аңна-* «промышлять» и *кел-* «приходить».

Ед. число	
1 л. <i>аңнабышааңга мен</i>	<i>келбішааңга мен</i>
2 л. <i>аңнабышааңга сен</i>	<i>келбішааңга сен</i>
3 л. <i>аңнабышааңга</i>	<i>келбішааңга</i>

	Мн. число
1 л. <i>аңнабышааңға бис</i>	<i>келбішааңға бис</i>
2 л. <i>аңнабышааңға сілер</i>	<i>келбішааңға сілер</i>
3 л. <i>аңнабышааңға(лар)</i>	<i>келбішааңға(лар).</i>

Иногда для усиления и подчеркивания конкретности действия в данный момент эта форма осложняется одним из вспомогательных глаголов *тур-*, *олур-*, *чытыр-* с показателем настоящего конкретного времени *-у/-ы*. Эти глаголы и здесь показывают на длительное пребывание в каком-либо одном состоянии при совершении действия. Например: *мен аңнабышааңға туру мен* «я все еще промышляю» (на одном месте), *қыс ыглавышааңға олыры* «девочка все еще плачет» (и сидит при этом). Глагол же *чору-* показывает, что действие длится одновременно с движением. Например: *мен аңнабышааңға чору мен* «я все еще охочусь» (и при этом продвигаюсь в каком-то направлении).

2) Прошедшее время

Прошедшее время в тофаларском языке имеет несколько форм. Две для выражения определенного прошедшего времени и одну для неопределенного, что тоже связано с грамматическим выражением категории определенности-неопределенности в системе прошедшего времени.

а) Форма прошедшего категорического времени

Прошедшее категорическое или очевидное время в тофаларском языке, как и во всех тюркских языках, выражается синтетической формой, основу которой составляет аффикс *-ды/-ді, -ду/-дү, -ты/-ті, -ту/-тү*. Спряжение этой формы осуществляется тоже синтетически, присоединением к аффиксу *-ды* аффиксов личной принадлежности, совпадающих с посессивными аффиксами, что, кстати, указывает, на именное происхождение формы на *-ды*¹.

Отрицательный аспект формы данного времени образуется аффиксом отрицания *-ба/-бе* (с фонетическими вариантами), ставящимся между основой глагола и показателем *-ды/-ді*.

Приведем в качестве примера спряжение в этой форме глаголов *аңна-* «охотиться», *кел-* «прийти», *қағ-* «положить», *өйт-* «пройти насквозь».

Положительный аспект

		Ед. число	
1 л. <i>аңнадым</i>	<i>келдім</i>	<i>қағдым</i>	<i>өйттім</i>
2 л. <i>аңнадың</i>	<i>келдің</i>	<i>қағдың</i>	<i>өйттүң</i>
3 л. <i>аңнады</i>	<i>келді</i>	<i>қағды</i>	<i>өйттү</i>
		Мн. число	
1 л. <i>аңнадымыс</i>	<i>келдімыс</i>	<i>қағдымыс</i>	<i>өйттүмүс</i>
2 л. <i>аңнадыңар</i>	<i>келдіңер</i>	<i>қағдыңар</i>	<i>өйттүңер</i>
3 л. <i>аңнады(лар)</i>	<i>келді(лер)</i>	<i>қағды(лар)</i>	<i>өйттү(лер)</i>

Отрицательный аспект

		Ед. число	
1 л. <i>аңнабадым</i>	<i>келбедім</i>	<i>қағбадым</i>	<i>өйтпедім</i>
2 л. <i>аңнабадың</i>	<i>келбедің</i>	<i>қағбадың</i>	<i>өйтпедің</i>
3 л. <i>аңнабады</i>	<i>келбеді</i>	<i>қағбады</i>	<i>өйтпеді</i>

¹ О происхождении этого аффикса см.; например: Кононов А.Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. – В кн.: Тюркологический сборник. I, М.-Л., 1951, с. 112-119; Баскаков Н.А. Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках. – В кн.: Труды Моск. ин-та востоковедения, №6, 1951, с. 205-217.

		Мн. число	
1 л. <i>аңнавадывыс</i>	<i>келбедівис</i>	<i>қағбадывыс</i>	<i>өътпедівис</i>
2 л. <i>аңнавадыңар</i>	<i>келбедіңер</i>	<i>қағбадыңар</i>	<i>өътпедіңер</i>
3 л. <i>аңнавады(лар)</i>	<i>келбеді(лер)</i>	<i>қағбады(лар)</i>	<i>өътпеді(лер)</i> .

Основным значением формы прошедшего времени на *-ды/-ді* в тофаларском языке является передача совершившегося в прошлом действия, в достоверности которого говорящий не сомневается. Как правило, действие это однократное и только что совершилось, а результат его мы иногда еще наблюдаем. Например: *уруғ сунду* «ребенок побежал» (он это сделал на наших глазах и мы еще видим, как он бежит), *булымчы булады* «пыль поднялась» (на наших глазах); *билдім* «я понял». Особенностью формы на *-ды* является то, что она сообщает скорее о самом действии, чем о его результате. Употребив эту форму, говорящий хочет подчеркнуть, что то или иное действие произошло, совершилось или в момент речи, или незадолго до него. Только этим можно объяснить употребление этой формы даже в том случае, когда действие вот-вот непременно совершится, но еще даже не началось. Например, рассматривая какой-либо товар и решив его купить, покупатель говорит продавцу: *че, мен алдым* «ну, я купил». Или, предупреждая кого-либо, чтобы тот не упал, например, говорят: *көрнэм, чуулдуң!* «смотри, упадешь!»

б) Форма прошедшего перфективного времени

Основой прошедшего перфективного (или результативного) времени в тофаларском языке является причастие прошедшего времени на *-ган/-ген, -қан/-кен* в положительном аспекте и *-баан/-бәән, -ваан/-вәән, -паан/-пәән* в отрицательном. Спряжение осуществляется аналитически при помощи лично-предикативных частиц.

Приводим в качестве примера образцы спряжения в данной форме глаголов *аңна-* «промышлять», *ал-* «брать, взять», *эг-* «гнуть».

Положительный аспект

		Ед. число	
1 л. <i>аңнаан мен</i>	<i>алган мен</i>	<i>эген мен</i>	
2 л. <i>аңнаан сен</i>	<i>алган сен</i>	<i>эген сен</i>	
3 л. <i>аңнаан</i>	<i>алган</i>	<i>эген</i>	
		Мн. число	
1 л. <i>аңнаан бис</i>	<i>алган бис</i>	<i>эген бис</i>	
2 л. <i>аңнаан сілер</i>	<i>алган сілер</i>	<i>эген сілер</i>	
3 л. <i>аңнаан(нар)</i>	<i>алган(нар)</i>	<i>эген(нэр)</i>	

Отрицательный аспект

		Ед. число	
1 л. <i>аңнаваан мен</i>	<i>албаан мен</i>	<i>эгбәән мен</i>	
2 л. <i>аңнаваан сен</i>	<i>албаан сен</i>	<i>эгбәән сен</i>	
3 л. <i>аңнаваан</i>	<i>албаан</i>	<i>эгбәән</i>	
		Мн. число	
1 л. <i>аңнаваан бис</i>	<i>албаан бис</i>	<i>эгбәән бис</i>	
2 л. <i>аңнаваан сілер</i>	<i>албаан сілер</i>	<i>эгбәән сілер</i>	
3 л. <i>аңнаваан(нар)</i>	<i>албаан(нар)</i>	<i>эгбәән(нэр)</i> .	

Основным значением данной формы в тофаларском языке является констатация факта совершения действия в прошлом, до момента речи, при этом больший акцент сообщения делается на результат действия, чем на само действие. В отличие от прошедшего категорического, это время не требует того, чтобы говорящий был его очевидцем или утверждал его достоверность, здесь ва-

жен сам факт совершения действия в неопределенном прошлом и его результат. Примеры: *дуун киши чораан, мен гөрбгән мен* «вчера человек ходил, я не видел»; *оң барган* «он ушел» (говорящий этого не видел, но знает, что результат ухода налицо), *бо киши гелбгән* «этот человек еще не приехал», *оң келір мен дгән* «он обещал придти», *мен дүүн кече гелген мен* «я приехал вчера вечером».

Эта явная результативность действия обусловила развитие на базе причастия на *-ган* более результативной и экспрессивной формы, которая образуется путем присоединения к аффиксу *-ган* окончаний личного притяжания, передающих посессивность. Эта форма в тофаларском языке очень употребительна, особенно в экспрессивном эмоциональном рассказе. Поэтому ее следовало бы назвать скорее перфективной повествовательной формой.

В качестве образца спряжения приведем парадигму глаголов *көр-* «видеть, смотреть», *соода-* «сказать», *бер-* «давать», *туът-* «схватить».

Положительный аспект

		Ед. число	
1 л. <i>көргенім</i>	<i>соодааным</i>	<i>бергенім</i>	<i>туътқаным</i>
2 л. <i>көргениң</i>	<i>соодааның</i>	<i>бергениң</i>	<i>туътқаның</i>
3 л. <i>көргені</i>	<i>соодааны</i>	<i>бергені</i>	<i>туътқаны</i>
		Мн. число	
1 л. <i>көргенивис</i>	<i>соодаанывис</i>	<i>бергенивис</i>	<i>туътқанывис</i>
2 л. <i>көргенинер</i>	<i>соодаанынар</i>	<i>бергенинер</i>	<i>туътқанынар</i>
3 л. <i>көргені</i>	<i>соодааны</i>	<i>бергені</i>	<i>туътқаны.</i>

Употребление данной формы, как показывают наблюдения, обязательно связано с результативностью действия. Примеры: *мен гөргенім, аът чоқ иик* «я смотрел, коня не было», *бір гада чазын чорааным* «шел я как-то раз весной», *өът чгәнім өътсivedi* «ел мясо, а мясом и не пахло», *дүүн мен көргенім ол киши ында иштэнип туру иик* «я видел, вчера тот человек там работал»; *тынэйн дгәнім тындынбас* «хотел дышать – не дышится», *сунганым, чүрэгэм дісі гайынбас болы берген, тыным бүътүксэй берген* «я побежал – сердце остановилось, дыхание перехватило», *мен мону халып бергенім* «я это привез», *баьққа олырганым, оорхам шылады* «неловко сидел, спина устала», *боолааным чазывыттым* «я стрелял – промазал».

в) Форма прошедшего субъективного времени

В современном тофаларском языке имеется еще одна форма прошедшего времени. Форма с модальным оттенком категоричности, очевидности и достоверности для говорящего факта свершения действия в прошлом. Это определило дефиницию данного времени как прошедшего субъективного.

Его показателем выступает аффикс *-чык/-чик, -чук/-чук, -чык/-чик, -чук/-чук*, употребление вариантов которого регулируется чисто фонетическими причинами. Отрицательный аспект образуется аффиксом *-ба/-бе*. В быстрой речи происходит ослабление в щелевой *-й-* среднеязычной аффрикаты *ч* у этого аффикса, попавшей между гласным после основы глагола на гласный и аффикса отрицания. В таком случае аффикс получает вид *-йык/-йик* в положительном аспекте и *-байык/-бейик* (вместо *-бачык/-бечик*) в отрицательном. В свою очередь получившиеся фонетические комплексы *-айы-, -эйи-* под влиянием *-й-* деформируются в дифтонги *-аэ-, -эи-* и даже долгий монофтонг *-ээ-*, употребляющиеся независимо от рядности слова. Об аналогичной деформации аффикса слитного деепричастия *-йы/-йи;* нами уже сообщалось выше.

Таким образом, в произношении сосуществуют, например, словоформы типа *соодачык* и *соодэик* (< *соодайык*) «рассказал», *барбачык* и *барбейик* (< *барбайык*) «не пошел» и т.д.

Эта форма в тофаларском языке всегда предикативна. Не замечено ни одного случая употребления ее в функции адъектива.

Спряжение в этой форме происходит аналитически при помощи лично-предикативных частиц, совпадающих с личными местоимениями.

Приведем в качестве образца спряжение глаголов *аңна-* «промышлять», *бар-* «уходить», *кел-* «приходить».

Положительный аспект

Ед. число

1 л. <i>аңначық мен</i>	<i>барчық мен</i>	<i>келчик мен</i>
2 л. <i>аңначық сен</i>	<i>барчық сен</i>	<i>келчик сен</i>
3 л. <i>аңначық</i>	<i>барчық</i>	<i>келчик</i>

Мн. число

1 л. <i>аңначық бис</i>	<i>барчық бис</i>	<i>келчик бис</i>
2 л. <i>аңначық сілер</i>	<i>барчық сілер</i>	<i>келчик сілер</i>
3 л. <i>аңначық(тар)</i>	<i>барчық(тар)</i>	<i>келчик(тэр)</i>

Отрицательный аспект

Ед. число

1 л. <i>аңнавачық мен</i> <i>//аңнавеик мен</i>	<i>барчық мен</i> <i>//барбеик мен</i>	<i>келбечик мен</i> <i>//келбеик мен</i>
2 л. <i>аңнавачық сен</i> <i>//аңнавеик сен</i>	<i>барбачық сен</i> <i>барбеик сен</i>	<i>келбечик сен</i> <i>//келбеик сен</i>
3 л. <i>аңнавачық</i> <i>//аңнавеик</i>	<i>барбачық</i> <i>//барбеик</i>	<i>келбечик</i> <i>//келбеик</i>

Мн. число

1 л. <i>аңнавачық бис</i> <i>//аңнавеик бис</i>	<i>барбачық бис</i> <i>барбеик бис</i>	<i>келбечик бис</i> <i>//келбеик бис</i>
2 л. <i>аңнавачық сілер</i> <i>//аңнавеик сілер</i>	<i>барбачық сілер</i> <i>//барбеик сілер</i>	<i>келбечик сілер</i> <i>//келбеик сілер</i>
3 л. <i>аңнавачық(тар)</i> <i>//аңнавеик(тар)</i>	<i>барбачық(тар)</i> <i>//барбеик(тар)</i>	<i>келбечик(тэр)</i> <i>//келбеик(тэр).</i>

Основным значением данной формы является выражение очевидного действия, уже определенно совершившегося, в чем говорящий бесспорно уверен. Она категорически утверждает факт свершения действия и его результативность до момента речи. В отличие от формы на *-ды*, выражающей только что происшедшее действие, форма на *-чық* обозначает действие, несколько отдаленное от момента речи. От формы же на *-ган* ее отличает категоричность и очевидность, а также некоторая экспрессия. Примеры: *каһин келчик сен?* «Ты когда же это приехал?», *самолет уьшчүк* «самолет ведь улетел», *мен сеңэ дик мен* «я ведь тебе говорил», *мен онун гэрбеик мен* «я его не видел», *мен монун билбеик мен* «я ведь этого не знал», *дэскен аьтты туьтчуқтар* «они поймали-таки сбежавшего коня», *қағш солһоовай алчық сен?* «Сколько рублей ты получил?», *ыдарга барбачық мен* «когда посылали, я не пошел», *оң барчық* «он ушел» (я это видел), *ында аьттар турчуқтар* «там кони стояли» (говорящий видел их недавно, они там еще стоят), *дуун ында ол өьт турчуқ* «вчера тот конь там стоял».

Употребляется эта форма в основном в рассказе, диалоге, когда нужно особо подчеркнуть категоричность и результативность свершившегося действия, известного говорящему.

3) Будущее время

Будущее время в современном тофаларском языке имеет две формы, соотносящиеся между собой по принципу определенности-неопределенности.

а) Форма будущего категорического времени

Показателем этой формы выступает аффикс причастия будущего времени *-ар/-ер* (с фонетическими вариантами, о которых говорилось выше) в положительном аспекте и *-бас/-бес* (с вариантами) в отрицательном. Спряжение происходит аналитически при помощи лично-предикативных частиц. В качестве примера и образца приведем спряжение глаголов *аңна-* «промышлять», *тур-* «стоять», *эг-* «гнуть», *бар-* «уходить».

Положительный аспект

		Ед. число		
1 л. <i>аңнаар мен</i>	<i>турар мен</i>	<i>ээр мен</i>	<i>баар мен</i>	
2 л. <i>аңнаар сен</i>	<i>турар сен</i>	<i>ээр сен</i>	<i>баар сен</i>	
3 л. <i>аңнаар</i>	<i>турар</i>	<i>ээр</i>	<i>баар</i>	
		Мн. число		
1 л. <i>аңнаар бис</i>	<i>турар бис</i>	<i>ээр бис</i>	<i>баар бис</i>	
2 л. <i>аңнаар сілер</i>	<i>турар сілер</i>	<i>ээр сілер</i>	<i>баар сілер</i>	
3 л. <i>аңнаар(лар)</i>	<i>турар(лар)</i>	<i>ээр(лер)</i>	<i>баар(лар)</i>	

Отрицательный аспект

		Ед. число		
1 л. <i>аңнапас мен</i>	<i>турбас мен</i>	<i>эгбес мен</i>	<i>барбас мен</i>	
2 л. <i>аңнапас сен</i>	<i>турбас сен</i>	<i>эгбес сен</i>	<i>барбас сен</i>	
3 л. <i>аңнапас</i>	<i>турбас</i>	<i>эгбес</i>	<i>барбас</i>	
		Мн. число		
1 л. <i>аңнапас бис</i>	<i>турбас бис</i>	<i>эгбес бис</i>	<i>барбас бис</i>	
2 л. <i>аңнапас сілер</i>	<i>турбас сілер</i>	<i>эгбес сілер</i>	<i>барбас сілер</i>	
3 л. <i>аңнапас(тар)</i>	<i>турбас(тар)</i>	<i>эгбес(тэр)</i>	<i>барбас(тар)</i>	

Значением данной формы будущего времени является выражение действия, которое определенно свершится в будущем, после момента речи, и говорящий в этом уверен. Кроме того, эта форма, главным образом ее отрицательный аспект, обозначает действие, которое совершается (или не совершается) обычно, постоянно. Примеры: *ынаары кум та чорувас* «туда никто не ходит», *мен боқ келір мен* «я сейчас приду», *сезік аң алыспас* «чуткий зверь не дается», *оң ээлгірі киши, туътар* «он проворный человек, поймает», *мен турай тура стаатқа қоруур мен* «я завтра утром поеду в стадо».

б) Форма будущего предположительного аспекта

Данная форма образуется аффиксом *-гай/-гей*, *-қай/-кей*, который, попав в инлаут на стыке морфем, теряет свой гуттурал, благодаря чему образуется на месте конечного гласного основы и гласного аффикса один долгий гласный, качество которого определяется характером гласного аффикса, т.е. на месте, например, *чору + гай* образуется *чораай*, а на месте *эли + гей* – *элеэй*. В отрицательном аспекте используется аффикс *-ба/-бе*, который, слившись фонетически с аффиксом *-гай/-гей*, дал форму *-баай/-безей*. Спряжение происходит аналитически при помощи лично-предикативных частиц. В качестве образца приведем спряжение глаголов *чору-* «ехать», *бар-* «уходить», *эг-* «гнуть», *туът-* «ловить; держать».

Положительный аспект

		Ед. число		
1 л. <i>чораай мен</i>	<i>баргай мен</i>	<i>эгей мен</i>	<i>туътқай мен</i>	
2 л. <i>чораай сен</i>	<i>баргай сен</i>	<i>эгей сен</i>	<i>туътқай сен</i>	
3 л. <i>чораай</i>	<i>баргай</i>	<i>эгей</i>	<i>туътқай</i>	

Мн. число			
1 л. <i>чораай бис</i>	<i>баргай бис</i>	<i>эгей бис</i>	<i>туьтқай бис</i>
2 л. <i>чораай сілер</i>	<i>баргай сілер</i>	<i>эгей сілер</i>	<i>туьтқай сілер</i>
3 л. <i>чораай(лар)</i>	<i>баргай(лар)</i>	<i>эгей(лер)</i>	<i>туьтқай(лар)</i>

Отрицательный аспект

Ед. число			
1 л. <i>чоруваай мен</i>	<i>барбаай мен</i>	<i>эгбэй мен</i>	<i>туьтпаай мен</i>
2 л. <i>чоруваай сен</i>	<i>барбаай сен</i>	<i>эгбэй сен</i>	<i>туьтпаай сен</i>
3 л. <i>чоруваай</i>	<i>барбаай</i>	<i>эгбэй</i>	<i>туьтпаай</i>

Мн. число			
1 л. <i>чоруваай бис</i>	<i>барбаай бис</i>	<i>эгбэй бис</i>	<i>туьтпаай бис</i>
2 л. <i>чоруваай сілер</i>	<i>барбаай сілер</i>	<i>эгбэй сілер</i>	<i>туьтпаай сілер</i>
3 л. <i>чоруваай(лар)</i>	<i>барбаай(лар)</i>	<i>эгбэй(лер)</i>	<i>туьтпаай(лар)</i>

Эта форма в современном тофаларском языке выражает действие, которое предположительно совершается в будущем. Говорящий обычно точно этого не знает, но в то же время он хотел бы, чтобы это действие произошло. Таким образом, это будущее неопределенное, предположительное время, иногда с модальным оттенком желательности. В других случаях значение желательности преобладает. Это связано с тем, что аффикс *-гай* в современном тофаларском языке имеет две, уже дифференцированных группы значений: 1) предположительности свершения действия в будущем и 2) желательности, чтобы действие произошло. В данном случае мы рассматриваем 1 группу этих значений. Примеры: *мен алгай мен* «я возьму» (говорящий при этом точно не знает, когда он это сделает и вообще, удастся ли ему это сделать, но он сам желает этого), *мен чоруваай мен* «я не поеду» (но это окончательно еще не решено), *сен ынаары бо һундус барбаай сен* «ты сегодня туда не пойдешь», *баргай ла мен турай* «я, наверное, поеду завтра».

4) Релятивное употребление времен

Наряду с формами индикатива, различающимися между собой соотношением с моментом речи (прошедшее, настоящее и будущее времена) в современном тофаларском языке существует параллельно другая система форм, которая построена на различии в соотношении временных форм с фоном прошедшего времени. Такое относительное употребление времен мы назвали релятивным, принимая положения, выдвинутые и разработанные С.Н. Ивановым относительно временных форм турецкого глагола¹. Его деление временных форм на эти два ряда – индикативный и релятивный – позволяет объяснить сосуществование в тюркских языках простых и сложных временных форм.

Почти все формы времен индикатива (исключение составляют *-чық* и *-ды*) могут употребляться со служебным словом *шик* (< *шик* «был»), образуя целостную систему соотношения времен с фоном прошедшего времени.

1. Соотношение настоящего времени с фоном прошедшего выражается сложными формами *-адыры шик*, *-ып чыьтыры шик*, *-ып туру шик*, *-у шик*. Они обозначают время, которое длилось в прошлом в течении какого-то отрезка времени, оставшись зачастую незавершенным. Например: *мында өң дуру шик*, *қаньчааш боолаваан сен?* «Здесь зверь стоял, ты почему не стрелял?», *мен да олыры шик мен* «и я сидел», *оң дээдэ чору шик* «он там ходил», *оң бары чыьтыры шик*, *мен гөрген мен* «он туда шел, я видел». Учитывая, что эти формы индикатива (простые и аналитические) основаны на причастии настоящего времени, возможно осмысление сложных форм релятива типа *туру шик қаьқ* «был стоящим», *чору шик* «был идущим». Кстати, они таким путем и возникли в языке.

2. Сложная форма, образованная из сочетания формы причастия прошедшего времени со

¹ См.: Иванов С.Н. К объяснению системы времен турецкого индикатива. – В кн.: *Turcologica*. К семидесятилетию академика А.Н. Конова, М., 1976, с. 79-88; его же. Курс турецкой грамматики. Ч.2. Грамматические категории глагола: Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977, с. 50-70.

вспомогательным глаголом иик, т.е. *-ган иик/-ген иик*, обозначает преждепрошедшее время, т.е. время, которое произошло раньше, чем свершилось основное действие, а кроме того, гораздо чаще она имеет значение результативности действия, соотношенной с прошлым. Примеры: *оң аңа чораан иик*, *ында чу тө йок болган иик* «он туда ходил, там ничего не было», *сен чораан иик сен ол дайгаа* «ты же ездил в ту тайгу», *бис чээн иик бис* «мы уже ели», *бірээ чуруқ тонун берген иик* «отдала один кожан», *кіргенімдэ, оларың олырғаннар иик* «когда я заходил, они там сидели».

3. Употребление будущего времени в соотношении с фоном прошедшего вызвало к жизни сложные формы *-ар иик* и *-гай иик* (отрицательный аспект *-бас иик*, *-баай иик*), получившие значение ирреальности действия, предположения о его свершении, желательности его свершения. Эта специфика их значения позволила им участвовать в образовании форм желательного и сослагательного наклонений, о которых подробнее будет сказано ниже.

5) Перифрастические формы

В тофаларском языке довольно активны особые описательные, или перифрастические формы, уточняющие временную характеристику действия. В отличие от аналитических форм, в которых значимый глагол принимает показатель соответствующего деепричастия, в перифрастических формах значимый глагол оформлен аффиксом соответствующего причастия.

Нам удалось выявить следующие перифрастические формы:

1) форма на *-ар/-бас бол-* имеет две группы значений:

а) Передает действия, совершаемые с точки зрения говорящего регулярно, многократно, обычно, более или менее постоянно. Особенно это характерно при постановке служебного глагола *бол-* в форме перфективного прошедшего времени на *-ган*. Например: *билир болган бис, оң гелір дэн* «мы знали, что он придет», *рааньше тофа кишилер баьққа черлеп турар болган* «раньше тофы плохо жили», *ындыг айны шаандаа улус адаар болган ақсаан ай дэн* «такой месяц древние люди называли месяцем сушеной сараны», *соодаарга оң чүнү тэ туьтпас болган* «когда говорили, он ничего не понимал».

б) Выражает становление признака предмета (лица), перехода его из одного качества состояния в другое, превращение. Эти значения проявляются наиболее ярко, рельефно при постановке глагола *бол-* в форму совершенного вида (*болу бер-*). Эта модель особенно активна. Например: *мен чүнү тэ сагынбас болу берген мен* «я перестал помнить», *оң шыйбас болы берді* «он не стал писать», *мен чүнү тэ билбес болу берген мен* «я перестал понимать», *аарааш сен иштэнмес болы бээр сен* «заболев, ты перестанешь работать», *ийнэ сыьнталбас болы берген, қараам гөрбес болы берген* «глаза стали плохо видеть, иголка не вдевается», *о-о! қаньца һаақтаны берді лээн, чорулбас болу берді* «о-о, как много тальника стало, даже нельзя проехать», *мен төдүсүн туьтар болы бердім* «я все стал понимать», *мен дыңнаар болы бердім* «я стал слышать».

2) Форма на *-ган бол-*, *-ган тур-*, *-ган чьт(ыр)-*, *-ган олыр-*, *-ган чору-*, т.е. причастие прошедшего времени и служебные глаголы бытия, передающие длительное состояние, в котором совершается действие. Семантикой этой формы является выражение результата какого-либо действия, процесса как признака действующего субъекта, находящегося определенным промежутком времени в этом состоянии. Примеры: *ол ашняк келіп көөрдэ аьты өлу берген чьтқан* «когда тот мужик пришел и посмотрел, то его конь лежал мертвым», *ышқаапқа чөлгенеш шынзып ла берген дуру* «он оперся на шкаф и стоит с независимым видом», *төнүксейі берген чьтырда, улусу чынлып келген* «когда он собрался умирать, пришли родственники».

Категория наклонения

Наклонение в языкознании определяется как «грамматическая категория глагола, выражающая отношение содержания высказываемого к действительности»¹. Т.е. эта категория содержит модальность, так как выражает отношение действия к действительности, которое устанавливается говорящим. В современном тофаларском языке выявляется 6 наклонений, исходя из семантических и морфологических признаков: повелительное, желательное, опасительное, условное, уступительное и сослагательное.

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, с. 248.

1) Повелительное наклонение

В тофаларском языке имеются особые повелительные формы, выражающие приказ, повеление, побуждение, просьбу, желание, требование, призыв и т.п. субъективные побуждения к действию. В отличие от всех остальных наклонений повелительное не имеет специального аффикса наклонения. Основа любого глагола (в положительном или отрицательном аспекте), высказанная с интонацией повеления, уже выражает повеление, приказ. Личные окончания повелительного наклонения отличаются от личных окончаний других наклонений. Они выражают одновременно лицо, число и повелительную форму.

В тофаларском языке в систему данного наклонения мы включили формы и для 1 лица обеих чисел, поскольку побуждение к действию может иметь различную градацию семантики: это и призыв, и приказ, и просьба, и пожелание. Так, первое лицо единственного числа выражает действие, направленное на самого говорящего, призыв говорящего к самому себе, желание самого совершить действие. Далее в 1-м лице различаются двойственное и множественное числа. Двойственное число выражает призыв к одному другому лицу вдвоем совершить какое-либо действие. Множественное число – требование, призыв, просьбу к нескольким людям совершить действие вместе с говорящим. Второе лицо выражает повеление, приказ, просьбу к одному или нескольким лицам совершить действие. Третье лицо обозначает повеление, просьбу, пожелание, обращенные к одному или нескольким третьим лицам через собеседника.

Парадигма личных окончаний повелительного наклонения в современном тофаларском языке имеет следующий вид:

Единствен. число	Двойств. число	Множеств. число
1 л. <i>-ээйн (-ыыйн)</i> <i>-ийин</i>	1 л. <i>-аалы/-ээлі</i> <i>-ыылы/-ишлі</i> <i>-уулу/-үүлү</i>	1 л. <i>-аалың/-ээлің</i> <i>-аалыңар/-ээліңер</i> <i>-ыылың/-ишлің</i> <i>-ыылыңар/-ишліңер</i> <i>-уулуң/-үүлүң</i> <i>-уулуңар/-үүлүңер</i>
2 л. <i>основа глагола</i>	2 л. -	2 л. <i>-ңар/-ңер</i> <i>-ыңар/-иңер</i> <i>-уңар/-үңер</i>
3 л. <i>-сын/-сін</i>	3 л. -	3 л. <i>-сын(нар)/</i> <i>-сін(нэр)</i> <i>-сун(нар)/-сүн(нэр)</i>

В отрицательном аспекте аффикс *-ба/-бе* (с вариантами) присоединяется к основе глагола. При этом происходит фонетическое сращение данного аффикса с показателем лица. Парадигма выглядит следующим образом:

Единствен. число	Двойств. число	Множеств. число
1 л. <i>-бээйн</i>	1 л. <i>-баалы/-бээлі</i>	1 л. <i>-баалың/-бээлің</i> <i>-баалыңар/-бээліңер</i>
2 л. <i>-ба/-бе</i>	2 л. -	2 л. <i>-баңар/-беңер</i>
3 л. <i>-басын/бесін</i>	3 л. -	3 л. <i>-басын(нар)/</i> <i>-бесін(нэр).</i>

В 1-м лице ед. ч. произошло фонетическое развитие этимологически восстанавливаемого здесь аффикса *-*айын/-*эйин* в одну форму *-ээйн*, одинаково употребляющуюся в обоих сингармонических рядах. В отрицательном аспекте *-*байын* и *-*бейин* тоже дали одну форму – *-бээйн*.

Ударение в повелительном наклонении во 2-м и 3-м лицах всегда падает на гласный последнего слога основы. В 1-м лице всех чисел – на долгий гласный показателя лица. Например: *а́лыңар* «берите», *а́лбаңар* «не берите», *а́лсын* «пусть возьмет», *а́лбасын* «пусть не берет».

Для смягчения приказа, повеления, просьбы, придания им вежливого, но в то же время настойчивого характера, в тофаларском языке во 2-м лице обеих чисел обоих аспектов к повели-

тельными формам прибавляется особая гармонирующая частица *-нам/-нэм, -там/-тэм* и негармонирующая частица *-нэй/-тэй*. Они безударны и настолько сливаются с формой, что их следовало бы скорее назвать аффиксами.

Для иллюстрации приведем несколько примеров на употребление форм повелительного наклонения: *келнэм бээри* «иди-ка сюда!», *сілер барыңар* «вы уходите», «вы идите», *иһһэн бараалы* «пойдем-ка вдвоем, давай пойдём вдвоем», *мында турбаңар, чоруңар* «здесь не стойте, поезжайте», *баршаан чоруулуң* «давайте поедёте все», *мен біле қақты бараалы* «пойдем со мной» (обращение к одному), *мен біле қақты бараалыңар* «пойдёте со мной» (обращение к нескольким людям), *мен барбейн* «не пойду-ка я», *сен барба* «ты не уходи», *сен барбанам* (~ *барбанэй*) «ты не уходи, пожалуйста».

2) Желательное наклонение

Желание, намерение совершить действие самим говорящим или его желание, чтобы действие совершил кто-либо другой, в современном тофаларском языке передается несколькими формами.

1) Наиболее распространенной является форма с показателем *-гай/-гей, -қай/-кей*, образующим одновременно форму будущего предположительного времени, о котором выше уже сказано. Условия изменения по лицам и употребления в отрицательном аспекте те же, что и у формы будущего времени на *-гай*.

Парадигма спряжения этой желательной формы выглядит следующим образом:

Положительный аспект		Отрицательный аспект	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л. <i>-гай мен</i>	<i>-гай бис</i>	1 л. <i>-баай мен</i>	<i>-баай бис</i>
2 л. <i>-гай сен</i>	<i>-гай сілер</i>	2 л. <i>-баай сен</i>	<i>-баай сілер</i>
3 л. <i>-гай</i>	<i>-гай(лар)</i>	3 л. <i>-баай</i>	<i>-баай(лар)</i>

Очень часто после аффикса *-гай* для усиления ставится частица *ла/ле*. В 3-м лице значение желания может доходить до допущения, тогда форма на *-гай* совпадает со значением аффикса *-сын* 3-го лица повелительного наклонения. Оттенки формы желания на *-гай* зависят как от семантики глагола, так и от лица. Примеры: *сен ынаары баргай ла сен* «сходил бы ты туда», «хорошо бы тебе сходить туда», *оң чорший ла бергей* «хоть бы он уехал», *уһһя ла бергей* «хоть бы улетел», *дэгбэ тургай* «не трогай, пусть стоит», *ыш ла булаай* «хоть бы дым показался», *аһһам барбаай ла* «хоть бы мой брат не ушел», *лаампа қыһпқай ла* «пусть лампа горит», *ол киши мында болбаай* «желательно, чтобы того человека здесь не было», *сен чышықа баргай ла сен* «ты бы сходил на собрание!».

2) Довольно употребительна в современном тофаларском языке и специфичная форма *-сэйг* в положительном аспекте и *-басэйг/-бэсэйг* в отрицательном. Произошла она, видимо, из слияния показателя условного наклонения *-са* и служебного глагола *ишк*, т.е. *-сэйг < са ишк*. Семантика допускает такую этимологию.

Практически эта форма встретила лишь в 3-м лице. Ввиду отсутствия данных по остальным лицам пока затруднительно сделать окончательный вывод о спряжении этой формы. Употребляется она в значении «хоть бы, хорошо бы». Примеры: *ол киши мында болбасэйг* «хоть бы того человека здесь не было», *оң бо йүменісаһтыв албасэйг* «хоть бы он не купил эту вещь», *маңгазиин чыһпық ла болбасэйг* «лишь бы магазин не был закрыт», *оң өөндэ болсэйг* «хоть бы он был дома», *суг дэрең болбасэйг* «хоть бы река не оказалась глубокой», *барыб ла түһисэйг* «хоть бы упал», *берсэйг* «хоть бы дал», *уһһисэйг* «хоть бы улетел», *талыйсэйг* «лишь бы ушел, хоть бы ушел».

3) Опасительное наклонение

Предостережение, опасение, как бы не случилось, не произошло нежелательное действие, в современном тофаларском языке передается формой прошедшего категорического времени на *-ды/-дй* с соответствующим предикативным личным показателем. При этом данная форма сопровождается междометиями *һөй!*, *һалақ!* либо их сочетанием *һөй һалақ!*, а также соответствующей интонацией. Примеры: *билип чи, сөөккө қардың* «осторожно ешь, не подавись костью», *һөһө,*

шээштирдың! «эй смотри, забодает», *ацынды halaқ* «как бы он не рассердился», *бел қаыпты, һөй* «ой, как бы не схватил таймень!», *һөй, чуулдуң!* «смотри, не упади», *һөй halaқ, чуулдуң* «смотри, упадешь», *һөй halaқ чуулдум* «ой, упаду!», *бодуңнуң соодн уттун, halaқ!* «смотри, не забывай своих слов», *һөй halaқ, дүлүндуң* «смотри не утони!».

4) Условное наклонение

Условное наклонение обозначает действие, служащее условием для свершения другого действия, выраженного главным глаголом. Данное наклонение в современном тофаларском языке, как справедливо было отмечено Н.П. Дыренковой¹, образуется присоединением аффикса *-са/-се* непосредственно к основе глагола только в 3-м лице. В остальных же лицах используется аналитическая форма, состоящая из формы соответствующего лица прошедшего категорического времени на *-ды/-ди* (с вариантами) и неизменяемого служебного глагола *эрсә*, представляющего собой застывшую форму условного наклонения древнего служебного глагола **эр-* «быть». Отрицательный аспект образуется так же, только к основе значимого глагола присоединяется аффикс *-ба/-бе* (с вариантами).

Парадигма этого наклонения, таким образом, выглядит следующим образом:

Положительный аспект		Отрицательный аспект	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л. <i>-дым эрсә</i>	<i>-дывыс эрсә</i>	1 л. <i>-бадым эрсә</i>	<i>-бадывыс эрсә</i>
<i>-дiм эрсә</i>	<i>-дiвис эрсә</i>	<i>-бедiм эрсә</i>	<i>-бедiвис эрсә</i>
2 л. <i>-дың эрсә</i>	<i>-дыңар эрсә</i>	2 л. <i>-бадың эрсә</i>	<i>-бадыңар эрсә</i>
<i>-дiң эрсә</i>	<i>-дiңер эрсә</i>	<i>-бедiң эрсә</i>	<i>-бедiңер эрсә</i>
3 л. <i>-са</i>	<i>-са(лар)</i>	3 л. <i>-баса</i>	<i>-баса(лар)</i>
<i>-се</i>	<i>-се(лер)</i>	<i>-бесе</i>	<i>-бесе(лер)</i>

Сама по себе форма условного наклонения в тофаларском языке безотносительна ко времени и зависит от времени основного действия. Но в основном эта форма употребительна в плане реального или ирреального будущего. Например: *он барықсаса барсын* «если он хочет идти, пусть идет», *эсiрiбесе эккi болыр* «если не опьянеет, будет хорошо», *ында болдым эрсә, соодар мен* «если я там буду, я скажу», *ында болдың эрсә, соода* «если там будешь, скажи».

Кроме указанной основной формы условного наклонения в тофаларском языке используется в качестве служебного слова, показателя условного наклонения, словоформа *болса* (< *бол-* «быть, стать» + *-са*), которая не принимает личных окончаний. Например: *мен болган болса, соодаар шик мен* «если бы я был, я бы сказал», *мен ында болса, соодаар мен* «если я там буду, я скажу», *ында аът бар болса эккi* «хорошо, если там будет (есть) конь».

Для аффикса *-са/-се* характерно также оформление инфинитива в составе условного предложения. Личных окончаний этот аффикс в данном случае не принимает, т.к. он выражает действие как таковое. Например: *келсе ле келiр мен* «придти-то я приду», *барықсаса бар, барықсаваса бар-ба!* «если идти, то иди, если не идти, то не иди», *доңса доңсын* «мерзнуть, так пусть мерзнет», *қуруса қурусун* «если сохнуть, то пусть сохнет», *сығқса бодум біле сығһар мен* «сломять, так сам сломаю», *ишсе бодум біле ишер мен* «выпить, так сам выпью».

Удвоенная форма на *-са* может выражать и обстоятельство образа действия. Например: *һүн саны бечен километыр чоруса-чоруса, чьтэ бээр бис* «мы дойдем только проходя каждый день по пятьдесят километров».

5) Уступительное наклонение

Значение уступительности в тофаларском языке выражается сочетанием форм условного наклонения *-дым эрсә, -са, болса* с уступительной частицей *та/тэ*. Примеры: *оң гелсе тэ, чүнү тэ соодавас* «хоть он и придет, ничего не скажет», *мен келдiм тэ эрсә* «хоть я и приду», *бис келдiвис*

¹ См: Дыренкова Н.П. Тофаларский язык. – В кн.: Тюркологические исследования. М.-Л., 1963, с. 16.

тэ эрсе «хоть мы и придем», *мен келген тэ болса* «хотя я и пришел», *өлүртүр тэ болса, чаага баар мен* «хотя и убьют, поеду на войну».

Уступительность может передаваться и другим способом, используя повелительное наклонение, но опять-таки на основе уступительной частицы *та/тэ*. Например: *сен чорыйы та бер, мен ыглавас мен* «ты хоть уйди, я не заплачу». Это свидетельствует о том, что показателем уступительности по сути дела является частица *та/тэ*, имеющая широкую семантику допущения, уступительности.

б) Сослагательное наклонение

Для обозначения гипотетического суждения, обусловленного фактором реальной или ирреальной возможности для выполнения действия, в тофаларском языке используется аналитическая форма, состоящая из причастия будущего времени на *-ар/-ер*, *-бас/-бес* и вспомогательного спрягаемого глагола *ишк*. Парадигма спряжения следующая:

Положительный аспект		Отрицательный аспект	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л. <i>-ар ишк мен</i>	<i>-ар ишк бис</i>	1 л. <i>-бас ишк мен</i>	<i>-бас ишк бис</i>
2 л. <i>-ар ишк сен</i>	<i>-ар ишк сілер</i>	2 л. <i>-бас ишк сен</i>	<i>-бас ишк сілер</i>
3 л. <i>-ар ишк</i>	<i>-ар ишк(тэр)</i>	3 л. <i>-бас ишк</i>	<i>-бас ишк(тэр)</i> .

Примеры: *аңны сен сойбадың эрсе, мен сойар ишк мен* «если бы ты не освеживал зверя, я бы освеживал», *сілер қақырбас улус болдыңар эрсе, бо аът тіриг болыр ишк* «если бы вы не смеялись, этот конь был бы жив», *мені ытпаса, мен барбас ишк мен* «если б меня не послали, я бы не пошел», *мендэн өске қум та бербес ишк* «кроме меня никто не дал бы», *сен барбаан болдың эрсе, эккі болыр ишк* «если бы ты не ходил туда, было бы хорошо», *сен эмес болса, аа қум та барбаан болыр ишк* «если бы не ты, туда никто бы не пришел».

Очень часто сослагательное наклонение в тофаларском языке, как и в других языках, выражает пожелание, просьбу, о чем выше уже говорилось.

§ 3. СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ МЕСТОИМЕНИЙ

Местоимения (термин условен) в тофаларском языке представляют собой группу особых заместительных слов с дейктической функцией. Они образуют в языке особую систему, параллельную системе назывных частей речи и в некотором роде дублирующую ее. В тофаларском языке местоимения замещают все основные части речи: существительное, прилагательное, числительное, наречие и глагол. Поэтому здесь вполне уместно дать другую классификацию местоимений, чем это принято в тюркологии, а именно: различать субстантивные местоимения (замещающие, указывающие на существительные), адъективные местоимения (замещающие, указывающие на прилагательные), нумеральные местоимения (замещающие, указывающие на числительные), вербальные местоимения (замещающие, указывающие на глаголы), адвербиальные местоимения (замещающие, указывающие на наречие). Этот принцип классификации местоимений впервые был предложен В.М. Наделяевым для монгольских языков¹. В общем языкознании он обоснован Ю.С. Масловым². В тюркологии уже есть опыт использований этой системы классификации применительно к тюркскому языковому материалу³.

Подробно система местоимений тофаларского языка представлена в таблице 8.

Традиционное деление местоимений на указательные, личные, вопросительные, отрицательные, неопределенные и т.п. не отвечает самой сути местоимений как особых слов с заместительной и дейктической функцией. Практически это вторая, параллельная система частей речи в ми-

¹ См.: Наделяев В.М. Программа курса морфологии монгольского языка. Кафедра монгольской филологии ЛГУ, 1954.

² См.: Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975, с. 218.

³ См.: Гузев В.Г. Староосманский язык. М.: Наука, 1979, с. 50-54.

ниатюре, с известными особенностями повторяющая первую, основную их систему¹. Поэтому, например, субстантивные местоимения не похожи на вербальные или нумеральные, хотя в системе их представлены, например, вопросительные местоимения. Неопределенные полностью повторяют положительные, но только каждое снабжается уступительной частицей *та/тэ*. Например: *қум та* «кто-то», *чү тэ* «что-то», *қандығ та* «какой-то», *мыньчаалы та* «таким-то образом», *ындығ та* «такой-то». Отрицательные строятся на базе неопределенных, к которым добавляется соответствующее высказыванию отрицание. Например: *қум та йоқ* «никого нет», *қум та эмес* «никто», *қум та билбейдiрi* «никто не знает», *қандығ та құме қоқ* «никакой вещи нет». Этот способ образования данных разрядов местоимений общетюркский.

Таблица 8

Система местоимений тофаларского языка

	Вопросительные	Положительные	Неопределенные
1. Субстантивные	<i>қум</i> «кто», <i>чү</i> «что»	<i>мен</i> «я», <i>сен</i> «ты», <i>оң</i> «он», <i>биъс</i> «мы», <i>сілер</i> «вы», <i>оларың</i> «они», <i>бодум біле</i> «я сам», <i>боду</i> «он сам», <i>бодубус біле</i> «мы сами», <i>бодуңар біле</i> «мы сами», <i>бодуңар біле</i> «вы сами», <i>боттары біле</i> «они сами»	<i>қум та</i> , <i>чү тэ</i> , <i>мен тэ</i> , <i>сен тэ</i> , <i>биъс тэ</i> , <i>оң та</i> , <i>сілер тэ</i> , <i>оларың та...</i>
2. Адъективные	<i>қандығ</i> «какой», <i>қаз</i> , <i>қайсы</i> «который», <i>қумнуң</i> «чей», <i>чүнүң</i> «чей», <i>қаъшықы</i> , <i>қаъшышқы</i> «который по счету»	<i>бо</i> «этот», <i>ол</i> «тот», <i>тээ</i> «тот», <i>ындығ</i> «такой», <i>мындығ</i> «этакий», <i>мииң</i> «мой», <i>сииң</i> «твой», <i>оңнуң</i> «его», <i>биъстің</i> «наш», <i>сілернің</i> «ваш», <i>оларыңның</i> «их»	<i>қандығ та</i> , <i>қаз та</i> , <i>қайсы та</i> , <i>ындығ та</i> , <i>мындығ та...</i>
3. Нумеральные	<i>қаъши</i> , <i>чеъһе</i> , <i>чү һире</i> «сколько», <i>қаньча</i> «сколько, в каком размере»	<i>көп</i> , <i>көпей</i> «много», <i>биче</i> , <i>эбеш</i> «мало», <i>ыньча</i> «столько, в таком размере», <i>мыньча</i> «столько, в таком размере»	<i>қаъши та</i> , <i>чеъһе тэ</i> , <i>ыньча та...</i>
4. Вербальные	<i>қаньча</i> = «как поступить», <i>чоон</i> = «что делать»	<i>ыньча</i> = «так делать», <i>мыньча</i> = «этак делать»	<i>қаньчаалы та</i> , <i>мыньчаалы та</i>
5. Адвербиальные	<i>қаньча</i> «как, каким образом», <i>қаньчап</i> «как, почему», <i>қайда</i> «где», <i>қайдан</i> , <i>қайнуун</i> «откуда», <i>қайнаары</i> «куда», <i>чүге</i> «куда, зачем», <i>чүдэ</i> «где», <i>чүдэн</i> «откуда», <i>каъһин</i> «когда», <i>қаньчаалы</i> «как, каким образом»	<i>ыньча</i> «так», <i>мыньча</i> «этак», <i>ында</i> «там», <i>мында</i> «здесь», <i>унуун</i> «оттуда», <i>мунуун</i> «отсюда», <i>маңа//маа</i> «сюда», <i>аңа//аа</i> «туда», <i>бортта</i> «вот здесь», <i>ол ортта</i> «вон там», <i>ыньчаалы</i> «так, таким образом», <i>мыньчаалы</i> «этак, этаким образом»	<i>ыньча та</i> , <i>мыньча та</i> , <i>ында та</i> , <i>мында та</i> , <i>унуун та</i> , <i>мунуун та</i> , <i>маңа та</i> , <i>аңа та</i> , <i>ыньчаалы та...</i>

¹ См.: Маслов. Указ. соч., с. 218.

Если сопоставить традиционную схему местоимений с нашей, то оказывается, что личные местоимения и лично притяжательные входят в группу субстантивных местоимений, указательные и определительные – в группу адъективных. При этом в тофаларском языке наблюдается частая субстантивация адъективных указательных местоимений *бо* «это, эта, этот», *ол* «то, та, тот», *тээ* «то, та, тот», выступающих вместо личных.

Поскольку местоимения замещают, указывают на ту или иную часть речи, то они тоже обладают теми же грамматическими категориями, что и соответствующие части речи. Нас же в данном случае интересует то, что формы словоизменения присущи не только именам и глаголам, но и субстантивным и вербальным местоимениям. Если происходит ситуативная субстантивация адъективных и нумеральных местоимений, то они тоже ведут себя как субстантивные, получая соответствующие словоизменительные формы.

Так, субстантивные местоимения, как личные (*мен* «я», *сен* «ты», *биъс* «мы», *сілер* «вы»), так и субстантивированные указательные местоимения, часто выступающие в форме личной принадлежности (*оң* «он», т.е. «тот твой», *обус* «он», т.е. «тот наш», *оларың* «они», т.е. «те твои»), имеют те же словоизменительные категории, что и имена существительные, т.е. категорию падежа, притяжания, числа, сказуемости. Например: *бо мен мен* «это я», *биъске* «нам», *мендэн* «от меня», *сендэ* «у тебя», *бом* «это мое», *қумуң бар?* «кто у тебя есть?», *чүлер* «что?» - о многих вещах. Поэтому все субстантивные и субстантивированные личные местоимения склоняются и принимают показатели личной принадлежности. При этом порядок склонения и оформления аффиксами лица общий и зависит от фонетических причин. Не принимают показателей личной принадлежности, как исключение, лишь личные местоимения *мен* «я», *сен* «ты», *оң* «он», *биъс* «мы», *сілер* «вы», *оларың* «они».

Склонение личных местоимений верно приведено у Н.П. Дыренковой, поэтому здесь мы дублировать не будем. Не дано у ней лишь склонение местоимений *оң* «он», *оларың* «они», *бо* «это», *тээ* «то», *қум* «кто», *чү* «что». Современное склонение *ол* «то» отличается от ее парадигмы. Приведем парадигму склонения этих местоимений:

Осн. п.	<i>бо</i>	<i>ол</i>	<i>оң</i>	<i>оларың</i>	<i>тээ</i>	<i>қум</i>	<i>чү</i>
Род. п.	<i>монуң</i>	<i>онуң</i>	<i>оңнуң</i>	<i>оларыңның</i>	<i>тээнің</i>	<i>қумнуң</i>	<i>чүнүң</i>
Вин. п.	<i>мону</i>	<i>ону</i>	<i>оңну</i>	<i>оларыңны</i>	<i>тээні</i>	<i>қумну</i>	<i>чүнү</i>
			<i>//оңун</i>	<i>//оларыңын</i>			
Дат. п.	<i>маңа</i>	<i>аңа</i>	<i>оңға</i>	<i>оларыңға</i>	<i>тээге</i>	<i>қумға</i>	<i>чүге</i>
	<i>//маа</i>	<i>//аа</i>				<i>//қумма</i>	
Мест. п.	<i>мында</i>	<i>ында</i>	<i>оңда</i>	<i>оларыңда</i>	<i>тээдэ</i>	<i>қумда</i>	<i>чүдэ</i>
Исх. п.	<i>мунун</i>	<i>унун</i>	<i>оңдан</i>	<i>оларыңдан</i>	<i>тээдэн</i>	<i>қумдан</i>	<i>чүдэн</i>
	<i>//мындан</i>	<i>//ындан</i>					

Вербальные местоимения ведут себя в речи как глаголы и обладают теми же словоизменительными формами, что и обычные глаголы, т.е. формами времени, наклонения и т.д. Например: *қаньчап тур сен?* «как ты делаешь?», *қаньчаар бис?* «как мы поступим?», *ыньчанба* «так не делай», *мыньчаар ишк сен* «сделал бы ты так»; *ыньчадым эрсе* «если бы я сделал так» и т.п.

Произведенный в данной главе анализ позволил, таким образом, выявить в современном тофаларском языке довольно стройную и развитую систему словоизменения, представленную у имен и глаголов. Субстантивы при этом характеризуются грамматическими формами числа, диминутива, принадлежности и падежа. Причем склонение подразделяется на простое и посессивное. Большое количество грамматических форм словоизменения наблюдается у глагола. Здесь выделяются формы залога, вида и модальности, многочисленные и разнообразные формы актионсарта, различные у разных классов глаголов, неличные формы, включающие деепричастия и причастия, а также личные формы, состоящие из форм категории времени и категории наклонения. Две последние категории представлены множеством форм, выражающих не только соотношение действия с моментом речи, но и отношение действия к реальной действительности.

Все это свидетельствует о том, что тофаларский язык, хотя и бытует только в устной форме, обслуживая столь незначительное число его носителей, предстает перед нами языком с достаточно развитыми и гибкими системами не только словообразования, но и словоизменения, позволяющими точно и полно отражать окружающий человека мир.

Глава V

МЕСТО ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Как уже было сказано во введении, одной из задач данной работы является определение статуса тофаларского языка и его места в системе тюркских языков. Как известно, задачи подобного рода невозможно решить, основываясь на данных какого-то одного звена языковой структуры, поэтому в данном случае попытаемся ответить на поставленные вопросы, опираясь на сопоставительно-сравнительное исследование основных ярусов тофаларского языка: фонетики, морфологии, включая словообразование, и лексики. В связи с тем, что эти элементы в какой-то мере определяют облик языка и представляют его своеобразие, мы считаем привлечение лишь их достаточно репрезентативным и решающим.

Поскольку, как об этом уже говорилось во введении, существует утвердившееся в литературе предположение, что тюркизация самодийскоязычных карагасов произошла на рубеже XVIII-XIX вв. со стороны тувинцев и что тофаларский язык следует считать одним из диалектов тувинского языка, целесообразно произвести сопоставление тофаларского языка в первую очередь с тувинским языком, чтобы установить реальное положение вещей в данном вопросе. Далее, поскольку родовой состав тофаларов показывает их прямую связь с хакасами-качинцами, а тофаларский язык в некоторой мере сближается с хакасским¹, считаем необходимым привлечь для сравнения в обязательном порядке также и хакасский язык. Для получения более объективных данных используем также языки шорский и алтайский, как принадлежащие к той же территориальной группе тюркских языков Саяно-Алтая, а из языков других групп привлекаем, кроме древнетюркского, якутский, киргизский, казахский, уйгурский и турецкий языки. Кроме того, в процессе исследования по мере необходимости будут использованы данные и других тюркских и нетюркских языков.

Ниже рассмотрим подробнее, какие данные для решения поставленной задачи может предоставить в наше распоряжение сравнительный анализ указанных структурных элементов тофаларского языка.

§ 1. ДАННЫЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ

Рассмотрение фонетической системы тофаларского языка в сравнительном плане следует проводить дифференцированно, различая вокализм, консонантизм и закономерности поведения звуков в потоке речи.

1. Особенности тофаларского вокализма

Как уже отмечалось выше, система тофаларского вокализма построена на фонологической корреляции по краткости – долготе – фарингализованности и состоит из 10 кратких фонем (*a, o, y, ы, э, ө, ү, и, і, ә*), 10 долгих фонем (*aa, oo, uu, ыы, ээ, өө, үү, ии, іі, әә*) и 10 фарингализованных фонем (*аь, оь, уь, ыь, эь, өь, үь, иь, іь, әь*).

Фонематическое противопоставление долгих и кратких гласных наблюдается во многих тюркских языках и в первую очередь в соседствующих тувинском и хакасском. Ср., напр. тоф. *ал* «возьми» - *аал* «аул»; тоф. *ол* «тот» - *оол* «сын» и тув., хак. *ал* «возьми» - *аал* «аул»; тув., хак. *ол* «тот» - *оол* «сын». Аналогичное соотношение долгих и кратких гласных характерно также для шорского, алтайского, якутского, киргизского, гагаузского и туркменского языков². При этом туркменскому и якутскому языкам присущи так называемые первичные долгие гласные, а остальным из этих языков вторичные или заместительные долготы. К ним же относятся и тофаларские долгие гласные. В якутском языке этим вторичным долготам соответствуют дифтонги. Как видно из таблицы 9, тофаларский язык в отношении долгих гласных полностью совпадает с тувинским и хакасским языками, а также с шорским, алтайским и частично киргизским, т.е. со всеми тюркскими языками Саяно-Алтая и примыкающим к нему киргизским.

Ряд фарингализованных кратких гласных, противопоставляемых чистым кратким и долгим

¹ См.: Боргояков М.И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981, с. 64-68.

² См.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970, с. 48.

гласным, обнаруживается, кроме тофаларского, еще в тувинском языке¹. Ср., например, противопоставление тофаларских *ат* «имя» - *аът* «лошадь» - *аат* «укачивай ребенка» и аналогичное противопоставление тувинских *ат* «имя» - *аът* «лошадь» - *аат* «укачивай ребенка». В других языках такого противопоставления нет. Там слова типа *ат* «имя» - *аът* «лошадь» либо совпали, как, например, хак., шор., алт., кирг. *ат* «имя» - *ат* «лошадь», либо различаются первичной долготой, как в як. *аат* «имя» - *ат* «лошадь». Развитие фарингализованных гласных считается спецификой тувинского и тофаларского языков². Однако число тюркских языков, в которых представлен фонематический ряд фарингализованных гласных, можно пополнить еще одним языком – уйгуро-уряньхайским, обследованным в 70-е годы монгольским тюркологом Л. Болдом.

Таблица 9

Образование вторичных долгот

Языки	Значение слов						
	кость	новый	толстый	двор	тяжелый	сын	жидкий
тоф.	<i>сөөк</i>	<i>няа</i>	<i>нёон</i>	<i>аал</i>	<i>аар</i>	<i>оол</i>	<i>сууқ</i>
тув.	<i>сөөк</i>	<i>чаа</i>	<i>чоон</i>	<i>аал</i>	<i>аар</i>	<i>оол</i>	<i>суук</i>
хак.	<i>сөөк</i>	<i>наа</i>	<i>чоон</i>	<i>аал</i>	<i>аар</i>	<i>оол</i>	<i>суух</i>
шор.	<i>сөөк</i>	<i>наа</i>	<i>чоон</i>	<i>аал</i>	<i>аар</i>	<i>оол</i>	<i>суюк</i>
алт.	<i>сөөк</i>	<i>јаңы</i>	<i>жоон</i>	<i>айыл</i>	<i>уур</i>	<i>уул</i>	<i>суйук</i>
кирг.	<i>сөөк, сүйөк</i>	<i>жаңы</i>	<i>жоон</i>	<i>айыл</i>	<i>оор</i>	<i>уул</i>	<i>суюк</i>
як.	<i>уңуох</i>	<i>саңа</i>	<i>суон</i>	<i>ыал</i>	<i>ыар</i>	<i>уол</i>	<i>убагас</i>
каз.	<i>сүйөк</i>	<i>жаңа</i>	<i>жуан</i>	<i>ауыл</i>	<i>ауыр</i>	<i>ұл</i>	<i>сұйык</i>
уйг.	<i>сүңәк</i>	<i>йеңи</i>	<i>йоган</i>	<i>егил</i>	<i>егир</i>	<i>оғул</i>	<i>суйук</i>
тур.	-	<i>уони</i>	<i>уоғип</i>	<i>ағил</i>	<i>ағир</i>	<i>оғул</i>	-
др.-тюрк.	<i>sönük</i>	<i>janı</i>	<i>jöyün</i>	<i>ayıl</i>	<i>ayır</i>	<i>oğul</i>	<i>suviq</i>

Уйгуро-уряньхайцы представляют собой небольшую народность, проживающую в сомонах Цаган-Уур и Ханх Хубсугульского аймака Монголии³, т.е. территориально примыкая к тюркам Саяно-Алтая. В этом языке тоже представлено фонематическое противопоставление гласных по долготе, краткости и фарингализованности⁴, например: *öl* «тот» - *öl* «сын»; *dun* «ночь» - *dün* «вчера»; *at* «имя» - *a't* «лошадь»; *ot* «огонь» - *o't* «трава». Долгие гласные в нем тоже вторичного характера, как и в тюркских языках Саяно-Алтая, ср. например: тоф., тув., хак., шор. *aas* «рот» - уйг.-уряньх. *ās* «рот» (< *ayiz*); тоф. *няа*, тув. *чаа*, хак., шор. *наа* «новый» - уйг.-уряньх. *nā* «новый» (< *janı*) и т.п. Таким образом, система организации вокализма с ее трехступенчатой корреляцией по краткости, долготе и фарингализованности присуща лишь трем тюркским языкам: тофаларскому, тувинскому и уйгуро-уряньхайскому.

Совершенно правильно А.М. Щербак, выясняя природу фарингализованных гласных и причины их появления, связывает чистые краткие в этих языках с историческими первичными долгими гласными, т.е. *ат* «имя» < **ām*, а фарингализованные с историческими краткими, т.е. *a't* «лошадь» < **am*. Иначе говоря первичная долгота препятствовала развитию фарингализации, а сама фарингализация является лишним косвенным доказательством реальности первичных долгих гласных в тюркском протоязыке⁵.

По поводу происхождения фарингализованных гласных существуют разные точки зрения, которые рассмотрены и обобщены А.М. Щербаком⁶. Так, А.А. Пальмбах считал, что тувинские фарингализованные гласные явились промежуточным звеном в развитии вторичных долгот при переходе их в краткие гласные, т.е. *аът* > *a't* > «лошадь». В.М. Надеяев связывает появление этих гласных в тувинском языке с влиянием самодийского или какого-то иного субстрата. В.М. Иллич-

¹ См.: Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка..., с. 9.

² См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 42-47.

³ См.: Болд Л. Уйгар-урианхай хэлэнд орсон монгол үг. – В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1977, с. 25.

⁴ См.: Болд Л. Уйгар-урианхай хэлний эгшиг авиа. – В кн.: Хэл зохиол судлал. XI боть, 10 дэвтэр. Улаанбаатар, 1975, с. 135.

⁵ См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 43-45, 54.

⁶ См.: То же, с. 45-46.

Свитыч считает, что фарингализация представляет особый эффект взаимодействия гласных с сильными согласными. Сам же А.М. Щербак пришел к выводу, что фарингализацию гласных можно рассматривать как явление, возникшее под влиянием сильной аспирации конечных согласных¹. Кроме того, он считает, что фарингализация – это один из способов соединения разных компонентов слога и зависит от динамического признака слогового акцента². В данном случае это примыкание через посредство гортанного спиранта.

Сторонниками субстратного происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках являются Г.К. Вернер и Юха Янхунен. Причем первый из них считает, что это кетский субстрат³, а другой связывает фарингализацию с влиянием саянских самодийских языков⁴. В наших работах тоже высказывалось предположение о влиянии кетского субстрата на развитие фарингализации в тофаларском языке⁵.

Критикуя все эти точки зрения, А.М. Щербак в одной из своих последних работ пришел к выводу, что «характер соотношения тувинско-тофаларской оппозиции «чистых» и фарингализованных гласных с общетюркским противопоставлением долгих и кратких гласных позволяет рассматривать фарингализацию как особую разновидность динамического акцента, связанного с консонантовершинным типом слога»⁶. Представляется, что данная точка зрения наиболее близка к истине и с ней нужно согласиться.

Относительно состава гласных фонем тофаларского языка следует отметить, что чистые краткие гласные носят общетюркский характер и в общем те же самые, что зафиксированы в древнетюркском языке и представлены почти во всех тюркских языках, без изменения, в том числе и в тувинском⁷. В первом слоге исконно тюркских корневых морфем тофаларского языка, как раз и состоящих преимущественно из одного слога, устойчиво сохраняется древнетюркский вокализм. Рассмотрим это подробнее на примерах:

др.-тюрк. *a* – тоф. *a*: др.-тюрк. *aq* – тоф., тув., шор., алт., кирг. *аьқ*, хак. *ax* «белый»; др.-тюрк. *tau* – тоф., тув., *даг*, хак. *таг*, шор. *таг*, алт. *туу*, кирг. *тоо* «гора»; др.-тюрк. *balıq* – тоф., тув., алт., кирг. *балық*, хак. *палых*, шор. *палық* «рыба»;

др.-тюрк. *o* – тоф. *o*: др.-тюрк. *bol* = - тоф., тув., алт., кирг. *бол-*, хак., шор. *пол-* «быть»; др.-тюрк. *qol* – тоф., шор., алт., кирг. *қол*, тув., хак. *хол* «рука»; др.-тюрк. *oyna* = - тоф., тув., хак., шор. *ойна-*, алт., кирг. *ойно-* «играть»;

др.-тюрк. *u* – тоф. *u*: др.-тюрк. *tuz* – тоф., тув., *дус*, хак., шор., алт. *тус*, кирг. *туз* «соль»; др.-тюрк. *bulut* – тоф., тув., алт., кирг. *булут*, хак., шор. *пулут* «облако»; др.-тюрк. *uzun* – тоф., тув., хак., шор., алт., кирг. *узун* «длинный»;

др.-тюрк. *i* – тоф. *ı*: др.-тюрк. *tüt* – тоф., тув., *дыт*, хак., шор., алт. *тыт* «листенница»; др.-тюрк. *jil* – тоф., тув., хак., шор. *чыл*, алт. *жыл*, кирг. *жыл* «год»; др.-тюрк. *qizil* – тоф., тув., шор., алт., кирг. *қызыл*, хак. *хызыл* «красный»;

др.-тюрк. *e(ä)* – тоф. *э(e)*: др.-тюрк. *jor* – тоф., тув., шор. *чер*, хак. *чир*, алт. *жер*, кирг. *жер* «земля»; др.-тюрк. *tereñ* – тоф. *дэрең*, тув., шор., алт., кирг. *терең*, хак. *тирең* «глубокий»; др.-тюрк. *elik* – тоф., тув., алт., кирг. *элик*, хак. *илик* «косуля»;

др.-тюрк. *ö* – тоф. *ø*: др.-тюрк. *böri* – тоф., тув., кирг. *бөрү*, хак. *пүүр*, шор. *пөрү*, алт. *бөрү* «волк»; др.-тюрк. *köl* – тоф. *һөл*, тув. *хөл*, хак., шор., алт. *көл*, кирг. *көл* «озеро»; др.-тюрк. *ödräk*, *ödäräk* – тоф. *өдрек*, тув. *өдүрек*, хак., шор. *örtөк*, алт. *örtөк*, кирг. *өрдөк* «утка»;

др.-тюрк. *ü* – тоф. *ү*: др.-тюрк. *ülä* = - тоф., тув. *үле-*, хак., алт. *үле-*, кирг. *үлештур-* «делить»; др.-тюрк. *tün* – тоф., тув. *дүн*, хак., алт. *түн*, кирг. *түн* «ночь»; др.-тюрк. *küdägü* – тоф. *күдээ*, тув. *күдээ*, хак. *күзөө*, алт. *күйү*, кирг. *күйөө*, *күйөк* «зять»;

¹ См.: То же, с. 47.

² См.: То же, с. 137.

³ См.: Вернер Г.К. Проблема происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках. – СТ, 1972, №5, с. 17-24.

⁴ См.: Janhunon Juha. On Glottalisation in Sayan Turkic. – In: Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures Hokkaido University, N 13, 1980, p. 23-41.

⁵ См.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка..., с. 22, 93.

⁶ Щербак А.М. Опыт реконструкции слоговых акцентов в тюркском праязыке. – В кн.: Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л.: Наука, 1981, с. 287-288.

⁷ Подробнее о характере и составе гласных фонем в тюркских языках см.: Исхаков Ф.Г. Общая характеристика тюркского вокализма. – ИСГТЯ, т. 1, с. 53-59; его же. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. – Там же, с. 60-114; Щербак А.М. Указ. соч., с. 76-77, 144-158.

др.-тюрк. *i* – тоф. *u*, *i*: др.-тюрк. *bil*= - тоф., тув., алт., кирг. *бил*-, хак. *пiл*-, шор. *пил*- «знать»; др.-тюрк. *tilkü* – тоф. *дiлги*, тув. *дилги*, хак., шор. *түлгү*, алт. *түлкү*, кирг. *түлкү* «лиса»; др.-тюрк. *iz* – тоф., тув., алт. *ис*, хак. *ic*, кирг. *из* «след».

Нами было проведено сравнение около 2000 тофаларских корневых (непроизводных и условно-непроизводных) основ с соответствующими древнетюркскими основами и основами других тюркских языков¹. Оно показало, что все эти основы в массе своей по составу вокализма первого слога полностью совпадают с тувинскими, в большинстве случаев также с хакасскими, шорскими, алтайскими и киргизскими. В случаях несовпадения с этими языками тофаларские и тувинские словоформы стоят ближе к древнетюркским, как напр., тоф. *һүдәә* «зять», *дiлги* «лиса», *чер* «земля» и т.п. Хакасский язык отличается от тофаларского тем, что в нем древний широкий гласный *e* перешел в узкий *u*.

В то же время наблюдается ряд случаев перебоя этих закономерностей соответствия тофаларских гласных древнетюркским, в результате чего в тофаларском языке в некотором количестве слов представлены в 1-м слоге гласные другого качества, чем в древнем и других тюркских языках. Нами выявлены следующие случаи таких перебоев. Так, в единичных словах древнему *i* соответствует *e*: др.-тюрк. *bi* – тоф. *бе*, ср. тув. *бе*, хак. *пей пий*, алт. *бее*, кирг. *бээ*, як. *биэ*, тат., каз., уйг. *бия* «кобыла»; др.-тюрк. *bit* «лицо, физиономия» - тоф. *бeт* «передняя сторона, перед», ср. тув. *бети* «перед, до, раньше», тур. *bet* «лицо», уйг. *бeт* «лицо; страница». Также в единичных случаях древнему *i* соответствует *y*: др.-тюрк. *jilan* – тоф. *чулан*, ср. тув., хак., шор. *чyлан*, алт. *jылан*, кирг. *жылан* «змея». Отдельные древнетюркские слова представлены в тофаларском в твердорядном варианте. Например: др.-тюрк. *kim* – тоф. *кyм*, ср. тув. *кyм*, хак., шор., алт. *кем*, як. *киим*, кирг. *ким*, тат. *кем* «кто»; др.-тюрк. *mün*=, *min*=, *bin*= - тоф. *мун*-, ср. тув. *мун*-, хак. *мyн*-, алт., кирг. *мин*-, як. *миин*- «садиться верхом»; др.-тюрк. *tit*= «разрывать, раздирать» - тоф. *тыт*- «терebить шерсть», ср. тув. *дыт*-, хак., кирг. *тыт*-, тур. *dit*=, тат. *тет*-, як. *тыыт*- «раздирать на части».

В ряде случаев в древнетюркском языке зафиксированы два варианта – твердорядный и мягкорядный. Тофаларский язык в этих словах дает то мягкорядный вариант, как, например, др.-тюрк. *iš/iš* «работа, дело» - тоф. *иш* «работа» (ср. тув., шор., алт., кирг., уйг. *иш*, як. *ишс id.*); др.-тюрк. *šiš/šiš* «вертел; палочка, которой едят лапшу» - тоф. *ишиш* «вертел, острая палочка» (ср. тув., кирг. *ишиш*, хак. *сис*, башк. *шеш*, тур. *şiş id.*), то твердорядный, как, например, др.-тюрк. *it/it* – тоф. *ыт* «собака» (ср. тув., як. *ыт*, шор., алт. *ийт*; кирг., каз. *ит*, уйг. *ишит id.*); др.-тюрк. *til/ti-l* – тоф. *дыл* «язык» (ср. тув. *дыл*, як. *тыл*, хак. *тил*, алт., шор., кирг., уйг. *тил*, тур. *dil id.*). Как можно видеть из этих примеров, тофаларский язык здесь совпадает с тувинским языком в отношении выбора твердорядного варианта.

Что касается тех случаев, когда в древнетюркском языке зафиксированы варианты *u* с *i*, *u* с *e*, то тофаларский язык здесь тоже не выказывает никакой закономерности в их соответствиях и дает в одних словах *u*, а в других *e*. Например:

др.-тюрк. *ber*=//*bir*= - тоф. *бер*-, тув., алт., кирг. *бер*-, хак. *пир*-, шор. *пер*-, як. *биэр*- «давать»;

др.-тюрк. *beš/biš* – тоф. *беш*, тув., алт., кирг. *беш*, хак. *пис*, шор. *пеш*, як. *биэс* «пять»;

др.-тюрк. *eki/iki/ikki* – тоф. *иъһи*, тув. *ийи*, хак. *iki*, шор. *ийги*, алт. *эки*, кирг. *ики*, як., уйг. *икки* «два»;

др.-тюрк. *erkäk/irkäk* «муж, мужчина; самец» - тоф. *иърһек* «самец соболя и медведя», тув. *иргек* «медведь-самец», хак. *ipгек*, алт., кирг. *эркек*, як. *иргэх* «самец».

В случаях подобного рода тофаларский язык напоминает тувинский, а иногда и хакасский и якутский языки.

Однако более массовые перебои соответствий наблюдаются у древних гласных *y* и *a*. Так, древнему *y* в саяно-алтайских тюркских языках часто соответствует гласный *ы*, *o*. Иногда же отдельные языки сохраняют этот *y* в то время как другие дают вместо него *ы* или *o*. Все эти перебои хорошо видны из сравнительного материала, представленного в таблице 10. Интересно, что тофаларский и тувинский языки иногда дают *y* там, где другие тюркские языки Саяно-Алтай имеют *ы*. Закономерностей всех этих соответствий установить не удается.

Переход древнего *a* в тофаларском языке в *ы* представлен все же самым большим количеством случаев из всех рассматриваемых здесь перебоев соответствий. Так, нами выявлено свыше двух десятков тофаларских слов, в которых в 1-м слоге вместо древнего *a* стоит *ы*. Данное явление хо-

¹ См.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка..., с. 151-240.

рошо иллюстрирует таблица 11, в которой приведена большая половина этих слов. Сравнение показывает, что аналогичный переход наблюдается также в тувинском языке, примеры из которого полностью, за исключением *часқа*- «замахиваться», совпадают с тофаларскими. Якутский язык имеет лишь частичное совпадение. В остальных же тюркских языках Саяно-Алтая, в первую очередь в хакасском, здесь везде представлен *a*. Таким образом, в переходе *a > ы* тофаларский язык объединяется с тувинским.

Что касается уйгуро-уряньхайского языка, то из-за отсутствия широких материалов по нему трудно сделать какие-либо обобщения. Но если принять во внимание отдельные примеры, приведенные в указанных выше работах Л. Болда, типа *indag* «такой» (ср. тоф., тув. *ындыг* – др.-тюрк. *andaγ*, хак. *андаг*, шор. *эндиг*, кирг. *андай*, як. *оннук* «такой»); *zi't* «лежать» (ср. тоф. *чыт-*, тув. *чыт-*, як. *сыт-* – др.-тюрк. *jat* =, хак., шор. *чам-*, алт. *jat-*, кирг. *жам-* «лежать»); *di'rt* «тянуть» (ср. тоф., тув. *тырт-* – др.-тюрк. *tart* =, хак., шор., алт., кирг., як. *тарт-* «тянуть»), то процесс перехода *a > ы* затронул и уйгуро-уряньхайский язык, который по этому признаку тяготеет к тофаларскому и тувинскому языкам.

Из других тюркских языков переход *a > ы* отмечается еще лишь в чувашском языке. В тюркологии этот факт отмечен давно, равно как и давно проведена параллель в этом отношении с тувинским и якутским языками¹. Все авторы единодушны в мнении, что переход *a* в *ы* носит древний характер и связан либо с особенностью диалектных групп праязыка, либо с тем, что древний гласный *a* был двоякого характера.

Хотя в тофаларском языке нами выделена как самостоятельная фонема [i], что сближает тофаларский вокализм по составу с хакасским, в котором представлено 9 гласных фонем вместе с [i], но это явление не следует рассматривать как дифференцирующее тофаларский и тувинский языки. Дело в том, что в тувинском языке в произношении тоже представлен этот полуузкий мягкорядный *i*, но только он не получил отражения на письме, поскольку *i* и *и* в тувинском языке не участвуют в смысловых различиях², являясь вариантами.

Таким образом, вокализм тофаларского языка в общих чертах совпадает с тувинским и уйгуро-уряньхайским, отличаясь от хакасского сохранением широкого э и наличием фонематического ряда фарингализованных гласных. Последний фактор имеет немаловажное классифицирующее значение.

В то же время и вокалические системы тофаларского и тувинского языков, совпадая в основных чертах, несколько разнятся в деталях. Так, фарингализованные гласные тофаларского языка предшествуют сильным согласным, сохраняющим свою силу и глухость (в случае с *m*, *n* и *c*) – в тувинском же языке они предшествуют слабым согласным, озвончающимся в интервокальном положении. Ср., например: тоф. *аът* «лошадь» – *аъты* ~ *аътты* «его лошадь»; *аъс* «повесь» – *аъсар* ~ *аъссар* «повесит»; тув. *аът* «лошадь» – *аъды* «его лошадь»; *аъс* «повесь» – *аъзар* «повесит», т.е. в тувинском языке фарингализация гласных несет на себе несколько иную функциональную нагрузку, чем в тофаларском. Эта разница хорошо видна на сопоставлении следующих примеров. Так, если сравним соответствия древним тюркским словам *az* = «заблудиться» и *as* = «вешать» в современных тюркских языках, то увидим, что за пределами Сибири в них наблюдается та же картина, что и в древнетюркском языке, т.е. и здесь эти слова различаются глухостью и звонкостью согласных, например: кирг., азерб., туркм., тур., тат. *аз-*, башк. *аз-* «заблудиться», каз., уйг. *аз-*, узб. *оз-* «совращаться» – кирг., азерб., туркм., тур., тат., каз., уйг. *ас-*, башк. *аç-*, узб. *ос-* «вешать». В сибирских же тюркских языках, особенно в регионе Саяно-Алтая, положение несколько иное. Здесь везде конечные *з* и *с* совпали в повелительном наклонении в одном глухом *с*, т.е. основы этих слов выглядят так: алт., хак., шор. *ас-* «заблудиться» и *ас-* «вешать». В тофаларском и тувинском языках глухой *с* тоже представлен в обоих этих словах, но они все же продолжают различаться, чему способствует фарингализация гласного, которая развилась в *a*, стоящем перед историческим *с*: тоф., тув. *ас-* «заблудиться», но тоф., тув. *аъс-* «вешать». Иначе говоря, саяно-алтайские языки с одной стороны все объединяются глухим аусласом во всех случаях и тем противопоставляются всем другим группам тюркских языков, но с другой стороны и внутри

¹ Подробнее об этом явлении в чувашском языке и об истории его изучения см.: Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Перевод с немецкого. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955, с. 55; Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков..., с. 145-148; Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974, с. 26-29; Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. I. Чебоксары, 1980, с. 71-76.

² См.: Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка..., с. 10-12.

себя они не обнаруживают единства и распадаются на две группы, из которых в первую объединяются алтайский, хакасский и шорский языки, полностью не различающие фонетически эти слова, а во вторую входят тофаларский и тувинский языки, различающие все же эти слова, используя дополнительный артикуляционный признак – фарингализацию. Но на этом и кончается функциональное сходство фарингализации в этих языках.

Таблица 10

Развитие древнего у в тофаларском языке									
тоф.	тув.	хак.	шор.	алт.	як.	кирг.	др.-тюрк.	языки значение	
<i>һымысқа</i>	<i>кымыскака</i>	<i>хымысха</i>	<i>кымыскаш</i>	-	<i>кымырдагас</i>	<i>кумурска</i>	<i>qumirsqa</i>	муравей	
<i>чымчақ</i>	<i>чымчак</i>	<i>нымзах, чымчах</i>	<i>чымчак</i>	<i>јымжак</i>	<i>сымнагас</i>	<i>жумиак</i>	<i>jumša</i>	мягкий	
<i>нюмурна</i>	<i>чуурга</i>	<i>нымырха</i>	<i>ныбыртка</i>	<i>јымыртка</i>	<i>сымыт</i>	<i>жумуртка</i>	<i>jumirtqa</i>	яйцо	
<i>сылтыс</i>	<i>сылдыс</i>	<i>чылтыс</i>	<i>чылтыс</i>	<i>јылдыс</i>	<i>сулус</i>	<i>жылдыз</i>	<i>julduz</i>	звезда	
<i>мыйгак</i>	<i>мыйгак</i>	<i>муйгах</i>	-	<i>мыйгак</i>	-	-	<i>muɣaq</i>	маралуха	
<i>чобъқ</i>	-	<i>чух</i>	<i>чуж</i>	<i>јук</i>	-	-	<i>juq-</i>	пристагать	
<i>чыг</i>	<i>чыг</i>	<i>чыг</i>	<i>чыг</i>	<i>јуу</i>	-	<i>жый</i>	<i>ju-</i>	собирать	
<i>бо</i>	<i>бо</i>	<i>пу</i>	<i>по</i>	<i>бу</i>	<i>бу</i>	<i>бо, бу</i>	<i>bi</i>	этот	
<i>мыньча</i>	<i>мынча</i>	<i>мынча</i>	<i>?</i>	<i>мынча</i>	<i>бапча</i>	<i>мунча, мынча</i>	<i>tipča</i>	этак; столько	
<i>мургу</i>	<i>мургу</i>	<i>мырғы</i>	<i>?</i>	<i>абырғы</i>	-	-	-	дудка	
<i>нюмурут</i>	-	<i>нымырт</i>	<i>ныбырт</i>	<i>јымырыт</i>	-	-	-	черемуха	
<i>суйба</i>	<i>суйба</i>	<i>суйба</i>	<i>суйба</i>	<i>сыйма</i>	-	<i>сыймала</i>	-	ощупывать	
						<i>сыйпала</i>			

Таблица 11

Развитие древнего *а* в *ы* в тофаларском языке

тоф.	тув.	як.	хак.	шор.	алт.	кирг.	др.-тюрк.	языки значение
қымшы	кымчы	кымньыты	хамчы	камчы	камчы	камчы	qetçi	плеть
һылба	хылба	-	халба	қалба	қалма	-	-	черемша
һылын	кылын	халын	халын	калын	калын	калын	qalın	толстый
һырын	хырын	харын	харын	карын	карын	карын	qarın	желудок
сыстық	сыртық	сыттық	частых	частық	жастық	жастық, жаздық	jastıq	подушка
тыъп=//	тып=	тап=	тап=	тап=	тап=	тап=	tap=	находить
туъп=								
тыърт=	тыърт=	тарт=	тарт=	тарт=	тарт=	тарт=	tart=	тянуть
тыреақ	дыреак	тараах	тараах	тарак	тарагаши	тарак	tarıaq	гребень
чылга=	чылга=	салаа=	чалга=	чалга=	жала=	жала=	jalya=	лизать
чыъп=	шып=	сап=	чап=	чап=	жап=	жап=	jap=	накрывать
чыъпшын=	чытшын=	сыһын=	чапсын=	чапшын=	жапшын=	жабып=	japşın=	прилипать
чыры=	чыры=	сырдаа=	чары=	чаары=	жары=	жары=	jary=	светить
чысқы=	часка=	-	-	-	-	жаска=	jasyaş-	замахиваться

В тофаларском языке фарингализация несет полную фонологическую нагрузку лишь в одно-сложных словах, когда следующий за фарингализованным гласным согласный стоит в ауслауте. Поэтому в тофаларских глаголах фарингализация наиболее явно слышится в повелительных формах (типа *аък*, даже *аъ^хк* «теки», *соък* ~ *соъ^хк* «бей», *чыъп* «закрой» и т.п.), в то время как в тувинском языке в повелительных формах таких глаголов фарингализация факультативна²¹³. Но совершенно иную функциональную нагрузку получает фарингализация в тофаларском языке, когда конечный согласный основы слова попадает в интервокальное положение. В этих случаях, если продолжить разбор на примерах *ас-* «заблудиться» и *аъс-* «вешать», различие будет проводиться следующим образом: *ас-* → *азар* ~ *асар* «заблудится», но *аъс-* → *аъсар* ~ *аъссар* «повесит», т.е. словоформы различаются не только фарингализацией гласного, но и качеством согласного: слабый согласный противопоставлен сильному. Иначе говоря фонологическая нагрузка в такого рода случаях распределена поровну между фарингализацией гласного и качеством согласного. Аналогичная картина наблюдается и в словах с конечным *т*, например: *ат* «имя» - *ады* ~ *аты* «его имя», но *аът* «конь» - *аъты* ~ *аътты* «его конь» и в случаях с другими согласными, например, *баиш* «язва» - *бачы* «его язва», но *баъиш* «голова» - *баъхи* «его голова», т.е. и здесь выдерживается принцип разного качества согласного в интервокальном положении.

В тувинском же языке слова в таких случаях полностью различаются только фарингализацией, ср. *ас-* «заблудись» → *азар* «заблудится», *аъс-* «повесь» → *аъзар* «повесит», *баъиш* «голова» → *баъжы* «его голова», *баиш* «язва» → *бажы* «его язва». Таким образом, процесс озвончения согласных в интервокальном положении, проводимый в тувинском языке неукоснительно, не вызывает излишней омонимии, т.к. ее устраняет фарингализация. Иначе говоря, фарингализация в тувинском языке в таких случаях несет полную фонологическую нагрузку.

Принципиально иную картину наблюдаем в аналогичных случаях в других тюркских языках Саяно-Алтая, где в интервокальном положении такие пары слов совершенно не различаются, т.е. *ат* «имя» → *ады* «его имя» и *ат* «конь» → *ады* «его конь»; *ас* «заблудись» → *азар* «заблудится» и *ас* «повесь» → *азар* «повесит». Различаются эти омоформы исключительно контекстом.

Таким образом, тувинский язык здесь занимает как бы промежуточное положение, имея звонкий инлаут, как алтайский, хакасский и шорский языки, и в то же время фарингализацию гласного, как тофаларский. Тофаларский же язык стоит особо, имея в инлауте кроме фарингализации еще различие в качестве согласных. Более наглядно всю специфику этих отношений можно проиллюстрировать нижеследующей схемой, показывающей типы корреляций на примере слов *аз-* и *ас-*.

I тип	
*аз- > ас- → азар	алтайский, хакасский, шорский языки
*ас- > ас- → азар	
II тип	
*аз- > ас- → азар	тувинский язык
*ас- > аъс- → аъзар	
III тип	
*аз- > ас- → азар ~ асар	тофаларский язык.
*ас- > аъс- → аъсар ~ аъссар	

Относительно уйгуро-урянхайского языка в данном случае трудно сделать какие-либо обобщения ввиду отсутствия достаточных материалов, но отдельные имеющиеся примеры, такие как *а'т* «конь» - *а'тiм* «мой конь», но *ат* «имя» - *ада* «называй», свидетельствуют скорее о близости уйгуро-урянхайского языка к тофаларскому, нежели к тувинскому.

Следующей деталью, отличающей тофаларский вокализм от тувинского, является наличие в тофаларском языке долгого гласного *эа* вместо тувинского *ээ* в непервых слогах. Например: тоф. *бирэа* «один» - тув. *бирээ*, тоф. *хүдэа* «зять» - тув. *күдээ*, тоф. *эзээр* «зевать» - тув. *эзээр*, тоф. *элээр*

²¹³ См.: Бичелдей К.А. Чередование фарингализованных и нефарингализованных гласных в некоторых формах глаголов. – В кн.: Фонетические исследования по сибирским языкам. (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1980, с. 98-106.

«трезвый» - тув. *элээр*, тоф. *эгээлээр* «точить напильником» - тув. *эгээлээр* и т.п. Такой гласный отсутствует и в хакасском языке, как и в других тюркских языках Саяно-Алтая. Нет о нем упоминания и в уйгуро-урянхайском языке.

Существенным отличием тофаларского языка в области вокализма является, кроме произнесения долгого *әә* вместо *ээ*, также особое явление опереднения твердорядных гласных²¹⁴ (явление типа умлаута), нарушающее в тофаларском языке строгий сингармонизм. Так, под влиянием среднеязычного *й* в долготных комплексах *-гйг-* (гласный + *й* + гласный) образуется опередненный долгий гласный или дифтонг. Например: комплекс *айы* дал *ээ*, *эй* (тоф. *чээнды* «наледь» - тув. *чайынды*, тоф. *һээнды* «вскипел» - тув. *хайынды*), комплексы *ойы*, *ойу* дали *өө*, *өэ* (тоф. *мөөн* ~ *мөөн* «шея» - тув. *моюн*, тоф. *өөн* ~ *өөн* «игра» - тув. *оюн*), комплекс *уйу* дал *үү* (тоф. *үүдар* «грустить» < **уйудар* < монг. *уйидаху*, тоф. *бүү* «его пах» < **буйу* < *буй* «пах»), комплекс *ыйы* дал *ии* (тоф. *миис* «рога» - тув. *мыйыс*, тоф. *миит* «ленок» - тув. *мыйыт*, тоф. *һишигыры* «наискось» - тув. *хыйыгыры*), комплекс же *уйы*, как и *айы* тоже очень часто встречающийся на стыке морфем, особенно в глаголах, дал долгий *ии* или дифтонг *йи* (тоф. *чорйи берген* «уехал» < **чоруйы берген*, ср. тув. *чоруй берген*, тоф. *чүи берген* «вымыл» < **чуйы берген*, ср. тув. *чуй берген*).

Эта тенденция появления опередненных долгих или дифтонгов на месте твердорядных долготных комплексов не знает в тофаларском языке исключения и проявляется автоматически, едва на стыке морфем образуется такой комплекс. Так, например, только по этой причине аффикс отрицательного деепричастия *-байн* (< *-бай* + *ын* инструментальный падеж) всегда звучит и в твердорядных словах как *-бейн*, не отличаясь от его мягкорядного варианта *-бейн* (напр. тоф. *барбейн* «не идя» - *бербейн* «не давая», ср. тув. *барбайн* - *бербейн*; тоф. *артпейн* «не оставаясь» - *эртпейн* «не проходя», ср. тув. *артпайн* - *эртпейн* и т.п.).

Данное явление, не имеющее аналогий в тюркских языках, поразительно напоминает однотипное развитие твердорядных долготных комплексов с *й* и дифтонгов с *й* в опередненные монофтонги и дифтонги в говорах западных бурят, территориально близких тофаларам, и в языке западных монголов, в том числе и калмыков. Например: зап.-бур., калм. *әә* «бойся» < *ай*; зап.-бур., калм. *өө* «лес» < *ой*; зап.-бур. *арәә*, калм. *әрә* «едва» < *арай*; зап.-бур. *бәәха*, калм. *бәәхы* «быть» < *байиха* и т.п. Вполне допустимо предположить, что эта тенденция к опереднению дифтонгов развилась в тофаларском под влиянием языка западных бурят.

Происходит в тофаларском языке и опереднение кратких (чистых и фарингализованных) гласных под влиянием соседних среднеязычных и палатализованных согласных. Например: тоф. *чеш* (< **чаиш*) «новорожденный», ср. тув. *чаиш* «младенческий; молодой»; тоф. *чеъиш* (< **чаъиш*) «волосы на голове», ср. тув. *чаъиш* «женская коса», тоф. *неш* (< **няиш* < **ыняиш*) «дерево; дрова», ср. тув. *ыяиш*; тоф. *неньчық* (< **няньчық* < *нян* «бок»/«маленькая сумочка для мелких вещей», ср. тув. *чанчық* «кисет, футлярчик» < *чан* «бок»; тоф. *шэй* (< **шай*) «чай», ср. тув. *шай*.

Проявляющиеся массово, указанные выше отличия в области вокализма придают тофаларскому языку заметное своеобразие, выделяя его из соседних тюркских языков.

Таким образом, как показывает сравнительный анализ, вокализм тофаларского языка по своим основным признакам совпадает с тувинским и уйгуро-урянхайским и резко отличается от хакасского, а также от вокализма других тюркских языков Саяно-Алтая. В то же время в вокализме тофаларского языка имеется ряд существенных отличий и от тувинского вокализма.

2. Особенности тофаларского консонантизма

Согласные тофаларского языка в общих чертах соответствуют тем согласным, которые представлены в древнетюркском языке и других тюркских языках²¹⁵, ср. например: тоф. *қара* «черный» - др.-тюрк. *qara*; тоф. *баъи* «голова» - др.-тюрк. *baš*; тоф. *тар* «узкий» - др.-тюрк. *tar*; тоф. *таг* ~ *даг* «гора» - др.-тюрк. *taγ*; тоф. *узун* «длинный» - др.-тюрк. *uzun*; тоф. *қызыл* «красный» - др.-тюрк. *qizil* и т.п. Общетюркских элементов и явлений мы здесь касаться не будем. Остановимся лишь на отдельных особенностях тофаларского консонантизма, имеющих классификационный характер.

Так, основным характерным признаком системы тофаларского консонантизма, по которому

²¹⁴ Поскольку опереднение твердорядных гласных в уйгурском языке носит иной характер, мы его здесь не рассматриваем.

²¹⁵ Подробнее о составе пратюркского консонантизма и о его рефлексах в современных тюркских языках см.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков..., с. 158-174.

она организована, является фонологическая корреляция шумных согласных, противопоставленных сонантам, не по принципу глухости-звонкости, а по силе и слабости, о чем нами подробно говорилось в 1-й главе данной работы.

Подобная система оппозиции шумных по силе и слабости отмечается, кроме тофаларского, еще также в тувинском и азербайджанском языках²¹⁶. Нас в данном случае интересует больше тувинский язык, как относящийся к тюркским языкам саяно-алтайского региона. Из всех тюркских языков Сибири, в том числе и Саяно-Алтая, оппозиция согласных по силе и слабости представлена лишь в тофаларском и тувинском языках. В других тюркских языках этого региона бытует оппозиция по глухости-звонкости. Таким образом, здесь тофаларский язык объединяется с тувинским.

Однако, если сопоставим реализацию в речи этой оппозиции у указанных двух языков, то увидим существенную разницу. Так, в тувинском языке сильные и слабые согласные противопоставляются лишь в анлауте, например: тув. *нар*²¹⁷ «тигр» - *бар* «имеется»; *наш* «котел» - *баш* «голова»; *най* «летающая мишень» - *бай* «богатый»; *тараа* «зерно» - *дараа* «следующий»; *тус* «отдельный» - *дус* «соль» и т.п. Для инлаута и ауслauta характерны только слабые. В интервокальном положении и после сонорных – их звонкие варианты, а в сочетании с другими шумными – глухие варианты. Попав при морфологическом изменении слова в интервокальное положение, этот конечный глухой слабый всегда озвончается. Например: тув. *ат* «имя» - *ады* «его имя», *аьт* «лошадь» - *аьды* «его лошадь», *аат* «качай ребенка» - *аадар* «будет качать ребенка», *баьш* «голова» - *баьжы* «его голова», *ас* «заблудись» - *азар* «заблудится», *аьс* «повесь» - *аьсар* «повесит», *хақ* «ударь» - *қағар* «ударит» и т.п. Закономерность озвончения такова: *с* дает *з*, *ш* – *ж*, *т* – *д*, *к* – *г*, *п* – *в* (через *б*) и т.п. Фарингализация гласных при этом ничуть не влияет на поведение согласных.

Тофаларский же язык обнаруживает иную систему согласных. Хотя в нем и представлены шумные (сильные и слабые) и сонанты (сверхслабые), но организованы они в систему совсем по иному принципу. Здесь в анлауте, можно сказать, нет противопоставления сильных и слабых согласных. Выявились буквально единицы слов с оппозицией анлаутных консонантов, например, таких как *наш* «котел» - *баш* «болячка», *таң* «нет, не знаю» - *даң* «утренняя заря». В основном же в начале слов представлены всегда либо глухие сильные (никогда не озвончающиеся даже при попадании в интервокальное положение и после сонантов), как например *сен* «ты», *сан* «число», *шэй* «чай», *шуруш* «щука» и т.п., либо слабые, которые могут выступать как в глухих, так и в полувзвонких и звонких вариантах, например: *палық* ~ *балық* «рыба», *тээрi* ~ *дээрi* «небо», *таш* ~ *даш* «камень», *қан* ~ *ган* «кровь», *кеьш* ~ *геьш* «шкура», *чер* ~ *чер* «земля», *чыл* ~ *чыл* «год». Есть ряд слов, которые употребляются всегда с глухими (видимо, сильными) анлаутными согласными *т*, *п*, *ч*, не имея при этом своих квазиомонимов со слабыми анлаутными *д*, *б*, *ц*. Явление это, вероятно, исторического характера.

Оппозиция же сильных и слабых согласных в тофаларском языке, причем такая, на которой основана вся система тофаларского консонантизма, наблюдается в конце корневых основ. Сохраняется она и при попадании этих согласных в интервокальное и постсонантное положение на стыке морфем. При этом сильные согласные всегда сопровождаются фарингализованными гласными перед ними, а слабые чистыми краткими и долгими. Например: *қат* «ягода» - *қаьт* «слой»; *қас* «гусь» - *қаьс* «щелкай орехи»; *қадық* ~ *қатық* «здоровье» - *қаьтыг* «крепкий»; *ақ* «белый» - *аьқ* «теки». Особенно явственно это противопоставление слабых сильным проявляется в интервокальном положении, где сильные *т*, *с*, *п* никогда не озвончаются, сохраняют свою глухость и силу, которая приводит их здесь даже к геминатам, а слабые могут колебаться от звонких до полувзвонких и глухих оттенков, что зависит от индивидуального произношения, например: *қаты* ~ *қады* «его ягода» - *қаьты* ~ *қаьтты* «его слой»; *қадыы* ~ *қатыы* «его здоровье» - *қаьтыы* ~ *қаьттыы* «его крепость»; *азар* ~ *асар* «заблудится» - *аьсар* ~ *аьссар* «повесит»; *қаны* ~ *қабы* «его мешок» - *сыьпы* ~ *сыьфы* «его рукоятка».

Относительно оппозиции по силе и слабости или по глухости и звонкости в уйгуро-уряньхайском языке в литературе отсутствуют какие-либо указания. Но если судить по тому, что в

²¹⁶ Подробнее см.: Исхаков Ф.Р., Пальмбах А.А. Указ. соч., с. 50-51, 71-72, 76; Щербак А.М. Указ. соч., с. 88-89.

²¹⁷ Согласно принятым для тувинского языка нормам орфографии сильные придыхательные согласные обозначены русскими буквами, принятыми для глухих согласных, а слабые непридыхательные полувзвонкие – буквами, принятыми для звонких согласных.

инлауте после сонантов и между гласными в уйгуро-урянхайском языке представлены глухие согласные, особенно же стоящие после фарингализованных, что напоминает положение в тофаларском языке, а не в тувинском, где во всех подобных случаях стоят звонкие слабые, то и в уйгуро-урянхайском должна существовать система согласных типа тофаларской, где сильные и слабые противопоставляются в инлауте и ауслауте. Примеры: уйг.-ур. *alton* «шестьдесят» (ср. тоф. *аълтон*, тув. *алдан* id.); уйг.-ур. *a'tim* «мой конь» (ср. тоф. *аътым*, тув. *аъдым* id.); уйг.-ур. *asirandī* «няня» (ср. тоф. *аъсыранды*, тув. *азыранды* «приемный»); уйг.-ур. *osal* «небрежность» (ср. тоф. *оъсал*, тув. *озал* «медлительный»); уйг.-ур. *siltis* «звезда» (ср. тоф. *сыълтыс*, тув. *сылдыс* id.); уйг.-ур. *bütün* «целый» (ср. тоф. *бүътүн*, тув. *бүдүн* id.).

Подобная же оппозиция типа тувинской и тофаларской, когда противопоставляются сильные и слабые, представлена еще в желто-уйгурском и саларском языках, в которых перед сильными придыхательными согласными тоже появляется некое подобие аспирации у гласных, напоминающее фарингализацию тофаларского и тувинского языков. Так, С.Е. Малов отмечал, что в языке желтых уйгуров все сильные звуки произносятся с явным придыханием: *q* – '*q*', *k* – '*k*', *n* – '*n*', *m* – '*m*', *ç* – '*ç*'²¹⁸. Он, в частности, писал: «...*om* «трава» произносится совсем как *охт*, если это слово произносить с меньшей инкурсией (и долгим гласным) то это будет значить «огонь». Ср. якутск.: *om* «трава» и *yom* «огонь»... Слово *am* «лошадь» произносится с сильным придыханием, как бы *ахт*, слово же *am* «имя» - с обычной меньшей инкурсией... Придыхания при сильных звуках – крупная особенность языка желтых уйгуров, подобное явление отчасти отмечено еще только в тувинском языке»²¹⁹.

Так же характеризует консонантизм желто-уйгурского и саларского языков Э.Р. Тенишев, который отмечал сходство этих языков в том, что у них представлена система противопоставления согласных по наличию или отсутствию аспирации. Он пишет об этих согласных: «Придыхательные согласные – сильные глухие звуки, не озвончающиеся в любой позиции слова. Непридыхательные согласные относятся к слабым глухим, звонкость которых колеблется, иногда почти доходя до полной»²²⁰.

Хотя оппозиция согласных по силе и слабости одинаково характеризует все эти четыре языка: тувинский, тофаларский, желто-уйгурский и саларский, реализуется же она по-разному. Так, в тувинском языке она проявляется только в анлауте, в тофаларском главным образом в инлауте и ауслауте, а в последних двух языках – во всех позициях слова.

Подобную же систему согласных, не различавшую глухих и звонких, поскольку была построена по иному принципу, по принципу желто-уйгурского и саларского языков, Э.Р. Тенишев восстанавливает и для языка древнеуйгурского письма восточного ареала и частично для рунической письменности²²¹. Этот вывод кажется убедительным. В этой связи отмеченные системы тувинского и тофаларского языков следует считать рудиментами той древнеуйгурской системы согласных, которая была унаследована предками тувинцев и тофов от древних уйгуров восточного ареала.

Другой крупной классификационной особенностью консонантизма тофаларского языка является развитие древнего анлаутного *j*. Как известно, на его месте в тюркских языках представлен большой набор согласных: *й, ж, дж, з, ч, дь, с, с'*, что подробно было освещено А.М. Щербакком²²². В тофаларском языке в массе своей на месте древнего *j* представлен согласный *ç*, который в зависимости от комбинаторных условий может озвончаться в *ç*, что говорит о его слабости. О массовости соответствия *j* – *ç* свидетельствует то, что в «Словаре тофаларского языка», составленном нами, слова с начальным *ç* насчитывают свыше 1200 единиц. Для иллюстрации этого процесса замены начального *j* мы приводим в таблице 12 ряд тофаларских слов в сравнении с другими тюркскими языками.

Из таблицы видно, что тофаларский язык дает на месте *j* глухой согласный *ç*, как и тувинский, хакасский и шорский языки. Алтайский язык выпадает из этой группы.

При широком сравнении лексики тофаларского языка с другими тюркскими языками обнару-

²¹⁸ См.: Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, : Изд-во АН Каз ССР, 1957, с. 163.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ См.: Тенишев Э.Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу. – В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков, том 3. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1963, с. 124.

²²¹ См.: Тенишев Э.Р. Указ. соч., с. 132, 134.

²²² См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 159-161.

жилося, что появление *ч* на месте *ј* в анлауте не обладает универсальностью, как в тувинском языке. Оказалось, что довольно большое количество тофаларских слов (по данным нашего словаря их насчитывается свыше 200) имеет в анлауте на месте древнего *ј* и тувинского *ч* смычный носовой среднеязычный сонант *нь*. Это хорошо видно из таблицы 13, в которой мы сопоставили ряд тофаларских слов, имеющих *нь*, с другими тюркскими языками.

Таблица 12

Соответствие *ч* древнему *ј* в анлауте

Языки	Значение слов							
	весна	есть	мыть	нет	земля	сто	крыть	жи
тоф.	<i>час</i>	<i>чи-</i>	<i>чу-</i>	<i>чок</i>	<i>чер</i>	<i>чүс</i>	<i>чыгп-</i>	<i>чаг</i>
тув.	<i>час</i>	<i>чи-</i>	<i>чуг-</i>	<i>чок</i>	<i>чер</i>	<i>чүс</i>	<i>шып-</i>	<i>чаг</i>
хак.	<i>час</i>	<i>чи-</i>	<i>чуг-</i>	<i>чох</i>	<i>чир</i>	<i>чүс</i>	<i>чап-</i>	<i>чаг</i>
шор.	<i>час</i>	<i>чи-</i>	<i>чун-</i>	<i>чок</i>	<i>чер</i>	<i>чүс</i>	<i>чап-</i>	<i>чаг</i>
алт.	<i>јас</i>	<i>ји-</i>	<i>јун-</i>	<i>јок</i>	<i>јер</i>	<i>јүс</i>	<i>јап-</i>	<i>ју</i>
як.	<i>саас</i>	<i>сиэ-</i>	<i>сууй-</i>	<i>суох</i>	<i>сир</i>	<i>суус</i>	<i>сап-</i>	<i>сыа</i>
кирг.	<i>жаз</i>	<i>же-</i>	<i>жуу-</i>	<i>жок</i>	<i>жер</i>	<i>жүз</i>	<i>жап-</i>	<i>жов</i>
каз.	<i>жаз</i>	<i>же-</i>	<i>жу-</i>	<i>жок</i>	<i>жер</i>	<i>жүз</i>	<i>жап-</i>	-
уйг.	<i>йаз</i>	<i>йэ-</i>	<i>жуй-</i>	<i>йоқ</i>	<i>йэ(р)</i>	<i>йүз</i>	<i>йап-</i>	<i>йағ</i>
тур.	<i>yas</i>	<i>ye=</i>	<i>yika=</i>	<i>yok</i>	<i>yer</i>	<i>yüz</i>	<i>yap=</i>	<i>yağ</i>
др.-тюрк.	<i>jaz</i>	<i>je=</i>	<i>ju=</i>	<i>jok</i>	<i>jer</i>	<i>jüz</i>	<i>jap=</i>	<i>jaγ</i>

Таблица 13

Соответствие *нь* древнему *ј* в анлауте

Языки	Значение слов					
	новый	рукав	толстый	бок	один	щека, челюсть
тоф.	<i>няа</i>	<i>нең</i>	<i>нёон</i>	<i>нян</i>	<i>нюңгус</i>	<i>няак</i>
тув.	<i>чаа</i>	<i>чең</i>	<i>чоон</i>	<i>чан</i>	<i>чаңгыс</i>	<i>чаак</i>
хак.	<i>наа</i>	<i>ниң</i>	<i>чоон</i>	<i>нан</i>	<i>чалгыс</i>	<i>наах</i>
шор.	<i>наа</i>	<i>нишк</i>	<i>чоон</i>	<i>нан</i>	<i>чагыс</i>	<i>наак</i>
сев.-алт.	<i>ньяңы</i>	<i>нең</i>	<i>ньоон</i>	<i>нъан</i>	<i>ньяңыс</i>	<i>јаак</i>
юж.-алт.	<i>јаңы</i>	<i>јең</i>	<i>јоон</i>	<i>јан</i>	<i>јаңыс</i>	<i>јаак</i>
як.	<i>саңа</i>	<i>сиэх</i>	<i>суон</i>	-	<i>соготох</i>	<i>сыңаах</i>
кирг.	<i>жаңы</i>	<i>жең</i>	<i>жоон</i>	<i>жан</i>	<i>жаңгыз</i>	<i>жаак</i>
каз.	<i>жаңа</i>	<i>жең</i>	<i>жуан</i>	-	<i>жалгыз</i>	<i>жақ</i>
уйг.	<i>йеңи</i>	<i>йэң</i>	<i>йоган</i>	<i>йан</i>	<i>йалгуз</i>	<i>йаңақ</i>
тур.	<i>yepi</i>	<i>yep</i>	<i>yogun</i>	-	<i>yalniz</i>	<i>yapak</i>
др.-тюрк.	<i>jañi</i>	<i>jeñ</i>	<i>joun</i>	<i>jan</i>	<i>jalñuz</i>	<i>jañaq</i>

Из таблицы можно видеть, что процесс развития носового согласного на месте *ј* захватил не только тофаларский, но и хакасский и шорский языки и северные алтайские диалекты (тубаларский, челканский и кумандинский)²²³. Только в хакасском и шорском представлен переднеязычный твердый *н*, а в северных диалектах алтайского языка такой же среднеязычный *нь*, что и в тофаларском. А.М. Щербак высказал правильное по нашему мнению предположение, что появление *н* в этих словах вызвано ассимилятивным воздействием носовых гласных, представленных или бывших когда-то здесь²²⁴. Появление среднеязычного носового сонанта *нь* в анлауте на месте древнего *ј*, а также *ч*, *ж*, *дь*, *с* других тюркских языков связано, по нашему убеждению, со среднеязычной артикуляцией тофаларской анлаутной аффрикаты *ч~ч* (< **ј*), имеющей также варианты в виде смычного ротового среднеязычного *дь* и щелевого ротового среднеязычного *й* (например, на месте древнего тюркского *bujil* «этот год» тофы произносят *бо чыл* ~ *бо дьыл* ~ *бо йыл*), и влиянием общей назализованности произношения, которая в древности в тофаларском языке была, ви-

²²³ Подробнее о переходе анлаутного *ј* в *п*, *п* в тюркских языках и диалектах см.: Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 162.

²²⁴ См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 160.

димо, еще сильнее. Именно сильное назализованное произношение среднеязычного аллофона *дь* и могло дать среднеязычный же смычный *нь*. Об этом мы уже писали²²⁵.

Наличие *нь~н* вместо *ч, ж, дж, с (< *j)* проходит ареальной полосой по тюркским языкам Саяно-Алтая – тофаларскому, хакасскому, шорскому и северным алтайским диалектам²²⁶. При этом в хакасском и шорском *нь* перешел уже в переднеязычный носовой *н*, а в северных алтайских диалектах он сохраняет свой среднеязычный характер и произносится в виде *нь*, что и поддерживается среднеязычной артикуляцией начальной аффрикаты *дь (< *j)* в других словах, из которой он и развился. Примером *н* могут послужить шор. *нан*, хак. *нан*, сев.-алт. *ньан*, тоф. *нян*, которым соответствуют тув. *чан*, кирг. *жан*, др.-тюрк. *jan* «вернись».

Кроме того, оказалось еще, что несколько слов имеют в анлауте на месте древнего *j* свистящий глухой сибилант *с*, как это наблюдается в якутском языке. Это хорошо видно из нижеследующей таблицы.

Таблица 14

Соответствие *с* древнему *j* в анлауте

Языки	Значение слов				
	звезда	корень	подушка	наперсток	брести по воде
тоф.	<i>сылтыс</i>	<i>сылтыс</i>	<i>сыстық</i>	<i>сүксүк</i>	<i>сүс-</i>
тув.	<i>сылдыс</i>	-	<i>сыртык</i>	<i>чүскүк</i>	<i>сүс-</i>
хак.	<i>чылтыс</i>	-	<i>частых</i>	-	<i>сүс-</i>
шор.	<i>чылтыс</i>	<i>чылтыс</i>	<i>частык</i>	-	-
алт.	<i>жалдыс</i>	-	<i>жастык</i>	-	<i>jүс-</i>
як.	<i>сулус</i>	<i>силис</i>	<i>сыттык</i>	<i>сүүтүк</i>	-
кирг.	<i>жылдыз</i>	-	<i>жастык</i>	-	<i>жүз-, сүз-</i>
каз.	<i>жүлдыз</i>	-	<i>жастық</i>	-	<i>жүз-</i>
уйг.	<i>йүлүз</i>	<i>йилтиз, жилтиз</i>	<i>йастық</i>	-	<i>үз-</i>
тур.	<i>yıldız</i>	-	<i>yastık</i>	<i>yüksük</i>	<i>yüz=</i>
др.-тюрк.	<i>julduz</i>	<i>jüldiz</i>	<i>jastıq</i>	<i>jüksäk</i>	<i>jüz=</i>

Как видно из таблицы, появление *с* на месте *j* характерно из языков Саяно-Алтая двум языкам: тофаларскому и тувинскому. Относительно слова *сүс-* «бродить по воде» нет окончательной уверенности, что оно восходит к *jüz=*, т.к. киргизский язык дает две формы *жүз-* и *сүз-* и обе со значением «плавать». Возможно, что саяно-алтайское *сүс-* реликт киргизской формы *сүз-*, но возможно и наоборот. Во всяком случае о первых четырех словах можно без всякого сомнения говорить, что здесь *с* на месте *j*. Причины такого явления пока остаются непонятными. Может быть это реликт какого-то очень древнего процесса, давшего в якутском языке *с*, а также в чувашском *с* (ср. чув. *çiltir* «звезда», *çёр* «земля», *çыр-* «писать») на месте *j*. Кроме того, с этим процессом, видимо, связано появление *с* на месте *ч ~ ш* в сагайском диалекте хакасского языка (ср. саг. *сас* «волосы», тоф. *чеши*, шор. *шаш*, алт. *чач*, кирг. *чач*, др.-тюрк. *saç*; саг. *сап-* «бить», тув. *шап-*, шор. *шап-*, алт. *чап-*, кирг. *чап-*, др.-тюрк. *çap=*). Такой же перебой *с~ч~ш* можно наблюдать в единичных словах и в других языках Саяно-Алтая, например: тоф. *чырымһа* «болонь» - тув. *шырыңма*, шор. *сырыңма* «пленка»; алт. *чымыра-*, кирг. *жымыра-* - тоф. *сымыра-*, тув. *сымыран-*, хак. *сыбыра-*, шор. *сыбра-* «шептать»; алт. *чырбык* – тув. *сырбык* «белка». Это свидетельствует, что данный процесс когда-то был распространен шире. Может быть с ним связано и появление на месте *ш* свистящего *с* в кыпчакских и частично в желто-уйгурском (см. хак. *пис*, як. *биэс*, ж.-уйг. *пес*, *піс*, *пеиш*, каз., ног. *бес* – др.-тюрк. *beš*, тоф., тув., алт., кирг. *беиш*, шор. *пеиш* «пять»; хак. *пас*, як., каз., ног. *бас* – др.-тюрк. *baš*, тоф., тув. *баъш*, алт., кирг. *баиш*, ж.-уйг. *n'аш* «голова»).

Поскольку в литературе отсутствуют прямые указания о том, какие согласные выступают в уйгуро-урянхайском языке на месте древнего *j*, обратимся к примерам, которые не обнаруживают единой тенденции в этом процессе. Так, например, у Л. Болда находим такие уйгуро-урянхайские

²²⁵ См.: Рассадин В.И. Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка. – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы конференции. Томск, 1976, с. 57-60.

²²⁶ Диалект тувинцев-тоджинцев, несмотря на близость в некоторых чертах к тофаларскому языку, не имеет *нь* в анлауте. В этих словах у них появляется *й*, о чем см.: Чадамба Э.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 42.

слова: *zer* «земля», *zús* «сто», *zag* «жир», *siltis* «звезда», *nā* «новый». При этом следует учесть, что знаком *z* он обозначает звук, близкий к монгольскому *dz*, т.к. на монгольское восприятие среднеязычная аффриката *дь*, представленная, видимо, в уйгуро-урянхайском языке, ассоциируется с *dz*. Поэтому мы можем предположить, что в уйгуро-урянхайском языке на месте древнего анлаутного *j* тоже появились *дь* (вместо *ч* тофаларских и тувинских), носовой *n* и сибилант *s*, что напоминает именно тофаларский язык.

Другой особенностью тофаларского языка, которая вместе с тувинским языком резко отличает его от других тюркских языков Саяно-Алтая и вообще Сибири, является наличие звонкого *д* в анлауте вместо глухого *т* других языков. Этот признак вообще является характерным для огузских языков. Как считает А.М. Щербак, появление *д* и *т* на месте исходного **m* в огузских и тувинском языках есть результат независимой дивергенции **m* под влиянием тенденции ослабления анлаута в тюркских языках, в результате чего развился *д* из **m*, а также *г* из **k*, *б* из **n*²²⁷. Все это представлено и в тофаларском языке. Ср., например, развитие **m* тоф. *д* на примерах из следующей таблицы.

Таблица 15

Языки	Значение слов					
	четыре	гора	язык	гнедой	шуба	заря
тоф.	<i>дөрт</i>	<i>даг</i>	<i>дыл</i>	<i>доруг</i>	<i>дон</i>	<i>даң</i>
тув.	<i>дөрт</i>	<i>даг</i>	<i>дыл</i>	<i>доруг</i>	<i>тон</i>	<i>даң</i>
хак.	<i>төрт</i>	<i>таг</i>	<i>тил</i>	<i>торыг</i>	<i>тон</i>	<i>таң</i>
шор.	<i>төрт</i>	<i>таг</i>	<i>тил</i>	-	<i>тон</i>	-
алт.	<i>төрт</i>	<i>туу</i>	<i>тил</i>	<i>тору</i>	<i>тон</i>	<i>таң</i>
як.	<i>түөрт</i>	<i>тыа</i>	<i>тыл</i>	<i>турагас</i>	<i>сон</i>	<i>тың</i>
кирг.	<i>төрт</i>	<i>тоо</i>	<i>тил</i>	<i>тору</i>	<i>тон</i>	<i>таң</i>
каз.	<i>төрт</i>	<i>тау</i>	<i>тил</i>	<i>торы</i>	<i>тон</i>	<i>таң</i>
уйг.	<i>төрт</i>	<i>таг</i>	<i>тил</i>	<i>торуқ</i>	<i>тон</i>	<i>таң</i>
тур.	<i>dört</i>	<i>dağ</i>	<i>dil</i>	<i>doru</i>	<i>don</i>	<i>tan</i>
др.-тюрк.	<i>tört</i>	<i>taγ</i>	<i>til, tīl</i>	<i>torıy</i>	<i>ton</i>	<i>taŋ</i>

Что касается развития исходного **k* в анлауте, то здесь происходило следующее: **k* дал в одних случаях слабый *k~ç*, в других случаях фарингальный спирант *h*. Причем причины, почему в одних словах развился *h*, а в других *k*, пока установить не удастся. В тувинском языке произошло однотипное явление, здесь тоже **k* дал *k* и *x*. При этом не всегда совпадают тоф. *h* и тув. *x*, часто обнаруживается независимое развитие **k* в *h* и *x*. Это хорошо видно на примерах из таблицы 16. Из других тюркских языков процесс спирантизации **k* захватил еще хакасский язык, но здесь *x* развился только в твердорядных словах, а в мягкорядных сохраняется. Нечто подобное наблюдается и в якутском языке. Таким образом, можно заключить, что некогда в этом ареале Саяно-Алтая действовала тенденция ослабления анлаута, причем проявилась она по-разному в разных языках и в тофаларском языке она развивалась самостоятельно, независимо от тувинского и хакасского.

В уйгуро-урянхайском языке тоже, видимо, происходило ослабление анлаута и поэтому в нем обнаруживаются в начале слов звонкие *b, d, g*, например: уйг.-ур. *bolot, bulat* «облако», ср. тоф., тув., алт. *булут*, хак., шор. *пулут*, др.-тюрк. *bulut*; уйг.-ур. *balag* «рыба», ср. тоф., тув., алт. *балық*, хак. *палых*, шор. *палық*, др.-тюрк. *balıq*; уйг.-ур. *dīy* «белка», ср. тоф. *диң*, тув. *диң*, алт., хак., шор. *миң*, др.-тюрк. *tejin*; уйг.-ур. *do ʔrt* «четыре», ср. тоф., тув. *дөрт*, хак., шор., алт. *төрт*, др.-тюрк. *tört*; уйг.-ур. *gara* «черный», ср. тоф. *қара ~ гара*, тув. *кара*, хак. *хара*, шор., алт. *кара*, др.-тюрк. *qara*; уйг.-ур. *gör* «смотри», ср. тоф. *көр ~ гөр*, тув. *көр*, хак., шор., алт. *көр*, др.-тюрк. *kör*. Таким образом, своим звонким и анлаутом уйгуро-урянхайский язык примыкает к тофаларскому и тувинскому, а наличием звонкого *g* на месте **k* напоминает скорее тофаларский язык, чем тувинский.

Спирантизация **k* в *h* в остальных позициях слова, точнее в инлауте, захватила тофаларский язык в большей степени, нежели другие языки Саяно-Алтая. В тофаларском языке древний *k~q*, стоящий в интервокальном положении, дал *h*, этот же *h* очень часто, почти всегда, появляется и

²²⁷ См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 90-95.

на месте *k~q*, стоящего после сонорных согласных. Но после глухих согласных и перед ними *k~q* сохраняется. Все эти процессы хорошо видны на примерах из таблицы 17. Из нее также видно, что в тувинском языке *k~q* дал *г, к, й*, а между гласными иногда и выпадает. В хакасском дает *г – г, х*, в шорском *г*, иногда *кк*, а в алтайском сохраняется в виде *к*, иногда дает звонкий *г*. То есть и здесь мы не обнаруживаем единой картины. Видно лишь, что тофаларский язык довольно последовательно дает и в анлауте, и в инлауте на месте *k~q* один и тот же *h*.

Единичные примеры из уйгуро-урянхайского языка, имеющиеся в нашем распоряжении, а именно: *xi* – «два» (ср. тоф. *иъhi*, тув. *ийи*), *alxig* «широкий» (ср. тоф. *аълhыг*, тув. *алгыг*, др.-тюрк. *alq·iy*), *doxos* «девять» (ср. тоф. *тоъhос*, тув. *тос*, др.-тюрк. *toquz*) свидетельствуют, что и здесь мы имеем явление замены древнего *k~q* шелевым *х*, причем в форме, близкой к тофаларской. Но, видимо, в уйгуро-урянхайском языке процесс этот тоже реализовался по-своему, так как мы имеем здесь формы *ses* «восемь» (ср. тоф. *сеъhес*, тув. *сес*, др.-тюрк. *sekiz*), а также *dos* «девять» наряду с *doxos*. То есть в уйгуро-урянхайском языке иногда происходит и выпадение интервокального *х*, как это наблюдается в тувинском языке.

Таблица 16

Развитие древних согласных *k, q* в анлауте

тоф.	тув.	хак.	шор.	алт.	як.	кирг.	др.-тюрк.	языки значение
<i>hir</i>	<i>хир</i>	<i>кiр</i>	<i>кир</i>	<i>кир</i>	<i>кир</i>	<i>кир</i>	<i>kir</i>	грязь
<i>кiр=~гiр=</i>	<i>кир=</i>	<i>кiр=</i>	<i>кир=</i>	<i>кир=</i>	<i>кир=</i>	<i>кир=</i>	<i>kir=</i>	входить
<i>hүреш=</i>	<i>хүреш=</i>	<i>күрес=</i>	<i>күреш=</i>	<i>күреш=</i>	<i>күрэс</i>	<i>күрөш=</i>	<i>küräş=</i>	бороться
<i>hөл</i>	<i>хөл</i>	<i>көл</i>	<i>көл</i>	<i>көл</i>	<i>күэл</i>	<i>көл</i>	<i>köl</i>	озеро
<i>hүн</i>	<i>хүн</i>	<i>күн</i>	<i>күн</i>	<i>күн</i>	<i>күн</i>	<i>кун</i>	<i>kün</i>	солнце;
<i>күш ~ гүш</i>	<i>күш</i>	<i>күс</i>	<i>күш</i>	<i>күч</i>	<i>күүс</i>	<i>күч</i>	<i>küç</i>	день
<i>кеъпи=</i>	<i>кеп=</i>	-	-	-	-	<i>кеп=</i>	<i>kepi=</i>	сила
<i>қан ~ ган</i>	<i>хан</i>	<i>хан</i>	<i>кан</i>	<i>кан</i>	<i>хаан</i>	<i>кан</i>	<i>qan</i>	сохнуть
<i>hылын</i>	<i>кылын</i>	<i>халын</i>	<i>калын</i>	<i>калың</i>	<i>халың</i>	<i>калың</i>	<i>qalın</i>	кровь
<i>қон=~гон=</i>	<i>хон=</i>	<i>хон=</i>	<i>кон=</i>	<i>кон=</i>	<i>хон=</i>	<i>кон=</i>	<i>qon</i>	толстый
<i>hум</i>	<i>кум</i>	<i>хум</i>	<i>кумак</i>	<i>кумак</i>	<i>кумах</i>	<i>кум</i>	<i>qum</i>	ночевать
<i>hын</i>	<i>хын</i>	<i>хын</i>	?	<i>кын</i>	<i>кыын</i>	<i>кын</i>	<i>qın</i>	песок
<i>қол ~ гол</i>	<i>хол</i>	<i>хол</i>	<i>кол</i>	<i>кол</i>	<i>хол</i>	<i>кол</i>	<i>qol</i>	ножны
<i>hул</i>	<i>кул</i>	<i>хул</i>	<i>кул</i>	<i>кул</i>	<i>кулут</i>	<i>кул</i>	<i>qul</i>	рука
<i>hырын</i>	<i>хырын</i>	<i>харын</i>	<i>карын</i>	<i>карын</i>	<i>харын</i>	<i>карын</i>	<i>qarın</i>	раб желудок

Таблица 17

Развитие древних согласных *k, q* в инлауте

тоф.	тув.	хак.	шор.	алт.	як.	кирг.	др.- тюрк.	языки значение
<i>аъһа</i>	<i>акы</i>	<i>ага</i>	<i>акка</i>	<i>ака</i>	<i>ага</i>	<i>ага</i>	<i>ага</i>	ст. брат
<i>таълһан</i>	<i>далган</i>	<i>талган</i>	?	<i>талкан</i>	-	<i>талкан</i>	<i>talqan</i>	толокно
<i>буъһа</i>	<i>буга</i>	<i>пуга</i>	<i>пуга</i>	<i>бука</i>	-	<i>бука</i>	<i>buqa</i>	бык
<i>баъшиқа</i>	<i>баъшика</i>	<i>пасха</i>	?	<i>башика</i>	-	<i>башика</i>	<i>başqa</i>	другой
<i>дӱлги</i>	<i>дилги</i>	<i>тӱлгӱ</i>	<i>тӱлгӱ</i>	<i>тӱлгӱ</i>	-	<i>тӱлкӱ</i>	<i>tilkü</i>	лиса
<i>чоорһан</i>	<i>чоорган</i>	<i>чорган</i>	?	<i>жууркан</i>	<i>суорган</i>	<i>жууркан</i>	<i>joŷurcan</i>	одеяло
<i>чуга</i>	<i>чуга</i>	<i>чуга</i>	?	<i>жука</i>	-	<i>жука</i>	<i>juqa</i>	тонкий
<i>чаъһа</i>	<i>чага</i>	<i>чага</i>	<i>чага</i>	<i>јака</i>	<i>сага</i>	<i>жака</i>	<i>jaqa</i>	воротник
<i>иъһи</i>	<i>ийи</i>	<i>ікі</i>	<i>ийги</i>	<i>эки</i>	<i>икки</i>	<i>ики</i>	<i>iki</i>	два
<i>тэъһен</i>	<i>тен</i>	<i>тігенек</i>	<i>тиген</i>	<i>тегенек</i>	-	<i>тикен</i>	<i>tikän</i>	колючка
<i>тэъһе</i>	<i>те</i>	-	-	<i>теке</i>	-	<i>теке</i>	<i>tekä</i>	козел
<i>сеъһес</i>	<i>сес</i>	<i>сигіс</i>	<i>сегіс</i>	<i>сегіс</i>	<i>агыс</i>	<i>сегіз</i>	<i>sekiz</i>	восемь
<i>чеъһерге</i>	<i>шерги</i>	-	-	-	-	<i>чегиртке</i>	<i>čekürgä</i>	кузнечик
<i>өъткүрү</i>	<i>өттүр</i>	<i>өтіре</i>	<i>өткүре</i>	<i>өткүре</i>	<i>өтөрү</i>	<i>өткөрө</i>	<i>ötkürü</i>	насквозь
<i>бөъксек</i>	<i>бөскек</i>	-	-	-	-	<i>бөксө</i>	<i>böksäk</i>	грудь птицы

Не менее важен в классификационном отношении также процесс развития аффрикаты *č*. Как видно из представленной ниже таблицы, *č* в тофаларском языке дал щелевой *ш* в начале слова, в конце и между гласными. Причем происходит это довольно последовательно, хотя наблюдаются единичные случаи сохранения этого *č*, например: тоф. *чаъқ-*, ср. др.-тюрк. *čaq*-, тув. *шак-* «высекать огонь», тоф. *чеъһерге*, др.-тюрк. *čekürgä*, тув. *шерги* «кузнечик». Аналогичную картину мы наблюдаем также в тувинском языке, который, правда, озвончил этот *ш* в *ж*. Из других тюркских языков Саяно-Алтая развитие *č* в *ш* наблюдается еще в шорском языке, в котором, правда, *č* сохраняется между гласными. Хакасский же язык дает в анлауте и ауслауте свистящий *с* (видимо, *с* < **ш* < **č*), между гласными *č* сохраняется. Алтайский язык *č* везде сохраняет, как и киргизский. Якутский язык в этом отношении напоминает хакасский, но в интервокальном положении якутский *с* закономерно дал *һ*. В положении же после сонанта все эти языки одинаково сохраняют *č*, только тофаларский и хакасский, а также тувинский (хотя орфография и не отражает этого) дают звонкую аффрикату. Переходом *č* в *ш* тофаларский, тувинский и шорский языки напоминают кыпчакские, например казахский язык, в котором *č* в любой позиции дал *ш*.

Таблица 18

Развитие древнего *č* в *ш*

Языки	Значение слов					
	войско	время	столько	открыть	пить	нож
тоф.	<i>шериг</i>	<i>шаг</i>	<i>ыньча</i>	<i>аъш-</i>	<i>иш-</i>	<i>пишек</i>
тув.	<i>шериг</i>	<i>шаг</i>	<i>ынча</i>	<i>аъш-</i>	<i>иш-</i>	<i>бижсек</i>
хак.	<i>сіріг</i>	-	<i>аңча</i>	<i>ас-</i>	<i>іс-</i>	<i>пычах</i>
шор.	<i>шериг</i>	-	<i>анча</i>	<i>аш-</i>	<i>иш-</i>	<i>пычах</i>
алт.	<i>черү</i>	<i>чак</i>	<i>анча</i>	<i>ач-</i>	<i>ич-</i>	<i>бычак</i>
як.	<i>сэрии</i>	<i>сах</i>	<i>оччо</i>	<i>ас-</i>	<i>ис-</i>	<i>быһах</i>
кирг.	<i>черүү</i>	<i>чак</i>	<i>анча</i>	<i>ач-</i>	<i>ич-</i>	<i>бычак</i>
каз.	<i>шеру</i>	<i>шақ</i>	<i>онша</i>	<i>аш-</i>	<i>іш-</i>	<i>пышақ</i>
уйг.	<i>черик</i>	<i>чаг</i>	<i>анчэ</i>	<i>ач-</i>	<i>ич-</i>	<i>пичақ</i>
тур.	<i>çeri</i>	<i>çağ</i>	<i>анса</i>	<i>аç=</i>	<i>іç=</i>	<i>biçak</i>
др.-тюрк.	<i>čerig</i>	<i>čay</i>	<i>анса</i>	<i>аč=</i>	<i>іč=</i>	<i>bičaq</i>

Судя по примерам: *giš* «сила», *иš* «лети», процесс перехода *č* в *ш* произошел и в языке уйгуро-уряньхайцев.

Одним из решающих факторов в классификационном аспекте является развитие древнего *d* в ауслауте и интервокальном положении.

Общеизвестно, что на месте древнетюркского *d* в современных языках представлены *ð, t, z, ʒ, p, ʏ*²²⁸. В предлагаемой ниже таблице мы представили некоторые сравнительные материалы, иллюстрирующие этот процесс в тофаларском языке.

Таблица 19

Соответствия по *d~z~j ...*

Языки	Значение слов					
	высокий	надеть	зять	красить	тело	пеший
тоф.	<i>бедік</i>	<i>кет-</i>	<i>һүдәә</i>	<i>боду-</i>	<i>бот</i>	<i>чадаг</i>
тув.	<i>бедик</i>	<i>кет-</i>	<i>күдээ</i>	<i>буду-</i>	<i>бот</i>	<i>чадаг</i>
хак.	<i>пөзик</i>	<i>кис-</i>	<i>кизö</i>	-	<i>пос</i>	<i>чазаг</i>
шор.	<i>мөзүк</i>	<i>кий-</i>	?	-	<i>позу</i>	<i>чазаг</i>
алт.	<i>бийик</i>	<i>кий-</i>	<i>күйү</i>	<i>боды-</i>	<i>бой</i>	<i>гойу</i>
як.	-	<i>кэт-</i>	<i>күтүэ</i>	<i>бутуй-</i>	-	<i>самыы</i>
кирг.	<i>бийик</i>	<i>кий-</i>	<i>күйээ</i>	<i>боё-</i>	<i>бой</i>	<i>жөө</i>
каз.	<i>биик</i>	<i>кий-</i>	<i>күйеу</i>	<i>бая-</i>	<i>бой</i>	<i>жаяу</i>
уйг.	<i>бүйүк</i>	<i>кий-</i>	<i>күйөгүл</i>	<i>бою-</i>	<i>бой</i>	<i>яйақ</i>
тат.	<i>биек</i>	<i>кий-</i>	<i>кияу</i>	<i>буя-</i>	<i>буй</i>	<i>жэяу</i>
др.-тюрк.	<i>bedük</i>	<i>ked=</i>	<i>küdägi</i>	<i>bodu=</i>	<i>bod</i>	<i>jadau</i>

Из таблицы видно, что сохранением древнего *d*, который в ауслауте выступает в глухом варианте, тофаларский язык солидаризуется с тувинским языком. Ближе к нему стоит якутский язык, в котором *d* везде представлен в виде глухого *t*. В этом отношении тофаларский язык резко отличается от хакасского с шорским, в которых на месте *d* выступает щелевой *z*, а также от алтайского, в котором, как и в киргизском, на месте *d* представлен *ʏ*. Считалось, что из современных тюркских языков только тувинский с тофаларским сохраняют этот *d*. Но исследования последних лет, проводимые Г. Дёрфером по халаджскому языку, показали, что и в этом языке обнаруживается сохранение древнего *d*²²⁹. Это видно на следующих халаджских примерах с *d*: *hadaq* «нога», *käd=* «надевать», *böd* «тело», *bidik* «большой», *küdägi* «зять».

Таким образом, по этому признаку тофаларский язык относится к *d*-языкам и составляет вместе с тувинским особую группу среди тюркских языков Саяно-Алтая.

Судя по единичным примерам: *bodu=* «красить», *udī=* «спать» (ср. тоф., тув. *уду-*, хак. *узу-*, як. *утуй-*, тур. *ууи-*, др.-тюрк. *udī=*), и уйгуро-урянхайский язык относится к этой же группе *d*-языков, что и тувинский, тофаларский и халаджский.

Рассмотрим еще одну особенность тофаларского языка, также имеющую классификационное значение. Речь идет о сохранении древнего *ɣ* в ауслауте. Сравним в нижеследующей таблице несколько тофаларских слов с этим *ɣ*.

Таблица 20

Сохранение *ɣ* в ауслауте

Языки	Значение слов				
	вода	веревка	гора	твердый	горький
тоф.	<i>суғ</i>	<i>бағ</i>	<i>дағ</i>	<i>каътығ</i>	<i>ачығ</i>
тув.	<i>суғ</i>	<i>бағ</i>	<i>дағ</i>	<i>катығ</i>	<i>ажығ</i>
хак.	<i>суғ</i>	<i>пағ</i>	<i>тағ</i>	<i>хатығ</i>	<i>ачығ</i>
шор.	<i>суғ</i>	<i>пағ</i>	<i>тағ</i>	<i>кадығ</i>	<i>ачығ</i>
алт.	<i>суу</i>	<i>буу</i>	<i>туу</i>	<i>кату</i>	<i>ачу</i>
як.	<i>уу</i>	<i>быа</i>	<i>тыа</i>	<i>кытаанах</i>	<i>аһыы</i>
кирг.	<i>суу</i>	<i>боо</i>	<i>тоо</i>	<i>катуу</i>	<i>ачуу</i>
каз.	<i>су</i>	<i>бау</i>	<i>тау</i>	<i>қатты</i>	<i>ащы</i>

²²⁸ Подробнее см.: Дмитриев Н.К. Соответствие *p//д//т//з//ʒ//й*. – ИСГТЯ, т. I, с. 326-328.

²²⁹ См.: Doerfer G. *Khalaj Materials*. Bloomington, 1971, p. 162.

уйг.	<i>cy</i>	<i>bağ</i>	<i>mağ</i>	<i>qamtiq</i>	<i>açtiq</i>
тур.	<i>su</i>	<i>bağ</i>	<i>dağ</i>	<i>kati</i>	<i>acı</i>
ж.-уйг.	<i>cy</i>	<i>nağ</i>	<i>mağ</i>	<i>qatıy</i>	<i>açıy</i>
халадж.	<i>saw, su</i>	<i>bāy</i>	<i>tāy</i>	<i>qatıy</i>	-
др.-тюрк.	<i>suw, sub, suy</i>	<i>bay</i>	<i>taγ</i>	<i>qatıy</i>	<i>açıy</i>

Как видно из таблицы, все тюркские языки Саяно-Алтая, за исключением алтайского, который здесь напоминает киргизский, сохраняют древний конечный *γ* без изменения. В этом случае тофаларский язык похож и на тувинский, и на хакасский, и на шорский.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении некоторым примерам из уйгуро-уряньхайского языка, взятым из указанных выше статей Л. Болда, и в этом языке сохраняется конечный *γ*. Примеры: уйг.-ур. *urug* «ребенок» (ср. тоф. *urug* «ребенок», тув. *urug* «ребенок; девочка», кирг. *uruu* «род, племя», др.-тюрк. *uruy* «зерно, семя; род, потомство»); уйг.-ур. *dag* «гора», *ulug* «большой» (ср. тоф., тув. *ulug*, кирг. *uluu*, др.-тюрк. *uluγ id.*); уйг.-ур. *bay* «ремень»; уйг.-ур. *suγ* «вода».

Нельзя также пройти мимо одной небольшой детали, характеризующей тофаларский консонантизм в сравнительном плане. Дело в том, что в тофаларском языке в общетюркском вопросительном местоимении *ne* (ср. др.-тюрк. *ne, nī* «что») и его производных: *неме* «что; вещь, нечто» и *нече* «сколько» (ср. др.-тюрк. *netā* и *neçā* в тех же значениях) вместо начального *n* стоит *ç*: тоф. *çy* «что», *çyme* «вещь, нечто», *çeñhe* «сколько» (здесь *h* закономерно выступает в данной позиции вместо *ш*, которое развилось на месте древнего *ç*, т.к. гласный перед *h* фарингализован, т.е. *çeñhe* **чеñше* < *neçā*). Сравнение с другими языками показывает, что такая же фонетическая трансформация произошла в тувинском языке (ср. тув. *çuy* «что», *çuve* «вещь, нечто», *çeñhe* «сколько») и в северных диалектах алтайского языка, где представлены: тубал. *дбу* «что, какой», *дбув* «вещь, что»²³⁰, куманд. *дбу*, *тбүг*, *чу*, *чугы*, *чүг* «что», *чуг* «вещь, что-то»²³¹. Возможно, что это обратный процесс перехода *ç* в *нь~н*, о котором мы говорили выше. Интересно, что в якутском языке в этом слове вместо *n* стоит *t*, ср. як. *туох* «что», *төһө* «сколько». Так что можно предположить, что эти языки когда-то (еще до перехода *ç* в *нь~н*) не терпели вообще *n* в анлауте и замещали его близким по артикуляции в данном слове среднеязычным *дб*, который впоследствии в тофаларском дал *ç*, который, кстати, тоже среднеязычной артикуляции и здесь чередуется с глухим среднеязычным *тб* и звонким среднеязычным *дб*, т.е. тофы произносят *çy~тбүг~дбү*, *çyme~тбүме~дбүме*, *çeñhe~тбөһө*. Хотя в тувинском и нет перехода *ç* в *нь*, но и этот язык, видимо, когда-то не терпел *n* в анлауте. Якутский же язык мог утратить палатализацию у *тб*, и тогда из **тбү* закономерно развилось **ту* > *туох*, а и из **тбүше* > **түше* > **түсе* > *теһө*. Типологически сходный процесс произошел в хакасском и шорском языках, в которых на месте древнего *j* в словах типа *jan* «вернись», *janı* «новый» развились *нан* и *наа* через среднеязычную ступень *ньан* и *ньяа* в результате утраты этим *нь* палатализации. Таким образом и это явление проходит ареальной полосой, захватывая Саяны и Алтай, а также якутский язык, который некогда тяготел к тюркским языкам Саяно-Алтая²³².

Рассмотрим теперь, как ведут себя согласные тофаларского языка в потоке речи, особенно в самой неустойчивой позиции, в положении между гласными. Это очень важный фактор, по которому языки могут сильно расходиться. Сравним ряд тофаларских примеров с соответствующим материалом из тувинского и хакасского языков, с которыми, как мы указывали, исторически непосредственно связан тофаларский язык:

тоф.	тув.	хак.
<i>ат</i> – <i>ады</i>	<i>ат</i> – <i>ады</i>	<i>ат</i> – <i>ады</i>
«имя» «его имя»	id. id.	id. id.
<i>аът</i> – <i>аъты</i>	<i>аът</i> – <i>аъды</i>	<i>ат</i> – <i>ады</i>
«конь» «его конь»	«конь» «его конь»	id. id.
<i>ас</i> – <i>азар</i>	<i>ас</i> – <i>азар</i>	<i>ас</i> – <i>азар</i>
«заблудись» «заблудиться»	id. id.	id. id.

²³⁰ См.: Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966, с. 116.

²³¹ См.: Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972, с. 260, 269, 270.

²³² Подробнее о связи якутского языка с языками тюрков Саяно-Алтая см.: Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980, с. 81-82.

<i>аъс</i> – <i>аъсар</i>	<i>аъс</i> – <i>аъзар</i>	<i>ас</i> – <i>азар</i>
«повесь» «повесит»	id. id.	id. id.
<i>аш</i> – <i>аңар</i>	<i>аш</i> – <i>ажар</i>	<i>ас</i> – <i>азар</i>
«превысь» «превысит»	id. id.	id. id.
<i>аъш</i> – <i>аъһяр</i>	<i>аъш</i> – <i>аъжар</i>	<i>ас</i> – <i>азар</i>
«открой» «откроет»	id. id.	id. id.
<i>көк</i> – <i>көгү</i>	<i>көк</i> – <i>көгү</i>	<i>көк</i> – <i>көгi</i>
«трава» «его трава»	id. id.	id. id.
<i>эътэк</i> – <i>эътэ</i>	<i>эдек</i> – <i>эдэ</i>	<i>идек</i> – <i>идегi</i>
«пола» «его пола»	id. id.	id. id.
<i>төк</i> – <i>төһер</i>	<i>төк</i> – <i>төгер</i>	<i>төк</i> – <i>төгер</i>
«пролей» «прольет»	id. id.	id. id.
<i>ақ</i> – <i>ағы</i>	<i>ақ</i> – <i>ағы</i>	<i>ах</i> – <i>ағы</i>
«белок» «его белок»	id. id.	id. id.
<i>қарақ</i> – <i>қараа</i>	<i>қарақ</i> – <i>қараа</i>	<i>харах</i> – <i>харағы</i>
«глаз» «его глаз»	id. id.	id. id.
<i>аъқ</i> – <i>аъһар</i>	<i>аъқ</i> – <i>аъгар</i>	<i>ах</i> – <i>агар</i>
«теки» «потечет»	id. id.	id. id.
<i>қан</i> – <i>қабы</i>	<i>қан</i> – <i>қавы</i>	<i>хан</i> – <i>хабы</i>
«мешок» «его мешок»	id. id.	id. id.
<i>туъп</i> – <i>туънар</i> , «найди»	<i>тыъп</i> – <i>тыъвар</i>	<i>тан</i> – <i>табар</i>
<i>туъфар</i> «найдет»	id. id.	id. id.
<i>даг</i> – <i>даа</i>	<i>даг</i> – <i>даа</i>	<i>таг</i> – <i>таа</i>
«гора» «его гора»	id. id.	id. id.
<i>иъсиг</i> – <i>иъсии</i>	<i>изиг</i> – <i>изии</i>	<i>изиг</i> – <i>изии</i>
«жара» «его жара»	id. id.	id. id.

Как можно видеть из приведенных примеров, поведение ауслатных согласных, попавших в интервокальное положение, по этим языкам не совсем совпадает. В данном случае мы берем для рассмотрения шумные согласные, т.к. сонанты в данной позиции в основном не изменяют своего качества. Шумные же согласные ведут себя здесь по-разному. Примеры показывают, что тофаларский язык отличается в этом отношении и от тувинского, и от хакасского языков, сохраняя индивидуальность. Этому способствует в какой-то мере и наличие в ауслате двух рядов шумных – слабых и сильных, которые в интервокальном положении ведут себя неодинаково. Тувинский же и хакасский языки имеют только глухой шумный ауслат, который в интервокальном положении озвончается и тем самым тувинский этой чертой схож с хакасским.

В потоке речи в тофаларском языке происходит также довольно своеобразное явление сложной переассимиляции согласных, вызванная выпадением беглых узких гласных при словоизменении, например, тоф. *төһүл* «пролейся» - *төһтүр* «прольется», *сағын* «думай» - *сақтыр* «будет думать», *туъпуш* «найдите» - *туъпчур* «найдут», *алын* «лицо» - *анны* «его лицо» и т.п. Аналогичное явление давно уже было подмечено Ф.Г. Исхаковым в тувинском и якутском языках, хотя спорадически оно встречается во многих тюркских языках²³³. Он приводит множество примеров из этих языков, таких как тув. *сағын* «думай» - *сақтыр*, *одун* «просыпайся» - *оттур* «проснется», *дөгүл* «пролейся» - *дөктүр* «прольется», *көзүл* «покажись» - *көстүр* «покажется»; як. *сабын* «закрывайся» - *саптар* «закрывается», *агын* «поминай» - *ахтар* «поминает», *тагыс* «выходи» - *тахсар* «выходит». Т.е. тофаларский язык в этом отношении полностью напоминает тувинский и якутский языки. Причины этого явления пока не установлены. Можно предположить, что в этих языках получила дальнейшее развитие тенденция оглушения в инлауте сочетаний звонких шумных и сонантов, связанная вообще с оглушением ауслата. Эта тенденция захватила в свое время все тюркские языки Саяно-Алтая, в которых мы до сих пор имеем тоф., тув., шор., алт. *қуқун*, хак. *хусхун* «ворон» вместо кирг. *кузгун* и др.-тюрк. *quzgyn*; тоф., тув., шор., алт. *қыстар*, хак. *хыстар* «девушки» вместо кирг. *кызлар*, др.-тюрк. *qizlar*; тоф., тув. *өске*, алт. *өскө* «другой, иной» вместо кирг. *өзгө*, др.-тюрк. *özgä* и т.п.

²³³ Подробнее об этом см.: Исхаков Ф.Г. Тувинский язык. Материалы для грамматики. Очерк по фонетике. М.-Л., 1957, с. 51-56; Его же. Явления сложной ассимиляции согласных, возникающие при выпадении беглых гласных в тувинском и якутском языках. – ИСГТЯ, т. 1, с. 314-319.

Кроме отмеченных выше особенностей тофаларского консонантизма, затрагивающих в какой-то мере целый ряд других тюркских языков, в тофаларском языке выявляются также некоторые различия в составе согласных, относящиеся сугубо к тофаларскому и тувинскому языкам. Это, в первую очередь, сохранение в тофаларском языке более архаичного облика слов, в которых не произошло стяжение двослогов с интервокальным согласным, как в тувинском языке. Ср., например, тоф. *сеънес* – тув. *сес* «восемь», тоф. *тоънос* – тув. *тос* «девять», тоф. *саънал* – тув. *сал* «борода», тоф. *чеъненэк* – тув. *шенек* «локоть», тоф. *чеъгерге* – тув. *шерги* «кузнечик», тоф. *тэънен* – тув. *тен* «колючка», тоф. *тэъне* – тув. *те* «горный козел» и т.п.

В области консонантизма в тофаларском языке обнаружилась одна специфическая черта, которая больше нигде в тюркских языках не встречается. Речь идет о сочетаемости фарингального *h* с сонорными: *mh*, *nh*, *ңh*, *lh*, *йh*, *ph*. Например: *аънхай* «оленок», *таълхан* «мука», *тоъrho* «бочка», *қайһя* «удивляйся», *чырымһа* «болонь», *дөңһөр* «бык дикого северного оленя». Для тюркских языков это необычное явление, как редок и сам *h*. Но в то же время в соседних кетских языках такие сочетания довольно распространены²³⁴, например: имбат. *'еemһи* «белка-летяга», аринск. *кылһ'ан* «ложка», аринск. *калһона* «маленький», пумпок. *һалла* «мальчик», имбатск. *ойһе* «смоладина», аринск. *һин'анг* «песок», амбат. *до:нғһой* «омуль» и т.п. По нашему мнению, эта характерная черта фонетики тофаларского языка – сочетаемость *h* с сонорными, могла развиваться под кетским влиянием через кетский субстрат.

Таким образом, подытоживая произведенное выше сравнительное исследование тофаларского консонантизма, можно сделать вывод, что система согласных фонем тофаларского языка как бы объединяет в себе черты тувинского и хакасского языков, сохраняя в то же время ряд специфических особенностей, указывающих на самостоятельное развитие системы консонантов тофаларского языка от какого-то более древнего состояния, напоминающего систему консонантов желтойгуурского языка и которая предположительно восходит к восточной древнейгуурской системе. Во всяком случае, система консонантизма, значительно отличающаяся от таковой тувинского языка, не позволяет причислять тофаларский язык к диалектам тувинского.

Суммируя же весь этот раздел, следует сказать, что данные сравнительной фонетики показывают самостоятельность фонетической системы тофаларского языка и ее резкое отличие от хакасской, шорской и алтайской, хотя наличие сонанта *нь* на месте *н*, а также развитие *ч* в *ш* в какой-то мере их сближают. В то же время имеется целый ряд существенных расхождений фонетической системы тофаларского языка с тувинской. Но все же по основным признакам фонетика допускает объединение тофаларского языка с тувинским и уйгуро-уряньхайским в одну подгруппу, противостоящую в фонетическом отношении другим тюркским языкам Саяно-Алтая.

§ 2. ДАННЫЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ

1. Особенности тофаларского словообразования

Рассмотренная во 2-й главе система словообразования тофаларского языка, включающая разнообразные словообразовательные типы, как аффиксальный, так и неаффиксальный, не являются спецификой тофаларского языка, т.к. широко представлена во всех тюркских языках²³⁵.

Так, например, тоф. *аъһа-дуңма* «братья», *чер-суг* «родина; страна», *сарыг цаг* «сливочное масло», *ыът қады* «черная смородина», *қара-бора* «темно-серый» полностью однотипны по образованию хак. *чир-суг* «родина», *тииң хады* «брусника», *харах оды* «зрачок», тув. *ыт-кады* «шиповник», *саржаг* «масло», *сарыг-суг* «сыворотка», *кара-доруг* «темно-гнедой», тат. *аи-су* «куша-

²³⁴ См.: Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. – Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та, т. XIX, 1961, с. 152-189.

²³⁵ См. например: Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка..., с. 149-176, 189-202, 257-272, 421-428; Грамматика хакасского языка. М.: Наука, 1975, с. 47-55; Кыргыз тилинин грамматикасы. Морфология. Фрунзе, 1964, с. 14-32; Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 126-129, 137-153, 194-203, 246-274; Современный татарский литературный язык. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1969, с. 143-159, 163-172, 284-295, 297-312; Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, с. 104-144, 146-165, 245-263, 282-294; Грамматика турменского языка. Ч.1. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970, с. 120-137, 139-145, 206-233, 379-395; Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962; его же. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.

нья», *савыт-саба* «посуда», *жир жилэге* «клубника», *кул эше* «рукоделие» и т.п. В этом способе словообразования – сложении основ, тофаларский язык обнаруживает общетюркский тип. Специфически тофаларским здесь среди сибирских тюркских языков является лишь образование всех без исключения названий десятков при помощи основосложения по единой модели: название соответствующей единицы + *он* «десять», т.е. *иһён* – 20, *үчөн* – 30, *дөртөн* – 40, *бецөн* – 50, *аьлтон* – 60, *чедон* – 70, *сеһезон* – 80, *тоһозон* – 90. При этом числительные *сеһезон* и *тоһозон* носят общетюркский характер. Кроме того, в сибирских тюркских языках этим способом образованы и другие числительные. Представим сравнительный материал в нижеследующей таблице.

Таблица 21

Образование десятков

Языки	Значение слов					
	20	30	40	50	60	70
тоф.	<i>иһён</i>	<i>үчөн</i>	<i>дөртөн</i>	<i>бецөн</i>	<i>аьлтон</i>	<i>чедон</i>
тув.	<i>чээрби</i>	<i>үжэн</i>	<i>дөртөн</i>	<i>бежен</i>	<i>алдан</i>	<i>чеден</i>
хак.	<i>чибіргі</i>	<i>отыс</i>	<i>хырых</i>	<i>илиг</i>	<i>алтон</i>	<i>читон</i>
шор.	<i>чегирбе</i>	<i>одус</i>	<i>кырык</i>	<i>элиг</i>	<i>алтон</i>	<i>четтон</i>
алт.	<i>јирме</i>	<i>одыс</i>	<i>төртөн</i>	<i>бежен</i>	<i>алтан</i>	<i>јетен</i>
як.	<i>сүүрбэ</i>	<i>отут</i>	<i>түөрт уон</i>	<i>биэс уон</i>	<i>алта уон</i>	<i>сэттэ уон</i>
кирг.	<i>жыйырма</i>	<i>отуз</i>	<i>кырк</i>	<i>элүү</i>	<i>алтымыш</i>	<i>жетимиш</i>
каз.	<i>жиырма</i>	<i>отыз</i>	<i>қырық</i>	<i>елу</i>	<i>алтыс</i>	<i>жетпіс</i>
тат.	<i>егерме</i>	<i>утыз</i>	<i>кырык</i>	<i>илле</i>	<i>алтмыш</i>	<i>жетмеш</i>
уйг.	<i>жигирме</i>	<i>оттуз</i>	<i>кирик</i>	<i>эллик</i>	<i>алтмиш</i>	<i>йэтмиш</i>
ж.-уйг.	<i>ишкон</i>	<i>үчөн</i>	<i>түртөн</i>	<i>писон</i>	<i>алтон</i>	<i>йетон</i>
др.-тюрк.	<i>jegirmi</i>	<i>otus</i>	<i>qırq</i>	<i>älig</i>	<i>altmiş</i>	<i>jätmiş</i>

Как видно из таблицы, эти числительные неравномерно представлены в саяно-алтайских тюркских языках. Так, хакасский язык по составу числительных весьма далек от тофаларского языка, т.к. в нем от 20 до 50 представлены иные числительные. Ближе всего к тофаларскому тувинские числительные, хотя и в тувинском имеется числительное *чээрби* – 20, образованное другим путем. Тофаларский язык в данном случае полностью совпадает с желто-уйгурским, в котором все десятки образованы тем же способом, что и в тофаларском. Но в то же время в желто-уйгурском языке при конструировании составных чисел десятков с единицами от 11 до 29 употребляются *йыгырма* – 20 и *отус* – 30²³⁶. В этой связи представляет интерес точка зрения С.Е. Малова, заключающаяся в том, что в тюркских языках самостоятельными числительными для выражения целых десятков (без единиц) первоначально были числительные типа желтоуйгурских *ишкон* – 20, *үчөн* – 30, *түртэн* – 40 и т.п., а числительные *йигирме*, *отуз*, *қырқ*, *эллиг*, *алтмыш*, *йетмиш* служили только для обозначения разряда того десятка, к которому приближается составное число с единицами, т.е. для образования составных чисел по принципу приближения к следующему десятку. Например: *nir йыгырма* – 11, *nir отус* – 21, как зафиксировано в языке памятников древнетюркской письменности²³⁷. Далее С.Е. Малов предполагает, что со временем вспомогательные числа *йигирме*, *отуз* и т.п., как наиболее употребляемые, вытеснили основные числительные для десятков типа *ишкон*, *үчөн* почти во всех тюркских языках²³⁸.

Таким образом, поддерживая точку зрения С.Е. Малова, следует отметить, что язык желтых уйгуров, а вместе с ним и тофаларский сохранили самую архаичную систему образования десятков. Приближаются к ним в какой-то мере только языки Саяно-Алтая и якутский.

Наиболее же показательные особенности тофаларского языка в системе словообразования выявляются в составе словообразовательных аффиксов. Как известно, система словообразования любого языка представляет собой продукт исторического развития, сложившийся постепенно. Она содержит в себе элементы, общие для целой семьи языков, а также те инновации, которые развились в локальных группах языков и в каждом языке в отдельности. В этой связи и словооб-

²³⁶ См.: Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 178.

²³⁷ Подборку древнетюркских примеров см.: Tekin T.A. Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968, p. 145.

²³⁸ См.: С.Е. Малов. К изучению турецких числительных. – Сб. «Акад. Н.Я. Марру». Л., 1935, с. 277.

разование может явиться показательным историческим источником после проведения соответствующего сравнительного исследования. Словообразование тоже может либо подтвердить, либо опровергнуть отнесение языка к той или иной группе, уточнить внешние влияния и выявить индивидуальность языка. Поэтому сравнительное исследование словообразовательных аффиксов тофаларского языка весьма важно для установления статуса этого языка и определения его места в системе тюркских языков. Поскольку аффиксальным путем все-таки образовано и образуется подавляющее большинство слов, его сравнительный анализ является весьма репрезентативным в этом аспекте.

Рассмотрим ниже подробнее в сравнительном плане состав тофаларских словообразовательных аффиксов по основным знаменательным частям речи. Здесь тоже, поскольку наиболее близкими к тофаларскому языку считаются тувинский и хакасский языки, сравним тофаларские словообразовательные аффиксы в первую очередь с ними.

Так, имена существительные в тофаларском языке образуются при помощи следующих аффиксов: а) от именных основ: *-шы (-чы)*²³⁹, *-лышқы*, *-лық*, *-ақ*, *-дың*, *-дырық*, *-ңғы*, *-пан*; б) от глагольных основ: *-ашқын*, *-гшы*, *-(н)чыг*, *-қы*, *-ң*, *-с*, *-г*, *-ш*, *-к*, *-қақ*, *-қыл*, *-қын*, *-қыш*, *-қыыш*, *-м*, *-ма*, *-мақ*, *-бы*, *-н*, *-т*, *-ды*, *-нды*, *-нъчы*, *-мчы*, *-няк (-йак)*, *-а*, *-л*.

В тувинском языке употребляются соответственно²⁴⁰: а) от именных основ: *-чы(-жы)*, *-шкы(-лышкы)*, *-ак*, *-аң*, *-лык*, *-тан*, *-таш*, *-дырык*, *-аат*; б) от глагольных основ: *-г*, *-к*, *-кчы*, *-ш*, *-ашкын*, *-бы*, *-кы*, *-кыыш*, *-йак*, *-л*, *-лга*, *-лда*, *-м*, *-мал*, *-мча*, *-н*, *-ндак*, *-нды*, *-а*, *-па*, *-пак*, *-как*, *-каш*, *-аачы*, *-дал*, *-т*.

В хакасском языке используются соответственно: а) от именных основ: *-чы*, *-ах*, *-дырых*; б) от глагольных основ: *-г*, *-с*, *-м*, *-хы*, *-х*, *-хыс*, *-хын*, *-чых*, *-чах*, *-ба*, *-л*, *-(н)ды*, *-мах*, *-ын*, *-ан*, *-ос*, *-т*, *-ңа*, *-ас*, *-дас*, *-тых*, *-ті*.

Приведем для сравнения словообразовательные аффиксы для существительных из древнетюркского языка²⁴¹: а) от именных основ: *-č*, *-ča*, *-čī*, *-хан*, *-qın*, *-laγ*, *-liγ*, *-liq*, *-m*, *-n*, *-qaq*, *-qi*, *-suq*, *-suš*, *-š*, *-t*, *-tay*, *-tam*, *-taš*, *-n*; б) от глагольных основ: *-a*, *-d*, *-duq*, *-γ*, *-qač*, *-γli*, *-γта*, *-qin*, *-γaq*, *-γи*, *-γučī*, *-γul*, *-l*, *-m*, *-ma*, *-maq*, *-maz*, *-miš*, *-mur*, *-n*, *-nč(i)*, *-p*, *-q*, *-r*, *-s'iq*, *-š*, *-t*, *-tačī*, *-yaq*, *-z*.

Как видно из сравнения, все эти аффиксы в общем-то совпадают, хотя в древнетюркском языке набор их гораздо больше. Между тофаларским, тувинским и хакасским языками аффиксы в основном совпадают, если не принимать в расчет фонетическую разницу, например: тоф. *-шы* – тув., хак. *-чы*; тоф. *-гшы* – тув. *-кчы*; тоф. *-няк(-йак)* – тув. *-йак* – хак. *-чах*; тоф. *-мақ*, хак. *-мах* – тув. *-пак* и т.п. Ряд аффиксов характерен лишь для тофаларского и тувинского языков и их нет в хакасском языке, например: тоф., тув. *-ашқын*, *-лышқы*; тоф. *-гшы*, тув. *-кчы*; тоф. *-мчы*, тув. *-мча*; тоф., тув. *-бы*.

В тофаларском и хакасском языках нет тувинских *-лга*, *-лда*, *-мал*, *-ндак*. С хакасским совпадает тоф. *-қыш*, которого нет в тувинском. Для тофаларского языка характерен аффикс *-нчы*, который совпадает с др.-тюрк. *-nčī* и является в тофаларском, видимо, архаизмом. В общем же словообразование имен существительных посредством аффиксов в тофаларском языке носит общетюркский тип²⁴², обнаруживая собственное фонетическое оформление аффиксов. Некоторые аффиксы являются общими лишь для тофаларского и тувинского языков, что их сближает.

Для образования имен прилагательных в тофаларском языке используются следующие аффиксы: а) от именных основ: *-лыг*, *-сыг*, *-сақ*, *-сырақ*, *-сыңғы*, *-шы*, *-қы(-киш)*, *-ай*, *-май*, *-таш*, *-печи*, *-чыл*; б) от глагольных основ: *-г*, *-к*, *-аган*, *-гар*, *-гақ*, *-ш*, *-аш*, *-злыг*, *-аачча*, *-ңғы*, *-қақ*, *-нъчыг*, *-н*, *-а*, *-мақ*, *-һай*, *-ын*, *-ээчел*, *-чал*, *-һи*, *-қа*, *-қал*, *-қын*, *-л*, *-ма*; в) от глагольных и именных основ: *-қыры(-ңгыры)*, *-чаң*, *-ыычаң*.

В тувинском языке зафиксированы соответственно аффиксы: а) от именных основ: *-лыг*, *-сыг*, *-кы*, *-зак*, *-чы*, *-ай*, *-май*, *-таш*; б) от глагольных основ: *-г*, *-к*, *-чак*, *-аачал*, *-аачча*, *-ымак*, *-мык*, *-*

²³⁹ В целях экономии места здесь и далее все аффиксы приводятся только в их твердоярдом варианте.

²⁴⁰ Здесь и далее сравнительный материал по языкам взят из указанных выше работ, содержащих разделы по словообразованию.

²⁴¹ См.: Cabain A. von. *Alttürkische Grammatik...*, §43-167.

²⁴² Об общетюркских именных словообразовательных аффиксах см.: Севортыан Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке..., с. 20-364; Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л.: Наука, 1977, с. 103-108, 159-166.

нчыг, -как, -кын, -ңгы, -ңгай, -гар, -ш, -аш, -аган, -ги, -ын, -гай, -мал; в) от именных и глагольных основ: -кыр(-ңгыр).

В хакасском языке употребляются соответственно аффиксы: а) от именных основ: -лыг, -гы, -тагы; б) от глагольных основ: -х(-ых), -г(-ыг), -хай, -ң, -чах, -хах, -чы, -аачы, -чыл, -чых, -чын, -ха, -хын, -м(-ым).

Для сравнения перечислим древнетюркские аффиксы для образования прилагательных: а) от именных основ: -čïŷ, -ki, -l, -la, -liŷ, -ŋ, -saŷ, -siŷ, -sir, -sis, -ta, -tin; б) от глагольных основ: -duŷ, -ŷ, -ŷali, -ŷli, -ŷta, -ŷu, -ŷuluŷ, -ŷusus, -ma, -maqlïŷ, -mas, -miš, -mlïŷ, -n, -nčïŷ, -nsiŷ, -nčsïz, -q, -r, -siŷ, -yuŷ.

Как показывает сравнение, основные аффиксы, при помощи которых образовывались и образуются прилагательные в тофаларском языке, представлены и в тувинском, и в хакасском языках, а также в древнетюркском. С тувинским тофаларский язык сближается здесь наличием общих аффиксов -май, -аш, -гар, -ңгы, -нчыг, -аачал, -мық, -қыры(-ңгыры), -сыг. С хакасским языком сближает аффикс -цаң, которого нет в тувинском. Специфически тофаларскими среди этих трех языков аффиксами являются -киш, -глыг, -қал, -сырақ, -сыңгы. При этом -глыг, -сырақ больше нигде в сибирских языках не представлены. Тоф. -глыг соответствует др.-тюрк. -ŷli и является в тофаларском языке архаизмом. Аффикс -сыңгы находит свою параллель в як. -тыңы. Тоф. -нчыг, тув. -нчыг, тоф., тув. -сыг больше нигде на Саянах и Алтае не встречаются и соответствуют древним -nčïŷ и -siŷ. Таким образом и по составу аффиксов прилагательных тофаларский язык сохраняет общетюркский тип²⁴³, сближаясь по отдельным аффиксам либо с тувинским языком, либо с хакасским и имея в то же время ряд собственных аффиксов. Кроме того, отсутствие привативного аффикса -sïz в тофаларском языке сближает его со всеми тюркскими языками Саяно-Алтая и якутским, в которых, как и в тофаларском, отсутствие качества или признака выражается сочетанием существительного со словом чоқ «нет» (хак. чох, тув., шор. чок, алт. жок, як. суох).

Основные разряды числительных, кроме количественных, в тофаларском языке тоже образуются аффиксальным путем. Сравним ниже в таблице 22 словообразование тофаларских порядковых, собирательных и разделительных числительных с соответствующими числительными тувинского и хакасского языков.

Таблица 22

Аффиксальное словообразование числительных

Разряд числит.	тоф.	тув.	хак.
Порядковые	-(ы)шқы, -(и)шкиш	-кы(дугаар)	-нчы
Собирательные	-аан, -аалын	-аан (тодж.), -алаа(н), -дырзы	-олаң
Разделительные	-ар/-лар, -арны/-ларны, -арлап/-ларлап	повтор основы, повтор основы + -лап, повтор основы + - кылдыр	-ар/-лар, -арлап/-ларлап, -даң, -ардаң/-лардаң

Как видно из таблицы, в тофаларском языке среди числительных не совпадает с тувинским полностью ни один аффикс. Хотя тоф. -аалын и тув. -алаа(н), как и хак. -олаң имеют одно происхождение²⁴⁴, но развились они, видимо, самостоятельно из одного прототипа. Тофаларский аффикс -аан для собирательного числительного находит себе параллель лишь в тувинском тоджинском диалекте, тоже имеющем -аан²⁴⁵, который встречается почти во всех тюркских языках, кроме огузских²⁴⁶. Таблица также показывает, что разделительные числительные в тофаларском языке образуются аффиксами, аналогичными хакасским. При этом показатель -ар/-лар тоже широко распространен в тюркских языках и известен с древнего периода развития тюркских языков²⁴⁷.

²⁴³ Об общетюркских аффиксах для образования прилагательных см.: Севортьян Э.В. Указ. соч., с. 20-364; Щербак А.М. Указ. соч., с. 108-122.

²⁴⁴ См.: об этом: Щербак А.М. Указ. соч., с. 153.

²⁴⁵ См.: Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка..., с. 90.

²⁴⁶ См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 151.

²⁴⁷ См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 154.

Тофаларский язык имеет свой показатель порядкового числительного *-(ы)шқы*, который явно состоит из двух компонентов, из которых *-қы* совпадает с тувинским *-кы* и является не чем иным, как общетюркским формообразовательным аффиксом *-кы*, передающим значение принадлежности, а также пространственные и временные отношения, а компонент *-ш-* восходит к общетюркскому же показателю порядковых числительных *-нч*²⁴⁸, который в тофаларском языке, оказавшись в абсолютном исходе слова, закономерно дает фонетическое развитие в *-ш*. Аналогичное развитие мы наблюдаем в тофаларских словах *шээш-* «ткнуть, колоть» и *неэш-* «мять, размять», восходящих к древнетюркским *sanč-* «колоть» и *janč-* «разминать». При наращении аффиксов, начинающихся на гласный, вместо *-ш* в этих тофаларских словах закономерно появляется *-ньч*, т.к. в тофаларском языке, как отмечалось в предыдущем разделе, древний *č* в интервокальном положении, в ауслауте и инлауте перешел в *ш*, а в инлауте после сонорных – в *ч*. Здесь как раз и наблюдается этот случай, когда сочетание согласных *-нч* в ауслауте дало **-ниш*, которое затем опростилось в *-ш*, а *н*, исчезнув, оставил вместо себя назализацию появившегося вторичного долгого гласного. Опрощение **-ниш* в *ш* произошло в связи с тем, что тофаларский язык не допускает в ауслауте никаких иных стечений согласных, кроме *-рт* и *-лт*, а все остальные преобразует²⁴⁹. Развитие древнего сочетания согласных *-нч* в ауслауте в *ш* наблюдается еще в тувинском языке (ср. тув. *шаи-* «вонзать» - *шанчар* «вонзит»), а в *-с* в хакасском и якутском (ср. хак. *сас-*, як. *ас-* «вонзать»). В якутском это *-нч* тоже восстанавливается между гласными (ср. як. *анньар* «вонзит»), а в хакасском нет (ср. хак. *сазар* «вонзит»). Развитие *-нч* в *-с* возможно только через промежуточную ступень *-ш*, т.е. *-нч* → **-ниш* → *-ш* → *-с*. Таким образом, закономерности развития звуков в тофаларском языке, имеющие аналогии в некоторых других сибирских тюркских языках, вполне допускают предположение о развитии этого компонента *-ш-* в тофаларском языке из древнего *-нч*. Произошедшая, видимо, впоследствии дестимологизация этого показателя вызвала к жизни добавление к нему показателя *-кы*. Якутский язык тоже развил свой показатель порядковых числительных *-с* из древнего *-нч* (ср. як. *иккис* «второй», *үһүс* «третий»), о чем справедливо указывал Ф.Г. Исхаков²⁵⁰. Здесь тофаларский язык в какой-то мере напоминает якутский. В этой связи вызывает возражение мнение В.Ш. Псянчина, полагающего, что элемент *-ш-* в тофаларском аффиксе порядкового числительного *-(ы)шқы* представляет собой показатель множественности, хотя в отношении якутского *-с* он допускает его развитие из *-нч*²⁵¹. Неприемлемо также в свете изложенного выше и предположение о развитии *-ш-* в тофаларском *-(ы)шқы* за счет перераспределения морфем в числительном *пашқы* «первый», высказанное в свое время В. Бангом и К. Менгесом и, видимо, поддержанное А.М. Щербак²⁵².

Таким образом, аффиксы словообразования числительных в тофаларском языке получили самостоятельное развитие от древних формантов независимо от тувинского и хакасского языков.

Из глаголообразующих аффиксов в тофаларском языке употребляются следующие: *-ла, -лан, -шыла, -са, -сы, -сын, -сыра, -а, -арһа, -ык, -қар, -қыр, -ар(-р), -чы, -ньчы*.

В тувинском языке соответственно представлены аффиксы: *-ла, -а, -ар(-р), -кар, -шы, -сы, -сыра, -сын, -са, -ыырга, -ык, -ча, -шаа, -кайын (-ңайын)*.

В хакасском языке: *-ла, -лан, -а, -ра, -ар(-р), -сын, -са, -сыра, -ых, -хын, -ча, -да*.

Приведем для сравнения глаголообразующие аффиксы из древнетюркского языка: *-а, -nd, -γar, -l, -la, -q, -qa, -qir, -r, -ra, -rqa, -sa, -si, -sira, -su, -ta*.

Как видно из этого сравнения, почти все тофаларские аффиксы имеют соответствующие параллели как в тувинском языке, так и в хакасском и древнетюркском. В тувинском нет аффикса *-лан*, представленного в тофаларском и хакасском. В тофаларском нет тувинских аффиксов *-шаа* (< монг. *-шаа*) и *-кайын*. Вместо аффикса *-кайын* в тофаларском бытует вспомогательный глагол *қайын-*, образующий аналитическим путем ритмичную форму образных глаголов. Довольно активен в тофаларском *-ньчы*, при помощи которого в тувинском образованы лишь считанные слова (типа *кончуг* «страшный», *шыланчыг* «утомительный»). В древнетюркском, конечно, есть ряд аффиксов, которые не сохранились в современных сибирских языках. В то же время все эти глаго-

²⁴⁸ Подробнее об этом аффиксе см.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 96-98.

²⁴⁹ Подробнее об этом см.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка..., с. 61.

²⁵⁰ См.: Исхаков Ф.Г. Числительное. – ИСГТЯ, ч. 2. Морфология, М., 1956, с. 194.

²⁵¹ См.: Псянчин В.Ш. История развития форм порядковых, разделительных и собирательных числительных в тюркских языках. – СТ, 1973, №3, с. 53.

²⁵² См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 151.

лообразующие аффиксы широко представлены в современных тюркских языках²⁵³ и по существу являются в тофаларском языке общетюркскими. Особенностью лишь является то, что в тофаларском, как и в тувинском, очень активны аффиксы *-са*, *-сы*, *-сын*, *-сыра*, чего нельзя сказать о них в других тюркских языках.

В образовании наречий в тофаларском языке участвуют аффиксы: *-га*, *-гаары*, *-да*, *-дан*, *-тын*, *-ын*, *-лап*, *-ды*, *-дыры*.

В тувинском языке употребляются аффиксы: *-гаар*, *-ын*, *-тан*, *-дыр*, *-кылаштыр*.

В хакасском: *-га*, *-гар*, *-дар*, *-ар*, *-да(1)*, *-да(2)*, *-даң*, *-наң*, *-ли*, *-ча*, *-ын*, *-дын*, *-зын*.

В древнетюркском языке специальных наречных аффиксов не выявлено за исключением *-ды//ты*, о котором Э.С. Севортян пишет, что это был, пожалуй, один из немногих наречных аффиксов, который образовывал наречия и от прилагательных, и от глаголов²⁵⁴.

Как видно из сравнения, некоторые аффиксы являются общими для тофаларского, тувинского и хакасского языков, это: *-гаары*, *-да*, *-дан*, *-ын*, *-тын*. С тувинским тофаларский объединяет аффикс *-дыры*. С хакасским – аффиксы *-лап* (хак. *-ли*), *-ды* (хак. *-да2*), *-га*. В хакасском языке есть свои аффиксы: *-дар*, *-нан*, *-ча*, *-зын*. Таким образом, среди аффиксов словообразования наречий тофаларский язык, имея общие элементы как с тувинским, так и с хакасским языками, сохраняет в то же время свою индивидуальность. При этом следует отметить, что тофаларский язык, как и древнетюркский, образует при помощи *-ды* наречия и от прилагательных (*эккіді* «хорошо», *қатығды* «твердо»), и от глаголов (*чугалады* – «тонко», *чоруду* «на ходу»), чего нет больше нигде в сибирских тюркских языках.

Подытоживая данный раздел, следует сказать, что словообразование в тофаларском языке носит в общем и целом общетюркский тип. Лишь по составу словообразовательных моделей и словообразовательных элементов наблюдаются некоторые особенности, связанные главным образом с сохранением более архаичных элементов. Многие словообразовательные аффиксы являются общетюркскими, ряд из этих аффиксов роднит тофаларский язык с тувинским языком, а ряд – с хакасским. В то же время тофаларский язык обнаруживает самостоятельное развитие аффиксов от общих прототипов. Произведенный в разделе разбор свидетельствует о самостоятельности системы словообразования тофаларского языка и о промежуточном положении между тувинским и хакасским языками.

2. Особенности тофаларского формообразования и словоизменения

Словоизменительные и формообразовательные элементы тофаларского языка, как показало проведенное нами их сравнительное исследование²⁵⁵, носят в общих чертах общетюркский характер и широко представлены не только в современных тюркских языках, но и зафиксированы в древнетюркском языке. Но все же некоторые из этих элементов имеют в тофаларском языке свою специфику. Рассмотрим подробнее основные из них.

Так, множественность, неопределенная и собирательная, выражается общетюркским аффиксом *-лар*²⁵⁶, который в тофаларском языке, как и в хакасском, имеет варианты *-лар/-лер*, *-нар/-нэр*, *-тар/-тэр*. В тувинском же языке кроме них употребителен еще вариант *-дар/-дер*, ставящийся после основ на конечный *-л*, т.е. тув. *хөлдөр* «озёра», *малдар* «скот» (ср. тоф. *һөллөр*, *маллар*, хак. *көллөр*, *маллар*).

Аффиксы личной принадлежности в тофаларском языке тоже общетюркские²⁵⁷. Особенностью тофаларского языка здесь, как и тувинского и хакасского, является употребление показателя *-ңар/-ңер* для 2-го лица множ. числа, т.е. тоф. *аьтыңар* «ваш конь» вместо *атығыз*, *атыңыз* в других тюркских языках (ср. тув. *аьдыңар*, хак. *адыңар*). Как справедливо указывал Н.К. Дмитриев²⁵⁸, аффикс *-ңар* развился из *-ң + лар*, т.е. *-ңлар > -ңнар > -ңар*. Кстати, в чулымско-тюркском

²⁵³ Подробнее об этих аффиксах см.: Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования, с. 35-345.

²⁵⁴ См.: Севортян Э.В. Из истории прилагательных в тюркских языках. – В кн.: Тюркологические исследования. М.-Л., 1963, с. 67.

²⁵⁵ См.: Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.

²⁵⁶ Подробнее о нем см.: Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя..., с. 82-85; Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л.: Наука, 1980, с. 145.

²⁵⁷ Подробнее о них см.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 72-82; Кононов А.Н. Указ. соч., с. 147-148.

²⁵⁸ См.: Дмитриев Н.К. Категория принадлежности – ИСГТЯ, ч. 2, с. 32.

языке как раз сохранился этот показатель *-ңнар*, идентичный новоуйгурскому и древнеуйгурскому *-ңлар*.

В системе склонения выявляются заметные отличия тофаларского языка от тувинского. Так, в тофаларском языке представлены, кроме основного, еще следующие 7 падежей: родительный (*-ның, -тың*), винительный (*-ны, -ты*), дательно-направительный (*-га, -қа*), местно-временной (*-да, -та*), исходный (*-дан, -тан*), частный (*-да, -та*), продольный (*-ша/-ше*).

В тувинском языке²⁵⁹ бытуют, кроме именительного, 6 падежей: родительный (*-ның, -дың, -тың*), дательный (*-га, -ка*), винительный (*-ны, -ды, -ты*), местный (*-да, -та*), исходный (*-дан, -тан*), направительный (*-че/-же; -дыва, -тыва*). В тувинском тоджинском²⁶⁰ диалекте направительный падеж имеет аффикс *-гыды/-гиди, -кыды/-киди*.

В хакасском языке²⁶¹ представлена следующая система падежей: притяжательный (*-ның, -тың*), дательный (*-га, -ха*), винительный (*-ны, -ты*), местный (*-да, -та*), исходный (*-даң, -таң, -наң*), направительный (*-зар, -сар*), орудийный (*-наң*). М.И. Боркояков²⁶² предлагает дополнить эти падежи еще двумя: причинно-следственным (*-даңар, -таңар, -наңар*) и продольно-направительным (*-ча/-че*).

Как можно видеть из приведенного сравнения, в этих трех языках совпадают лишь общетюркские падежи²⁶³: родительный, винительный, дательный, местный и исходный. Кроме них в каждом языке развились еще дополнительные падежи: в тофаларском – частный и продольный (*-ша < экватив *ца**), в тувинском – направительный, в хакасском – направительный, орудийный, а также причинно-следственный и продольно-направительный. Все это свидетельствует, что падежная система в этих трех языках складывалась на общетюркской основе совершенно независимо друг от друга. При этом частный падеж сближает тофаларский язык с якутским, в котором тоже представлен частный падеж с аналогичным же аффиксом *-да/-та*, восходящим, как и тофаларский, к древнетюркскому местно-исходному падежу с показателем *-da*²⁶⁴. В данном случае тофаларский язык более архаичен, чем тувинский и хакасский.

Продолжая речь о падежной системе, хотелось бы привести еще один архаичный показатель, отсутствующий в тувинском и хакасском языках и снова сближающий тофаларский язык с якутским и древнетюркским. В данном случае имеется в виду показатель аккузатива *-ын/-ин*, употребляемый в 1-м и 2-м лицах ед. числа в посессивном склонении наряду с показателем *-ны/-ні*, т.е. в тофаларском сосуществуют словоформы типа *аътымын//аътымны* «моего коня», *уруумун//уруумну* «моего ребенка», *урууңун//урууңну* «твоего ребенка». Оформление посессивного аккузатива аффиксом *-ын* характерно для якутского языка, в котором он является единственным и употребляется также и во множественном числе, т.е. *аппын* «моего коня», *аппытын* «нашего коня», *аккын* «твоего коня», *аккытын* «вашего коня»²⁶⁵. В древнетюркском же языке, по утверждению А. Габэн²⁶⁶, аффикс *-ын* употребляется в аккузативе в посессивном склонении тоже только в единственном числе. Во множественном числе используется показатель *-ны*. То есть тофаларский язык полностью напоминает в этом отношении древнетюркский, а сосуществование форм *-ын* и *-ны* говорит о том, что на архаичную форму некогда наложилась более новая форма на *-ны*.

У прилагательных качественных специфически тофаларскими являются показатели ослабления качества *-сыг, -сым, -сың, -сыңгы*, могущие взаимозаменяться. В тувинском и хакасском языках хотя и есть словообразовательный аффикс уподобительных прилагательных *-сыг*, но в данной функции он не употребляется. Тоф. *-сыг* перекликается в данном случае с алт. *-сы*, тат. *-су*, азерб. *-сов*, тур. *-si*, а тоф. *-сыңгы* параллелен як. *-тыңы*. Все эти варианты аффикса имеют в своей основе общетюркский древнейший уподобительный аффикс *-сы*²⁶⁷. Для тофаларского языка эти аффиксы представляют собой результат самостоятельного развития. В тувинском языке тофаларскому *-сым* соответствует *-сымаар*, в хакасском *-сымах*, в шорском *-зыбан*. В тофаларском языке

²⁵⁹ См.: Исаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка..., с. 118-141.

²⁶⁰ См.: Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка..., с. 97-98.

²⁶¹ См.: Грамматика хакасского языка..., с. 66-77.

²⁶² См.: Боргояков М.И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976, с. 116-121.

²⁶³ Подробнее об этих падежах см.: Севортян Э.В. Категория падежа. – ИСГТЯ, ч. 2, с. 45-61; Щербак А.М. Указ. соч., с. 29-61; Кононов А.Н. Указ. соч., с. 148-162.

²⁶⁴ См.: Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Фонетика морфология. Якутск, 1947, с. 107.

²⁶⁵ См.: Харитонов Л.Н. Указ. соч., с. 117; Севортян Э.В. Указ. соч., с. 52.

²⁶⁶ См.: Gabain A. von. Указ. соч., с. 98.

²⁶⁷ См. Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке..., с. 295-316.

нет показателей типа тув. *-ыл, -ылдыр, -аарак*, хак. *-илбей, -амдых, арах*. Формы усиления качества в тофаларском языке образуются по общетюркскому образцу²⁶⁸ либо путем усеченной редупликации с подстановкой *-н*, напр. *қан-қара* «очень черный», либо при помощи наречий *оода* «очень», *ачыры* «чересчур» и т.п. Превосходная степень образуется тоже по общетюркскому типу при помощи препозитивной частицы *эң*²⁶⁹: *эң улуг* «самый большой» и т.п.

Между тофаларским и тувинским языками есть существенная разница в употреблении аффикса *-қыры* (тув. *-кыр*). В тувинском языке он используется для образования форм усиления качества, напр. *кызылгыр* «очень красный», *аккыр* «очень белый». В тофаларском языке это недопустимо, т.к. здесь афф. *-қыры* сугубо словообразовательный и может присоединяться лишь к существительным и глаголам для производства прилагательных. Таким образом, формобразование прилагательных показывает самостоятельность тофаларского языка в этом отношении.

Словоизменение и формобразование глагола в тофаларском языке тоже имеет ряд особенностей. Так, все залоговые аффиксы тофаларского языка – понудительный *-т, -тыр, -дыр, -ыр, -ыс, -кыс, -қыр*; совместно-взаимный *-ш, -ыш*; страдательный *-л, -ыл*; возвратный *-н, -ын* – носят общетюркский характер и представлены во всех тюркских языках, в том числе и в древнетюркском²⁷⁰. Однако, в тофаларском языке имеется еще один показатель возвратного залога *-тын, -дын, -ттын*, кроме *-н*. Этот аффикс, видимо, сложный по происхождению. Сравнение с другими языками показало, что подобный аффикс из всех языков представлен еще только в тувинском языке, в котором он тоже имеет вид *-тын, -дын, -ттын*²⁷¹, например: тув. *алдын* «братиться» (ср. тоф. *алдын*-, хак. *алын*-); тув. *кастын* «копаться» (ср. тоф. *қастын*-, хак. *хазын*-); тув. *дуглаттын* «закрывать» (ср. тоф. *дуглаттын*-, хак. *тулгал*-). Изредка этот аффикс в форме *-тын, -лын* встречается в якутском языке²⁷². Относительно происхождения этого аффикса в литературе пока нет единой точки зрения²⁷³. Во всяком случае аффикс *-лын* зафиксирован у Махмуда Кашгарского в XI в. и встречается в киргизском языке (*-лын*) и якутском (*-ылын*)²⁷⁴. Таким образом, показатели залога в тофаларском языке близки тувинским и якутским, но не хакасским, сохраняя в то же время общетюркский характер.

Немало своеобразия выявляется среди форм вида и актионсарта. Как уже говорилось выше, в тофаларском языке развились и оформились грамматически два вида – завершённый и незавершённый. При этом первый образуется аффиксом *-ывыт/-ивит, -увут/-үвүт*, а в образовании второго участвуют вспомогательные глаголы *тур-, олур-, чору-, чыгт-* в составе аналитической формы в сочетании с деепричастием на *-н* значимого глагола. Сравнение с другими языками показало, что аффикс *-ывыт* имеет полную аналогию с тувинским аффиксом *-ывыт/-ивит, -увут/-үвүт*, тоже образующим завершённый вид²⁷⁵. Происходят эти аффиксы от бывшей аналитической формы *-н ыт-* (где *ыт-* «посылать»), т.е. *барывыт* «уйти» < *барып ыт-*, *көрүвүт* «увидеть» < *көрүп ыт-* и т.п. В хакасском языке представлен типологически такой же аффикс *-ыбыс/-ібіс* и который хакасоведы производят от аналитической формы *-н ыс-* (где *ыс-* «посылать»)²⁷⁶.

Аналитическая же конструкция для образования длительного незавершённого вида представлена во многих тюркских языках с теми же вспомогательными глаголами *ят-, отур-, тур-, йур-* и может быть отнесена к общетюркскому явлению²⁷⁷.

Среди форм актионсарта не имеют аналогий среди тюркских языков Саяно-Алтая, кроме тувинского, тофаларские формы: моментально-однократная (*қылас қын-* «сверкнуть» < *қылай-* «сверкать»), раздельно-кратная (*қылас-қылас қын-* «несколько раз быстро сверкнуть»), ритмичная (*қылаңна-, қылаң-қылаң қын-* «посверкивать»), учащенная ритмичная (*қылаң гайын-* «часто сверкать в разных местах»). Спецификой тофаларского языка в этом регионе является также и то, что эти

²⁶⁸ См.: Исхаков Ф.Г. Имя прилагательное. – ИСГТЯ, ч. 2, с. 165-174.

²⁶⁹ См.: Исхаков Ф.Г. Указ. соч., с. 163-164.

²⁷⁰ См.: Кононов А.Н. Указ. соч., с. 173-182; Севортян Э.В. Указ. соч., с. 478-545.

²⁷¹ См.: Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Указ. соч., с. 286-287.

²⁷² См.: Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.-Л., 1963, с. 95-98.

²⁷³ Разбор точек зрения на происхождение данного аффикса см.: Лятегина Н.И., Насилов Д.М. Пассив в тувинском языке. – СТ, 1974, № 1, с. 15-16.

²⁷⁴ См.: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 493-494.

²⁷⁵ См.: Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Указ. соч., с. 410.

²⁷⁶ См.: Грамматика хакасского языка..., с. 184.

²⁷⁷ Подробнее см.: Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965, с. 53-73.

формы употребляются не только с глаголами образными, но и с глаголами действия-состояния, напр.: *гөрүс қынды* «взглянул», *удус қынды* «вздремнул», *чорус қынды* «сходил», *чаас-чаас қынды* «часто идут кратковременные дожди», *тураңнаэдыры* «часто останавливается», *тураң гайныдыры* «часто останавливается». Эти формы придают тофаларскому языку заметное своеобразие. Частичную аналогию из тюркских языков они имеют лишь в якутском языке²⁷⁸, в котором кроме форм, похожих на тофаларские, представлен и ряд других, тоже употребляющихся с глаголами действия-состояния. Рассмотренные тофаларские и якутские формы имеют в этих языках монгольское происхождение. Во всяком случае для якутского языка это установлено²⁷⁹, а поэтому и для тофаларского языка это следует признать. В монгольских языках подобные видовые формы (мгновенности, ритмичности, длительности и т.п.) довольно развиты и распространены и образуются по тем же моделям: *-с хий-* (*хий-* «делать»), *-с + -с хий-*, *-ңна-*, *-валз-*, *-галз-* и т.п.²⁸⁰.

Из своеобразных форм модальности тофаларского языка следует назвать форму на *-қса-* (субъективная модальность намерения), форму на *-ғу дэғ* (модальность объективной необходимости) и форму на *-қсы бол-* (имитативная форма). При этом форма желания на *-қса-* из всех современных тюркских языков представлена еще только в тувинском языке²⁸¹ и ее нет в хакасском. В тувинском языке, как и в тофаларском, тоже говорят *барықса-* «хотеть пойти», *удуқса-* «хотеть спать» и т.п. Эта форма была довольно продуктивной в древнетюркском языке²⁸².

Тофаларской форме *-ғу дэғ* (*барғы дэғ* «надо пойти») в тувинском и хакасском языках нет аналогий. В этих языках древнетюркская форма *-ғи тәғ*²⁸³, выражавшая возможность, развилась в будущее предположительное причастие *-ғадағ*, *-ғыдағ*.

Форма же *-қсы бол-* (*барықсы бол-* «сделать вид, что уходишь») не имеет аналогий в тюркских языках и может быть сопоставлена с однозначной бурятской формой *-гша боло-* (бур. *ябагша боло-* «сделать вид, что уходишь»). Возможно, что тофаларская форма заимствована из бурятского языка.

Сравнение форм тофаларских причастий с таковыми тувинского и хакасского языков показало, что тофаларский язык имеет здесь заметные отличия, которые видны из нижеследующей таблицы причастных форм.

Таблица 23

Причастия	тоф.	тув.	хак.
1. Прошедшего времени	<i>-қан/-кен,</i> <i>-ган/-ген,</i> <i>-паан/-пээн,</i> <i>-баан/-бээн,</i> <i>-ваан/-вээн,</i> <i>-маан/-мээн</i>	<i>-кан/-кен,</i> <i>-ган/-ген,</i> <i>-паан/-пээн,</i> <i>-баан/-бээн,</i> <i>-ваан/-вээн</i>	<i>-хан/-кен...,</i> <i>-паан/-пеен</i>
2. Прошедшего времени не осуществленного действия	-	<i>-калак/-келек</i>	<i>-халах/-келек</i>
3. Настоящего времени	<i>-у/-ы,</i> <i>-п туру</i>	<i>-ыган;</i> <i>-аачы;</i> <i>-кчы;</i> <i>-п турар</i>	<i>-иган...;</i> <i>-чатхан...;</i> <i>-дырган,</i> <i>-п турган...</i>
4. Настояще-будущего времени	-	-	<i>-чаң/-чең...</i>
5. Будущего времени	<i>-ар/-эр...,</i> <i>-бас/-бес,</i> <i>-нас/-нес,</i> <i>-вас/-вес,</i> <i>-мас/-мес</i>	<i>-ар/-эр...,</i> <i>-бас/-бес,</i> <i>-нас/-нес,</i> <i>-вас/-вес</i>	<i>-ар/-ер...,</i> <i>-аас/-бес...</i>
6. Будущего предположительного времени	-	<i>-кыдаг/-кидег</i>	<i>-ғадаг/-гедег...</i>

²⁷⁸ См.: Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л., 1960, с. 171-174.

²⁷⁹ См.: Kaľusyňaki St. Mongolische Elemente in der Jakutische Sprache. Warazawa, 1961, s. 79-80.

²⁸⁰ См.: Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 2. Глагол. М., 1963, с. 65-71, 249-250; Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951, с. 112-122.

²⁸¹ См.: Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Указ. соч., с. 269.

²⁸² См.: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 314.

²⁸³ См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 654.

Как видно из таблицы, из трех действующих причастных форм тофаларского языка с тувинскими и хакасскими совпадают только две общетюркские – прошедшего и будущего времени, а тувинский язык по составу причастий стоит ближе к хакасскому. Это свидетельствует, что система причастий в тофаларском языке складывалась самостоятельно на общетюркской основе.

Сравним систему тофаларских деепричастий с таковыми тувинского и хакасского языков в нижеследующей таблице.

Таблица 24

Деепричастия	тоф.	тув.	хак.
1. Соединительное	-п, -ып/-ип, -уп/-үп	-п, -ып/-ип, -уп/-үп	-п, -ып/-ип
2. Слитное	-а/-э, -ы/-и, -у/-ү; -йы/-йи	-а/-э, -ы/-и, -у/-ү; -й	-а/-е; -и
3. Прошедшее	-қаш/-кеш, -ғаш/-геш, -пааш/-пәш, -бааш/-бәш, -вааш/-вәш, -мааш/-мәш	-каш/-кеш, -гаш/-геш, -пааш/-пәш, -бааш/-бәш, -вааш/-вәш	-
4. Сопроводительное	-нышааңга/ -пишааңга, -бышааңга/ -бишааңга, -вышааңга/ -вишааңга, -мышааңга/ -мишааңга	-нышаан/ -пишаан, -вышаан/ -вишаан	-абас/-ебес
5. Предела	-қыша/-кише, -гыша/-геше, -қуша/-куше, -ғуша/-ғеше	-қала/-келе	-ғали/-гели; -ғанца/-генце
6. Отрицательное	-пейн, -бейн, -вейн, -мейн, -бейнша, -пейнша, -вейнша, -мейнша	-пайн/-пейн, -байн/-бейн, -вайн/-вейн, -майн/-мейн	-пин, -бин, -мин

Как видно из таблицы, система деепричастий тофаларского языка стоит ближе к тувинской, чем к хакасской. Их объединяют сходные аффиксы прошедшего и сопроводительного деепричастий, хотя в тофаларском языке сопроводительное деепричастие имеет свое оформление. Отсутствуют в тофаларском языке аффиксы *-қала*, *-ғанца*, вместо них *-қыша*, сходный с киргизским *-гыча* и уйгурским *-гича*. Сравнение показало, что система тофаларских деепричастий тоже складывалась на общетюркской основе самостоятельно.

Рассмотрим теперь в сопоставительном плане систему времен индикатива тофаларского глагола. Для наглядности представим этот сопоставительный материал в нижеследующей таблице.

Таблица 25

Времена	тоф.	тув.	хак.
1. Настоящее обычное	-адыры/-едірі..., -йыдыры/-йідірі; -бейндыры/ -бейндірі	-адыр/-едир..., -йдыр/-йдир; -байндыр/ -бейндир	-адыр/-едір, -идыр/-идір; -ир, -а(р) чоғыл/ -е(р) чоғыл
2. Настоящее конкретное	-у/-ы, -п туру, -п чору, -п олуру, -п чыгытыры; -бейн туру, -бейн чыгытыры, -бейн олуру, -бейн чору	-п тур, -п чор, -п олур, -п чыдыр; -байн тур/ -бейн тур, -байн олур...	-(п)ча/-(п)че, -(п)чадыр/ -(п)чедір; -бинча/ -бинче, -бин чадыр/ -бин чедір
3. Настоящее продолженное	-бышааңга/ -бішааңга, -пышааңга/ -пішааңга, -вышааңга/ -вішааңга, -мышааңга/ -мішааңга	-бышаан/ -бишаан	-
4. Прошедшее категорическое	-ды/-ді, -ду/-дү, -ты/-ті, -ту/-тү; -бады/-беді, -пады/-педі, -вады/-веді, -мады/-меді	-ды/-ди, -ду/-дү, -ты/-ти, -ту/-тү; -бады/-беди, -пады/-педи, -вады/-веди, -мады/-меди	-ды/-ді, -ты/-ті; -бады/-беді, -пады/-педі, -вады/-веді, -мады/-меді
5. Прошедшее обычное	-	-	-чаң/-чең, -цаң/-цең; -бачаң/-бечең
6. Прошедшее перфективное	-ган/-ген, -қан/-кен; -баан/-бәән, -паан/-пәән, -ваан/-вәән, -маан/-мәән	-ган/-ген, -кан/-кен; -баан/-бәән, -паан/-пәән, -ваан/-вәән, -маан/-мәән	-ган/-ген, -хан/-кен; -баан/-беен, -паан/-пеен
7. Прошедшее субъективное (риторическое)	-чык/-чик, -чжык/-чжик, -чук/-чүк, -чжук/-чжүк, -йык/-йик; -бачык/-бечик, -байык/-бейик, -пачык/-печик, -пайык/-пейик, -вачык/-вечик, -вайык/-вейик	-чык/-чик, -жык/-жик, -чук/-чүк, -жук/-жүк; -бажык/-бежик, -пажык/-пежик, -важык/-вежик, -мажык/-межик	-бачых/-бечік, -пачых/-печік

8. Прошедшее определенное	-	-	-чатхан/-четкен -бинчатхан/ -бинчеткен
9. Прошедшее повествовательное	-	-п-тыр/-п-тир, -п-тур/-п-түр; -байн-дыр/ -бейн-дир	-(п)тыр/-(п)тир; -биндыр/-биндир
10. Прошедшее не осуществленного действия	-	-	-галах/-гелек, -халах/-келек
11. Будущее категорическое	-ар/-эр -ыр/-ир; -бас/-бес, -пас/-пес, -вас/-вес, -мас/-мес	-ар/-эр, -ыр/-ир; -бас/-бес, -пас/-пес, -вас/-вес, -мас/-мес	-ар/-ер, -ир; -бас/-бес, -пас/-пес
12. Будущее предположительное	-гай/-гей, -кай/-кей; -баай/-бей, -паай/-пей, -ваай/-вей, -маай/-мей	-	-
13. Будущее ожидаемое	-	-галак/-гелек, -калак/-келек	-

Сравнение показывает, что система времен индикатива в каждом из этих трех сравниваемых языков имеет свои особенности, отличающие ее от других. Так, тофаларский язык имеет будущее предположительное на *-гай*, в других же языках это показатель только желательного наклонения. Тувинский развил будущее ожидаемое на основе причастия *-қалақ*, в то время как в хакасском языке на его основе возникло прошедшее не осуществленного действия. Хакасский язык имеет, кроме того, специфичные формы: прошедшее обычное на *-чаң* и прошедшее определенное на *-чатхан*. Кроме всего этого, хакасский язык образует отрицательную форму настоящего обычного времени не при помощи отрицательного деепричастия *-бейн*, а аналитически, путем сочетания причастия на *-ар* со словом *чогыл* «нет». Этими формами хакасский язык резко отличается от тофаларского и тувинского. В то же время в тофаларском языке нет тувинской и хакасской формы прошедшего повествовательного на *-птыр*. Из таблицы видно также, что система аффиксов времен тофаларского языка стоит намного ближе к тувинской, чем к хакасской, хотя ряд показателей тех и объединяет.

К ним относятся широко представленные в тюркских языках формы *-ар*, *-ган*, *-бас*, *-ды*, *-птур*, *-адыр*²⁸⁴. Специфичной формой здесь, объединяющей эти три языка и отсутствующей в других тюркских языках Саяно-Алтай, является форма прошедшего времени на *-чых*, которую Н.А. Баскаков²⁸⁵ возводит к монгольскому аффиксу *-чээ*, а Э.Р. Тенишев²⁸⁶, а также Д.М. Насилов²⁸⁷ более убедительно сопоставляют с древнеуйгурской формой прошедшего времени *-йүк*.

Таким образом, система времен индикатива в тофаларском языке также складывалась на общей основе с тувинским и хакасским языками, но развивалась самостоятельно, хотя и стоит по некоторым формам ближе к тувинскому языку.

Среди форм наклонения вызывает интерес также более архаичная тофаларская аналитическая форма условного наклонения *-дым эрсе*. В хакасском языке это наклонение имеет общетюркский

²⁸⁴ Подробнее см.: Баскаков Н.А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. – ИСГТЯ, ч. 2, с. 263-303.

²⁸⁵ См.: Баскаков Н.А. Форма глагола на *-чых/-чик*, *-чу/-чү* в хакасском, тувинском и киргизском языках. – В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 9-10.

²⁸⁶ См.: Монгуш Д.А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963, с. 133.

²⁸⁷ См. Насилов Д.М. Прошедшее время на *-jük/-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлекс в современных языках. – В кн.: Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966, с. 92-104.

показатель *-са*. Тофаларская форма совпадает с древнеуйгурской *-dim ärsär*²⁸⁸ и является, видимо, архаизмом, связанным с древнеуйгурским влиянием. В какой-то мере близка к тофаларской по происхождению западнотувинская форма этого же склонения *-дым изе* и центральнотувинская *-зымза*. В тоджинском диалекте представлена форма *-са*.

Разбор тофаларского словоизменения и формообразования в сравнительном плане можно завершить сопоставлением склонения указательных местоимений *бо* «этот» и *ол* «тот», которое обычно обнаруживает отклонение по языкам.

	тоф.	тув.	хак.	тоф.	тув.	хак.
Осн. п.	<i>бо</i>	<i>бо</i>	<i>пу</i>	<i>ол</i>	<i>ол</i>	<i>ол</i>
Род. п.	<i>монуң</i>	<i>мооң</i>	<i>мының</i>	<i>онуң</i>	<i>ооң</i>	<i>аның</i>
Дат. п.	<i>маңа//</i> <i>маа</i>	<i>маңаа</i> <i>//маа</i>	<i>пуға</i> <i>пуға</i>	<i>аңа//</i> <i>аа</i>	<i>аңаа//</i> <i>аа</i>	<i>ағаа</i>
Вин. п.	<i>мону</i>	<i>мону</i>	<i>мыны</i>	<i>ону</i>	<i>ону</i>	<i>аны</i>
Местн. п.	<i>мында</i>	<i>мында</i>	<i>мында</i>	<i>ында</i>	<i>ында</i>	<i>анда</i>
Исх. п.	<i>мунун//</i> <i>мындан</i>	<i>моон</i>	<i>мыннаң</i>	<i>унун//</i> <i>ындан</i>	<i>оон</i>	<i>аннаң</i>
Напр. п.	-	<i>боже//</i> <i>бодува</i>	<i>пузар//</i> <i>мындар</i>	-	<i>олче//</i> <i>олдува</i>	<i>аныңзар</i>
Орудн. п.	-	-	<i>мынынаң</i>	-	-	<i>аннаң.</i>

Данное сравнение показывает, что хотя тофаларский тип склонения этих местоимений стоит ближе к тувинскому, но и он полностью его не копирует, показывая самостоятельность ряда форм. Но в общем-то, по составу местоимений тофаларский язык тоже обнаруживает общетюркский тип, имея те же *мен* «я», *сен* «ты», *биъс* «мы», *ол* «тот», *бо* «этот», *қайда* «где», *қум* «кто» и т.п.²⁸⁹ Объединяет тофаларский язык с тувинским в данном случае наличие вербальных местоимений *қаньча-* (тув. *канча-*) «как делать», *чоон-* (тув. *чоон-*) «что делать», *ыньча-* (тув. *ынча-*) «так делать», *мыньча-* (тув. *мынча-*) «этак делать», которых нет больше нигде в современных тюркских языках.

Итак, суммируя данный раздел, мы можем утверждать, что словообразование, словоизменение и формообразование тофаларского языка, представленные в знаменательных частях речи, показывают заметное своеобразие тофаларского языка, сложение этих форм на общетюркской основе, дальнейшее развитие которой проходило в тофаларском языке самостоятельно, независимо от тувинского и хакасского языков, хотя в ряде случаев тофаларский язык оказывается ближе то к тувинскому, то к хакасскому. Все же по многим признакам тофаларский язык здесь стоит ближе к тувинскому, сохраняя в то же время отдельные архаичные черты. Ввиду отсутствия соответствующих материалов сделать какие-либо выводы относительно уйгуро-уряньхайского языка в данном случае не представляется возможным.

§ 3. МЕСТО ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Произведенное выше сравнительное исследование фонетической системы, а также систем словообразования, словоизменения и формообразования тофаларского языка показало, что данный язык на всех этих уровнях обнаруживает самостоятельность развития тюркского прототипа, совпадая в ряде случаев то с тувинским языком, то с хакасским, то с якутским, сохраняя в то же время архаичные черты. Не лишен тофаларский язык и специфических черт, которые не находят больше нигде аналогий. Но все же по некоторым кардинальным признакам тофаларский язык больше сближается с тувинским, а по фонетическим признакам и с уйгуро-уряньхайским. Сравнение показало, что по фонетическим и морфологическим признакам тофаларский язык нельзя включать в систему ни тувинского, ни хакасских диалектов. О том, что тофаларский язык является самостоятельным языком свидетельствуют и результаты диахронического и синхронического изучения его лексического состава, произведенного нами. Таким образом, статус тофаларского

²⁸⁸ См.: Gabain A. von. Указ. соч., с. 133.

²⁸⁹ Подробнее о местоимениях в тюркских языках см.: Исхаков Ф.Г. Местоимения. – ИСГТЯ, ч. 2, с. 208-262.

языка как самостоятельного языка не вызывает сомнения, а ошибочное отнесение его то к тувинским диалектам, то к хакасским следует объяснить былым отсутствием необходимых материалов и сравнительного изучения этого языка.

В связи с установлением статуса тофаларского языка встает не менее важный и ответственный вопрос о его месте в системе тюркских языков. Перед тем, как окончательно ответить на него, осветим кратко историю классификационной оценки тофаларского языка.

Так, М.А. Кастрен, посетивший в середине XIX века многие народы Сибири и изучивший их родовой состав и языки, пришел к выводу, что языки карагасов, качинцев, койбалов и сойотов очень близки между собой, при этом карагасский стоит очень близко к койбальскому, но гораздо дальше от качинского и настолько близко к сойотскому, что карагасский и сойотский могли бы считаться диалектными вариантами²⁹⁰. Кастрен считал также, что языки карагасов, койбалов и сойотов образовались за счет отторжения качинцами местных самодийских и кетских племен карагасов, койбалов и сойотов²⁹¹.

Но уже В.В. Радлов, предложивший свою классификацию тюркских языков, названных им диалектами, основанную на фонетических признаках, включает карагасский язык как самостоятельный в группу восточных диалектов вместе с сойотским, кюэрикским (чулымским), барабинским, алтайскими и абаканскими диалектами²⁹².

Ф.Е. Корш относил карагасов вместе с койбалами и сагайцами к восточной (юго-восточной) группе тюркских народов, к языкам которых он причислял также орхонский, древнеуйгурский, чагатайский и половецкий²⁹³.

А.Н. Самойлович относил карагасский язык к подгруппе «д» - диалектов северо-восточной (по основному языку – уйгурской) группы тюркских языков, к группе «бол» - диалектов²⁹⁴.

С.Е. Малов включил тофаларский язык вместе с тувинским, хакасским и шорским, а также с языком рунических и древнеуйгурских памятников в группу древних тюркских языков²⁹⁵.

В.А. Богородицкий объединял карагасский язык вместе с тувинским и якутским в одну северо-восточную группу и отличал ее от хакасской (абаканской) группы и алтайской²⁹⁶.

К.Г. Менгес считал тофаларский и тувинский языки за один язык туба и всегда рассматривал их вместе²⁹⁷.

Н.А. Баскаков, разработавший более подробную классификацию, опирающуюся на фонетические и морфологические признаки и учитывающую историческую периодизацию развития и формирования тюркских языков, отнес современный тофаларский вместе с тувинским и древними огузским и уйгурским языками в уйгуро-тукуюскую подгруппу уйгуро-огузской группы. В эту же группу он включает также якутскую и хакасскую подгруппы. При этом он предлагает считать тофаларский язык диалектом тувинского²⁹⁸. В этой наиболее удачной из всех имеющихся классификаций есть, к сожалению, один недостаток: она смешивает древние и современные языки. Поэтому вряд ли стоит объединять тофаларский и тувинский языки с древнеогузским и древнеуйгурским, поскольку сохранение в этих языках древнего интервокального *d* все же не может перекрыть имеющихся существенных различий в фонетике и морфологии, не говоря уже о лексике. На наш взгляд следует дифференцировать классификации древних и современных тюркских языков.

Как можно видеть из произведенного краткого обзора классификаций тофаларского языка, в этом вопросе не было единства взглядов.

²⁹⁰ См.: Castrèn M. Alexander. Beineborichte und Briefe aus don Jahren 1845-1849, herausgogebon von Anton Schiefner. St-Pb., 1856, s. 390.

²⁹¹ См.: То же, с. 391.

²⁹² См.: Radloff W. Phonetik der nördlichen Türkeprachen. Andere Heft. Cosonanten. Leipzig, 1882-1883, s. 280-285.

²⁹³ См.: Корш Ф.Е. Классификация турецких племен по языкам. – В кн.: Этнографическое обозрение 1910. Кн. 84-85, № 1-2, М., 1910, с. 123-124.

²⁹⁴ См.: Самойлович А.Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг.: Изд-во ЛИЖВЯ, 1922, с. 8-9.

²⁹⁵ См.: Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки. – Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1952, т. II, вып. 3, с. 142.

²⁹⁶ См.: Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, с. 10.

²⁹⁷ См.: Menges K.H. Das Sejonische und Karagasaische. – In: Philologiac Turcicac Fundamenta. Teil 1. Hiestaden, 1959, s. 640-670.

²⁹⁸ См.: Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969, с. 323.

Наши материалы по тофаларскому языку, записанные у носителей языка и подвергнутые широкому сравнительному исследованию, свидетельствующие о самостоятельности тофаларского языка и о его смешанном характере, позволяют объединить на основе данных фонетики, морфологии и лексики три самостоятельных языка: тофаларский, тувинский и уйгуро-урянской в одну подгруппу, которую можно условно назвать саянской, и включать ее в уйгуро-огузскую группу на равных правах с уйгуро-тувунской подгруппой древних языков и с якутской и хакасской подгруппами современных тюркских языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в данной работе исследование позволило получить следующие основные результаты.

1. Установлен фонетический строй современного тофаларского языка. Выявлена система организации вокализма с ее трехступенчатой корреляцией гласных чистых кратких, фарингализованных кратких и долгих фонем. Определена система консонантизма с ее корреляцией согласных фонем по шумности-сонантности, а шумных – по силе и слабости. Изучено соотношение качества гласных с качеством согласных, что позволило открыть закономерность обязательной сочетаемости фарингализованных гласных с сильными согласными. Противопоставление согласных по силе и слабости происходит главным образом в инлауте и ауслауте. Кроме того, вскрыты закономерности поведения звуков, гласных и согласных, в потоке речи, их чередования, выявлено воздействие фарингализации на процессы чередования сильных согласных фонем. Конкретно определен инвентарь гласных и согласных фонем с их основными произносительными вариантами. Выявлено 10 кратких чистых гласных фонем, 10 фарингализованных и 10 долгих. По месту образования они делятся на переднерядные, центральные, смешанные и заднерядные. Выявлено 25 согласных фонем, подразделяющихся по месту образования на губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные и фарингальные.

2. Установлена система словообразования знаменательных частей речи с ее аффиксальным и неаффиксальным способами. Среди аффиксов выделены продуктивные и непродуктивные. Среди неаффиксальных способов словообразования выявлены лексико-семантический, лексико-морфологический и лексико-синтаксический.

3. Определена система словоизменения и формообразования именных частей речи, глагола и местоимений. У именных частей речи установлены формы числа, личной принадлежности, падежа (склонения простое и посессивное), диминутива и качественной характеристики признака, значение и употребление всех этих форм. У глагола выявлены залоговые формы, формы вида и формы, выражающие характер протекания действия (дифференцированно у образных и звукоподражательных глаголов и у глаголов действия-состояния), формы модальности, деепричастные и причастные формы. У местоимений выявлены их разряды, а также особенности словоизменения, связанные с соотносительностью местоимения с той или иной знаменательной частью речи.

4. Сравнительное исследование фонетической системы позволило установить, что тофаларский язык, наследуя общетюркскую систему фонем, имеет в то же время ряд существенных особенностей, содержащих изоглоссный характер. Так, по наличию трехступенчатой корреляции гласных тофаларский язык сближается с тувинским, по наличию корреляции согласных по силе и слабости он тоже сближается с тувинским, с которым его также роднит и сохранение древнего *d* в инлауте и ауслауте, давшего *t, z, s, r, j* в других тюркских языках. Этот же признак сближает тофаларский и тувинский языки с уйгуро-уряньхайским и халаджским. В то же время наличие *ç* на месте древнего *j* в анлауте объединяет тофаларский язык с тувинским, хакасским и шорским, а развитие этого *j* во многих случаях в среднеязычный *нь* – с хакасским, шорским языками и северными диалектами алтайского языка. Появление же в некоторых случаях вместо этого *j* сибиланта *с* роднит тофаларский и тувинский языки с якутским. Образование вторичных долгих гласных в тофаларском языке за счет ослабления и выпадения некоторых интервокальных согласных объединяет тофаларский язык с тувинским, шорским, хакасским, алтайским, киргизским языками. Все эти особенности тофаларской фонетики имеют аналогии в уйгуро-уряньхайском языке. Хотя тофаларский язык во многом похож в фонетическом отношении с тувинским языком, но он имеет и существенные расхождения, к которым относятся: разная функциональная нагрузка фарингализации, разные места оппозиции сильных и слабых согласных, наличие в тофаларском языке среднеязычного *нь*, сильное развитие в тувинском стяжении двослогов, совершенно разное поведение согласных и гласных в потоке речи на стыке морфем (напр., чередование в тофаларском сильного *ш* с *һь*, а сильных *к* и *қ* с *һ*, слабого *ш* – с *ç*, а слабых *к* и *қ* – с *ç*, сильного *п* – с *ф*, а слабого *п* – с *б*), сильное опереждение твердорядных гласных под влиянием *й* и палатальных и среднеязычных согласных в тофаларском.

5. Сравнительный анализ морфологии современного тофаларского языка показал, что в области как слово- и формообразования, так и словоизменения этот язык обнаруживает в целом общетюркский тип. Отклонения от него вызваны развитием ряда форм как в одном тофаларском языке, так и в отдельной локальной группе. Такой группой явились языки тюрков Саяно-Алтайского нагорья – тофов, тувинцев, хакасов, шорцев, алтайцев. Языки этих народов имеют множество объединяющих их черт не только в фонетике и лексике, но и в морфологии.

Тофаларский язык занимает среди этих языков самостоятельное место. Он имеет в грамматике черты, сближающие его со всеми ними, но в то же время отдельные моменты роднят его то с одним, то с другим. Очень часто такие аналогии имеются либо только в тувинском языке, либо только в хакасском.

Так, например, в системе склонения развился продольный падеж типа хакасского, система разделительных числительных совпадает с хакасской, как и в хакасском, активен аффикс *-цаң*, образующий прилагательное, в то время как в хакасском, а также в шорском, он превратился в причастный аффикс, в тувинском его нет. Как и в хакасском, активно отглагольное наречие на *-ды*.

С тувинским языком тофаларский сближает наличие похожего деепричастия на *-нышааңга*, совпадение сослагательного наклонения, оформляемого причастием будущего времени на *-р* + связка *иик*, восходящая к архаичному глаголу **эр-* «быть». Условное наклонение в тофаларском языке, как и в западных тувинских говорах, образуется аналитически путем сочетания формы прошедшего времени на *-ды* со служебным словом *эрсе* (в тувинском *изе*). Совпадает словообразовательный именной аффикс *-ыышқын*, характерный только для этих двух языков, а также реликты древних местоименных глаголов. Только в этих двух языках сохранилась древняя форма модальности желания, намерения совершить действие с показателем *-қса-*.

Но в то же время в тофаларском языке обнаружился ряд черт, объединяющих его с якутским языком. Это наличие частного падежа на *-да*, оформление винительного падежа в посессивном склонении показателем *-ын*, общий аффикс уподобительного прилагательного *-сыңғы* (як. *-тыңы*), в общих чертах одинаковая система видовых форм у звукоподражательных и образных глаголов, восходящая у образных глаголов на *-й* к монгольскому языку, и наложение этой системы на глаголы действия-состояния.

Есть и черты, объединяющие тофаларский, хакасский и тувинский языки. Это, в частности, сохранение формы древнеуйгурского прошедшего времени на *-йук*.

Специфически тофаларскими, среди языков Саяно-Алтая, чертами в грамматике являются, например, очень высокая активность аффикса относительного прилагательного *-қыры*, образующего основы от имен и глаголов, аффикса отглагольного прилагательного на *-злыг*, напоминающего страдательное причастие, сохранение у числительных всей архаичной системы десятков, сохранившейся кроме того еще только в языке желтых уйгуров, наличие для порядкового числительного специфического аффикса *-ышқы*. Нигде, кроме как в тофаларском, нет причастия настоящего времени на *-у/-ы*, развившегося, видимо, из древнего показателя *-ур/-ыр* с узким гласным. Специфичным является сохранение вспомогательного глагола *гайын-* для образования формы учащенной ритмичности во всех типах глаголов (в тувинском он стал аффиксом *-қайын/-кейин*, *-ңайын/-ңейин* и употребляется только со звукоподражательными и образными основами). Специфично наложение системы видов образных глаголов на все глаголы действия-состояния и сосуществования у них двух видовых систем – общетюркской и монгольской.

В тофаларском языке отсутствует форма прошедшего времени на *-п-тыр*, нет причастий на *-қалақ*, *-гадағ/-гадый*, деепричастия предела *-қала*, характерных для других языков Саяно-Алтая. Только в тофаларском представлены формы релятивного употребления времен *-ған иик*, *-у иик*, *-гай иик* и развившаяся из релятивного употребления условной формы *-са иик* форма желательного наклонения *-сизг*.

Сравнение в общетюркологическом плане показывает, что тофаларский язык, иногда сам, иногда вместе с другими тюркскими языками Саяно-Алтая и якутским сохраняют ряд архаичных черт, некоторые из которых сопоставимы с древнеуйгурским языком. Система времен глагола совпадает больше всего с кыпчакско-киргизско-уйгурской, что подтверждается широким использованием вспомогательных глаголов *тур-*, *чору-*, *олур-*, *чыьтыр-*, формой на *-ған*. Показательно сохранение древнеуйгурского прошедшего времени на *-йук*.

6. Сравнительный анализ исследованных в работе строевых элементов тофаларского языка, подкрепленный выводами по лексике, позволил окончательно установить статус современного тофаларского языка как языка самостоятельного.

7. С учетом выявленных в результате этого сравнения особенностей и изоглосс в фонетическом строе, в морфологии и лексике установлено место тофаларского языка вкпе с более близкими к нему из всех тюркских языков тувинским и уйгуро-урянхайским в одной саянской подгруппе тюркских языков, существующей самостоятельно и параллельно с хакасской и якутской подгруппами и входящей вместе с ними и с древней уйгуро-тукюйской подгруппой в уйгуро-огузскую группу тюркских языков восточно-хуннской ветви.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиография

1. Агазаде Н.Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском языке. Баку, 1967. – 192 с.
2. Азнабаев А., Псянчин В. К проблеме исторического развития аффиксов множественного числа –lağ в тюркских языках. – СТ, 1971, №5, с. 11-20.
3. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнегреческой письменности VIII века. Алма-Ата, 1971. – 380 с.
4. Акбаев Ш.Х. Сравнительно-исторический метод в тюркологии и генезис балкарского цоканья. – СТ, 1971, №2, с. 98-101.
5. Алекперов А.К. Фонематическая система современного азербайджанского языка. Баку, 1971. – 96 с.
6. Алекперов А.К. Сравнительная фонетика тюркских языков. – СТ, 1971, №1, с. 128-134.
7. Анжиганова О.П. Словосочетания с нумеративными словами в хакасском языке. – СТ, 1973, №4, с. 87-92.
8. Аннануров А. Функциональное развитие грамматических категорий, связанных с деепричастием на –р. – СТ, 1972, №2, с. 32-39.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1963, - 607 с.
10. Ахметов М.А. Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку. – СТ, 1974, №3, с. 39-51.
11. Ахметов М.А. Залог глагола в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку. – СТ, 1978, №4, с. 9-20.
12. Ахметьянов Р.Г. О генеалогической классификации кыпчакских тюркских языков. – СТ, 1978, №6, с. 31-36.
13. Баскаков Н.А. Причастие на –ды/-ты в тюркских языках. – В кн: Труды Московского ин-та востоковедения. 1951, №6, с. 205-217.
14. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т.2. Фонетика и морфология. Ч.1. М., 1951. – 543 с.
15. Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков. – В кн.: Известия АН СССР, ОЛЯ, 1952, т. XI, вып. 2, с. 121-134.
16. Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении условной формы на –са/-се в тюркских языках. – В кн.: В.А. Гордлевскому к его 75-летию. М., 1963, с. 35-63.
17. Баскаков Н.А. Уйгурский вокализм. – ИСГТЯ, ч.1, с. 116-121.
18. Баскаков Н.А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. – ИСГТЯ, ч.2, с. 263-303.
19. Баскаков Н.А. Алтайский язык. (Введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М.: Из-во АН СССР, 1958. – 115 с.
20. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М: Высшая школа, 1962. – 332 с.
21. Баскаков Н.А. К критике новых классификаций тюркских языков. – ВЯ, 1963, №2, с. 72-80.
22. Баскаков Н.А. Форма глагола на –чых/-чик, -чу/-чү в хакасском, тувинском и киргизском языках. – В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 5-10.
23. Баскаков Н.А. Алтайский язык. – В кн.: Языки народов СССР: Т.2: Тюркские языки. М.: Наука, 1946, с. 506-522.
24. Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. М.: Наука, 1966. – 173 с.
25. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1969. – 383 с.
26. Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект кумандинцев (куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М.: Наука, 1972. – 279 с.
27. Баскаков Н.А. О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавитов тюркских языков народов СССР. – В кн.: Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М.: Наука, 1972, с. 5-27.
28. Баскаков Н.А. Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках. – ВЯ, 1975, №1, с. 91-103.

29. Баскаков Н.А. Механизм агглютинации и процессы грамматикализации самостоятельных слов в тюркских языках. – ВЯ, 1978, №6, с. 52-62.
30. Баскаков Н.А. Форма прошедшего времени глагола на – сүх ~ - си в тюркских языках и ее происхождение. – СТ, 1978, №4, с. 3-8.
31. Баскаков Б.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М: Наука, 1979. – 274 с.
32. Баскаков Н.А. К историко-типологической фонологии тюркских языков. – ВЯ, 1981, №1, с. 60-69.
33. Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасско-русский словарь. М., 1953. – 487 с.
34. Бирюкович Р.М. О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке. – СТ, 1975, №6, с. 55-67.
35. Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч.1. Категория имени существительного: Учебно-методические материалы. М., 1979. – 91 с.
36. Бирюкович Р.М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка: Методическое пособие. М., 1979. – 202 с.
37. Бирюкович Р.М. Строй чулымско-тюркского языка: Автореф. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1980.
38. Бирюкович Р.М. Палатальный сингармонизм в чулымско-тюркском языке. – В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976, с. 65-67.
39. Бичелдей К.А. Фарингализованные гласные в тувинском языке. – В кн.: Звуковой строй сибирских языков: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1980, с. 39-65.
40. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 382 с.
41. Благова Г.Ф. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения. – ВЯ, 1970, №1, с. 60-81.
42. Благова Г.Ф. К истории развития местоименного и именного падежных склонений в тюркских языках. – СТ, 1971, №2, с. 39-49.
43. Благова Г.Ф. Строение форм желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению. – СТ, 1973, №3, с. 10-25.
44. Благова Г.Ф. Заметки о взаимно-совместном залоге. – СТ, 1976, №6, с. 46-59.
45. Благова Г.Ф. К теории тюркского склонения. – СТ, 1978, №5, с. 3-9.
46. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань: Татгосиздат, 1953. – 220 с.
47. Болд Л. Уйгар-урианхай хэлний эгшиг авиа. – В кн.: Хэл зохиол судлал, XI боть, 1-24 дэвтэр. Улаанбаатар, 1975, с. 133-146 (на монгольском языке).
48. Болд Л. Монгол хэлнээс уйгар-урианхай хэлэнд орсон үгийн эгшиг авианы онцлог. – В кн.: Хэл зохиол судлал, XII боть, 1-18 дэвтэр. Улаанбаатар, 1977, с. 95-105 (на монгольском языке).
49. Болд Л. Уйгар-урианхай хэлэнд орсон монгол үг. – В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал, II боть. Улаанбаатар, 1977, с. 25-32 (на монгольском языке).
50. Болд Лувсандоржийн. Особенности уйгуро-урянхайского языка: Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Батор, 1978 (на русском языке).
51. Боргояков М.И. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке. – В кн.: Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1966, вып. 12, с. 81-98.
52. Боргояков М.И. О переходе s в с̣ в качинском диалекте хакасского языка. – СТ, 1973, №3, с. 79-80.
53. Боргояков М.И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976. – 159 с.
54. Боргояков М.И. Отношение тюркских языков Южной Сибири к языку сарыг-югуров. – СТ, 1976, №2, с. 43-49.
55. Боргояков М.И. О кангатах и их языке. – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюзной конференции 3-5 июня 1976 г. Томск, 1976, с. 51-54.
56. Боргояков М.И. Развитие форм спряжения в хакасском языке. – В кн.: Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1976, №3, серия филологическая, вып. 20, с. 161-181.
57. Боргояков М.И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981. – 143 с.
58. Боровков А.К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935. – УШ, 247 с.

59. Васильев В.Н. Краткий очерк быта карагасов. – В кн.: Этнографическое обозрение, XXIV-XXXV, 1910.
60. Вернер Г.К. Звуковая система сымского диалекта кетского языка: Автореф. Дисс ... канд. филол. наук. Томск, 1966.
61. Вернер Г.К. Проблема происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках. – СТ, 1972, №5, с. 17-24.
62. Вопросы грамматики тюркских языков: Материалы координационного совещания... Алма-Ата; Из-во АН Каз. ССР, 1958. – 252 с.
63. Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Стенограмма координационного совещания... Ашхабад, 1961. – 225 с.
64. Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М., 1972. – 239 с.
65. Гаджиев Т.И. О происхождении геминат в тюркских языках. – СТ, 1971, №6, с. 26-31.
66. Гаджиева Н.З. Категория долженствовательного наклонения в азербайджанском языке. – В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 201-210.
67. Гаджиева Н.З. Природа изафета в тюркских языках. – СТ, 1970, №2, с. 18-26.
68. Гаджиева Н.З. Существовал ли глагол-связка настоящего времени в тюркских языках? – СТ, 1971, №5, с. 3-10.
69. Гаджиева Н.З. О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структур тюркских языков. – СТ, 1972, №2, с. 3-15.
70. Гаджиева Н.З. Глухое начало слова в тюркском языке. – СТ, 1973, №4, с. 3-10.
71. Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики: Среднеазиатский ареал. М., 1975. – 303 с.
72. Гаджиева Н.З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики. – ВЯ, 1975, №1, с. 13-26.
73. Гаджиева Н.З. Некоторые тенденции в развитии строя тюркских языков: Фонетический строй. – СТ, 1976, №2, с. 3-12.
74. Гаджиева Н.З. О тенденциях в развитии морфологического строя тюркских языков. – СТ, 1976, №5, с. 3-15.
75. Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. – М.: Наука, 1979. – 263 с.
76. Гаджиева Н.З. К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов. – В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980, с. 100-126.
77. Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках. – СТ, 1974, №1, с. 3-12.
78. Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Был ли начальный j в тюркских языках первичным? – СТ, 1974, №3, с. 75-82.
79. Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Ареальная лингвистика и проблема восстановления некоторых черт исчезнувших языков. – СТ, 1977, №3, с. 3-12.
80. Ганиев Ф.А. Сложные глаголы в тюркских языках. – СТ, 1972, №3, с. 63-66.
81. Ганиев Ф.А. Глагольные образования на –ла/-лэ в современном татарском языке: Опыт синхронного и системного изучения. – СТ, 1974, №5, с. 3-12.
82. Ганиев Ф.А. Аналитическая морфология тюркских языков: Проблемы и задачи. – СТ, 1979, №1, с. 3-8.
83. Ганиев Ф.А. Вопросы морфологии татарского языка. Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. – 80 с.
84. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч.3. О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских... СПб., 1799.
85. Голубева Н.Т. Словообразовательная функция аффикса –dan/-den, -tan/-ten в современном турецком языке. – СТ, 1972, №3, с. 81-84.
86. Грамматика азербайджанского языка: Фонетика, морфология и синтаксис. Баку: Элм, 1971. – 413 с.
87. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. – 495 с.
88. Грамматика туркменского языка. Ч.1 Фонетика и морфология. Ашхабад: Ылым, 1970. – 503 с.
89. Грамматика хакасского языка. М.: Наука, 1975. – 418 с.
90. Грунина Э.А. Об изучении семантической структуры временных форм индикатива: Подходы к проблеме. – СТ, 1975, №4, с. 82-91.
91. Гузев В.Г. Староосманский язык. М.: Наука, 1979. – 95 с.

92. Гузев В.Г., Насилов Д.М. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности-неопределенности. – СТ, 1971, №5, с. 21-25.
93. Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. – ВЯ, 1975, №3, с. 98-111.
94. Джанмавов Ю.Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке (сравнительно с другими тюркскими языками). М.: Наука, 1967. – 329 с.
95. Дешериева Т.И. К проблеме определения категории глагольного вида. – ВЯ, 1976, №1, с. 73-81.
96. Дёрфер Г. О трех количественных градациях гласных в тюркских языках. – СТ, 1976, №4, с. 56-71.
97. Джусупакмадов У. Отношение киргизского языка к сибирским тюркским языкам (на материале форм прошедшего времени глагола): Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
98. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: Из-во АН СССР, 1940. – 206 с.
99. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Изд-во, 1948. – 276 с.
100. Дмитриев Н.К. Ассимиляция и диссимиляция согласных в башкирском языке. – ИСГТЯ, ч.1, с. 303-306.
101. Дмитриев Н.К. Ассимиляция и диссимиляция согласных в кумыкском языке. – ИСГТЯ, ч.1, с. 298-302.
102. Дмитриев Н.К. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. – ИСГТЯ, ч.1, с. 281-288.
103. Дмитриев Н.К. Глухие и звонкие согласные в середине слова. – ИСГТЯ, ч.1, с. 274-278.
104. Дмитриев Н.К. Долгие и гласные в гагаузском языке. – ИСГТЯ, ч.1, с. 203-207.
105. Дмитриев Н.К. Долгие гласные в туркменском языке. – ИСГТЯ, ч.1, с. 182-191.
106. Дмитриев Н.К. Долгие гласные в якутском языке. – ИСГТЯ, ч.1, с. 192-197.
107. Дмитриев Н.К. Вторичные долготы в тюркских языках. – ИСГТЯ, ч.1, с. 198-202.
108. Дмитриев Н.К. Неустойчивое положение сонорных р, л, н в тюркских языках. – ИСГТЯ, ч.1, с. 279-280.
109. Дмитриев Н.К. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова. – ИСГТЯ, ч.1, с. 265-273.
110. Дмитриев Н.К. Категория принадлежности. – ИСГТЯ, ч.2, с. 38-44.
111. Дмитриев Н.К. Категория числа. – ИСГТЯ, ч.2, с. 65-71.
112. Дмитриев Н.К. Турецкий язык. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. – 94 с.
113. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. – 621 с.
114. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. – 676 с.
115. Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык. – Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та, 1952, т. 9, с. 76-211.
116. Дульзон А.П. Диалекты татар – аборигенов Томи. – Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та, 1956, т. 15, с. 297-379.
117. Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. – Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та, т. XIX, вып. 2, 1961, с. 152-189.
118. Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т.2. Тюркские языки. М., 1966, с. 446-466.
119. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск: Изд-во ТГУ, 1968. – 636 с.
120. Дульзон А.П. Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков. – СТ, 1971, №2, с. 17-20.
121. Дульзон А.П. Диалекты и говоры тюрков Чулыма. – СТ, 1973, №2, с. 16-29.
122. Дульзон А.П. Установление архетипа фонемы по межязыковым рядам альтернатив. – СТ, 1973, №5, с. 93-104.
123. Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1940. – 303 с.
124. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.
125. Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948.
126. Дыренкова Н.П. Тофаларский язык. – В кн.: Тюркологические исследования. М.-Л., 1963, с. 5-24.
127. Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч.1. Вокализм. Якутск, 1971. – 192 с.

128. Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч.2. Консонантизм. Якутск, 1977. – 255 с.
129. Евсенин К.А. Карагасы. Красноярск, 1919.
130. Есипова А.В. Образование причастий в шорском языке. – В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976, с. 80-83.
131. Жирмунский В.М. Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками. – В кн.: Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Избранные труды. Л.: Наука, 1976, с. 187-208.
132. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л.: ЛГУ, 1960. – 336 с.
133. Иванов С.Н. К истолкованию категории принадлежности (на материале турецкого языка). – СТ, 1973, №1, с. 26-37.
134. Иванов С.Н. К истолкованию многозначности грамматических форм. – ВЯ, 1973, №6, с. 101-109.
135. Иванов С.Н. К объяснению системы времен турецкого индикатива. – В кн.: Turcologica. К 70-летию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1976, с. 79-87.
136. Иллич-Свитыч В.М. Алтайские денталы t, d, б. – ВЯ, 1963, №6, с. 37-56.
137. Исламов М.И. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка. – СТ, 1972, №3, с. 16-28.
138. Исхаков Ф.Г. Некоторые предположения о происхождении конечных т и д в словах аст, ұст, алд, арт и т.п. – В кн.: Академику В.А. Гордлевскому к его 75-летию. Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 124-136.
139. Исхаков Ф.Г. Гармония гласных в тюркских языках. – ИСГТЯ, ч.1, с. 122-159.
140. Исхаков Ф.Г. Долгие гласные в тюркских языках. – ИСГТЯ, ч. 1, с. 160-174.
141. Исхаков Ф.Г. Общая характеристика тюркского вокализма. – ИСГТЯ, ч. 1, с. 53-59.
142. Исхаков Ф.Г. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. – ИСГТЯ, ч. 1, с. 60-114.
143. Исхаков Ф.Г. Явления сложной ассимиляции согласных, возникающие при выпадении беглых гласных, в тувинском и якутском языках. – ИСГТЯ, ч. 1, с. 314-319.
144. Исхаков Ф.Г. Имя прилагательное. – ИСГТЯ, ч. 2, с. 143-175.
145. Исхаков Ф.Г. Формы настоящего времени глагола изъявительного наклонения в тувинском языке. – ИСГТЯ, ч. 2, с. 304-313.
146. Исхаков Ф.Г. Числительное. – ИСГТЯ, ч. 2, с. 176-207.
147. Исхаков Ф.Г. Тувинский язык. Материалы для научной грамматики. Очерк по фонетике. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 123 с.
148. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – 472 с.
149. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, областей и округов. М.: Статистика, 1973. – 648 с.
150. Кайдаров А.Т. Уйгурский (новоуйгурский) язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М.: Наука, 1966, с. 363-386.
151. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903. – XLII, 1540, LX с.
152. Кобешавидзе И.Н. К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей. – СТ, 1972, №2, с. 40-46.
153. Кобешавидзе И.Н. Разграничение сфер глагольного словообразования и словоизменения в языке орхоно-енисейских надписей. – СТ, 1972, №5, с. 91-95.
154. Коклянова А.А. Категория времени в современном узбекском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 124 с.
155. Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л.: ЛГУ, 1970. – 65 с.
156. Кондратьев В.Г. Об отношении языка памятников орхоно-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников. – СТ, 1973, №3, с. 23-27.
157. Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII-XI. Л.: ЛГУ, 1981. – 191 с.
158. Кононов А.Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. – В кн.: Тюркологический сборник. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 112-119.

159. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
160. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.
161. Кононов А.Н. Актуальные тюркологические заметки. – СТ, 1975, №2, с. 77-86.
162. Кононов А.Н. О природе тюркской агглютинации. – ВЯ, 1976, №4, с. 3-17.
163. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. – 307 с.
164. Коркина Е.И. Перифрастические формы типа –ар/-бат буол- в якутском языке. – В кн.: Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976, с. 29-41.
165. Кормушин И.В. О пассивном значении каузативных глаголов. – В кн.: Turcologica. К 70-летию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1976, с. 89-93.
166. Коротков Н.Н., Панфилов В.З. О типологии грамматических категорий. – ВЯ, 1965, №1, с. 37-47.
167. Корш Ф.Е. Классификация турецких племен по языкам. – Этнографическое обозрение, кн. 84-85, №1-2. М., 1910, с. 114-128.
168. Кузнецов П.И. Аспект и акционал в турецком языке (к выходу в свет монографии Л. Йо-хансона). – СТ, 1975, №3, с. 68-81.
169. Кузнецов П.И. К вопросу об имени прилагательном в турецком языке. – СТ, 1976, №6, с. 3-14.
170. Кузнецов П.И. О грамматических категориях имени существительного в турецком языке (к выходу первой части «Курса турецкой грамматики»). – СТ, 1977, №5, с. 27-35.
171. Кулиев Г.К. Семантические группы глаголов (на материале юго-западной группы тюркских языков). – СТ, 1975, №3, с. 7-16.
172. Кунаа А.Ч. Звуковой состав тесхемского говора тувинского языка. Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1958.
173. Курманбаев Н.М. К проблеме происхождения морфологических формантов. – ВЯ, 1978, №3, с. 83-91.
174. Кыргыз тилинин грамматикасы. Морфология. Фрунзе, 1964 (на киргизском языке). – 379 с.
175. Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. – 206 с.
176. Летягина Н.И., Насилов Д.М. Пассив в тувинском языке. – СТ, 1974, №1, с. 13-24.
177. Любимов К.М. Система грамматических времен в современном турецком языке. – СТ, 1970, №2, с. 44-63.
178. Любимов К.М. О числовом значении нулевой формы тюркских существительных. – СТ, 1972, №5, с. 78-83.
179. Любимов К.М. Система деепричастий в современном турецком языке. – СТ, 1977, №4, с. 36-46.
180. Майзель С.С. Изафет в турецком языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 186 с.
181. Макаев Э.А. Вопросы построения сравнительной грамматики тюркских языков. – СТ, 1971, №2, с. 21-25.
182. Малов С.Е. К изучению турецких числительных. – В кн.: Академику Н.Я. Марру. Л.: Изд-во АН СССР, 1935, с. 271-277.
183. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.
184. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки. – Известия АН СССР, ОЛЯ, т. XI, вып. 2, 1952, с. 135-143.
185. Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1957. – 197 с.
186. Мамедов А.М. Древнетюркская акцентуация и некоторые вопросы развития фонологических систем тюркских языков. – СТ, 1970, №5, с. 58-69.
187. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. – 327 с.
188. Матусевич М.И. Л.В. Щерба как фонетик. – В кн.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л.: ЛГУ, 1951, с. 73-81.
189. Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. М.: Учпедгиз, 1959. – 135 с.
190. Мельников Г.П. Значения и смыслы простых форм гагаузского глагола настоящего и будущего времени. – СТ, 1976, №5, с. 16-27.

191. Меновщиков Г.А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа. – ВЯ, 1970, №1, с. 82-88.
192. Михайлов М.С. К вопросу об аберрации залога в турецком языке. – В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 211-232.
193. Михайлов М.С. Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М.: Наука, 1965. – 131 с.
194. Монгуш Д.А. О временных формах в тувинском языке. – Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, 1959, вып. 7, с. 85-92.
195. Монгуш Д.А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1963. – 167 с.
196. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. – 344 с.
197. Надеяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.-Л., 1960. – 66 с.
198. Надеяев В.М. Особенности звуковой системы языка тофов. – В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969, с. 235-236.
199. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. – 86 с.
200. Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. – 122 с.
201. Насилов В.М. Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма. – ВЯ, 1971, №1, с. 104-110.
202. Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. М.: Наука, 1974. – 101 с.
203. Насилов В.М. Некоторые особенности словообразования в древнетюркских памятниках. – СТ, 1978, №3, с. 3-6.
204. Насилов Д.М. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках. – ВЯ, 1960, №3, с. 93-97.
205. Насилов Д.М. Прошедшее время на –jük/-juq в древнеуйгурском языке и его рефлекс в современных языках. – В кн.: Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М.: Наука, 1966, с. 92-104.
206. Насилов Д.М. Типологические сопоставления в рамках сравнительно-исторического изучения отдельных грамматических категорий в тюркских языках. – СТ, 1971, №2, с. 59-66.
207. Насилов Д.М. А.Н. Самойлович о классификации тюркских языков. – СТ, 1973, №5, с. 76-83.
208. Насилов Д.М. Еще раз о виде в тюркских языках. (К истории вопроса). – В кн.: Turcologica. К 70-летию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1976, с. 111-120.
209. Нигматов Х.Г. Отыменное словообразование тюркского глагола в XI веке. – СТ, 1971, №3, с. 33-42.
210. Нигматов Х.Г. Залог глагола в восточно-тюркском языке XI-XII вв. – СТ, 1973, №1, с. 46-61.
211. Оралбаева Н. Категория характера протекания действия в современном казахском языке. – СТ, 1971, №5, с. 95-100.
212. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. 3. СПб., 1788.
213. Пальмбаха А.А. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка. – ИСГТЯ, ч. 1, с. 175-181.
214. Пальмбаха А.А., Исаков Ф.Г. Придыхательные и непридыхательные смычные согласные в тувинском языке. – ИСГТЯ, ч. 1, с. 254-260.
215. Пальмбаха А.А., Исаков Ф.Г. Явления метатезы в тувинском и некоторых других тюркских языках. – ИСГТЯ, ч. 1, с. 293-297.
216. Панфилов В.З. Становление и развитие категории количества. – ВЯ, 1971, №5, с. 3-18.
217. Панфилов В.З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития. – ВЯ, 1976, №4, с. 18-38.
218. Панфилов В.З. Категории мышления и языка. Становление и развитие категории качества. – ВЯ, 1976, №6, с. 3-18.
219. Патачакова Д.Ф. Система звуков качинского диалекта. – Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1959, вып. 7, с. 21-51.

220. Патачакова Д.Ф. Качинский диалект. – В кн.: Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы. Абакан, 1973, с. 7-27.
221. Патачакова Д.Ф. Формирование признаков диалектного членения хакасского языка. (На материале фонетики). – СТ, 1974, №4, с. 19-24.
222. Патачакова Д.Ф. Формы настоящего времени в кызыльском диалекте хакасского языка. – Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1976, №3, серия филологическая, вып. 20, с. 123-135.
223. Поцелуевский Е.А. Сравнительная степень и свободное употребление прилагательных. – ВЯ, 1977, 5, с. 62-71.
224. Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи. Л.: ЛГУ, 1980. – 151 с.
225. Прокофьев Г.Н. Селькупская остяко-самоедская грамматика. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 131 с.
226. Псянчин В.Ш. История развития форм порядковых, разделительных и собирательных числительных в тюркских языках. – СТ, 1973, №3, с. 49-58.
227. Псянчин В.Ш. К истории развития аффиксов сравнительной и уменьшительной степеней прилагательных в башкирском языке. – СТ, 1976, №6, с. 15-23.
228. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IX. – Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Тексты, Спб., 1907. – XXXII, 668, X УШ.
229. Рамтедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Пер. с немецкого. М.: ИЛ, 1957. – 254 с.
230. Рассадин В.И. О тофаларской лексике. – В кн.: Исследования по языку и фольклору. Вып. 1. Новосибирск: Наука, 1965, с. 171-183.
231. Рассадин В.И. Лексика современного тофаларского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1966.
232. Рассадин В.И. Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке. – В кн.: Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1968, с. 187-191.
233. Рассадин В.И. Тюркизмы в бурятском языке. – В кн.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ; Бурятское кн. изд-во, 1969, с. 129-134.
234. Рассадин В.И. Этапы истории тофаларов по языковым данным. – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 11-13 мая 1969 г. Томск: Изд-во ТГУ, 1969, с. 34-37.
235. Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ; Бурятское кн. изд-во, 1971. – 251 с.
236. Рассадин В.И. К сопоставлению тофаларского и тувинского языков. – В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР»: Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата: Наука, 1976, с. 228-230.
237. Рассадин В.И. Некоторые особенности морфологии тофаларского языка. – В кн.: Turcologica. К 70-летию академика А.Н. Кононова. М.: Наука, 1976, с. 133-141.
238. Рассадин В.И. Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка. – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции 3-5 июня 1976 г. Томск, 1976, с. 57-60.
239. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. – 287 с.
240. Рассадин В.И. История этнографического и лингвистического изучения тофаларов. – В кн.: Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1978, с. 189-208.
241. Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. – 115 с.
242. Русско-шорский словарь. Новосибирск, 1940.
243. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Пер. с немецкого. М.: ИЛ, 1955. – 221 с.
244. Самойлович А. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг.: Издание ПИЖВЯ, 1922. – 15 с.
245. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 240 с.
246. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Ч. 2. Глагол. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. – 266 с.

247. Сат Ш.Ч. Причастие в тувинском языке. – Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, 1959, вып. 7, с. 76-84.
248. Сат Ш.Ч. Образование формы условного наклонения в тувинском языке. – Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, 1968, вып. 13, с. 236-241.
249. Сат Ш.Ч. Синтаксические функции причастия в тувинском языке. Кызыл, 1969.
250. Севортян Э.В. Фонетика турецкого литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 152 с.
251. Севортян Э.В. К проблеме частей речи в тюркских языках. – В кн.: Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 188-225.
252. Севортян Э.В. Ассимиляция и диссимиляция согласных в южных тюркских языках. – ИСГТЯ, ч. 1, с. 307-313.
253. Севортян Э.В. Выпадение согласных в южных тюркских языках. – ИСГТЯ, ч. 1, с. 289-292.
254. Севортян Э.В. Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков. – ИСГТЯ, ч. 1, с. 13-52.
255. Севортян Э.В. Категория принадлежности. – ИСГТЯ, ч. 2, с. 22-37.
256. Севортян Э.В. Словообразование в тюркских языках. – ИСГТЯ, ч. 2, с. 314-328.
257. Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 643 с.
258. Севортян Э.В. Из истории прилагательных в тюркских языках. – В кн.: Тюркологические исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 58-68.
259. Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966. – 437 с.
260. Севортян Э.В. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. – СТ, 1970, №3, с. 3-16.
261. Севортян Э.В. Об «Этимологическом словаре тюркских языков». – ВЯ, 1971, №6, с. 74-87.
262. Севортян Э.В. О содержании термина «общетюркский». – СТ, 1971, №2, с. 3-12.
263. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. – 767 с.
264. Серебренников Б.А. Проблема субстрата. – Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, 1956, №9, с.
265. Серебренников Б.А. Проблема глагольного вида в тюркских языках. – В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания. Алма-Ата, 1958, с.
266. Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 300 с.
267. Серебренников Б.А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков. – ВЯ, 1960, №4, с. 65-70.
268. Серебренников Б.А. К проблеме классификации тюркских языков. – ВЯ, 1961, №4, с. 60-73.
269. Серебренников Б.А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса –lag в тюркских языках. – СТ, 1970, №1, с. 49-53.
270. Серебренников Б.А. Из истории звуков и форм тюркских языков. – СТ, 1974, №6, с. 3-17.
271. Серебренников Б.А. К истории суффикса деноминативных глаголов –la в тюркских языках. – СТ, 1972, №5, с. 64-68.
272. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. – 352 с.
273. Серебренников Б.А. Происхождение аффиксов звукоподражательных глаголов в тюркских языках. – СТ, 1977, №1, с. 3-7.
274. Серебренников Б.А. Два этюда из истории тюркских языков. – СТ, 1978, №1, с. 3-7.
275. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Учебное пособие для вузов. Баку: Маариф, 1979. – 304 с.
276. Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1962. – 452 с.
277. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М.: Наука, 1969. – 380 с.
278. Тадыкин В. Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971. – 173 с.

279. Талипов Т. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Алма-Ата: Наука, 1968. – 108 с.
280. Талипов Т. Развитие фонетической структуры уйгурского языка. Алма-Ата: Наука, 1972. – 98 с.
281. Татаринцев Б.И. Характер изменений звукового комплекса с интервокальным к в тувинском языке. – СТ, 1974, №6, с. 18-27.
282. Тенишев Э.Р. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. – В кн.: Тюркологические исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 136-151.
283. Тенишев Э.Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу. – В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков, т. III. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1963, с. 124-135.
284. Тенишев Э.Р. К понятию «общетюркское состояние». – СТ, 1971, №2, с. 13-16.
285. Тенишев Э.Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников. – СТ, 1973, №2, с. 40-55.
286. Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М.: Наука, 1976. – 575 с.
287. Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. М.: Наука, 1976. – 307 с.
288. Трофимов М.И. Анлаутный j, геминаты и глухие дифтонги в современном уйгурском языке. – СТ, 1974, №6, с. 28-36.
289. Тувинско-русский словарь. Под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. – 646 с.
290. Тумашева Д.Г. Перифрастические формы татарского глагола. – В кн.: Вопросы татарского языкознания. Книга 2. Изд-во Казанского ун-та, 1965, с. 147-184.
291. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам: Автореф. Дисс. ... докт. филол. наук, М., 1969.
292. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Изд-во Казанского ун-та, 1977.
293. Тумиянц Л.Р. О неграмматичности категории числа имен существительных в туркменском языке. – СТ, 1976, №4, с. 46-55.
294. Турсунов А. Категория времени глагола в киргизском языке. – В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках: Материалы совещания. Баку, 1968, с. 64-70.
295. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1. Простое предложение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 304 с.
296. Убрятова Е.И. Якутский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М.: Изд-во АН СССР, 1966, с. 403-427.
297. Убрятова Е.И. Следы древнетюркского, древнеуйгурского и древнекиргизского языков в тюркских языках Сибири. – В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР»: Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата: Наука, 1976, с. 58-61.
298. Убрятова Е.И. Некоторые древние ареальные явления в языках народов Сибири. – В кн.: Язык и топонимия. Томск, 1976, с. 59-61.
299. Убрятова Е.И. Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири. – В кн.: Языки народов Сибири, вып. 3. Кемерово, 1980, с. 16-30.
300. Убрятова Е.И. Язык народа как исторический источник. – В кн.: Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980, с. 17-25.
301. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 1. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1980. – 172 с.
302. Фисакова Г.Г. Образование настоящего времени данного момента в говоре бачатских телеутов. – В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюзной конференции 3-5 июня 1976 г. Томск, 1976, с. 76-80.
303. Фисакова Г.Г. Формы выражения прошедшего и будущего времен изъявительного наклонения в языке бачатских телеутов. – В кн.: Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976, с. 111-121.
304. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск: Якгиз, 1947. – 311 с.
305. Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.

306. Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 179 с.
307. Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 126 с.
308. Хыдыров М.Н. К истории изучения формы настоящего времени глагола в юго-западной группе тюркских языков. – СТ, 1971, №6, с. 45-49.
309. Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1974. – 136 с.
310. Чанков Д.И. Согласные хакасского языка. (Опыт экспериментального исследования). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1957. – 107 с.
311. Чанков Д.И. Гласные хакасского языка. – Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1973, №2, серия филологическая, вып. 18, с. 5-18.
312. Чарыяров Б.Ч. Особенности употребления определенного будущего времени в тюркских языках. – СТ, 1977, №2, с. 15-23.
313. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. – 803 с.
314. Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования. М.: Наука, 1965. – 142 с.
315. Шагдаров Л.Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ; Бурятское кн. изд-во, 1962. – 147 с.
316. Широбокова Н.Н. Об ассимиляции в якутском языке. – В кн.: Сибирский фонетический сборник. Улан-Удэ, 1976, с. 18-26.
317. Щербак А.М. «Деепричастие» на –a/-ä (-j) в тюркских языках. – В кн.: Вопросы грамматики. К 75-летию академика И.И. Мещанинова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 226-235.
318. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1971. – 204 с.
319. Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 274 с.
320. Щербак А.М. О тюркском вокализме. – В кн.: Тюркологические исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 24-40.
321. Щербак А.М. О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках. – ВЯ, 1967, №6, с. 34-47.
322. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. – 204 с.
323. Щербак А.М. Формы числа у имен в тюркских языках. – ВЯ, 1970, №3, с. 87-99.
324. Щербак А.М. Падежные формы в тюркских языках. – ВЯ, 1971, №1, с. 84-88.
325. Щербак А.М. К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания. – СТ, 1972, №4, с. 3-11.
326. Щербак А.М. Существовал ли в тюркском праязыке дательно-направительный падеж на –к? – СТ, 1973, №3, с. 59-62.
327. Щербак А.М. Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках. – СТ, 1974, №1, с. 31-40.
328. Щербак А.М. Еще раз к вопросу о реконструкции тюркского архетипа анлаутных j~ž~z~š~š~s... - СТ, 1974, №4, с. 80-84.
329. Щербак А.М. К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках. – ВЯ, 1975, №5, с. 18-29.
330. Щербак А.М. О происхождении формы условного наклонения в тюркских языках. – СТ, 1976, №2, с. 13-21.
331. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л.: Наука, 1977. – 191 с.
332. Щербак А.М. О способах и исторической глубине образования морфологических элементов в тюркских языках. – ВЯ, 1978, №4, с. 32-46.
333. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. – 973 с.
334. Юлдашев А.А. Категория глагольного вида в башкирском языке. – В кн.: Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 362-386.
335. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 195 с.
336. Юлдашев А.А. Принципы выделения и трактовки категории залога в башкирском языке. – В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 233-244.

337. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. – 275 с.
338. Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1977. – 270 с.
339. Юлдашев А.А. Лексикализация тюркских грамматических форм как объект словообразовательной морфологии и словаря. – ВЯ, 1977, №1, с. 62-73.
340. Юнусалиев Б.М. Киргизский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 482-505.
341. Böhlingk O.N. Ueber die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. St.-Pb., 1851. – LVIII, 300, 97, 184 s.
342. Castrèn M.A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. Hrag. von A. Schiefner. St.-Pb., 1857. – XIX, 210 s.
343. Doerfer G. Khalaj Materials. Bloomington, 1971. – 338 p.
344. Doerfer G., Tezcan S. Wörterbuch des Chaladsch. (Dialekt von Charrab). Budapest, 1980. – 232 s.
345. Gabain A. von Altürkische Grammatik. Leipzig, 1950. – 373 s.
346. Janhunen J. On Glottalization in Sayan Turkic. – In: Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures, N 13, Hokkaido University, 1980, p. 23-41.
347. Kałużyński St. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961. – 170 s.
348. Menges K.H. Das Sojonische und Karagassische. – In: Philologica Turcicae Fundamenta. T. 1. Wiesbaden, 1959, s. 640-670.
349. Menges K.H. Die türkische Sprachen Süd-Sibiriens. III. Tuba (Sojon und Karagas). Zur Charakteristik einer einzelnen Sibirisch-türkischen Gruppe. – In: Central Asiatic Journal, 1959, vol. IV, N 2, s. 90-129; vol. V, N 2, s. 97-150.
350. Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Anders Heft. Consonanten. Leipzig, 1883.
351. Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. – XXX, 560 s.
352. Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968. – 419 p.

Список принятых сокращений

азерб. – азербайджанский язык
алт. – алтайский язык
алыгдж. – алыгджерский говор тофаларского языка
асс. – ассанский язык
ар. – аринский язык
башк. – башкирский язык
бур. – бурятский язык
бур.-лит. – бурятский литературный язык
бур.-нижнеуд. – нижнеудинский говор бурятского языка
бур.-окинск. – окинский говор бурятского языка
гутар. – гутаринский говор тофаларского языка
др.-тюрк. – древнетюркский язык
др.-уйг. – древнеуйгурский язык
ж.-уйг. – язык желтых уйгуров
зап.-бур. – западнобурятские говоры
имб. – имбатский говор кетского языка
каз. – казахский язык
калм. – калмыцкий язык
кач. – качинский диалект хакасского языка
кет. – кетский язык
кирг. – киргизский язык
к.-калп. – каракалпакский язык
койб. – койбальский диалект хакасского языка
кот. – котский язык
куманд. – кумандинский диалект алтайского языка
монг. – монгольский язык
нган. – нганасанский язык
ног. – ногайский язык
орх.-енис. – язык орхоно-енисейских тюркских памятников
пумп. – пумпакольский говор кетского языка
русск. – русский язык
саг. – сагайский диалект хакасского языка
салар. – саларский язык
сев.-алт. – северные диалекты алтайского языка
сельк. – селькупский язык
ср. – сравни
ср.-монг. – средневековый монгольский язык
стп.-м. – старописьменный монгольский язык
тат. – татарский язык
тоф. – тофаларский язык
тубал. – тубаларский диалект алтайского языка
тув. – тувинский язык
тув.-тодж. – тоджинский диалект тувинского языка
тур. – турецкий язык
уйг. – уйгурский язык
уйг.-ур. – уйгуро-урянской язык
хак. – хакасский язык
халадж. – халаджский язык
х.-монг. – халхаский диалект монгольского языка
шор. – шорский язык
эв. – эвенский язык
эвенк. – эвенкийский язык
юж.-алт. – южные диалекты алтайского языка
як. – якутский язык

ВЯ – «Вопросы языкознания», Москва.
ИСГТЯ – «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч. 1. Фонетика. М.: Изд-во АН СССР, 1955; Ч. 2. Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956; Ч. 3. Синтаксис. М.: Изд-во АН СССР, 1961; Ч. 4. Лексика. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
СТ – «Советская тюркология», Баку.
АОН – «Acta Orientalia Academiae scientiarum hungaricae», Budapest.

Условные обозначения

- < дало, развилось в
- > взято из, заимствовано из, развилось из
- // параллельно имеется
- / вариант
- ~ вариант

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА	11
§ 1. Вокализм	11
1. Общие особенности вокализма	11
2. Описание гласных фонем	16
Гласные твердого ряда	16
Гласные мягкого ряда	18
3. Дифтонги	19
4. Причины развития долгих гласных	20
§ 2. Консонантизм	21
1. Общие особенности консонантизма	21
2. Описание согласных фонем	27
Губные	27
Переднеязычные	28
Среднеязычные	29
Заднеязычные	30
Увулярные	31
Фарингальные	31
Гортанные	31
§ 3. Звуки в потоке речи	32
1. Гармония гласных	32
2. Чередование и варьирование гласных	34
3. Вставка, ослабление и выпадение гласных	34
4. Позиционно-комбинаторное употребление согласных	35
5. Чередование согласных	37
6. Ассимиляция согласных	38
7. Метатеза, гаплогогия, стяжение	39
§ 4. Рекомендации по выработке письменности для тофаларского языка	39
Глава II. ЛЕКСИКА ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА	42
§ 1. Тюркская лексика в тофаларском языке	42
1. Общетюркская лексика	48
2. Лексика, корреспондирующая с отдельными группами тюркских языков	49
3. Древнетюркская лексика	50
4. Тюрко-монгольская лексика	51
§ 2. Нетюркская лексика в тофаларском языке	51
1. Лексика неизвестного происхождения	51
2. Лексика, сопоставимая с самодийской, кетской и тунгусо-маньчжурской	53
3. Заимствования из монгольских языков	56
Среднемонгольские лексические заимствования	57
Бурятские лексические заимствования	67
4. Заимствования из русского языка	71
§ 3. Семантическая характеристика лексики тофаларского языка	74
1. Многозначность и изменение значений слов	74
2. Омонимы	76
3. Синонимы	80
4. Антонимы	82
5. Табу слов и эвфемизмы	83
Глава III. СИСТЕМА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА	87
§ 1. Условно-непроизводные основы	87

§ 2. Неаффиксальные способы словообразования	90
1. Лексико-семантический способ	90
2. Лексико-морфологический способ	90
3. Лексико-синтаксический способ	92
§ 3. Аффиксальный способ словообразования	97
1. Аффиксы, образующие существительные	98
Аффиксы отыменного словообразования	98
1) Продуктивные аффиксы	98
2) Непродуктивные аффиксы	99
Аффиксы отглагольного словообразования	100
1) Продуктивные аффиксы	100
2) Непродуктивные аффиксы	102
Аффиксы отглагольно-именного словообразования	105
2. Аффиксы, образующие прилагательные	106
Аффиксы отыменного словообразования	106
1) Продуктивные аффиксы	106
2) Непродуктивные аффиксы	106
Аффиксы отглагольного словообразования	107
Аффиксы отглагольно-именного словообразования	110
3. Аффиксы, образующие числительные	110
4. Глаголообразующие аффиксы	112
1) Продуктивные аффиксы	112
2) Непродуктивные аффиксы	114
5. Аффиксы, образующие наречия	116

Глава IV. СИСТЕМА СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Формы словоизменения имени	118
1. Формы числа	118
2. Формы принадлежности	120
3. Формы падежа	121
4. Формы диминутива	125
5. Формы количественной характеристики признака	126
§ 2. Формы словоизменения глагола	129
1. Залоговые формы	129
Основной залог	129
Возвратный залог	130
Страдательный залог	130
Совместно-залоговой залог	131
Понудительный залог	131
Сочетание залогов	132
2. Вид и формы, выражающие характер протекания действия	132
Видовые формы звукоподражательных и образных глаголов	135
Вид и видовые формы у глаголов действия-состояния	136
3. Формы модальности	140
4. Отрицательная форма глагола	141
5. Неличные формы глагола	142
Деепричастие	142
Причастие	145
Инфинитив	148
6. Личные формы глагола	148
Категория времени	148
1) Настоящее время	149
а) Форма настоящего обычного времени	149
б) Форма настоящего продолженного времени	150
в) Форма настоящего продолженного времени	151

2) Прошедшее время.....	152
а) Форма прошедшего категорического времени.....	152
б) Форма прошедшего перфективного времени.....	153
в) Форма прошедшего субъективного времени.....	154
3) Будущее время.....	155
а) Форма будущего категорического времени.....	156
б) Форма будущего предположительного времени.....	156
4) Релятивное употребление времен.....	157
5) Перифрастические формы.....	158
Категория наклонения.....	158
1) Повелительное наклонение.....	159
2) Желательное наклонение.....	160
3) Опасительное наклонение.....	160
4) Условное наклонение.....	161
5) Уступительное наклонение.....	161
6) Сослагательное наклонение.....	162
§ 3. Словоизменительные формы местоимений.....	162
Глава V. МЕСТО ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ	
ЯЗЫКОВ.....	165
§ 1. Данные сравнительной фонетики.....	165
1. Особенности тофаларского вокализма.....	165
2. Особенности тофаларского консонантизма.....	173
§ 2. Данные сравнительной морфологии.....	184
1. Особенности тофаларского словообразования.....	184
2. Особенности тофаларского формообразования и словоизменения.....	189
§ 3. Место тофаларского языка в системе тюркских языков.....	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	199
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	201
Библиография.....	201
Список принятых сокращений.....	213
Условные обозначения.....	214

Рассадин Валентин Иванович

**СОВРЕМЕННЫЙ ТОФАЛАРСКИЙ ЯЗЫК
И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ**

Научное издание

Подписано в печать 29.07.14. Формат 60x84/8.
Печать офсетная. Бумага тип. № 1. Усл. п. л. 25,34.
Тираж 100 экз. Заказ 2543.

Издательство Калмыцкого университета.
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11